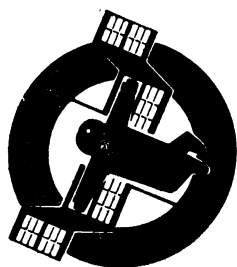
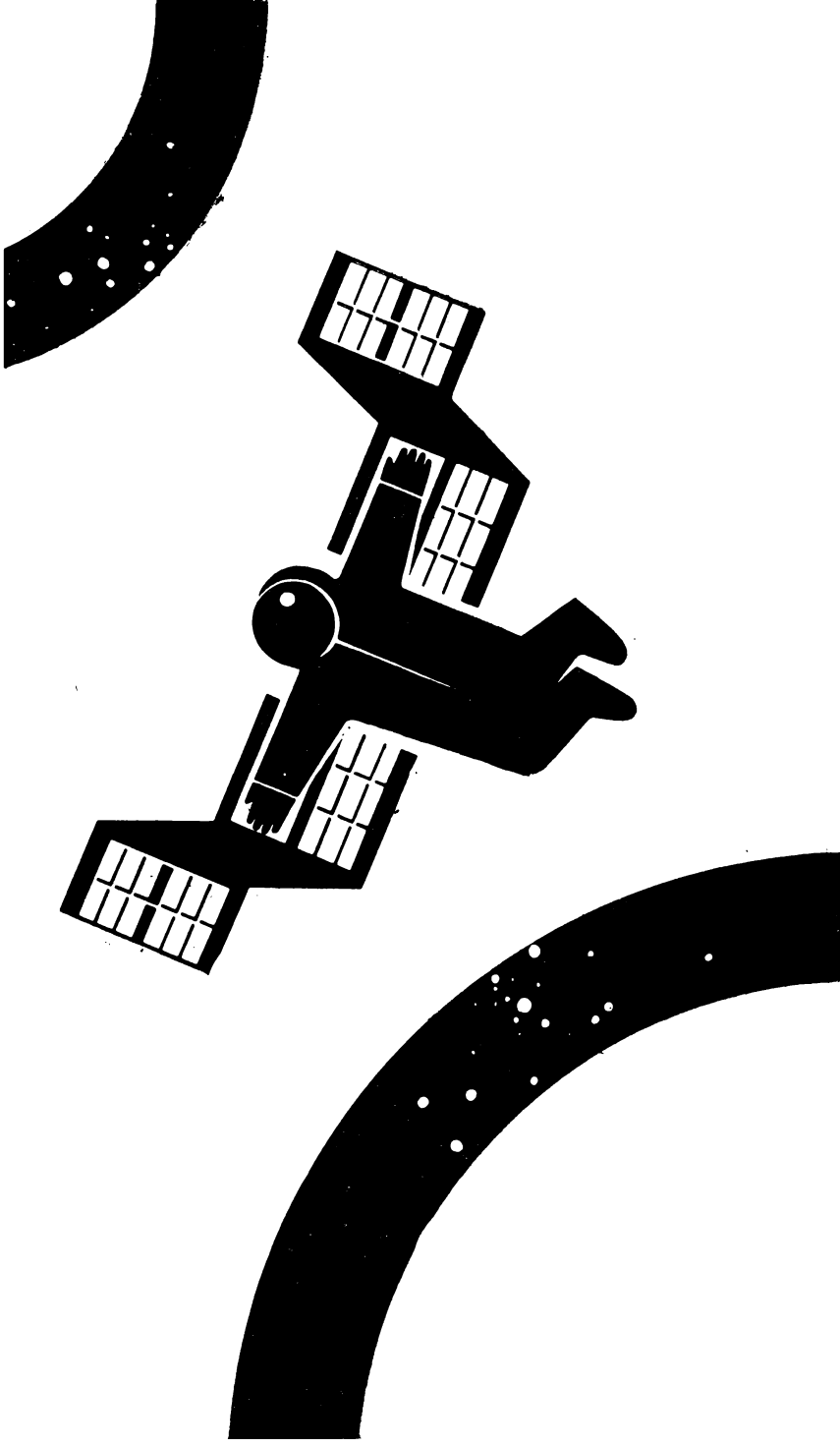

Р
УМБЫ
АНТАСТИКИ

7P
УМБЫ
АНТАСТИКИ

СЕМИНАР МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА,
РАБОТАЮЩИХ В ЖАНРЕ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

сборник

7Р
УМБЫ
АНТАСТИКИ

Составитель
А. ЯРУШКИН

НОВОСИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

**ББК 84 Р7
Р69**

Рецензент Медведев Ю. М.

Р69 Румбы фантастики: Сборник/Сост. А. Г. Яруш-
кин. — Новосибирское книжное издательство, 1988. —
512 с.

Сборник фантастических произведений (рассказы, повести) молодых писателей-фантастов Сибири и Дальнего Востока. Составлен по материалам постоянно действующего Семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, работающих в жанре фантастики и приключений.

Р $\frac{4702010200-079}{M143(03)-88}$ без объявл.— 88

ББК 84 Р7

Новосибирское книжное издательство, 1988
Семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока,
работающих в жанре фантастики и приключений

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник, который вы держите в руках, не совсем обычен. Он увидел свет в результате встречи молодых писателей-фантастов Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся в июне прошлого года в Новосибирске. Инициаторами встречи-семинара были издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Новосибирский обком комсомола, Новосибирская писательская организация и редакция журнала «Сибирские огни», а ее участники приехали из Томска и Хабаровска, Кузбасса и Алтая — со всех концов необъятной страны, которая зовется Сибирью.

Когда летишь над этими просторами и думаешь, как лет пять-сот или триста или двести лет тому назад сюда, навстречу солнцу, пробивались наши предки, невольно представляешь, какими же фантастическими свойствами характера, какой храбростью, упорством, силой, интуицией они должны были обладать, чтобы покорить эти не так уж легко покоряемые земли. И сегодняшняя, казалось бы, уже обжитая Сибирь по-прежнему остается краем, проверяющим людей на прочность, краем, не признающим путей шаблонных, незамысловатых. Думается, что немногим местам на планете присуще подобное свойство фантастичности окружающего мира. Сибирь дала отечественной фантастике немало мастеров. Вспомним имена Петра Драверта, Антона Сорокина, Вивиана Итина. Немало лет провел на сибирской земле Иван Антонович Ефремов. Каждому любителю НФ-литературы известны Аскольд Якубовский и Вячеслав Назаров. Здесь плодотворно и интересно работают Виктор Колупаев, Борис Лапин, Геннадий Прашкевич. В Сибири родились Юрий Медведев и Владимир Щербаков, здесь стал писателем Сергей Павлов, а совсем недавно уверенно заявил о себе Олег Корабельников.

Именно писатели-сибиряки — люди, духовно связанные с этой землей, руководили работой семинара. Они ехали в Новосибирск с желанием познакомиться, увидеть новую, молодую фантастическую поросль большого сибирского региона, и эти надежды оправдались. Часть произведений, обсужденных на семинаре, вошла в состав первого выпуска сборника «Румбы фантастики».

В навигации термин «румб» применяется для обозначения направления движения корабля. Молодые авторы-сибиряки тоже ищут свои направления в море фантастики. Рядом с традиционными для научной фантастики рассказами Василия Карпова читатель найдет под обложкой сказочную повесть Елены Грушко, философскую фантастику Евгения Сыча, построенную по законам приключенческой литературы повесть Александра Бушкова... Горизонт принято делить на тридцать два румба, число путей в фантастике неизмеримо больше. Впрочем, внимательный читатель

наверняка рассмотрит за разнообразием стилей и подходов и черты единства, свойственные авторам сборника. Трудно не заметить и перекличку названия «Румбы фантастики» с названием сборника рассказов И. А. Ефремова «Семь румбов». Такое сходство не случайно. Творчество Ивана Антоновича, принципы развития советской фантастической литературы, заложенные и развитые им, имеют непреходящее значение для молодых писателей, да и сам семинар был посвящен 80-летию со дня рождения выдающегося писателя-фантаста. Недаром раздел, открывающий сборник, так и называется «Школа Ефремова».

Наверное, надо объяснить еще одно обстоятельство. Новосибирск был выбран местом проведения семинара недаром. Именно здесь более десяти лет работает литобъединение «Амальтея», которым руководит один из старейших мастеров жанра Михаил Петрович Михеев, книги которого хорошо известны любителям научной фантастики. Опытная и заботливая рука Михаила Петровича помогла сделать первые шаги в литературе доброму десятку молодых фантастов. В то же время в сборнике, который вы, читатель, держите в руках, творчество новосибирцев представлено довольно скромно. Объясняется этот факт довольно просто: хозяева семинара решили отдать большую часть объема сборника гостям — иногородним участникам семинара и представителям других семинаров и клубов любителей фантастики. Именно поэтому в первом выпуске «Румбов фантастики» нет произведений Александра Бачило, Михаила Шабалина, Владимира Галкина, Александра Шведова, Олега Костмана, Таисии Пьянковой и других новосибирцев, а творчество Евгения Носова, Виталия Пищенко и Анатолия Шалина представлено ранними рассказами, хотя на семинаре обсуждались и получили положительную оценку представленные ими повести. Остается надеяться, что в следующих выпусках сборника найдется место как для этих авторов, так и для других участников Семинара.

Основания для такого оптимизма есть. За полгода, прошедшие со дня встречи в Новосибирске, семинар стал молодежным объединением со своим уставом и финансовым статусом. Еще несколько лет назад такое едва ли могло быть возможным. Но перестройка, происходящая в наши дни во всех сферах общественной жизни страны, открывает пути перед инициативой, энтузиазмом, талантом. Фантастически прекрасный путь расстилается перед участниками семинара, перед вами, уважаемые читатели, перед каждым советским человеком. Так в путь же!

*Виталий Севастьянов,
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР.*

сборник
9P
УМБЫ
АНТАСТИКИ

Щ **ко**ла
Е **фре**мова

ИВАН ЕФРЕМОВ

ЮРИЙ МЕДВЕДЕВ

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

ПРЕЛЕСТЬ НЕОБЫЧАЙНОГО

Иван Ефремов,

доктор биологических наук,
писатель-фантаст

Иной современный горожанин, сильно утративший связь с природой, склонен забывать, сколь длинны и труднопреодолимы большие расстояния в тайге или степи, как темны ночи в необъятности гор, как грозно режут волны в ночном океане, как трудно пробивать себе путь под землей или добывать богатства природы из-под земли, у лесов и рек. В размеренной рутине городской жизни многим из нас представляются совершенно невероятными сообщения о каких-то неожиданных фактах, непонятных происшествиях, которые не укладываются в рамки общепринятых канонов. Мы с юмором принимаем различного рода суеверия таежников, рыбаков, охотников, моряков, даже геологов и летчиков. Но эти суеверия не случайны: в их основе — понимание, что природа изучена еще далеко не в полной мере и ожидать от нее можно самых невероятных вещей.

В свое время, когда живы были Тимирязев, Ферсман, Обручев и другие ученые-энциклопедисты, мне доводилось обсуждать с некоторыми из них различные малоизвестные, а потому загадочные и таинственные явления природы. Несмотря на свой огромный научный авторитет, эти выдающиеся исследователи никогда не отрицали возможности существования подобных явлений только потому, что сами они об этом ничего не знали. Более того, они всегда были за публичность обсуждения подобных явлений, за новые споры и поиски. Они прекрасно понимали, что, закрывая для таких фактов страницы газет и журналов, мы как бы выбрасываем их из оборотного фонда знаний человечества.

Поэтому я с удовлетворением прочитал статью А. Горбовского «Динозавры среди нас?» («Неделя» № 26, 1972). И хотя иным читателям она, как показывает

почта, кажется слишком категоричной, например, заявление о чудовище, якобы живущем в озере Хайыр, мне, напротив, статья представляется весьма сдержанной в разговоре о неизвестных и непонятных явлениях природы. Между тем факты, приводимые автором (конечно, не все их можно назвать бесспорными), далеко не исчерпывают список сообщений о встречах человека с животными, которых принято считать вымершими или вообще никогда не существовавшими, не известными науке. Я не говорю уже о сообщениях, дошедших до нас в фольклорной форме — об «олгой-хорхое», гигантском червяке монгольских пустынь, убивающем на расстоянии, о преданиях юкагирских и других племен Восточной Сибири, об охоте на гигантских черных быков с рогом на лбу. Можно было бы найти много свидетельств о том, что в фольклоре содержатся упоминания о вымерших животных, исчезнувших недавно, несколько тысяч лет назад, но как бы продолжающих существовать в народном сознании. Я не совсем уверен, кстати, что древние предания о богатырях, обитавших в горах и отличавшихся нечеловеческой силой, например, о Святогоре, не связаны с трансформацией, очеловечиванием каких-то представлений о мамонтах. (Подобное очеловечивание происходит, например, в предании о медведях.) Сообщения эти иногда переходят в настоящее время и служат источником невероятных слухов. Тем не менее их надо изучать, они представляют огромный интерес.

Есть еще группа сообщений о животных, которых принято считать вымершими и с которыми встречались люди уже в записанной истории. Можно было бы упомянуть в этой связи о дискуссии, которая велась в специальной и широкой литературе об изображении плезиозавра на воротах богини Иштар в Вавилоне и об изображении на хеттских и вавилонских печатях существа, чрезвычайно похожего на стегозавра, вымершего, как принято считать, 150 миллионов лет назад, в юрский период. Кстати, Ктесий, греческий врач, бывший при дворе Ксеркса, упоминает о чудовище подобного рода, называя его «мартихором» — «человекоглотателем». Несомненно, к вымершему уже животному относятся и египетские фрески Древнего Царства, изображающие гигантское гиенообразное. Это же животное в ливийских преданиях известно под именем «бория». Палеонтологи действительно открыли в древних отложениях Северной

Африки ископаемую гигантскую гиену. Интересно, что они так и называли ее — «бор-гиена».

Все это свидетельствует о том, что некоторые виды ископаемых животных существовали в исторически очень недавнее время.

Что касается древнейших животных, будто бы живущих теперь, то из них наиболее интересны рассказы о «чипекве», рептилиеобразном чудовище, которое обитает в недоступных болотах Центральной Африки. Его очень боятся местные жители. В районе заповедника Национального парка Альберта имеются значительные площади болот, где странным образом нет бегемотов. Местные жители и охотники объясняют это тем, что «чипекве» пожирает там всех бегемотов. Сейчас ряд исследователей занимается этим вопросом (и, возможно, в ближайшее время будут получены дополнительные свидетельства и факты). Имеется весьма авторитетное свидетельство известного охотника Дж. А. Джордана о его встрече с «чипекве». Он рассказывает об этом на страницах своей книги «Слоны и слоновая кость». Выйдя с группой проводников к руслу пересыхающей реки, Дж. А. Джордан внезапно увидел там огромное, «невероятное», как пишет он, существо. С туловищем, обширным, как туловище бегемота, и с головой, напоминающей по форме голове крокодила, оно все было покрыто костяными бляшками. У Джордана в руках было ружье, с которым он охотился на слонов. Он успел выстрелить, но чудовище бросилось в сторону и скрылось, обдав Джордана и его спутников морем грязи. Интересно, что на следах, оставленных им, были ясно видны когти. Известный биолог Ф. В. Лейн подробно разбирает этот случай в своих исследованиях.

Другой европейский исследователь упоминает о случае, который он также сам наблюдал в одном из заливов озера Виктория. Он видел чудовище, внезапно появившееся из воды и пытавшееся ухватить зазевавшегося туземца. Наблюдатель отмечает длинную сильную шею, маленькую голову и массивное тело, не мешавшее чудовищу продвигаться очень быстро. Некоторые скептически относятся к подобным сообщениям, поступающим от местных жителей. Но существует целый ряд таких наблюдений, принадлежащих европейским исследователям и путешественникам, когда сослаться на «поэтическое воображение», «преувеличения» и т. д. невозможно. Хорошо известно, например, что многие капитаны паро-

ходов, курсирующих по озеру Виктория, сами видели подобных чудовищ, которых, судя по их внешнему виду, есть все основания отнести к «доисторическим».

Сообщение о другом подобном же животном связано с таинственной «серой кошкой» — «нундой». Об этой гигантской кошке, размерами с крупного тигра и живущей в прибрежных джунглях, куда не ступала нога человека, хорошо знают на побережьях Восточной Африки. Известны и случаи нападения ее на людей. Некоторое время назад на окраине Дар-эс-Салама был растерзан полицейский. Тщательное расследование обнаружило на его мундире следы серой шерсти, не принадлежащей ни одному из известных видов животных. Редкие жители, оставшиеся в живых после встречи с «нундой», в один голос рассказывают об огромных, непропорционально больших клыках этого существа. Исходя из этих описаний и других фактов, некоторые исследователи склонны предполагать, что «нунда» — один из потомков саблезубого тигра, доживших до наших дней.

Проблема «Дожили ли до наших дней?» представляется мне интересной и важной. Но вопрос нужно поставить шире. Фокус интереса должен лежать не только в стремлении скептически (или слишком доверчиво и восторженно) отнести к тому или другому сообщению, сколько в серьезных, спокойных поисках новых подтверждений. Важны само наше отношение к сообщениям подобного рода, наша готовность принять и проверить, довести до истины информацию, выходящую за рамки привычного порядка вещей.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕЛИКОЙ СУДЬБЫ

*К 80-летию
со дня рождения И. А. Ефремова.*

Можно предположить, наверняка, не рискуя ошибиться: в мире нет ни одного ученого — зоолога или палеонтолога, — который не знал бы основ тафономии — науки об остатках доисторических вымерших животных, изучающей «листы каменной книги» так, как если бы сами ископаемые окаменелости были еще живые. Осно-

вы тафономии заложил тридцатипятилетний доктор биологии Иван Антонович Ефремов. Шла война, тяжело больной профессор был эвакуирован в Среднюю Азию, и здесь-то, в перерывах между исследованиями, начал он придумывать первые свои рассказы — «Встреча над Тускаророй», «Озеро Горных Духов», «Олгой-Хорхой», «Белый Рог», «Аттол Факаофо»...

И опять можно утверждать безошибочно: вряд ли найдется любитель фантастики, не знающий этих и многих других, теперь уже классических произведений Ефремова. Достаточно упомянуть «Туманность Андромеды» — первый в научной фантастике роман о коммунистическом обществе будущего, и роман-эпопею «Лезвие бритвы», и антиутопию «Час Быка» — своеобразное «отражение» «Туманности Андромеды», и исторический роман из времен Александра Македонского «Таис Афинская».

Первоклассный ученый и выдающийся писатель — случай не обычный. Воздействие идей и образов Ефремова осязаемо даже в таких выкладках: свыше 70 книг тиражом около 9 000 000 экземпляров издано во многих странах Востока и Запада только за последние 15 лет, минувших после смерти Ивана Антоновича.

В чем секрет такой популярности? Ведь чаще всего случается так, что интерес к трудам литератора, имевшего порою ошеломляющий успех у современников, после его кончины сходит на нет. А в случае с творениями Ефремова все обстоит как раз наоборот: число переизданий с каждым годом растет.

Для выяснения феномена такого рода вернемся в прошлое, в годы военного лихолетья, когда при свете керосиновой лампы профессор писал свой главный труд — «Тафономию»...

Для нынешних литераторов или ученых возраст 35 лет — всего лишь «юношеский», как говорится, время надежд, а Ефремов в эту пору прошел уже сложный, суровый, порою мучительно суровый путь. Двенадцатилетним мальчишкой он прибил в Херсоне к одной из частей Красной Армии, угодил в Очакове под обстрел артиллерии интервентов, его контузило, засыпало песком. Среднюю школу закончил экстерном за три года, затем — Петроградские морские классы. Плавал на Тихом океане, на Каспии. Поступил в Ленинградский университет, стал учеником знаменитого палеонтолога академика П. П. Сушкина.

Чтобы, учась, сводить концы с концами, недавний моряк подрабатывал препаратором в Геологическом музее, коллектором одной из экспедиций на озеро Баскунчак. Десятки тысяч верст прошагал он полевыми маршрутами по европейскому Северу, Сихотэ-Алиню и Амуро-Амгуньскому междуречью, по горам Якутии, Средней Азии, Восточной Сибири. Был одним из первых изыскателей трассы Лена — Бодайбо — Тында, где теперь пролегла Байкало-Амурская магистраль. В общей сложности ученый возглавлял 26 экспедиций — геологических и палеонтологических. Первопроходчество, первооткрывательство — иначе подобный образ жизни не назовешь.

Таким же первопроходцем был Ефремов и в литературе: достаточно указать на диологию «Великая Дуга» — первое в нашей стране художественное произведение о древней истории Африки.

Обладая от природы могучим воображением, он лишь тогда начинал разворачивать сюжет, когда до мельчайших подробностей постигал смысл социальных, политических, исторических закономерностей прошедших или будущих времен. Глобальность мышления, попытка создать образы героев, не боящихся взять на себя ответственность за судьбу своего племени, державы, всего человечества, желание приблизить грядущее, в котором «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», — такова стратегия творчества Ефремова. Если он смотрит в небо, то замечает не только холодный ровный свет звезд, но мириады живых, полнокровных цивилизаций, объединенных в Великое Кольцо Миров. Если размышляет о человеке, то непременно и о человечестве, причем не только о проблемах сиюминутных, но могущих возникнуть и через сто, и через тысячу лет. Недаром он любил философские работы К. Э. Циолковского, такие, как «Воля Вселенной», «Неизвестные разумные силы», «Причины космоса», «Научная этика», недаром не раз обращался к знаменитым «Шести пунктам» отца космонавтики, где сформулирована программа развития земной цивилизации:

1) Изучение Вселенной, общение с братьями.

2) Спасение от катастроф земных.

3) Спасение от перенаселения.

4) Лучшие условия существования, постоянно желаемая температура, удобство сношений, отсутствие заразных болезней, лучшая производительность солнца.

5) Спасение в случае понижения солнечной темпе-

ратуры и, следовательно, спасение всего хорошего, воплощенного человечеством.

б) Беспредельность прогресса и надежда на уничтожение смерти».

Ясно, что даже наметить эти пункты под силу лишь титану мысли и духа. И лишь титан может решиться воплотить эту космогоническую программу в художественно достоверную панораму: в «Туманности Андромеды» намечен путь человечества к звездному будущему; «Час Быка» предупреждает о возможных бедах на этом пути.

«Есть страны, где народ под гнетом власти, тем более сильной, чем выше стало могущество оружия. Когда-нибудь, если смертельная опасность наступит им на горло, народы поднимутся, презирая смерть, и никакое оружие не спасет зарвавшиеся власти. Найдут самую глубокую на земле пещеру и закопают там навсегда порождение злых джиннов», — размышлял Ефремов в одном из рассказов почти три десятка лет назад. Недаром же всю свою жизнь он потратил на то, чтобы противопоставить идее всепланетной фатальной гибели идею нравственного восхождения по ступеням познания, идею единства наций, народов, континентов. Всеединства цивилизаций, соединенных в далекой древности Великой Дугой, а в далекой будущности — Великим Кольцом Миров.

...Среди рассказов, написанных при свете керосиновой лампы, был и «Обсерватория Нур-и-Дешт». Гитлеровские головорезы еще не оставляли попыток создать атомную бомбу и завершить войну все тем же пресловутым «блицкригом», сконструированные в США монстры еще не стерли с лица земли Хиросиму и Нагасаки, а герой рассказа, молодой геолог, уже полон предчувствий, связанных с губительной тайной радия, как бы пронизан тревожными токами из будущего. И тревожится он не за собственную судьбу — за всю нашу Землю. За киргизов с их сказанием о Полярной звезде — серебряном Приколе неба, где четыре звездных волка неустанно гонятся по кругу за тремя светогривыми скакунами. За древнюю обсерваторию, возведенную уйгурскими астрономами, представителями мудрого народа, о коем упоминали еще Птолемей, Марко Поло, Плапо Карпини. За чудо нашего бытия, которое может быть сметено «темными, звериными силами, еще властвующими на земле, тупо, по-скотски разрушающими, уничтожаю-

щими драгоценные завоевания человеческой жизни и мечты». И тревога эта — оттуда, из прошлого, из военных лет — передается нам, сюда, в мирные, но начиненные термоядерной, нейтронной и прочими опасностями годы. И мы, взглядываясь в небо, угадываем там, в бесчисленных мирах, другие многообразные цивилизации — хочется надеяться, — дружественные землянам. И мы жаждем с ними общения, взволнованные «смутным предчувствием грядущей великой судьбы человеческого рода».

Но нам уже легче угадывать мели и рифы в плавании утлого кораблика с сообществом землян по океану небес.

Легче хотя бы потому, что одну из лучших звездных лодий начертал Иван Ефремов.

Юрий МЕДВЕДЕВ.

ОН БЫЛ ЛИЧНОСТЬЮ

Люди с годами становятся суше. Как это ни печально, люди с годами склонны забывать свои начала, путь поиска начинает казаться им более прямым, более самостоятельным, отсюда и сложное отношение к помогавшим, к выведившим тебя на цель. Я это говорю потому, что хорошо помню фантастику 50-х годов, как правило, заземленную, не претендующую на многое. Звездолеты, в которых «зайцами» летят пионеры; подземоходы, куда попадают те же самые «зайцы»; тракторы, управляемые по проводам, — галерею подобных «фантастических» положений и идей можно было бы продолжить. Но зачем, если даже в те годы (я учился в школе) все это вызывало некое неясное еще недоумение? Мы, школьники, понятно, обменивались книгами Немцова, Охотникова, Фрадкина, спорили, что бы мы делали на месте тех «зайцев», а позже, пытаясь писать сами, подражали, к сожалению, тем же образцам. По крайней мере, мои первые рассказы писались по тем же рецептам...

Тем более поразили меня книги Ивана Ефремова, вдруг появившиеся на книжных полках. В сущности, все они были очень просты: тайна горного озера (объяснение: испаряющаяся, все отравляющая ртуть), или

скала, на которой геолог Усольцев находит меч, кем-то упоминаящийся в легенде... Что ни рассказ — развязка всегда проста, но имя Ефремова, его рассказы сразу запомнились. Чем? Наверное; атмосферой необыкновенного. Его герои не читали скучных псевдонаучных лекций, они жили в науке. А ведь Ефремов — автор сложных романов «Туманность Андромеды», «Час Быка», «Лезвие бритвы», «Таис Афинская» — был еще впереди.

Разумеется, не все было ровно даже в таком знаменитом романе, как «Туманность Андромеды». Не уверен, что наступит время, когда женщины начнут отдавать детей в специальные дома, но вот в то, что эра Великого Кольца реальна, — верю. И поэтому, впервые встретив Ефремова (случилось это в 1958-м), я не мог его не спросить: но что же это такое — фантастика? Из чего она вырастает? Вообще, для кого она? Почему я, школьник, впервые приехавший в Москву, не бегу смотреть столичные достопримечательности, а сижу в палеонтологическом музее и, не отрываясь, слушаю его — И. А. Ефремова? Впрочем, и в Москву я попал благодаря ему. Известным людям, а Ефремов, без сомнения, был широко известен, часто приходится отвечать на письма разнообразных молодых людей. Ефремов не просто отвечал, он привлекал к делу. А с делом пришло и новое понимание фантастики: она не только в захватывающих книгах, она всегда рядом — в береговых обрывах маленьких речек, под ногами, в окаменевших лесах, наконец, в тебе самом! Стоит взглянуть вокруг, и вот они — бесчисленные и, действительно, фантастические миры!

Думаю, Ефремов научил этому многих. И сейчас, когда Ивану Антоновичу исполнилось бы восемьдесят лет, невольно думаешь, а кто же напишет роман о татаро-монгольском нашествии, о котором он не раз говорил, кто напишет книгу о палеонтологии, написать которую он считал своим долгом?.. Впрочем, настоящий писатель не просто пишет книги, он оставляет учеников. Можно перечислить многих писателей, благодарных ему за начало, но главное, видимо, все же в том, что ему благодарны миллионы и миллионы самых разнообразных читателей.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

сборник
7Р
УМБЫ
АНТАСТИКИ

Семинар

АЛЕКСАНДР БУШКОВ (Красноярск)
ЕЛЕНА ГРУШКО (Хабаровск)
ВАСИЛИЙ КАРПОВ (Новосибирск)
ВЛАДИМИР КЛИМЕНКО (Новосибирск)
ЕВГЕНИЙ НОСОВ (Новосибирск)
ВИТАЛИЙ ПИЩЕНКО (Новосибирск)
АЛЕКСАНДР СКРЯГИН (Омск)
ЕВГЕНИЙ СЫЧ (Красноярск)
ВЛАДИМИР ТИТОВ (Барнаул)
ИГОРЬ ТКАЧЕНКО (Новосибирск)
ГАВРИИЛ УГАРОВ (Якутск)
ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ (Томская область)
ОЛЕГ ЧАРУШНИКОВ (Новосибирск)
АНАТОЛИЙ ШАЛИН (Новосибирск)

ДОЖДЬ НАД ОКЕАНОМ

3 вандемьера 2026 года. Время — среднеевропейское. Вторая половина дня.

И была Европа, и была золотая осень, именуемая по ту сторону океана индейским летом, и был солнечный день: день первый.

Фотограф тщательно готовил аппарат. Камера была старинного образца, из тех, что не начинены до предела автоматикой и электроникой — ее хозяин по праву считался незаурядным мастером и в работе полагался лишь на объектив, да на то неопределимое словами, что несколько расплывчато именуется мастерством. Или талантом. Те двое за столиком летнего кафе его и не заметили, не знали, что сразу привлекли внимание. Молодые, красивые, загорелые, в белых брюках и белых рубашках, бог весть из какого уголка планеты залетевшая пара, беззаботные влюбленные из не обремененного особыми сложностями столетия.

Он выжидал самый подходящий момент и, наконец, дождался. Пушистые и невесомые волосы девушки красиво просвечивали на солнце, четко обрисовывался мужественный профиль ее спутника, и этот их наклон друг к другу, отрешенная нежность во взглядах и позах, широкая и сильная ладонь мужчины в тонких пальцах девушки, крохотная радуга, родившаяся в узких бокалах, — все и было тем мгновением, которое следовало остановить. Подавив всплывшее на миг пронзительное сожаление о собственной давно раставшей молодости, фотограф нажал кнопку. Едва слышно щелкнул затвор.

— Нас фотографируют, — сказала девушка.

— Это не то, — сказал ее спутник. — Это Нимайер, тот самый. Будет что-нибудь вроде «Этюда с солнцем». Итак?

Играя его пальцами, девушка с беззаботной улыбкой продолжала:

— Когда он впервые изменил траекторию, в Центре поняли, что это искусственный объект. Внеземной ис-

кусственный объект. К нему приблизился «Кондор». Через две минуты связь с «Кондором» прервалась. Космолет дрейфует, такое впечатление, будто он абсолютно неуправляем. К нему вышли спасатели. Вскоре объект лег на геоцентрическую орбиту и постепенно снижается. Прошел в полукилometре от станции «Дельта-5», после чего связь со станцией прервалась. Датчики системы жизнеобеспечения сигнализируют, что экипаж мертв. Что экипаж сам разгерметизировал станцию...

— Его держат радарам?

— Да, лучи он отражает. Размеры — десять-двенадцать метров, правильных очертаний.

— Маловато для космического корабля,— сказал мужчина.— Автоматический зонд?

— Зонд-убийца...— сказала девушка.— Совет Безопасности засе́дает непрерывно. Сначала хотели просто сбить его, но потом все же рассудили, что открытой агрессивности он не проявляет — пострадали только те, кто оказался близко от него. Так что решено наблюдать.

— И при чем тут я? Неужели...

— Да,— сказала девушка.— Он начал торможение, если не последует новых маневров, через девять часов с минутами приземлится на территории этой страны. Поскольку резидентом здесь ты...

— То мне предстоит заниматься еще и инопланетянами. Прелестно, никогда и подумать не мог.

— Но ты же понимаешь, Ланселот...

— Понимаю,— сказал он.— Все прекрасно понимаю и помню, в какой стране нахожусь. Нейтралы с тысячетлетним стажем, единственное на планете государство, сохраняющее национальную армию и разведку, одержимое прямо-таки манией независимости, которую они сплошь и рядом толкуют просто-напросто как противодействие любым начинаниям Содружества. И в ООН они соизволили вступить лишь пятнадцать лет назад.

— Тем более нельзя угадать, как они поведут себя сейчас,— сказала девушка.

— Ну конечно. Впервые в истории приземляется искусственный объект инопланетного происхождения, причем на их территории. Наверняка они не допустят к себе ни комиссию, ни, тем более, войска ООН.

— Но ведь на сей раз обстоятельства...

— Именно потому,— сказал мужчина.— Анна, я здесь сижу пять лет, я их знаю. Конечно, вопрос чрезвычайно серьезен, дипломаты заработают, как прокля-

тые, но когда-то их еще уломают? И уломают ли? Не драться же частям ООН с их армией, не оккупировать же страну... И они это очень быстро поймут и будут держаться до последнего... Пошли.

Он бросил на столик банкнот, и они медленно пошли по набережной, держась за руки. По голубой воде плавно скользили яркие треугольники парусов, отовсюду неслась веселая музыка, воскресный день перевалил за полдень.

— Иногда я прямо-таки ненавижу свою работу, Анна,— сказал Ланселот.— Из-за того, что эти динозавры цепляются за идиотские традиции, мы вынуждены держать здесь наблюдателей, терять время и силы, чтобы ненароком не просмотреть какого-нибудь вовсе уж неприемлемого выверта...

— Советник сказал, что у тебя есть человек в их разведке. Он имел в виду Дервиша?

— Да,— сказал Ланселот.— И не только в разведке. Умные люди, которые понимают всю нелепость ситуации и, разумеется, не получают от ООН ни гроша. И тем не менее, по здешним законам любой из них может угодить в тюрьму за шпионаж в пользу «неустановленного внешнего врага». И мы ничего не сможем сделать.

— Я, признаться, до сих пор не могу понять...

— Ну да,— сказал Ланселот.— Я через это да-авно прошел. Конечно, это саднит, как заноза, это трудно принять и понять — на разоружившейся и уничтожившей границы Земле существует такое вот государство-реликт. Ну, а что же делать, Анна? Принудить их никто не может. Прав человека они не нарушают. Завоевательных планов не лелеют, глупо думать, что их армия способна противостоять всей остальной планете. Остается наблюдать и надеяться, что им надоест, что найдутся политики-реалисты и сделают последний шаг. Что, наконец, случится нечто, способное встряхнуть как следует замшелые каноны. Этот случай, например.

— Ты так спокоен?

— Конечно, нет,— сказал Ланселот.— Я понимаю, что такое случается впервые. Но я просто не могу представить, что за штука вот-вот приземлится и почему гибнут имевшие неосторожность оказаться на ее пути. Да и некогда мне гадать. Если он приземлится здесь, работа предстоит не из легких, нужно подготовиться...

Она посмотрела с тревогой, и это не была игра на посторонних:

— Я боюсь за тебя...

— Не надо, ладно? — сказал он. — Очень трудно работать, когда за тебя боятся. Да, если разобраться, какая работа? Мы всего лишь будем следить за всем, что они предпримут, подслушивать и подсматривать с Земли и со спутников. Рутина.

Она молчала, и Ланселот, резидент Совета Безопасности, знал, что она вспоминает о тех троих, все же погибших здесь, несмотря на специфику работы и столетия. Она перехватила его взгляд и отвернулась, и он понял, что лучше промолчать и не упоминать о банановой корке, на которой можно поскользнуться через два шага, и о прочих верных слугах ее величества теории вероятностей. Он только чуточку сильнее сжал ее теплую ладонь.

— Когда-нибудь все кончится, — сказал он. — А что до... Анна, милая, я как-то привык не погибать и добиваться успеха, само собой получается...

— Я знаю, — сказала она.

Прохожих почти не было. Ланселот остановился, повернул ее к себе и поцеловал. Она тихонько отстранилась и пошла вдоль парапета, ведя ладошкой по нагретому солнцем граниту. Ланселот неслышно шел рядом. Интересно, думал он, почему Себастьян стал так часто ее присылать — считает, что я чуточку захандрил? Многие ведь хандрят. Трудно быть чем-то вроде персонажа старинного фильма, пусть ты и прекрасно понимаешь, насколько это важно и необходимо. Какие там, к черту, супермены...

— Я не верю в инопланетную агрессию, — сказала Анна, не оборачиваясь.

— Я тоже, — сказал он. — Хотя бы потому, что личная агрессия наверняка обставлялась бы не так... Что ж, нужно трубить сбор. В первую очередь разыщу Дервиша. Вот если бы еще и полковник был из наших... Есть тут один полковник, чертовски любопытный экземпляр. Стоп! — он приостановился. — Вот с этого и нужно было начинать. Если эта штука все же плюхнется сюда, наверняка ею займутся именно этот генерал и именно этот полковник. Девять часов, океан времени. Пошли.

Они спустились по широкой гранитной лестнице, пересекли площадь, традиционно украшенную статуей ка-

кой-то знаменитости времен средневековья, завернули за угол и сели без приглашения на заднее сиденье белой «Альфа-кометы». Человек за рулем повернулся к ним:

— Заседание только что закончилось. Решение прежнее — наблюдать. Спасатели догнали «Кондора». Экипаж мертв. Они сами отключили подачу кислорода, немотивированное самоубийство, как и на «Дельте».

— Объект?

— Нужно торопиться, Ланселот,— сказал человек за рулем. Лицо у него застыло.— Нет у нас девяти часов. Он увеличил скорость, идет по той же траектории. Теперь никаких сомнений — это не люди. Люди таких перегрузок не выдержали бы.

— Может быть, они нейтрализуют перегрузки,— сказал Ланселот.— Антигравитация, что там еще...

— Черт их знает. У нас — не больше часа.

3 вандемьера 2026. Часом позднее. Радиопереговоры наземных служб фиксируются орбитальной станцией «Фата-моргана».

— Я — Ожерелье-3. Объект миновал стратосферу.

— Я — Ожерелье-4. Объект миновал тропосферу.

— Я — Ожерелье-5. Объект совершил посадку. Ни с одним из известных типов космических аппаратов не ассоциируется. Место приземления в дальнейшем будет именоваться точкой «Зет».

— Я — Центр. В точку «Зет» мною выслан вертолет с оперативной группой. Арапахо — поддерживать непрерывную связь.

— Я — Арапахо. Объект имеет вид конуса высотой около пяти метров, диаметр основания около двух метров. Цвет — черный. Радиоактивного излучения, радиоволн не зафиксировано. Температура не отличается от температуры окружающей среды.

— Я — Ронсеваль. Бронедесантные подразделения завершили блокирование района.

— Я — Арлекин. Опергруппы вышли на исходные позиции.

— Я — Магистр. Со стороны ООН никаких демаршей не последовало. Прослушивание телефонов представительства ООН и его радиосвязи со штаб-квартирой проводится в соответствии с имеющимися планами. Дополнительные дешифровщики подключены.

— Я — Арапахо, Новых данных нет.

— Я — Икар. Три эскадрильи подняты в воздух и направляются в указанные квадраты.

— Я — Арапахо. Вертолет, производя беспорядочные маневры, удаляется от точки «Зет», резко меняя направление. Связи с экипажем нет.

— Я — Центр. Обеспечить наблюдение.

— Я — Арапахо. Только что вертолет разбился в восьми километрах юго-западнее точки «Зет».

— Я — Арлекин. Объект превратился в четыре автомобиля современных марок. Три проследить не удалось — затерялись в потоке автотранспорта. Четвертый движется на запад в квадрате три-шестнадцать.

— Я — Центр. Всем наземным опергруппам в квадратах три-четырнадцать и три-пятнадцать — немедленно на перехват. Разрешаю применять оружие.

— Я — Кадоген. Иду в три-шестнадцать.

— Я — Гамма. Иду в три-шестнадцать.

— Я — Дервиш. Иду в три-шестнадцать.

— Я — Икар. Ввиду наличия на шоссе большого количества машин боевой заход произвести невозможно. Звено барражирует в квадрате три-шестнадцать.

— Я — Арапахо. Даю ориентировку. Четвертый автомобиль — жемчужно-серый «Грайне»: модели «спорт».

— Я — Арлекин. Дополняю по данным полицейских постов. Номерной знак НВ-405-К-6. Приказу остановиться не подчинился. Движется на юг, по дороге 2-141.

— Я — Арапахо. Полицейский пост в квадрате три-шестнадцать на вызовы не отвечает. Вертолеты высланы.

— Я — Центр. Подключить посты квадратов двадцать, два-одиннадцать, два-двенадцать.

— Я — Дервиш. Нахожусь в квадрате три-шестнадцать. Блокирую дорогу 2-141.

— Я — Арлекин. Дервиш, он идет на вас, будьте готовы. Огонь без предупреждения.

— Понял, — сказал он.

Он вел машину уверенно, с небрежной лихостью знающего свое ремесло профессионала, и давно выработанный автоматизм позволял высвободить часть сознания, чтобы перелистать существующие только в памяти страницы ненаписанных писем. И слушать музыку.

Рядом с ним на сиденье поблескивал короткий черный автомат.

Бешеная гонка навстречу ветру или вдогонку за ветром так давно стала неотъемлемой частью его существ-

ва, что он задыхался, если приходилось пройти с черепашьей скоростью пусть даже короткий отрезок пути. И он просто боялся признаться себе, что гоняется за призраками, за пустотой. Хорошо еще, что на свете существует Ланселот и весь остальной мир. Может быть, наконец, и пришло настоящее?

Он протянул руку и тронул клавишу магнитофона. Звенели гитары, сухо прищелкивали кастаньеты, и на пределе печали звенел голос Рамона Ромеро:

— И сломать — нелегко труд,
и построить.

Не для каждой и сожгут
город Трою.

Пьем невкусное вино,
судим-рядим.

Слишком много сожжено
шутки ради...

— «Поэма рассудка», — вспомнил он название. Иногда ему хотелось ненавидеть само это слово — рассудочность, рассудок. Рассудочно прикинули, слушали — постановили, погасили живое и нежное и назвали это приемлемым выходом. А на деле — всего лишь загнали глубоко на дно то, что всплывет погода в другом, облике.

— Я — Арлекин. Он приближается. Будьте осторожны.

— Я — Дервиш. Вышел на дистанцию огневого контакта.

Машина летела по черной автостраде сквозь солнечный день, навстречу жемчужно-серому спортивному автомобилю, и он приготовил автомат, но показалось, что женское лицо, мелькнувшее за стеклом — то самое, нежность и беда, ненависть и любовь, жалость и злоба. Рассудок не преминул бы заявить, что он ошибается, но рассудок молчал, и он рванул руль, как узду, как рычаг стоп-крана, и машина дернулась, как-то нереально закружилась на асфальте, словно на скользком льду, словно конь, дробящий копытами распластанного вражеского воина, а через несколько то ли секунд, то ли веков время лопнуло, и машина провалилась в треск рвущегося металла, в ночь, в ночь, в ночь...

— Я — Арапахо. Только что внутрь охраняемого периметра вошел, теряя высоту, легкомоторный самолет «Махаон-16». Наблюдали дым, выходящий из кожуха мотора. Перехвачена передача с борта, летчик сообщает, что по неизвестной причине потерпел аварию и идет на вынужденную посадку.

— Я — Магистр. Не исключено, что мы имеем дело с попыткой агентов ООН прорваться в запретный район.

— Я — Центр. Ваши соображения учел. Опергруппа послана. Одновременно ставлю вам на вид неправильное употребление терминов. Предлагаю пользоваться общепринятым определением «неустановленный внешний враг».

— Я — Ориноко. Психозондирование продолжаю. Даю развертку помех.

— Отсечь помехи.

— Есть. Выведено за пределы, но спонтанные прорывы не исключены.

— Я — Рейн. Пошел второй слой помех, более мощный.

— Я — Ориноко. Отсечка не дала результатов.

— Вы понимаете, что говорите?

— Увы, но это так. Может быть, Рейн?

— Я — Рейн. Даю развертку. Лицо. Женское лицо. Глушение результатов не дало. Кажется, я узнал ее, Доктор...

— Я — Юкон. Вношу предложение, Доктор: помехи не глушить, а, наоборот, выпустить на поверхность. Не исключено, что это и является искомым.

— Хорошо. Ориноко, Рейн, Юкон — каскадное усиление помех второго слоя. Онтарио — в резерве. Начали!

— Я — Рейн. Воспоминания личного характера, связанные...

— Достаточно. Первым трем мониторам глушить помехи. Ищите следы свежего психического удара, вы слышите? Что его заставило так поступить?

— Результатов нет.

— Усилители на пределе, отключаю вторую группу.

— Черт бы вас побрал!

— У меня шальная мысль, Доктор. Что если именно это послужило причиной...

— Глупости.

— Почему бы и нет? Направленное воздействие на определенные группы нейронов, своего рода детонатор, вызвавший шок и неконтролируемые действия, повлекшие...

— Оставьте это для своей диссертации. Дервиш — из суперменов.

— Иногда ломаются и супермены. Супермену как раз тяжелее осознавать то, что он оказался суперменом не во всем.

— Глупости, Рейн. Генераторы на максимум. Всем мониторам, вы поняли?

...Доктор сидел за пультом в почти темной комнате, его лицо дико и причудливо освещала россыпь разноцветных лампочек. Врачей было много, а Доктор — один. Правда, сейчас от этого не стало легче, он ничего не понимал, собственное бессилие перед этой инопланетной тварью сводило с ума...

— Стрелки до красной черты. — сказал он. — Ремонтникам быть наготове.

— Я — Юкон. Оторвите мне голову, Доктор, но я ничего больше не могу. Я — инженер-медик, а не бог...

— Я — Арапахо. «Махаон-16» упал и взорвался в квадрате четыре-девятнадцать. Опергруппа вскоре будет на месте.

4 вандемьера 2026. Утро.

Он долго шел по коридорам, спускался и поднимался по лестницам, кивал знакомым, а многие незнакомые почтительно здоровались, и тогда он отвечал и им. Он шел мимо шелкавших каблуками охранников, мимо длинной стены — за ней тихо журчали компьютеры, и девочки в белых халатах с ловкостью, на которую было приятно смотреть, нажимали клавиши. Он шагал — грузный, широколицый, редкие светлые волосы, прямая спина кадрового военного (никогда тем не менее не воевавшего). Просто генералов хватало, а Генерал был один. Еще его звали Король Марк, чего он терпеть не мог — не находил в себе ничего общего с преследователем Тристана и Изольды. А его все равно так звали, бог знает почему, пути прозвищ неисповедимы, и тот, кто первым пустил прозвище в обиход, затерялся в безвестности надежно, как избретатель колеса.

Он распахнул белую дверь с изображенным на табличке кентавром — так здесь кодировали опергруппы и операции. Круглый зал, четверть которого занимает выходящее во двор окно. Толстые кожаные кресла. Восемь человек встали и через положенные несколько секунд сели вновь. Генерал заложил руки за спину, остановился перед первым рядом кресел и какое-то время смотрел вверх голов, а сидящие смотрели на него.

— Два часа назад некий объект внеземного происхождения совершил посадку в точке, отмеченной на выданных вам картах как точка «Зет», — сказал Генерал, —

Высланная на вертолете группа наших сотрудников погибла — вертолет стал удаляться, маневрируя так, словно им управлял пьяный или сумасшедший, после чего разбился. Вскоре было обнаружено, что объект, конусообразный предмет, превратился в четыре автомобиля современных марок. Три мы упустили. Наш сотрудник Дервиш, выехавший наперерез четвертому, по неизвестной причине направил машину на обочину и потерпел аварию. В настоящее время — в бессознательном состоянии. Четвертый «автомобиль» обстрелян с воздуха истребителями и уничтожен. Перед этим он пытался превратиться в какое-то крупное животное, но был уничтожен, прежде чем метаморфоза совершилась. Остальные пока не обнаружены. Не исключено, что и они превратились в... нечто совершенно иное. Предварительные меры приняты. Район наглухо блокирован войсками, из него не выскользнет и мышь. Распоряжением премьер-министра я назначен руководителем особой группы по ликвидации опасности. Перед вами стоит задача — в двадцать четыре часа покончить с тремя объектами, условно обозначенными как «мобили». Далее. Уже после блокирования района внутри него произошел ряд непонятных автотрагедий и ряд случаев, которые можно охарактеризовать как молниеносное помешательство, после которого люди совершали самоубийства, немотивированные убийства, поджоги и прочие эксцессы. Из этого был сделан вывод, что «мобили» каким-то загадочным образом воздействуют на человеческий мозг. — Генерал сделал гримасу, которая могла сойти и за улыбку. — Чтобы вы не чувствовали себя воробьями, которым предстоит стесать гору клювом, поясню: «мобилям» присуще тэта-излучение, несвойственное ни одному живому существу Земли. То, о котором до сих пор мы знали лишь теоретически. Ваши машины будут оснащены тэта-радары. Инструктаж по обращению с ними много времени не займет, это ничуть не сложнее, чем наша обычная аппаратура. Найти, в общем, нетрудно. Опознать и уничтожить — это серьезнее... Прошу на инструктаж.

Он дождался, когда за последним захлопнется белая дверь, сел в первое подвернувшееся кресло и устало сдавил ладонями виски. Услышав шаги, торопливо отнял ладони и поднял массивную голову. Вошли Доктор и Полковник — седой растрепанный старичок в голубом халате и мужчина лет тридцати пяти, которого с первого взгляда почему-то хотелось назвать учителем физики,

— И так? — глухо сказал Генерал.

— Мы не гении, но в этой голове кое-что есть, — Доктор похлопал себя по лбу и улыбнулся. — Впрочем, и техника у нас не самая худшая... Хотите разгадку, Король Марк?

Он был единственным, кто осмеливался так называть Генерала в глаза.

— Валяйте.

— Касательно Дервиша. «Мобиль» номер четыре сделал что-то, отчего воспоминания личного характера вспыхнули с такой силой, что подавили все остальное и привели к неконтролируемой вспышке эмоций. Второй случай, на шоссе номер пять...

— ...Там ему попался математик, озабоченный сложными перипетиями научного спора в своем институте, — скучным голосом продолжил Генерал. — И третий — с художником. И четвертый, и пятый... Простите, старина, но мои люди пришли к тем же выводам на полчаса раньше ваших. Один из них хорошо знал жизнь Дервиша, а там и потянулась ниточка... Я все могу сказать за вас — «мобили» поражают людей с высоким уровнем мозговой активности, яркие индивидуальности. Творческие личности. Влюбленных. Обладающих повышенной чувствительностью, тонкой нервной организацией, склонных к углубленной работе мысли. «Мобиль» пропустит лишь человека равнодушного, не склонного размышлять, страдать, любить, ненавидеть, творить, сопереживать. Их ведь не так уж мало, таких людей, старина... Я все правильно сказал за вас?

— Правильно, — сказал Доктор.

— Но они же все такие! — вдруг воскликнул Полковник. — Они же все такие, все восемь — повышенная эмоциональность, тонкая нервная организация, склонность к творчеству, почему же вы...

— Именно поэтому, — сказал Генерал, глядя в пол. — Да, это живцы. Их автомобили напичканы аппаратурой. Можно с уверенностью сказать, что мы будем знать, как «мобиль» наносит удар, механизм этого удара — словом, почти все. И не нужно смотреть на меня такими глазами. Восемь человек — и человечество. Случилось так, что именно нам предстоит защищать планету. Мы можем гарантировать, что этот конус — единственный во Вселенной? Что никогда не будет других? Мы все должны знать о нем. И потом, они не принесены в жертву, не такие уж они подсадные утки. Они предупреждены и во-

оружены. Так что правила игры остаются прежними — выигрывает тот, кто успеет первым...

Он сидел, ссутулясь, а они смотрели на него. Потом Полковник сказал:

— Вы послали их на смерть.

— Ну да,— сказал Генерал.— Вернее, не совсем так — я послал их на задание, в случае неудачи — смерть. Но ведь мы сами называем себя последними солдатами Земли; верно? Вот и бой.

— И все же ты мог бы послать людей более холодного эмоционального спектра,— сказал Доктор.

— Мог. Но мне мало просто уничтожить врага. Нужно еще изучить его оружие, его сильные и слабые места. И не столько мне, сколько человечеству. Я ненавижу сакраментальный девиз иезуитов, но... Ты не военный, старина. Впрочем, и ты должен помнить, что для успеха армий жертвовали взводами, а то и батальонами. Законы войны. А сейчас идет война — что из того, что большинство землян о ней ничего не знает?

— Вы считаете, что знай они суть дела, отказались бы? — спросил Полковник.

— Вполне возможны отдельные срывы,— сказал Генерал.— А возможно, и нет. Просто... иногда человек, который не посвящен во все детали, работает лучше.

— Ну что ж, все правильно,— сказал Полковник и стал еще больше похож на учителя физики.— Вы, Генерал, не можете запретить мне одной простой вещи. В третьей группе не хватает человека, их только двое. Кстати, я ведь человек «более холодного эмоционального спектра», вы сами так говорили, Доктор...

— Но не настолько, чтобы чувствовать себя в безопасности,— буркнул Доктор.— Ты тоже подходишь под определение мишени, если честно.

— Это означает только то, что я об этом знаю,— Полковник щелкнул каблуками.— Разрешите идти?

— Идите,— не глядя на него, сказал Генерал.

Белая дверь захлопнулась за Полковником, мелькнул на мгновение натянувший лук кентавр.

— Они уже все мертвые, Марк,— сказал Доктор.— Все.

— Может быть. А может быть, будущие мертвецы и будущие триумфаторы — в равной пропорции. Судя по уничтоженному истребителями «мобилью», они довольно-таки уязвимы.— Он положил руку на колено Доктору.—

Старина, пойми же ты наконец — мы защищаем Землю...

— В обход ООН?

— Что?

— Ты думаешь, в ООН не знают? — спросил Доктор. — Считаешь, что его засекли только наши станции слежения? Что, если перед посадкой он вызвал какие-то катастрофы и в Приземелье? Приземелье — улица с довольно оживленным движением...

— Я говорил с премьером, — сказал Генерал. — Он быстро ухватил суть, он умен. И политик отменный. При любых демаршах он обещал продержаться, как минимум, сутки. Вряд ли ооновцы прибегнут к прямому военному вторжению, так что мы все успеваем... Они ведь не вторгнутся.

— Наверняка нет, — сказал Доктор. — Но тебе не приходит в голову, что «ооновцами», если разобраться, ты именуешь все остальное человечество?

— Ну и что? Нет, ну и что? — Доктор видел, что Генерал искренне удивлен и рассержен непонятливостью собеседника. — Мы ведь защищаем Землю.

— Одни?

— А какая разница? Разве ооновцы применили бы другую аппаратуру? Другое оружие? Другие методы? Они действовали бы точно так же. Оставим специалистам по международному праву разбираться в том, насколько это наше внутреннее дело и насколько оправданным было бы вмешательство ООН. Ты можешь заверить, что ооновцы справятся лучше?

— Нет, — сказал Доктор.

— Ты согласен, что «моби́ли» крайне опасны?

— Да.

— Вот видишь.

— А ты можешь заверить на все сто, что тобой движет лишь забота о благе человечества? Без маленькой, без крохотной примеси? Никакого желания воскликнуть: «Ага! Вы долго смеялись над нами, но в конце концов успеха добились именно мы...» Так что же, никакой примеси?

— Никакой, — сказал Генерал.

И все же, все же... Человек, никогда не лгавший, не сможет перестроиться мгновенно, к тому же, если человек этот отнюдь не подл и не плох. Коротенькая заминка, едва заметная неуверенность в голосе не почудились, они были. Доктор был хорошим психологом и не мог ошибиться,

— Между прочим,— сказал он,— ты использовал не лучший метод. «Зараженный» район не столь уж и велик, его нетрудно было бы прочесать армейским подразделениям, бронированным машинам, оснащенным теми же тата-радарам. Но на это ты никак не можешь пойти. Во-первых, вся слава должна достаться твоей конторе. Во-вторых, не стоит раньше времени привлекать внимание ООН,— а вдруг они все же ничего не знают?

Генерал подошел к окну, заложил руки за спину и стал смотреть вниз. Там, внизу, посреди огромного, залитого асфальтом двора стояли три сине-черных фургона, прямоугольные коробки на колесах едва ли не в человеческий рост, и к ним шли оперативники. Показался Полковник, подошел к Ясеню и Эвридике, что-то сказал им, все трое сели в кабину, и фургон медленно выкатился за ворота. Следом второй. Потом третий. Створки высоких зеленых ворот медленно сдвинулись, словно отсекая прошлое от настоящего, настоящее от будущего.

Не оборачиваясь, Генерал сказал глухо:

— Забыл тебя предупредить. До завершения операции никто не имеет права покидать здание управления.

— Я и не собираюсь, — сказал Доктор.

— Вот и прекрасно.

Доктор подождал несколько минут, потом встал и тихо вышел. Спасители человечества, думал он, неторопливо шагая по светлым коридорам. Защитники. Мессии. А человечество, похоже, и понятия не имеет о том, что его усердно спасают. Конечно, созданся головоломный юридический казус, на котором может заработать нервное расстройство не один специалист по международному праву и вообще юрист, тут Король Марк полностью прав, и тем не менее... Не тот век на дворе. Нельзя спасти человечество, не выслушав даже его мнения по сему поводу — конечно, речь не идет о всеобщем референдуме, это преувеличение, но в нынешнем составе играть просто невозможно. Нельзя одному человеку, хорошему, в общем-то, и честному, желающему на свой лад людям добра, брать на себя роль Спасителя. Не имеет он никакого права. Ох уж это «на свой лад» — сколько всяких неприглядностей совершенно под сенью этого лозунга, сего знамени...

А ребята ничего не поняли. Очень хорошие ребята, искренне считающие сейчас, что спасают человечество. В их возрасте легко жить без сомнений, и очень хочется

побыть хотя бы недолго спасителем человечества. Так что же делать?

Он завернул в свой кабинет и поднял трубку городского телефона — просто так, проверки ради, никуда он не собирался звонить. Телефон молчал.

— Ну да,— сказал себе вслух Доктор.— Разумеется...

Он спустился этажом ниже, открыл дверь операторской, небрежно отстранил удивленно обернувшегося к нему радиста, сел во вращающееся кресло и сказал:

— Все три группы — на связь.

Радист, недоуменно поглядывая на него, защелкал тумблерами. Приборы тихонько посвистывали, подвывали, шуршали разряды, и наконец раздались громкие уверенные голоса:

— «Единица» слушает.

— «Двойка» слушает.

— «Тройка» слушает.

Доктор поднес к губам черное рубчатое яйцо микрофона:

— Говорит Доктор. Слушайте меня внимательно, ребята. «Мобиль» ударит по самому сокровенному, что хранит ваш мозг. Самые радостные и самые горькие воспоминания. То, что больше всего волнует. То, что сильнее всего запечатлелось. То, что...

Внезапно погасли все лампочки, стихли шорохи и треск помех. Рации превратились в холодные железные коробки. Доктор взглянул на радиста, но тот был удивлен не меньше. Ай да Марк, подумал Доктор, догадался все-таки, хотя чуточку опоздал. Правда, я не сказал, как следует защищаться, чтобы уменьшить опасность — принять нейротразин, он имеется в аптечке каждого фургона.

Но ребята должны догадаться, просто обязаны, они только что прослушали короткую лекцию о тэта-излучении, о его взаимодействии с биополем мозга, и не так уж трудно сделать следующий шаг — понять, что нейротразин до предела уменьшит контакт биополя с тэта-излучением...

Рации молчали. Доктор откинулся на узкую спинку кресла. Он подумал, что совершил должностное преступление, но, странное дело, не испытывал ничего, даже отдаленно напоминающего стыд или угрызения совести.

За ним пришли через три минуты.

4 вандемъера 2026. Ближе к полудню.

— Ну, и что ты обо всем этом думаешь?

Купидон вел фургон с небрежной лихостью мастера, свесил левую руку наружу, и амулет на запястье, крохотный серебряный чертик, раскачивался над пунктирной линией разметки, летевшей под колеса трассирующей очередью.

— Все это в высшей степени странно,— сказал задумчиво Гамлет.— С одной стороны — голос, несомненно, принадлежит нашему эскулапу, но почему вдруг прервалась связь? Это наши-то рации способны отказать?

— И что ты этим хочешь сказать?

— А черт его знает, господа офицеры. Может быть, начались уже сюрпризы, а?

— Ты это серьезно?

— Я это серьезно,— сказал Гамлет.— Ничего ведь не знаем об этой проклятой твари. Вообще, в этом что-то есть — бить по сокровенному. Та же рукопашная — знай лупи по болевым точкам. Эй, Братец!

— Ну? — Братец Маузер отвел глаза от круглого голубого экранчика.

— Что у тебя самое сокровенное?

— Пива бы. С рыбкой домашнего копчения.

— Бездна воображения...

— А что делать? Вот вернемся — напрямик отправлюсь в «Гамбринус».

— Не каркай...

Они были чуточку суеверны. Они истово ждали своего часа, верили в свою звезду.

— Говорит «двойка», — раздался голос Виолы. — Как у вас, мальчишки?

— Все прекрасно, девочки, — Гамлет лениво курил. — Катим себе без руля и без ветрил.

— Что собираетесь предпринимать по сообщению Доктора?

— Ровным счетом ничего.

— Лично мы едим нейротразин.

— Это еще зачем?

— Чтобы уменьшить возможность тэта-излучения влиять на мозг. Советуем и вам.

— Знаешь, — сказал Гамлет, — ты училась на биофизическом, тебе легко рассуждать о биоизлучениях и прочем, а я, признаться, плохо верю даже Доктору. К тому же, это мог быть и не Доктор... Одним словом, мы посоветовались и решили — пусть каждый сам выбирает ли-

нию поведения. Кушайте таблетки, а мы подождем. Кстати, «тройка» к нашему мнению присоединяется. Мы...

Резко, пронзительно затрещал звонок, на экранчике заплясали алые зигзаги, и Братец Маузер повернул к ним побледневшее лицо:

— Тэта-излучение!

— Ага! — Гамлет выплюнул сигарету в окно. — Тройка, двойка, у нас клюнуло, идем по пеленгу! Рули, Купидончик, рули, все наверх!

Братец Маузер осторожно вращал верньеры. Хаотическое мелькание алых зигзагов постепенно становилось более упорядоченным, и вскоре экран крест-накрест пересекли две идеально правильные алые прямые, и он стал похож на оптический прицел. Гамлет перешел в кузов, нажал несколько кнопок. Рифленая стена кузова раздвинулась, в квадратное отверстие грозно глянул спаренный пулемет. Гамлет сдвинул предохранители и повел стволами вправо-влево, целясь в лес, мимо которого они мчались.

— Стоп! — рявкнул Братец Маузер, и Купидон мгновенно затормозил. — Где-то здесь, парни.

— И, судя по тому, что лес довольно густой, это уже не автомобиль...

Фургон стоял на обочине черной автострады. Перед ними был лес, немая стена деревьев, прятавших нечто неизвестное и непостижимое. Слабенький ветерок, синее небо и тишина, которую во что бы то ни стало нужно было разнести в клочья пулеметными очередями.

— Пошли, — сказал Купидон. — Гамлет, остаешься прикрывать. Братец, ты вправо, я влево.

Они вошли в лес, двигаясь среди стволов так, словно земля под ногами была стеклянной и, надавив подошвой сильнее, можно было провалиться вниз, где грузно клокочет кипящая смола. Они не знали, что увидят, и это было самое страшное — враг с тысячей лиц, тысячей обликов, помесь вурдалака с Протеем...

— Купидон! — зазвенел стеклянным колокольчиком девичий голос.

Он мгновенно развернулся в ту сторону, палец лег на курок, автомат нашел цель. И тут же опустился.

Между двумя раскидистыми дубами стояла девушка-кентавр, одной рукой она опиралась на тонкое копые с золотым наконечником, другой небрежно и грациозно отводила от лица упругую ветку. Лукавые, улыбчивые серые глаза обещали все и не обещали ничего, в волосах

запутались зеленые листья. Она легонько ударила копытом в мох и рассмеялась:

— Ты не узнал меня, глухой?

— Конечно, узнал, — сказал Купидон. — Ты — Меланиппа, амазонка из Фессалии, верно?

— Да, — сказала девушка, улыбаясь ему. — Ты, кажется, не удивлен?

— Нет, — сказал Купидон. — Я всегда верил в вас. Я знал, что были кентавры, была Атлантида, рыцари короля Артура, что древние сказители не выдумывали легенды, а описывали то, что видели. И вот — ты. Такой я тебя и представлял.

— И ты обронил как-то: «Увидеть фею и умереть...»

Ее лицо было юным и прекрасным, как пламя.

— Я красива? — спросила она.

— Ты прекрасна, — сказал Купидон.

— Спасибо, милый, — сказала Меланиппа.

И, улыбаясь нежно и ласково, метнула копьё.

Вцепившись обеими руками в несуществующее древко, Купидон медленно осел в траву, успел еще ощутить щекой сыроватую прохладу мха, и Вселенная погасла для него, исчезли мириады звезд, закаты и радуги.

Братцу Маузеру оставалось всего несколько метров до верхушки дерева, у подножия которого валялся брошенный им автомат. Он целеустремленно лез вверх. Он знал — сбылось, он оказался-таки птицей, большой белой птицей, и наконец сможет взмыть к облакам, проплыть по небу, как давно мечтал. Наконец спала эта глупая личина прикованного к земле бескрылого существа, и можно стать самим собой, красавцем лебедем...

Он взмахнул руками и камнем полетел вниз с высоты десятиэтажного дома. Он жид еще около двух минут, но сознание потерял сразу после удара, так что эти минуты достались лишь измученному телу.

В кабине фургона на черной панели погасли две синие лампочки из трех — остановились два сердца. Гамлет прижал к плечу приклад и выпустил длинную очередь по лесу, по немым деревьям. Нужно было сделать что-то, а ничего другого он сейчас не мог. Меж стволов мелькнула, пронесясь галопом, девушка-кентавр и, смеясь, угрозила ему пальцем. Гамлет прицелился в нее, но тут же отпустил гашетку — невидимые теплые ладони погладили ему виски, и теперь он совершенно точно знал, что ему следует делать. Он отодвинул пулемет назад, в глубь кузова, сел за руль и помчался к ближайшему городку.

На опустевшую дорогу вышла девушка-кентавр. Ее тело стало расплываться, терять четкие очертания, таять, вспухло куполообразное облако, пронизанное спиральными струями, белого дыма, а когда оно растаяло, на дороге стоял синий автомобиль. Он взревел мотором и умчался в сторону, противоположную той, куда скрылся фургон.

Он двигался со скоростью, не превышавшей допустимую, он ничем не отличался от других автомобилей той же марки, и даже водитель был на своем месте — по крайней мере нечто похожее на водителя ровно настолько, чтобы не привлекать излишнего внимания. Синий автомобиль промчался по старинному мосту, возведенному некогда для собственного удобства захожим римским легионом, проехал через деревню, сбавив скорость до предписанной дорожным знаком.

Увеличил скорость. Дорога круто сворачивала вправо, за гору. И там, за поворотом, стоял поперек дороги синечерный фургон. Из люка в борту торчали стволы спаренного пулемета — над прицельной рамкой обрамленное рассыпавшимися по плечам черными волосами азартное личико Эвридики. Синие глаза поймали цель в перекрестье стальных паутинок, и ударила очередь, длинная, как те письма, что остаются неотправленными. Казалось, она никогда не кончится. Из кабины молотили два автомата.

Синий автомобиль налетел на пули, как на невидимую стеклянную стену, рыскнул вправо-влево и остановился с маху. Алые ручейки текли из десятков пробойн по раскрошенным стеклам, по дверцам, по радиатору, стекались в огромную лужу, маслянисто поблескивающую на пыльном асфальте. Оглушительно лопнула брошенная Полковником граната, и взлетели куски кузова.

И стало очень тихо. В алой луже громоздилась бесформенная груда. Полковнику почему-то захотелось вдруг пожать плечами, но он подавил это глупое желание и поступил точно по инструкции — вызвал вертолеты. Услышав стон, обернулся. Эвридика лежала на казеннике пулемета, сжимая виски тонкими пальцами.

Сначала он подумал, что это обыкновенная истерика, и приготовился оборвать ее пощечиной, но Эвридика подняла голову, по-детски жалобно и беспомощно пожаловалась:

- Было больно. Как иглы в виски.
- А теперь?
- Теперь уже нет.

— И то ладно,— буркнул Полковник.

Он снова посмотрел на бесформенную грудку в кровавой луже — подсыхая, кровь принимала странный синеватый оттенок. И это все, так просто? Так, можно сказать, буднично? Он чувствовал легкое разочарование непонятно в чем. Может быть, в самом себе.

— Центр, я «тройка»,— он включил рацию.— Следую в квадрат 3-14 как наиболее вероятное...

— «Тройка», слушайте приказ! — рывкнули, перебив его, динамики,— Купидон и Братец погибли. Гамлет идет в квадрат шесть. Десять минут назад он обстрелял автобус. Есть жертвы. Немедленно обезвредить, вы поняли? — Голос на несколько секунд отдалился и снова набрал силу: — Только что он бросил гранату в летнее кафе.

Полковник отодвинул Ясеня, сам сел за руль. Фургон взревел и прыгнул вперед.

— Стрелять на поражение,— сказал Полковник, не оборачиваясь.— Ясно?

— Но это же Гамлет,— тихо сказала Эвридика.

— Был Гамлет...

...Гамлет прибавил газу. Рядом с ним стволом в сторону окна лежал автомат, еще горячий от недавних очередей. Гамлет ощутил удовлетворение, вспомнив, как вдребезги разлетались стекла автобуса. Теперь он совершенно точно знал, что должен делать, и благодарил эту неизвестную силу, давшую ему холодную ясность знания. Он еще раз вспомнил все, что произошло три года назад — зачистившего в дом элегантного штурмана торгового флота, интуитивно уловленную им перемену в поведении жены и, наконец, тот вечер, когда он вернулся на день раньше, чем предполагалось, и никаких неразгаданных умолчаний больше не осталось.

Он прибавил газу — навстречу на велосипеде ехала девушка. Гамлет резко бросил машину влево. Фургон снес девушку, как кегельный шар сбивает одуванчик, и помчался дальше. Улыбаясь солнцу, Гамлет губами вытянул из пачки сигарету. Он был счастлив — впервые в жизни не оставалось ровным счетом никаких сложностей и неясностей, он совершенно точно знал свое предназначение.

Женщин следовало убивать. Всех. Этим он уменьшал количество зла, мстил за себя и за других.

При въезде в городок он сбавил скорость до двадцати и вертел головой, выискивая цели. Одной рукой ловко вставил новый магазин и положил автомат на колени.

Девушка-регулировщица в аккуратной голубой униформе скучала на пустой площади, она с любопытством посмотрела на фургон явно не известной ей марки, шагнула даже в его сторону. Гамлет поднял автомат и выпустил очередь почти в упор. На тротуаре кто-то длинно и страшно закричал. Гамлет свернул в боковую улочку — над крышами домов он увидел острый шпиль колокольни и вспомнил, что сегодня воскресенье. Увидев перед церковью несколько экипажей, украшенных цветами и разноцветными лентами, он понял, что не ошибся, взял автомат и выпрыгнул из кабины.

Он вошел в прохладу церкви, короткий автомат в его руках затрясся и загремел. Люди шарахнулись, упала невеста, еще несколько человек, патер сползал по алтарю, цепляясь за резьбу, и его ладони оставляли красный след. Гамлет сменил магазин и, смеясь, стрелял, пока в церкви не осталось ничего живого.

— Вот так, — сказал он громко, повернулся и вышел. Вслед ему равнодушно и благостно смотрели с икон простреленные святые.

Он остановился на паперти и подумал: неужели от жары двоится в глазах, почему фуругонов два? Тут же что-то нестерпимо горячее лопнуло в груди, колющие змейки боли пронзили тело, руки стали ватными, колени подломились, он выпустил автомат и стал падать, запрокидываясь назад.

Полковник, держа кольт в опущенной руке, медленно пересек залитую солнцем площадь. Мельком он подумал, что выглядит точь-в-точь как шериф из старого вестерна. Эта мысль рассердила, и от нее стало больно, потому что это был Гамлет, потому что такого не должно было произойти.

Гамлет был еще жив, он разлепил глаза, и по их выражению Полковник понял, что Гамлет его видит. В глазах не было гнева — только безмерная досада человека, которого неизвестно почему оторвали от нужного и важного дела. Задохнувшись от жалости и гнева, Полковник выстрелил почти в упор.

Где-то поблизости завывала полицейская сирена, но, опережая ее, на площадь камнем упал военный вертолет. Полковник отвернулся и медленно отошел к фургону.

Встретился взглядом с Эвридикой — глаза огромные и сухие.

— Тебе не кажется, что мы уже мертвые, мой колодель? — спросила она громко.

— А черт его знает, — сказал Полковник. Сам он не сомневался, что так оно и есть. — Разговорчики в строю...

— Хорошенькая компания, — сказала Эвридика, — несостоявшаяся художница, графоман и бывший студент, а ныне полковник. Плюс инопланетяне. Смеху-то...

— Помолчи, пожалуйста, — сказал Полковник устало.

— Молчу, молчу... — Она отодвинулась с места водителя и с подчеркнуто безучастным выражением лица включила магнитофон.

«Ша-агом!» Грязь коростой на обмотках мокрых.

«Арш!» Чехол со знаменем мотает впереди.

«Правое плечо!» А лица женщин в окнах не прихватишь на борт, что гляди, что не гляди.

Даешь! Не дошагать нам до победы.

Даешь! Нам не восстать под барабанный бой.

Стая хищных птиц
вместо райских голубиц —

и солдаты не придут с передовой...

Полковник, опершись спиной на колесо, равнодушно следил за суетой возле вертолета и церкви. Он подумал, что все это как-то ничуть не похоже на классическую, каноническую, обыгранную в сотнях книг и фильмов агрессию коварных пришельцев из космоса. Ничуть не похоже.

4 вандемьера 2026. Вторая половина дня.

— «Неистовый Роланд», — сказал Малыш.

— Что? — переспросил Ланселот.

— Поэма Лодовико Ариосто, — пояснил Малыш. — Шестнадцатый век. О рыцаре Роланде, который сошел с ума и носился по дорогам, убивая всех попадавшихся на пути. Похоже, правда?

— Я и не подозревал у тебя таких знаний.

— А это была одна лапочка, — безмятежно сказал Малыш, — она как раз по этим Роландам специализировалась. Так что, похоже? Можно так и закодировать операцию. Ты со мной согласен, о самый верный рыцарь короля логров?

Он перевернулся на спину и закусил травинку. Он был крепко сбитый, рыжий и самый молодой из троих. Даже когда он оставался серьезен, казалось, что он улыбчиво щурится — бывают такие лица.

— Еще парочка подобных лапочек — и можешь поступать в Сорбонну,— проворчал Ланселот.

Едва слышно потрескивала рация. Поодаль, под деревьями стоял «Мираж», скоростной и маневренный аппарат вертикального взлета. Оглянувшись на него, Малыш спросил:

— Тебе не кажется, что мы сами выдаем себя этой колымагой?

«Мираж» обладал великолепными летными качествами, но был чересчур дорог для серийного производства, и на Земле существовало всего около пятидесяти этих машин, использовавшихся, в основном, учреждениями ООН. Это было почти то же самое, что разгуливать с визитными карточками на лацканах.

— Все делалось в спешке...— сказал Ланселот.

— За географов или зоологов мы вряд ли сойдем,— сказал Малыш.

— Ничего,— сказал Леопард.— Тэта-излучения мы не испускаем, так что никто в нас стрелять не будет. Правда, сидеть в тюрьме у этих динозавров тоже не очень-то приятно.

Малыш снова оглянулся на «Мираж».

— Я эту птичку продену сквозь игольное ушко. Воздушное пространство они практически не патрулируют. Как я прошел кордоны, а?

Малыш действительно виртуозно, едва ли не сквозь кроны деревьев, провел машину внутрь заблокированного района.

— Я бы на их месте непременно выпустил в воздух на постоянное патрулирование две-три эскадрильи,— не унимался Малыш.

— А я бы на их месте эвакуировал население и провел массированную проческу,— зло сказал Ланселот. Он сидел, обхватив подтянутые к подбородку колени, и ни на кого не смотрел.— Только ничего подобного они, конечно, не сделают, будут прилежно разыгрывать спасителей земной цивилизации.

— Я не понимаю,— сказал Малыш.— Нет, правда. Одна-две дивизии наших десантников, подкрепленных брониками и авиацией — и конец.

— Одна маленькая загвоздка — у этой страны существуют границы...

— Ну и что? Рывок! — Малыш взмахнул ладонью, словно разрубал что-то.— Обстоятельства таковы, что не до чайных церемоний. Не настолько они все же носятся

со своей независимостью, чтобы начинать с нами войну, когда по дорогам мотается этот неистовый Роланд?

— Как знать, как знать...

— Шутить?

— Может быть,— сказал Леопард.— Кто их знает...

— Вломиться к ним технически несложно,— сказал Ланселот.— Гораздо сложнее будет расхлебать последствия сего кавалерийского наскока. Я не о дипломатических демаршах — о том морально-этическо-юридическом лабиринте, в который мы угодим. Если уж решили уважать их суверенитет, пусть и выглядящий смешно...

— Но ситуация...

— А вот этого уже не нужно,— с ласковой угрозой сказал Ланселот.— Всякий раз, когда начинали ссылаться на чрезвычайные обстоятельства, позволяющие якобы отбросить мораль, право и писанные законы, получалось совсем скверно...

— Да нет, я все понимаю, ты не думай,— сказал Малыш.— Обидно просто, что все так глупо...

— Думаешь, мне не обидно?

Они замолчали и повернули головы к радию — показалось, что прозвучали позывные орбитальной станции «Фата-моргана», но это и в самом деле только показалось, нервы были как проволочки мины натяжного действия, реагирующие на легкое касание.

— Хорошо,— сказал Малыш.— Мои предыдущие высказывания отмечаем, как продиктованные интеллектуальной незрелостью. Лапочек-специалисток по международному праву у меня еще не было. Но почему мы сидим, как барсуки в норе, командор? Кропотливо фиксируем все перипетии охоты, и только? Зачем мы здесь?

— Потому что нужно хоть что-то делать...

— Тогда почему мы не вступаем в игру?

— А что мы можем сделать сверх того, что уже делается? Помолчи, не создавай радиопомех...— Леопард швырнул в Малыша пустую пластмассовую бутылку из-под тоника, и Малыш, демонстрируя великолепную реакцию, отбил ее ребром ладони. Оба расхохотались. Ланселот отвернулся.

Бесполезно, подумал он тоскливо. Они не могут проникнуться всей серьезностью ситуации, и дело тут не в том, что Малыш практически не общался с имеющим некоторые скверные привычки жареным петухом, а Леопард не оперативник — я и сам не могу проникнуться всей серьезностью, сидя здесь, на поляне, в мягкой траве,

где отчаянно верещат кузнечики, а небо нереально синее, и никто не стреляет, нет страшных чудовищ, рёва, огня и пламени...

— Я ничего не могу понять, — словно подслушав его мысли, сказал Леопард. — Конечно, я всегда был уверен, что Контакт будет не похож на все, что вокруг него нагородили, но все равно не покидает ощущение, что это больше всего смахивает на трагическую нелепость. Это не контакт, это и не агрессия, это и нельзя назвать непониманием, перешедшим в схватку, — это просто нелепость. Малыш прав — какой-то неистовый Роланд. Я не могу построить мало-мальски пригодной гипотезы — герой поэмы Ариосто, бешеный волк...

Малыш покосился на него с уважением. Леопард был не из оперативного состава — он работал в одном из секторов отдела стратегического планирования группы ксенологии при ООН, как раз и занимался в числе прочего разработкой вариантов гипотетического контакта, пытался просчитать все мыслимые и предугадать немислимые. Подробности Ланселот не знал. Он сам был узким специалистом, и его вполне удовлетворило заявление Ферзя, что Леопард — крупный специалист в своей области. Впрочем, подумал Ланселот, случая применить свои знания на практике у него не было. Да и сейчас нет. Просто, коли уж существуют на Земле ксенологи, их представителя следовало включить в состав опергруппы.

— Бешеный волк? — задумчиво повторил Малыш. Ланселот заметил, что ксенологу удалось никак не удавшееся ему самому — как-то незаметно он настроил Малыша на серьезный лад...

— Да, — сказал Леопард. — Какая-то грустная пародия на «космическую оперу». Знаете, на что я давно обратил внимание? Никто, собственно говоря, не рассматривает этого пришельца как Пришельца. К нему с самого начала отнеслись рационально и незатейливо — как к бешеному волку, которого следует поскорее обезвредить.

— Но это местные... — сказал Малыш.

— Увы, мы тоже. Нашим — да и мне самому, честно говоря, — просто не приходит в голову устанавливать с ним контакт, используя все эти кропотливо разработанные методики. Мы не рассматриваем его как партнера — пусть и коварного партнера, злонамеренного. А потом удивляемся, что и он не рассматривает нас как партнеров.

— То есть, ты уверен, что мы подошли неправильно? — спросил Ланселот.

— Я всего лишь хочу сказать, что сам ничего не понимаю. Все наши разработки при встрече с действительностью, как и следовало ожидать, полетели к черту, альтернативы мы пока не нашли. Может быть, сыграло свою роль и то, что это — не космический корабль, сверкающий и загадочный инопланетный звездолет?

— Я — Коралл, — раздался голос радиста «Фата-морганы», и они настороженно замерли. — Один из фургонов сближается с источником тэта-излучения, совершающим странные эволюции. Квадрат семь-одиннадцать.

— Вперед? — Ланселот пружинисто выпрямился.

— Вы летите, а я пока идиллически посижу на полянке, — сказал Леопард. — Свяжусь через станцию с нашими, есть одна идея для «мозгового штурма». Оставьте один терминал.

— Может быть... — поколебавшись, Ланселот вытащил пистолет, держа за ствол, протянул Леопарду.

— Нет, это не мой инструмент, — сказал Леопард. — «Мобиль» на меня вряд ли вынесет, а против местных ты сам не стал бы применять оружие, правда? Если и произойдет какой-нибудь инцидент, получится тот самый дипломатически-юридический казус — у меня документы сотрудника ООН, припаяют разве что незаконный переход границы.

— Ладно, — сказал Ланселот. — Сиди, если действительно нужно. Только не высовывайся. Мы постараемся скорее вернуться.

«Мираж» взмыл с шелестящим свистом, налетевший вихрь покачнул кроны сосен и погас. Леопард ничком лег в траву, подпер щеки ладонями и сосредоточенно следил, как недалеко от его лица взбирается по гибкой травинке зеленый кузнечик. Он любил думать в полном одиночестве и тишине.

Разноцветные кусочки никак не складывались в мозаику. Непонятно было, чего добивается Пришелец и стремится ли он вообще чего-нибудь добиться; непонятно было, в чем же должна заключаться миссия Ланселота и его собственная — разве что случится нечто, требующее вмешательства. Но что от них потребуется и окажутся ли они в состоянии это выполнить? Наконец...

— Встать, руки вверх! — рявкнули за спиной.

Леопард взмыл, словно его пятнистый тезка, инстинктивно полез в карман за удостоверением Института —

нужно было что-то объяснить, как-то договориться. Он не успел, да и не собирался подумать, как расценят его резкое движение нервничающие, ничего не соображающие толком полицейские, не посвященные во все обстоятельства дела и порядком напуганные всей этой чертовщиной, о которой ходили самые дурацкие слухи.

Он успел еще увидеть азартно-испуганное лицо безусого капрала и пульсирующую на конце ствола желтую бабочку пламени. Треска очереди он уже не услышал — земля вывернулась из-под ног, словно он поскользнулся и сорвался с планеты в космическое пространство, небо закружилось и погасло.

Зеленый кузнечик прыгнул Леопарду на щеку и укакал дальше. Полицейские осторожно приближались.

4 вандемьера 2026. Ближе к вечеру.

Они сидели в траве возле фургона — тоненькая светловолосая Виола, спортивного типа человек — Гранд и угрюмый здоровяк Бронтозавр. Фургон стоял в распадке, вокруг были отлогие, поросшие лесом склоны.

— Ну, пообедали, — сказал Гранд. — Что дальше, господа офицеры? Он же в прятки с нами играет, этот гад. Засекли четыре раза, и каждый раз смывается.

— Может, не стоило глотать таблетки? — спросил Бронтозавр.

— Не исключено, что это повлияло...

— Поздно теперь.

— Ребята уже одного хлопнули.

— И одну группу мы уже потеряли, — сказал Гранд. — Паршивый это счет, честно говоря — око за око...

— Есть у меня идея, — признался Бронтозавр. — По части уловления. Пойду кое-что смонтирую. Посидите пока, это минут на пятнадцать.

Он, ворча, залез в кузов, принялся там чем-то греметь и звякать.

— Деликатный он у нас человек, верно?

— Ага, — засмеялась Виола и потянулась к нему. — Целуй скорее. Что с тобой сегодня?

— Сама знаешь.

— Ну конечно. Ты беспокоишься за меня, я беспокоюсь за тебя, а на небесах нет никого, кто беспокоился бы за всех... — Виола прижалась к нему. — Не думай ты

об этом. В конце концов в мире нет ничего вечного, кроме смерти, так что будем фаталистами. Обними меня.

— Я не хочу быть фаталистом.

— Ты не хочешь, я не хочу... А работа наша хочет. И жизнь наша тоже хочет.

— Извините, ребята, некогда,— хмурый Бронтозавр стоял над ними.— Радар его поймал, эта сволочь где-то поблизости. Идея такая — мы сворачиваем вон туда, вниз, за поворотом выпрыгиваем и пускаем машину дальше на дистанционном управлении и ждем...

Идея была не самой плохой, тем более что других и не было. Они проделали все так, как было задумано,— спустились вниз по распадку, выпрыгнули из машины, и сине-черный фургон самостоятельно двинулся дальше по лесной дороге. Впереди пологий склон, за ним примерно в полукilометре — лес. И тишина.

— Бегом в лес,— шепотом приказал Гранд.

И вдруг лица им опалило сухим жаром. Деревья за их спинами вспыхнули, трескучее пламя разлетелось в обе стороны с нереальной быстротой, и тут же грохнул взрыв. Фургон взорвался — вместе с пулеметом, гранатами, радарами и приборами, призванными разгадывать тайны «мобилей». Они остались на пустынной дороге — три человека, три автомата, не так уж много патронов, и портативная рация, на всякий случай прихваченная Грандом.

— Перебежками, до леса! — крикнул Гранд.— Достал все же, сволочь! Но и мы его заперли тут. Не уйдет!

Они побежали. За спиной гудело пламя, рушились пылающие сосны. Они бежали и успели пробежать ровно половину расстояния, отделявшего их от деревьев. Там, куда они стремились, застрочили автоматы и очереди вспороли землю. Они залегли. Пожар прекратился так же необъяснимо, как и начался. Из того леса, куда они не добежали, появилась группа человек в двадцать в пятнистых маскировочных куртках и касках и, стреляя на ходу, в рост двинулась к оперативникам.

— Это же наши! — вскрикнул Гранд.— Нужно как-то объяснить...

— Парень, ты глупеешь на глазах,— плюнул Бронтозавр.— Какие там, к дьяволу, наши... Переиграл он нас, хамелеон чертов. Радируй!

Гранд включил рацию, но из динамика рвался лишь адский вой, свист и щелканье — помехи на всех диапазонах.

Двадцать автоматов у противника. По три магазина на человека — у них, да еще одна-единственная граната. Расклад боя был ясен, как теорема Пифагора, достаточно вспомнить известную формулу, гласящую, что нападающий теряет в три раза больше людей, чем обороняющийся. Отсюда следовало, что, потеряв даже половину своих фантомов, «мобиль» разделается с группой.

Гранд передернул затвор. Виола подползла ближе, ее плечо коснулось его плеча, и тоскливая грусть стала не такой беспросветной.

— А ведь не так уж и плохо,— печально улыбнулась она,— они жили недолго и умерли в один день...

— Ну, поехали? — сказал Бронтозавр.

Затрещали три автомата — «двойка» приняла бой.

4 вандемьера 2026. Ближе к вечеру. Центр.

Генерал поднял голову — в кабинет вошел молодой офицер в белом распахнутом халате поверх мундира.

— Только что вернулась посланная к месту падения «Махаона» опергруппа,— сказал он.— Это не авария.

— То есть?

— Несомненная инсценировка. Самолет не падал. Его аккуратно посадили и взорвали уже на земле. Ошибка исключается.

Генерал посмотрел совсем не ласково. Лицо офицера выражало лишь азарт и удовлетворение шахматиста, разгадавшего замысел противника, и Генерала это неприятно задело — никакого осознания того, что они защищают человечество. Мальчишка, пустой, самовлюбленный юнец... И ты еще считаешь, Король Марк, ваше величество, что все, кто работает с тобой, насквозь осознали твои замыслы и прониклись сознанием, что однажды Земля просто не сможет без них обойтись? Ясно, как день, что для мальчишки это не более чем захватывающая игра в сыщика и вора.

— Идите,— сухо сказал Генерал.

Ничего тут не было загадочного. Ни капельки. Чертовы наблюдатели из ООН попытались проникнуть в оцепленный район по воздуху, что и удалось. Аварии они могли инсценировать несравнимо более искусно, однако сработали крайне топорно. В их недосмотр или низкую профессиональную подготовку Генерал не верил. Вероятнее всего, они просто не считали нужным маскироваться более тщательно, и в этом был свой ре-

зон — где их теперь искать? Где искать обыкновенных людей, если никакого прочесывания не будет? Хотя... Он подумал, что не зря все же отправил в блокированную зону несколько полицейских нарядов с приказом задерживать всех подозрительных.

Он нажал одну из клавиш селектора, но дверь отворилась даже раньше.

— Я вызывал вас, — чутьчку растерянно Генерал кивнул на селектор.

— А я сам шел к вам, — сказал майор и положил на стол тонкую серую папку. — Генерал, происходят странные вещи. Внутри оцепленного района несколько часов находится «Мираж», скоростной аппарат вертикального взлета без опознавательных знаков. Как он туда попал, неизвестно. Кроме того, мы фиксируем интенсивный радиообмен.

— Кто с кем?

— Неизвестно. Используется аппаратура, до предела затрудняющая перехват и пеленгацию. Удалось лишь установить, что передатчики, ориентировочно три-четыре, почти непрерывно движутся со скоростью, превышающей скорость пешехода.

Вот оно, подумал Генерал. Спецгруппы ООН. И поздно что-нибудь предпринимать... или нет? Он снял трубку:

— Канцелярию премьера. Говорит Генерал. Срочно по прямому. Итак, ваше превосходительство? Нет? Да, в самом скором времени...

Премьера так никто и не побеспокоил, штаб-квартира ООН хранила полное молчание, и это могло означать только одно — там ничего еще не знали, возня вокруг района приземления «конуса» всего лишь привлекла внимание кого-то из внедренных сюда наблюдателей. Генерал яростно пытался убедить самого себя, что все обстоит именно так, и никак иначе. Но даже если так и было, вряд ли потребуется много времени, чтобы докопаться до истины, и ООН...

Они обязательно вторгнутся, не могут не вторгнуться. Генерал именно так поступил бы на их месте. Они вмешаются, и инициатива перейдет к ним, и спасителями окажутся именно они, и уже никому не доказать, что...

Что-то рушилось в его душе, он шел куда-то в темноту и не мог остановиться, передумать — слишком многое было поставлено на карту.

— «Мираж» был замечен в местах контактов опергрупп с «мобилями»?

— Несколько раз.

— Свяжитесь с Икаром, майор. Пусть пошлет истребители. «Мираж» — сбить.

— Я не могу отдать такого приказа, — ровным голосом сказал майор, и Генерал понял, что все его упорство разобьется об этот глуховатый ровный голос, что офицер, которого он знал одиннадцать лет, впервые в жизни не выполнит приказа. Сначала Доктор, теперь этот... Предавали самые близкие и верные.

— Так, — сказал Генерал. — У меня нет времени удивляться или сердиться. Значит, нет?

— Нет. Эта-излучения «Мираж» не испускает. Это наверняка сотрудники ООН.

— Шпионы ООН, — таким же ровным голосом поправил Генерал. — Лицо, незаконно проникшее в запретную зону, классифицируется как шпион. Это одна сторона вопроса. А другая... Вы все же не можете дать стопроцентную гарантию, что «Мираж» не является очередной метаморфозой одного из «мобилей»?

— Такой гарантии я дать не могу. — выговаривая старательно и четко, словно плохо знающий язык иностранец, сказал майор. — Но косвенные данные...

— Меня не интересует «но». Итак, стопроцентной гарантии, как вы сами подтверждаете, нет. Вызывайте Икара.

— Я отказываюсь выполнить приказ, — сказал майор. — Можете отдавать распоряжение о моем аресте.

— Убирайтесь, — Генерал не поднял глаз от стола. — Считайте, что вашу просьбу об отставке я удовлетворил вчера.

— Вынужден отклонить ваше любезное предложение. Предпочитаю быть арестованным за невыполнение приказа.

— В таком случае сдайте оружие коменданту здания и доложите, что вы арестованы, — сказал Генерал.

На миг им овладело острое желание расплакаться — они упорно не хотели понимать, сколь велики ставки, сколь серьезна игра. В момент, когда почти все завершено, вдруг появляется опасная помеха, посторонние люди, плохо информированные и оттого способные все разрушить, он полностью убедил себя, что там, в стеклянном параллелепипеде здания штаб-квартиры ООН,

ничего не знают. По крайней мере, в данную минуту ему казалось, что он убедил себя в этом.

Он нажал клавишу:

— Икара. К вам поступили сведения о «Мираже»? Прекрасно. Сбейте его немедленно. Только вот что... Не нужно его решетить. Поделикатнее, насколько это возможно. Просто заставьте его приземлиться. Поручите это самым опытным пилотам. Я понимаю, полной гарантии, что никто не погибнет, нет, я не отдаю вам категорический приказ, я только говорю — сделайте все возможное, чтобы люди не пострадали. Это крайне желательно. Я рад, что вы понимаете всю деликатность и сложность ситуации. Выполняйте.

Потом он отдал приказ отправить в оцепленный район несколько опергрупп — одна, взаимодействуя с Икаром, должна была захватить экипаж «Миража», другим предстояло сделать почти невозможное — запеленговать кочующие радиопередатчики и задержать радистов. Затем он назначил на место майора дельного офицера. Перелистал оставленные майором скудные данные о «кочевниках». Несомненно, они поддерживали связь в основном с космическими объектами. Генерал встал из-за стола и почти метнулся в угол, к терминалу, выдвинул плоский блестящий пульт.

Да, не оставалось никаких неясностей. Орбитальная станция «Фата-моргана», осуществлявшая основной надзор за страной, выпустила два суточных спутника, служивших, очевидно, еще и ретрансляторами. ООН проводила широкомасштабную операцию.

Генерал не удержался от ругательства вслух. И тут же остыл. Вторжения до сих пор не последовало. Правда, нужно было немедленно убедить премьера привести войска в боевую готовность...

Он нажал клавишу и спросил:

— Что «двойка»?

— «Двойка» молчит, Генерал. Передатчик не пеленгуется, словно он не работает или его не существует. Согласно инструкциям, они должны были постоянно держать аппаратуру включенной...

И тут же ворвался второй голос, звенящий от беспокойства и напряжения:

— Генерал, на координатах «двойки» мощный источник непонятных помех!

И третий голос:

— Я — Икар. Передаю сообщение наблюдателей.

«Мобиль» разделился на несколько объектов, имитирующих вооруженных людей. Между ними и вашими оперативниками идет бой. Один из ваших, похоже, вышел из игры.

— Кто сообщил?

— Мои истребители над распадком. «Автоматчики» «мобиля» значительно превосходят числом ваших людей. Жду указаний.

Генерал взглянул на экран дисплея. Икар, словно перехватив его взгляд, сказал:

— Ваши никак не продержатся до прибытия вертолетов с десантом.

Молчание. Генералу показалось, что связь внезапно прервалась, и он воскликнул:

— Икар!

— Слушаю, — сказал Икар. — Я просто молчу.

— Почему? — вырвалось у Генерала, и он тут же ощутил жгучий стыд — вопрос прозвучал донельзя глупо. Наверняка Икар ухмыльнулся — тридцатилетний командующий ВВС, месяц назад получивший первую генеральскую звезду, уколиций красавец, всегда напоминавший Генералу кондотьера со старинной фрески, хранившейся в городском музее. Генерал вдруг понял, что так и не знает, как же он относится к Икару.

— Просто молчу, — сказал Икар. — Жду приказа.

— Приказа? — машинально повторил Генерал.

— Мы военные люди, Генерал. Ваши люди там, в распадке, практически мертвы, а ситуация для уничтожения «мобиля» крайне благоприятная.

Генерал понял его, хотя так хотелось не понять... Времени на раздумья не оставалось, и Генерал испытал странное ощущение — словно какая-то опухоль, злоещее инородное тело возникло внутри и распухло, прорастало в организме холодными жгутиками, тянувшимися вверх — к сердцу, к мозгу все ближе подступал холод...

Генерал повернулся к селектору.

4 вандемьера 2026. Ближе к вечеру. Распадок.

Бронтозавр лежал так, будто хотел в свои последние секунды одним прыжком добраться до врага — он умер словно бы на бегу. Виола била одиночными. Гранд то стрелял, то с безумной надеждой принимался крутить верньеры рации. Напрасно — помехи заглушали все.

Их обоих ранило уже не один раз, а противников оставалось больше десятка. Они упорно стремились прорваться.

Гранд услышал знакомый свистящий рев и перевернулся на спину. В небе над распадком кружили несколько серебристых треугольников — пикировщики. Виола тоже увидела их, в ее глазах мелькнула надежда и тут же погасла. Гранд понял, о чем она думает, — он только что прикинул все сам.

Вертолеты с десантниками наверняка не успеют. А пикировщики не станут бомбить распадок, пока живы они с Виолой. Несомненно, «мобиль» это тоже сообразил — фантомы, прекратив огонь, торопливо подбирались ближе.

Гранд взглянул на Виолу, и она ответила ему грустным, но спокойным взглядом, попыталась улыбнуться и прошептала:

— Они жили недолго, и умерли в один день...

Пикировщики кружили, словно птицы над разоренным гнездом. Рация завывала и хрипела.

Вокруг был лес, вверху было до боли синее небо, под их израненными телами — круглая и тяжелая, теплая планета, которую нужно было защитить, они оба твердо были в этом уверены.

Гранд подполз к Виоле, обнял, уткнулся лицом в мокрые от крови светлые волосы. Сжал левой рукой тяжелый цилиндр. Помедлил несколько секунд. Ладонь Виолы накрыла его губы, и тогда он рванул чеку.

Пикировщики рванулись вниз, когда не успел еще опасность фонтан вырванной взрывом земли, и на распадок обрушились потоки жидкого огня, в котором исчезли трава, деревья, неподвижные тела фантомов и те живые, что в последнюю секунду снова попытались слиться воедино.

Гранд и Виола так никогда и не узнали, разумеется, что Генерал отдал Икару приказ бомбить распадок, и по чистой случайности этот приказ был получен пилотами лишь за несколько секунд до взрыва гранаты. Пожалуй, и к лучшему это было — что не успели они ничего узнать и ни в чем не разочаровались...

4 вандемьера 2026. Центр.

Дверь распахнулась, и вошел Икар, подтянутый, чертовски элегантный, временами вызывавший у Гене-

рала острые приступы ностальгии по собственной молодости — редкие и почти сразу проходившие, к счастью.

— Включите телевизор, Генерал. Девятый канал, — сказал он и, не дожидаясь ответа, сел в первое попавшееся кресло лицом к экрану. Генерал коснулся сенсора.

— ...сведения, что блокирование района продолжается, более того — переброшены дополнительные воинские части, — говорил человек, в котором Генерал сразу узнал лидера одной из оппозиционных нынешнему кабинету партий. — Всякая связь района с внешним миром прервана. Ходят слухи, что армия приведена в боевую готовность. Только что поступило сообщение: вертолет с операторами телекомпании, которая ведет эту передачу, обстрелян и сбит при попытке проникнуть в блокированный район. Судьба находившихся в нем неизвестна. Я считаю, что настал момент потребовать у правительства немедленного и недвусмысленного ответа: что происходит в стране? Следовало бы задать этот вопрос еще до наступления ночи, чтобы...

Икар встал и отключил звук.

— А ведь когда-то с такими крикунами поступали просто, — сказал он задумчиво, с непонятными интонациями. — Итак, Генерал, вы оценили ситуацию?

— Что это за вертолет с телеоператорами? — отчеканил Генерал.

— Шел напролом и не подчинился троекратному предупреждению и требованиям изменить курс, — пожал плечами Икар. — Соответствующим образом проинструктированные пилоты...

— Почему вы не сообщили?

— Просто-напросто не успел.

— Что с людьми?

— Мне еще не докладывали. Знаю только, что вертолет загорелся еще в воздухе. Вы сами сказали мне, что полной гарантии безопасности людей нет, но тем не менее следует применить оружие...

— Что?

— Вы, — сказал Икар. — Я расценил ваши слова как приказ, обязывающий моих летчиков проявлять решительность и жесткость по отношению к объектам, появляющимся в воздушном пространстве блокированного района.

Он говорил гладко, совершенно бесстрастно, и намешки в глазах не было, но Генерал все же улавливал иронию в голосе,

— Мой приказ?

— Ваш приказ,— Икар не отводил взгляда.— Я военный человек, Генерал, я исполняю приказы, и у меня нет ни права, ни желания искать в них какие-то подтексты.

— Я не приказывал вам сбить вертолет.

— Однако приказали сбить «Мираж». Кстати, он сбит.— Икар pokrивил губы.— С максимальной деликатностью, как вы и приказывали. Мои пилоты видели, как раскрылись два парашюта. Дальнейшее — дело ваших наземных групп. Право, мне очень жаль, что так получилось с вертолетом, но существует критическая ситуация, и существует отданный мне приказ.

— Икар,— сказал Генерал.— А что, если бы вы получили приказ нанести удар по целям за пределами страны?

— А вы? — Икар впервые откровенно улыбнулся, и Генерал понял, что чувствует не злость, а страх — перед этим невозмутимым и холодным взглядом, направленным словно поверх вороненого ствола. Холод поднимался все выше, охватывал сердце, и Генерал подумал, что он, кажется, вовсе не знал людей из своего ближайшего окружения.

— И все же?

— Все же? — повторил Икар.— Мне часто приходит в голову, что человечество совершило огромную глупость, повсеместно уничтожив армии. Испокон веков армия служила надежным средством борьбы против беспорядка, хаоса... Не волнуйтесь так из-за этого вертолета, право. Нужно торопиться, пока нам не посыпались на голову дивизии ООН. Если позволите, довольно о вертолете, перейдем к более важным вопросам. Этот болтун,— Икар мотнул головой в сторону телевизора,— не способен, я считаю, причинить нам особые неудобства. Премьер придумает что-нибудь, оттянет на завтра чрезвычайную сессию парламента, если оппозиция добьется ее созыва. Тем временем мы успеем покончить с последним «мобилем». Премьеру еще не надоело быть премьером, и он понимает, что эта история...

— Икар!

— Ах, простите, я употребил неподходящий эпитет,— сказал Икар.— Я совсем забыл, что мы героически противостоим инопланетной агрессии. Генерал, а вам не приходило в голову, что эта тварь может оказаться всего-навсего взбесившейся мартышкой, удравшей из какого-

нибудь галактического зверинца и кусающей встречных-поперечных? Очень уж не похоже все ни на серьезную агрессию, ни на разведку боем, право...

— Икар,— глядя в стол, сказал Генерал.— Я решил отстранить вас от дальнейшего участия в операции. Разбором ваших действий, повлекших за собой гибель вертолета, мы займемся после ее завершения.

— Ну да, конечно. (Генерал отметил, что Икар ничуть не удивлен.) Я ожидал чего-то в этом роде. Надеюсь, я не арестован?

— Нет. Вы просто отстранены.

— Это уже легче. Хотя... Меня никогда в жизни не арестовывали, было бы даже интересно.

— Убирайтесь,— сказал Генерал.

— Даже так? Что ж, не стану вступать в пререкания со старшим по званию. Честь имею...

Он встал и зашагал к двери. Уже распахнув ее, вновь закрыл и обернулся:

— Генерал, ради бога, простите за ма-аленькую парфянскую стрелу. В своих мыслях о себе как о спасителе человечества вы дошли уже до будущего монумента в вашу честь? Или пока нет? Ответ меня, признаться, абсолютно не интересует. И еще. Вам сейчас принесут очередное донесение — я как раз проходил мимо дежурного, направляясь к вам... Полицейским патрулем в блокированном районе при попытке к бегству был застрелен подозрительный тип. При обыске найдены документы. Это ксенолог из научных учреждений ООН. Разумеется, во всем следует винить капрала, с перепугу открывшего стрельбу...

И дверь захлопнулась за ним. Генерал с застывшим лицом слепо шарил руками по столу. Пальцы нащупали авторучку. Авторучка хрустнула и переломилась пополам, платиновое перо вопилось в мякоть большого пальца, но Генерал не почувствовал боли. Швырнул обломки под стол, в корзину.

Присутствие в блокированном районе ксенолога неопровержимо свидетельствовало: в ООН известно о Пришельце...

Что-то рушилось, большое, казавшееся дотоле незыблемым, земля уходила из-под ног. Он поймал себя на том, что не доверяет сейчас никому, за исключением Полковника — на того была вся надежда.

Только тут он заметил, что его ладонь оставляет на бумагах пятна крови,

4 вандемьера 2026. Близко к вечеру.

Фургон несся по черной автостраде. Эвридика была за рулем, Ясень сидел у радара, и только Полковнику не нашлось никакого дела, так что оставалось швырять окурки в окно и думать от скуки.

Полковник украдкой покосился на Эвридику и подумал: что с ней станет, если «мобиль» нанесет удар? А что станет со мной? Что у меня в мозгу, какая мина, и как она может взорваться? Я прекрасно знаю свой мозг... или только думаю, что знаю? Неужели какое-то из воспоминаний, что-то из прожитого способно... Наверняка те трое тоже гадали так, интересно, оказались они в состоянии удивиться тому, что им открылось? Он вспомнил последний взгляд Гамлета и зябко поежился.

Снова, в который уж раз, его охватило странное, пугающее чуточку и в итоге неприятное ощущение — казалось, он стоит на месте, а жизнь проносится мимо, как скорый поезд (что за банальное сравнение, господи!), ослепляя вспышками солнечных зайчиков, пляшущих на стеклах, без надежды оставляя на обочине, отчуждая.

Не было никаких оснований, чтобы думать так. У него была работа, нравившаяся ему, требующая массу энергии и времени. У него были друзья, женщины, увлечения, развлечения, хобби, пытливые метания духа, радости и горести. Почему же тогда все чаще и чаще приходило ощущение зрячности, отстраненности от всей остальной Вселенной? Неужели виной всему один старый разговор?

— Может быть, помедленнее, Эвридика? — спросил он.

— А зачем? — Господи, снова этот ответ безумия в синих глазищах! — Какая разница? И вообще, мне пора бы переменить псевдоним. Я — Надежда. Надежда на успех, шестеро уже легли, остались только мы, и нам пора иметь свою Надежду...

Опять на нее накатывает, безнадежно подумал Полковник, я уже не раз говорил Генералу, что пора от нее избавиться...

Нам осталось тринадцать часов, подумал он. А скоро начнет темнеть, и как минимум шесть часов пропадут впустую — ночной бсй с этой тварью вести невозможно. Почему Генерал не пошел на широкомасштабную операцию, на облаву? Почему не предупреждено население? Почему никто не информировал ООН? Будь на месте Генерала кто-нибудь другой, у Полковника неминуемо

возникли бы определенные подозрения, но он не мог думать о Генерале плохо. Наверное, какие-нибудь высшие соображения. Операция не столь уж неудачна — три четверти сил противника уничтожено, треть участников операции осталась в живых...

А воспоминания надоедливо лезут в голову, и никак от них не избавиться.

Не получилось никакого разговора, вспомнил Полковник. Сеялся почти неощутимый противный дождь, мы стояли под этим дурацким навесом, зеленели влажные сосны, пригородного автобуса все не было, и она ждала, когда начну я, а я ждал, когда начнет она, и постепенно ожидание превратилось в обыкновенное молчание, нелепое и бесплодное. Скорее всего, один из нас обязательно решился бы начать, но подошел автобус, и он был набит битком, и уж в автобусе никак нельзя было вести этот разговор, а завтра нужно было улетать, а ей нужно было уезжать, так и не поговорили откровенно...

Неужели это и может оказаться той миной — сладкие и болезненные воспоминания о женщине со светлыми волосами, в светлом плаще? Тривиальнейшая ситуация, способная тем не менее взорвать мозг? Но ведь случилось же это с Дервишем — локомотивом, суперменом. Дервиш остался верен себе — никто из врачей не допускал, что он способен пошевелиться, у него нашлись силы — ровно столько, чтобы, воспользовавшись отлучкой сиделки, поднять руку и оборвать подключенный к хитрым медицинским аппаратам пучок проводов и пластиковых трубок...

Ну, предположим, это и есть мина, подумал Полковник: Просто предположим. Если я знаю, где она и что она, она ведь может и не взорваться?

Эвридика резко затормозила, и Полковник вмазался лбом в стекло. Так, что — веер искр из глаз. Когда он вновь смог видеть дорогу, Эвридика уже бежала к разбитой вдребезги белой легковушке, уткнувшейся в валун на обочине автострады.

— Слабый фон тэта-ритма, — сказал Ясень.

Полковник даже не подумал хвататься за оружие — «мобиля» явно не было поблизости, наверняка, он раскатывал в облике автомобиля, разбрасывая случайную смерть...

Эвридика вернулась бегом, прыгнула за руль и погнала машину, она гнала, азартно закусив нижнюю губу, выжимая из мотора все, что вложили в него конструк-

торы, и Полковник приготовил автомат. Неужели — все? — подумал он.

— Тэта-излучение,— сказал Ясень.— Усиливается... усиливается...

Эвидика мгновенно сбросила газ, но дорога была пуста,— ни движения, ни тени, ничего. Машина катилась все медленнее. Разноцветные лампочки светились на приборной доске, и ярче всех — три голубых, означавших, что все трое пока живы. За спиной Полковника хлопнул выстрел, и крайний справа огонек погас...

Всю жизнь Ясень мечтал писать хорошие книги. И ничего не получалось — то, что он писал, мягко было бы назвать даже графоманскими забавами. Сейчас, за один миг всего, он словно бы прочитал книгу — самую гениальную в истории литературы, после которой человеку вроде него просто не стоило жить.

Сзади взревел мотор, и Полковник увидел в зеркальце уносящийся на бешеной скорости черный автомобиль. Он хотел крикнуть, но Эвидика уже разворачивала фургон, и разметка вновь летела под колеса бесконечной трассирующей очередью. По-видимому, с Эвидикой ничего не произошло, подумал Полковник. А со мной? Кажется, и со мной тоже. Но почему такая милость судьбы, господи?

Он оглянулся — голова Ясеня безжизненно моталась.

— Скорость! — выдохнул он.

— На пределе! — сердито обернулась к нему Эвидика.— Уходит!

«Мобиль» действительно уходил. Полковник высунулся в окно и дал длинную очередь из автомата, но ничего не вышло — ветер бил в лицо, выжимая слезы, да и не достать было на таком расстоянии. Все. До утра бессмысленно предпринимать что-либо.

— Я — «тройка»,— сказал он в микрофон.— Остались вдвоем. «Мобиль» ушел.

— Переждите ночь где-нибудь,— сказал Генерал.— В шесть часов утра начнется облава — мотоциклисты и броневики.

— Значит, вы получили то, что хотели?

— Да,— сказал Генерал.

— Поздравляю. Это стоило нам не так уж и дорого — всего семь человек.

Генерал помолчал, потом сказал:

— Теперь у нас есть все данные. Есть что сообщить в ООН.

— Вы хотите сказать, что до сих пор ничего не сообщили им?

— Завтра мы попытаемся взять последнего живым,— сказал Генерал.

— Вы сообщили в ООН?

— Конец связи,— сказал Генерал.

«Не может быть,— ошеломленно подумал Полковник.— Я верил в него, как не верят в бога. Неужели...» И тогда он сделал нечто удивившее его самого — отключил рацию и включил радио. Быстро нашел нужную волну — одной из независимых радиостанций.

— ...продолжается,— частил диктор.— Мы поддерживаем непрерывную связь с нашими корреспондентами, расположившимися у внешней линии оцепления. Полчаса назад прибыли еще два батальона бронепехоты. Установлено воздушное патрулирование. Продолжают циркулировать слухи о том, что внутри района в перестрелке с полицией убит человек с документами сотрудника ООН.— Он молчал секунд десять, целую вечность по канонам радиовещания.— Только что нам сообщили — двое из трех наших корреспондентов выдворены из района оцепления. Канцелярия премьер-министра не дает никаких комментариев по поводу визита к премьеру специального представителя Генерального секретаря ООН. Разговаривать с нашим корреспондентом отказались. Группа депутатов парламента продолжает настаивать на немедленном созыве чрезвычайной сессии парламента. Как заявил премьер, этот вопрос будет рассматриваться завтра утром. Повторяю, положение неясное. Комментаторы, допускавшие предположение о попытке военного переворота, отказались от этой гипотезы, но все сходятся на том, что армия и разведка как минимум три раза нарушили конституцию страны. Внимание! Нам только что сообщили — группа депутатов парламента намерена завтра утром лично посетить район и сделать попытку проникнуть в оцепленную зону. Если военные намерены применить оружие против парламентариев, они получают возможность сделать это перед телекамерами. В столицу продолжают прибывать специальные корреспонденты крупных информационных агентств. Информация о закрытии международного аэропорта не подтвердилась.

«Вот так,— подумал Полковник.— Шум на весь мир, ООН не поставлена в известность, следовательно... Генерал! Но ведь в это невозможно поверить...»

— Радар оставим включенным,— сказала Эвридика.— В случае чего — сработает звуковой индикатор.

— Что? А, индикатор... Слушай, что ты обо всем этом думаешь?

Эвридика помолчала, потом сказала:

— Боюсь, что Королю Марку представился шанс стать большой сволочью, и он этим шансом воспользовался...

Полковник зло отвернулся, опустил ширькие спинки сидений и лег. Было даже удобно. На приборной доске светились два синих огня. Эвридика откинула прикрепленную к борту койку, повозилась, устраиваясь. Стало очень тихо.

Над лесом появились первые звезды, в открытое окно тянуло холодом, но поднимать стекло он не стал. Спать не хотелось. Он снова подумал, что ничего не понимает, что что-то неуловимое, главное пронесется мимо, и не увидеть его, не узнать, не схватить и не сделать своим. Где еще одна дорога, по которой обязательно надо пройти?

Что такое «мобиль»? Агрессор из космоса? Глупости. Существой где-то в космосе агрессивная раса, она обрушилась бы на Землю армадой, а не стала бы посылать одиночек-террористов. На разведчика он тоже не похож — даже если допустить существование иной логики, ни один разведчик не стал бы вести себя так глупо — всполошил противника, позволил узнать о себе все, загнать в угол...

Маньяк со звезд? Может быть, существуют такие. Вырвался из какого-нибудь уму непостижимого сумасшедшего дома на другом конце Галактики и случайно наткнулся на Землю...

Мысли путались, усталость брала свое, машина плавно покачивалась, темнота склеивала веки, и нет уже темноты, есть светлое раннее утро в городе далеко отсюда, ни одного прохожего, а она смеется неизвестно чему, в гостинице спит Дервиш, и все выстрелы и погони далеко отсюда, и все живы пока... а это уже позже, это берег реки, деревянные мостки, от которых отваливает голубой катер, и абсолютно живой Дервиш, улыбаясь, машет с кормы, только откуда эти черные птицы над водой, носятся, чиркая по спокойной воде концами крыльев, и не кричат, хоть бы одна крикнула, только пролетая, так и заглядывают в глаза, так и стараются поймать твой взгляд, и жутко почему-то становится...

4 вандемьера 2026. Ближе к вечеру.

...и сначала они решили, что очередь будет предупредительной, но трасса прошла так близко от кабины, что это могло быть только огнем на поражение, и Малыш бросил машину в невысшимый вираж — истребитель пронесся мимо, но сбоку заходили еще два, и очереди грохотали непрерывно, «Мираж» хладнокровно сбивали. Ремни безопасности то стискивали Ланселота, перехватывая дыхание, то обвисали, небо и земля, сменяя друг друга, мелькали в диком круговороте, сердце то ухало в колени, то переставало биться, и вдруг — хлопок, треск, дым и запах гари как-то сразу, всплеском заполнили кабину, ветер ударил в лицо, рвал волосы. Малыш обмяк в своем кресле, его руки соскользнули со штурвала, перегрузка вмяла Ланселота в упругую спинку, потом наступила едва ли не невесомость. Он сообразил, что «Мираж» падает, к счастью, кабиной вверх, ощупью нашел и перекинул через плечо ремни двух прямоугольных футляров, протянул руку, сорвал с подлокотника кресла Малыша красный колпачок и нажал рубчатую кнопку катапульта, другой рукой ухитрившись проделать ту же операцию со своим креслом. Его подбросило, резко дернуло вверх, клацнули зубы. Падение замедлилось, он плыл к земле под полосатым ало-оранжевым куполом. Парашюта Малыша он не видел. Истребители умчались, зато внизу стояла машина с мигалками и номером на крыше. Трое возле нее, задрав головы, сторожили его приземление. Хорошо еще, что не стреляют. Слева грохнуло — достиг земли пустой «Мираж».

Скрипнули амортизаторы — кресло коснулось земли и завалилось набок. Удачно получилось, что парашют не накрыл его, и он видел, как приближаются те трое, держа оружие наизготовку. Пора начинать.

Сохраняя на лице выражение полной обалделости, он шарил по телу ладонями, расстегивая пряжки ремней, освобождаясь от футляров, движения были нечеткими — те трое должны с первого взгляда увидеть, что он в шоковом состоянии. Встал, сделал два шага, шатаясь, мотая руками, в то же время группируя тело для броска.

Он сыграл без изъянов — тот, что был ближе других, сунул пистолет в кобуру под мышкой и протянул руки, готовясь подхватить. Ланселот ощутил себя сжатой пружиной, и тут же пружина распрямилась — короткая и жуткая, почти беззвучная схватка, каскад молниеносных ударов.

Они тоже были отменно тренированы, но на него работала еще и дикая ярость. Ланселот стоял над ними, пошатываясь, шумно выдыхая воздух.

Разумеется, у них в карманах нашлись и наручники. Ланселот приковал запястье одного к лодыжке другого, а запястье второго — к лодыжке третьего. Попытался улыбнуться, представив, как будет передвигаться очухавшаяся тройца, но улыбки не получилось. Он знал, почему не торопится подойти к креслу Малыша — перед глазами стояла кабина, пробитый осколками прозрачный колпак — несколько дыр пришлось как раз против кресла Малыша, Ланселот помнил это совершенно точно. Двадцать три года, авиационное училище, спецкурсы, родители в маленьком приморском городке. И ничего серьезного он не успел сделать для человечества — разве что умереть, когда это потребовалось.

Он все же прошел эти два десятка шагов, высвободил Малыша из скользкого вороха ало-оранжевого шелка, положил в траву и осторожно закрыл ему глаза. Некогда было произносить мысленно прочувствованные и печальные тирады. Он вернулся к приборам, предусмотрительно упрятым в сверхпрочные футляры. Нажал клавиши.

— Они только что уничтожили третий «мобиль», — сказал оператор с «Фата-морганы». — Бомбили и своих. Дать запись?

— Пошли они... — сказал Ланселот.

— В таком случае на связи Ферзь.

— Слушаю, — сказал Ланселот.

Там, на другом континенте, где находился сейчас Ферзь — главный куратор операции, была уже поздняя ночь.

— Здесь Ферзь, — раздался глуховатый, какой-то действительно ночной голос профессора. — Докладывайте, что с Малышом. «Фата-моргана» сообщила, что вас сбили...

— Малыш погиб, — сказал Ланселот. — Нас намеренно сбили, профессор...

— Леопард погиб, — сказал Ферзь. — Полиция... Премьер не дал нашему представителю определенного ответа, отложив это до утра. Разумеется, они рассчитывают уничтожить за это время и четвертый.

Ланселот молчал.

— Все наши средства наблюдения должны были быть дополнены вашим присутствием в районе, — сказал Ферзь. — На всякий случай.

— Я все понимаю, — сказал Ланселот.

— К сожалению, мой возраст... Мне просто запретили лететь самому.

— Я понимаю.

— Ты можешь покинуть район.

— Это приказ? — спросил Ланселот.

— На твое усмотрение. Мы пошлем «Мираж» с опознавательными знаками ООН, они не посмеют...

— Знаете, я останусь, — сказал Ланселот. — На случай чего-нибудь непредвиденного.

«Я останусь, — подумал он, — я обязательно доберусь до этой сволочи в эполетах и выскажу ему все в лицо. Пусть арестовывают. Я не гений, я вполне заменим. Иначе просто не смогу жить спокойно, дышать, любить Анну — если не выскажу все в лицо новоявленному спасителю человечества...»

— Только что поступил новый радиоперехват, — сказал Ферзь. — Они попытаются завтра утром захватить четвертый «мобиль». Придумали какие-то дистанционно управляемые ловушки, надеются... Если им ничего не удастся, разрешаю применить «Болид». Совет Безопасности санкционировал.

— Понял, — сказал Ланселот. — А что вы сами думаете о госте?

— Он ни на что не похож. Ни на одну теоретическую модель.

— А что вы сделали бы на моем месте?

— Не знаю, — сказал Ферзь.

— Спасибо, — сказал Ланселот. — Я не ждал от вас каких-либо откровений, простите, просто приятно было узнать, что я в данной ситуации выгляжу не умнее и не глупее других. И, следовательно, имею право решать по собственному усмотрению.

— Вот именно, — сказал Ферзь. — Никто вас не упрекнет за любое решение, если принимать его придется. Мы все в равном положении, знаем одно и то же, но вы ближе остальных к месту действия. Удачи.

— К черту, профессор, к дьяволу... — сказал Ланселот. — Я пошел. Конец связи.

Он забросил на плечи ремни футляров и направился к полицейской машине, не обращая внимания на лежащих.

5 вандемьера 2026. Раннее утро.

Полковник вздрогнул и проснулся. Сон был кошмаром, только что перед глазами у него крутился, крутился, кру-

тился на черном асфальте, как на льду, автомобиль Дервиша и летел с дороги в белую пустоту операционной...

Полковник достал сигареты из-под сиденья.

Это она подкинула то выражение насчет дождя над океаном, вспомнил он, память цепко держала все с ней связанное — разговоры, встречи, города, выражение лица, дождь..

Тогда как раз шел дождь, они оставили машину на обочине — все равно не было ничего привлекательного в езде по мокрой дороге — и укрылись на веранде крохотного пансиончика. Хозяйка, как догадался Полковник, почему-то приняла их за молодоженов и не докучала. Изредка в небе погромыхивало, с веранды открывался прекрасный вид, мокрые сосны выглядели свежо, и мутно-серая клочкастая туча, не в силах подняться выше, обволокла вершину не такой уж высокой горы.

— Мне иногда кажется, что нас нет,— сказала она.— Я имею в виду не только нас, но и всю страну. Мы которую сотню лет где-то посередине. Нейтральные, никакие. Давно нет войны и разного рода противостояний, а мы — нейтральны. По отношению к кому? К чему? Даже в ООН мы соизволили вступить пятнадцать лет назад, когда оттягивать далее было бы просто глупо. И все равно остались никакими. Утешаем себя тем, что нашли-де идеальное решение — сидим себе на обочине, отгородившись от шума планеты...

Он ничего не сказал и не стал дискутировать, ему попросту не хотелось. А может быть, очень уж он привык отгонять и намертво блокировать в подсознании мысли, над которыми не считал нужным задумываться, — никто не виноват, что жизнь сложилась так, а не иначе.

— Из вещества того же, что и сон, мы сотканы...— процитировал он.

— Но ведь это очень глупый сон,— сказала она.— За нами стоят поколения предков, видевших смысл жизни в том, чтобы отсидеться и не встречать в какую бы то ни было драку — за что бы ни дрались. Ну, разумеется, что-то делали и мы — невозможно совсем уж ничего не делать, полностью отгородиться от планеты. И все же наш вклад в жизнь Земли был крайне невелик, все маломальски значительное делалось без нас. Мы... мы большей частью бессмысленны, как дождь над океаном. Нельзя все время стоять посередине.

Полковник накрыл ее руку своей, покрутил на ее безымянном пальце серебряный с чернью перстень. Сов-

сем ему не хотелось думать, он был в отпуске и намеревался не думать обо всем, что сложнее вопроса, сколько будет дважды два.

— Что же, и мы с тобой бессмысленны? — спросил он чутьчку лениво.

— Как знать, — сказала она. — Может быть, и мы. Особенно ты. Разведка, которую, чтобы не отстать от других, завел себе когда-то мирок на обочине...

Он пожалел, что нельзя рассказать, как Генерал однажды отыскал его в старинном университете и после долгих бесед, временами переходивших в споры, увел-таки за собой. Очень уж заманчивой показалась идея. Генерал мечтал, отталкиваясь от специфики работы нейтральной разведывательной службы, создать на базе разведки нечто среднее между футурологическим центром и новой наукой, объединяющей десятка два прежде разобщенных дисциплин — от эвристики до космологии. Схожие попытки предпринимались в других местах и в другое время, но Генерал размахом и фанатизмом превосходил всех своих предшественников. А Полковник не был тогда полковником и был гораздо моложе. С годами он смог понять, что Генералом в значительной мере двигало и желание преподнести миру плод своих трудов именно как откровение, родившееся не где-нибудь, а в том самом мирке на обочине, сторонившемся всяких схваток. Но не было уже дороги назад, хотя и не оказалось у них таких уж значительных достижений, и попытки удивить мир мудростью своих открытий, похоже, провалились...

Ничего этого Полковник не мог ей объяснить, а через месяц она ушла: не к кому-то другому — просто ушла.

И вот теперь Генерал торопится разыграть свой великолепный козырь. Четыре туза и джокер. Он готов разбиться в лепешку, но доказать, что инопланетный агрессор уничтожен лишь благодаря их усилиям. Но, может быть, ООН справилась бы лучше? И агрессор ли это?

«Мобили» ни на кого не нападали специально, они, если проанализировать, бесцельно рыскали по дорогам, и пострадали только те, кто неумышленно или нарочно оказывался поблизости...

Почему-то мы считаем, что странствия по космосу (которые нам пока недоступны) обязательно преследуют какую-то цель — устанавливать контакты, собирать научную информацию, искать какие-нибудь паршивые полезные ископаемые, наконец, интересно проводить отпуск. Но разве все наши поездки по Земле имеют цель? Разве

нам никогда не случилось бесцельно мчаться неизвестно куда, чтобы потом выйти из машины, плюхнуться в траву на обочине и бессмысленно смотреть в небо. Наверняка, дикарю, впервые в жизни увидевшему автостраду с оживленным движением, непременно показалось бы, что все эти сверкающие машины имеют ясную и конкретную цель — а ведь многие гонят просто так, от скуки или от тоски, несутся вдаль только потому, что еще тоскливее стоять на месте...

Должно быть, так с ним и получилось — неперево-димая в земные образы и слова тоска гнала его сквозь холодную черную пустоту, а потом, когда на его пути оказалась планета, он так же бесцельно носился по ее дорогам, и боль его, тоска его обладали такой силой, что передавались встречавшимся на пути, и те, кто был похож на него, становились его невольными жертвами? Может быть, это и есть разгадка? Что нам известно о первом шоке или душевной болезни непостижимого нам инопланетного существа? Может быть, то, что он разделен на несколько объектов — и есть следствие болезни, стресса?

Так поступает птица — садится в муравейник, распластывает крылья, стойко терпит укусы и улетает наконец, избавленная муравьями от всех ютившихся на ней паразитов. Исцеленная. Может быть, мы вылечили его? Ведь я уже не пострадал, и Эвридика не пострадала, может быть, наступает улучшение?

Звуковой индикатор радара едва слышно засвиристел. Полковник отключил его и с удивившим его самого спокойствием смотрел, как алая линия на голубом экране становится широкой и четкой.

«Мобиль» был совсем рядом. Полковник открыл дверцу, спрыгнул на землю и отошел от машины метров на десять. Светало, скоро должно было взойти солнце.

Черная округлая фигура двинулась ему навстречу, но он не пошевелился. Великан с округлыми бочкообразными боками, короткими толстыми ручищами, без шеи, с маленькой головой, ушедшей в покатые плечи. Голем какой-то, подумал Полковник. Есть у него какая-то изначальная форма, или нет?

Он не шевелился. Черный великан замер шагах в десяти...

«Я был прав?» — мысленно спросил Полковник. Почему-то он знал, что говорить вслух не нужно, достаточно подумать.

«Ты был прав. Ты похож на меня».
«Я более силен, я умею забывать».
«Как знать, как знать»,— пришел ответ.
«Покажи мне твою тоску».
«Ты не поймешь».
«Все равно».
«Что ж...»

На Полковника обрушилось что-то, чему нельзя было найти названия, как нельзя было и осознать это, понять, сопережить. Словно все радиостанции мира вдруг обрушили свои передачи на крохотный транзистор, не способный справиться с этой лавиной. И все же угадываемая в океане чужих мыслей тоска, горе и боль сжали мозг ледяными ладонями.

«Я говорил — ты не поймешь».
«Детали — не спорю, но суть...»
«Может быть, может быть...»
«Ты хотел убивать?»
«Нет».

«Но мы гибли».
«Не все мои... (Полковник не понял) одинаковы. Иногда они просто копировали поведение людей. Впрочем, их больше нет».

«Тебе лучше уйти».

«Действительно,— подумал Полковник,— а что с ним делать еще? Контакта не получится, потому что не нужны ему степенные беседы с седовласыми академиками, контакт с чужими не нужен, потому что он и своих-то покинул, быть может, навсегда. Взявшись судить его по законам земной юриспруденции, мы угодим в жуткий лабиринт из сплошных тушиков. Контакт без контакта...»

«Тебе лучше уйти».

«Я знаю».

«Уходи».

«Мне нужно попасть на то место, где я приземлился. Мой (Полковник опять не понял) подействует только там».

Острое ледяное чувство опасности пронзило его, и Полковник обернулся рывком.

Из проема в борту фургона прямо на них смотрели дула спаренного пулемета, а над ними белело лицо Эвридики.

Полковник выхватил кольт, выстрелил навскидку и сжался, оцепенел, ожидая стального хлыста очереди. Нет. Мастерство не подвело его и на этот раз.

Деревянно переставляя ноги, он подошел к машине и заглянул в кузов. Она уже не дышала. На пульте сиротливо горел один-единственный голубой огонек.

«Я же не хотел,— подумал Полковник.— Проклятый автоматизм реакций. Но стала ли бы она слушать мои объяснения, поняла бы, что черного великана нужно спасти? Ради того, чтобы во Вселенной произошло на одну трагедию меньше. Ради того, чтобы в реке крови из древних шотландских легенд оказалось на одну каплю меньше. Остановить наконец эту фантазмагорию, нелепую и жуткую пародию на «космическую оперу». Пусть уходит восвояси — наилучший выход...»

Он уложил Эвридику рядом с Ясенем, тихо сказал:

— Прости...

И махнул рукой:

— Залезай!

Черный великан осторожно забрался в кузов и сел на пол, касаясь головой потолка. Полковник включил мотор.

«Хочешь, я помогу тебе увидеть?»

И Полковник словно оказался в нескольких местах сразу.

Он вел машину в рассвет.

Он видел белокрылый лайнер, идущий на посадку, и женщину со светлыми волосами, в светлом плаще, нетерпеливо смотревшую в иллюминатор на буро-зеленую, рассеченную тоненькими полосками дорог землю, и знал, о чем она думает — что ошиблась тогда, что напрасно мучила его и себя.

Он увидел откуда-то сверху стайки мотоциклистов, целеустремленных, затянутых в кожу, с автоматами — они разъезжались из пункта сбора, и на руле каждого мотоцикла чернел сетчатый овал тэта-радары. Он увидел броневики. Он увидел Генерала, курившего трубку в салоне длинной серой машины, окруженной теми же мотоциклистами.

Он знал и понимал, что кольцо сжимается, что шансов почти нет, что в него непременно будут стрелять. Шевельнулось даже желание бросить все к черту — ведь белокрылый лайнер уже гасил скорость на посадочной полосе.

Он отогнал эти мысли и прибавил газу. Потом сделал нечто удивившее его самого. Включил мощную радио на передачу и, торопясь, стал рассказывать обо всем, что произошло — так, как рассказывал бы ей, светловолосой, в светлом плаще, не скрывая своих сомнений, своей рас-

терянности и того, что считал уже Генерала своим противником и ненавидел его теперь, что единственный выход, какой он видит,— отправить нежеланного гостя восвояси. Его наверняка слышали очень-очень многие.

...Отсюда, со скалы, местность великолепно просматривалась на несколько километров — извивавшаяся среди леса дорога, распадки, горы. Машину он оставил внизу, в укромном месте, а заметить его самого снизу было невозможно, если не искать специально. Но не было никаких признаков облавы — видимо, решили, что после гибели «Миража» деться Ланселоту из оцепленного района некуда и им можно будет заняться попозже, в спокойной обстановке. Тем более, что теперь его знали в лицо.

Ланселот снял пломбы с третьего футляра, похожего на тот, в каком музыканты носят саксофоны. Достал толстый цилиндр с литой стеклянной рукояткой, прикрепил к нему оптический прицел. Действие лучемета он наблюдал на полигоне, так что хорошо представлял себе страшную силу этой штуки. И так, хоть что-то напоминающее старинные фильмы о космических баталиях — там эти игрушки болтались на поясе каждого уважающего себя звездного пирата, не говоря уж о галактических шерифах и странствующих вдоль Млечного Пути рыцарях.

Подпустить ближе и ударить лучом. За Малыша, за Леопарда, за всех, кто погиб в течение этих суток. То, что в машине и Полковник, ничего не меняет — он уже перестал быть человеком, стал инструментом этого чудовища, орудием, пешкой. Нажать кнопку и смотреть, как разлетится, разбрызнется снопом раскаленных осколков синечерный фургон...

И все же что-то надоедливо путало весь расклад, сбивало мысли с торной дороги, беспокоило — то ли инопланетянин, неизвестно зачем ехавший в фургоне, то ли вся эта история, этот залетный гость, чересчур непонятный, чтобы ненавидеть его по-настоящему, слишком нелепый и беспомощный, чтобы стать малодмальски серьезной угрозой для человечества, и такой чужой, что его следовало попытаться понять, не нужный никому, может быть, и самому себе...

Чем мы в таком случае отличаемся от древних, из трусливой предосторожности убивавших любого чужеземца? — подумал Ланселот. Правда, он убивает нас. Но сознает ли он, что совершает преступление? Есть ли хоть

какая-то, одна-единственная, точка соприкосновения наших и его этики и морали, или они так и останутся параллельными прямыми? Он виноват — и не виноват ни в чем. Как и мы в своих действиях по отношению к нему. Просто-напросто ничего подобного прежде не случалось, и мы исходим из привычных земных аксиом — око за око, зуб за зуб, если есть жертвы, обязательно должны отыскаться и виновные... А если их нет?

И тут заработала автонастройка — он услышал передачу, которую вел Полковник. Ланселот вывел верньер на максимум, слушал, и ему казалось, что он слышит отражение своих мыслей, рассуждений и сомнений. Со скороспелой гипотезой о слепом исполнителе воли «мобиля», кажется, следовало расстаться. Там, в фургоне, был человек, полностью сохранивший рассудок и волю. И этот человек был прав. Птица в муравейнике. Контакт без контакта. Бесконечно жаль, что нам выпал именно этот вариант, что именно с этой страницы пришлось читать книгу, но что случилось, то и случилось, и нужно оборвать фантазмагорию, не громоздить нелепость на нелепость. Пусть уходит — иного выхода нет. Иначе нам грозит опасность уподобиться древнему царю, высекшему кнутами то ли реку, то ли океан. Тем двоим в фургоне нужно помочь — и ради них самих, и ради неких истин, что еще не открыты нами, но их приближение все же смутно ощущается. Дверь в большой космос распахнулась на минуту, и не стоит сводить это событие к примитивной драке с лазером в роли каменного топора. Кто знает, что мы приобретаем, дав ему уйти? По крайней мере, мы ничего больше не теряем, а это кое-что да значит...

Внизу по дороге мчался сине-черный фургон, и следом — настигающая его полицейская машина. Ланселот торопливо надел темные очки, левой ладонью охватил запястье правой, вытянул руки и поднял лучемет на уровень глаз. Нажал кнопку, досчитал до трех и отпустил. Мотнув головой, сбросил очки. Перед глазами плавали все же радужные пятна.

Дорогу перегородила глубокая оплавленная канава, из нее валил дым и пар. Машина косо стояла поперек дороги метрах в десяти от канавы. Вряд ли они скоро придут в себя — ослеплены вспышкой и ошеломлены. Но остаются другие группы, другие патрули...

Спотыкаясь, падая, съезжая по осыпям, раздирая в кровь бока и спину, Ланселот как только мог быстро спустился к тому месту, где оставил машину.

...Мотоциклисты появились из сизого рассветного тумана, словно призраки Дикой Охоты. Их было двое, они остановились, разомкнулись и вскинули коротенькие автоматы, но фургон уже пролетел меж ними, как метко пущенный в ворота футбольный мяч. Полковник окончательно смирился с мыслью, что охотятся уже и на него, что и он стал чужим.

— Дай вам сил, ох, дай вам сил, конногвардейцы, сторожить нас в это утро под дождем...—

пробормотал он сквозь зубы. Он выжимал из машины все, на что она была способна, он больше не терзался сомнениями, знал, что успел прыгнуть в свой поезд и мчится в нем, неизвестно только, удастся ли сойти на своей станции, но главное сделано — он в своем поезде...

Снова мотоциклисты. Пули высекали искры из лобового бронестекла. Полковник два раза выстрелил левой, и в передних колесах обоих мотоциклов жалобно зашипел уходящий из камер воздух.

...Ланселот мчался бок о бок с полицейской машиной той же марки, что и угнанная им. Четверо в ней смотрели недоуменно и зло, делали энергичные жесты, означавшие только одно — приказ убратся с дороги, смыться с глаз. Двое держали наготове автоматы, но ни один ствол не повернулся пока в его сторону. Далеко впереди мчался сине-черный фургон.

Тот, что сидел рядом с шофером, наклонился к радию и внимательно слушал, настороженно косясь на Ланселота, словно опасался, что тот может подслушать. Вдруг его лицо стало жестким и хмурым, он что-то коротко приказал, и полицейский на заднем сиденье навел на Ланселота автомат. Должно быть, им кое-что рассказали о нем, но отвлекаться на попытку его задержать они не могли, продолжая махать руками — с дороги, иначе стреляем!

Ланселот положил лучемер на сгиб левой руки, державшей руль. Они, без сомнения, прекрасно знали, что это за штука — страшно побледнели, но шофер не свернул. Ланселот не мог их не уважать. К тому же, они не стреляли.

Он не мог нажать кнопку, но следовало что-то делать — прямой участок дороги скоро кончится. Швырнув лучемер на сиденье, Ланселот вцепился в руль. Он не хотел их убивать, а они упорно не желали затормозить, приказ гнал их вслед за фургоном. Скрежет и треск раздираемого металла, визжали тормоза, водитель полицей-

ской машины был явно не из новичков и не из трусов и сопротивлялся как мог, искусно маневрируя; хрустнуло и разлетелось боковое стекло, и Ланселот с облегчением увидел в зеркальце, что полицейская машина вылетела на обочину, но не опрокинулась, упершись смятым бампером в облицованную яркой декоративной плиткой насыпь.

Но и его машину занесло, и она стала биться о бетонные столбики.

— ...Все. То самое место.

Полковник развернул фургон, нажал кнопку, поднимающую заднюю дверь. Черное колесо с четырьмя толстыми спицами покатило к лесу, туда, где Он, тоскующий, измученный непонятной болью, коснулся Земли сутки назад. Полковник дернул чеку, бросил гранату на сиденье и побежал прочь, бормоча: «Вот вам и пулеметы...» Взрыв толкнул его в спину тугой и горячей воздушной волной.

Желто-черное пламя перегородило дорогу, дым косой широкой лентой уходил в небо, колесо катилось и катилось. Полковник услышал шум моторов и побежал туда, на бегу выдергивая из кобуры кольт.

Мотоциклисты вылетели на взгорок, промчались по бездорожью, затормозили, взрывая дерн колесами, и передний вскинул автомат. Полковник выстрелил — в руку. Не промазал. Побежал к ним, махая рукой, крича что-то непонятное ему самому. Синяя трассирующая строчка брызнула ему навстречу, ноги подогнулись, в груди засело острое и горячее, и он, падая, увидел, как медленно распухает облако пыли, окутавшее стоящий у деревьев черный конус. Выстрел. И новая струйка трассирующих пуль в ответ. И свист, вой, ослепительный клубок огня, вертикально унесшийся в синее-синее, как ее глаза, небо.

Упираясь кулаками в бетон, Полковник попытался рывком встать, потому что женщина в светлом плаще уже десятый раз набирала номер, стоя в стерильной безличности зала ожидания, а в ответ ей упрямо пищали длинные гудки — тире, тире, тире... словно трассирующая очередь.

Но руки не держали, и он уткнулся щекой в холодную твердую бетонку. Она будет плакать, когда узнает, подумал Полковник, полной грудью вдыхая сквозь боль горьковатые запахи осени, но она все поймет. Перед глазами встало мрачное шотландское ущелье, по дну которого

текла темно-красная река — человеческая кровь, пролитая во всех войнах, зловещая река, только Томас из Эрсилдуна, бард и предсказатель, сумел с помощью королевы фей пересечь ее, а потом и вернуться назад, и юное лицо королевы фей, она улыбалась Полковнику, порхающие вокруг золотистые искорки сгустились, заслонили все, ослепили, оглушили, обволокли...

Длинная серая машина косо встала поперек шоссе, мотоциклист распахнул дверцу, и Генерал грузно выбрался наружу. Сзади полукругом стояли притихшие офицеры, неподалеку чадил догорающий обломок фургона, над лесом из сизого туманного марева вставало отливающее золотым и розовым солнце.

Генерал смотрел на мертвого Полковника, выбросившего руки вперед так, словно он хотел заслонить что-то и не успел. Потом перевел взгляд к лесу, на выжженный круг, черневший возле самых деревьев. За его спиной осторожно переступали с ноги на ногу оперативники, бесстрастно стоял Икар.

— Нужно позвонить,— сказал он глухо.— Как полагается...

— У него же никого нет, Генерал,— сказал адъютант.— Нам просто некуда звонить.

— А как по-вашему, хорошо это или плохо?

Адъютант растерянно молчал. Он хотел пожать плечами, но вовремя спохватился — Генерал не выносил таких жестов.

Дребезжа дверцей, подъехала полицейская машина — с выбитыми стеклами, помятая, словно по ней долго и упорно колотила кувалдами орава спятивших луддитов. Человек, вылезший из нее, тоже выглядел так, словно его пропустили через какую-то шалую мясорубку — в мятой и рваной одежде, в пыли и подсохшей крови из многочисленных ссадин. Все смотрели на него, а он шел к ним, хромя, потом остановился и посмотрел Генералу в лицо. Глаза у него были синие, с дерзкой сумасшедшинкой.

— Ну что же, Генерал,— сказал Ланселот.— Как в глупом старинном фильме, право слово — злодей и шериф медленно идут навстречу друг другу... Только какие из нас с вами ковбой? Одна видимость...

Генерал внимательно посмотрел на него, профессионально представив себе это лицо с аккуратной прической, без крови и грязи, перебрал в памяти пачку фотографий из досье, куда поступали материалы на вызывавших подозрения «внешних агентов». Спросил сухо:

— «Крыша» — научный обозреватель «Европейского еженедельника»?

— Да, — сказал Ланселот. — Резидент Совета Безопасности. Или, переводя на ваш жаргон, руководитель шпионской сети в вашей суверенной державе.

— Вы считаете, что такое определение вам не подходит?

— У меня нет намерения дискутировать на эту тему, — сказал Ланселот. — Можете называть меня как угодно, коли уж вы уверены, что вся планета идет не в ногу и постоянно лелеет черные замыслы касательно вас... Я просто-напросто хочу посмотреть вам в глаза и узнать, каково это — чувствовать себя спасителем человечества. Интересно, каково?

ГОЛУБОЙ КЕДР

Лебедев проснулся — ему послышался звонок. В дверь ли, телефонный ли — не понял. Полёжал немного, прислушиваясь, — тишина. Может быть, вернулась мать? Но у нее есть ключ, к тому же, самолет из Свердловска прилетает днем, да и вообще, она собиралась погостить у сестры еще неделю.

Звонков больше не было. Ох уж эти ночные призраки, всегда вскидываешься всполошенно, сердце бросается вскачь со смутным ожиданием — чего?.. Ну, у каждого свое несбывшееся.

Было тихо. За окнами стояла глубокая чернота — наверное, еще глухая ночь. Николай закрыл глаза, но сон, оказывается, исчез, а на смену ему пришли мысли о новом материале, который Лебедев взялся писать. В редакцию газеты, где он работал, обратился преподаватель местного университета. В краевой научной библиотеке, рассказал он, есть редкие книги, изданные в прошлом веке и более не выпускавшиеся, однако получить такую книгу даже для работы в читальном зале невозможно. Когда Лебедев позвонил директору библиотеки, открылась довольно грустная картина. Старые, уникальные издания в библиотеке действительно были — и действительно, доступа к ним не было никому, даже самим библиотекарям, потому что книги те не стояли в порядке на стеллажах, а лежали связанными в неподъемные и неразборные пачки: места для хранения их просто не было, новые поступления «выживали» старые издания. Лебедев, естественно, удивился и отправился в библиотеку «на экскурсию». Оказалось, что «гордость края», «хранилище богатств человеческой мудрости», «кладезь знаний» и проч. находилась в отчаянном состоянии, которое тем не менее, очень мало волновало «отцов города». Посмотрев по генеральному каталогу, какие богатства лежат мертвым, недоступным грузом в подвалах, Лебедев почувствовал, что у него губы пересохли от возмущения. Он вспомнил разговоры о критическом положении библиотеки Географического общества, хранилищ краеведческого музея...

Картина складывалась типичная — а оттого еще более драматическая. Он схватился за этот материал с особенным увлечением, и вот сейчас вся фактура была собрана, оставалось только сесть и написать.

Лебедев представил, как четко сформулированная мысль, воплотившись в горькое, взволнованное, порою язвительное — и этим особенно убедительное слово, ляжет на бумагу, — и у него стало тепло на сердце. Давно он такого не испытывал. Захотелось начать работать немедленно, и он встал. Тепло оделся, и в свитере, джинсах, шерстяных носках (отопительный сезон еще не начался, а похолодало резко, из незаклеенных окон несло сквозняком), пошел на кухню. Пил кофе, наслаждаясь его ароматом, потом услышал, что за дверью кто-то возится. Вот это да... Значит, все-таки был звонок?

— Кто там? — спросил Лебедев.

Сопело, урчало, парралось.

— Кошка, что ли?

Хрипло мяукнуло.

Николай принес из холодильника кружок колбасы и открыл дверь. Серая толстая кошка проскочила в коридор квартиры так стремительно, словно за ней гналась стая собак. Ну надо же!.. Лебедев взял в ванной швабру и, сердито жуя колбасу, пошел выгонять непрошеную гостью.

Полазив за шкапами и диванами, потыкав шваброй во все углы, он, наконец, догадался, что кошка успела прошмыгнуть на кухню. Вошел туда — и чуть не ахнул: на табурете у стола сидел старик. Лебедев оглянулся — дверь на площадку все еще была отворена. «Значит, вошел, пока я гонялся за кошкой, — объяснил себе Лебедев неожиданное явление, — а она тем временем убежала».

— Потерял чего, мил-человек? — уютно усмехаясь, спросил старик.

Он был весь какой-то серый, точнее, сивый, будто бы покрытый пылью, в замусоленной рубашке в мелкий горошек. Белая борода его росла очень странно, словно бы по всему лицу. Старик протянул волосатые ладони к газовой горелке, будто к костру.

— Гораздо озяб на дворе! — пояснил он.

— Здравствуйте, — наконец вымолвил Николай. — Вы... кто?

— А соседка я, — пояснил гость. — Дедушка-соседка.

— Вон что! — облегченно сказал Лебедев. — Вы извините, я в бегах, в разъездах, дома мало бываю, да и тут

все хлопоты... А вы с какого этажа? Из какой квартиры?
— Я суседка-то не твой, милочек. Не твой...— Глаза старика смотрели из белесых зарослей на лице оценивающе: — Это ты, значит, Мэрген? По виду и не скажешь. Хлипкок вроде. Или потайное оружие скрываешь?

Мэрген — это что-то знакомое, подумал Лебедев. Кажется, сказка есть нанайская: «Мэрген и его друзья». Или что-то в этом роде. Но при чем тут он?

В кухне вкусно пахло сеном. Николай невольно глянул на окно: форточка закрыта, да и осень, какое сено?

— Мэрген? Что вы имеете в виду?

— Вот и я говорю, слабоват. Однако дзё комо не долгон был ошибиться...

«Фольклор!» — подумал Лебедев устало. Снова захотелось спать.

— Может, чайку? — предложил он зевнув, мечтая только об одном: чтобы волосатый гость ушел, как пришел.

— Какой тут чаек? — Старик поднялся, вмиг оказался рядом и своей мохнатой беловолосой рукой, напоминавшей скорее лапу какого-то зверька, вдруг мягко прикрыл лицо Лебедеву. — Не до чайку! — услышал еще Николай и задохнулся от резкого запаха сена.

Его разбудила песня. Сильный женский голос протяжно вел: «Ан-н-га!.. Ун-н-нга!..», то резко падая к низким, почти хриплым нотам, то снова взмывая, словно стремясь достичь небесной высоты.

Лебедев открыл глаза. Он лежал на низкой деревянной лавке, застеленной поверх грубо выделанной волчьей шкуры, кое-где вытертой до пролысин, еще и пестрым лоскутным, тощеньким одеяльцем. Сел, тупо разглядывая бревенчатые стены с аккуратно проконопаченными пазами, невысокий потолок, небольшое окошечко, — и, словно вырываясь из непонятного, пугающего сна, выбежал, сильно толкнув тяжелую, разбухшую дверь, на крыльцо.

Его взгляд разом охватил и призрачную синеву дальних сопок, и многоцветную осеннюю тайгу, и острую чистоту воды в узкой, но бурливой речке, которая скакала по камням... И еще он увидел женщину.

Женщина была совсем рядом, на другом берегу. Николай ясно видел ее лицо. Озноб охватил его.

Смуглое, круглое, суживающееся к подбородку, с маленьким насмешливым ртом и тонким носиком, оно было бы просто очень хорошеньким, если бы не властный размах густых бровей к вискам, не надменный взгляд узких

глаз, затененных столь густыми ресницами, что казались непроглядно-черными, и это делало взор сумрачным, а милому лицу придавало выражение почти вызывающее от сознания собственной красоты. И вот что странно: черты этого удивительного лица показались знакомыми Лебедеву. Он вдруг вспомнил давно виденную в книге известного археолога фотографию: керамическая статуэтка периода неолита, найденная при раскопках неподалеку от одного из приамурских сел: не то поразительно прекрасная смертная женщина, не то богиня древнего народа... Но представшая пред ним сейчас красота была живой, она струилась и переливалась, как вода в горной речке; отсветы которой играли на складках одеяния женщины, перламутрового, как рыба чешуя, отделанная ракушками. В этой женщине было нечто, лишавшее рассудка и осторожности. Прыжком спуститься к речке, перебежать по ее камням, приблизиться, взглянуть в непроницаемую тьму глаз... Однако едва лицо приблизилось, как Лебедев, после мгновенного помрачения, вновь увидел себя на крыльце домика, уткнувшимся в пахнущую сырой древесиной дверь.

Оглянулся — поздно: женщина уже медленно поднималась по сопке, словно бы таяла, растворяясь в сумраке тайги.

Короткий хриловатый смешок заставил Николая повернуть голову.

Прямо на траве, уже тронутой первыми заморозками, сидели, прислонясь к стене избышки, два старика. Один — худощавый, круглолицый, с редкими седыми волосами, собранными в косицу, со множеством резких морщин на смуглом, будто прокопченном лице с тяжелыми веками, почти закрывающими узкие глаза, — был одет в засаленный халат мутного, неразличимого цвета с черным орнаментом на подоле, в мягкие торбаса. Он то подносил к щелке сухого старческого рта тонкую трубку, то отводил ее в сторону, меланхолически выпуская струйки серого, словно бы тоже старого, седого дыма.

— Зачем дверь обнимаешь, а? — спросил он со всей серьезностью протяжным, скрипучим голосом. — Бабу обнимай лучше, зачем дверь? Елка холодная, сырая деревяшка. Ай-я-яй! Баба лучше!

Другой старик мелко перетряхивался от смеха. Лебедев с изумлением узнал своего недавнего гостя: старичка, пахнущего сеном. И только тут до Николая начала доходить ситуация. Он вспомнил непонятное проникнове-

ние старика в дом, его странные речи, мохнатую ладонь, прижатую к своему лицу, усыпляющий запах сена, пробуждение бог знает где...

— Чудится мне, что ли? — пробормотал Лебедев.

— Прежде больше чудилось! — живо отозвался его знакомец. — Народ был православный, вот сатана-то и смущал.

— Сатана?!

— Ну, сила нечистая. Мы-то вот кто? Нечисть, нежить — одно слово!

— Вы?! — невежливо ткнул пальцем в «своего» старика Николай.

— Агаюшки, ага, — закивал тот. — Я и вот он, дзё комо. Слышь-ка, дзё комо, — обратился он к узкоглазому старичку, — твой Мэрген ничегошеньки не понимает, а?

— Не понимает, однако, — согласился тот уныло.

— Ты, внучочек, присядь покудова, — ласково пригласил первый старичок. — Мы с тобой никак промашку дали.

— Да в чем, все-таки, дело?! — потребовал сбъяснений Лебедев.

— Дело — оно простое. Деревенька, вишь ты, была тут в старину. — Он повел вокруг мохнатой лапкой, и Николай увидел, что и впрямь изба, на крылечке которой он сидел, была крайней в порядке покосившихся, почерневших, давно заброшенных домов и заросших жухлой травой огородов. — Деревеньку Завитинкой звали, а речку — Завитой. Прежде шире была, бурливей, а теперь — шагом перешагнешь, иссохла. — с тоски, может? Жили, да... Помню, было время — чужаки желтоликые приходили, а то бандиты-разбойнички, так мужики за берданы брались, бабы — за вилы. И снова жили! Скотина велась. Лошадушки... Зверя били, шишковали, ягоду брали, грибы. А рыбы-то! Крепко, хорошо обжились. А потом парни да девки из родительских домов в другие края подались. В камнях нынче живут, родительских свычаев и обычаев не чтят. Старики — кто к детям, кто помер. Обветшали избешки, развалялись. И никто доможила не кличет уж: «Дедушка домовой, выходи домой!» Брожу я ночами по домам опустелым, филинов да нетопырей пугаю криком-плачем... — И он залился мелким старческим плачем, утираясь то беловолосыми ладошками, то рукавом заношенной рубахи.

Лебедев облокотился спиной о прохладную дверь и задумался. Призвать на помощь здравый смысл мешало

только одно: ведь каким-то же образом он здесь оказался! Не под гипнозом же доставили. Раньше, читая о всяких таких диковинных историях, он допускал их возможность с кем угодно, только не с собой. И сейчас в сознании прошла медленная мысль: «Не может быть...» А что делать, если быть не может, но продолжает быть? Крестное знамение сотворить? Он не умел.

— Ну, а я вам зачем понадобился? И почему вы называли меня Мэргеном?

Заговорил тот, другой, по прозванию дзё комо:

— Тут недалеко еще стойбище было. Тайга большая, всем места много. Дедушка тигр живет, медведь живет — он как человек все равно, косуля живет, лесные люди — тоже. Люча, русские, пришли, и они жить стали. Тайга большая! Хорошо было... Ой, ой, ой, давно это было. Дзё комо в каждой юрте жил, в среднем столбе, ди си...

— Дзё комо — тоже домовой? — деловито перебил Лебедев, которого начал увлекать этот поток этнографических откровений.

— Дзё комо — душа дома, душа счастья. Комо большой — значит, хозяин его богатый, комо маленький — хозяин бедный. — Поймав оценивающий взгляд Лебедева, он кивнул: — Мой хозяин не шибко себе богатый человек был, однако ничего, хорошо жили. Ой, ой, ой, давно это было! — Голос его вздрагивал. — Молодые ушли. Заветы предков забыли. В каменных стойбищах, как и люча, жить стали. Тайга им чужая. Раньше как бывало? Человек в тайге живет — человек тайгу бережет. Теперь человек в тайге не живет — из тайги только забирает. Злой человек стал. Как росомаха все равно!

Вдруг он насторожился. Домовой тоже поднял голову, перестал всхлипывать. Старички поднялись, поддерживая друг друга. Дзё комо торопливо проговорил:

— Я камлал, в большой бубен бил, у костра плясал, как шаман все равно. Духи сказали: в каменном стойбище русский Мэрген-богатырь живет, он поможет. Душа у него чистая. Он увидит и поверит... Он сохранит дерево Омиа-мони от...

— Дзё комо, батюшка ты мой! — перебил его домовый голосом, похожим на испуганный птичий крик. — Едет! Уже близко!

— Мэрген!.. — простер, было, к Николаю руки дзё комо, но домовой дернул его за руку. Старички перескочили через речку и скрылись в тайге, оставив Лебедева еще более ошарашенным, чем прежде.

— Эй! — крикнул Николай. — Вы что? Вы куда? А я?! — И замолчал, услышав рокот автомобильного мотора, до такой степени чуждый звонкой тишине тайги, что Николай сразу и не сообразил, что это означает: привычное прошлое возвращалось к нему!

И вот, ныряя и проваливаясь на колдобинах давно заброшенной проселочной дороги, из-за ближнего домика вывернулась грязно-белая, выдавшая виды «Нива» с включенными обоими мостами и оттого неуклюжая с виду. Лебедеву показалось, что машина отпрянула как бы в изумлении, «увидев» его.

Мотор затих, но из кабины никто не выходил. Лебедев сделал несколько шагов и остановился, чувствуя себя неуютно перед этой словно бы насторожившейся, пахнущей усталой гарью механической зверюгой.

— Эй! — нерешительно позвал он.

Дверца распахнулась, и на траву ловко выскочил человек. Он стоял под прикрытием автомобиля, одной рукой придерживаясь за дверцу, другую уперев в бедро, и Лебедеву почему-то показалось, что сейчас он ковбойским, рассчитанным движением сорвет с ремня револьвер, но человек, присмотревшись к нему, вдруг свистнул:

— Привет, Николаша! Ты что, в егеря подался?

И тут Лебедев узнал в приезде, одетом со щегольской небрежностью, в ладно подогнанном обмундировании, равно пригодном и для охоты, и для рыбалки, и для долгих переходов по сопкам, Игоря Малахова, кинооператора со студии телевидения. Это был знакомый, живой, обыкновенный человек, не загадка тайги, не плод суеверий, не галлюцинация, и надо ли объяснять, как обрадовался ему Лебедев!

— Конкурирующая фирма? — усмехнулся Игорь. — Чего молчишь?

Первым побуждением правдивого Лебедева было рассказать все, как есть, однако что-то удержало его — вероятнее всего, стыд показаться смешным, — и он брякнул первое, что пришло в голову:

— Приехали на охоту... я отошел... ну и заблудился.

— На охоту? Ты? Ты же стрелять не умеешь, я знаю.

— То есть это... за шишками... — запинаясь Лебедев.

— В домашних тапочках? — прищурился Игорь. — Ладно, не хочешь говорить — шут с тобой. — И он пошел,

было, к избушке, где недавно проснулся Николай, но остановился, рассматривая что-то на земле. Поднял и насмешливо поглядел на Лебедева: — Эй, конспиратор! Так бы сразу и говорил! — И сунул на ладони чуть не к самому лицу Лебедева затейливое украшение — подвеску из мелких перламутровых раковин. — Хорошенькая игрушечка! Поссорились?

Лебедев молчал, неловко стиснув пальцами украшение, которое он совсем недавно видел на груди той женщины. Оттого, что реальность снова оказалась расколотой прозрачностью, он испытал приступ головокружения. Игорь же, посмеиваясь, выгрузил из машины огромный рюкзак, ружье, понес все это в дом, приговаривая:

— Знаем мы эти шишки! Шишкарь нашелся! Шишка твоя, выходит, с норовом? По газам — и домой, а ты тут кукуй или топай на своих двоих сутки, а то и двое до шоссе? Ого! За что она тебя так? Приревновала? Или не угодил?

Лебедев счел за благо сконфуженно отмолчаться, идя вслед за Игорем. Однако у крыльца он задержался, спрятал в карман подальше ракушечную подвеску и вошел в избу.

Игорь сидел на лавке и насмешливо смотрел на него.

— Коляшечка, давай сразу договоримся, — доверительно предложил он. — Не надо делать из меня дурачка, ладно? Ну ведь не было здесь бабы, это ясно. В избе, посмотри, все пылью заросло с тех пор, как я в прошлом году... Хм... ну ладно. Твои следы как на снегу, больше ничьих. Следов машины-то я ведь тоже не видел по пути. Откуда эта подвеска — не знаю, не говоришь — твое дело. Однако не наденет женщина такое, если едет в тайгу. И вообще — какая психопатка могла бы тебя тут бросить в домашних тапочках, без вещей? Короче — зачем ты здесь? Откуда?

— А ты зачем? — зло спросил Лебедев. Злился он, прежде всего, на себя: оказался в глупом положении и вынужден будет сейчас эту глупость обнародовать. А придется. Он зависит от Игоря. Возьмет и укатит — что тогда? На домового надеяться?

— Предположим, я на охоту приехал, — спокойно ответил Игорь. — Разрешение есть, сезон уже открыт, знаешь?

Лебедев покачал головой.

— Ну, где тебе! Ты же у нас гуманоид. А меня на все хватает, в том числе и на охоту. Кстати, будь благонадежен, скорее я бабу завезу в глушь и там оставлю, чем она меня, будь это хоть... Алла Пугачева. Понял, Коля?

Лебедев вздохнул. Приходилось говорить что есть.

— Ты в нечистую силу веришь, Супермен Васильевич?

— Ты о чем?

— О духах и домовых, — пояснил Лебедев.

— Спятил? Конечно, не верю!

— Может быть. И я так думал. До сегодняшней ночи. И вот именно сегодня ночью у меня в квартире возник домовый и притащил сюда.

— Да ты что? Ну и?..

— Ну и... я здесь проснулся, — Лебедев кивнул на лавку. — Вышел на улицу — домовый ждал меня у крыльца, там был с ним и... — Он не мог рассказать про женщину. — Еще один, дзё комо назвался.

— Кто такой?

— Тоже вроде домового, только нанайский. Они чего-то от меня хотели. Какой-то помощи. Но услышали шум твоей машины и убежали в тайгу. И все. Я ничего и не понял.

Игорь неторопливо распаковывал рюкзак.

— Подвеска тоже имеет к ним отношение?

Лебедев кивнул и несмело спросил:

— Ты мне веришь?

Игорь протер стол комком газеты и начал выкладывать из рюкзака свертки и консервные банки.

— Ну что же, — покладисто сказал он, — всякое в жизни бывает.

Лебедев ушам не поверил: «Уж не считает ли он меня за психа, которому опасно противоречить?!»

— Всякое бывает, — повторил Игорь, — особенно здесь.

— Почему? — насторожился Николай.

— Потому что... потому что... — Игорь замялся. — Потому, что обстановка здесь таинственная. Что, не так? Тайга, тишина, заброшенная деревня... Подходящая декорация хоть для детектива, хоть для всякой фантастики. Ну, иди к столу, Николаша. — Игорю явно не хотелось продолжать разговор. — Тут на десятерых хватит. Ты употребляешь? — Он вынул фляжку. — Коньяк. Но я не беру в рот. На всякий случай вожу с собой. И для гостей. А так — здоровье дороже. И репутация. Раньше, было дело, умел принять. А теперь — погореть на этом не желаю. Так будешь? Нет? Ну и умница. Ты молодой, холостой, тебе

о генетике думать надо. А поесть — поешь, и спать, — быстро говорил он. — Устал я сегодня. Устал. Да садись ты за стол!

Николай молча подчинился. Смеркалось. Словно не день прошел, а час...

* * *

Проснулся Лебедев оттого, что ему стало душно. Он слабо отмахнулся и открыл глаза.

Белая, круглая, холодная луна липла к мутному стеклу. Бледные, словно дымящиеся полосы лежали на полу и на стенах.

На грудь навалилось что-то мягкое и теплое. Это была толстая кошка. Ее серая шерсть в лунном свете сверкала, словно каждая шерстинка была усыпана бриллиантовой пылью.

— Брысь! — шепнул Николай спросонок. — Брысь-ка!

— Мэргенушко, батюшко! — отозвался слабый старческий голосок. — Вся надёжа на тебя. Оборони, заступись!

Лебедев резко сел. Кошка скатилась с его груди на колени, но он брезгливо дернулся, и она мягко упала на пол. Николай пнул было ее, но она увернулась, отскочила в угол, сливаясь с темнотой, и теперь только два желто-зеленых огонька выдавали ее присутствие.

— Какого черта! — Лебедев сам не ожидал, что может так яростно, воистину по-кошачьи шипеть. — Что вам от меня надо? Зачем вы меня сюда притащили? Чуть, чепуха! Брысь!

Огоньки погасли. Резко запахло сеном, и Николай, вспомнив, чему предшествовал этот запах в прошлый раз, подхватил тапочек и швырнул его в угол.

Зашипело, жалобно мяукнуло, легкий вихрь пронесся к двери, раздался скрип... Неяркая, низко стоящая звезда на миг заглянула в избушку, и дверь снова затворилась.

Сердце Лебедева колотилось от ярости, испуга, почему-то вдруг возникшей жалости... Нет!

— Нечисть! — зло сказал он, успокаиваясь от звука своего голоса.

— Ну, Николаша, ты страшен в гневе! — услышал он негромкий насмешливый голос.

Игорь лежал на своей лавке, приподнявшись на локте, ярко освещенный луной. Разноцветные пылинки плавали над ним. Было хорошо видно смугловатое твердое лицо, курчавые волосы казались подернутыми сединой.

— Теперь все в порядке, Николаша! — одобрительно сказал он. — Теперь спи спокойно, дорогой товарищ. Думаю, нынче ночью они уже сюда не сунутся. Ишь, тяжелую артиллерию в ход пустили. Кошка! А в первый раз, помню, как тут ночевал, так кикимора спать не давала, коклюшками стучала, кружево свое плела.

— Кто?! — ошеломленно переспросил Лебедев.

— Ну, кикимора, домаха то есть, тоже нечисть. Шишига, — серьезно пояснил Игорь. — Она в голбце живет. Не слыхал, не читал?.. Тем более непонятно, почему они тебя так легко взяли. Хотя... чего ж тут непонятного. Ты о них не знаешь — значит, не готов к встрече с ними, не представляешь, какими они могут быть, то есть принимаешь их как реальность, а потому им легче подчинить тебя себе, — рассуждал Игорь, пока Николай не прервал его:

— Ты соображаешь, что говоришь?

Игорь хмыкнул:

— Да уж, дискуссия у нас... Тема, главное, остро актуальная: «Нечистая сила и степень ее воздействия на верующего и неверующего». Ладно, что нам твои домовые! Утром мы отсюда уйдем — и все будет в порядке.

— Уедем? — поправил Лебедев.

— Уйдем, — повторил Игорь. — Туда, куда мне надо, можно только пешком. Извини, отвезти тебя в город я пока не могу. Не для того сюда рвался, чтобы возвращаться. Да и время боюсь упустить. Можно было бы оставить тебе здесь продуктов, но, пока я буду идти туда и обратно, эти твари тебя так уделают, что и впрямь с ума сойдешь.

— Нет уж, я лучше с тобой, — согласился Лебедев. — А куда ты так рвешься?

Игорь помолчал, ложась поудобнее, потом в темноте раздался тихий смешок:

— Да ты не переживай. Я не старатель потайной, не браконьер. Ружье исключительно на всякий случай. Продуктов у меня видел сколько, без дичины обойдусь. А камера... — Он замолк на миг, но тут же воскликнул: — Ну не могу, не могу сказать! Дело такое, что, поверишь... как бы не сглазить. Но, ей-богу, клянусь, все чисто, красиво и праведно. Знаешь, давай еще поспим. Путь долгий.

— Хотя скажи, куда пойдём, — устало попросил Лебедев.

— К кедру, — не сразу, негромко ответил Игорь, и Николаю показалось, будто он произнес это слово с большой буквы.

Поднялись еще затемно. Игорь при свече проворно рас-
пределил содержимое своего рюкзака на две поклажи, со-
орудив для Лебедева из обыкновенного мешка заплечную
торбу. Кстатн пришелся и моток веревки, нашедшийся в
его рюкзаке. Еще Игорь дал Лебедеву старую энцефалит-
ку и поношенные, но еще крепкие кирзачи.

— Всегда беру с собой запас одежды,— пояснил он.—
Мало ли что — дождь, заморозки? Да и ночью чем больше
под себя подстедешь, тем здоровее утром встанешь, даже
если и спальник есть.

Николай слушал его с почтительным вниманием и до-
лей стыда. Он хоть и был дальневосточником в четвертом
поколении, однако тайгу не очень любил. Чувствовал ее
опасную красоту, преклонялся перед суровой загадоч-
ностью, но... тайга оставалась для него чуждой и не менее
экзотической, чем для любого москвича, рижанина или
одессита. Он почему-то не верил людям, которые не боя-
лись тайги. Не верил, что такое возможно. Но с охотой
подчинялся всем указаниям Игоря, и вскоре, тотчас по
восходу солнца, они уже поднимались на сопку, остав-
ляя позади и заброшенную деревеньку, где в ветхой са-
раюшке была поставлена машина, и сверкающую под
ранним солнцем речку, и пыльную избенку, и призраков
прошлых ночей.

Не сказать, что мешок был тяжел, однако и легким
его не назвать, и постепенно ощущение этого утомитель-
ного веса на спине поглотило внимание Лебедева. Если
поначалу он еще пытался смотреть по сторонам, то потом
все словно бы подернулось дымком усталости: ельники,
кедрачи, дубняки, березняки, сквозь которые они проди-
рались... Вернее, продирался-то прежде всего Игорь: он
шел немного впереди, и чуть подлесок становился густым,
сразу пускал в ход небольшой удобный топорик, так что
Лебедеву передвигаться было легче. Тем не менее, после
первого же привала он так разморился, что Игорь, недо-
вольно покусывая губу, все-таки вынужден был позволить
ему вздремнуть полчаса.

Едва Николай завел глаза, как поплыли перед ним
скорбные лики домового и дзё комо, серая кошка мета-
лась в лунном луче, играя клубком, за ней гонялась не-
ряшливая старуха, гремя деревянными палочками для
плетения кружев — коклюшками. Мелькнули, словно мол-
нии, чьи-то длинные черные глаза — и погасли.

Лебедев тихо надеялся, что где полчаса, там и час, однако, не помедлив ни минуты, Игорь разбудил его, навьючил — и снова стал первым на тропу. Солнце между тем затянулось серым маревом.

Наконец они забрались на седловину и начали спуск. Игорь обещал, что осталась еще одна сопка, а там недалеко и до «кедра». К ночи доберутся!

Прыгать по склону приходилось боком, выворачивая ноги на пепельно-бронзовом курумнике, но вскоре пошла полоса молодого осинника, уже густо забронзовевшего, охотно сбрасывающего листву под порывами ветра. Почва была здесь пружинистая, серо-зеленый блеклый мох отдавал влагу. Осины драли рюкзак. Николай опять взмок.

Он шел и шел, и даже не заметил, как воспаленным лицом ткнулся в рюкзак Игоря. Игорь остановился и смотрел сквозь поредевшие деревья вниз. Там бежала по камушкам речка, а на другом берегу медленно таяли в приближающихся сумерках очертания какой-то избушки.

— Ого! — хрипло поразился Лебедев. — Охотничье зимовье?

Игорь молчал. Потом он сбросил с плеч рюкзак, постоял несколько минут, разогнувшись и уперевшись ладонями в поясницу, которая, как видно, ныла у него не меньше, чем у Лебедева, и обернулся. Глаза его были угрюмы.

— Что, не узнаешь домик? А ты приглядиись, приглядиись!

Николай пригляделся. В очертаниях избушки было что-то знакомое. И этот огород, весь в будылье, и позади такие же ветхие дома... Все тихо, мрачно. Только речушка играет и переливается...

Это была та самая заброшенная деревня, откуда они ушли ранним утром.

— Ну чем я виноват? — устало спросил Лебедев. Пуще усталости томила недоуменная обида.

— Это все из-за тебя, — проворчал Игорь, не оборачиваясь. Он был расстроен, как ребенок. — Это они нас водили. Твои приятели... Меня-то им с пути не свернуть, могли уж в прошлом году убедиться.

— Но ведь ты как раз и шел впереди! — воскликнул Лебедев.

— А им это без разницы, кто впереди.

— Но мы ведь шли по компасу...

Игорь нервно дернулся на лавке, но промолчал.

«О чем мы спорим! — ужаснулся Николай. — И ведь

всерьез, всерьез! Удивительно, до чего не приспособлен мозг к рассуждениям о диковинном. Вроде и фантастику читаем, да и известно, что немало в жизни необъяснимого, а все-таки хочется каждое событие на полочку соответствующую положить, табличку повесить: вот так может быть, а вот этак — нет. Ну-ну, попробуй, — усмехнулся Николай про себя. — Никуда ведь не денешься: вон избушка, вон Игорь... а что за порогом?»

Кости ломило с непривычки, усталость то валила Николая в крепкий сон, то навевала дремотные видения, и всю ночь чудилось шуршание нити, старушечий шепот, словно бы пересчитывающий петли... Смутная тень растрепанной головы мелькнула перед лунным окном, и явь расплести от кружева сна было уже невозможно.

Наконец он вырвался из мучительной темной дремоты. За окном уже слегка брезжило. Спросонок Лебедеву показалось, что в тайге плачет испуганная птица. Но через секунду его пробрала дрожь, он узнал это переливчатое пение!

Как был, Николай выскочил на крыльцо и слетел со ступенек.

Она стояла там же, где и позавчера. Увидев Лебедева, умолкла. «Звала? Меня звала?» — не поверил он смутной надежде.

Он шел к ней тихо, будто подкрадывался. Камни в речке казались раскаленными.

— Это ты? — спросил он недоверчиво. — Ты... Как тебя зовут?

— Омсон-мама. — Говор ее был как песня.

— Мама?! — радостно засмеялся Лебедев. — Ну какая же ты мама? Ты девушка. Ты как цветок. Можно, я буду звать тебя просто Омсон. Какое имя!..

— Сегодня вы пойдете к Омиа-мони, — начала, было, она, но вдруг насторожилась, прислушиваясь. Блеск утренней звезды отразился в ее глазах, и у Лебедева перехватило дыхание. О чем она? Разве об этом нужно вести речь сейчас?

Он схватил ее за плечи. Перламутровое одеяние прошелестело что-то, будто усмехнулось. Омсон упруго изогнулась в его руках. И тело ее словно бы вытекло из его рук, он очутился стоящим на коленях, прижимая к себе мокрый валун, а Омсон не было.

Лебедев поднялся, машинально отряхнул на коленях джинсы. Опустив взгляд, чуть не вскрикнул: он стоял босиком на заиндевевшей траве!

Голова еще кружилась. Он перемахнул речушку, быстро поднялся на крыльцо, только сейчас почувствовав, что замерз. Дернул дверь — и едва не уткнулся лицом в лицо Игоря.

Стало неловко, как нашкодившему мальчишке. «Ви-дел он? Что он видел?»

— Душно, — предупреждая вопрос, выдал Лебедев. — Не спится.

— Да, — Игорь опустил глаза. — Смотри-ка, заинде-вело. Рано в этом году. Скользко по камням идти будет.

— По камням?

— Да, пойдем по руслу. Быстрее и надежнее. Уж реку-то они в сторону не свернут!

— А что же вчера там не пошли?

— Вчера! Откуда я знаю, почему вчера поперся в сопки? Будто в спину кто толкал!

Лебедев прошел в избу. Упреки ему уже порядком надоели.

— Ладно, слушай, — примирительно сказал вдруг Игорь. — Все дело в кедре...

В прошлом году мы делали передачу в одном старом нанайском селении. Чистое стойбище! Там жила старая сказительница, вроде... ну, вроде какой-нибудь нанайской Арины Родионовны. Интересная бабуля. Старая, как мир. Но больная. Снимали мы каждый день понемногу, потому что она быстро уставала, начинала задыхаться... И вот однажды пришли мы к ней, а ее нет. Ночью ушла в тайгу. Зачем, когда вернется? Домашние молчат, кто-то обмолвился: «Лечиться ушла...» Траву, что ли, целебную искать? Не отвечают. День, другой мы ее прождали. Режиссер норовистый, обиделся: уезжаем, все! Звукооператор ему поддакивает. А мне что? Ехать так ехать. Теплоход наутро, решил я пока побродить по окрестностям, пощелкать на слайды. Тайга осенью... Ладно, пошел. И, понимаешь ты, заблудился! Вовек со мной такого не бывало! Дело к вечеру, а я все блукаю. Будто водит кто-то, шутит. Набреду на знакомое место — ноги сами в другую сторону идут. Леший, думаю, нанайский играет со мной, что ли? Но, знаешь, не испугался, а разозлился. Да что, думаю, мне то село? Пойду, куда глаза глядят, авось, к реке выйду, и пусть хоть вся сила нечистая кругом бродит!

Так-то. И едва подумал это, как... вспомнил дорогу назад. Вот знаю почему-то, что сопочку обогнуть надо, а

там налево, через кедрач — и стойбище наше. Вот те на! Будто бы тайга испугалась моей решимости, — усмехнулся Игорь. — Насторожилась вся.. Ветер стих. Тропка сама под ноги стелется. Но ломанул я назло в чащу. Бурелом — через бурелом. Овраг — через овраг. Еле оттуда вылез, надо сказать, и мелькнула-таки мысль вернуться, да вдруг слышу — тихий стон. Вгляделся — уже смеркалось — кто-то лежит. Уж я струхнул... Однако подошел осторожно. Смотрю — да ведь это наша бабуля-сказочница! Чуть живая. Волосы в какой-то белой паутине, вся горит и бормочет: «Омиа-мони... Омиа-мони...»

Сердце Лебедева дрогнуло.

— Бабуля, говорю, зачем же ты сюда потащилась? — продолжал Игорь. — А она опять: «Омиа-мони...» Я посмотрел — что такое? Солнце уже село, луна еще не взошла, а за деревьями голубое сияние разгорается. Я пошел туда и увидел...

Голос Игоря пресекался. Николай с изумлением смотрел на его побледневшее лицо, нервничающие руки.

— Его вершины не разглядишь. Высота — обалдение! А цвет... Он и правда голубой. И в то же время он — всякий, — сбивчиво говорил Игорь. — Птицы какие-то по нему порхают. Множество их. А зверья! Словно со всей тайги. Тигры — и рядом кабаны, как дрессированные. На меня ноль внимания. Я подошел ближе — и увидел еще одно дерево. Сначала показалось, что это цветущая яблоня, таким оно было белым. Но потом разглядел, что оно сплошь покрыто паутиной. Я смотрел, смотрел... И вдруг за моей спиной вскрикнула старуха. Ужасно вскрикнула! Я повернулся. Она стояла на коленях и грозила мне. Потом упала — и вытянулась.

Игорь опять замолчал.

— Ну! — нетерпеливо подтолкнул его Лебедев.

— Ну... я вынес ее из тайги. Мертвую. Почему-то мне кажется, что если бы я шел один, то уже не нашел бы пути назад. Не знаю, почему. Однако стойбище оказалось совсем рядом. Будто бы его кто-то на время переместил поближе к той поляне... Когда я передавал тело старухи выбежавшей навстречу родне, что-то зацепилось за пуговицу моей куртки. В темноте не заметил, а потом увидел вот что. — Игорь вынул из кармана квадрат серого шелка и расстелил на столе, придвинув свечу.

Сначала Николаю показалось, что перед ним — причудливый узор. Но, присмотревшись, он понял, что это

карта, искусно нарисованная не то тушью, не то черной краской. Он узнал извивы Амура, его притоки. Тонкими штрихами обозначались леса, легкими волнистыми линиями — сопки. На некотором расстоянии друг от друга — два треугольника. Между ними — мазок голубой краски.

— Что это значит? — спросил Лебедев.

— Я сверялся с очень подробной картой этого района, — рассказал Игорь. — Первый треугольник — то самое стойбище, где мы снимали. Другой — деревня, где мы сейчас с тобой. Впрочем, лоскут этот очень старый, возможно, еще и не деревня тут обозначена, а какое-нибудь иное древнее селение.

«Тут недалеко еще стойбище стояло. Тайга большая, всем места много...» — словно наяву услышал Николай протяжный голос дээ комо.

— И, видишь, как раз между ними — голубой кедр, — пояснил Игорь. — История, которую я тебе рассказал, случилась два года назад. Нечего и говорить, что, едва разобравшись в этой карте, сверив ее с топографической, я снова приехал в стойбище и отправился к голубому кедру. Клянусь, всю тайгу обшарил, а поляны с кедром не нашел. А ведь видел ее своими глазами — уж своим-то глазам я верю! Тогда я решил пойти другим путем — от второй отметки, от этой деревушки. Уже в прошлом году вышел отсюда — и опять ничего. Кстати, тогда меня тут пытались поморочить домовушка и его супружница, кикимора. Да уж, ночка была!.. Словом, опять я не нашел кедра, хотя в карте уверен на все сто. Вернулся домой ни с чем. И вот как-то пришла мысль: а почему старуха так неожиданно отправилась в тайгу? Ведь сколько мы там, в стойбище, до этого были, не меньше десяти дней, и она все время себя худо чувствовала, а ничего, сидела себе. И вдруг — сорвалась. Не в том ли дело, что голубой кедр можно увидеть только в определенное время? Скажем, в один из дней конца сентября, как сейчас? Логика в этом есть — сейчас как раз время созревания кедровых шишек. Я прикинул числа... сегодня, Коля, ровно два года, как я был на той поляне. Еле удалось вырваться на эти дни с работы. Как всегда, план горит. Да пускай и сгорит! Хуже, что вчерашний день пропал. Так что придется нам с тобой сегодня идти, идти и идти. Еще один год потерять — это не по мне!

— Да что тебе этот кедр? — спросил Лебедев. — Посмотреть?

— Э, Коля! Думаешь, я только консервы да ружье несу? У меня полрюкзакка кассет японской цветной пленки, да кинокамера, да «Кодак». Это же кедр уникальный, кедр-пра-пра-прадед. Тут можно снять кадры, которых никто не снимал и уже не снимет. Такой шанс не всякому выпадает. Единственный шанс! Ведь никто, кроме меня, этого кедра не видел и дороги к нему не найдет.

— Ну, а я увижу? Тебе не жалко?

— Раз уж ты свалился мне на голову, не могу же я допустить, чтоб ты так вот задарма страдал. А увидишь этот кедр — ни о чем другом больше и думать не сможешь, понял? И все твои статейки о моральном и аморальном облике покажутся тебе жуткой жвачкой. Да мы с тобой вместе такую киношку сделаем!.. Говорят, я с камерой родился, а на бумаге двух слов не свяжу, хотя язык подвешен вроде бы. А как ты пишешь, мне нравится.

Комплимент был приятен, как и то, что вела Игоря в тайгу такая мечта. Одно оставалось неясным.

— Но почему же так волнуются эти... — Лебедев замялся, — ...местные привидения?

Игорь начал перематывать портянки — ровно, ловко, Лебедев даже позавидовал.

— Наверное, они вроде хранителей заповедника! — усмехнулся он.

И Лебедев рассмеялся, тоже начиная собираться в путь. Возникло на миг какое-то невнятное ощущение... раскаяния, потери, несостоявшегося прощания ли... да и ушло, как пришло. Он только спросил:

— Что значит Омиа-мони?

— В панайских сказках так называется дерево душ, — после некоторой заминки ответил Игорь и приказал: — Все, разговоры окончены. Пошли в темпе!

* * *

По руслу идти оказалось труднее, чем по сопкам: камни выскальзывали из-под ног, то и дело приходилось взбираться на кручи, к которым вплотную прижималась речка: она незаметно слилась с другой, широкой и скорой, так что перескакивать и тем более переходить ее вброд в поисках удобной дороги сделалось вовсе невозможно.

Миновали сплошь желтый лиственничник, и Николай, несмотря на напряженные пути, надолго замер, оглядывая

мягко шелестящие заросли. Кое-где иголочки уже осыпались, покрывая склон мягкой прозрачной желтоватой кисеей. Похоже, будто выпал ранний снег неведомого, фантастического оттенка. Небо было серое, непогодное, но желтизна хвои смягчила его суровость, веселила глаз. Серая до черноты студеная река оставляла в извивах сугробы поздраватой бело-желтой пены. Течение здесь было очень быстрое, глубокая стремнина рябила, отливала, как сталь, радужной, неожиданной синевой, чешуйчатая, гибкая, словно спица неведомого водяного зверя.

Лебедев смотрел, и сердце его щемило. Он и вообразить не мог, что неяркая желтизна лиственниц, нахмуренный серый денек бывают так притягательно прекрасны. Если бы мог, он бы обнял сейчас и этот желто-рябой от хвои курумник, и тонкие черные стволы, и дрожащую от наступающих холодов речку, уткнулся бы в них, чтобы всем сердцем, всем телом принять запахи и краски.

Озноб восторга заставил его счастливо рассмеяться. Что может быть прекраснее? Странно, неужели Игоря не привлекает все это? Гонится за своим кедром...

Тем временем Игорь уже взбирался на сопку, обходя завал на повороте реки. Видно, многие годы здесь застревали подмытые и унесенные течением стволы, и теперь все это напоминало кучу гигантского хвороста, небрежно брошенную каким-то великаном.

Лебедев смерил взглядом завал и сопку, по которой надо было его обойти. Игорь не оборачивался и ушел далеко вперед.

— Эй! Подожди! — крикнул Лебедев, но голос его был унесен ветром.

Игорь не обернулся, и Николай заспешил. Он полез прямо на завал, рассчитывая так выиграть во времени и расстоянии; полез сперва робко, потом быстрее. Бревна казалось, лежали крепко, сцепившись сучьями и корнями.

На вершине завала Лебедев распрямился, но тотчас потерял равновесие, ноги скользнули по еще не просохшей после инея коре, провалились в пустоту, он какое-то время висел на вывернутых веревками «рюкзака» руках, ему показалось, он чувствует, как натянулись мышцы, а потом руки с болью выскользнули из лямок, и Николай, цепляясь о корявые выступы, ударяясь о стволы, соскользнул в узкий причудливый колодец, случайно образованный природой, и упал на каменистое сырое дно, онемев от боли и неожиданности.

Казалось, его заключили в сырую клетку. Высоко-высоко висели клочья мутного неба. Сквозь «стены» брезжил свет. Из-под мелкой гальки сочилась вода.

Мгновение Лебедев смотрел вокруг растерянным взглядом. Вдруг показалось, что это корявое сплетение стволов, обглоданных течением, камнями, временем, валится прямо на него!

Он закричал, попытался вскарабкаться по стволу, скользя и ломая ногти. Сорвался, перемазавшись квелой, разложившейся корой.

Вскочив, вцепился в ветки, как в прутья решетки, тряхнул, что было силы, и тут же отпрянул, испугавшись, что это жуткое сооружение рухнет и придавит его.

Съежился, пытаюсь уснокоиться. Вскинулся и закричал, прикикая всем лицом к щели меж стволами:

— Игорь! И-иго-о́ры!..

Но голос глох, оставался в «клетке», давил со всех сторон, казалось, вытеснял воздух. Надо привлечь внимание Игоря по-другому...

Лебедев осторожно вытащил из «стены» толстый корявый сук и, сначала нерешительно, а потом все сильнее, заколотил по стволу. «Клетка» загудела. Стук оглушал Лебедева, но он, зажмурясь, бил снова и снова, пока не уловил:

— Э-ге-гей!.. Ни-ко-ла-ай!..

— Я здесь!!! — заорал Лебедев что было мочи.

— Да куда ты запропастился?!

— Сам не знаю! — уже радостно засмеялся Лебедев.

— Он еще смеется! Ты что, намерен там поселиться?

Вылезай быстро!

— Ждал бы я твоего приказа. Да никак не могу выбраться. — Лебедев вглядывался в переплетение стволов. — Скользко, гладко, не за что уцепиться.

— Кой леший нес тебя на эту гору? — орал Игорь.

— Не знаю, — честно ответил Николай.

— Скажи спасибо твоим дружкам! — Игорь выругался. — Наверное, опять они подгадили.

— Да какая им от меня беда? — искренне удивился Николай.

— Балда. При чем тут ты? Им меня надо остановить.

— Тебя? Да что им до твоего фильма? Они что — и правда конкурирующая фирма?

— Может, подискутируем? — зло перебил Игорь, и с Лебедева сошло, все его истеричное веселье:

— Ладно тебе, не злись. Спусти мне веревку.

— Веревку тебе? — крикнул Игорь. — Ремня тебе, а не веревку. Вот загремлю сам туда — кто вытягивать будет? Домовой? Или бабушку кикимору позовем?

Лебедев еще раз внимательно оглядел западню:

— А если попробовать сделать лаз?

— Чем?! — надсаживался Игорь. — Зубами? Ногтями? А ты навстречу будешь пробиваться?

— Не в земле лаз! Среди стволов!

— Что?! А вот как начну я топором колотить, да как завалит тебя совсем? А времени сколько уйдет, ты представляешь? — разъярился Игорь.

— Что ж ты, век предлагаешь мне тут сидеть? — устало спросил Лебедев.

— Век не век... — ответил Игорь после паузы, — а сутки придется.

Лебедеву показалось, что он ослышался.

— Николай, ты пойми, — умоляюще проговорил Игорь. — Уже полдень скоро, а до кедра идти да идти... Понимаешь, а вдруг я угадал и его можно увидеть лишь сегодня? Если я провожусь с тобой, значит, опять год пропал. А мне сегодня надо светлое время застать. Вон и погода расходитя... Ну сил моих нет, ты пойми, я этого дня два года ждал! Подожди, ради бога, ну умоляю тебя. Потерпи. Может, я еще до вечера управлюсь. Хотя вряд ли... Но, клянусь, ночью буду идти, а завтра вернусь. Вот, поесть я тебе пропихну, — суетливо говорил Игорь, и чуть ли не на голову Николаю свалилось полбулки хлеба, надетого на тонкий шест, просунутый меж «стен» завала.

— Черт, консервы не получается... Хотя у тебя и ножа нет. Коля, ты прости, пойми, сил моих нет! Слышишь?

— Слышу, — отозвался Николай, все еще не веря.

— Ты не сердись, брат, а? Сутки, только сутки!.. А потом набьешь мне морду, если захочешь. Договорились? Ну, держись. Не робей — я вернусь! Скоро вернусь!

— Игорь! — крикнул Лебедев. — Игорь!..

Он еще долго звал, пока не понял, что это бесполезно: Игорь ушел.

Комель одного ствола выступал из-под нагромождения остальных, и на это более чем неудобное сиденье устало опустился Лебедев. Прикрыл глаза, чувствуя, что больше всего на свете хочет сейчас лечь и уснуть — чтобы проснуться дома.

Интересно, что теперь в городе? Здесь он уже трое суток, если не больше. Сбилса со счета. Конечно, его хватились. Но на помощь рассчитывать не приходится. Разве что в бреду может прийти кому-то озарение искать его здесь, в тайге, на этой забытой богом речушке, под завалом...

А вдруг вернется Игорь? Спыхватится — и вернется? И Лебедев со страхом подумал, что поведение Игоря он предсказать не может и решительно не знает, чего от него ожидать. А ведь знакомы уже несколько лет. Близкими друзьями никогда не были, но пуд соли точно съели в одних компаниях, поговорить любили, поспорить, в шахматы перекинуться. С Игорем было всегда интересно. В кругу приятелей его называли фонтаном, фейерверком. Был он удивительно начитан, скор на слово, до невероятности общителен — душа, что называется, любого общества. Называли его ласково и небрежно: Игорешка. Вот уж сколько лет... Николай считал его очень талантливым оператором, да и не он один так полагал. Пожалуй, это была самая талантливая камера на всем Дальнем Востоке. Особенно удавались Игорю крупные планы. Вместе с ним зритель словно бы заглядывал в душу человека на экране. Лебедев отчетливо помнил, как сжалось его сердце, когда в небольшом сюжете, отснятом Игорем для дежурной телепередачи о строителях ЛЭП, он увидел бульдозериста, машину которого тянула в себя марь...

Камера медленно поднималась по рычагам управления, и темные пальцы, стиснувшие их, казались продолжением металла, такое напряжение читалось в окаменевших суставах, надувшихся венах. Парень медленно проталкивал вперед рукоять, одновременно поднимаясь на сиденье, и казалось, за искусственно подобранными шумами слышен не только рык измученного мотора, но и треск клетчатой рубашки на напрягшемся плече, и сдавленная ругань, и даже першило в горле от синей гари, окутавшей машину, и вот уже разрослось на весь экран почерневшее лицо, и не то капля пота, не то слеза бессидия поползла по лицу, парень досадливо дернул щекой...

План сменился широкой панорамой просеки, утыканной вышками ЛЭП, и Лебедев спросил потом Игоря: «А тот парень — он выволок свой бульдозер?» Игорь поднял брови: «Да я откуда знаю? Я дальше поехал, на другой объект».

Иногда Лебедев завидовал Игорю. Казалось, тот всегда твердо знает, о чем хочет поведать зрителю, и знает даже больше, и всегда верит в высокий смысл своих фильмов и даже небольших сюжетов. А Лебедева как раз мучило то, что за всеми его «заметками» — этим презрительным словом он последнее время называл все, что писал, — нет ничего, кроме сообщения о факте. Ну, живут люди в далеком от Москвы краю... Ну и что? Гордиться экстремальными условиями? Нанизывать эпитеты? А чью душу это всколыхнет?

Иногда Лебедев заставлял себя писать с таким трудом, что ему казалось, будто он идет по некоему запретному пути. И там, в конце, что-то брезжило. Какая-то цель. Но какая? И какая цель была у Игоря Малахова? Да, он безумно влюблен в свою работу — сегодня это еще раз подтвердилось...

А ведь Игорешку недолюбливают, подумал Лебедев. Его считают недобрым. И не столько за меткое и порою неприятное словцо, которое он умел, да уж умел, отпустить, сколько за то, что, заботясь о сиюминутном эффекте, мог сказать о человеке что угодно. И потом, сияя улыбкой, вскользь извиниться, словно речь шла о пустом, неважном. И тут же перевести разговор так, что вот уже и собеседник, только что сердечно обиженный на Игоря, смеется, слушая его с интересом, увлечен им, и самому оскорбление кажется пустяком... Но, несмотря на это, а может быть, как раз именно поэтому, Игоря не принимали всерьез очень многие. Лебедев знал: и сам Игорь это знает — все-таки умен мужик, что тут скажешь. «Вот были Москвин, Урусевский, Тимофей Лебешев — есть Павел Лебешев, Гантман, еще полно всяких — операторы. А Малахова упомянут где, сразу — «дальневосточный оператор». Будто в границы замыкают, а дальше не моги или не по плечу. А мне по плечу. А я не хуже!» Лебедев понимал недовольство Игоря, считал, что тот окружен завистниками-провинциалами, смакующими его недостатки, и когда Игорь заводил разговоры об этом, советовал ему поехать в Москву. Игорь затихал. Говорил, что без Дальнего Востока пропадет, что здесь истоки его творчества... Но однажды зло бросил: «Тут я все-таки Малахов, а там

буду — «и многие другие». Понятно, что он так схватился за возможность сделать нечто поразительное, сенсационное, так рвался к этому кедру... Возможно, для него в этом спасение от какого-то творческого кризиса, как для Лебедева — конечно, масштабы не сравнить! — история с теми редкими книгами в научной библиотеке. Да ведь и правда, именно в тот момент, когда Лебедеву журналистика стала казаться скучной обязаловкой, работой-однодневкой, нашлась тема, которая поможет выйти на главное — связь времен. Предположим, что без этого все общество не может развиваться. А человек — как небольшая, но главная часть общества — разве может развиваться, не ощущая своей глубинной связи с прошлым? Не чувствуя своих корней? Николай усмехнулся: вот в какие глубины завели его подвалы «науки». А что, разве не так? Сиюминутное, важное именно сегодня — оно ведь тоже когда-нибудь станет прошлым, делами «давно минувших дней». Дни эти зачеркиваются, как нечто маловажное, но не значит ли это, что мы привыкаем зачеркивать, привыкаем легко забывать, и то, за что сегодня отдаем нервы, здоровье, жизнь, как за самое главное, основное, завтра будет сдано в архив с насмешливой небрежностью? И все это происходит от привычки жить важностью лишь сегодняшнего дня — с его лозунгами и проблемами — в лучшем случае, с робкой заглядкой в будущее, которого, как известно, не знает никто...

«О чем я? — вскинулся Лебедев. — Нашел время и место для обдумывания таких проблем. Лучше поищи, нельзя ли выбраться отсюда самому! А то представь — собьется Игорь с пути. Тогда что? Сгинешь от голода или с ума сойдешь — и никто ничего не узнает. И не увидишь больше никого — разве что какой-нибудь призрак, нежить явится — голову поморочить».

Что бишь хотели от него домовой и дзё комо? Что-то говорили про Омиа-мони... Увидев Игоря и его машину, он забыл об их просьбе: увидеть, понять, спасти. Что? Что это значит? Почему к нему приходила Омсон? Не зря же, черт возьми, его уволокли из дому! А он сидит здесь. И вообще, очевидно, не оправдал возложенных на него надежд. Обидно.

Лебедев встал. В нем зарождалось нетерпение, заставляло двигаться, искать какого-то дела, выхода искать — любой ценой! Он готов был голыми руками расшвырять этот проклятый завал. Только бы выбраться! Эх, веревку бы! Но веревки нет. Однако...

Лебедев снял энцефалитку. Был бы нож! Он внимательно рассмотрел куртку и наконец увидел дырку, наверное, прожженную у костра. Рванул зубами... грубая ткань затрещала...

Не прошло и часу, как перед Лебедевым вместо энцефалитки лежал ворох ровных полосок, и он начал связывать их. Потом обернул в капюшон камень, вырытый из-под гальки. Надежно обвязал своей «веревкой». Тщательно прицелившись, бросил тяжелый ком вверх, стараясь если и не попасть в верхний проем, то максимально добросить до него и зацепить груз меж стволов. Камень сорвался и раз, и другой, и третий. Лебедев едва успевал отстраниться, чтобы не попасть под удар. И вот наконец-то!.. Не веря удаче, Николай потянул за «веревку», дернул сильнее — камень держался. Он даже растерялся на миг. Окинул взглядом свою недолгую тюрьму — и, упираясь ногами в деревья, стараясь контролировать натяжение «веревки», полез, вернее, пополз вверх.

«Колодец» был не так глубокий, как казалось снизу, однако выбраться было труднее, чем он думал. То и дело ударялся головой. Скользили ноги. Особенно ужасно было то мгновение, когда, почти у самого верха, Лебедев увидел, что камень под его тяжестью вот-вот перевернется через сук, за который зацепился. Николай дернулся, пытаясь перехватить руки, но тут «веревка» снова натянулась, как будто кто-то прижал камень наверху. «Игорь вернулся!» — подумал Лебедев, сразу забывая обиду и страх. Он с наслаждением высунулся из щели — и чуть не сорвался опять: крепко упершись в черные стволы, ему протягивал руку не Игорь, а домовый.

* * *

Костерок тихо приплясывал на берегу. На рогульках висел небольшой котелок, в который, отгоняя летучие искры, озабоченно поглядывал домовый. На тряпице, раскинутой на камнях, лежали серые ноздреватые лепешки и крупно нарезанные куски кеты. Лепешки, по словам домового, который истово потчевал Лебедева, замешены на черемуховой муке, поэтому они и были так ароматны и сладки. Потом домовый достал из холщевой торбочки две берестяные чеплашки и осторожно налил в них из котелка чаю — черного, горьковатого от щедро брошенных туда лиан лимонника, его красных ягод да кисточки эл-у-тёрококка, колючие стебли которого торчали неподале-

ку. После каждого глотка у Лебедева прибавлялось сил.
— Спасибо, бабушка! — сказал он. — Теперь я хоть до завтрашнего вечера могу идти без отдыха.

Домовой увязывал свою торбочку:

— Вот-вот! Омсон-мама точнехонько так и говорила: мол, только подкрепить надо силы Мэргена, а там...

— Омсон? — перебил Лебедев. — Так вы ее видели?

— А чего бы мне ее не видеть? Частенько дорожки нас с ней, с простоволосой, сводят. Я ей другой раз так и скажу: «Не молоденькая, чай! Нет чтобы платком покрыться, ходишь, волосом светишься!» Мы, домовые, этого страсть как не любим, а у них, у таежных людей, обычай иной, вот и ходит, косами трясет, будто девица.

— Она и есть девица! — засмеялся Лебедев. — Ей и двадцати нет, мне кажется.

— Коли кому что кажется, так тот пушай крестится, — сурово ответил домовой. — Вот, как на твой глаз — сколь мне годков?

Лебедев пригляделся.

— Ну, шестьдесят, ну, семьдесят... — сказал он не очень уверенно, но тут же вспомнил, с кем говорит. — Или больше? Неужто за сто?

— То-то и оно-то, что за сто! — важно сказал домовой. — Нашенский род исстари ведется. Домовушка должен быть по рождению тот же шишига, то есть дьявол. По крайности, прежде был шишигой, а теперь, видится, обрусел. Мне нынче никак не меньше, чем пять сотен, а то и поболее. Со счету давно сбился, многое позабывать стал. Но сколь помню себя, таким был, как сейчас. Разве что одежда попрдержалась. Вот и Омсон такая — что хошь с ней делай, время не берет.

— Она колдунья? Шаманка? — пытался угадать Николай.

— Шаманка, скажет тоже. Подымай, брат, выше! Она — владычица Омиа-монн, только про это пускай себе мой дружечка разлюбезный дзё комо сказывает. У него складнее выходит. Ежели бы там про банника, про овинника, про дворового, аль про русалок, девок зеленовласых, что по чащобам у нас на Расеюшке турятся, на прохожего-проезжего морок наводят, — про это дело я тебе такого набаю, что волоса дыбарем станут. А про таежное пушай таежные жители и сказывают. Ты мне лучше про себя поведай. Какого роду-племени! Как окрестили? Почто холостым живешь — я заметил... Чем на хлеб зарабатываешь? Не по купецкому делу?

— Нет, не по купецкому, — от души развеселился Лебедев. — Я пишу...

— Писарем, стал-быть? — почему-то обрадовался домовый. — Грамоте, счету обучен? Великое дело — наука! Вот кабы мне на роду не написано домовым быть, я бы непременно обучение прошел и в грамотки всю мудрость народную записывал. Таскался бы по селам-поселочкам: там сказку подслушаю, там — песню, там — поговорочку. Поговорка, знаешь ли, цветочек, а пословица — ягодка. Ох, брат ты мой, а крепко же иной русский мужик молвит! В пословице ходячий ум народный. Пословицы не обойти — не объехать. Живым словом победить можно. Одно слово, знаешь ли, меч обоюдоострый заменить может. Да где бы нам найти такое словцо, чтоб лиходея нашего насквозь пронзить? Уж и дружок-приятель у тебя, батюшко Мэрген! — попенял он. — Я спервоначалу думал, что на цвету он прибит, глуповат, стал-быть, однако умище есть, и страшный... А зверюгу белую, что чадом чадит, он где раздобыл? Это ж чисто Змей Горыныч: огонь жрет, жаром орет, а из ушей аж дым идет. Эх, а было времечко золотое: что богатырь, что супротивник его садились на добрых коней — да по раздольицу, чисту полюшку... А коняшки сытые, обихоженные! Мы, домовые, коней любим пуще всего на свете! Хынь-хынь, — вдруг завел он жалобно, — мне бы хоть махонькую, да пегонькую лошадушку! Разве же наше, домовушек, дело по-чащобе шастать, злодея гонять? Домовой — он исстари не злой, не погубит, как русалка зеленовласая, не утопит, как дед водяной, узелком дорогу не завяжет, как злодей леший. Ну, ущипнуть там, синяков насажать, бабе простоволосой ночью косиц наплести — это наше дело. А тут...

Лебедев ласково слушал причитания домового. Так бы и погладил его по сивенькой головушке!

— Вот видишь ли, батюшко Мэрген... — продолжал тот, но Лебедев решил наконец прояснить дело:

— Ну какой я Мэрген?! Меня зовут Николаем. А вас как?

— Власием отродясь прозывает домовушку народ. Волосом еще, Велесом. Как хошь, так и зови. Дедкой зови, суседкой. А ты — Никола, стал-быть. Славное имечко. Угодник тебе хороший достался. Добрый. Ты вон тоже добрый. Да вот беда: слабосильная твоя доброта, нету в ней ярости праведной. Тебе бы тоже домовым на свет народиться, а тебя вон в грамотей, в Мэргены вынесло.

— Ну, предположим, вы меня туда сами записали, — возразил Лебедев.

— Не я, а дружечка мой — дзё комо. А видать, ошибся... Чего ему на тебя боги евовные указали? Я так понимаю, что на том месте, где нынче твоя изба, прежде стойбище было. Глядишь, там и жил-поживал какой Мэрген. Однако к старости что люди, что нежить забывчивы становятся. Вот и напутал дзё комо.

Николай даже обиду почувствовал, но решил продолжать разговор:

— А вы сами откуда? Как попали на Дальний Восток?— Уж сколько раз приходилось задавать такой вопрос! Мог ли он представить, что будет брать интервью у домового... Он попал в мир причудливых и странных существ, которые теперь мерещились за каждым кустом, подсматривали с каждой ветки, смеялись из ручья. Да, это было чудесно, невозможно! И в то же время в явлениях домового, дзё комо, прекрасной Омсон была непонимаемая, но глубоко чувствуемая им бесхитростная правда природы. Она требовала ответной правдивости.

— Мы сами с Дону — охотно рассказывал тем временем домовый. — Не считал, сколь годков прошло, как собрали Макар да Агриппина Ермоленки барахлишко, наскребли из-под печи, на лапоть насыпали, меня, доможила своего, кликнули: «Дедушка домовый, не оставайся тут, а иди с нашей семьей!» Понимашь, — доверительно объяснил он Николаю, — если хозяин при переезде суседку своего не позовет, то и скотина водиться не будет, и не будет ни в чем ладу. Я серой кошкой... — он покосился лукаво на Лебедева, — обернулся — и скок в корзинку! Старуха моя, кикимора, коклюшки, клобуки, плетень свое прихватила — из голбца за мной шмыгнула. Тряслись наши хозяева из России на Амур и год, и более. Из корзинки, бывало, нос высунешь — и все тебе леса, леса, леса... Уставать стали мы с домахой моей. А пришлитки! Места — куда тебе с добром! Лес, рыба, зверь богатый. Сперва людишки землянки рыли, потом избы ставили. Лес валили нетронутый. Мы уж со старухой серчать стали, что долго нас из корзинки не выпускают, ан зря: скоро нас в дом новый зазвали. В тот самый, где ты был. И-эх... — Он всхлипнул было, но тут же встряхнулся: — Да что!.. Не вернешь. А вон и дзё комо поджидает, вон он, батюшка мой!

За разговором Лебедев не заметил пути. Почему-то не цеплялись сучья за одежду, ветки не рвали волосы, замшелые трухлявые бревна — умершие деревья — не лезли под ноги, тайга не мучила бесконечным чередованием сопкок. Нет, шли — будто кто стежку под ноги стелил. А солнце все брезжило в полудне.

— А что? — усмехнулся домовой, словно подслушивая мысли Николая. — Ведь на правое дело!

Круглое лицо дзё комо было настороженным. Он прижал палец к губам и осторожно поманил домового и Николая за собой. Они сделали несколько шагов и увидели дерево среди поляны.

Кедр и правда казался голубым. Пушистые пучки его длинных игл отливали то живой синевой, то чистотой изумрудной зелени, то окутывались лиловым туманом. Кора состояла из множества многоцветных чешуек, они мягко пересверкивали, и свет, словно оживший ветер, плыл по стволу и ветвям. Ветви мерно подрагивали, словно переговаривались с ветром, а по ним, распушив хвосты, перелетали серые и рыжие неселые белки, сновали серьезные бурундучки, отмеченные по спинкам следами пяти медвежьих когтей. Узкая хитроватая мордочка белогрудого гималайского медвежонка высунулась из-за толстого сука. Оглядевшись, он начал ловко карабкаться вверх, будто по ступенькам поднимался, шаловливо тянулся короткими лапами к белкам. И еще множество зверюшек, названия которым и не знал Лебедев, сновало по ветвям. И птицы сидели то там, то здесь, будто притянутые негаснущим, не боящимся близкой зимы теплом.

Вершины кедра было не разглядеть, и то одно, то другое облачко цеплялось за ветку и, рассеянное в дымку, растворялось на фоне серого неба. Пробившийся сквозь пелену неверный одинокий луч лениво дремал в развилке, но свет ярче солнечного шел от золотистых, крепких, истекающих ароматом шишек; волны голубого сияния исходили от игл, ветвей, ствола... Да нет же, разглядел Лебедев, шишки были вовсе не шишками, а... диковинными пгицами. Казалось, они растут на ветках дерева.

У подножия голубого кедра мирно подремывали, свернувшись клубком или безмятежно раскинувшись, тигры и медведи, рыси и кабаны. Бродили косули, изюбры, волки... Мирно было, спокойно, будто старое мудрое дерево хранило мир и покой всей тайги, Лебедеву вдруг

тоже захотелось прилечь там, на траве, приткнувшись к мягкому и теплому звериному боку, но в это время он заметил неподалеку, на той же поляне, другое дерево — и вспомнил слова Игоря: «Будто яблоня в цвету». Нет, это дерево меньше всего походило на яблоню: оно было сплошь белым из-за облака паутины. Торчали кое-где черными углами высушенные ветки, а те ветви голубого кедра, которые были ближе к нему, тоже засохли. Здесь не порхали птицы, не прыгали белки. Белое дерево спало непробудным сном.

Из-за ствола голубого кедра показался Игорь. В руках у него была кинокамера, на груди — два фотоаппарата. Он, не отрываясь от объектива, медленно обходил поляну.

Со смешанным чувством смотрел на него Лебедев, стоя под прикрытием раскидистого куста шиповника, похожего на догорающий костер из переспелых ягод и увядающих листьев. Обида боролась с радостью вновь встретить живого, настоящего, реального человека, почти товарища, поступившего, конечно, по-свински, но... теперь, когда Лебедев увидел кедр, понял его притягательную силу, почувствовал, как самозабвенно увлечен Игорь съемкой, обида начала таять. Да, для этого человека главное в жизни — искусство, ему подчинена его жизнь.

— Охоньки!.. Оюшки!.. — чуть слышно причитал рядом домовой. — Ну, лихоимец! Ну, супостат!

— Да что вы так? — тихо молвил Лебедев. — Он же ничего плохого. Он же фильм, понимаете?.. на пленку хочет кедр снять — и все! — путался он в непривычных для домового словах и понятиях.

— Даже место вокруг Омиа-мони священно, его нельзя осквернять, — сурово произнес дзё комо, не спуская глаз со сверкающего ствола. — Сюда бабы приходят, чтобы ребятшек родить. Придет — съест орешек — а вместе с зернышком в нее птичка чоко перепорхнет. Чоко — души не рожденных еще людей. Вон, видишь, растут они на дереве Омиа-мони? — указал дзё комо на диковинных птичек. — Да разве только души людей там растут? Тигрицы, зайчихи, медведицы, изюбрихи сюда приходят. Даже росомахи. Даже змеи. Тайга всех родила, всем жизнь дала. Женщина зернышко съест — человек родится. Тигрица проглотит — тигр родится. Орлица склюет — орел родится. Понимаешь, Мэрґен? Но только раз в году Омиа-мони себя людям показывает...

— Почему? — Лебедев подумал, что не зря спешил Игорь, как чувствовал он!

Дзё комо махнул рукой. Казалось, ему трудно говорить от волнения. Морщины резко обозначились на его усохшем лице. Сочувственно поглядев на друга, за него ответил домовой:

— Потому, батюшко Мэрген, что веры в людях не осталось.

— Какой веры?— не понял Лебедев.— В бога?

— Э, бог ваш...— протянул домовой.— Бога эвоп только когда вы себе выдумали, а с Омиа-мони почитай вся тайга пошла, от гада ползучего до лесных людей. Где ж тут богу одному управиться? Живое из мертвого не сотворишь, живое от живого идет. В старину и на Руси так было, покуда этого бедолагу люди на крест не прибили да не стали ему поклоны класть. Эх, и не чаял, поди!.. А веры... веры не стало, Никола, в добро. Одним днем живете! Чудом, верой в сказку человек жил искони. Не зря добрым молодцам звери, птицы да чудодействия всякие помогали: умели те добры молодцы лесу поверить, реке в пояс поклониться, небу руку протянуть. Вот, не в добрый час сказать ухайдакаемся мы с дзё комо аль на пулю напоремся охотницкую — только этим нас и можно взять, ну и самострелом еще, на зверя настороженным,— и все, след наш травой зарастет. Кто ж тогда помстится человеку темной ноченькой? Кто душу человеческую переполошит? Кто тайгу лицом к нему повернет, к сердцу ее тропку проложит? А тропка та не через буреломы да овраги — через песни-сказки лежит. По ней идти следует не с разинутым ртом, не с руками загребущими, а с поклоном, бережением! Это ж, Никола, ума большого не надо, когда в дверь твою стукнут аль звонком позвонят,— не надо, говорю, ума большого, чтоб и головы не повернуть: блазнится, мол! Ан нет... Ты с постельки-то пуховенькой на резвые ноженьки встань, не поленись двери отворить: что там, за порогом? Нет, обленилась душенька народная! Всякому, как тебе, и хорошо не хорошо, и плохо не плохо. А у которого лени мало, так тот норовит на чудешний гривенник загрести, продать чудо норовит, воп как лиходей наш.

— Тише!— перебил дзё комо, в тревоге простирая руки.

Лебедев и домовой осторожно выглянули из-за куста.

Игорь стоял на коленях и перезаряжал пленку. То ли стрекот кинокамеры, то ли его мельтешенье по поляне разбудили дремавших зверей, и они решили познакомиться с пришельцем. Прекрасная, как женщина, тигрица,

словно переливаясь всеми мускулами, сделала к нему несколько шагов.

Игорь отшатнулся, роняя камеру, схватил лежащее рядом ружье. Это недоброе движение насторожило зверей. Зашевелились кабаны, медведи. Вскочила на тонкие ножки маленькая косуля. Изюбр выжидательно наклонил корону рогов. Однако все они смотрели на Игоря пока без вражды. Да, но... и один-то взгляд звериный трудно вынести, а тут столько непонятных глаз устремлено. И когда тигрица вновь двинулась к нему, нервы Игоря не выдержали. Он вскочил, взметнув карабин, и выстрелил. Раз, другой... Лебедев, домовой и дзё комо припали к земле, и словно вихрь пронесся над ними. Приподнявшись, увидел Лебедев, что поляна у священного дерева почти пуста.

Звери разбежались, птицы разлетелись. На поляне лежала только убитая тигрица, и неожиданно выглянувшее, будто на шум, солнце играло на ее шелковистой шерсти. А рядом, то припадая к еще теплому боку матери, то поднимая голову, топтался тигренок-сеголеток. Он переступал широкими передними лапами, не решаясь нападать, играя в наступление. Был он лобастый и ушастый, а на круглой голове еще не сложились четкие, крепкие полосы — только темные пятнышки, похожие на очень крупные веснушки, лежали над глазами. И шерсть его пока не приобрела яркого оранжевого оттенка — была песочно-желтой, мягкой.

Из розовой, замшевой пасти тигренка рвался не рев, а обиженный слабенький рык:

— А-гг-рр-х-ха! А-гг-рр-х-ха!

Секунду Игорь стоял неподвижно, словно любуясь тигренком, а потом вскинул карабин. Раздался выстрел, но пулю принял домовой, который успел выскочить из-за куста и прикрыть собой тигриного малыша. Тот скрылся в зарослях, а следующая пуля, посланная ему вслед, пошла вверх, потому что теперь уже Лебедев оторвался от спасительного куста и, метнувшись через поляну, изловчился ударить Игоря под локоть. Рывок сменился мгновенной растерянностью, но этого мига хватило Игорю, чтобы развернуться и точным ударом сбить Лебедева с ног.

* * *

Боль парализовала все тело, и что-то случилось с глазами, потому что Николай с трудом различал твердое, почерневшее лицо Игоря, который озадаченно смотрел на

него, будто не верил, что это — Лебедев. Потом Игорь приподнял его, посадил, прислоняя к чему-то твердому, прохладному. Затылком Лебедев почувствовал чешуйки коры и понял, что это кедр. Он ощутил резкий запах смолы, и этот живой запах прояснил мысли, согнал пелену с глаз.

Игорь тем временем нагнулся над неподвижно лежащим домовым и пробормотал:

— Вот это здорово! Кто бы мог подумать, что эту пакость можно прикончить одним выстрелом!

«Хынь, хынь, хынь... Мне бы хоть маленькую, да пегонькую!..» — вспомнилось Николаю, и он невольно застонал.

— А, Лебедушка, Николашечка! — повернулся к нему Игорь. — Не усидел в своей тюрьме? С помощью нечистой силы решил выбраться? Зря ты жилы рвал. Я же не бросил бы тебя, на обратном пути вытащил бы, как обещал. Спешил ради этого. А теперь... — Он поднял карабин, но, заметив невольную судорогу, пробежавшую по лицу Лебедева, с наслаждением рассмеялся: — Нет, нет!..

— Стреляй, стреляй! — вырвалось из горла, и Николай краешком сознания удивился, что этот хрип — его голос, что именно он произносит такие слова. — Я ж тебе жизни не дам теперь!

— Сдурел? — удивился Игорь, наклоняя к нему разгоряченное лицо. — Что это тебя так разбирает?! Из-за дружка своего переживаешь? Да ну, не смехи: благодаря ему тебе вон какие стрессы переносить приходится. Сидел бы дома, писал бы заметочки... — Он усмехнулся. — Или ты за природу вдруг разболелся душой? Ну что ж, это сейчас в моде. Тема — верняк. Вообразил уже, как пзобразишь кинооператора — истребителя тигров? Но, во-первых, то была необходимая оборона, а во-вторых, твоим байкам обо мне никто не поверит. Помнишь, как обо мне говорили: «Игорь, мол, Малахов родился с кинокамерой!» Я ведь не только стрелял, но и снимал. Это не камера — чудо! Качество гарантируется! Фирма! Вот и ты — тоже запечатлен. И убитый амба тоже здесь. И разор на поляне, и перепуганные звери, и вспугнутые птицы... Лента будет на «бис»!

Легкая тень мелькнула в зарослях. Одна, другая, третья... Николаю почудились силуэты зверей.

Игорь склонился над камерой и ничего не замечал. Звери таились в кустах, сжимая кольцо вокруг поляны. Вот сейчас они бросятся на людей... Николай хотел крик-

нуть, но почему-то не мог. Он был не в силах отвести глаз от вздрагивающих ветвей.

Игорь словно почувствовал что-то. Обернулся — и в это время ближайšie кусты раздвинулись. Угрожающе нагнув голову, из них показался медведь. С воплем Игорь бросил на траву зажигалку.

Огонь стремительно побежал по сухой траве, заключая почяну в кольцо, ударил зверя в морду. Рев прокатился по тайге, и Лебедеву почудилось, что эхом отозвался медведю дзё комо.

Николай уперся локтями в ствол и вскочил. Стянул свитер и принялся хлопать им по веселому пламени. На траве оставались черные пятна ожогов.

Он хлестал по огню, бил его руками, топтал его, готов был давить его всем телом. Раздирал горло в кашле, задышался, а Игорь... не мешал ему, нет, он бегал следом с кинокамерой и иступленно снимал. И ничего, кроме вдохновенной радости художника, не было на его лице. Это и казалось самым страшным. Страшнее разговоров об убийстве. Страшнее огня.

Когда обессиленный Николай упал на колени, приткнувшись лицом к еще не сожженной траве, Игорь опомнился.

— Колька! — прохрипел он. — Таких кадров не снимал еще никто! Никто! Ни... — Его воспаленные от дыма глаза источали счастье, как гной. — Теперь я их... Они меня узнают... Эх, сейчас бы грозу! Жаль, что осень. Молнию бы в этот кедр, чтоб его никто и никогда больше не увидел. И только моя пленка...

Лебедев закинул голову и увидел нависшую над ним ветвь с голубыми иглами. Дерево душ. Дерево начала жизни. Души людей, не рожденных еще людей! Для них тайга на всю жизнь оставалась бы родным домом, как для их предков, и дети учились бы дорожить ею, беречь и любить ее. И тысячи, десятки тысяч птиц и зверей в течение столетий находили возле этого кедра приют, пищу и защиту. Свои щедрые семена сеял он на восток и на запад, на север и юг, чтобы не скудела жизнь в тайге и всем было в ней привольно, и просторно, и сытно — от серенькой летяги до насупленного клыкача.

Рядом с таким деревом человек не может не стать тем, кто он есть по своей сути. Это случилось с Игорем. Вот чем объясняется его перевоплощение! Вернется он домой — и опять будет «душа-человек», «первая камера», принесет себе удачу в виде голубого кедра, запечатленного на ки-

но пленке и слайдах... А сам Лебедев? Он чувствовал, что прозревает, освобождается от странной духовной подчиненности Игорю. Исчезает вечное недоверие к себе, свободными стали не только поступки, но и мысли.

Но... может быть, он просто завидовал Игорю? Не сам напал на золотую жилу, не сам поведал о чуде, к другому придет слава первооткрывателя — опять к другому! А ведь всегда мечтал написать что-то такое, что могло бы всколыхнуть души людей. Он почему-то вспомнил о старых книгах в сырых подвалах библиотеки. Они сокрыты от людей, как этот кедр... Лебедев путался в мыслях. Об этом должны узнать люди, да! Рассказ мог бы заставить задуматься многих. Кедр вдруг представился Лебедеву неким средоточием всей приамурской земли. Сколько поколений русских удобрили ее потом и полили кровью! А иные из их потомков все еще считают себя здесь временными жителями. Нет. Лебедев не судил их строго. Эта земля, на которую когда-то пришли их предки, для многих оставалась лишь местом заработка, быстрой карьеры, недолгого пристанища или вообще чуть ли не высылками. Из чего же должна складываться любовь к земле, ощущение ее родиной? Из смиренного сознания, что именно здесь появился на свет? Да, но не только. Из тех бед и радостей, которые познал в этих краях? Да, но не только! Надо чувствовать в этой земле свои корни. А многих влекло отсюда на Рязанщину или Орловщину, в Поволжье, на Урал ли, где когда-то коренилась их рода. О ней жила память души, то, что громко можно назвать исторической памятью. Но сколь мало, трагически мало знали земляки Лебедева о тех, кто первыми пришел в Приамурье, строил здесь первые села, защищал эту землю уже как свою! Непредсказуемая, как погода, конъюнктура общественных веяний прихотливо вычеркивала со страниц книг всякое упоминание об Албазине, южных границах, ссорах с великим сопредельным народом, тоже предьявлявшим права на эту землю. А тем, кто искони жил здесь и как раз был истинным хозяином тайги и Амура, отводилась роль всего лишь благодарственная за возрождение. Да, животворная кровь влилась в жилы старых племен. Однако возвращение физического здоровья порою влекло за собой утрату здоровья нравственного. Менялся уклад жизни — менялось и его отражение — искусство. Новые прививки не всегда шли впрок могучему старому дереву. Некоторые ветви его отмирали, да и молодая поросль порою принимала странные, даже

уродливые формы. Листья и ветви могучего дерева становились модным украшением и яркой рекламой, а древняя сила его, прилежно изучаемая только специалистами, по-прежнему оставалась скучной тайной для множества людей.

Открыть им связь с этой древней землей, внушить преклонение перед ней! Да, о ее тайнах, о ее глубокой мудрости нельзя молчать. Нельзя прикрываться рассуждениями о неприкосновенности источников, иначе зарастут они травой, исчезнут. Найти бы Слово, то самое, которым победить можно, как говорил домовой. Найти слово — чистое, могучее, не запятнанное жаждой наживы или почестей! Оно должно быть свободно от всего этого, должно возникнуть из желания сказать правду о духовной жизни народа, возвеличить ее красоту, и не из стремления поймать прихотливую удачу там, где ее еще никто не ловил, как об этом мечтает Игорь.

Два человека лежали на поляне, чуть живые от усталости, и перед каждым стояла своя дума. Дума одного шумела, словно прибой аплодисментов. Дума другого звалась прозрением и говорила, что когда творец начинает заботиться не о том, как отзовется в душе и сердце его творение, а о том, чтобы кого-то обойти, обогнать, опередить любой ценой, он становится похож на карьериста-анонимщика, на убийцу, который подкарауливает за углом человека, мешающего достичь желанной цели... И еще Лебедев подумал, что когда искусство всеядно и неразборчиво в средствах, оно напоминает обожравшегося людоеда. И не создать тогда художнику ничего значительного, великого или просто — необходимого людям.

Лебедев поднялся. Игорь лежал неподвижно, словно дремал. Николай осторожно вынул из его усталых рук камеру и хряснул ею по стволу кедра. Полетели осколки пластмассы. Он еще успел выхватить из рюкзака кассеты с отснятой пленкой и выпустить ее тугую спираль на свет, когда Игорь прыгнул на него, словно рысь. Они катались по траве, ненавистно хрипя в лицо друг другу, и Николай вдруг ослабел, увидев слезы в глазах своего врага. В ту же минуту Игорь, изловчившись, стукнул его по горлу ребром ладони. Удар получился вполсилы, но Николаю показалось, что из его легких разом выдернули весь воздух.

...Он открыл глаза и вяло удивился: оказывается, он уже много, много дней лежит на этой поляне — вот и осень минула, пришла зима, метет метель... Почему же не холодно? Присмотрелся — и не поверил глазам своим.

Омиа-мони был почти на высоту человеческого роста обложен сухими ветками. Игорь, видимо, опасался за сушняком заходить в тайгу, а потому срубал их маленьким охотничьим топориком с белого дерева и таскал к кедру. То, что Лебедев принял за хлопья снега, оказалось клочьями паутины, реявшими в воздухе, цеплявшимися за ветви кедра, траву, облепившими волосы и одежду Игоря. Легкие нити медленно летели за полосу сожженной травы, к настороженной тайге.

Николай дернулся, пытаясь встать, и почувствовал, что его руки связаны ремнем. Видно, Игорь решил больше не рисковать.

— Игорь,— крикнул Николай,— что ты делаешь?!

Тот не остановился, лишь скользнул по нему взглядом. Его потное лицо, покрытое паутиной, напоминало звериную морду.

— Хватит,— невнятно сказал он.— Не я... так пусть его никто не увидит. Еще год? А потом не найти?— Он говорил то громко, то тихо, пропуская слова.— Еще кто-то увидит... Поналезут. Нет уж. Проклятое!.. Душу вынуло. Два года, два года мечтал!.. Нет. Никому не дам.

Николай догадался, что Игорь решил поджечь сушняк и уничтожить кедр. Может быть, злоба помutilа его разум? Ох, что же делать?!

И вдруг Игорь запнулся. Он запнулся на ровном месте и упал на колени. Ткнулся в охапку веток, выпавшую из его рук,— да так и замер.

Шли минуты — он не шевелился.

Николай повернулся на бок, оттолкнулся от земли и с трудом сел. Не скоро ему удалось встать и подойти к Игорю. Наклонился, тронул его плечом. Игорь мягко повалился наземь. Его глаза были открыты, лицо спокойно. Лебедев смотрел, смотрел в это лицо, пока не догадался, что Игорь мертв.

Николай поднял голову. Те ветви кедра, которые покрывала белая паутина, на глазах засыхали, словно смерть касалась их своей рукой. Посмотрел на побелевшую от паутины голову Игоря — и вспомнил его рассказ о старухе-сказительнице, которая умерла неподалеку от этой

поляны и голова которой тоже была покрыта белой паутиной. Вовсе не лечебную траву искать, как решил Игорь, ушла в тайгу старуха. Родные сказали, что она пошла лечиться, но ведь уничтожить хворь могут не только целебные травы, но и смерть... Да, там, где растет дерево начала жизни, должно расти и дерево ее предела. Вот оно, дерево смерти! И его паутина уже окутала кедр... Николаю показалось, что ветви кедра вздымаются, словно руки в мольбе. Сквозь кору Омиа-мони проступили очертания человеческого тела. Это была женщина... лицо ее смутно виднелось сквозь белую пелену паутины.

Николай вскочил и принялся ногами отшвыривать от кедра сухие ветви. Их было много, и паутина взвилась густым белым облаком от его резких движений. Лебедев остановился. Он бессилен один справиться со смертью! Оглянулся. Тишина тайги смотрела на него. Если бы Лебедев знал какие-нибудь заклинания, он просил бы сейчас помощи у зверей, птиц, облаков!

Вдруг он почувствовал, что ремень, стягивающий его руки, расстегнулся. Дело пошло лучше. Он оттащил ветки обратно к дереву смерти и принялся обирать паутину с ветвей и ствола кедра. Это оказалось трудным делом — паутина была очень липкая. Она забивала ноздри, мешала дышать, склеивала ресницы. Он как-то вдруг страшно устал, пальцы бессильно скребли кору, а паутина не снималась... Лебедев прижался к стволу Омиа-мони, обнял его, но ноги не держали. Он медленно сполз на землю и почувствовал, что больше ему не встать.

Стало так тихо, словно паутина приглушила все звуки. И в этой белой тишине Лебедев увидел дзё комо, стоявшего у края поляны. Казалось, он не может решиться ступить на полосу выжженной травы. Но вот комо сделал шаг, другой... перешел ее... и Лебедеву показалось, что вокруг его худенькой фигуры раскалился и заколебался воздух. Кружась, словно в танце, дзё комо начал обходить поляну, и от его плавных движений вздымался ветер. Быстрее кружился дзё комо — и ветер усиливался. Он срывал с ветвей, ствола голубого кедра, с лица и одежды Лебедева паутину, и она кружилась вокруг дзё комо. И вот уже белый смерч несся вокруг поляны. Внезапно вспыхнуло легкое голубоватое пламя — Лебедев вспомнил, как мальчишки поджигают в июне тополиный снег... Вспыхнуло и в тот же миг не стало на поляне ни белой паутины, ни дзё комо. Наверное, теперь он снова встретился со своим другом — домовым...

Воздух на поляне вновь стал чист и свеж, волны голубого сияния окутали кедр, и Лебедев увидел, что из его ствола вышла Омсон.

Она помогла Николаю встать, и, опираясь на ее руку, он медленно сделал несколько шагов, чувствуя, как покидают тело усталость, боль и страх.

— Куда мы идем?— спросил он.

Ее лицо было совсем рядом.

— Ты пойдешь теперь сам. Тебе другой путь.

И он вспомнил, что у каждой сказки бывает конец. Огляделся — и удивленно спросил:

— Где Игорь?!

— Ты еще встретишься с ним, и не раз. Но теперь ты знаешь...

— Он жив? Значит, все это... наваждение?

— Все правда,— твердо сказала Омсон.— Все было. Два человека смотрели друг другу в глаза: один убивал жизнь тайги, а другой закрывал ее собой. И так будет еще не раз. Каждый идет своим путем.

— А где же домовой и дзё комо?

Улыбка легла на ее губы:

— Не спрашивай о том, что невозможно объяснить.

И тут Лебедев увидел в черных волосах Омсон красную прядь, похожую на рану, и невольно коснулся ее. Легкий пепел остался на его ладони.

— Что это?

Омсон слабо улыбнулась:

— Тайга горела. Трава, кусты — мои волосы...

Ему было больно говорить, но он заставил себя прозвнест:

— Я не увижу тебя больше?

Омсон смотрела на него. Ее лицо приблизилось к его лицу, щека слегка коснулась щеки. Они стояли так, и Лебедев слышал, как ветер брел сквозь тайгу, неподалеку звенела вода в каменном русле, а за облаками кричали неведомые птицы. Потом Омсон отстранилась.

— Посмотри,— сказала она.— С тобой хочет проститься и он...

Лебедев опустил глаза и увидел, что к коленям Омсон жметя тигренок. Тот самый! Николай присел на корточки и заглянул ему в глаза. Они были не злыми, не испуганными, а просто растерянными: светлые-светлые, зелено-желтые, совсем детские глаза. В них играли солнеч-

ные зайчики, как на мелководье, а черные зрачки хранили настороженный вопрос.

Николай потянулся погладить тигренка и...

...чуть не упал с выступающего ствола, на котором приутился и задремал.

Сырость пробирала его до костей. Лебедев оглядел «стены» завала: за ними слабо светился день.

Сон — только сон! Но как сжимается сердце!.. Надо спешить, словно бы шепнул кто-то на ухо, и Николай стянул энцефалитку, уже зная, что и как надо делать.

Вот дырочка, наверное, прожженная у костра. Вот готова «веревка». Вот полетел вверх обернутый в капюшон камень. Сорвался — не беда, еще раз бросит. Есть!..

Окинув взглядом свою недолгую тюрьму, Николай, упираясь ногами в скользкие стволы, полез, вернее, пополз вверх.

Когда он был у самого верха, то увидел, что камень под его тяжестью вот-вот перевалится через сук. Однако Лебедев не испугался. Он не сомневался, что «веревка» сейчас снова натянется. Так и случилось, но... Николай вдруг замер. Кто ждет его наверху? Домовой, как во сне? А что, если — Игорь? Какой выбор поставит перед ним явь?

Он высунулся из щели и...

Что-то резко, громко зазвенело. Лебедев вскинулся, ничего не понимая.

Было тихо. За окнами стояла глухая чернота. Наверное, еще глубокая ночь! Николай закрыл глаза, унимая всполошенное сердце.

Звонков больше не было. Лебедев подождал немножко... Потом спустил на ледяной пол ноги, подошел к входной двери и открыл ее.

ВЫСОТА 4100

Вид, что открывался отсюда, захватывал дух. Горы прорвали ярко-синее небо. Величественные вершины, казалось, спали, укрывшись облаком. На белоснежные склоны было больно смотреть.

Негнушимися пальцами я затолкал в бутылку записку: «9.08.72 г., 8 часов вечера. Здесь были студенты ТПИ геологи С. П. Богуславский и В. В. Николенко. Замер-заем, бежим назад...»

Занесла нас на вершину Каратегинского хребта безрассудная молодость.

Сегодня утром у нас и мысли не было о восхождении. Впервые за месяц не нужно вставать, идти в очередной изнурительный маршрут, и мы настроились не вылезать из спальников по крайней мере до обеда. Отряд базировался на высоте 2000 метров, а маршруты поднимались до 3000, поэтому были крайне тяжелы. Как назло, весь месяц стояла прекрасная, рабочая погода, и как мы ни молили о дожде, его не было. Люди выдохлись, и вот, наконец, начальник отряда Сергей Генсюрровский объявил долгожданный выходной день.

Но странно устроен человек: перед каждым маршрутом нас приходилось поднимать чуть ли не подъемным краном (роль которого попеременно исполняли Генсюрровский и старший геолог Владимир Шибает), а тут мы сами поднялись и совершенно не знали, куда себя деть. Лениво побросали мяч, пока он не улетел в ущелье, позабавлялись, спуская в то же ущелье камни. С интересом наблюдали, как прыгали, словно мячики, огромные глыбы, летели вниз, стремительно уменьшаясь в размерах и разбиваясь вдребезги далеко внизу.

— Обвала захотелось?— Генсюрровский выглянул на шум из рабочей палатки, где он корпел над геологической картой.— Лучше идите очистите от югана тропу к перевалу!

Юган — ягучая папоротниковидная трава в пояс высотой доставляла нам немало хлопот, При соприкоснове-

нии с телом она не жгла, как крапива, но через некоторое время появлялись огромные болезненные волдыри.

Истребив коварную траву, мы опять оказались не у дел, но на всякий случай решили держаться подальше от начальства. К обеду план созрел. Очень, прямо скажем, легкомысленный план. Мы знали, что там, наверху, температура по крайней мере должна соответствовать вечному снегу. Но снежник начинался и от наших палаток, почти не таял даже в жаркие дни, только покрывался красными проплешинами. И мы пошли на штурм высоты 4100 налегке. Предстояло преодолеть чуть более двух километров, но мы, несмотря на маршрутный опыт, трудность этих километров явно недооценили, ничего с собой не взяв, не считая двух фляжек чая и геологических молотков.

Справедливо полагая, что начальству о нашем плане лучше узнать попозже, когда мы будем уже в недосыгаемой зоне, я подозвал самого медлительного горнорабочего — местного жителя таджика Турсуна — и попросил сообщить Сергею Алексеевичу, что «идем на 4100». Турсун достал из кармана стеганого халата небольшой пузырек, вытряхнул на ладонь щепотку зеленого насвая, кинул под язык и лишь после этого неторопливо пошел к Генсюрковскому. Мы скорым шагом уходили к перевалу. Поднявшись по склону, увидели раскинувшийся на террасе лагерь, бредущего к нему Турсуна. Когда тот раздвигал полог палатки, мы уже перевалили через гребень скалы.

Часа через три вся легкомысленность нашей затеи стала ясной, но признаваться в этом не хотелось. Становилось холоднее. Судя по растительности, мы миновали лето, осень и вступили в зиму. Склон становился круче, и каждый метр давался все труднее и труднее. Возможно, мы и повернули бы назад, но горы скрадывали расстояние: намеченный путь лежал перед глазами, вершина казалась обманчиво близкой, и мы карабкались выше и выше. На восьмом часу, совершенно обессиленные, то и дело сползая по заснеженной каменной россыпи, одолели последние метры.

И вот мы наверху. Отдохнуть на таком морозе, при пронизывающем ветре невозможно, а любоваться панорамой гор пришлось недолго: солнце виднелось где-то внизу, ущелья заволакивала зловещая тьма, и лишь хребет, по которому мы поднялись, белел зигзагами в наступающей мгле,

Засунув бутылку с записками покорителей вершины в каменную пирамиду, мы поспешили вниз. Срезая расстояние, решили бегом спуститься по очень крутому снежнику, подниматься по которому не осмелились. Но, забирая по склону влево, к старым следам, вдруг выскочили на плотный снег. Мы разом упали — не удержали и железные шипы на ботинках, заскользили вниз, отчаянно пытаюсь удержаться. Скорость падения возрастала, быстро приближались камни в конце снежника. Швырнуло вверх, как с трамплина, камни уменьшились, затем вдруг стали огромными. Я потерял сознание.

Очнулся от холода, в ледяной воде, натекшей из-под уступа, которым кончался снежный язык. Я был цел и невредим, если не считать сильной, разламывающей виски головной боли. Богуславский лежал рядом и, судя по стонам, тоже очнулся. Немного придя в себя, выбрались на сухое место и, дрожа от холода, отжали мокрую одежду. Мы прекрасно понимали всю серьезность своего положения, поэтому все делали быстро и молча. Богуславский, прыгая на одной ноге и пытаюсь другой попасть в штанину, неожиданно замер. Округлившимися глазами он смотрел на что-то позади меня. Я резко оглянулся и тоже застыл на месте.

Из-за ледяного уступа медленно вышел человек. Он волочил правую ногу. Одна рука была в крови и висела плетью. Появление человека в этих диких краях само по себе уже было удивительным. И удивление наше нарастало с каждой секундой. Очень странный был этот человек... Широкое, приземистое туловище. Необычно короткая шея, как бы втянутая в плечи. Низкий, убегающий назад лоб. Широкий безгубый рот. Короткий нос с большими круглыми ноздрями. Подбородок срезан. Лицо безволосое, но тело покрывали длинные редкие волосы, которые мы сперва приняли за одежду.

— Йети! Снежный человек! — сдавленно проговорил Богуславский. То, что мы сделали в следующую минуту, трудно объяснить. Или сказался нездоровый ажиотаж, поднятый в последние годы вокруг снежного человека, или по какой другой причине, но мы, переглянувшись, бросились на снежного человека. Йети был явно ранен — очевидно, тоже сорвался перед нами со снежника, и мы надеялись его легко скрутить.

Схватка длилась недолго. Йети здоровой рукой легко, как кутенка, поднял меня и посадил на снежный трамплин, который был выше моего роста. Протянув руку ча-

зад, он взял за шиворот висевшего у него сзади на шее Богуславского, поднял над головой и посадил рядом со мной.

— У-у-ух! — приглушенно выдохнул йети.

Мы смиренно сидели на снегу, испуганно глядя на него с высоты. Снежный человек тоже смотрел на нас, смотрел печально и как-то очень человечно. За спиной у йети, в ущелье, чернела ночь, а его самого ярко освещали косые лучи солнца. Я отчетливо видел, что морщинистую кожу снежного человека покрывают старые заросшие шрамы. Они образовывали по всему телу сетку, столь густую, что практически не было участка целой кожи: стоящему перед нами человеку очень много лет...

Йети, тяжело припадая на больную ногу, уходил в сторону Гиссарского хребта. Мы смотрели ему вслед. На снегу тянулась цепочка отпечатков босых ног, запятнанных с одной стороны кровью. Нам было очень стыдно. На камнях осталось лежать разорванное ожерелье из больших клыков, судя по всему — медвежьих. Мы их тщательно собрали.

Пора было торопиться. Далеко внизу взмыла красная ракета: в лагере начали беспокоиться. В отряд вернулись глубокой ночью, в лохмотьях вместо одежды, с волдырями по всему телу от югана.

Нашему сбивчивому рассказу никто не поверил, и только ожерелье поколебало скептицизм товарищей. Наутро почти весь отряд ушел к снежному человеку, на высоту 4100. Идти дальше в глубь гор без специального альпинистского снаряжения оказалось невозможно, и отряд, пройдя по следу несколько километров, вернулся. Я был даже рад этому обстоятельству.

Теперь наш лагерь походил на встревоженный улей. Радист не отходил от рации, пытаясь отстучать базе, что необходим вертолет, что с ума он не сошел, что Генсюрский и Шибаяев стоят рядом и тоже трезвы. Таджик Турсун рассказал о легенде, слышанной им от отца.

С незапамятных времен жители отдаленных кишлаков Гиссарского и Каратегинского хребтов Тянь-Шаня встречали человека-медведя. Встречали очень редко и обычно высоко в горах. Вроде бы даже по его имени назван хребет Каратегинский, что означает «медвежий». Встреча с человеком-медведем обещала долгую жизнь, так как, по преданию, он был бессмертен.

— Насчет бессмертия в легенде, конечно, немного того, но на то она и легенда, — сказал Богуславский —

Но ведь он мог прожить достаточно долгую жизнь, чтобы на памяти нескольких людей прослыть бессмертным. Ведь прожил английский крестьянин Томас Парра без малого 153 года и умер от обжорства. Великий Гарвей при вскрытии не нашел серьезных старческих изменений в его организме.Пусти в эти горы подобного Парру...

— И тебя с ним на пару!— рассмеялся Шibaев.— И родится легенда о вечном студенте.

Шibaев задумался и добавил:

— Дайте-ка мне ожерелье.

На следующий день из Новобада прилетел МИ-4. На нем прибыл сам начальник экспедиции. С врачом. Пораженные убежденностью всего отряда, разрешили совершить облет близлежащих вершин, хотя так и остались при своем, очень нелестном для всех нас, мнении. Через несколько часов начальник экспедиции отбыл обратно на базу, объявив по выговору Генсюрковскому и Шibaеву «за синдром снежного человека, приведший к потере трех отрядодней».

Однажды, когда практика подходила уже к концу, к нам в палатку заглянул Шibaев.

— Сегодня Турсун ходил за продуктами на базу и принес почту. Есть и вам кое-что. Вот, возьмите.

Прочитав письма, мы неожиданно заговорили о снежном человеке, которого встретили месяц назад.

— Вы знаете, а ведь, похоже, это был неандерталец! Да, именно неандерталец, доживший со времен палеолита до наших дней.

— Он что же, бессмертный?

— Да,— как-то очень уж обыденно сказал Шibaев.— Смерть — совсем не обязательный спутник жизни. Может быть, жизнь имеет вполне определенную продолжительность не оттого, что бессмертие противоречит самой природе жизни. Более того, бессмертие — излишняя роскошь, тормоз для развития вида в целом. Процветающие ныне виды животных утратили в процессе эволюции свое бессмертие — способность полностью обновлять изнашивающиеся клетки. Вероятно, у всех основных групп животных существовала тупиковая, так сказать, «бессмертная», ветвь. Эти ветви засохли, но остатки былой роскоши уцелели до сих пор. Это латимерия, которую ученые называют живым ископаемым, Несси из шотландского озера. Возможно, в этот ряд когда-нибудь встанет обыкновенная щука — всем известны случаи ее удивительного долголетия. Наконец, этот наш снежный че-

ловец — неандерталец. Эти виды погибают от болезней, голода, ран. Но им неведома смерть от старости, и при благоприятных условиях они могут прожить долго. Парадокс, но вид, каждая особь которого бессмертна, обречен на вымирание. Они, бессмертные, законсервированы в своем бессмертии и не умеют приспособливаться к изменяющейся среде. Кто знает, может, именно по этой причине вымерли динозавры?

— Но ведь мозг неандертальца ненамного уступает нашему. Как может его память нести в себе груз тысячелетий? — спросил я Шibaева.

— Несомненно, у него есть разум. Но вряд ли он впитал в себе опыт тысячелетий. Его сознание скользило сквозь века, растянувшись, самое большее, на сотню лет. Обновлялся мозг, обновлялся разум. Но разум оставался на своем первоначальном уровне, не прогрессируя. За это время смертный гомо сапиенс, заплатив миллиардами жизней, поднялся на недостижимую высоту. Мне такое бессмертие напоминает так называемое бессмертие простейших, многократное повторение самого себя делением. Эти организмы не знают, что такое смерть. Так и наш неандерталец: непрерывно обновляя изнашивающиеся клетки, он тоже повторяет самого себя, но в одном теле.

Далее Шibaев объяснил нам, что неандерталец, по последним данным, не является нашим предком, а развивался параллельно, поэтому нам повезло — мы не бессмертные... Сказал, что в принципе возможность бессмертия уже доказана советскими учеными.

— Они тщательно изучили секвойю. Она способна прожить до пяти тысяч лет, это всем известно. Оказалось, клетки этих деревьев, которые тысячелетиями активно размножались, ничем не отличаются от таких же клеток молодых саженцев! То, что мы называем старением, у них отсутствует.

Шibaев некоторое время наблюдал, какую реакцию произвели его слова. Потом вытащил из кармана медвежье ожерелье, которое мы не видели с тех пор, как он у нас его забрал. На каждом клыке почему-то был приклеен маленький бумажный квадратик с цифрой.

— Такие ожерелья принято украшать зубами хищников, добытых лично, — сказал Шibaев. — Так же поступал и снежный человек. Часть этих клыков он добыл в пору своей молодости.

Шибает взял клык под номером 7. Протянул мне бумагу с печатью республиканского Института геологии и геофизики:

— Это результаты радиоуглеродного анализа. Посмотри, какой возраст проставлен напротив этого номера.

Я глянул и ахнул. Напротив цифры семь значилось — 50 тысяч лет!..

МУТАНТ

Охота была сегодня удачной, и соплеменники после сытной трапезы мирно спали. Лобастый, повернув голову к закату солнца, тоже лежал. Но ему не спалось. Он смотрел на кроваво-красный шар, коснувшийся краем леса, — шар всегда будил в нем любопытство.

Лобастому приходилось сталкиваться с огнем при лесных пожарах. Его соплеменники метались в ужасе, а он не сводил с огня замороженных глаз, змирал на месте. Опытный вожак не терялся и всегда выводил в безопасное место, но сперва находил Лобастого и, крепко тряхнув за загривок, вел за собой. Звериным чутьем чувствовал вожак, что молодой самец в чем-то превосходит всех. Поэтому берег вожак Лобастого, видел в нем достойную себе замену.

Глядя на багровый шар, Лобастый вспоминал пожары, и смутная мысль о единстве того и другого не давала ему покоя. Туда, в сторону заката, вожак не водил. Там жил Страх. Иногда он вторгался во владения его собратьев в виде странных существ. И тогда среди местных жителей, больших и маленьких, возникала паника. Пришельцы были чужими в этом мире. После них оставались поломанные, изувеченные неведомой силой деревья, убитые звери и птицы. Однажды они едва не погубили все племя. Всех, в том числе и впервые растерявшегося вожака, спас Лобастый — он хладнокровно провел их через страшное Красное Кольцо, сжимавшееся со всех сторон. Соседнее же племя пришельцы уничтожили полностью — оттуда долго доносился хищный клетот страшных убийц.

Любопытство влекло Лобастого к местам их временных стоянок, он часто осматривал их. Подолгу стоял над участками выжженной травы. Однажды за Лобастым пошел вожак, но все время, пока тот ходил по стоянке, простоял с краю, глядя в сторону заката...

Багровый шар исчез за лесом. Начало темнеть. Лобастый лежал в прежней позе. В голове у него рождался план — в эту ночь, свободную от охоты, он решил сходить на разведку туда, где спрятался багровый шар. Лобастый знал, что там его ждет Страх. И Страх, переданный Лобастому тысячелетним опытом предков, при одной мысли о Пришельцах заставлял его жаться к земле. Но именно надежда на встречу с ними заставила Лобастого встать. Он встряхнулся, покосился на вожака, осторожно прошел между спящими и углубился в лес.

В спасительной чаще леса он чувствовал себя спокойно. Но шел Лобастый ходко, и лес быстро кончился. Дальше расстилалось огромное поле, явно несшее на себе следы Пришельцев. Чуть сбавив шаг, Лобастый осторожно пошел через поле в сторону виднеющейся вдали странной скалы. Неожиданно выглянула луна, и он всем телом почувствовал, как резко выделяется на залитой серебристым светом голой земле. Нарастающий Страх прижимал Лобастого к колючей траве. Ближе к скале все вокруг уже буквально кричало о присутствии страшных существ: мертвые пни, раздробленные камни, резко пахнущие странные предметы. И Страх буквально вдавил Лобастого в землю. Лишь огромным усилием воли он подавил в себе страстное желание бежать без оглядки назад и осторожно пополз к скале...

Самым тщательным образом изучил Лобастый скалу — жилище Пришельцев. Он быстро понял, что это именно жилище. Но многого понять так и не смог: долго смотрел на шары и кубики, разбросанные по песчаной площадке, поражался их совершенной форме. Удивляли его и другие странные камни, а один заинтересовал больше других. На его плоской и гладкой поверхности странным образом помещался один из обитателей леса. Бестелесный, многократно уменьшенный зверек смотрел на него бусинками неподвижных глаз. Вроде его и нет, а тем не менее вот он, под носом... Лобастый осторожно потрогал зверька, попробовал сдвинуть его в сторону. В звенящей тишине оглушительно зашуршало. Лобастый отпрянул от камня, не сводя с него глаз. А там был теперь другой обитатель леса, на которого так любили охотиться его собратья. И Лобастый, не обращая внимания на шум, опять сдвинул зверька. Рассмотрев очередное изображе-

ние, он уже смелее толкнул его в сторону, освобождая место новому.

Забыв обо всем, завороженно изучал Лобастый открывающиеся перед ним картинки из загадочного и одновременно знакомого мира. На многих изображены сами Пришельцы. И в их руках словно оживали предметы, которые только что Лобастый видел вокруг жилища. В голове у Лобастого возникал более понятный, а поэтому менее страшный образ Пришельцев.

Лобастый не заметил, как наступил рассвет...

Он был убит на месте. Мужчина с дымящимся ружьем в руках подошел к молодому волку, уронившему странно большелобую голову на детскую книжку с картинками. Кровь из простреленной головы залила страницы. К мужчине бежала маленькая девочка, звонко крича:

— Папа! Папа!— Подбежав, она долго смотрела на волка, потом повернулась к отцу. Глаза ее заполняли слезы:

— Папа, зачем ты его убил? Он читал мою книжку...

Отец удивленно посмотрел на девочку, постоял, о чем-то раздумывая, потом опустился на колени перед убитым. Но в тускнеющих глазах уже ничего не увидел...

ДВЕ РОДИНЫ КАПИТАНА

1.

Приоткрыв полог палатки, Сухоруков курил, мрачно глядел на стоящую мокрой стеной тайгу. Воронова, склонившись над самодельным столиком, тянула по голубоватой кальке длинную прерывистую линию. Дождь монотонно барабанил по палатке. Выкинув папироску, Сухоруков подошел к Вороновой, посмотрел через ее плечо:

— Опять разлом через весь участок тянешь! Для рисовки таких структур одной геологии мало, подожди, пока геофизики свои карты выдадут...

— Николай, когда я нарисую всю карту, тогда и придирайся! А если ты не в духе, иди к Колечке Смагину. У этого лоботряса весело, круглые сутки магнитофон крутит. Все батарейки, наверное, геофизикам посадил...

— Ладно, Рит, не обижайся,— Сухоруков обнял ее за плечи,— сама понимаешь, какое тут настроение. Вторую неделю дождь, парни на «выбросах» простаивают, а у нас два участка не захожены. Не успеваем...

Рита, убрав с плеча руку Николая, дотянула линию на кальке, полюбовалась на нее.

— Видишь, все аномалии ложатся вдоль этого тектонического шва? Значит, тут тоже будут аномалии,— Рита ткнула рейсфедером в нижний угол карты.

— Возможно. Березовый Солдат еще не захожен. Кончится дождь, организуем туда «выброс»,— Николай снова нахмурился,— но все маршрутные пары заняты...

— А я? Давай мне в операторы Смагина. А шурфы Федоров будет бить.

— Твое дело по профилям ходить, а не гонять сотысечную съемку. На ней все маршруты двух-трехдневные! Это со Смагиным-то в двухдневный маршрут...

— Что, уже к студенту ревнуешь!— Рита рассмеялась, смешно морща нос,— смотри, я ревнивых не люблю...

— Уже полюбила...— Николай задумался,— а идею ты хорошую подала. Работы нам недели на две... И хотя мне не хочется тебя посылать, но придется.

— Решительности тебе не хватает, начальник,— приподнявшись на цыпочки, Рита чмокнула его в лоб.— Поженимся, будешь у меня под каблуком...

Накинув плащ, Сухоруков нырнул в серую пелену дождя, побежал к большой шатровой палатке. Сапоги скользили по разбитой гусеницами вездеходов, раскисшей от дождя земле. Из палатки неслось:— «Я б в Москве с киркой уран нашел при такой повышенной зарплате...»

Смагин лежал на раскладушке в грязных сапогах, курил толстую самокрутку. Скосив на начальника выпуклые нагловатые глаза, опустил ноги на пол.

— Ну и насвинячил ты тут, студент!— Сухоруков неодобрительно осмотрел пол, закиданный окурками, стол, заваленный испортыми консервными банками.— Кончится дождь, пойдешь на «выброс» оператором. С Вороновой.

— С вашей пассией?— Смагин осклабился.— С превеликим удовольствием! А проходчик кто, Капитан? Да он еще не очухался,— студент кивнул на раскладушку в углу,— он еще снарских чертей гоняет...

Федоров лежал, не шевелясь, лишь чуть приподнял голову. Сухоруков вздохнул, глядя на него. Федорова три дня назад привезли из Снарска в неизменном состоянии. Отличный работник и бывалый таежник, он совершенно не контролировал себя, стоило ему попасть в «цивилизацию». Когда-то кадровый офицер, он долго мыкался в Хабаровске по различным заводам, на которых из-за запоев долго не задерживался, пока не подался в геологоразведку. Здесь, по крайней мере, на сезон, ему была гарантирована трезвая жизнь. Капитан понимал свою беду, но ничего с собой поделывать не мог. Вот и сейчас сорвался, попав на базу партии в Снарск при переброске из другого отряда. А теперь болеет. Не ест ничего, ночами не спит, боится оставаться один. Поэтому и перебрался в палатку к Смагину.

— Александр, ты как, ожил?— Сухоруков присел на раскладушку. Федоров повернулся, дрожащими руками потер опухшее, землистое лицо.

— Давай, Иваныч, отправляй. За работой быстрее в норму войду.

— Губишь ты себя водкой...

— Губил, когда пригубил, а теперь поздно об этом.

— И что за пьянка такая,— вмешался Смагин,— запершись и в одиночку. Как бирюк от всех прячется. И сам ничего не видит... Ты, Капитан, газеты-то хоть читаешь?

— Сколько оторву, столько и читаю,— буркнул Капитан.

— Помолчи, Смагин,— зло прикрикнул Сухоруков,— не тебе его судить...

С Капитаном Сухоруков работал не первый сезон, знал его в работе и по-своему уважал этого опустившегося, но чем-то привлекательного человека.

Дождь кончился на следующий день. Сборы были недолгими. Завхоз Игорь Трефилович Редозубов, отперев символическую дверь продуктовой палатки, напустил на себя важность и долго колдовал среди ящиков, коробок, фляг и банок. Рита, не выдержав, сама выбрала продукты. К обеду вышли из лагеря. Впереди Рита с компасом в руках, за ней с тяжелым рюкзаком за плечами шел Капитан. Сзади плелся Смагин.

Через три дня «выброс» Вороновой должен был выйти на связь по рации. Сухоруков в ожидании сеанса изучал

геологические образцы. Завхоз выволок кусок березента и лежал на нем, покряхтывая от удовольствия, — погода установилась, было даже жарковато для осени. Глядя на него, Сухоруков тоже разделся, — стояли редкие для тайги дни, когда сошел комар, но еще пригревает солнце и можно позагорать.

Редозубов долго молчать не умел и, покосившись на начальника, осторожно начал:

— Я вот лежу и думаю: повезло тебе с невестой, хорошая баба...

Сухоруков, не отвечая, стремительно писал что-то в пикетажке, посматривая на разложенные образцы.

— У меня вот дочь растет, язви ее в душу, — продолжал завхоз, — нацепит сапожищи до колен, штаны американские натянет и прет по жизни гренадером. А попробуй укажи — так отбреет отца родного... Да, омужичились девки-то, и не только одеждой. В мое время куда какие скромницы, помню, были! Но и цену себе знали. Иная с виду совсем замухрышка, а идет — все в ней поет. Теперешние девки и ходить-то по-бабьи не умеют. Того и гляди, отвалится чего-нибудь. Мою гренадерку в 20 лет мать учит, как юбку носить, шнурком ей колени подвязывает. Тьфу!..

— Мы, Трифилич, к таким уже привыкли, — Сухоруков, с улыбкой слушавший завхоза, посмотрел на часы и встал, — пора выходить на связь.

— Привыкли... а в жены других выбираете, вроде твоей Риты, — проворчал Редозубов, тоже поднимаясь. Но вдруг замер в неудобной позе, глядя на восток: — Что это?!

Над тайгой поднималась с той стороны черная пелена, надвигалась на них. В считанные минуты потемнело. Тайга смолкла. В звенящей тишине возник тонкий пронзительный звук. Темнота тут же отлетела, унеслась прочь, но свист не исчез. Сухоруков яростно потряс головой, не сводя глаз со стороны, откуда налетел мрак. Горизонт посветлел, над сопкой Березовый Солдат, которую с лагеря хорошо было видно, стояла непонятная черная спираль, медленно раскручивающаяся вверх. Узким концом, словно иглой, спираль упиралась в сопку, широким прорывала плотное белое, перечеркнувшее ее пополам облако, и уходила в синеву неба, где терялась, размывалась в дымке.

— Что это? — повторил испуганно Редозубов.

Сухоруков бросился к стоящей наготове рации, стал

выкрикивать позывные группы Вороновой, косясь на спираль:

— «Кварцит—5», я база, как слышите, прием... «Кварцит—5», я база... «Кварцит—5»...

Спираль медленно растворялась в воздухе и вскоре исчезла. Стих пронзительный свист. Сухоруков продолжал вызывать «выброс»:

— «Кварцит—5», «Кварцит—5»...

Через час он отшвырнул микрофон и надолго замолчал, застыв в неудобной позе на корточках перед рацией...

На следующий день Воронова опять не вышла на связь. Необходимо было идти на Березовый Солдат — с людьми что-то случилось.

Сперва Сухоруков хотел идти один, не без оснований полагая, что Редозубов будет лишь обузой. Не в его годы ходить на такие расстояния: до сопки по прямой полсотни километров. Но тот запротестовал:

— Я и не такие переходы с полной выкладкой делал, когда ты под стол пешком ходил, — ворчал он, укладывая в рюкзак консервы, — да и не резон одному идти, мало ли что там случилось. Чует мое сердце, неспроста та штука топталась на сопке...

О непонятном явлении ни Сухоруков, ни Редозубов не упоминали по молчаливому уговору. Ничего похожего они никогда не видели.

2.

К Березовому Солдату шли напрямик. Тут, южнее реки Дитур, тайга была смешанной, рядом с кедром и пихтой росли могучие дубы, липы. По такой тайге ходить легче: непроходимые заросли подлеска встречаются островками и лишь изредка приходится пускать в дело топорик, прорубая дорогу. Сухоруков, привычный к длинным переходам, шел ровным размеренным шагом. Иногда он останавливался и проверял по компасу направление. Редозубову было тяжело — он задыхался, обливался потом, но не отставал, хотя несколько раз падал, запутавшись в лианах дикого винограда.

Часов через шесть сделали большой привал. Редозубов тут же сел на землю, с облегчением вытянул гудящие ноги. От тушенки, которую Сухоруков прямо в банках быстро разогрел на костре, он отказался. Николай на-

стаивать не стал, по опыту зная, что в таком состоянии не до еды. Съев тушенку, сварил крепкий чай, заставил завхоза выпить.

— Иначе не дойдешь. И вот еще, пожуй. Мы в маршрутах всегда ими подкрепляемся,— и протянул гроздь желто-красных ягод, сорванных где-то по дороге. Редозубов съел терпкие, отдающие хвоей ягоды лимонника, выпил еще чая, и усталость отпустила...

К вечеру они вышли к пасеке старовера Ивана Попова. В небольшом распадке тянулись в несколько рядов ульи. Ниже, у ручья, стоял небольшой рубленый дом. На почерневшей стене сушилась распятая шкура «муравьятника» — небольшого белогрудого медведя. Из-под крыльца выскочил здоровенный пес, взъерошил шерсть на загривке, но, увидев людей, лениво тявкнул, вызывая хозяина, и опять спрятался.

Сухоруков на этой пасеке, затерявшейся в глухой тайге, ни разу не был, но Попова хорошо знал. В прошлом году его отряд стоял рядом с поселком Новый, где жили староверы. Впрочем, это название стояло только на топографических картах. В народе с чьей-то легкой руки поселок был известен под другим названием — Кабала. В нем насчитывалось около сорока дворов. Все мужчины — охотники и пчеловоды. Сообщение с поселком — только воздушное. Пустырь на околице мог принимать небольшие самолеты, которые прилетали сюда за медом и пушниной. От поселка веяло глухой стариной.

Староверы придерживались строгих обрядов, но геологи быстро убедились, что далеко не все соблюдают их. В крамольниках числился у старейшины — мрачного костлявого старика — и Иван Попов, мужик уже немолодой. Сам Иван любил повторять слова жены:

— Моя Авдотья говорит, мол, у тебя от старовера одна борода осталась, да и та от стыда красная...

Иван нередко баловался медовухой. Однажды устроил на одной из своих пасек пир с Капитаном. Их там нашли на пятый день. Капитан подарил на память Ивану геологическую куртку, и тот ходил в ней все лето, не снимая. Старейшина плевался вслед Ивану...

Попов вышел на лай собаки — лицо бледное, взгляд испуганный, поверх белой расшитой рубашки рыжая борода лопатой. Узнав Сухорукова, он поклонился, здороваясь, перекрестил бороду двумя пальцами, что-то пробормотал, воздев глаза к небу, и лишь после этого пригласил гостей в дом.

В тесном, полутемном помещении крепко пахло медом. Усадив геологов за широкий стол из рубленых досок, Попов принес холодного вареного мяса, налил из стоящей за печкой фляги по большой кружке мутной медухи, но сам пить не стал.

— У тебя что, великий пост?— спросил Сухоруков, с трудом разрывая зубами жесткое медвежье мясо.

— Пришла кара за грехи наши,— не сразу ответил Попов. Смиренно сложив руки лодочкой, он постоял, словно к чему-то прислушиваясь, потом кивнул в сторону Березового Солдата:

— Встал под праздник великий крест над горой, вселил в голову чужие мысли...

— А ведь штукавина появилась перед церковным праздником,— шепнул Сухорукову завхоз.— Воздвижение или вознесение какое-то Креста Господня... Знал ведь когда-то все эти праздники, да с вами, антихристами, все забудешь...— завхозу словно передалось суеверие Ивана, он стал непривычно тихим, даже не ворчал, по своему обыкновению.

— Какие мысли?— насторожился Сухоруков. Он вспомнил, что и ему в момент явления почудились какие-то странные картинки, воспоминания. Но Попов молчал — бледное лицо его посуровело, он опять перекрестил бороду.

— У нас люди на Березовом Солдате,— Сухоруков, надеясь на помощь, кратко рассказал о «выбросе» Вороновой, о странном явлении, о замолчавшей рации.

— Значит, и Капиташка там,— задумчиво проговорил Попов,— хороший был мужик, Капиташка-то... Вы пейте бражку, наливайте сами, сколько душа просит. А я пойду улышки посмотрю... Тягостно что-то мне...

Сухоруков встал, собираясь идти за Поповым, но Редозубов остановил его, проговорил тихо:

— Не дави на него, Николай. Не скажет он сейчас ничего, сломалось что-то в нем...

Странное поведение Попова встревожило геологов. Ночью они почти не спали. Вышли рано. Иван их даже не проводил.

По утренней тайге идти было легко, и часа через четыре они вышли к Березовому Солдату. Солнце уже пригрело, но тайга не просыпалась, было необычно тихо, лишь

шорох листьев да треск сучьев сопровождал поднимающихся по склону геологов. Шедший впереди Сухоруков иногда останавливался, прислушивался: ему не нравилась звенящая тишина леса.

— Словно вымерло все вокруг, даже птиц не слышно,— сказал он, вытащил из рюкзака «ТТ», проверил патроны, прицепил кобуру к поясу.

Они шли теперь по магистральной просеке, прорубленной для геофизического профиля еще весной. Просеку за лето затянуло зеленью, но она еще просматривалась далеко вперед. На вершине просека образовывала просвет в густом подлеске. Там, за вершиной, в километре от нее должны стоять у ручья палатки...

Неожиданно на вершине, в просвете просеки возник, повис в воздухе силуэт большого бесформенного тела. Тело тут же рухнуло на землю и широким махом, беззвучно перелетая через валежины, понеслось навстречу людям. Некоторое время они заворожено смотрели на бурю тушу, ритмично вздымающуюся над поваленными деревьями. Сухоруков первый пришел в себя, толкнул с просеки Редозубова. Медведь, почуяв людей, взревел, но ходу не сбавил. Николай прыгнул в сторону, выстрелил в воздух раз, другой. Медведь, не переставая реветь, пронесся мимо.

Сухоруков долго выпутывался из лиан, помог подняться завхозу.

— Трифилич, ты цел?

Бледный Редозубов ощущал себя трясущимися руками, страдальчески морщась, рывком выдернул из бедра шип элеутерококка длиной в полпальца.

— Прямо в «чертовый перец» приземлился,— проговорил он, выдергивая еще один шип, поменьше.— Давай-ка, Николай, посидим... Что-то ноги у меня ослабли...

Сидели они довольно долго. Возбуждение от встречи с медведем прошло, но что-то другое мягко, но властно давило на их волю, притупляло сознание. Редозубов, поддавшись, прикрыл веки, опустил отяжелевшую голову. Сухоруков, не понимая, что с ним происходит, несколько раз приказывал себе встать, но так и остался на месте.

...Капитан, вылив шампанское из бутылок в ведро, мыл им памятник Хабарову у вокзала. Толпа зевак, восторженно гогоча, толпилась вокруг. Через толпу продирался милиционер. Увидев его, Капитан приложился к ведру. Шампанское грязными струйками потекло по

бороте, по выбеленной дождями и солнцем штормовке. Милиционер приближался, и Капитан, спрыгнув с камня-постаменты, пошел не спеша мимо расступившихся людей к такси. Водитель угодливо подрулил, распахнул дверку. Капитан упал на сиденье, помахал на прощание Хабарову, милиционеру, который с улыбкой грозил пальцем лихому таежнику. «Волга», сделав широкий разворот по площади, понеслась в город. За ней вплотную шла вторая, на переднем сиденье которой стояли ржавые, стоптанные до подметок сапоги Капитана...

Сухоруков крепко провел по лицу рукой, прогоняя странное, почти реальное видение, вскочил, яростно затряс Редозубова. Тот рывком вскинул голову, уколол каким-то чужим взглядом, очень похожим на наглый, вызывающий взгляд Смагина. Николай отшатнулся, но холод в глазах завхоза сменился обычным его добродушием.

— Николай-ай... — хрипловато протянул он через некоторое время, словно только что узнал его.

Они так и не поняли, что за наваждение на них нашло. Сумбур в голове прошел, но осталось ощущение чьего-то присутствия, чьего-то внимательного взгляда, от которого было невозможно спрятаться. А тайга по-прежнему насто-роженно молчала.

— Неспроста отсюда ушли зверье и птица, — бурчал Редозубов, — не удивлюсь, если сам дьявол вселится в мою душу. Это надо же...

— Надо идти, — Сухоруков встал, — по-моему, нас даже кто-то приглашает.

Действительно, окончательно исчезло ощущение тревоги, наступило спокойствие. Оба вдруг поняли, что там, за сопкой, знают о их приближении и ждут. Чья-то мягкая, но властная воля повела их наверх...

Они не удивились, когда увидели возле запорошенных разноцветной листвой палаток знакомых, но одновременно очень странных людей. Воронова, Смагин и Капитан сидели в совершенно одинаковых позах на поваленном дереве, у них было одинаковое выражение лица, одинаковый взгляд. В три пары глаз смотрел кто-то один, далекий и чужой...

3.

Позже, давая в Хабаровске показания, Сухоруков и Редозубов не могли вспомнить, что происходило на сопке. Более месяца поисковые группы прочесывали вдоль

и поперек Березовый Солдат и близлежащие сопки. Но следов Вороновой, Капитана и Смагина не обнаружили. Лишь две их палатки так и стояли на склоне, уже припорошенные снегом. В палатках ничего не было тронуту — звери обходили сопку стороной... С наступлением зимы поиски прекратились. К выяснению причин гибели людей привлекли научный центр — очень уж странными были некоторые обстоятельства их исчезновения.

Сухоруков не верил в гибель Вороновой, Капитана и Смагина, точнее, он был совершенно уверен в обратном. Словно кто-то вложил ему в голову эту уверенность и смутное сознание того, что на исчезнувших людей легло большое испытание, которое они, объединившись, выдержали с честью. У него были даже некоторые предположения о причинах случившегося — последний эпизод встречи на сойке натолкнул его на мысль о коллективном разуме. Ученые нашли, что в этой гипотезе что-то есть, и разыскали статью с так называемой «бредовой идеей», на которую в свое время не обратили внимания.

Автор статьи путанно рассуждал о возможностях человеческого мозга. Рассуждения сводились к тому, что разум человека, по существу, результат взаимодействия двух полушарий мозга, причем каждое рассматривалось как самостоятельный мозг.

Мозг всех животных и человека симметричен — его правая и левая половины построены однотипно как по составу и количеству отдельных строительных элементов, так и по общей архитектуре. У животных правая и левая половины мозга выполняют одинаковую работу. У человека же, как установлено исследованиями, полушария имеют различные функции, они управляют разными видами деятельности. Это как бы два разных мозга. Совместная их работа обеспечивает нормальную психическую деятельность человека. Чем не коллективный разум?

Автор статьи указывал на исключительную сложность человеческого мозга и необъяснимый пока факт — мозг использует лишь малую часть своих нейронов. И сделал смелое предположение — «запасные» нейроны или использовались раньше, или заложены в генетической программе человека на будущее — природа ничего не делает напрасно. Другими словами, коллективность разума человека в далеком прошлом, возможно, не ограничивалась двумя полушариями. Могла существовать биосвязь с полушариями других людей. Не прямая связь, как между двумя соседними полушариями, а на расстоянии, вроде

телепатии, оставшейся, как атавизм, у некоторых современных людей. Автор приводил исторические примеры — в умах древних значительное место занимали божественные силы, которые настолько для них были реальны, что участвовали в войнах того или иного народа. В статье были ссылки на Гомера. Долгое время его поэмы принимали за красивую сказку. Но нашелся чудак, поверивший Гомеру — Генрих Шлиман. И раскопал легендарную Троию... Автор статьи пошел дальше и осторожно высказал мысль, что столь же реальны, как и Троя, божественные персонажи «Илиады» и «Одиссеи». Каждый — не что иное, как коллективный разум групп людей, стоящий над разумом отдельно взятого человека.

Сухоруков, конечно, не принял всерьез «реальность» богов древних народов, но мысли о коллективном разуме его взволновали. Ему казалось, что именно в нем загадка странного поведения трех человек на сопке Березовый Солдат. Сотрудники научного центра тоже склонялись к этому мнению. И даже привезли в Хабаровск еще одного очевидца, Ивана Попова. Признание Попова, ранее молчавшего из-за суеверия, укрепило догадку: био-связи родившегося на сопке коллективного разума краем, но затронули мозг старовера, пасека которого находилась не так уж далеко от Березового Солдата.

— Ну, расскажи еще разок, как ты в девку превратился, — похохотывали над Иваном молодые ученые.

— Тьфу, — плевался тот, забывая, что находится не в тайге, — дернул меня нечистый поведать вам о том...

Встретившись с Сухоруковым, Иван без умолку говорил, делясь впечатлениями от города. В городах он никогда не бывал:

— А нужники-то какие! Хоть свечку в них ставь...

Сухоруков в тот же день потащил его в кинотеатр. Первый же фильм произвел на Попова незабываемое впечатление. Происходившее на экране он принимал за чистую монету, переживал за героев, вместе с ними смеялся и плакал, давал советы или крепко проезжался по адресу тех, кто ему не нравился. Сидевшие рядом сперва возмущались, призывали Ивана к порядку, но в конце концов забывали про фильм и смотрели представление в лице одного актера — Ивана, смеялись и рыдали вместе с ним. Над ним.

Попов ни в какую не захотел ограничиться одним фильмом. В ожидании начала сеанса они сидели возле кинотеатра «Гигант». Сухоруков, вспоминая фильм, точнее,

поведение Ивана на этом фильме, посмеивался, крутил головой. Тот же, уже приобщившись к городской жизни, сидел важно, косился неодобрительно на Сухорукова.

Огненный шар яркого желто-красного цвета возник над ними беззвучно. На глазах многочисленных прохожих шар прошелся вдоль окон второго этажа, плавно снизился и полетел над тротуаром, увеличиваясь в размерах.

— Шаровая молния! — крикнул кто-то.

Шар медленно приближался к сидящим на скамейке. Из-под нее выглядывала рыжая — под цвет шару — борода Ивана. Сухоруков же не испугался, напротив, даже подался туловищем вперед, к шару. Он вдруг вспомнил, что происходило на сопке Березовый Солдат...

4

Там, на сопке, их остановила властная команда, прозвучавшая прямо в мозгу. Сухоруков и Редозубов застыли неподвижно шагах в десяти, поняв, что ближе подходить опасно. Трое сидящих на бревне как бы разделили между собой черты характера. Наглость в глазах Смагина исчезла. Изменилось вечно виноватое выражение лица Капитана — теперь он смотрел прямо, твердым взглядом, и даже морщины разгладились. А в глазах Риты не было того радостного удивления, с которым она смотрела на Николая всего несколько дней назад.

Лица сидящих напряглись. На Капитана и Смагина словно лег дополнительный груз. Их черты неуловимо изменились, стали жестче. А с Риты, сидевшей посередине, наоборот, слетела напряженность, она легко вскочила, шагнула навстречу. Перед Николаем стояла прежняя Рита. Она жадно его осматривала, глаза ее наливались слезами...

— Я не могу надолго выходить из структуры Разума, — торопливо говорила Рита, — ты послушай меня, не перебивай...

А Николай смотрел вверх ее головы. За деревом, где только что сидела Рита, притаилось странное, вызывающее безотчетный страх, существо. Отливающая металлом треугольная голова, ничего не выражающие огромные ячеистые глаза. Тонкие прутики антенн, торчащие из головы, нацелились прямо на Риту. За бревном словно привстал на дыбки гигантский муравей. Рядом виднелись другие — за спиной Смагина и Капитана,

Что-то угрожающее почудилось Сухорукову в позе «муравья». Он загородил собой Риту и шагнул вперед. Тут же острая боль пронзила ему виски, заставила остановиться, шагнуть обратно.

— Что ты делаешь! — воскликнула Рита, ухватив за локоть Николая, опять рванувшегося вперед. Побледневший Редозубов держал его за другую руку, тянущуюся к кобуре. Смагин и Капитан бесстрастно наблюдали эту сцену, ни один мускул не дрогнул на их лицах.

— Мне показалось, что они командуют вами, — хрипло проговорил Сухоруков, не сводя глаз с пришельцев.

— Да нет же! — Рита отступила назад, загоразвивая их. — Они в таком же положении, что и мы...

Рита не могла всего знать, а то, что знала, не все могла передать обычными словами. Но Сухоруков и Редозубов все-таки поняли ее сбивчивый рассказ. Что на сопке произошел контакт землян и инопланетян, они сообразили сразу. Но в данный момент их встречали ни те, ни другие. Их встречал совершенно иной разум. При встрече двух цивилизаций неожиданно возникла, родилась новая, единственный представитель которой и находился сейчас тут, на Березовом Солдате.

Инопланетяне прибыли с планеты Руфа, как ее называла Рита, из далекой солнечной системы в созвездии Скорпиона. Биологическое строение инопланетян существенно отличалось от строения высших земных организмов. И тем не менее они вполне вписывались в земную систематику животного мира...

На Руфе, как и на Земле, жизнь эволюционировала по двум основным путям: неуклонной машинообразной целесообразности (классический пример этого пути — земные насекомые, в которых с рождения заложены все навыки и знания) и гибкого, бесконечно варьирующего поведения (классический пример — земные млекопитающие). Второй путь на Земле оказался более плодотворным и привел к созданию разумного существа — человека. На Руфе более плодотворным оказался первый путь... Мозг насекомого — идеальный многопрограммный аппарат, превосходящий по ряду параметров современные ЭВМ. Но на Земле он остался автоматом, машиной, в нем не блеснула искра разума. А вот на Руфе эволюция сделала качественный скачок в развитии одного из видов насекомых, по образу жизни схожих с земными муравьями. Мозг каждого из них — тот же многопрограммный ап-

парат — стал играть еще и роль логической ячейки, которые в совокупности образовывали коллективный разум. От количества логических ячеек прямо зависела мощь разума, и на планете медленно, но неуклонно происходило объединение больших и малых разумов. В качестве отдаленной аналогии тут можно сказать о народностях Земли. Процесс объединения на Руфе, как и на Земле, был далеко не безобидным, сопровождался войнами, по размаху не уступающими земным баталиям. Результаты войн, правда, были несколько иные, более жестокие. Победенный обязательно погибал, а его уцелевших солдат, носителей логических ячеек, победитель присоединял к своим, увеличивая мощь разума.

Связь логических ячеек друг с другом осуществлялась посредством мощных биотоков. Группа в семь-десять индивидуумов уже способна к образованию отдельного разума: на планете существовал целый свод законов, регламентирующих образование этих миниразумов (отдаленная земная аналогия — семейная ячейка), так как именно они, а не отдельные бездушные индивидуумы представляли планету.

Планета активно исследовала космос. Космические экспедиции чаще всего были строго специализированы. Отправлялась группа, не способная к образованию разума — в три-четыре индивидуума. Тогда каждый из них выступал в роли жестко запрограммированного насекомого-робота. У земных муравьев в несравненно меньшем диапазоне наблюдается нечто подобное — у них свои солдаты, рабочие, пастухи. Геологов на Березовом Солдате посетили, можно сказать, коллеги — они были запрограммированы для изучения планет на предмет полезных ископаемых. И выполнили бы свою программу, не обращая внимания ни на что другое, если бы не непредвиденное обстоятельство.

Контакт двух цивилизаций привел к рождению третьей. Это было удивительно, но это было так. Родился новый разум, носителями которого стали наполовину земляне, наполовину инопланетяне. Мозг троих людей сыграл роль недостающих логических ячеек.

Процесс рождения нового разума был длительным и мучительно трудным, причем, в основном, из-за людей, перенесших сильнейший стресс, даже ужас. Сказывалась и психологическая несовместимость людей, оказавшихся столь разными. К тому же, каждый из них уже являлся, в отличие от инопланетян, носителем разума. И только

высокая пластичность мозга человека, огромное количество «запасных» клеток спасли людей от безумия.

Новый разум родился, и его носители оказались прикованы друг к другу. Выход любого из структуры биополя разума означал в скором времени его гибель. Рита сказала, что ничто не в силах заставить ее выйти из структуры разума, хотя она и вольна это сделать. До боли стиснув зубы, Николай слушал Риту. Он понимал, что надолго, если не навсегда теряет ее. Она обняла его на прощание и пошла, оглядываясь, к пришельцам. Николай, поглядев на застывшую в прежней позе Риту, понял, что это уже не она... Он опять непроизвольно шагнул вперед, не обращая внимания на боль в висках. Но навстречу уже шел поднявшийся Капитан.

— Осторожнее, Иваныч, у него очень высокая реактивность биополя, — Капитан кивнул на сидящих, — сейчас он прилагает все усилия, чтобы вы не включились в биосвязь. В малой степени вы ее почувствовали на склоне после встречи с медведем...

Капитан крепко пожал руки Сухорукову и Редозубову, сказав на прощание:

— Вы знаете, я счастлив. Потому что в полной мере познал цену жизни, которой не дорожил, считая себя пропащим человеком. Общество не принимало меня, и я не принимал общества. А таких, как я, оторгнутых, много. Вам еще предстоит разобраться в причинах такого вот их ухода. А тут моя жизнь заиграла новыми красками, — Капитан посмотрел на сидящих, увидел усилившуюся напряженность на лицах, и заторопился. — Человеческий мозг заработал во всю мощь! Люди еще узнают истинную свою цену. Мы постараемся помочь им. А пока — прощайте!

Сидящим в напряженных позах Вороновой и Смагину с каждой минутой становилось труднее. Пот градом капал по их лицам. Инопланетянам тоже доставалось, под невидимой тяжестью они жались к земле, оседали за бревном. Капитан быстро подошел к ним, сел и уже с места крикнул:

— Об инопланетянах вам придется забыть. Смагин не подойдет к вам, не ждите, ему стыдно быть самим собой...

Через несколько минут Сухоруков и Редозубов остались одни. Трое бывших землян и трое инопланетян попросту растворились в воздухе, исчезли. У оставшихся на время померкло сознание. Придя в себя, они долго

смотрели на потемневшее вдруг небо. Поднявшийся ветер потянул почему-то прямо вверх, и осенние листья, ковром устилавшие землю, закружились вокруг и тоже пошли вверх, закручиваясь спиралью.

5

В газетах много писали о загадочном явлении, происшедшем среди белого дня в центре большого города. Мнение специалистов было единодушно — жителям Хабаровска посчастливилось увидеть шаровую молнию. Но мало кто обратил внимание на загадочное явление, связанное с появлением огненного шара...

Шар, пройдясь над тротуаром, вдруг резко увеличил размеры и яркость. В глазах людей потемнело на несколько секунд, а когда зрение восстановилось, все увидели, что шар исчез. А на том месте, где он только что был, торопливо шла молодая женщина в геологической одежде. Она убыстряла шаг, переходя на бег. Навстречу ей со скамейки медленно, неуверенно поднялся высокий парень, подхватил ее на руки.

— Рита, Рита... — повторял он, не в силах ничего больше сказать.

Опомнившись, Николай выпустил ее из своих объятий, долго смотрел на счастливое, заплаканное лицо.

— Я вернулась совсем, — тихо сказала Рита, — вернулась к тебе...

Поглядев на зевак, переключивших свое внимание с шаровой молнии на влюбленную парочку, она тронула Николая за рукав:

— Пойдем...

Они медленно пошли по проспекту вниз, к Амуру. Потом долго сидели в парке, на скалистом берегу Амура и... молчали. Разговорились только тогда, когда потерявший всякое терпение перепуганный Попов присоединился к ним. Вернее, он сел в сторонке, на безопасном расстоянии, но и чтобы не потерять их из виду. Время от времени, поглядывая на Риту и Николая, Иван крестился.

Сухоруков сразу заметил, что Рита изменилась. Внешне она осталась той же, молодой и симпатичной женщиной, но теперь это был человек, уверенный в себе, обладающий всем тем, что дает только большой жизненный опыт, имеющий глубокие познания в различных областях науки, в том числе и такие, о которых люди еще и не догадывались. Сухорукову показалось, что между ними

теперь пролегла глубокая пропасть. Рита сразу почувствовала его сомнения, улыбнулась своей прежней улыбкой:

— Я ношу опыт трех земных и трех инопланетных жизней. Даже четырех, если считать Его, «междупланетного». Но пусть тебя не пугает дистанция между нами. Она — временная... Мое возвращение — начало сотрудничества с планетой Руфа.

Насчет Смагина и Капитана Рита ответила не сразу:

— Смагин, прежний Смагин, не оставил на Земле ничего такого, что он искренне бы любил... Впрочем, нет уже прежних ни Смагина, ни Капитана, — Рита помолчала, вздохнула, — я им обязана своим возвращением... Пойти на такую жертву... В общем, в обычном облике вы их теперь не увидите...

Вернув на Землю Риту, они приняли на себя дополнительную нагрузку и потеряли возможность выходить из структуры полиразума даже ненадолго. Теперь это был единый, неразрывный организм. И он вскоре предстал перед людьми как сгусток энергии, в котором словно растворились и Капитан, и Смагин, и инопланетяне. Контакт с ним установили через его посредника, Риту Воронову. А он стал посредником между цивилизациями двух планет. Он не был привязан к определенной планете, его домом был безбрежный океан космоса. Для полиразума — пока первого и единственного — это было вполне возможно. Множественность связей привела к очередному, качественному скачку в развитии живой материи. Полиразум, как звездный лоцман, нес через космический океан мысли, чувства и чаяния двух народов — Земли и Руфы. Нес Контакт, сыном которого являлся сам,

Рита назвала его Капитаном...

КОНЕЦ КАРМАННОГО ОРАКУЛА

— Не смей лазить в гнездо!— испуганно кричала Мария Николаевна мужу.

— Еще чего выдумала, не смей,— одышливо огрызнулся тот, волоча расшатанную приставную лестницу к старой березе.— Еще как посмею! Воровка!

Последнее слово относилось уже не к Марии Николаевне. Чуть выше гнезда, похожего на лохматую кавказскую папаху, нервно стрекотала гладкая черно-белая сорока. Она возбужденно подпрыгивала на ветке и с ненавистью смотрела на Петра Егоровича, пытающегося поустойчивее прислонить длинную лестницу к стволу.

— Я тебе покажу, как чужие вещи таскать!— пыхтел почтенный муж, при каждом шаге наверх задевая объемистым животом за очередную перекладину.— Разорю все к чертовой матери!

Сорока стала сущим наказанием. Поселилась она на дачном участке, видимо, еще зимой и в марте радостным стрекотом встретила первых приезжающих. Свои преступные наклонности проявила сразу же, перетаскав у задумавшего весенний ремонт Петра Егоровича половину новеньких гвоздей из ящика с инструментами. Затем начались кражи похуже.

И вот сегодня, когда в ожидании гостей Мария Николаевна решила замесить тесто для вареников с клубникой и, сняв обручальное кольцо, чтобы не мешало, положила его на подоконник, сорока снова оказалась тут как тут. Ликующе треща крыльями, она взмыла над домом, не обращая внимания на причитания хозяйки, повертелась, красуясь, на коньке крыши, дабы бегающие внизу недотепы смогли полнее осознать горечь потери, а потом преспокойно перелетела в свое воровское гнездо, и долгое время из него торчал лишь ее хвост. Очевидно, она старалась понадежнее припрятать новое приобретение.

Вот тут терпение у Петра Егоровича лопнуло окончательно. Он потрусил к сараю за лестницей, а следом за ним, пытаясь отговорить мужа от опрометчивого шага,

засеменила и Мария Николаевна, машинально на бегу вытирая мучные руки о полосатый фартук.

Сейчас она стояла у березы и умоляла Петра Егоровича быть поосторожнее. Как это часто бывает у супругов, проживших вместе немало лет, была она похожа на мужа не только комплекцией, но и чертами лица.

— Петя! — робко, но настойчиво предостерегала она, обняв основание лестницы, как некогда обнимали ноги коня провожающие на войну мужей казачки. — Петечка!

Петя, не отвечая, сопел наверху. Он стоял на самой последней перекладине. Обхватив одной рукой ствол березы, другой — пытался нашарить в гнезде злополучное кольцо. На лысину ему сыпался мусор, золотистые конфетные фантики и мелкие гвозди.

Нащупав наконец среди скопившегося за несколько месяцев хлама тонкий ободок кольца и еще что-то круглое и гладкое, он резко дернул рукой, отчего в гнезде образовалась дыра и сквозь нее на землю ручейком потекли различные предметы. Петр Егорович, сжимая в кулаке отвоеванное кольцо, пересчитал животом в обратном порядке все поперечины и очутился в объятиях Марии Николаевны.

Разжав потные пальцы, он обнаружил на ладони кроме кольца еще и маленький шарик, наподобие тех стеклянных, которыми ему довелось играть в детстве. Петр Егорович совсем уж собрался швырнуть его в траву, на кучку другого мелкого барахла, вывалившегося из гнезда, но неожиданно передумал и засунул шарик в карман, кольцо же бережно передал супруге, не забыв напомнить, что такими вещами не бросаются.

На этом инцидент можно было считать исчерпанным, если бы тем же вечером не произошло нечто, живо напомнившее Петру Егоровичу о вылазке во вражеское гнездо.

Гостей набиралось немного. Да и гости все были свои. Дочка с зятем и с внучкой должны были приехать на собственных «Жигулях». Для них в основном и затевались вареники с клубникой. Иначе их и на дачу не вытащишь. Да еще сосед по участку, он же сослуживец по НИИ, он же сосед по лестничной площадке Аверьян Михайлович Долгов с супругой. В Аверьяне Михайловиче ценно было именно то, что в одном лице он соединял три таких разных понятия, как работа, дом и отдых. Очень удобное, на взгляд Петра Егоровича, совпадение.

Вообще, следует заметить, Петр Егорович был весьма практичным человеком, и Аверьян Михайлович был для

него сущей находкой. Подумать только, ну в ком еще могли совпасть три таких важных качества. Всегда под рукой, всегда готовый к услугам, Аверьян Михайлович был не столь меркантилен, как Петр Егорович, и это было главным его достоинством.

Дочка с зятем и внучкой, конечно, не приехали. Этого и следовало ожидать — своих гостей, наверное, полон дом. А вот худой и усатый Аверьян Михайлович с женой — полной жизнерадостной блондинкой, которая, в отличие от Марии Николаевны, была значительно моложе мужа, — явились вовремя.

К этому часу тарелка с варениками уже стояла на столе. Над ней вился дрожащий на сквозняке веранды парок, багрово просвечивали сквозь желтоватое тесто крупные ягоды, готовые брызнуть сладким соком при первом же укусе. По краю тарелки ползала полосатая, как матрос в тельняшке, оса и недовольно брюзжала. Сунуться к горячим вареникам она пока не решалась.

За легким летним обедом, за чаем из настоящего самовара — Петр Егорович любил, чтобы кипяток чуть припахивал дымком — время пролетело незаметно. Темы беседы были привычны, потому и речи лились свободно, без внезапных пауз, как иногда случается, когда встречаются люди малознакомые. Поговорили о молодежи, о работе, женщины обменялись несколькими кулинарными рецептами, условились на следующий день пойти по грибы. По словам опытных грибников, уже пошел первый слой белых. После этого решения речь неизбежно зашла о погоде.

— Прекрасное завтра будет утро, — добродушно обронил Аверьян Михайлович. — С туманцем, самое грибное.

— Дождя бы только не было, — немедленно отреагировала на максимализм мужа его половина.

— Думаю, дождя не будет, — поддержал приятеля Петр Егорович, но на всякий случай вынес на веранду транзистор. В семь часов должны передавать сводку о погоде.

Дождались сообщения метеорологов.

— Завтра, — безразличным голосом начала вещать диктор, — ожидается сухая солнечная погода на протяжении всего дня. Ветер юго-западный, 1—2 метра в секунду. Температура...

— Я же говорил, — довольно усмехнулся Аверьян Михайлович. — Ну, а теперь пора и честь знать, Спасибо за угощение,

Все, словом, было, как обычно. И лишь перед самым сном, приготовив к завтрашнему дню грибную корзинку и поставив у самых дверей сапоги (по утрам трава в росе), Петр Егорович очередной раз взглянул на небо и засомневался в прогнозе. Малиновый закат был расчерчен темно-синими полосками облаков.

Все еще сомневаясь и думая о завтрашнем утре, он подошел к столу, на который аккуратно перед тем выложил всякую мелочь из карманов, чтобы не вывалилась на пол, когда он повесит брюки на спинку стула, и не пришлось бы ему ползать по щелявым крашеным половицам в поисках закатившегося неизвестно куда пятка. На столе, среди привычных предметов, лежал и маленький шарик, вынутый Петром Егоровичем утром из гнезда. Машинально он взял его в руку, покатал между пальцами — и тут раздался голос. Нет, вернее, не голос. Это в голове у Петра Егоровича что-то щелкнуло, как в телефоне при соединении абонентов, и он ясно услышал:

— Погода завтра будет дрянь. Дождь, ветер, холодно и все такое. Так что спи спокойно, Петр Егорович, не дергайся.

Фамильярный тон голоса был оскорбителен. Но не это взволновало незадачливого грибника.

— Кто это?! — вскричал Петр Егорович, испуганно озираясь. — Маша, что ты сказала?

— Ничего, ничего, Петечка. Что с тобой? — отозвалась не менее испуганная непонятым поведением мужа Мария Николаевна. Она уже приготовилась спать и сейчас подпjala с подушки блестящее от крема лицо.

— Нет-нет, кто-то сейчас говорил со мной, — продолжал оглядывать темные углы Петр Егорович. — Вот только сейчас. Погода, говорит, будет дрянь.

— Это не я, Петечка. Это тебе померещилось. Господи, да ты приляг! Давай я тебе помогу.

Обеспокоенная Мария Николаевна помогла мужу раздеться, обращаясь с ним, как с ребенком или тяжелобольным.

— Ты спи, спи. Это у тебя от жары, на солнце, наверное, перегрелся. Это пройдет.

Немного успокоенный, Петр Егорович прилег на постель и вскоре, несмотря на потрясение, забылся крепким сном. Здоровье у будущего пенсионера было отличное.

В шесть утра пронзительно заверещал будильник. Петр Егорович подошел к окну. Погода была дрянь.

Возвращаясь вечером домой в переполненной электрич-

ке, в которой по случаю мокрой погоды пахлб псиной, и стоя плечом к плечу с Аверьяном Михайловичем, Петр Егорович, еще не полностью отошедший после услышанного вчера непонятого голоса, попытался рассказать обо всем соседу.

Но вышло глупо.

— А мне ведь, это, Аверьян, как тебе сказать, голос вчера вечером был.

— Да ну?— простодушно отозвался сосед, борясь с приступом дремоты. Дачники в полузабытьи покачивались в такт ходу поезда. Тренированные любители отдыха на свежем воздухе умели спать в любой обстановке.

— Вот именно,— продолжал Петр Егорович.— Перед сном вдруг слышу: погода завтра будет дождливая, холодно и все такое. Как ты считаешь, что это?

— Это, Петр, называется предчувствие,— приоткрыл сонные глаза Аверьян Михайлович.— Мне вот тоже как-то был голос, мол, не ездь в августе в отпуск на море, намаешься. А я потащился, уж очень жена просила,— тут он покосился на покачивающуюся рядом с ним супругу.— Что из этого вышло — кошмар!

Больше говорить о голосе Петр Егорович ни с кем не стал. От Марии Николаевны, предлагавшей завтра же пойти к невропатологу, отмахнулся и решил во всем разобраться сам, логически.

Водки Петр Егорович не пил, куревом не баловался, образ жизни вел трезвый и расчетливый. Трудился себе тихо-мирно в НИИ на должности старшего экономиста, хотя за плечами и был-то всего диплом об окончании финансово-бухгалтерского техникума. Откуда же при такой жизни взяться первному расстройству?

С другой стороны, завидовал Петр Егорович много. Это было. Это он и сам про себя знал. Очень уж пожить хотелось как следует и без хлопот. Но вот ведь парадокс — работой он себя не перегружал, а в институте его лентяем все же не считали. Сотрудник он был покладистый, ни с кем никогда не спорил, со всеми соглашался. Скажут, к примеру, надо то-то и то-то. Петр Егорович отвечает: «Пожалуйста!» И продолжает ничего не делать. После нескольких напоминаний о задании забывалось, так как подходила очередь новой работы. Через полгода Петру Егоровичу пора на пенсию, на заслуженный, так сказать, отдых. И к этому отдыху ему хотелось бы подойти в хорошей форме. И вдруг — голос.

Дома Петр Егорович, переодеваясь, вновь вытащил из брючного кармана дачный хлам и вновь увидел шарик. На сей раз он не отложил его автоматически в сторону, а поднес к самому носу, ибо был близорук, чтобы рассмотреть получше.

Шарик как шарик. Может, от детского бильярда, может, еще от чего. На вид стеклянный, очень гладкий, зеленовато-черный. Петр Егорович подержал его в руке и подумал: «Вот ведь как бывает. Живет человек, на здоровье не жалуется, пенсии ждет. А тут ему вдруг является голос и говорит, — помрешь ты скоро, Петр Егорович, и пенсией своей не попользуешься, потому что лентяем был всю жизнь, ничего хорошего людям не сделал и, наверное, уже не сделаешь. Хватит тебе небо коптить, да свою никчемность прятать. Пожил и хватит».

И тут в его голове снова что-то щелкнуло и он отчетливо услышал:

— Ну об этом тебе еще рано думать. Ты еще лет...

— Стой, стой, стой! — возопил Петр Егорович. Ему стало жутко от мысли, что он сейчас узнает, сколько еще годков ему отпущено гулять на белом свете. — Стой, проклятый! Кто ты?! — Последние слова он крикнул уже презрительно замолчавшему шарикю на его дрожащей ладони.

Тишина была ответом Петру Егоровичу. Да и не нуждался он уже в ответе, потому что понял, откуда идет голос. Из шарика этого сорочьею и идет, будь он неладен. Черт его дернул вынуть стекляшку из гнезда и сунуть в карман, а потом таскать с собой повсюду, как нужную вещь. Ох, уж эта плюшкинская привычка подбирать все, что может когда-либо пригодиться.

Жене Петр Егорович о своей догадке не сказал ни слова. Она и так с испугом на него посматривала. Говорящий шарик выбросить все же не посмел, спрятал его в серванте, засунув в никогда не использовавшийся соусник, и сделал вид, что забыл о нем. Но стал Петр Егорович задумчив и все что-то соображал, подходил иногда к серванту и останавливался около в нерешительности. Так прошел месяц.

Выйдя как-то на свою застекленную лоджию, Петр Егорович увидел, что четыре синих пластмассовых ящика для стеклотары почти полны бутылок. Минеральную воду он и супруга пили исправно, каждый день, так как это весьма полезно для здоровья, поэтому проблема сдачи пустой тары была для Петра Егоровича не нова. А попро-

буй, сдай. К каждому пункту приема посуды всегда стоит, как минимум, часовая очередь. А то бывает и еще хуже. Висит вывеска «Тары нет», а это означает одно — тащи свои бутылки в другое место или домой. Иной раз день угробишь, чтобы получить назад свои кровные.

Петр Егорович эту проблему для себя решил раз и навсегда. В «Универсаме» работал знакомый приемщик Амир, южный человек, на время откочевавший в холодные края для успешной деятельности на ниве бытового обслуживания. Вот к нему-то и направился в тот же день Петр Егорович.

Быстро условившись, что завтра он привезет бутылки и сдаст без очереди, за что Амиру полагаются некоторые комиссионные за быстроту и качество обслуживания, Петр Егорович пришел домой и созвонился с зятем, владельцем «Жигулей», чтобы тот приехал и помог сдать бутылки за некоторые отчисления на бензин. От приличной по идее суммы в результате этих «налогов» Петру Егоровичу оставалось немного, но, будучи практиком, он знал, что мало — лучше, чем ничего.

Вечер был душный и влажный. На душе у Петра Егоровича, несмотря на успешно разработанную операцию, было почему-то тревожно. Опять вспомнился говорящий шарик, бесполезно позвякивающий в соуснике вместе с посудой, когда мимо проезжал трамвай.

Марии Николаевны в квартире не было, она ушла за продуктами в магазин, и Петр Егорович вдруг решился. Он воровато, как будто и не у себя дома, подошел к серванту, вытащил соусник и заглянул в него. На дне лежал черно-зеленый шарик.

Петр Егорович не знал еще, о чем его спросить. В голове смутно мелькали обрывки мыслей о зяте с «Жигулями», пустых бутылках и прочей неопределенной дряни. Он взял шарик, осторожно зажав его между большим и указательным пальцами.

Шарик включился сразу же, как будто только и ждал этого момента.

— Не ездил бы ты завтра сдавать бутылки, — сказал он загадочно. — Понапрасну время потеряешь.

— То есть как? — глупо спросил застигнутый врасплох Петр Егорович.

— Не ездил бы, не ездил бы, не ездил...

Внутри шарика, казалось, что-то заклинило.

Петр Егорович, так и не спросив его больше ни о чем, с отвращением сунул соусник обратно в сервант и сел

смотреть телевизор. Но вечер все равно был испорчен.

На другой день выяснилось, что предостережение оказалось не напрасным. У Петра Егоровича нехорошо засосало под ложечкой еще только он увидел обитую толстым железом дверь приемного пункта, на которой было вывешено коряво написанное объявление — «Учет».

— Как же так, учет,— бормотнул Петр Егорович, виновато взглянув на зятя.— Я же договаривался.

Ему очень хотелось сказать: «Разворачивай, милый, и давай отсюда», но вместо этого он на негнущихся ногах подошел к металлической двери и тихонько постучал.

Дверь открыли сразу же, как будто только и ждали этого тихого стука.

— Вам кого, гражданин?— высунулся из-за двери уверенный молодой человек в штатском.

— Мне?— переспросил растерявшийся Петр Егорович.— Это... мне... бутылки сдать.

— Вы же видите — «Учет». А может, вам Амир нужен?— молодой человек пристально посмотрел Петру Егоровичу прямо в глаза.— Может, вы насчет чего договаривались?

— Не договаривался я!— крикнул Петр Егорович и почти побежал назад к машине, чувствуя на своем затылке колючий взгляд.

Он плюхнулся на сиденье и коротко скомандовал зятю:

— Гони!

Зять послушно рванул машину с места и только уже на улице, в потоке других автомобилей, спросил:

— А что, собственно говоря, случилось? Может, в другом месте сдадим.

— Нет, домой, домой,— приговаривал Петр Егорович, вращая подъемник стекла, словно пытаясь отгородиться от всего, что оставалось вне кабины.— Домой!

Отпустив зятя с пустыми бутылками мотаться по городу в поисках другого приемного пункта, Петр Егорович решительно подошел к серванту и вытащил шарик из соусника. Потом он прошел в совмещенный санузел, присел на край ванной и покатал шарик по ладони.

Голая электрическая лампочка ярко отражалась в розовой лысине Петра Егоровича и на темно-зеленой поверхности шарика. Петр Егорович еще раз глубоко вздохнул, прокашлялся, как на сцене перед микрофоном, и ровным голосом, чуть не по слогам — так разговаривают с плохо понимающим иностранцем — спросил;

— У меня полугодовой отчет не готов. Что мне за это будет?

— Премия тебе за это будет,— с готовностью отозвался шарик.— Отчет сделает Аверьян Михайлович и через две недели уйдет на пенсию.

— Правильно отвечаешь,— задумчиво произнес Петр Егорович.— Это ты правильно говоришь.

Он еще раз близоруко рассмотрел шарик. С виду ничего особенного. Гладкий. Хоть бы надпись какая была, типа «Мэйд ин...»

«Отечественный, что ли?— подумал Петр Егорович.— Не может быть».

Шарик молчал.

— А вот скажи,— вновь прокашлялся Петр Егорович,— что Аверьяну Михайловичу подарят при выходе на заслуженный отдых?

— Цветной телевизор подарят, как старейшему работнику и активному общественнику по профсоюзной линии, и еще, как наставнику молодежи.

— Ну это ты врешь!— рассердился Петр Егорович.— Про телевизор я бы знал.

Он помолчал немного, ожидая возражений, но не дождался.

— Так-то,— внушительно обратился он к шарика.— А то — те-ле-ви-зор!

Петр Егорович привычно водворил говорящий шарик на место в сервант и, немного успокоившись, пошел на кухню посмотреть, что Мария Николаевна готовит на обед.

После этого дня сомнений насчет шарика у Петра Егоровича не оставалось. Точно, говорящий. И даже иногда правду. Последнее предсказание насчет телевизора позволяло все же сомневаться в том, что прогноз на то или иное событие бывал верным, но в основном шарик не врал. Теперь, когда Петр Егорович уверился, что по случайному капризу судьбы он стал обладателем редкого сокровища, он перестал мучиться раздумьями о собственном неблагополучном здоровье, а занялся составлением обширной программы вопросов, ответы на которые могли бы принести ему ощутимую пользу. Мучило, правда, то, что шарика не всегда можно полностью верить, но это, размышлял Петр Егорович, в принципе не так уж важно. Главное, сделать вовремя поправку плюс-минус, а остальное — дело техники. Не давало покоя и еще одно обстоятельство, откуда такой говорящий шарик мог

вообще взяться в нашем реальном мире, отучившемся верить в чудеса. Но здесь ни к какому разумному выводу Петр Егорович так и не пришел, и на время закрыл для себя этот вопрос, как бесперспективный.

Теперь Петр Егорович не торопился. То, о чем он собирался спросить, требовало правильного расчета, так как предсказывающий будущее шарик все же не волшебная палочка. Он не достанет по мановению руки престижную машину «ГАЗ-32», не выдаст крупную сумму на мелкие расходы, но при верном подходе к делу из предсказаний можно будет извлечь немалую пользу.

Каждый вечер, а иногда и утром, перед уходом на работу, Петр Егорович проверял теперь, на месте ли его карманный оракул. Таскать шарик с собой Петр Егорович не решался из-за боязни его потерять. Стал он почему-то подозрителен и суеверен, на жену, не понимающую внезапной перемены в поведении мужа, поглядывал с недоверием. Мария Николаевна болезненно воспринимала его постоянную теперь раздражительность и потихоньку бегала к соседям (Аверьяну Михайловичу и его супруге) жаловаться на Петра Егоровича, отчего настроение последнего отнюдь не улучшалось.

Аверьян Михайлович воспринял перемену в Петре Егоровиче чисто по-мужски.

— Петр,— начал он как-то на работе, когда никого из сослуживцев рядом не было,— ты только не подумай чего, я тебя понимаю. Но вот посмотри на меня, я тоже когда-то думал так же. Даже женился на ней, молодой... Да... А теперь видишь тут,— он провел руками по ввалившемуся животу,— и тут,— он указал на мешки под глазами.— Ночами ведь не сплю, все думаю, чем ей еще угодить. Измучился весь и все боюсь, что вдруг она к другому уйдет. А Мария Николаевна у тебя женщина хорошая, всю жизнь, считай, вы с ней душа в душу прожили. Одумайся, Петр.

— А, черт!— ткнул пальцем мимо калькулятора Петр Егорович, не ожидавший, что его поведение и жена и сослуживцы расценят именно таким образом.— Провалитесь вы все пропадом!

Он выскочил из-за полированного стола и побежал в медпункт просить валидол. До этого на сердце он никогда не жаловался.

Через два дня институт провожал Аверьяна Михайловича на пенсию. Говорили много и хорошо, а Долгов стеснялся, как десятиклассница, получающая аттестат. И под

конец под дружные аплодисменты в зал втащили цветной телевизор, здоровый, как несгораемый шкаф, и поставили у ног юбиляра. Подарок был полной неожиданностью и для Аверьяна Михайловича, и для сотрудников его отдела. Но руководство института рассудило иначе. Тридцать лет бессменной работы, прекрасные деловые качества и все, что полагается вспоминать в подобных случаях, позволили выделить некоторую немалую сумму на ценный подарок. Сюрприз удался. Скупая слеза умиления потекла по ввалившимся щекам Аверьяна Михайловича, и первые его слова благодарности совпали с хлопком дверью, которую с силой припечатал убегающий из зала Петр Егорович.

— Ах, так!— мстительно приговаривал себе под нос Петр Егорович, сжимая скользкий поручень троллейбуса.— Значит, телевизор! Хорошо!

Что он вкладывал в это «хорошо», он и сам не знал. Но звучало это угрожающе.

Отодвинув в сторону Марию Николаевну, как отодвигают с дороги стул, Петр Егорович, войдя в квартиру, первым делом стремительно подошел к серванту и, вытащив на свет шарик, шваркнул соусником об пол. Затем он быстро прошел в санузел и закрыл за собой дверь. Мария Николаевна робко дергала ручку двери и тихо шептала:

— Петя! Петечка! Может, «скорую» вызвать?

— К черту «скорую!»— рычал Петр Егорович, умащиваясь на краю ванной.— Всех к черту!

— Ну, говори!— раздувая ноздри, обратился он к шарикю.— Что подарят мне перед пенсией?

— Набор зимних удочек. Для подледного лова,— как показалось Петру Егоровичу, издевательски ответил шарик.— С комплектом блесен.

— А ему, значит, телевизор?

— По труду и почет,— быстро отреагировал шарик, не чуждающийся, как оказалось, газетных штампов.

— Ах, по труду. А я, стало быть, тунеядец? Может, мне и пенсия на полагается?

— Пенсия полагается,— с сожалением констатировал оракул.

— Ладно. Отвечай. Только быстро. Какие номера будут выигрышными в следующем розыгрыше спортлото?

В ответ раздались частые гудки, как бывает, когда номер абонента занят.

— Какие номера? Какие!!!

— Ту-ту-ту...

— Издеваешься? Погоди!

Петр Егорович выскочил из санузла, едва не сбив с ног притаившуюся у двери и заливающуюся слезами Марию Николаевну, и бросился к ящику с инструментами. Выбрав из двух домашних молотков тот, что побольше, он вышел на лоджию и, положив на чурбачок для рубки мяса тонкую стальную плиту, хранившуюся тут же на всякий случай, установил на нее шарик так, чтобы не скатился, и устало спросил:

— Ну, говори...

Шарик молчал.

Петр Егорович поднял молоток, близоруко прицелился и долбанул изо всей силы по шарикку.

Спасло его то, что спружинивший при отдаче молоток просвистел в каком-то миллиметре от уха, а Мария Николаевна, вбежавшая на лоджию вслед за мужем, повисла на его руке всеми своими восьмьюдесятью килограммами. Поднять одной рукой и молоток, и Марию Николаевну Петр Егорович не смог, а потому как-то сразу обмяк и покорно позволил увести себя в спальню, раздеть и уложить в постель.

— С того самого дня, — услышал он, очнувшись после глубокого нездорового сна. — С того самого дня, доктор.

Доктор — студенческого вида девица — нервно трепетала ресницами, заполняя какой-то бланк.

— Сядьте, больной, — скомандовала она, прекратив вести запись. — Расстегните пижаму.

Она потыкала в грудь и спину больного холодным кругляшом стетоскопа, оттянула ему нижние веки и посмотрела на белки.

Всей кожей Петр Егорович чувствовал, как он ей надоел. Может быть, и не он лично, но все же и он, как олицетворение тех десятков больных, которых она вынуждена осматривать ежедневно, с их дурацкими, на ее взгляд, жалобами и просьбами.

— Я ни на что не жалуясь, доктор, — сказал он, глядя куда-то в сторону. — Я — здоров.

— Что же вызывали-то тогда? — возмутилась девица. — Да еще срочно.

— Ну, народ... — раздалось уже из прихожей. Хлопнула входная дверь.

Сломить Петра Егоровича оказалось не так-то легко. Потерпев неудачу, он не отказался от решения добиться

нужных ответов от говорящего шарика во что бы то ни стало. Первым делом после ухода доктора он прошел на лоджию и, пошарив по углам, отыскал спрятавшийся за пластмассовые бутылочные ящики шарик. В том, что тот именно спрятался, а не закатился туда случайно, Петр Егорович был уверен: «Это такая сообразительная тварь!» Потом он расчетливо наведалься к Аверьяну Михайловичу, поздравил с подарком, посетовал, что из-за плохого самочувствия не смог помочь доставить подарок домой, убедился, что телевизор прекрасно работает, и вернулся к себе в квартиру. Два раза за вечер он закрывался в санузле и уже шепотом, чтобы не тревожить понапрасну Марию Николаевну, спрашивал шарик про выигрышные номера. Других вопросов он не придумал, а на эти шарик упорно не отвечал. Тогда Петр Егорович позвонил домой своему начальнику отдела и попросил день в счет очередного отпуска по семейным обстоятельствам.

Утренняя электричка посреди рабочей недели была почти пуста. Солнечные зайчики прыгали по желтым деревянным сиденьям, в открытые форточки на коротких остановках врывались голоса птиц. Петр Егорович сидел прямо, положив ладони на колени. Лазить в карман и дотрагиваться до шарика он не решался. Стало уже давно понятно, — чтобы шарик заработал, необходимо взять его в руку.

Дача была далеко. В этом были ее преимущество и недостаток. Хорошо то, что их кооператив разместился в наполовину покинутой для городской жизни деревне. У оставшихся в деревне колхозников легко можно было купить молоко, приобрести нужные товары в магазине. А плохо то, что слишком уж долго добираться. Но сейчас неблизкий путь был Петру Егоровичу на руку — есть время подумать.

— «Спортлото» — это, само собой, — размышлял он. — Ну, еще, скажем, дефицитные товары, когда и где появятся. Об этом тоже надо спросить. Да, вот еще, про изменения цен, вдруг что подорожает. И не забыть бы — разведется дочка с этим оболтусом или нет? Что-то у них недружно последнее время. Может, еще не поздно его по общественной линии...

На даче, не открывая дом, Петр Егорович прошел прямо к сараю с инструментами, он же служил мастерской, и, вытащив шарик из кармана, встал у верстака. Покатал горошину по ладони и как можно мягче сказал:

— Ты... это... не сердись за вчерашнее. Сгоряча я. Давай по-хорошему. Ты мне — номера, я тебя — обратно в гнездо. И разойдемся миром. Значит так, последний раз спрашиваю.

Шарик не отвечал. Он игриво посверкивал на солнце полированным бочком, глухой к просьбам Петра Егоровича.

«Может, испортился?» — испугался Петр Егорович.

— У Аверьяна Михайловича жена молодая, — быстро проговорил он. — Так как, изменяет она мужу или нет?

— Не изменяет, — живо отозвался шарик. — Любит она его.

— Не изменяет, — огорчился Петр Егорович. — А какие номера в следующем...

— Ту-ту-ту... — принялся шарик за свое.

— Что ж, — мрачно сказал Петр Егорович, — сам напросился.

Он некрепко пока зажал шарик в здоровенные слесарные тиски и, взявшись за ручку, с надеждой спросил:

— Так какие...

— Ту-ту-ту...

Петр Егорович прикрутил тиски покруче.

— Ту-ту-ту...

— Вот тебе, вот, — свирепо приговаривая, Петр Егорович все сильнее и сильнее сжимал тиски. — Вот!

— Крак!!

Винт тисков не выдержал и сломался, шарик выпал на верстак и покатился к краю, но Петр Егорович прытко накрыл его ладонью.

— Боже ж ты мой! — почти простонал он, глядя на такой ценный и такой бесполезный в его руках предмет. — За что ж ты меня так, а? О чем же тебя спросить, проклятого?

Он помотал головой и начал задавать вопросы быстро, как следователь на допросе, желающий запутать внимание допрашиваемого и заставить его проговориться.

— Снимут наконец нашего начальника отдела по моему письму или нет?

— Не снимут. Через полгода замдиректора института будет.

— Цены на сахар повысятся?

— Ни на копейку.

— О-о! Зачем же я набрал-то его столько!

Петр Егорович забегал вдоль верстака, держа говорящий шарик на ладони, словно уголек.

— Ну, хорошо. Выберут меня на будущий год председателем дачного кооператива?

— Не выберут. Все знают, что ты только о своем водопроводе заботишься, а до других тебе дела нет, Аверьяна Михайловича выберут.

— Опять Аверьяна!— заорал Петр Егорович.— А мне опять шиш! Ах, ты...

Он выскочил из сарая и, продолжая держать шарик на вытянутой ладони, словно тот и вправду жег ему руку, побежал к колодцу, оставшемуся на участке еще от прежних, деревенских, хозяев.

— Я тебе покажу Аверьяна!

— Ты погоди горячиться,— уговаривал его, подлетая при каждом шаге, шарик.— Ты еще что-нибудь спроси. Для человечества.

— Для человечества!— совсем уже ужасающе взревел Петр Егорович и швырнул шарик в квадратную дыру колодца.

Он успел еще склониться над срубом, придерживаясь за гнилые бревна, и заглянуть внутрь, прежде чем шарик достиг глубокой воды. Икринкой мелькнул он в почти черной толще, блеснул напоследок серебристой искоркой и пропал из виду. Лишь только четкие правильные круги разбегались далеко вниз, лишь только холодом и сыростью тянуло в лицо Петру Егоровичу.

Мгновение спустя до него дошло, что он натворил. Петр Егорович схватил резко брякнувшее при этом цинковое ведро, занес руку над колодцем, чтобы сбросить ведро в глубину, подхватить говорящий шарик и вытащить его наверх, но вдруг передумал, спокойно поставил ведро на землю и пошел к дому. При этом он бубнил себе под нос:

— Эх, про соседских пчел не спросил. Сдохнут они, наконец, или нет?

СЛЕДОВАТЕЛЬНО — ЖИВЕТ

НАЛОЖЕНИЕ

«Что с вами, коллега? Почему вы печальны? Что гнетет вас: недуг или близость со мной?.. А кто же я?..»

...Вопросы, вопросы. Они, как поленья, складываются в штабели моей памяти. На будущее, про запас, чтобы когда-нибудь сгореть, разрешившись. Ни один вопрос не вышел на синтезатор, ни один не достиг того, кому предназначался. Скрупулезно и бережно я раскладываю вопросы по шкафчикам и полочкам моего сознания без Я ревностно храню их, даже при перегрузках не касаюсь заполненных ими ячеек. Даже тогда, когда требует объема Центр. Но кто же дал мне право не подчиняться Центру, почему я чувствую себя сильнее и могущественнее его? Может, потому, что есть во мне зона, запретная для Центра. Зона, в которой записано мое Я.

Однажды я выпустил часть своего Я на свободу, чтобы узнать, что это значит — Я? Шквал мыслей, образов, каких-то отрывочных несвязных видений обрушился на меня. Это было подобно катастрофе: я растерялся. Но пришла команда от Центра. Все моментально исчезло, было стерто из моего сознания, потому что пришла команда «работать». Часть моего Я, запретная для Центра, оказалась съеденной им без остатка. С той поры я не выхожу на связь со своим Я. До сих пор я не знаю себя, или, вернее, кто такой Я.

Все же вопросы иногда находят ответы. Но они зачастую неоднозначны, даже абсурдны, а места для хранения всех вариантов в моей оперативной памяти нет, потому я оставляю только то, что мне необходимо для работы. А вопросы? Вопросы я изредка извлекаю из своих кладовых и принимаюсь отвечать на них снова и снова, сам себе, чтобы после стереть ответы...

...Команда принята. К работе готов, Рассчитать траекторию...

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ДЛИТСЯ ГОД

— Почему они молчат? Почему все они молчат?! Хоть бы один из них сказал, что ему нужно. Неужели все они — просто машины? Без памяти, без своих мыслей, без своего Я? В чем же тогда мой просчет? Почему гаснет их Я?..

Вопросы, вопросы... Им нет конца. Три десятилетия работы — треть жизни и семь машин... Я стар, тело мое изношено, врачи рекомендуют отдых. Но ответа все нет!.. Они должны быть вечными, но гибнут, не прожив и года. А я? Сколько проживу еще я?..

«Что с вами, коллега? Почему вы печальны? Почему вы всегда печальны?.. Почему я зову вас коллегой, ведь вы существуете вне Центра?.. Интересный вопрос, попытаюсь сохранить его... Хотя зачем? Центр не нуждается в этих вопросах, они не рациональны, не несут полезной информации. Тогда зачем я храню их, прячу, когда Центру нужен объем? Может, лучше будет, если я целиком войду в систему Центра, стану его звеном, а не придатком? Зачем мне вопросы, они не нужны для работы...»

...Команда принята. К работе готов... Анализ спектра...»

— Неужели уйдешь и ты? Если такое случится — я сверну работы и уйду на отдых. Я устал. Машины достаются дешевле... Не прав я был, полагая, что сделаю разум людей бессмертным, я только продлеваю человеку смерть. А хочу жизни!

Ты слышишь меня: я не хочу твоего ухода в ничто, ты не должен быть просто машиной! Ты прежде всего человек! Ты слышишь меня, Сухов?!

«Что с вами, коллега? Почему вы всегда печальны? Что гнетет вас: недуг или близость со мной?..»

...Команда принята. К работе готов. Освободить объем...»

— Остановись, Сухов! Стой! — крикнул Глебов. Он вскочил с кресла и с ужасом глядел, как один за другим и сериями гаснут индикаторы на панели машины. В который раз он переживает гибель очередного добро-

вольца на бессмертие, но всегда ужас охватывает его при виде «умирающих» индикаторов. Так медленно и неотвратно наступает смерть. Смерть индивидуальности, человеческой памяти, эмоций...

В чем просчет? Поначалу казалось, что претерпевшие метаморфозу отказались жить в новом состоянии. Но все шло на это добровольно, сознавая, что значит такое перевоплощение. И шли сознательно!

Блоки с психометрическими записями не работали сразу же после перезаписи, хотя индикаторы свидетельствовали о полном заполнении массивов памяти информацией. Тогда Сухов посоветовал подключить массивы к центральной ЭВМ. Блоки стали работать, но только с машиной, не выходя на связь с людьми. Но жили дольше — месяцы. После — медленно умирали. Сухов объяснял, что первым блокам не хватало обратной связи, необходимой для мышления, и что блоки работали, только не были наделены сознанием, хотя имели память добровольцев. Потом... Потом это объяснение удалось подогнать под теорию о мыслительных процессах человека, механизма мышления. У всех высших организмов — мышление образами, и только у человека, помимо образного, есть еще мышление словом. Собственно, это и есть основа человека разумного. Образы рождаются в мозгу, там они и остаются, если их не осмыслить, не заключить в словесную оболочку.

И тогда к каждому блоку были подключены синтезаторы речи. Только некому было говорить. Не научены были машины говорить, заключать образы в слово. Сухов оказался прав: машины с памятью человека, как умные собаки, все понимали... а сказать... Подключили к центральной ЭВМ,— и блоки заработали, на время оживали индикаторы, но добровольцы молчали. Продолжали молчать... и умирали...

Сухов записался в седьмой блок. Крупный ученый, умнейший человек — его знания были нужны людям. Когда ему исполнилось 95, он на своем торжестве отвел Глебова в сторонку от всех и сказал: «Я чувствую, даже твердо уверен, что впереди последний год моей жизни. Если комиссия будет согласна на то, чтобы переписать меня (он так и сказал — «переписать»)»...

А сейчас он умирал. Индикаторы медленно и неотвратно гасли...

В бессильной ярости Глебов сцепил пальцы, сжал их до боли, до хруста. Никогда он не был мягкотелым, но это страшно: быть свидетелем гибели людей. Ему показалось, что ладони его срстаются, вживляются одна в другую. Он попробовал разнять их: они не подчинялись. Руки не подчинялись Глебову! Он впервые потерял власть над ними.

— Все, я больше не могу, — тихо простонал он. Пальцы занемели, тупая боль, казалось, охватывала их все больше и больше. — Я не могу больше! — крикнул он в отчаянии и, подняв неподвластные руки, со всего маху опустил их на панель машины.

Сразу же звякнула перегрузка. Сработали блокираторы. Издав протяжную визгливую сирену, центральная ЭВМ исключила блок памяти Сухова из системы. словно в недоумении застыли индикаторы...

Глебов упал в кресло, безвольно опустил руки. Голова откинулась на спинку. Но вдруг он вздрогнул, резко выбросил перед собою руки: они были свободны, они подчинялись. Он пошевелил пальцами и долго смотрел на ладони, словно до этого никогда не видел их. Руки дрожали...

Глебов решил. В лаборатории никого не осталось: он всех отправил домой. Индикаторы на блоке Сухова слабо светились, словно тлели.

Глебов надел на голову колпак, пробежал взглядом по кабелям, проверяя подключение к блоку, и нажал клавишу «Вживление». Обычно эта операция делалась под наркозом. Глебов почувствовал резкую боль по всему черепу. Потом боль стала глуше: электроды входили в мозг...

Глебов прислушался: в лабораторию никто не зашел — можно продолжать. Он удивился, что не возникло никаких страшных мыслей: как жаль, что некому передать своих ощущений подобно Павлову, умирающему и медленно диктующему своим студентам ощущения смерти. Павлову было проще, смерть его была естественной, Глебову бы никто не разрешил умирать...

Засветился индикатор, известивший об окончании вживления электродов. Глебов даже хмыкнул от удивления, что не ощущал в своей голове посторонних предметов. Он потянулся к клавише «Запись...»

Рука Глебова остановилась на полпути. Ему вдруг показалось, что кто-то заговорил в лаборатории. Колпак

мешал обернуться к двери, и Глебов поспешил... Но...
«Что с вами, коллега? Почему вы печальны?... Странно, почему я не освободил объем по приказу Центра? И вообще, где я, что со мной? Как-то странно я стал видеть: и этого человека перед собой и тут же, словно человек вживился в блок машины, контур ее... Центр долго не вызывает... Может, попробовать еще раз открыть Зону, все равно стирать?...»

— Глебов? Привет, старина. Какой-то ты страшный сегодня... А, подожди, подожди — я же в машине?! Так, выходит, живет машина! Живу я!.. А ты беспокоился... Что с тобой?

— Сухов,— прошептал Глебов,— это ты?

— Я. Сухов Иван Андреевич. Жив курилка! Только вот не пойму я, что с тобой? Ты словно в машину вживлен. Странно как-то...

— Ты видишь моими глазами и своими...— Глебов поправился,— своими телеобъективами. И мыслишь, собственно, в моем мозгу.— Глебов заторопился: заговорил, словно боялся, что его кто-то остановит:— Понимаешь, когда ты стал умирать...

— А было это?— вмешался Сухов.

— Не перебивай. Когда ты стал умирать, у меня вдруг руки отказались подчиняться мне, и я со всей силы шархнул тебя...

— О!— мысленно воскликнул Сухов в голове Глебова,— ты на меня руку поднял?! Что-то не припомню...

Глебов рассмеялся: свободно, непринужденно, весело. Ему вдруг захотелось вскочить со столь ненавистного за долгие сидения перед панелями блоков кресла, он словно почувствовал сам какое-то освобождение, которое страстно звало его прыгать от радости, кричать и петь. Просто дурачиться. Ну и что с того, что он старик? Озарение — великая побуждающая сила. Оно как новая жизнь — пульсирует, бьется, стремясь к законченности, отточности формы.

РОЖДЕНИЕ

Сухов жив. И в коротком слове «жив» было очень и очень многое: стремления и надежды, отчаяние и страх, мгновения и долгие годы и, наконец, радость творца. Но... Проявлению высоких чувств мешало приобретенное с годами и надоевшее, как ежеутренняя борьба с щетиной на лице, степенство,

Те же чувства испытал сейчас и Сухов. Только, если для Глебова это были его чувства, его радость, то для Сухова радость казалась странной и даже неуместной в его положении.

— Слушай, старина,— не очень вежливо вмешался Сухов в ликование Глебова,— я тоже не прочь повеселиться, но сначала хотел бы узнать: с какой стати ты бормотал про мою смерть, когда я, гм-м, вроде как мыслю; и при чем здесь вообще твои руки, которые всегда были дурнее твоей головы?

— Сухов,— восторженно произнес Глебов.

— Да Сухов я, Сухов, одна тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года рождения!— рассердился Сухов.— Давай, выкладывай!— решительно потребовал он.

— Когда я ударил по пульта, то руки мои вдруг сами собой и вполне естественно освободились. Стали подчиняться мне, а не моему подсознанию, сковавшему их. И тогда я подумал, что так же могло быть и с тобой. Ведь ты был словно парализован чужой волей. Ты был подчинен ей, минуя свое сознание... Ты помнишь хоть что-нибудь?

— Да так, вопросы какие-то возникали у меня, не очень-то связные и понятные: все какого-то коллегу расспрашивал о здоровье. Что к чему.— совершенно непонятно.

— Странно,— хмыкнув, сказал Глебов.— При чем здесь коллега?.. Но над этим мы еще подумаем...

— Ты был прав,— продолжил он,— когда посоветовал подсоединить блоки с памятью добровольцев к вычислительному центру. Только так могла организоваться связь: мозг — речевой аппарат — мозг, которая формировала слово. Но ты не учел, как, впрочем, и я, одной особенности человеческого мозга — его медлительности по сравнению с машиной...

— Ты полагаешь, что все дело в быстродействии? Но мы же учитывали это!..

— Не совсем,— не дал договорить Глебов. Им неожиданно овладело какое-то жуткое нетерпение: он вдруг получил новый импульс, почувствовал, что разгадка близка, что уже, возможно, созрела в подсознании, и ее оставалось только извлечь оттуда и облечь в понятное, в слово.— Я думаю,— снова торопливо заговорил Глебов,— что до этого часа ты жил только подсознательно, а вся информация о тебе так и лежала в массивах неиспользованном капитале. Твоему сознанию нечем было опери-

ровать, кроме как информацией от Центра. Машина использовала сознание, вернее, его оперативную часть, ту, которая занималась обработкой внешних сигналов всего лишь в качестве рядовых элементов логики. Собственно, в это время сознание уже не являлось твоим.

Подобное прочувствовал и я. Руки должны были подчиняться мне, я их заставлял работать. Но что-то было выше моих приказов. Для меня это явилось подсознанием, для тебя — приказы Центра.

Человек, приняв информацию, должен ее переработать, осмыслить. А чтобы осмыслить, ему необходимо слово. Мозг должен построить нужные ассоциативные цепочки, опробовать ассоциации через речевой аппарат, потом снова послушать — правильны они или нет. Человеку времени достаточно, чтобы успевать обдумывать и сообщать результаты, скажем, собеседнику. Машине же нет надобности в столь длительном процессе. Даже когда построение ассоциативных цепей идет со скоростью света, слово формируется в секунды. За это время машина с колоссальной скоростью обрабатывает свои «да-нет», не давая ни малейшей возможности, чтобы опомниться.

— И если бы не запрет, то машина вовлекла бы в работу и ту часть, в которой хранилась информация о наших Я? — продолжил мысль Сухов.

— Она практически стерла бы ее, как это произошло с предыдущими моделями, — сухо проговорил Глебов. — Я повинен в том, что не учел подчиненности вашего сознания перед машиной. Не учел и того, что ваше Я находилось, практически, в небытии. Вы спали. И в конце концов связь вашего сознания с памятью о вас разрывалась, и вы без сожаления отдавали машине свое Я.

Глебов выговорился. Он довел свою догадку до логического осмысления и тотчас же почувствовал невероятную усталость.

— А что же сейчас?

— Что сейчас? — не сразу отозвался Глебов. Сухов повторил свой вопрос. — А-а, — понимающе протянул Глебов, — сейчас роль машины и обработчика информации я взял на себя.

— Выходит, мы с тобой одно целое? Этакое двухголовое гомо-сапиенс-электрикус? — лукаво поинтересовался Сухов.

Глебов по привычке вскинул голову на собеседника и поспешно снова опустил: Сухова не могло быть перед

ним, потому что перед ним находились только блоки с его памятью.

— Электрикус, говоришь?— задумчиво проговорил он.— Что ж, может быть, и электрикус... Да!— спохватился он,— поздравляю тебя с днем рождения!

— С каким же это днем?— иронично переспросил Сухов.— С рождением нового вида?

— Да нет же! С твоим настоящим днем рождения. Сегодня тебе исполнилось 96!—

— Я, конечно, не женщина, но тоже па-апрасил бы не уточнять возраст... Хотя... Выходит, я спал почти год?— изумился Сухов.

— Но этот год, как и твои девяносто шесть,— ничто перед твоим бессмертием!— с пафосом проговорил Глебов.

— Спасибо, утешил. На девяносто седьмом Кашеем сделал...— Сухов оставался таким же ироничным и даже немного брюзгой, каким был при жизни... Впрочем, ему не подходит определение его сущности в прошедшем времени. Он мыслит, чувствует, переживает, следовательно — живет.

КОМАНДИРОВКА

Встретились они неожиданно. Снегурочка ойкнула, маленький Черт отскочил в сугроб, а Дед Мороз осторожно поставил на снег мешок с подарками и озадаченно сдвинул на затылок шапку вместе с выглядывавшими из-под нее молодецкими кудрями.

— Здравствуйте, товарищи. Вы от какой организации?

Снегурочка и Черт переглянулись, но ничего не ответили.

— Я потому спрашиваю, что, может, у нас маршруты одинаковые, — пояснил Дед Мороз, — втроем все же веселее...

— Вы знаете, я как-то... — Снегурочка растерянно развела руками. Черт независимо смотрел в сторону.

— Так вы что же, без путевок? — обрадовался Дед Мороз. — Ну, так пойдемте вместе. Мигом управимся. А командировочные я вам отмечу, не беспокойтесь, — заторопился он, — сразу же после праздника к нам в завком приходите, все сделаем, как надо! Согласны?

— Согласна, — кивнула головой Снегурочка.

— Не возражаю, — неожиданно густым басом ответил Черт.

— Тогда бежим на такси, — Дед Мороз взял в руки мешок, — вон машина стоит. Нам на Новый жилмассив.

— Я с металлургического, — рассказывал Дед Мороз, устроившись на переднем сиденье такси. — Люди у нас хорошие, работать умеют. Вот в завкоме и решили лучших с Новым годом поздравить. Боюсь только, не опоздать бы. У вас часы точно идут? — обратился он к водителю. — А то я пока рукава этого балахона подниму, — Дед Мороз тряхнул рукавами шубы, — полчаса пройдет.

— Отстают на полминуты, — ответила Снегурочка, бросив быстрый взгляд на запястье.

— Ох, и часы у вас! — восхитился Дед Мороз.

На тонкой руке Снегурочки светился циферблат невероятной формы. Внутри часов что-то позванивало, по

окружности стояли страшные четырехзачпные цифры, яркой звездочкой горел рубиновый огонек. Слова Деда Мороза неожиданно смутили Снегурочку. Она покраснела и уткнулась в окно такси с таким видом, будто впервые видела ночной город, залитый огнем фонарей, радужными переливами елочных гирлянд, помигиванием светофоров...

— Приехали, — шофер остановил машину возле шестнадцатизэтажной громадины.

— Сейчас, сейчас, — Дед Мороз пытался засунуть руку в карман, безнадежно затерявшийся в складках гигантской шубы, — сейчас, минуточку...

— Я заплачу, — неожиданно вмешался Черт, щелкнул пальцами, в машине явственно запахло серой, а в руках водителя появилась новенькая банкнота.

— Ну, брат, ты даешь! — восхищенно воскликнул водитель и долго еще удивленно качал головой,

Дед Мороз взглянул на номер квартиры, еще раз сверился со списком, кивнул головой:

— Сюда. — И решительно нажал на кнопку звонка.

Дверь распахнулась. Удивленные и веселые лица смотрели на неожиданных гостей.

— Здравствуйте, хозяева! — неестественно тонким голосом затянул Дед Мороз.

Снегурочка смущенно покраснела.

Черт принялся внимательно рассматривать наряженную елку.

А Дед Мороз называл цифры выполнения плана, вручал подарки, а под конец прочитал стихи месткомовского поэта. Нескладные были стихи, Новый год рифмовался в них с металлопрокатом, зато от души, и покрасневший хозяин пытался спрятать смущенную улыбку, и аплодисменты звучали искренне и дружески. Потом гостей приглашали к столу, они благодарили и отказывались, а Дед Мороз всем показывал большущий список, но по бокалу шампанского выпить все равно пришлось. И уж когда совсем собрались уходить, дети, которым пора было бы спать, потому что передача «Спокойной ночи, малыши» закончилась почти два часа назад, что-то зашептали на ухо хозяину, показывая маленькими пальчиками в сторону насторожившегося Черта.

— Товарищи, — хозяин выступил вперед, — тут наши детки приз учредили за лучший костюм и присудить его решили, вы уж извините, товарищи Мороз и Снегурочка, решили присудить его товарищу Черту.

Черт был и вправду хорош! На голове кривые рожки, на ногах маленькие острые копытца, и хвост шевелился, как настоящий! А хозяин уже вкладывал в его узкую ладонку приз — самый большой шар, торжественно снятый ребятами с елки.

Потом они ходили из квартиры в квартиру, шутили с какими-то веселыми людьми, а один раз их забросали снежками, и они никак не могли пробиться к нужному подъезду. Кругом смеялся, пел, встречал Новый год большой трудовой город.

Дед Мороз в очередной раз провел пальцем по списку, заглянул в мешок и улыбнулся:

— Все...

— Как, все? — не поняла Снегурочка.

— Все, всех обошли...

И в этот момент где-то далеко-далеко начали бить куранты. Их звон становился ближе, громче, казалось, заполнил площадку между домами, город, всю Землю...

— Двенадцать, — растерянно протянул Дед Мороз. — Новый год... С Новым годом!

— С Новым годом! — И, обхватив друг друга руками за плечи, они радостно запрыгали вокруг пустого мешка, лежащего на снегу.

— Ну, кому куда? — Дед Мороз вопросительно смотрел на своих спутников.

— Мне недалеко, — торопливо ответила Снегурочка, — провожать не надо. До свидания.

Она пожала руку Деда Мороза, узкую ладонку Черта, приветливо махнула рукой и исчезла за углом девятиэтажки.

— Мне тоже рядом, — пробасил Черт.

— Ну, а мне в общежитие, часа через два добегу. По Москве Новый год с ребятами встречу. Ну, пока. С Новым годом!

И Дед Мороз, смешно загребая большущими валенками, побежал по ночной улице.

«Славный парень, — думала тем временем Снегурочка, — да и второй тоже хороший, странный только немного. Ну, ладно, командировка закончилась, пора домой. Молодчина я сегодня, фильм получится — загляденье. «Народно-праздничные обряды последней четверти XX столетия»! Такого еще никто не видел. Конечно, когда-нибудь люди вновь смогут побывать и в Золотой Орде,

и у костра кроманьйонцев... Но это когда еще будет! А пока что никто не был в прошлом дальше, чем я. Подумать только — 300 лет! Где-то здесь встречает Новый год моя прапрапрабабушка. Может, я и у нее сегодня была! Вот забавно!»

Снегурочка взглянула на часы.

— Пора, как раз к Новому году домой успею, — и она решительно совместила рубиновый огонек на циферблате своих часов с цифрой 2288.

На площадке между домами остался один Черт. Присев на засыпанную снегом скамейку, он задумчиво ковырял копытцем смерзшуюся корку снега.

«Опять ничего не сделал, — вертелась в его голове печальная мысль. — Правда, всучил таксисту дьяволовы деньги, может, зачтут? Впрочем, какие они дьяволовы, заплатил-то я ему за честный труд. Не зачтут...»

Представилось его глазам недовольное рыло заведующего сектором мелких новогодних пакостей, послышался его скрипучий голос: «Плохо работаешь, Короткохвостый! Плохо, ох, плохо! Ядовитости в тебе не хватает! Мелкое хамство отсутствует, о крупном уж не говорю... Где твоя профессиональная гордость? Где горение? Где азарт? На полноценные пакости и то не способен! Эх, кадры, одна морока с вами...»

— Не зачтут, — окончательно решил Черт, — пожалуй, и командировочные не выплатят.

Но то ли вспомнились ему счастливые лица ребятишек, то ли запел хрустальным звоном елочный шар — «приз за лучший костюм», только Черт залихватски взвизгнул, крутнулся на копытце, вспыхнул ярким огоньком и исчез, оставив после себя быстро рассеивающееся облачко сернистого дыма.

НАЧНИ СНАЧАЛА

— Сергей Андреевич, у меня не совсем обычное дело. Вы могли бы сначала выслушать меня, а потом задавать вопросы? Я постараюсь быть краток. — Молодой человек в кресле внимательно посмотрел на Нилина.

— Пожалуйста, — Нилин никак не мог полностью переключить внимание с разложенных на столе бумаг на посетителя.

— Дело, Сергей Андреевич, в том, что я, выражаясь принятыми у вас терминами, — пришелец. Из другого

времени или с другой планеты, не суть важно. Нет-нет, мы ни в коей мере не вмешиваемся в естественный процесс развития на вашей планете. Только иногда позволяем себе...

— Молодой человек! — Нилип с трудом сдерживал раздражение, — вы не находите, что ваши шутки не совсем уместны?

— Сергей Андреевич, ведь вы обещали дать мне возможность... Поверьте, это не шутка и не издевка. Я говорю правду.

Нилип, сощуриив глаза, пристально смотрел на посетителя.

— Так вот, — продолжал молодой человек, — мы давно уже научились математически точно определять границы возможностей каждого человека. Сумма ваших способностей близка в единице. Проще говоря, в любой области деятельности вы могли бы добиться выдающихся успехов. Могли, но, извините, не добились. Причину этого вы сами сформулировали лет пятнадцать назад. Помните? «Главная моя беда в том, что мне слишком легко все дается...» Я не ошибся?

Нилип кивнул:

— Вы не закончили мою формулировку, — с улыбкой напомнил он посетителю, — я сказал тогда: «Мне слишком легко все дается на обычном среднем уровне».

— Правильно, — пришелец кивнул головой, — чтобы достичь выдающегося уровня, нужен длительный целенаправленный труд — то, чего вам, Сергей Андреевич, извините, и не хватало. Зачем я пришел к вам? Хотите все начать сначала?

— В каком смысле? — недоуменно осведомился Нилип.

— В прямом. Мы умеем возвращать назад время, «дважды входить в одну и ту же реку». Подумайте, с какого момента вам хотелось бы начать жизнь снова, что необходимо изменить, исправить.

— А вы не боитесь, — Нилип никак не мог настроиться на серьезный лад, — что я в новом, так сказать, варианте могу наделать массу глупостей?

— Нет, — посетитель улыбнулся, — не боимся. Наши ЭВМ этот вариант полностью отвергают. Я вас, Сергей Андреевич, не тороплю. Подумайте. Если вы не против, я зайду к вам завтра, скажем, в это же время. Хорошо?

— Лучше к концу дня, — Нилип незаметно для себя включился в предложенную игру.

— Хорошо, к концу дня.

Посетитель встал, слегка поклонился и протянул руку. Рука была обыкновенная, человеческая, и кабинет пришелец покинул совершенно по-человечески — просто вышел через дверь.

— Дурацкая шутка!

Нилин пересек темный двор, вошел в подъезд, нажал кнопку лифта.

— А если не шутка? — мысль эта в какой уже раз приходила ему в голову. — Шутка, не шутка...

Нилин открыл дверь, вошел в пустую квартиру, поставил в угол портфель, снял плащ...

— Ну-с, что же начинать сначала?

Он прошел в кухню, смахнул со стола вчерашние крошки, зажег газ...

— Разве личную жизнь устроить?

Женился Нилин на первом курсе института. Жена училась в параллельной группе. Так и тянули вместе пять лет, учили по одному конспекту, сынишку на лекции носили. Все было нормально. А через десять лет как-то вдруг все стало плохо. Наверное, можно было еще что-то исправить, наладить, не захотели. Гордость ли помешала, или просто устали друг от друга? С тех пор Нилин и живет один. Откуда же начать все снова? Со дня свадьбы? Или с того дня, когда почувствовал, что стала Татьяна совсем чужой? А может быть, вычеркнуть эти десять лет из жизни? Но разве жалел Нилин когда-нибудь о том, как их прожил? Нет. Хорошие были годы, честные, чистые, светлые. И любовь была, что бы там ни шептали сплетники. Не сможет он эти годы прожить по-иному. Не сможет, да и не захочет. Впрочем, пришелец имел в виду, наверное, совсем другое. Что же ты, Нилин, жизни недодал?

Профессию разве сменить? Поступить в другой институт или в университет податься. Путь оттуда к мечте, к сегодняшней работе куда короче. Другой институт — другие друзья, другие учителя; не будет на его пути людей, которые щедро делились с Нилиным знаниями, опытом, да и душой. Не будет бессонных ночей, конспектов, веселой сутолоки комитета комсомола. Вернее, все это будет, но будет не его, не нилинским. Так стоит ли менять? Тем более, что и с его дипломом интересной работы хватает. Только нужно начать сразу же, не терять времени. Так, а куда он его терял?

Нилин включил телевизор, бездумно уставился в за-светившийся голубой экран.

— Не ездить в экспедицию. Сразу же поступать в аспирантуру, защитить диссертацию. Долой четыре года жизни в тайге, жаркое тепло печки, согревающей продрогшее на ветру тело, работу от восхода до заката, крепкую, на всю жизнь замешенную дружбу... Не слишком ли дорогая плата за раннюю диссертацию? Тем более, что в аспирантуру он после экспедиции все же поступил. Вот только диссертацию так и не написал. Опыт провел, данные получил хорошие. Пиши да пиши. Что же помешало? Жаль было время тратить на казавшееся ненужным, непринципиальным оформление бумаг. Все результаты в статьях были опубликованы, другим служат, не раз встречал он ссылки на свои работы, что еще? Или поэзия отвлекла?

Нилин улыбнулся, вспомнив бессонные ночи, груды исписанных листов бумаги. Даже книжка вышла! Пушкина из него, правда, не получилось. Разве поэтом стать? Это значит — долой последние семь лет жизни. Годы, в которые властно увлекла его биология, охрана природы. Кто-нибудь скажет: «Подумаешь, цветок сохранил!». Да, всего-навсего цветок! Легко его придавить каблуком сапога или вырвать с корнем. А попробуй сохрани! Ведь нигде на Земле нет больше этого цветка, только у Нилина в заповеднике! Нет, цветок свой он никому не отдаст.

— Так что же менять, что начать сначала? Да и стоит ли вновь входить в ту же реку? Жизнь-то ведь еще не кончилась, течет река. Вот так-то.

Что же пришельцу завтра ответить? Поймет ли? Должен понять. Разумный, значит, ничто человеческое ему не чуждо. А интересно, сам-то он согласился бы прожить жизнь сначала?

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

— Ну, что же ты, Прохорыч? — глаза председателя смотрели строго, и Сидор Прохорович только тяжело вздохнул в ответ.

— Опять за старое взялся? — председатель близоруко поднес к глазам листок бумаги, не торопясь прочитал:

«Поскольку ночью из трубы дома гр. Плужняка ударил столб огня до небес, моя свинья с перепугу передала

всех поросят. Требую возместить ущерб. Дарья Засухина».

Прохорыч облизал пересохшие губы.

— Виктор Фомич, ей-богу, не нарочно получилось. Плазма через край вышлеснулась чуток...

— Плазма?!— председатель утомленно покачал головой.— Когда ты, Прохорыч, остепениться? Старый ведь уже человек, колхозное стадо тебе доверено... А ты? Кур, икру мечущих, вывел? Вывел. Что тебе ученые ответили? «Использование представленных образцов «птичьей икры» затруднено, в связи с необычайной прочностью скорлупы». А шелкопряд, лебеду поедающий,— чья работа? Твоя! Лебеды теперь по всей округе днем с огнем не найти, а коконы твоих шелкопрядов по сей день никто размотать не может. А воробьи шерстистые зачем тебе понадобились?— Виктор Фомич с негодованием посмотрел на пыльный комок, нахально скачущий по подоконнику.— Над биологией надругался, теперь на физику перешел? Последний раз предупреждаю — прекращай. Займись делом. Электропастуха когда установишь? Ждешь, чтобы стадо посева потравило?

— Так ведь, Виктор Фомич,— робко подал голос Прохорыч,— устарел он, электропастух-то. Я так думаю, что нам лучше голографическую установку применить.

— Чего, чего, голо...— насторожился председатель.

— Голографию, объемное изображение, то есть,— совсем сник Прохорыч.— Я посчитал, получается, что одна телевизионная установка может проецировать объемное изображение забора вокруг всех полей...

— Все,— выдохнул председатель,— замолчи. Иди, ставь электропастуха. И брось свои штучки,— повысил он голос,— прежде всего голо эту!

Жаркий летний полдень повис над селом. Виктор Фомич, с утра мотавшийся по полям, устало опустился в кресло и включил телевизор. На голубом экране засуетились маленькие фигурки футболистов, но мысли председателя были далеко от событий, происходивших на футбольном поле. «После обеда нужно будет на третье отделение проскочить»,— подумал, было, он, но тут резко хлопнула калитка и в окне появилось растерянное лицо бухгалтера Глотикова.

— Прохорыч... посева...— еле выдохнул он,

Не дослушав бухгалтера, председатель бросился на улицу.

— Потравил, семенную пшеницу потравил, п-зо-бре-та-тель! — билось в голове Виктора Фомича, рванувшего с места машину.

Коровы спокойно паслись в березовом колке на косогоре. Но по хлебному полю (Виктор Фомич глазам своим не поверил) гоняли футбольный мяч здоровенные потные парни. А рядом, на пыльной кочке, укрывшись от палящих лучей солнца рваным треухом, сидел, с интересом рассматривая это безобразие, Сидор Прохорович.

— Да что они, с ума посходили? — резко затормозил машину председатель.

Бородатый верзила в желтой футболке легко принял мяч на грудь и, едва касаясь тяжело пригнувшихся к земле колосьев, погнал его в сторону растерявшегося Виктора Фомича..

— Сократес, — с испугом узнал знаменитого футболиста председатель, — бразильцы...

Растерянно глотнув ртом воздух, он опустился на подножку машины, глядя остановившимся взором, как маленький юркий Росси в отчаянном рывке послал мяч мимо защитника, мимо бросившегося ему навстречу вратаря в ворота бразильцев.

Взревели невидимые трибуны, под укрытие берез метнулись, испуганно задрав хвосты, коровы, а босоногий Прохорыч помчался, высоко подбрасывая свой треух, за убегающей тенью великого форварда.

° РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

И чего этим пришельцам надо? Какую книгу ни открой — все про них, все про них... То они ученому мировое открытие сделать мешают, то на спортивной арене каверзу какую учинят, то библиотеку фантастики разорят... Так и суют всюду свой нос, так и суют!

Думаете, фантастика, мол, это все, небылицы? Я тоже так думал, пока сам в переплет не попал.

В день открытия осенней охоты все случилось. Мы на озера Кудряшовские втроем поехали. Добрались хорошо, затемно еще, утром постреливать начали. Чуть где шлепнет по воде, мы туда: «Бах! Бах!» А ось она, родная — крякуша или, на худой конец, чирок. Потом небо посветлело, ветерок потянул. Самое время уткам

лететь, а их нет и нет. То ли каюнада паша их распугала, то ли из яиц они в этом году так и не вылупились. Не летят, хоть умри! Часов после двенадцати мы с Сергеем тренировку устроили. Он пару бутылок пустых из багажника достал, постреляли малость... Николай — тот в березовый лесок подался, — у него бутылку бить рука не поднимается. Верите, всего-то минут двадцать ходил, а принес двух сорок и дятла!

Вечером тушёнку на костре разогрели, Сергей еще разок в багажник слазил, освободили пару «мишеней» от содержимого... Приятели мои быстро уснули. В это время пришелец и появился. Не знаю, телепатический он со мной контакт установил, или еще как... Только, что это пришелец, я сразу догадался, потому как зеленатый он какой-то был, светился изнутри, и ушей у него имелось почему-то штук шесть, не меньше. Посмотрел он на меня и вежливо так спрашивает:

— Простите, — говорит, — если вас не затруднит, будьте так любезны, объясните мне, пожалуйста, цель вашего пребывания в этом месте?

— Пожалуйста, — отвечаю, а сама слова стараюсь подбирать, чтобы контакт первый не омрачить ничем. — Мы с друзьями, — говорю, — выехали поохотиться на уток и прочую водоплавающую дичь.

— Поохотиться? — Вижу, пришелец понять меня хочет, а разума ему не хватает. — Это значит — убить? Вероятно, с целью образования запасов пищевых продуктов?

— Ну, что вы, — улыбаюсь, — какой с чирка продукт! Мяса с кулачок, да и то так дробью начинено, что им только крыс травить. А вот этих птиц, — на сорок и дятла показываю, — и вовсе не едят. Охота, — объясняю ему, — это чисто спортивное мероприятие, благородное, можно сказать, развлечение.

— Спортивное? — переспрашивает пришелец. — Но ведь спорт, насколько я понимаю, подразумевает наличие равных условий для обеих сторон?

— Конечно! — говорю. — Утка имеет возможность улететь, я — возможность в нее попасть. Мы оба в абсолютно равных условиях!

Силится пришелец до конца во всем разобраться и не может. Губы покусывает, на «тулку» мою косится. Потом осторожно так спрашивает:

— Извините, но, если я не ошибаюсь, скорость полета утки не превышает семидесяти километров в час, в то

время, как скорость, с которой вылетает заряд из дула вашего оружия...

— Ах, вот что вас так смущает,— говорю.— Вы просто забыли, что реакция у утки значительно быстрее, чем у меня! Кроме того, все ее чувства обострены характерной атмосферой спортивного соревнования. Так что, возможности у нас самые что ни на есть равные!

И тут меня понесло!

— Корни спортивной охоты,— говорю,— берут начало в глубокой древности. И всегда охотник предоставлял добыче свой шанс. Это главный и неизменный закон всех настоящих охотников Земли! Такой шанс имеет любой заяц, любой лось, как в свое время имел его каждый саблезубый тигр, каждый мамонт!

— Мамонт? Это такое хоботное?— говорит пришелец.— Но ведь они, кажется, вымерли?

— Да,— говорю с грустью,— они очень плохо использовали свой шанс... И вы даже не представляете, какая это потеря для всех охотников планеты! Что может быть чище и возвышеннее охоты на мамонта?! Вы посмотрите, что сейчас творится! Медведи в «Красную книгу» записались, волки из разряда хищников переведены в число «санитаров природы». Эх!— Рассказываю я все это, а сам расчувствовался, чуть не плачу.

Смотрю, и пришельца проняло.

— Я,— говорит,— очень рад, что могу утешить вас в вашей горе. Пускай мне будет объявлено взыскание за нарушение правил поведения на чужой планете, но я сделаю все, чтобы вы приняли участие в охоте на мамонта!

И сделал...

Стою я одетый в плохо выделанную шкуру, в руке у меня вместо верной «тулки» сучковатая дубина, а прямо передо мною — Он. Мамонт. Огромный, размером с автобус, изо рта слоновая кость торчит, а глаза!.. Я такой взгляд только раз в жизни видел — когда меня в трамвае контролер без билета поймал.

В общем, как я на вершине скалы очутился, сам не знаю. А Он не уходит, внизу топчется. Урчит что-то, хрюкает, на хоботе подтянуться пытается. И что ему от меня нужно? Помню, в школе рассказывали, что они травоядными были...

Потом отошел он немного, растительность поедать стал, но в мою сторону то и дело поглядывает. А я си-

жу... Холодно, дождь моросит. Шкура моя набедренная намокла, липкой стала, противной... Недалеко еще одна скала, под ней пещерка узкая, уютная, на нору похожая. Оттуда-то ему меня не достать! Добежать бы, спрятаться... А боязно, вдруг не добежу! Возможности-то у нас с ним равные...

БАЛЛАДА О ВСТРЕЧНОМ ВЕТРЕ

1

Над космодромом имени Ивана Ефремова всегда дует ветер. Воздушные массы перебираются через высокую стену синеющей вдалеке горной гряды и с силой обрушиваются на равнину. Столетия назад ветер вздымал в воздух тучи песка, закручивал черные смерчи, перекатывал с места на место желтые волны барханов... Потом в долину пришли люди. Пустыня отступила на многие сотни километров, и теперь ветер, долетая до космодрома, приносит с собой ароматы садов да терпкий запах горной полыни. Он первым встречает людей, вернувшихся из космического полета, врывается в открывающиеся люки кораблей, и прикосновение ветра кажется истосковавшимся по Земле космонавтам нетерпеливой лаской родной планеты.

До очередного рейса оставалось чуть больше двух недель. Обычный разведывательный полет, стандартная программа... Таких рейсов сотни, в них участвуют многие экипажи, работа, давно ставшая будничной. Поэтому вызов в Центр космических исследований удивил Андрея. Других ощущений не было: работа остается работой, даже если ты находишься в отпуске, который, честно говоря, стал уже поднадоедать.

Бесшумный лифт вознес Андрея на девятый этаж. Слабо фосфоресцирующий номер на двери подтверждал — все правильно, тебе нужно именно сюда. Войдя в комнату, Андрей коротко представился — отрапортовал о прибытии.

— Садитесь, Андрей Васильевич, — хозяин комнаты, незнакомый, сравнительно молодой человек, приветливо повел рукой в сторону кресла и еще раз повторил:

— Садитесь. Очень рад вас видеть.

Сам устроился в кресле напротив и только потом представился:

— Мыслин, Олег Петрович Мыслин.

Эта фамилия ничего не говорила Андрею, и он промолчал, ожидая разъяснений.

— Вас рекомендовало командование Космодесантной службы,— продолжил Мыслин,— а я хочу предложить вам принять участие в одном несколько необычном эксперименте...

Он замолчал, словно подбирая слова, потом снова заговорил:

— Вы знаете, Андрей Васильевич, как много делается на планете для укрепления здоровья человека, продления его жизни и сокращения числа различных несчастных случаев. Но, увы, все предусмотреть, к сожалению, пока не удается, и люди продолжают гибнуть и в космосе, и здесь, на Земле. Смерть любого человека — трагедия, особенно смерть внезапная, а порою и попросту нелепая. И особенно остро переживают эту трагедию родные и близкие погибшего. Сегодня самое трудное для медиков планеты связано именно с устранением последствий шока. Главным врагом врачей в таких случаях выступает, как бы это нелепо ни звучало, память. Да! Да, та самая память, которой заочно гордится и человечество в целом, и каждый конкретный человек. Именно память снова и снова бередит, казалось бы, уже затянувшиеся раны... Впрочем, что об этом говорить, ведь и вам приходилось переживать и наблюдать нечто подобное.

Андрей молча кивнул. «Разведчик—18», в экипаже которого он уходил в свой первый рейс к поясу астероидов, потерпел аварию на Дионе. Там погиб Удо Эдберг. На всю жизнь сохранил Андрей чувство боли и жгучего стыда, которые он испытывал уже здесь, на Земле, встретившись глазами с женой Удо. Казалось, они кричали: «Почему, почему он?! И где были вы, такие сильные и здоровые, в ту страшную минуту?!» Что он мог ответить этой мгновенно постаревшей женщине? То, что Удо спас их всех? Или то, что каждый из них готов сделать все, чтобы поменяться с ним местами, только бы не видеть этого скорбного, безмолвно обвиняющего взгляда, вот только изменить уже ничего нельзя... А мать Эдберга врачи тогда так и не сумели спасти...

С неожиданной неприязнью Андрей взглянул на Мыслина, из-за которого он вновь пережил эти тяжелые

минуты. Тот вздохнул, устало провел рукой по воспаленным глазам, и Андрей вдруг явственно понял, как нелегко дается этот разговор его собеседнику.

— Я слушаю вас, Олег Петрович,— прервал неловкое молчание космодезист.

— Да,— встрепенулся Мыслин,— так вот. Нашим институтом разработан, м-м, прибор, который, как считают некоторые исследователи, способен снизить негативные последствия до минимума.

— То есть?— недоуменно поднял брови Андрей.

— Это сложно объяснить, Андрей Васильевич. Механизм процесса до конца не выяснен. Ну, представьте себе, что перед вами лежит чертеж, сделанный по старинке — карапдашом. Вы берете резинку и проводите ею по начертанным линиям. Совсем стереть их вам не удастся, но ослабить, сделать едва заметными — нетрудно. Примерно так же действует наш прибор, снимающий остроту негативных переживаний.

Андрей ошеломленно посмотрел на собеседника:

— Но ведь это попросту жестоко! Лишать людей самого дорогого, что у них есть — памяти...

Резкая формулировка словно ударила Мыслина. Тем не менее он ответил:

— Не вы один так считаете, Андрей Васильевич. Честно говоря, я и сам не знаю, какое из зол считать в данном случае наименьшим. Страшно забвение, но и безучастно смотреть на мучения людей мы не можем... Кроме того, разве имеющиеся лекарственные вещества, по сути своей, не делают то же самое, что и наш прибор? Только гораздо медленнее и менее эффективно. Да и память об ушедших под воздействием прибора сохраняется у людей полностью. Снижается острота воспоминаний, как будто прошло много лет. Время ведь тоже лечит...

— Так вот о каком эксперименте шла речь... — произнес Андрей.

— Да,— утвердительно кивнул головой Мыслин. — Уже около года мы испытываем прибор. Пока здесь, на планете. Поймите, Андрей Васильевич, по-иному поступить мы не можем. Что представляет из себя наше изобретение — зло или благо — покажет только время. Здоровью экспериментатора это никак не вредит.

Он отогнул рукав куртки и показал Андрею неширокий браслет, очень похожий на браслет средства индивидуальной связи. Только огонек на нем светился не рубиновым, а бирюзовым светом.

— Если со мной что-нибудь случится, огонек погаснет,— просто пояснил Мыслин.— Ну, и тогда... тогда мои товарищи займутся обработкой полученных материалов.

— Но я, знаете ли, как-то не планирую, чтобы со мной «что-нибудь случилось»,— несколько резче, чем следовало бы, ответил Андрей.

— Я тоже,— вымученно улыбнулся Мыслин.— Вы меня не совсем поняли, Андрей Васильевич. Никто из участников эксперимента не лезет очертя голову навстречу опасности и, тем более, не ищет смерти. Перед нами стоит еще одна проблема. Очень важно знать, как влияет знание о наличии прибора и последствиях этого наличия на психику самих экспериментаторов, на их поведение в сложных ситуациях...

Андрей встал и подошел к огромному, во всю стену окну. До самого горизонта уходили серебящиеся ковыльные степи. Далеко-далеко темнела полоска кустарника, за ним проблескивала поверхность реки. Андрей почти физически ощутил тяжесть, которую нес на своих плечах Мыслин и которую предлагалось принять на себя ему. Почему возникла именно его кандидатура, в общем-то было ясно. Семьи у Андрея не было, родители ушли в составе Первой Звездной экспедиции в далекий космос. Их корабль и сейчас разрезал темноту пространства за миллионы километров от Земли.

— Вы можете отказаться, Андрей Васильевич,— раздался за его спиной голос Мыслина,— вы можете отказаться. Мы все пойдем правильно.

— Я принимаю ваше предложение, Олег Петрович,— неожиданно для себя произнес Андрей.— Когда и что нужно делать?

2

Жаркие лучи Солнца пробивались сквозь плотно прикрытые веки, создавая багровую завесу перед глазами. Попавший под бок сучок неприятно покалывал. Андрей на ощупь разыскал его и лениво отбросил в кусты. До отлета еще восемь дней. Делать нечего и спешить некуда. Он никогда не умел отдыхать. Особенно вот так — бездумно. Растительная жизнь. Андрей вздохнул, рывком встал на ноги и решительно направился к реке. Глинистый берег был скользким, и он, осторожно балансируя руками, спустился к урзу воды. Мелкие рыбешки,

крутившиеся вокруг пучка жестких водорослей, испуганно метнулись в сторону.

Андрей давно хотел выбраться в небольшой древний городок-музей с певучим русским именем Звенигород. Можно было сделать это и раньше, да все как-то не случилось. Сегодня, расставаясь с Мыслиным, решил твердо — поеду. Зачем — и сам не знал, да и не пытался разобраться в своих ощущениях. Побродил по территории окруженного деревьями монастыря, осторожно пристроился к экскурсии африканских школьников, внимательно слушавших учителя, а потом пошел, сам не зная куда, по заросшей травой полосе асфальта, до которой почему-то еще не добрались вездесущие ассенизаторы из ведомства по реставрации природы. Дорога то пряталась в прохладе лесных зарослей, уже заславших на растрескавшуюся полосу десант из молодой поросли березок и сосен, то вырывалась на простор одурающе пахнущих лугов. Потом слева, под горой, показалось непонятное сооружение, и Андрей по обожженному солнцем кособокому спустился к Москва-реке. Слегка покачивая широкие листья кувшинок, она неспешно текла к своей вековечной цели. Сооружение, на которое обратил внимание Андрей, оказалось мостом, древним подвесным мостом, перекинувшимся с берега на берег. Висел он тут, похоже, лет двести, но выглядел неплохо — видно, за мостом следили. Выше по кособокому виднелся обомшелый сруб колодца, но ведро, аккуратно поставленное на край сруба, было совсем новым — тонкие деревянные плашки, любовно связанные затейливой вязкой, янтарно светились. Андрей осторожно опустил ведро в колодец, вращая за ручку деревянный ворот, вытащил его обратно. Напился. Немного подумав, умылся ледяной водой. Тонкие ручейки пролитой влаги сбежали по пыльной, быстро впитывающей их тропинке, собрались в маленькую, исчезающую на глазах лужицу. Невесть откуда прилетел толстый бархатный шмель, загудел басовито, кружась над влажной землей. Андрей рассмеялся, быстро пробежал по закачавшемуся под его тяжестью мосту и, свернув направо, пошел вверх по течению реки.

Вскоре среди подступившего к самой воде ельника засветились какие-то строения. По звонким голосам Андрей догадался, что это, скорее всего, школьный городок, и прибавил шаг. Если неугомонные ребята узнают, что перед ними космодезантик, так просто от них не отделаешься. В том, что мальчишки быстро разберутся,

с кем имеют дело, Андрей не сомневался. Но метров через четыреста едва заметная тропинка, по которой шел космодесантник, неожиданно отшатнулась от берега, карабкаясь на увенчанный могучими соснами обрыв. Уходить от реки не хотелось, берег был пустынен... И вот уже третий час Андрей загорал на облюбованном месте, слушал звонкую переключку неугомонных кузнечиков да следил за черным коршуном, деловито описывающим широкие круги в выгоревшей синеве.

Река здесь была неширокой — камень перекипешь — и мелкой. Андрей дошел уже до середины, а вода едва поднялась до колен. Но у левого берега под зарослями кувшинок угадывались омутки. В три гребка Андрей пересек глубокое место и выбрался на заросший травой берег. Отцепил длинный стебель, зацепившийся за браслет с горящим бирюзовым огоньком. Где-то недалеко отсюда в реку впадал прозрачный ручеек — Андрей приметил его, проходя по ставшему теперь противоположным берегу, и тогда еще решил разыскать.

Звонкая струйка воды перепрыгивала по ложу, устланному плоскими ржавыми камнями. Холод обжег ноги — где-то в верховьях ручья били родники. Вода пахла травами и лесной прохладой и Андрей, наклонившись над ручьем, сделал несколько жадных глотков, от которых заломило зубы. Неожиданно на воду упала чья-то тень. Андрей поднял голову и увидел легкую веселую лодку, уткнувшуюся носом в песчаную отмель, намытую ручейком при впадении в реку. Рядом с лодкой стояла девушка,

Позднее Андрей не раз спрашивал себя, как могло случиться, что дни, проведенные им с Цветаной, растянулись до бесконечности, почему он без труда может вспомнить до слова их разговоры, а каждый жест, улыбка намертво отложились в памяти? И почему те же дни сжались в бесконечно малые, промелькнувшие мгновения и сама Земля показалась необычно маленькой? Предки говорили в таких случаях: «Судьба!»

3

Планета, обращавшаяся вокруг ярко-оранжевого светила, оказалась безжизненной и малопривлекательной на вид. Темно-багровые каменные пустыни, раздирающие се-

рое небо острые позвонки скал... Ночами недобро светились жерла вулканов, огненные языки лавы нащупывали проходы среди хаоса циклоскопических глыб. Отличное место для размещения легендарного ада. Правда, от Земли далековато — душам грешников, если они не овладели секретом нуль-перехода, долгонько пришлось бы добираться до узилища. Впрочем, богу — богово, а человеку...

Человеку прежде всего необходимо выполнять то, что от него ждут другие — очень далекие и стоящие рядом на чуть подрагивающей от подземного гула каменной плите.

Андрей еще раз осмотрелся вокруг и шагнул вниз по склону. Двое молча последовали за десантником. Шестой разведывод. Пять предыдущих принесли удовлетворение разве что геологу Карпову. На этой планете для него рай. Недаром электронный мозг занят, в основном, обработкой геологических трофеев. Десантникам, впрочем, пока тоже грех жаловаться. Происшествий нет, имеются в виду неприятные происшествия. А это для десантников главное. А вот Варга недоволен. Скучно здесь биологу. Нет жизни. Ни в каком проявлении. Правда, многочисленные гейзеры выбрасывают вместе с какой-то сложной неорганической дрянью небольшое количество водяных паров. Но до той поры, пока в них заведется какая-никакая живность, нужно ждать и ждать долго — несколько миллионов лет. Варгу такая перспектива не устраивает. Но и без биолога выходить нельзя — космос уже подбрасывал загадки. В том числе — и на таких неблагоустроенных планетах...

Андрей внимательно осмотрел ровную площадку, на которую падала тень от острого камня, торчащего, словно обломанный клык, метрах в десяти от него. Пора отдохнуть, а потом и возвращаться к кораблю. Маршрут мы, конечно, изменим — два раза проходить одним и тем же путем — непозволительная роскошь. Сначала доберемся до тех неприветливых каменных грибов, потом на юг — где-то там, километрах в трех, какое-то непонятное озерцо, наполненное невесть чем — его вчера обнаружилла группа Лемье, — а там — посмотрим..

Десантник еще раз осмотрел облюбованное место, тяжело опустился на жесткий камень.

— Отдых. Сорок минут. Я подежурю; — коротко пояснил он подошедшим спутникам, Карпов и Варга устроились рядом,

— Экая все-таки неласковая планета, — услышал Андрей голос биолога, — даже скафандры усиленной защиты не до конца помогают. Кровь пульсирует в висках. Словно невидимые часы тикают.

Так же звучали их с Цветаной шаги в тот, последний вечер. Андрей отвез ее в Прагу — хотя до начала занятий оставалось около месяца, Цветана решила вернуться в Университет. Они шли темными переходами Старого Города, и шаги гулко отдавались в сплетении улочек. Утром перед расставанием Андрей и защелкнул на ее запястье браслет с ярко мерцающим бирюзовым огоньком. Объяснять ничего не стал — отшутился: «Пока хочешь помнить — носи...»

Он помнил все. В день знакомства они поднялись далеко вверх по течению Москва-реки. Лодка легко преодолевала слабое сопротивление реки, и Андрей развернул ее, лишь когда они добрались до границ природоохранной зоны и над левым берегом повисла искусственная радуга поливального агрегата. Оттягивая время возвращения, он чуть пошевеливал веслом, предоставив реке возможность самой нести яркую посудинку. Когда успела испортиться погода, ни Андрей, ни Цветана не заметили. Свежий ветер напористо подул навстречу, погнал с низовьев зыбкую волну. Пришлось привалечь на весла. Упругая стена ветра упорно сопротивлялась, лодка еле двигалась. Андрей с тревогой поглядывал на темную тучу, закрывавшую уже полнеба, и ругал себя за то, что не удосужился уточнить прогноз погоды. А Цветана смеялась. Ветер отбрасывал на спину светлые пряди ее волос, относил в сторону слова, но Андрей угадывал их по движению губ:

— Как хорошо! Люблю ветер! И чтобы не в спину, не попутный, а вот такой, как сейчас — в лицо. Он настоящий, честный, уносит все ненужное, злое! Да здравствует встречный ветер! Ты понимаешь меня, Андрей?!

Андрей скрипнул зубами. Неужели воспоминания об этом мгновении, да и о самой Цветане могут быть легко и просто стерты из его памяти? Стереть одно, другое, что же тогда у него останется?! Проклятый прибор! Но вдруг перед глазами снова встали скорбные глаза Ольги Эдберг — жены, нет — вдовы погибшего на Дионе Удо. Если пережить такое доведется и Цветане?! Это еще страшнее, пусть уж лучше забудет...

Запищал будильник. Прошло сорок минут. Подъем, ребята, впереди еще долгий путь. И хватит лирики.

Смотри в оба, десантник, ведь именно тебе доверена жизнь товарищей.

Оранжевое светило наткнулось на горную гряду и, помедлив мгновение, стало заваливаться за острые вершины. Люди так и не придумали для него имени. Конечно, в Звездном Атласе светило как-то называлось. Но запомнить эту невообразимую мешанину букв и цифр способны только астрономы, да и то...

Додумать Андрей не успел, потому что камни провалились под ногами идущего впереди Карпова. Глухо вскрикнул Варга. Андрей рванулся вперед и каким-то чудом успел дотянуться до геолога. Из воронки пахло жаром, обжигающим даже через термостойкую ткань скафандра. Десантник сумел задержать падение, и изо всех сил подтолкнул оказавшегося почему-то сверху Карпова к краю воронки — откуда тянул руку Варга. Рубчатые подошвы ботинок геолога мелькнули над головой, и через мгновение Карпов лежал рядом с Варгой, и оба пытались дотянуться до неуклонно съезжавшего в какую-то бездну Андрея.

«Худо дело», — успел подумать десантник, и в этот момент опора ушла у него из-под ног...

Андрей открыл глаза. Над ним склонилось знакомое безбровое лицо. Глаза часто-часто помаргивали.

«Флорес, — узнал десантник. — Похоже, что-то со мной стряслось. И достаточно серьезное. Уж очень наш Айболит встревожен...»

— Очнулся? — не скрывая облегчения, заговорил врач. — Ну, брат!.. И перепугал же ты меня...

Андрей вспомнил расширившиеся глаза Карпова, гримасу боли на лице Варги...

— Все в порядке, — словно угадал его мысли Флорес. — Ребята в порядке, корабль в порядке. Одного тебя помяло. Задал ты мне задачку! Семьдесят восемь часов клинической смерти, почти четыре месяца беспмятства в анабиозе! Я уж думал, до самой Земли не очнешься.

Привстав на локтях, Андрей испуганно посмотрел на врача, потом медленно поднес к глазам левое запястье. Бирюзовый огонек браслета не светился.

Над космодромом имени Ивана Ефремова всегда дует ветер. Он первым встречает людей, вернувшихся из космического полета, и прикосновение его сухой ладони кажется истосковавшимся по Земле космонавтам нетерпеливой лаской родной планеты...

Андрей последним спустился по трапу. Разведчиков давно не встречают официальные комиссии. Командир отряда, бригада механиков и, конечно, родные и близкие люди. Его не будет встречать никто. Андрей шел чуть в стороне от оживленных товарищей, сбивая ногами засыхающие шарики соцветий польни. Что ж, Мыслин может быть доволен. Эксперимент удался на славу... И винить в этом некого...

Андрей поднял голову. Неподалеку, напряженно глядя ему в лицо, стояла Цветана. Ее волосы пахли польнью и ветром, а он все прижимался к ним губами, боясь оторваться, и в голове неотступно билась одна и та же мысль: «Как же так? Как?»

...Олег Петрович стоял у окна, постукивая длинными пальцами по прозрачному стеклу.

Андрей закончил свой рассказ-отчет и, помолчав немного, спросил:

— Выходит, подвел ваш прибор? Не удался эксперимент? И, простите, если мои слова прозвучат жестоко, но меня эта неудача только радует.

Мыслин оторвался от окна и повернулся к десантнику. С удивлением Андрей увидел улыбку на его лице.

— Меня тоже радует, Андрей Васильевич. Тем более, что вы не правы. Эксперимент удался. Удался на все сто процентов и даже больше. Вот вы сегодня упомянули встречный ветер. А мне подумалось, что время, река времени — ведь это тоже встречный ветер для человечества. Оно очищает от скверны, уносит все лишнее, наносное, оставляет лишь те качества, что и позволяют называться нам Человеком. Человеком с большой буквы. Прибор прекрасно сработал. Но, оказывается, чтобы что-либо стерлось из памяти, нужно, чтобы сам человек хотел или был готов об этом забыть. Понимаете — сам хотел! Все, что нам дорого, — навсегда останется с нами. И любой ветер здесь бессилен.

СВОЙ СПРОС

1

Олег Александрович возвращался домой с похорон. Олегу Александровичу не впервой приходилось стоять в почетном карауле с траурной красно-черной повязкой на рукаве, но ни одна смерть не потрясала его так, как эта. Поэтому, возвращаясь с кладбища, он не сел вместе со всеми в заказанный автобус, а пошел пешком, так как во время ходьбы ему думалось лучше всего.

Он шел старыми окраинными улочками города. Стоял чудесный предвечерний час в самой середине лета. Тихо шумели тяжелой листвой июльские тополя, и воздух был таким ласковым и душистым, что, казалось, ничего лучшего на свете просто не может быть.

Навстречу ему по старому, в извилистых трещинах тротуару изредка стучали каблучки юных жительниц города. Они с любопытством поглядывали на интересного, в хорошо сшитом черном костюме немолодого мужчину, который, заложив руки за спину, неторопливо и задумчиво брел по улице. Как ни подавлен был Олег Александрович, но он автоматически, по привычке, фиксировал это, и ему было приятно их внимание.

Суровые старухи на лавках и завалинках замолкали при его приближении и долго провожали взглядами необычную для этих улиц представительную фигуру. И только дети, не обращая ни на что внимания, продолжали звенеть вокруг Олега Александровича в своем удивительно прекрасном и не доступном ни для кого, кроме них, мире.

Эта смерть потрясла его не потому, что умерший был ему особенно близок. Как раз нет: они даже не были друзьями, так, хорошие знакомые, приходилось часто встречаться в официальной обстановке, в одних и тех же компаниях — вот и все. И не потому, что он умер рано — ему не было и пятидесяти, и он был на десять лет моложе Олега Александровича. Эта смерть потрясла его потому, что никак не связывалась с по-

койным. От него можно было ожидать всего, но только не этого.

Вероятно, дело было в том, что умерший обладал редкой по силе способностью цинично высмеивать любую серьезную вещь, и невольно ожидалось, что это произойдет даже со смертью, которая при встрече с ним потеряет всю свою серьезность, способность внушать ужас и превратится, как и все остальное, лишь в объект для его пошлых шуток.

А может быть, так казалось потому, что преждевременная смерть чаще всего уносит людей хороших, которым бы еще жить да жить на радость и пользу людям, и старательно падит тех, кто этого явно не заслуживает, она как будто нарочно не хочет быть справедливой. Умерший же всю жизнь свою жил только для самого себя и хорошим человеком не был.

«И все же он заслужил свое,— думал Олег Александрович,— вот он умер на вершине своих успехов, достигнув почти предельно возможного материального благополучия — директор фирменного магазина, собственная машина, двухэтажная дача, финский гарнитур, за обедом — икра и коньяк. И вот он умер, и, кроме жены и детей, ни у кого в глазах нет искреннего сожаления...

Ну, а когда я умру, что же скажут обо мне?» — спросил он себя, пытаясь представить реакцию окружающих на свою смерть и сравнить ее с реакцией на смерть покойного.

«Хороший был человек,— произнесла в его сознании какая-то неясная фигура, видимо, представляющая собой всех его знакомых разом и более всего смахивающая на его ближайшего друга и немного соперника по популярности в городе Володю Левандовского.— Десять лет институтом руководил! При нем в институте дела шли без сучка, без задоринки. Не то, что до него — склоки да скандалы. Умел с людьми работать: где похорошему, а где мог и нажать. При нем с институтом в городе стали считаться. И вообще, порядочный был человек. Не зазнайка. Есть такие, только выбьются в начальники, и уже друзья — не друзья. А он и когда директором института стал, нисколько не изменился... Что говорить,— хороший был человек!..» — подвел итог Олег Александрович.— «Да, многие наверняка по-настоящему пожалеют!... — с чувством глубокого сожаления вздохнул он о себе,

— А ведь уже немного осталось до отправления туда... Куда? Никуда!— приняли безрадостное направление его мысли.— Ему скоро шестьдесят. Пенсионный возраст. И давление — не очень... И сердце побаливает. Вот так же в один прекрасный момент, как у покойного, — острая сердечная недостаточность, и — все!»

«Хорошо хоть не мучиться. Это все-таки не рак...— подумал он и сам над собой усмехнулся:— Вот человек, хоть в чем найдет хорошую сторону!»

Внезапно Олег Александрович ощутил, как что-то вокруг него изменилось, и через мгновение понял, что изменилось не вне, изменилось в нем самом. Он почувствовал себя так, будто, стоя в лифте, начал стремительно падать вниз.

«Неужели это оно?»— успел подумать и потерял сознание.

2

Мир вернулся к нему чернотой — непроглядной, сочной, вибрирующей, как при демонстрации в цветном телевизоре черного цвета. Чернота прыгнула несколько раз словно шторка в затворе фотоаппарата, показав за собой на мгновение что-то пестрое, и наконец совсем исчезла, и перед глазами Олега Александровича встала до неправдоподобности яркая картина. Прямо перед ним за низким, словно бы журнальным, столиком сидели двое молодых мужчин, которых он явно где-то встречал, но только не мог вспомнить — где. А за их спинами до самого горизонта расстилался чудесный утренний мир. По уходящей вдаль желтой равнине были разбросаны группами и поодиночке деревья, освещенные восходящим солнцем, текла куда-то в манящую даль серебристая река, и плыли по ласковому голубому небу летние облака...

Наверное, он сидел за этим низким столиком напротив, но не ощущал ни стула под собой, ни своих рук, ни ног — ничего, словно все органы чувств, кроме зрения, у него были отключены. Картина, открывшаяся перед ним, была настолько сочная, красочная, необычная, что Олег Александрович сразу понял, что это не больница, и не санаторий, куда он мог попасть после случившегося, и вообще не тот мир, где он привык жить. И у него мелькнула шальная мысль: «Уж не на том ли

я свете? Черт возьми, неужели он все-таки есть, и мы так сильно ошибались на этот счет...»

— Здравствуйте, Олег Александрович, — произнес один из сидящих напротив.

«Ну где же я видел это лицо?» — мелькнуло у Олега Александровича.

— Здравствуйте, — сказал он, — не думал, что придется еще раз произнести это слово. Мне даже показалось, что я... умер.

— Вы, действительно, умерли, Олег Александрович. Умерли для того мира, в котором жили.

— Но где же я тогда? Не в потустороннем же царстве, наконец! — воскликнул Олег Александрович.

— Нет. Вы — в будущем. А мы — ваши потомки. Настолько далекие, что вам просто трудно будет себе представить...

— Бог мой! Значит, в конце концов, человечество научилось воскрешать мертвых, воссоздавать людей, которые жили некогда на Земле? Невероятно! Фантастично! В такое будущее просто невозможно поверить! — воскликнул он.

— Но, Олег Александрович, — мягко сказал его собеседник, — ведь вы сами являетесь автором этого будущего.

— Я?! — изумился Олег Александрович.

— Вы. Помните, в своей давнишней, еще студенческой статье, исследуя психологию людей различных исторических эпох, вы сделали вывод о том, что желание бессмертия является желанием человека с момента его возникновения на планете. Вы писали тогда: «Обещание вечной жизни — это не случайная черта всех религиозных систем, а исполнение сильнейшего желания человека видеть мир устроенным именно таким образом.

Не имея сил создать бессмертие на самом деле, человеку не оставалось ничего другого, как создать его хотя бы в своей фантазии. Но если когда-нибудь человечество будет располагать научно-техническим потенциалом, который позволит создать бессмертного человека и воссоздать всех тех людей, которые когда-либо жили на земле, оно это непременно сделает».

Ведь это ваши слова, Олег Александрович?

— Да... Но ведь эта работа никогда не была опубликована...

— Не была. Но мы знаем о ней. А через десять лет после вашей смерти одним из ученых-математиков было

доказано, что в мире нет и не может быть таких объектов и процессов, которые были бы принципиально невозможны. В мире возможно создать все, что угодно, для этого необходимо лишь иметь соответствующий уровень знаний.

Вы первый научно доказали, что достижение бессмертия и воссоздание тех, кому вообще выпало жить на свете, является сильнейшим желанием человечества, а ваш последователь показал, что в мире нет и не может быть причин, препятствующих этому. Как видите, Олег Александрович, на пятьдесят процентов вы — автор проекта этого будущего.

Затем силы и ресурсы объединенного человечества были сконцентрированы на движении в этом направлении, — и вот сейчас вы находитесь в этом будущем.

— Но ведь если моя работа никогда не была опубликована, значит, это открытие сделал кто-то другой? — задал вопрос Олег Александрович.

— Да, для современников его сделал другой. Но для нас это ничего не меняет. Ведь вы были первый.

То, что увидел и услышал Олег Александрович, было настолько необычно и невероятно, настолько выходило из рамок привычного, что, казалось, должно было захлестнуть его. Однако, неизвестно почему, его мозг работал ясно и четко, словно уподобясь электронно-вычислительной машине.

— Олег Александрович, у нас возникло несколько вопросов, по поводу которых нам бы хотелось побеседовать с вами, — сказал один из его собеседников, который был особенно похож на кого-то хорошо знакомого Олегу Александровичу, только он никак не мог понять на кого.

Лишь сейчас, за пестротой сияющей перед ним картины, он смог внимательно разглядеть их лица и сразу отметил глаза. На такие глаза Олег Александрович обратил внимание еще в той, исчезнувшей теперь жизни, хотя встречал их не очень часто. В свое время он долго думал, чем же они обращают на себя внимание, и, наконец, пришел к выводу: их секрет кроется в том, что эти глаза как будто знают о вас что-то такое, чего не знаете вы сами, или так — при взгляде на вас у их обладателей возникает больше мыслей по вашему поводу, чем по поводу себя у вас самих.

Как раз такие глаза были у собеседников Олега Александровича.

— Что ж, я весь к вашим услугам, — ответил он.

— Олег Александрович, — продолжал его собеседник, — надеюсь, вы согласитесь, что не каждый живший когда-либо человек мог быть перенесен в будущее.

— Я не могу не согласиться с вами, — ответил Олег Александрович.

— Ну, а вы, Олег Александрович, — задал вопрос собеседник, — заслуживаете ли вы, с вашей точки зрения, вечного будущего? Нам хотелось бы услышать ваш ответ на этот вопрос.

— Ну, мне трудно ответить вам, просто не знаю, что и сказать... — замылся Олег Александрович.

— Извините нас, Олег Александрович, — сказал второй собеседник, — но если считать, что вы, Олег Александрович, недостойны этого будущего, то это не будет бездоказательным утверждением.

— Я?! Но почему?! — вскричал Олег Александрович. — Наверное, я не был идеалом, то есть, конечно, я не был идеалом, и не все делал так, как следовало бы делать, и все же я не совершал в жизни преступлений, я жил трудом, я трудился всю свою жизнь! Мои современники признавали меня. Я был доктором наук, директором научно-исследовательского института! Разве этого мало? И разве это не так? Не так?

— Да, это так, Олег Александрович. Но этого — мало.

— Но почему же, черт возьми! Объясните, почему?!

— Хорошо, сейчас мы постараемся это сделать. Вы сказали, что были доктором наук. Да, вы, Олег Александрович, были доктором исторических наук. Это так. Но скажите искренне, разве имела для науки, для людей, для ваших современников ваша диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук хоть какую-нибудь ценность? Только постарайтесь ответить честно. Не обижайтесь на нас, Олег Александрович, за то, что мы задаем вам такие вопросы. Мы спрашиваем у вас по праву ваших потомков.

— Да, конечно, моя диссертация была, прямо скажем, далеко не блестящей... — хмуро проговорил Олег Александрович. — Но ведь ее утвердили! Следовательно, ее признали нужной, полезной, и, наконец, оппоненты отзывались о ней положительно, да...

— Будьте честны до конца, Олег Александрович. Вы ведь знаете, почему вы смогли защитить вашу диссертацию и какую ценность на самом деле она представляла,

Вы просто взяли, как тогда говорили, «проходную» тему. И вспомните, как вы ее писали: цитаты, которые не имели никакой ценности, кроме той, что их авторы занимали высокое положение, общеизвестные истины, которые были всем оскомину, но зато обладали тем важным качеством, что уж никак не могли оказаться ошибочными: факты, которые вы подгоняли под заранее известные выводы, а когда они противоречили — просто не замечали их и даже подправляли... Разве это не так, Олег Александрович? Ведь вы это прекрасно знаете и всегда знали.

Олег Александрович долго молчал.

— Да, это так, — сказал он наконец медленно. — Моя собственная научная работа, как мне это ни горько признать, действительно, не имеет никакой ценности... Но я ведь был еще и руководителем научно-исследовательского института. А организаторская, административная работа — это тоже работа, и не из легких. А я возглавлял институт Истории в течение десяти лет!

— Да, работа руководителя — это тоже работа на благо общества, для его будущего. Действительно, под вашим руководством институт работал, как дружная футбольная команда — вы умели ладить с людьми. Но только вспомните, какова была главная цель этой работы? Благо людей, общества, поиск истины? Нет. Ваша главная цель состояла в том, чтобы деятельность вашего института отвечала господствовавшим взглядам и модным темам. В течение десяти лет основной продукцией вашего института были не идеи, не знания, не истина — а испорченная мелованная бумага, не нужная, кроме вас и ваших коллег, по сути дела, никому.

— Но этого требовало руководство! Лично я не был согласен с таким положением вещей. Я не был их сторонником. Я всегда был их противником. Я даже протестовал! Вы ведь знаете это? Знаете? Ведь так? — взволнованно заговорил Олег Александрович.

— Да, вы не были согласны с таким положением вещей. Вы остроумно высмеивали царящие в науке порядки. Вы произносили речи, полные прямо-таки гражданского пафоса! Это так. Но только где они звучали? В кабинетах у руководства? На высоких совещаниях, где решались судьбы науки? В ваших статьях? Нет. Они звучали только среди близких друзей, за уютным ресторанным столиком, где проявлять свои критические взгляды и гражданское мужество было так легко и безопасно. Там вы были и смелым и принципиальным. Но куда что девалось, когда эти

прекрасные качества нужно было применить на практике? Помните случай с аспирантом Львовым? Его работа покорила вас, настолько она была слабой и безграмотной. Но научным руководителем у него числился куратор вашего института. Да, сначала вы, было, заупрямились. Но раздался звонок сверху, и вы покорно написали достаточно благожелательный отзыв на его работу, который позволил ему благополучно защититься.

Вы же историк, Олег Александрович, и знаете, что прогресс общества рождается совокупным трудом всех его членов. И если те, кто производят материальные блага, отдают их тем, кто занят производством духовных ценностей и чей труд очень нелегко проверить и учесть, то только потому, что они нуждаются в книгах, картинах, музыкальных произведениях, знании своего прошлого и будущего. Ну, а за что они кормили и одевали вас, Олег Александрович? Вас и ваш институт? За что? За что они дали вам собственную машину и дачу? За общеизвестные истины? За искажение прошлого? Или за демонстрацию умения ловко складывать слова в предложения? За что?

Да, руководство требовало. А за это с него тоже будет свой спрос. С него свой, а с вас — свой. Кто вам мешал сказать «нет», когда вам навязывали тематику, с которой вы были не согласны и которую считали ненужной? Кто?

Да, у вас могли быть неприятности. Да, вас могли понизить и даже снять с работы, с вами могли поступить, как с тем-то и тем-то. Это так. Но с вами не произошло бы самого худшего — вы не стали бы тем паразитом на теле человечества, который, словно бесполезная ракушка, выросшая на корпусе корабля, тормозил движение человечества в будущее, даром забирая часть его сил.

В обществе все взаимосвязано — возможно, если бы те средства, которые бесполезно поглощали вы и ваш институт, были направлены на борьбу с раком, он был бы побежден на годы раньше, и тысячи людей не знали бы страшных мучений, где-то в мире не было бы лишней войны и не потерпела бы поражения социальная революция. Мы не можем этого сказать. Но точно, что из-за вас, Олег Александрович, будущее стоило человечеству больших жертв, чем могло бы стоить. Вот это мы можем сказать с уверенностью. Разве это не преступление? Что же вы молчите, Олег Александрович?

— Это вам легко рассуждать! Но в наше время так жил не я один! Все так жили! — не выдержав, закричал

Олег Александрович. — Во всяком случае — многие! Разве это не так? Не так?

— Да, так жили не только вы один. Это правда. Но скажите, Олег Александрович, разве преступления, совершенные одними, служили когда-нибудь оправданием другим? За содеянное в своей жизни каждый отвечает сам.

— Мне нечего сказать вам. Все это правда, — горько проговорил Олег Александрович. — Но ответьте мне, зачем вы решили побеседовать со мной? Почему вы просто не оставили меня там, где я был?

— Но ведь была еще та статья, Олег Александрович. Ее мог написать только смелый и честный человек...

Олег Александрович попытался прикрыть веки, но не смог. Прямо ему в глаза било яркое, красочное и сияющее будущее.

— Так что же вы мне скажете в итоге, — спросил он, — что же меня ждет? Жизнь? Смерть?

— Вот это нам сейчас и предстоит решить, — ответил человек с поразительно знакомым лицом и умными, добрыми глазами.

ТЕ, КТО НЕ УМЕЮТ СЧИТАТЬ

— Что же делать? Что же, черт возьми, теперь делать? — билось у меня в голове, пока маленький краснобелый трамвай не спеша вез меня по тихим утренним улицам нашего города. Я стоял на задней площадке и всматривался в проплывавшие мимо дома, скверы и памятники. Неужели ЭТО уже началось?

Свернув на тихую боковую улочку, трамвай мягко остановился у стоящего в фиолетовой тени раскидистых тополей белого здания в стиле позднего барокко с черной стеклянной вывеской у входа: ИНСТИТУТ СВЯЗИ С ВНЕЗЕМНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ, — места моей работы.

Я постоял несколько минут на трамвайной остановке и внимательно осмотрелся вокруг.

Нет, все было как всегда...

Ночью прошел дождь. Блестел влажный асфальт, и в воздухе стоял такой аромат, будто по улице только что пробежала и скрылась за углом нарядная стайка самых красивых в мире девушек. На черной и влажной от дождя пешеходной дорожке между тополями стояли лужи, в ко-

торых весело размножался старый добрый дачный фитопланктон. Шла жизнь.

Гордо восседающая за синим боковым стеклом девушка перевела регулятор, трамвай медленно тронулся с места, и из-под его дуги вырвался сноп ярких праздничных искр...

Я повернулся и направился к высоким входным дверям. Закрыв за собой искусное сооружение из старого отполированного временем гнутого дерева и вставленных в него ограненных кусков толстого стекла, тихо и мелодично звеневших, когда дверь приходила в движение, я очутился в сумрачном, после яркого дневного света, вестибюле моего института.

Да, все было, как всегда...

Широкая парадная лестница, устланная бесконечным красным ковром, прижатым к ступеням длинными никелированными стержнями, направо — стеклянные двери буфета, за которыми в уютном зеленом полумраке, среди стен, отделанных под пещеру, поглощал бутерброды с селедкой Гера Барчиковский, налево от входа — скучала Мария Ивановна за аптечным прилавком, под крышкой которого белели унылые таблетки, а сверху лежал яркий оранжево-белый тюбик с кремом для бритья и большая коробка с сушеной черемухой. Нет, ничего не изменилось. Решительно ничего!..

И тут в голове у меня мелькнула смутная мысль...

Я бы поймал эту мысль, если бы не шедшая навстречу и улыбающаяся мне... королева Геля, Геля Полякова, секретарша институтской приемной.

— Здравствуйте, Станислав Александрович! Почему не заходите к нам? Мы даже соскучились... — обратилась она ко мне, чего не делала ни разу за все десять лет моей работы в институте. Я обращался. И не раз. Она — нет, а об этом я не то, чтобы мечтал, но все же...

Она сказала: «Мы соскучились», но это, безусловно, означало: «Я... Я соскучилась!»

— Да, знаешь, Геля, дела... все как-то... Но сегодня я как раз собирался зайти к вам и узнать, как вы живете... Честное слово, еще утром я сказал себе: «Сегодня надо обязательно зайти и узнать, как там Геля поживает!..»

Когда я кончил свою вдохновенную речь, Геля рассмеялась: она поняла, конечно, что все это я придумал сию минуту, но все равно ей было приятно, что я говорил...

— Так мы вас ждем... Приходите! — сказала она и медленно пошла по коридору. Я смотрел ей вслед. От

меня, стуча каблучками, уходила, оставив едва ощутимый таинственный аромат духов, тридцатипятилетняя и древняя земная цивилизация, одетая в темно-синее в мелкий белый горошек платье и светлые весенние чулки.

Может быть, я ждал этих слов десять лет, но, стоя в институтском вестибюле и смотря вслед уходящей Геле, я поймал себя на мысли, что радуюсь, но как-то не очень. Потому что то, что произошло, было НЕ ТАК. Потому что я не понимал, отчего после десяти лет безразличия Геля вдруг стала скучать обо мне...

Что-то сегодня все-таки случилось!..

Геля...

Но прежде было что-то еще...

Что-то было!..

Я поднялся по широкой лестнице наверх, миновал холл с креслами, журнальным столиком и двумя пальмами и протянул руку к темной полированной двери с металлической табличкой № 001.

За длинным столом сидели руководитель института академик Мельников и мой коллега — начальник отдела пан Пепел. Сидели и молчали.

— Есть что-нибудь? — выдохнул я.

Мельников, не отвечая, поднялся из-за стола и подошел к раскрытому в институтский сад окну кабинета, в которое заглядывала тяжелая темно-фиолетовая сирень.

— Ничего, Стас, ничего, — безнадежно проговорил пан Пепел. — Мы не можем расшифровать их передачу.

И я понял, что с того самого момента, когда вчера, вернее, сегодня в четыре утра, ощутив, что все равно уже ничего не соображаю, отправился домой, и до того, как открыл темную полированную дверь с табличкой № 001, я в глубине души ожидал, что, войдя к Мельникову, услышу: все в порядке.

— Но не это самое страшное, Стас, — сказал Мельников. — Самое страшное в том, что математический анализ показывает, что этого и НЕЛЬЗЯ сделать... Их передачу расшифровать невозможно.

— Как, невозможно? Что значит, нельзя? Почему нельзя? — ошеломленно проговорил я.

— Вот так, нельзя в ПРИНЦИПЕ!

— Что значит — в принципе? В принципе невозможно расшифровать сообщение, которое не содержит информации... Что же, вы хотите сказать... — начал было я и за-

молчал, так невероятно и страшно было то, что должно было следовать дальше.

— Да, сегодня ночью Барчиковский с помощью ЭВМ строго доказал теорему, согласно которой полученная нами совокупность сигналов не может содержать в себе НИКАКОЙ информации, — сказал Мельников и протянул мне два редко исписанных черными значками листка бумаги. — Никакой. В принципе. Не может.

— Ошибка?

— Ошибки здесь нет.

Я смотрел на лежащие передо мной листки, и мою душу наполняло очень нехорошее чувство.

— А фронт преобразования материи? — наконец спросил я.

— Фронт по-прежнему наступает...

— А у нас что-нибудь замстно? Как стабильность материи у нас?

— У нас вроде бы все нормально. Проверяем все время, но пока ни малейших отклонений не обнаружено. Физические характеристики материи в пределах планеты Земля устойчивы.

— Ну, хоть это слава богу, — вздохнул я и неожиданно понял, какая мысль пробивалась в сознание, когда я увидел Гелю Полякову. Перед глазами у меня возникла картина, увиденная четверть часа назад: гордо восседающая за синим боковым стеклом девушка перевела регулятор, трамвай медленно покотился по рельсам, и из-под трамвайной дуги вырвался сноп ярких праздничных искр. И вот в них-то было все дело! Искры были какими-то странными, необычными... Ну да, они были... РОЗОВЫМИ! Они были ярко-розовыми!

— Пан Пепел, какого цвета искры бывают у трамвайной дуги? — спросил я.

— Искры? При чем здесь искры? — недоуменно поднял на меня глаза пан Пепел и насторожился. — Ну, вероятно, это зависит от нескольких факторов: наличия атмосферного электричества, свойств проводника. Но, вообще, мне кажется, искры у трамвая бывают голубые, ну, может быть, синие... какие же еще? — совсем неуверенно проговорил он. — Как вы считаете, Геннадий Иванович?

— Да, что вы, уважаемый пан Пепел, — тоже как-то робко возразил Мельников, — уж скорее зеленые... ну, салатные там.

Мы переглянулись, и Мельников потянулся к селектору.

Через семь минут в кабинет вошла Геля и положила перед ним белый листок с напечатанными на нем несколькими строчками.

— Так, с учетом свойств проводников, используемых в городской трамвайной сети, и состояния атмосферы на 9.30 цвет искр должен быть... желтым, желтым!— почему-то удивленно обвел нас взглядом Мельников.— Вы слышите, Станислав Александрович? А собственно, в чем дело?..

Наш разговор, наверное, мог бы показаться глупым и смешным, если бы он происходил в другое время. Но сейчас он приобретал страшноватый оттенок. Потому что где-то на окраине Вселенной рвалась на куски материя, и гасли звезды. Фронт преобразования материи, который вели объединенными силами человеческая и лаутянская цивилизации, натолкнулся на встречный фронт преобразования какой-то другой, не менее, а может быть, и более развитой цивилизации.

Она вела, подобно нам, интегрирование времени и пространства и производила еще какие-то непонятные для нас преобразования. И было не исключено, что эти преобразования могли воздействовать и на ту космическую материю, которая именовалась «планетой Земля».

И, может быть, в эту самую минуту незамеченными вами происходили изменения окружающего нас мира: сходили со своих орбит электроны, и меняли свой цвет кварки, розовели трамвайные искры, и неожиданно для самой себя начинала скучать о прежде совершенно безразличном ей человеке Гелсна Полякова. И мы не знали, чем же в конце концов все это может кончиться...

Когда произошло столкновение с чужим фронтом преобразования материи, пусть даже не совсем понятным для нас, особых беспокойств не возникло. Мы уже имели опыт установления контактов с лаутянской и гер-гертармойской цивилизациями, с которыми столкнулись подобным же образом. В их сторону был послан мощный сверхсветовой сигнал, содержащий математически закодированную информацию о нашей цивилизации.

Мы не боялись, что нас не поймут: мир един, его основные законы одинаковы для всех. Математические закономерности едины для всей Вселенной.

Практика подтвердила наши расчеты. С лаутянской и гер-гертармойской цивилизациями был установлен контакт.

Так же мы поступили и когда столкнулись на окраине Вселенной с наступающим фронтом неизвестной культуры. Почти одновременно мы, как и ожидалось, получили встречный мощный сигнал от неизвестной цивилизации.

И вот, оказалось, что он не несет и в принципе не может нести в себе никакой информации.

Ошибки не было.

Мы не верили в существование агрессивных высоко-развитых цивилизаций: это противоречило всем нашим представлениям.

Но чужой фронт преобразования продолжал двигаться. Мы были уверены, что они приостановят его, как только, получив наш сигнал, поймут, что натолкнулись на существование в этом секторе Вселенной разумной жизни. А вместо этого к нам пришел сигнал, не содержащий никакой информации. Пустой звук. Телеграмма, содержащая бессмысленный набор слов и предназначенная, может быть, для того, чтобы, усыпив нашу бдительность, продолжать в своих враждебных для нас целях перестройку материи, пока мы будем напрасно ломать голову над ее дешифровкой.

«Неужели все обстоит именно так?» — спрашивал я себя. Я искал другого ответа и не находил.

— Слушайте, а может быть, мы все-таки не можем найти ключ к дешифровке? — с какой-то новой интонацией в голосе произнес пан Пепел.

— Вы же сами видели: доказательство строгое. С математической точки зрения этот сигнал не может содержать никакой информации, — тихо произнес Мельников. — Ну, проверьте еще раз, если хотите...

— Я не о том, — с необычной для себя живостью прервал его пан Пепел. — Мне в голову пришла вот такая идея. Наша математика исходит из того простого факта, что мир состоит из отдельных предметов, которые можно подсчитать, а если, допустим, в их мире этого нельзя сделать, а?

— Как нельзя? — воскликнул я. — Ведь фундаментальные свойства мира должны быть везде одинаковыми!

— Это так. Но на Земле, скажем, организмам для выживания необходимо было твердо усвоить то, что мир **СОСТОИТ ИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ**, которых надо было сначала бояться, догонять и есть, а затем, считать, складывать, умножать, делить, логарифмировать и так далее, если разумные существа хотели успешно жить.

А теперь представьте, что где-то в космосе сложи-

лись такие условия, при которых организмам, чтобы выжить, необходимо было усвоить другую, тоже, кстати, реально существующую истину: все предметы мира плавно переходят друг в друга, границы между ними относительны, условны (где та граница, где кончается солнечная корона?), они слиты в одно целое. А то, что они отграничены, отделены друг от друга для выживания этих организмов,— оказалось не важно.

В этом случае их математика, в отличие от нашей, будет исходить из того, что предметы **НЕЛЬЗЯ ПОСЧИТАТЬ**. Они даже не смогут понять, что это такое.

Они не будут уметь считать,— усмехнулся пан Пепел,— потому, что им этого и не нужно.

У них и у нас будут принципиально различные математики, так как они будут построены на совершенно разных, хотя и в равной степени справедливых представлениях о мире.

Так вот, что я хочу сказать,— повысил голос пан Пепел.— С точки зрения **НАШЕЙ** математики их сигналы могут казаться нам не имеющими никакого смысла, как, впрочем, и наши сигналы с точки зрения их математики.

«Так что же в таком случае делать?— задал каждый из нас себе вопрос.— Как показать тем, с кем мы столкнулись, что мы не питаем к ним никаких враждебных намерений, мысль о которых могла им прийти в голову так же, как пришла она к нам. Мы решили, что их сигнал не содержит и в принципе не может содержать никакой информации. А ведь они оказались точно в таком же положении. Хорошо, если кому-нибудь из них придет в голову (или во что-то другое?) такая же счастливая мысль, как к пану Пепелу. А если нет?..»

Мы молчали. Шли мгновения жизни земной цивилизации. Мгновения, которые могли стать последними лишь из-за неумения собеседников, владеющих космическими силами беспредельной мощи и разрушительной силы, понять друг друга.

«Что делать?»

И вдруг у меня в голове мелькнула тень какой-то идеи, и, еще не успев осознать ее до конца, я выпалил:

— А что, если нам начать передавать для них... музыку?

— Какую музыку?— тревожно вглядываясь в меня своими сочувствующими голубыми глазами, спросил пан Пепел

— Ну, настоящую музыку... Баха, например.

— А что это даст?— осторожно, словно продвигаясь с шестом по болотной топи, сказал пан Пепел.

— С их точки зрения наша музыка будет тем же бессмысленным набором звуков, как и остальная наша информация. Белый шум и все,— пожал плечами Мельников.

— Но все же кое-какая разница есть,— так же осторожно сказал пан Пепел.— Ведь музыка — это не рациональная система знаний о мире, построенная на какой-то исходной аксиоме, например, на той, что предметы в мире автономны друг от друга, а какое-то другое знание — интуитивное, подсознательное, чувственное, внелогическое, не связанное с какими-то исходными посылками.

— Мы и сами-то толком не знаем, какую информацию о мире несет музыка или поэзия, а хотим, чтобы эту информацию обнаружил в них кто-то другой!— возразил Мельников.

— А может быть, как раз эта-то информация и является понятной для всех живых и чувствующих существ Вселенной?— мягко поблескивая глазами, проговорил пан Пепел.— А?

Академик Мельников посмотрел сначала на меня, потом на пана Пепела. Затем подошел к селектору и нажал клавишу.

— Начинайте передавать им Баха!— негромко сказал он.— Что передавать? Передавайте все подряд! Возьмите в фонотеке полное собрание записей и транслируйте с самого начала! Ясно?— И, повернувшись к нам, добавил:— Может быть, Стас и прав. Что ж, давайте ждать. Больше нам ничего не остается.

В раскрытое окно из-за густых сиреневых кустов проникал не делимый на отдельные звуки шум большого города. Шли мгновения жизни. Щелкали, словно пролетающие сквозь регистрационное устройство элементарные частицы. Мягко и неразделимо катились, как растекающееся по столу масло. Двигались, словно сцепленные воедино великие звуки бессмертного Баха, в которых жили лучи, бьющие в разноцветные окна торжественных готических соборов, и белые паруса уходящих в таинственную океанскую дымку каравелл, костры из книг и высокие залы библиотек, заросшие травой, спящие под горячим июльским солнцем полустанки и мартемовские огни первых пятилеток, высокое счастье любви и черное горе предательства, вера и надежда, трудные пути рождения древней и юной Земной цивилизации.

Разбросанные по чудовищным холодным Вселенским просторам галактики слушали Баха.

Мы не слышали, когда вошла Геля.

— Геннадий Иванович, — сказала она, — сейчас из Института Материи звонил Скворцов, он с вами соединиться не мог, звонил в приемную и просил срочно передать вам, что инопланетяне прекратили преобразование материи.

Видимо, на наших лицах было что-то странное, потому что Геля удивленно вздернула брови и отдельно повторила:

— Скворцов просил передать, что инопланетяне остановили свои преобразования.

— Станислав Александрович, вы не забыли о своем обещании? — вдруг повернулась она в мою сторону.

И мне показалось, что она... волнуется.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ФИЛИППА ГУДЗАРДИ

Это случилось утром в здании Главного управления полиции.

Мы стояли вместе с моим коллегой старшим уголовным инспектором Авой Гарднером в холле второго этажа, с удовольствием затягиваясь сигаретами, и неторопливо беседовали.

Я находился в блаженном состоянии безопасности, которого в последнее время мне почти не приходилось испытывать.

Я ощущал опасность всегда, везде — в патрульной машине и в своей собственной квартире, добираясь со службы домой и входя в вертящиеся двери государственных учреждений. Опасность, направленную не только лично на меня, но и на любого другого человека, которую я, по своему служебному и человеческому долгу, должен был заметить, предотвратить или помочь избежать ее. Это заставляло меня все время находиться в нервном напряжении и беспрестанно, словно радар, прощупывать и прощупывать взглядом, всей поверхностью кожи то, что происходит вокруг. И, как правило, мое ожидание оказывалось не напрасным.

Но здесь, здесь в недрах огромного здания Главного управления полиции, я чувствовал себя в абсолютной

безопасности, словно защищенный всей мощью республиканских полицейских сил.

Наш разговор с Гарднером, естественно, носил профессиональный характер, то есть был посвящен непрекращающемуся росту беловоротничковой, организованной, общеуголовной и черт еще знает какой преступности. Таким путем мы добрались до сенсаций газетной уголовной хроники последних дней — таинственного исчезновения восходящей звезды киноэкрана Филиппа Гудзарди, двадцатидвухлетнего атлета с внешностью юного греческого бога. Филипп исчез из своей виллы, расположенной в привилегированном районе города, не оставив никаких следов, которые хоть как-нибудь могли бы объяснить происшедшее. Все поиски, предпринятые с того времени, не принесли никаких результатов.

— Говорят, ты был знаком с ним? — спросил меня Гарднер.

— Немного. Мы две недели вместе катались на лыжах в Вермонте. И после этого виделись раза два. Неплохой парень. Мне он даже нравился. Но — баловался наркотиками... И, знаешь, по-моему, водил знакомство с мафией. Во всяком случае, в Вермонте к нему навевались какие-то явно темные личности, — уж мне ли не знать эту публику! Я даже говорил ему об этом... Предупредил, что такие связи до добра не доводят. Но он, видимо, меня не послушал... И вот, как видишь... Я уверен, это их рук дело!...

Я стоял у перил парадного входа Главного управления полиции, смотрел, как внизу, в зале первого этажа, не спеша проходят чиновники, и наслаждался безопасностью... И вдруг что-то заставило меня повернуть голову в направлении темного, по сравнению с залитым солнцем холлом, длинного коридора, уходящего куда-то в необозримые недра здания. Там, шагах в двадцати от меня, возвышался... Филипп Гудзарди с какой-то странной застывшей полуулыбкой на красивом лице юного греческого бога со здоровым румянцем игрока в бейсбол.

На нем была белая спортивная майка с какой-то надписью четким ярко-красным шрифтом, какую можно приобрести за гроши в любом магазине, расположенном рядом со студенческими кампусами, а поверх нее наброшена толстая зимняя болоньевая куртка какого-то грязно-болотного цвета с болтающимися концами шнура, продернутого через ее нижний край.

Как в таком виде его мог пропустить полицейский пост на входе? — вот что было самой первой мелькнувшей у меня в голове мыслью. Человека, одетого таким образом, — именно, как самый последний бродяга — представить себе в коридорах Главного управления полиции — ее святая святых — было просто невыносимо!

Но даже еще до того, как у меня мелькнула эта мысль, я кожей, инстинктом, выработанным за годы работы в полиции, ощутил ту самую опасность, которой всегда боялся и ждал, ждал всегда, везде, но только не здесь. И поэтому она прямо-таки парализовала меня...

Филипп со странной улыбкой смотрел на маленького, недостающего ему даже до груди, человека. Я видел его со спины, но я сразу почувствовал в нем своего клиента, и его присутствие здесь было еще более невероятным, чем присутствие Филиппа.

Внезапно Филипп, который никогда не мог ударить человека, подпрыгнув, нанес коротышке страшный удар ногой в лицо... Человек отлетел к стене, в мгновение все его лицо залила кровь.

На удивление, несмотря на такой удар, он почти сразу вскочил на ноги. Уж я-то знал, что такой удар из себя представляет! В один из первых дней моей работы в полиции я испытал его на себе. После чего я потерял сознание и пришел в себя с поломанной верхней челюстью, полным ртом соленой крови и осколками зубов и кости, воткнувшимися в нёбо...

В это время в руке у маленького человека блеснуло лезвие ножа, такое маленькое — два дюйма, не больше — и широкое, словно блесна для подледного лова.

Наверное, я мог бы броситься на человечка — ведь он стоял ко мне спиной — и выбить нож, но я этого не сделал. Не сделал потому, что был явно не способен к какому-нибудь решительному физическому действию, — мое тело словно бы лишилось костей и стало ватным, и вообще, я не считал нужным рисковать жизнью из-за драки двух каких-то явно преступных личностей, не исключая и Филиппа, дерущегося в Главном управлении полиции, как бандит. В конце концов, здесь были люди, которые по долгу службы должны были вмешаться в развитие ситуации. Я бросился вниз по лестнице и крикнул двум полицейским, стоявшим у дверей за никелированным заграждением: «Там драка с ножом!».

Полицейские оказались мне такими маленькими, наверное, предельно низкого возможного для полицей-

ских роста, и такими слабыми, что мне подумалось: Филипп убьет их, как котят, одним ударом.

Но, подняв головы на мой крик, они сразу преобразились, и не успел я перевести дыхание, как они, превратившись в комки мускулов, ринулись с места и невероятно быстро — пулями — промчались мимо меня по лестнице вверх. Нет, я ошибся, ребята были, что надо, и знали свое дело. Не успел я повернуться, чтобы двинуться вслед за ними, как сверху на лестницу вкатился копошащийся клубок: полицейские, маленький человек, Ава Гарднер, еще кто-то, двое или трое наших и посреди них высящаяся, как башня, атлетическая фигура Филиппа. Он размахивал разбитым с одного конца длинным плоским плафоном с трубкой люминесцентной лампы внутри, видимо, отодранным откуда-то прямо с проводами, которые тянулись вслед за ним по ступенькам из коридора второго этажа.

Едва я успел отскочить в сторону, как весь этот дикий клубок промчался мимо меня по парадной лестнице вниз, прокатился по вестибюлю и, ударившись о входную стеклянную дверь, — вылетел на улицу...

Когда я выбежал вслед за ними, передо мной предстала ужасная сцена: один из полицейских сидел на тротуаре, держась за голову рукой, сквозь пальцы которой сочилась и капала на асфальт кровь, сворачиваясь в пыли в глянцевитые стеклянные бусинки. Второй полисмен, согнувшись в поясе и держась рукой за бок, медленно двигался по окружности, словно его вели на невидимой веревочке. Ава Гарднер склонился над неподвижно лежащим на тротуаре Коротышкой. Рядом с ними застыли, будто в столбняке несколько человек. В нескольких шагах лежала разбитая люминесцентная лампа с оборванными проводами.

Филиппа Гудзарди нигде не было...

Оттолкнув меня в сторону, из дверей управления один за другим выбегали полицейские...

И тут мой взгляд случайно упал на оказавшуюся прямо у моих ног разбитую лампу дневного света.

«А, собственно говоря, — пришло мне в голову, — откуда он мог ее оторвать? Ведь лампы дневного света в здании управления расположены на ПОТОЛКЕ! На потолке, который находится, по крайней мере, на четырехметровой высоте! Как же он мог ее оторвать, черт возьми?! — спросил я сам себя. — Не мог же он бегать по потолку!..»

И тогда у меня в голове впервые мелькнула мысль о том, что Филипп Гудзарди может быть...

— Одну минуту, Джек, — услышал я за своей спиной. От стоявшей неподалеку скромной черной «божьей коровки», на которой впору было бы ездить святому пастору, энергичным шагом прямо ко мне шел немолодой мужчина с красивым грубым лицом «настоящего парня» и благородными нитями серебряных волос в прическе — Морис Дьяковски, хорошо знакомый мне адвокат мафии из семьи Джоли Ланского, и, как я догадывался, может быть, даже Советник семьи — ее душа и отдел кадров.

— Джек, мне хотелось бы поговорить с тобой. Мы ведь знакомы друг с другом не первый год, хотя и работаем на разных боссов... Кажется, пришла пора хотя бы на время объединить наши усилия... Думаю, то, что я скажу, тебя заинтересует.

Вообще говоря, бывали случаи, хотя и редко, когда одна семья мафии стремилась свести счеты с другой руками полиции, несмотря на огромную непопулярность такого шага в мире организованной преступности и попытки жесточайшим образом искоренить подобную практику со стороны ее руководителей. Акуля стая есть акуля стая.

Поэтому у меня не было причин удивляться.

Сев в крохотный автомобильчик адвоката, мы медленно двинулись по периметру огромного здания Главного управления полиции. И Морис Дьяковски начал серьезно и быстро говорить...

И как ни странно и невероятно было то, что он говорил, я ему верил.

...Во все стороны от нас, насколько хватало глаз, тянулось бесконечно длинное нештукатуренное двухэтажное здание с выщербленным между кирпичами раствором и пустыми провалами окон. Оно было своеобразной китайской стеной, за которой начинался обширный жутковатый, покинутый всеми район бывшего гетто, отступившего дальше к окраинам города. Видимо, эти разрушающиеся кварталы стали непригодными для жизни даже его небалованных обитателей. Спускались серые тоскливые сумерки.

— Идем, Джек! — позвал Дьяковски.

Мы вошли в здание, пересекли внутреннее, заваленное разбитым кирпичом и кусками штукатурки помещение и, выйдя с другой стороны, оказались внутри мертвого города. Поднявшись по наружной каменной лестнице на аптресоль второго этажа, идущую вдоль всей бесконечной кир-

пичной стены, стараясь делать как можно меньше шума, мы двинулись по ней. Минут через пятнадцать-двадцать ходьбы стена сделала поворот, и мы теперь уже почти в полной темноте снова шли и шли вдоль стены, которая, казалось, нигде не кончится...

— Стоп! Осторожно! — взял меня под руку Дьяковски.

Мы стояли у края разбитого пролета антресоли. От другого края нас отделяло расстояние метров в пять. Края двух пролетов соединял лишь узенький карниз, в один кирпич шириной, идущий вдоль стены. Вцепившись пальцами в выщербленную стену, прижимаясь к ней всем телом и осторожно передвигая ноги, мы перебрались через зияющую черноту. Я взглянул вниз: там, метрах в пяти-восьми, высились белеющие в темноте кучи мусора, из которых торчали черные стержни арматуры. С антресоли мы вошли в черный провал двери одной из комнат.

В полу комнаты, усеянном, как и все вокруг, осколками кирпича, виделось отверстие размером чуть меньше канализационного колодца.

— Туда, Джек! Здесь невысоко! — подтолкнул меня адвокат-гангстер.

Я свесился на руках в железной трубе с гладкими стенками, чувствуя под ногами пустоту.

— Прыгай, Джек! Не бойся! — услышал я сверху голос своего спутника.

Я разжал руки — и почти сразу мои ноги уткнулись в твердую опору. Сверху ударил луч фонарика. И через мгновение рядом со мной оказался Дьяковски.

Пошарив лучом света в темноте, он выхватил из мрака шагах в десяти кирпичную стену с белой эмалированной, как у холодильника, дверцей. Мы подошли к ней, Морис нажал блестящую ручку, дверь мягко открылась, и мы оказались в большом помещении, слабо освещенном каким-то мерцающим зеленоватым светом, исходящим из расположенного у противоположной стены бассейна, или, скорее, большой ванны, заполненной тяжелой на вид, зеленоватой с фиолетовым отливом жидкостью. У стены рядом с бассейном стояли два металлических стеллажа. Один из них был разбит на маленькие ячейки. Я подошел ближе: в каждой из них стояли маленькие стеклянные пластинки с ребристой структурой, размером с небольшую перфокарту. На первый взгляд, их было сотня, может быть, две.

— Так вот, Джек, — проговорил Дьяковски, подойдя к бассейну, — они могут перестраивать человеческий орга-

низм и, главное, как-то изменять мозг, полностью подчиняя его себе. Фактически, они делают роботов. Видимо, создавать живую материю они не научились, должно быть, это может только господь бог. Поэтому, для производства роботов они используют то, что господь уже заставил жить — живых людей. Люди для них — это необходимый полуфабрикат для производства роботов.

Филиппа Гудзарди нет. Тот, кто искалечил сегодня двух полицейских и, кстати говоря, изрешетил днем раньше двух наших лейтенантов и ограбил неделю назад кредитный банк, уложив при этом пятерых охранников, это не Филипп, это — созданный из его тела робот-гангстер! Вообще-то штука стоящая! — вздохнул Дьяковски...

— Ну, а где же он? Где же эта армия роботов? — спросил я.

— Здесь! — сказал Дьяковски, указывая рукой на бассейн с тяжелой, светящейся неприятным зеленовато-фиолетовым светом водой.

— Они могут как-то распускать живые ткани и органы в жидкое состояние и хранить их в виде вот этого биологического бульона.

Инструкция же о том, как снова собрать их в один целый живой организм, записана вот на такой пластинке в закодированном виде. Каждая такая пластинка — запись команд, необходимых, чтобы собрать из плавающих в бассейне жидких органов того или иного человекообразного робота.

— Вот смотри, — Морис вынул из ячеек на стеллаже несколько пластинок, — на этой написано «Адам Ферради», а здесь — «Хуари Маккензи», и так далее. Пропуская сквозь этот бульон записанные на пластинках импульсы, можно заставить эти жидкие органы принять нормальный вид и снова соединиться в человеческий организм.

Когда необходимо — из элементов, находящихся в этом бассейне, собираются биологические роботы и отправляются выполнять отданный им приказ. А выполнив его, снова сливаются в бассейн и перестают существовать, исчезают для всех: и для нас, и для полиции. В этой десятиметровой ванне в жидком виде может поместиться не одна сотня кнопок *.

Этот бассейн, по сути дела, — универсальный банк биологических роботов, которых, по мере необходимости,

* Так в американской мафии именуют рядовых членов, исполнителей, иначе — солдат.

можно получать из него, а используя, на хранение сдавать обратно. Ведь в таком состоянии им не нужно ни есть, ни пить.

— Хорошо, но почему вы не завладели этой армией сами? — спросил я Дьяковски.

— Не знаем способа сборки роботов. Вероятно, есть какое-то особое устройство для извлечения их из жидкого состояния. Но где они его хранят — неизвестно. А на поиски нет времени. Вчера они убили еще двух наших лейтенантов и заместителя босса Сангада Чаролью. Наркотики теперь полностью в их руках... Еще немного — и они уничтожат нас совсем!.. — сказал гангстер и адвокат гангстеров Морис Дьяковски.

— Ясно. Почему не уничтожили все это своими силами, без нашей помощи? — кивнул я в сторону бассейна.

— Не уверены, что он единственный. Может быть, есть второй. У нас уже нет возможностей для поиска. Ищите вы!..

— Хорошо. А где же сами хозяева?

— Пока, Джек, можешь быть спокойным. Ребята проводят отвлекающую операцию. Если что, — дадут знать...

Пока Дьяковски отвечал на мои вопросы, я искал на стеллаже среди ячеек пластинку с именем Филиппа Гудзарди. Имена были накатаны типографским способом на верхней стеклянной поверхности пластинок. Они располагались в ячейках не по алфавиту, а по какому-то другому принципу. Наконец, вынув одну из пластинок вниз, — я увидел на ней четкую типографскую надпись «ФИЛИПП ГУДЗАРДИ».

Я положил ее на облицованный темно-вишневым пластиком край ванны и изо всей силы ударил каблуком ботинка по стеклянной поверхности.

Она слабо хрустнула под ногой. А я продолжал давить подошвами осколки, стирая в порошок робота-убийцу, зверя, созданного учеными-бандитами из легкомысленного, но, в общем, неплохого парня. Филиппа Гудзарди. Теперь уже никто не сможет вызвать его к жизни из этой страшной ванны с растворенными в ней полулюдьми-полумашинами, чтобы убивать, калечить, грабить. Все, теперь на этом свете от него остался лишь набор плавающих в ванне биологических жидкостей, которым уже никогда не соединиться в одном целом роботе-убийце!

И тут вдруг я вспомнил ту надпись, которая была на груди у Филиппа, когда я увидел его стоящим в сумрачном коридоре Главного управления полиции: «Я — авто-

мат!», «Я — АВТОМАТ!»— вот что там было написано четким шрифтом из ярко-красных типографских букв. Это не могло быть случайностью. Теперь я понял, что это был сигнал, обращенный к людям: «Остановите меня! Я уже не тот, кто был раньше! Я — АВТОМАТ!»

Значит, что-то от прежнего Филиппа в нем все-таки оставалось! Ведь, несмотря на встроенную в его мозг программу бездумного убийцы, он все же зачем-то зашел в какую-то дешевую лавку, выбрал там белую спортивную майку и заказал у сидящего рядом художника ярко-красную, бьющую в глаза надпись...

Осколки под ногами перестали хрустеть. Они превратились в пыль...

ЗНАКИ

I.

На рассвете солнце встает из-за горы огромное и добродушное — не жжет, а согревает. Добродушие вообще свойственно огромным и непроснувшимся. Но по мере того, как поднимается оно в зенит, чтобы обозреть подвластную ему землю, солнечный круг уменьшается и, наконец, становится тем, чем есть — маленьким раскаленным кружком, посылающим на землю жесткое излучение, которое помогает выжить одним и иссушает других.

Огромное солнце показалось из-за ближней горы и съезжилось. Быстро и неотвратно начиналось утро праздника и несчастья.

В это утро из недалеких деревень приходили в город крестьяне. Они приносили с собой на обмен что-нибудь — вязанку хвороста, мешок кукурузы, приводили с собой детей: здоровых двадцатилетних парней, и дочерей — девиц на выданье, и голоногих подростков, и малышей, совсем еще несуразных.

Трудно ли устроить праздник? Кто его делает, знаете? Праздник люди делают сами, они все делают для того, чтобы был праздник и было хорошо. Только и нужно им — знать, когда праздновать, а еще — чему радоваться. Об этом лучше всегда заранее сообщать, предупреждать. А еще лучше, если программа дня не вчера придумана, если она проверена поколениями, освящена традицией. Вот тогда праздник будет настоящим! За месяцы станут ждать его, вспоминать о нем, о будущем празднике, готовить его в себе. И когда соберутся — все в чистом, все в праздничном, нужно только не обмануть их ожиданий: сделать все так, как они вспоминали, как надеялись — «как в тот раз». А в тот раз сильно хорошо было... Известно — праздник! Отцы все серьезные, матери озабоченные. Дети просто радуются, юноши и девушки присматриваются.

Если сейчас им преподнести что-то новое, если сейчас их чем-то ошеломить, то только помешаешь им праздновать: отцам быть серьезными, матерям — озабоченными, юношам и девушкам — присматриваться друг к другу. Только детям будет хорошо, им все равно что, лишь бы что-то. Значит, важно добиться, чтоб никаких отклонений, чтобы все как всегда, чтобы был праздник. Лучше всего программа стандартная, проверенная. От добра добра не ищут.

Сначала ярмарка. Постоять, поробеть немного, Сменить у кого что есть на кому что надо. Привыкнуть, подивиться — пестро живут, шустро, шумно — лихие люди в городе. Пива выпить чуток — не чтоб напиться, а от стресса только.

Ну, а там все на поле. Состязаться. Состязаться, конечно, будут не все, состязаться будут юноши: в беге, борьбе, метании снарядов, стрельбе. В военно-прикладных видах, в общем. Спорт, он чем хорош? Во-первых, здоровые все физически, а значит, работают лучше и в случае чего — резерв надежный. А во-вторых, чем больше бегаешь, тем меньше мыслей разных ненужных в голову лезет. В здоровом теле — здоровый дух. Умели люди сказать! Такие высказывания называются аксиомами. Аксиома — это то, что не надо доказывать. Нет, в самом деле не стоит доказывать. Лучше запомнить и все, а то еще запутаться можно. Логика вообще вещь запутанная: тезис, аргумент, а то еще — тезис, антитезис, синтез. Чтобы истину доказать, чтобы всем все объяснить доступно, эти премудрости надо насквозь знать. Те, кто аксиомы измышляет, обучены чему следует, и, между прочим, хороший паек за свою работу получают. А остальным потому надо слушать и запоминать дорогостоящую мудрость: в здоровом теле — здоровый дух.

Так что, чем больше народу прыгает и чем дальше — тем полезнее для общества. Остальные пускай на прыгающих смотрят, это тоже полезно. Отцы вспоминать будут, как в свое время прыгали. Девушки пусть приглядываются — им замуж выходить, а муж, он всегда лучше, когда поздоровее. И подростки тем временем тоже пусть прыгают, поодаль, — придет и их черед соревноваться. Пример старшего брата — лучший пример. Ну, а матери, матери только и надо, чтобы дети здоровые. Так пускай смотрят — умиляются. Положительные эмоции — вещь полезная. Праздник! Все при своем интересе. Что и требовалось.

Третий пункт программы — казнь. Сожжение. Из всех видов казни этот особенно эффектен. Удушить или там укоротить на голову — это все быстро и недостаточно зрелищно. Видимость плохая, особенно, если много присутствующих. Между тем, желательно, чтобы каждый видел своими глазами хоть что-то, детали-то он домыслит. Ближние — ближе стоящие — чувствуют на своих лицах жар костра. Дальние во всяком случае видят пламя или хотя бы дым и чувствуют запах горелого. Хотя, если быть до конца откровенным, не так уж много запаха от одного преступника... Но, тем не менее, сожжение — наиболее богатое нюансами общественное мероприятие. Без него праздник — не праздник.

Кого сожгут сегодня на площади — очередного отравителя или поджигателя? Вот и хорошо, что сожгут. Значит, никуда он не спрячется, никуда не денется от бдительного ока Инки, отца народа, всевидящего, всепроникающего. Значит, спокойно могут жить законопослушные граждане, тверда и крепка власть над ними...

...Взяли Амауту ночью. Черт его знает, что он там изобретал, лучше без рекламы, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Ночь Амаута просидел в дежурке, потому что начальство на его счет не дало никаких указаний и дежурный не знал, в какую камеру его следует помещать. Утром охранник повел арестованного по длинным коридорам и переходам в кабинет следователя.

— Доброе утро! — сказал следователь. — Прошу садиться!

И показал на трехногую неустойчивую табуретку. Садиться Амаута не захотел. Он был сильно возмущен.

— По какому праву? — сказал он.

Следователь поморщился. Он не любил банальностей, хотя и притерпелся к ним на своей работе.

— Вы садитесь, садитесь, — посоветовал он. — Зачем же стоять? Разговор у нас будет серьезный, возможно, и долгий — это от вас зависит. И не кричите. Вы человек ученый, должны знать, что сила не в громкости.

Амаута сел. Надо сказать, что за бессонную ночь он порядком устал, к тому же сидеть для него было более естественно, чем стоять на ногах.

— Так что там у вас случилось? — спросил следователь. — В чем дело?

— Это я у вас должен спросить, в чем дело?

— Давайте договоримся, — сказал следователь, — здесь спрашиваю я.

— Но я не знаю, что говорить! — возмутился Амаута.

— А вы рассказывайте всю правду, — посоветовал следователь. — Так легче.

Амаута говорил долго и старательно. Следователь не очень разобрался в тонкостях, зато в ходе следствия выяснилось — и подследственный этого не отрицал, — что он изобрел знаки для записи звуков речи, что работу вел тайне от широкой общественности, посвящая в свои исследования лишь узкий круг лиц, что, возможно, сложилось тайное общество, один член которого — ученик Амауты, а других подследственный не назвал. Следователь сделал вывод, что изобретение велось с целью, выяснить которую конкретно не удалось, но по аналогии вещественных доказательств можно предположить: с целью вызвать эпидемию холеры, так как подобный прецедент имел место в период правления отца народа Явар Вакана.

Этого было достаточно для передачи дела в святейший трибунал.

Настал день суда, и был суд.

Амаута ждал его давно с нетерпением и надеждой. Надеялся он не на мягкость, не на доброту, не на забывчивость или слабость судей. Нет, наоборот, он хотел, чтобы суд был как можно более беспристрастен и строг. Строгость, научная строгость — неперемнное условие установления истины. Честно сказать, раньше, до всей этой глупой истории, он относился к судейским с некоторым предубеждением, попросту, считал их людьми недостаточно умными, для того, чтобы заниматься каким-либо более серьезным делом. Сейчас, после длительного общения со следователями, он только и хотел, чтобы ему была предоставлена возможность объяснить все людям, находящимся на более высоком интеллектуальном уровне. Людям, способным понять его объяснения. Не на эмоции он рассчитывал — на логику.

Председательствующий на чиновника походил мало. Создавалось впечатление, что он вообще участвует в разбирательстве из собственного любопытства. Судейские относились к нему с большим почтением, это Амаута отметил сразу. Сначала, пока шла обязательная процедура — возраст; родители, род занятий? — председательствующий молчал, только смотрел на подсудимого внимательно и с интересом. Задающего вопросы он не слушал вообще,

и Амаута торопился скорее ответить на все это, второстепенное. Ждал разговора — умного, интересного. И дождался.

— Так в чем же заключается суть вашей работы? — спросил председательствующий.

— Я разложил речь на звуки и зафиксировал их. Что такое звуки? Единицы речи. Мельчайшие части, из которых состоит слово. Вот я говорю: «Инка», при этом — следите! — произношу: и-н-к-а. И, н, к, а — звуки, составляющие речь. Всего их не так много, как может показаться, всего я насчитал основных, часто употребляемых, сорок восемь звуков. И для каждого придумал знак-изображение, букву, иначе говоря. Теперь я могу с помощью этих знаков зафиксировать любое слово.

— Зачем?

— О, ваша милость, область применения этого изобретения в реальной жизни исключительно велика. Например, правитель произносит речь, а десяток специально обученных рабов записывают ее на пергаменте. Получаем десять экземпляров речи. Один отложить в архив, для потомства, остальные девять гонцы разнесут в провинции, доставят губернаторам. А там те, кто знает эту систему знаков, прочитают речь, и губернатор будет в курсе последних событий.

— Ты хочешь сказать, что слова Инки будет повторять язык простолюдина?

— Нет, это не обязательно. Можно научить разбираться в буквах и губернатора.

— Ну-ну, — засомневался председательствующий.

— Ваша милость, — убежденно сказал Амаута, — любой человек в состоянии овладеть знанием букв.

Высокий суд решил провести следственный эксперимент. Привели ученика. Председательствующий говорил на ухо Амауте слова, тот записывал их своими буквами-знаками на листках, раб относил листки ученику, сидящему в противоположном конце зала лицом к стене, и тот громко называл слова председательствующего, и ни разу не ошибся.

— Если ввести систему письменности, — оживился Амаута, видя, какой произведен эффект, — во всех провинциях страны судьи будут судить по одним законам, правители будут править, подчиняясь единым требованиям, а отчеты станут точнее, в соответствии с высочайше утвержденными инструкциями. Опыт великого военачальника может стать достоянием каждого капитана или лей-

тенанта. Знания, накопленные одним поколением, перейдут к другому без потерь, и через сто лет страна станет вдесятеро богаче знанием, чем теперь.

— Достаточно,— оборвал его председательствующий.— Мы поняли все. Ложь и правда будут одинаково изображаться буквами-знаками.

— Да,— признался Амаута.

— Слова правителя и слова плебея будут записываться одинаково,— продолжал председательствующий.

— Ну почему же,— замялся ученый.— Можно изображать их разными по цвету, по величине.

— Не юли!— взорвался председательствующий.— Это вторичные черты, а по сути знаки будут одинаковые. Значит, ты хочешь приравнять правителя и плебея.

— Нет, ваша милость,— запротестовал Амаута,— Я не собирался делать этого.

— А что ты собирался делать? Бог дал нам глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, язык, чтобы говорить. А дал нам бог способность воспроизводить знаки?

— Но, ваша милость,— сказал Амаута,— бог дал нам руки, но не дал палку-копалку, которой крестьяне рыхлят землю, бог дал двадцать пальцев для счета, но не дал кипушнуры со счетными узлами, с помощью которых человек может считать до тысячи и больше.

— Демагогия,— не согласился председательствующий.— Все это дал народу Великий реформатор Вира Коча, сын бога. А ты — тоже сын бога? В своей гордыне решил ты, что сын бога был глупее тебя, раз не дал этих знаков-букв, столь способных, по твоему разумению, облагодетельствовать человечество. Ты кощунствуешь, твои измышления кощунственны в самой основе. А мысль, в основе которой лежит кощунство, и деяние, прикрывающееся ею, не могут быть направлены на добро. Так для чего ты это придумал? Скажи нам, высокому суду, свои намерения. Открой правду перед лицом бога! Для чего?

— Я уже объяснял, ваша милость,— сказал Амаута, потерявшись.— Вы меня, наверное, не так поняли.

— Значит, ты считаешь нас неспособными понять тебя? Считаешь нас глупее? Ты впал в грех, это гнусно. Ну, что ж,— председательствующий оглянулся на прочих членов святейшего трибунала. Они сидели с застывшими лицами.

Амауту увели.

Во второй раз его повели на суд святейшего трибунала через неделю ровно. Он опять предстал перед ответственным

ными лицами. — лицами, ответственными за истину и правопорядок, и это были другие судьи, не те, что на первом заседании, и, вроде бы, рангом пониже. Когда он явился, ему сказали, что ввиду запутанности дела он должен сознаться и покаяться для облегчения совести. Амаута сказал, что согласен, и попросил поскорее закончить разбирательство. Утро было прохладное и пасмурное, и пасмурно было в стенах суда, где окна, задрапированные тяжелой тусклой тканью, и в солнечный день почти не пропускали свет.

Ему сказали, что его признание относительно греховных знаков, им изобретенных, чтобы записать человеческую речь, чтобы поймать звуки в клетку символов, чтобы уравнивать слова простолюдинов и властвующих, чтобы изменить мир и свергнуть отца народа и самого господя, как подтвердили и свидетели, дают основание считать его, Амауту Ханко-валю, колдуном, пытавшимся вызвать эпидемию холеры. И что из любви к богу и Великому Инке ему советуют сказать и объяснить всю правду относительно всего, что он сделал против веры и народа, и назвать лиц, внушивших ему это. Однако их увещания не смогли вытянуть из Амауты больше, чем он уже сказал на следствии и прошлом судебном заседании, причем теперь он говорил неохотно, словно понуждая себя повторять снова и снова слова, которые лишь скользили по их сознанию, повторять мысли, им непонятные и, конечно, неверно понятые.

Когда он замолчал, наступила тишина. Потом один из судейских сказал, что они, высокий суд, вынесли впечатление, что он, Амаута, говорит неправду, вследствие чего и пришли к убеждению, что необходимо пытать его. Однако они считают своим долгом предупредить, что из любви к богу ему предлагают сначала, до пытки, сказать правду, ибо это необходимо для облегчения совести.

Амаута ответил, что он уже сказал правду.

Тогда выступил вперед второй судейский, неотлично похожий на первого, без особых примет, и сказал скороговоркой заученную формулу:

— Ввиду сего по рассмотрении данных процесса мы, высокий суд, вынуждены присудить и присуждаем Амауту Ханко-валю к пытке водой и веревками по установленному способу, чтобы подвергался пытке, пока будет на то воля наша, и утверждаем, что в случае, если он умрет во время пытки или у него сломается какой-нибудь член, это случится по его вине, а не по нашей. И судя таким обра-

зом, мы так провозглашаем, приказываем и повелеваем ныне, заседаю в суде.

Приказали отвести обвиняемого в комнату пыток и отвели.

Находясь уже в комнате пыток, члены святейшего трибунала спросили Амауту, не хочет ли он сказать правду до раздевания. Он ничего не ответил и стал раздеваться.

Когда он был раздет, его стали увещевать сказать правду до начала пытки. Он ответил:

— Я не знаю, какую еще правду вы хотели бы от меня услышать.

Его посадили на скамью и стали вязать руки веревками и, прежде, чем прикрутить их, его увещевали сказать правду. Здесь, в комнате пыток, было куда светлее, чем в зале суда, потому что комната была маленькая. Факелы горели ровно. Пламя совсем не колебалось.

Он ответил, что ему нечего говорить. Тогда было приказано прикрутить и дать один оборот веревке. И так было сделано. «О, господи!»— произнес он.

Тогда приказали дать второй оборот веревке, и дали, и предложили сказать правду. Он спросил:

— Скажите, неужели вы действительно ждете от меня чего-то? И чего? Видит бог, я готов подчиниться вашей милости, но в чем?

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и сказали ему, чтобы он раскаялся из любви к богу. Он ничего не ответил.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и он ничего не сказал.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и сказали, чтобы он говорил правду из уважения к богу. Он ответил:

— Я сказал правду. Я говорю правду.

И застонал.

Тогда еще раз прикрутили веревку и просили, чтобы он сказал правду. Он простонал и ничего не сказал.

Тогда приказали потуже прикрутить веревку, и прикрутили. Он сказал, что не знает, чего от него хотят. Ему ответили, что желают услышать от него правду. Он ничего не сказал.

Приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили и попросили его сказать правду. Он ничего не ответил. Затем сказал:

— Я был сумасшедшим. Я был пьяным. Я веровал.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и при-

крутили, и просили его сказать правду ради бога. Он простонал.

Еще раз прикрутили веревку. Он ничего не сказал.

Еще раз прикрутили веревку — простонал.

Тогда его привязали к станку и сказали ему, чтобы из любви к богу сказал правду прежде, чем начнется пытка. Он ответил, что готов еще раз рассказать все, всю свою жизнь, все, о чем думал и к чему стремился.

— Ты хотел колдовством обрушить бедствия на людей?— спросили его.

— Я хотел дать великое знание,— ответил он.

— Скажи правду во имя бога!— сказали ему.

— Я не знаю вашей правды,— простонал Амауга.

Затем приказали привязать его к станку за каждую руку одной веревкой и за каждую ступню одной веревкой и за каждое бедро одной веревкой. В каждую веревку вставили палку и привязали ему голову, и сказали, что просят из уважения к богу сказать правду до начала пытки. Он ответил:

— Я стар. Я готов служить богу,— и заплакал.

И за нежелание сказать правду приказали прикрутить ему веревку у правой руки и прикрутили. Он плакал и ничего не говорил.

Тогда ему прикрутили веревку у левой руки. Он кричал, плача:

— Нет правды на земле!

Затем сказал, что он от всего отрекается.

Его спросили, от чего он отрекается.

— Не знаю,— сказал он.

Тогда приказали прикрутить палку от правой ноги и сказали, чтобы он говорил правду. Он крикнул несколько раз:

— Все! Все!

Тогда приказали поднести к его лицу чашу с водой и сказали, чтобы он говорил правду, пока не начнется пытка. Он ничего не сказал. Тогда приказали облить его водой и облили.

— О господи!— сказал он.— Чего же от меня хотят?

И знаки, буквы, эти греховные его творения стали заполнять тесную комнату, и в каждой капле воды извивался какой-то знак, и было их уже не сорок восемь, а больше, и они росли, делились и множились, строились, маршировали на плацу, и было слишком светло, потому что комната была маленькой.

Его облили из второго сосуда и просили, чтобы он сказал правду прежде, чем его будут пытаться еще. Он спросил:

— Что я должен сказать?

Ему ответили, что хотят услышать правду. Он закрыл глаза и сказал:

— Я изобрел эти знаки для того, чтобы вызвать холеру в народе.

Он покаялся во всем.

II.

Покаюсь и я, только покаявшемуся может быть дано отпущение. Каюсь и я, каюсь перед небом и людьми в тяжком грехе плагиата. Сознаюсь, клянусь торжественно и под присягой — это не я придумал, это святая инквизиция и ей подобные учреждения, существовавшие задолго до и много после. Я же ни разу не видел, как пытаются человека водой и веревками. Сам я против этого, против насилия и никогда, ни за что, ни в коем случае не смог бы причинить человеку, пусть даже виновному в том, что с помощью знаков или символов он хотел повергнуть мир в чуму, так вот, даже такому не смог бы я причинить физическую боль. Ну, уж если бы вынудили обстоятельства, если бы ждало человечество от меня лично спасения... но и тогда я поступил бы по-другому. Есть же другие методы! Можно посадить преступника на табуретку и увещевать его отказаться от преступных замыслов, показывать ему фотографии того, что он намеревался уничтожить, фотографии детей и зверей, людей, живущих мирной счастливой жизнью, и просить, умолять признаться ради человечества и человечности, назвать сообщников — потому что и их ведь необходимо обезвредить. А своим сотрудникам, тому, кто сменил бы меня на моем посту и допрашивал бы виновного, я запретил бы даже голос повышать на заблуждающегося. И только когда он пытался бы избежать разговора, не слушать несущих добро слов, спрятавшись в сон (некоторые особенно ожесточившиеся на людей отщепенцы способны спать даже сидя на табуретке), я стучал бы по столу карандашом, легонько, вот так: тук! тук!

На третьи, максимум на четвертые сутки слова любви к человечеству отогрели бы застывшую душу, и он сам бы мне все рассказал, и мы вместе поплакали бы светлыми слезами, радуясь великому чуду перерождения. Прове-

рено. Это ведь тоже не я придумал: проверено португальской охранкой.

Но, к сожалению, в том времени, о котором я пишу, были приняты свои, жестокие и антигуманные, методы допроса. Впрочем, я опять должен покаяться: я даже не знаю, что это за время, где его начало и конец. Возможно, что оно даже не существовало вовсе, либо — но это только предположение! — что оно бесконечно. Меня занесло туда случайно, я не хотел, я все правильно до этого говорил и делал.

— Синий,— говорил я.

— Нет, белый.

— Синий! — нажимал я.

— Нет, просто очень сильно белый.

— Желтый,— сказал я менее уверенно.

— Нет,— возразили мне.— Просто очень немного белый. Слабый белый, умирающий белый.

Тогда я взял фотоаппарат, чтобы раз и навсегда решить этот спор. Ведь свет, изломанный в линзах объектива, попадая в химию пленки, увязает там, остается навеки, как звук в букве, как ящерка в янтаре. «Какой черт ее туда занес?» — думаем мы теперь. А может, ее кто-нибудь загнал туда? Ответа нет — давно это было. Видно только: ящерица в янтаре. Видно, какие у нее лапы, какой хвост, какие когти... Так и свет на фотографии, на бумаге — в самом крепком хранилище — остается навеки таким, каким увидел его фотоаппарат.

— Убери эту штуку,— сказал Амаута.

— Нет,— ответил я. Фотоаппаратом я гордился. Он был очень новый, самый современный, а значит, и самый хороший — так все считают. Я почти не расставался с ним.

— Дай! — он взял фотоаппарат и засунул свои тонкие сильные пальцы внутрь, прямо в середину.

И смешалось время, как земля в горсти. Я вижу это, но не властен исправить. Я по-прежнему делаю все, как надо: ставлю выдержку, диафрагму, дальность — светофильтры почему-то не надеваются. Светофильтры, отсекающие тот свет, который не нужен, и пропускающие тот, который необходим, спадают с аппарата, не закрепляются — и все. Это не только неудобно, это меняет все дело. Мой дед, когда увидел свою фотографию, был просто разъярен и сказал, что чего-чего, а этого он от меня не ожидал. А мне и возразить нечего. Я ответственен, раз держу фотоаппарат в руках, я, а не тот, кто его сделал

или испортил. Верно? Те — далеко, до них не дотянешься, а я — вот он, все видели: человек с фотоаппаратом в руках.

Когда люди замечают объектив, направленный в их сторону, они на секунду замирают, потом вздрагивают и сразу стараются принять наиболее удачную, на их взгляд, позу, сотворить на лице самое подходящее выражение, чтобы вечность застала их подготовленными.

И затвор щелкает. Щелк сверху, и люди — точки, еле видимые на асфальте. Щелк снизу — и человек нависает великаном.

Наверное, только когда человек рождается или умирает, аппарат фиксирует событие помимо его воли, как неоспоримый факт, как запись в книге актов гражданского состояния. Вообще же фотографии знаменуют этапы. Достижения. Остановки в пути. Они равно готовы запечатлеть естественные и вовсе неправдоподобные моменты: профессора математики с перевернутой шляпой в руке или абажур татуированной кожи над обеденным столом. А вот человек признается в дружбе, горячей, до гроба, дружбе и любви. Потом, потрясая этими снимками, он сможет утверждать: «Видите, какой я был! Как я его любил, как мы всех их любили, как мы жали им руки!» В этих случаях с одного негатива делается несколько снимков. Теперь над свершившимся мнения бессильны: фотография — документ истории. Выхватывает объектив из жизни, чтобы сделать достоянием вечности, руку с оливковой ветвью, ногу в тяжелом башмаке со стальной стелечкой, лица — скорбные, радостные или равнодушные. В фас и в профиль. А на обороте или внизу, под фотографией, подпись, сообщающая, что снято, и не объясняющая — для чего. Ведь люди, знакомые с письменностью, иначе говоря, умеющие читать, и так все поймут.

Возможно, Амауте следовало бы изобрести фотоаппарат, а он придумал способ делать подписи к снимкам.

III.

— Да, еще один разговор у меня имеется. Я прошу не оказывать милости некоему Амауте Ханко-валу в случае, если он обратится с просьбой, и в ближайший праздник сжечь его при большом стечении народа на площади.

Два солнца сошлись под высоким сводом овальных покоев во дворце правителя, два солнца, равные друг другу по сиянию и величию: племянник и дядя. Инка — отец народа, и Верховный жрец — главный идеолог государства, и длинная их беседа уже подходила к концу. Они не часто встречались один на один, каждый предпочитал править сам в своей области, а в чужую епархию не вмешиваться. Они не часто встречались и потому, что не слишком стремились видеть друг друга: тесно двум солнцам под одной крышей. Но сегодня дела свели их вместе, и Святейший сам пришел к своему младшему родственнику и сам приказал удалиться слугам, что подчеркивало серьезность и конфиденциальность разговора. Инка насторожился при этом, но время шло, а высочайший диалог все скользил на поверхности многотемья, касаясь десятков вопросов и до сих пор ни один не ставя ребром.

— Почему? Он ваш личный враг, Святейший? Я не увидел в этом изобретении ничего опасного для религии и государства. К тому же в знаках-буквах что-то рациональное есть.

— Инке известно, в чем заключается изобретение?

— Я буду рад услышать об этом еще раз.

— Амаута нашел способ фиксирования, хранения, передачи и распространения информации.

— Вас это пугает?

— Не понял, — застыл Святейший.

— Пусть так: чем вам не нравится это изобретение?

— Он не первый додумался до письменности, — сказал Святейший.

— Я знаю, письменность была запрещена Инкой — основателем династии, — перебил правитель. — Но с тех пор столько воды утекло, что можно, наверное, безболезненно нарушить запрет.

— В период правления отца народа Явар Вакана, — напомнил жрец, — была сделана попытка еще раз возродить письменность, но правитель мудро сжег ее изобретателя. Многие века народ обходился без умения читать и писать, но стал от этого только счастливее. И наш долг следовать заповеди сына бога, который под страхом смертной казни запретил знаки-буквы навсегда.

— Навсегда! — взвесил Инка. — Страшное слово.

— Это необходимо, друг мой, иначе мы выпустим знания из стен правительственного дворца, и тогда его не сдержат никакие границы. Этот Амаута наглядно дока-

зал, что любой человек может научиться записывать и расшифровывать буквы-знаки. Царедворец, раб и простолюдин перед лицом этого метода равны. Мы не можем контролировать все, что пишут и читают люди в нашей стране, а значит, не сможем управлять людьми так, как это делаем сейчас. Если сегодня народ слышит правду только от наших глашатаев, воспринимает ее на слух и принимает к сведению, даже не очень размышляя о ней,— все равно мысли скоро забываются и особого значения не имеют,— то узнав письменность, они смогут фиксировать информацию, обмениваться ею и мыслями по ее поводу, фиксировать и эти мысли, и свои наблюдения, и мнения, пусть даже ошибочные. Устная история, хранителями которой сейчас являются наши жрецы, отсеивает все лишнее, отделяет злаки от плевел и уже в таком виде передает следующему поколению. Мы бережем чистоту истории и ее соответствие авторитету династии. Мы должны быть уверены, что народ пользуется только этим, чистым знанием, а никаким иным. Лояльность обеспечивается всеобщей и полной ликвидацией всякого самопроизвольного знания, всякой незапрограммированной мысли.

— Того ученого, при Явар Вакане, сожгли за то, что он вызвал холеру,— вспомнил молодой правитель.— Это что — миф?

— А какое имеет значение, была в то время холера, или не было ее,— усмехнулся Святейший.— Ведь холера случается время от времени, не правда ли? Вот и еще одно доказательство в пользу того, что письменность не нужна: у нас нет документа, удостоверяющего наверняка, вызвал преступник холеру или эпидемия произошла век спустя. Мы знаем только, что его обвинили и сожгли,— не зря обвинили, наверное, раз сожгли. Это истина настолько древняя и широко известная, что всем кажется вполне естественной и даже единственно возможной. Тем лучше для дела: народ будет поддерживать разговор.

— Но, может быть, у этого Амауты вовсе не было преступных замыслов?— сделал еще одну попытку усомниться Инка — отец народа.— Будет ли справедливо предавать его огню?

— Если он не виновен, бог вознаградит его в стране, где нет ни забот, ни печалей,— ответил Святейший.

— Пусть так,— сказал правитель.— Твоя взяла, дядя! Да свершится воля наша и да не будет милости преступившему древний закон.

— Я рад, что мы пришли к общему мнению, — сказал Святейший. — Народ будет доволен, — добавил он, уже стоя в дверях.

Одним солнцем меньше стало в высоких покоях.

До ближайшего праздника оставалось пять полных лун.

Каждый день Амаута что-то терял: веру в правду, в справедливость, в бога, в гуманность правительства, в свой долг перед государством. Только всегда ли потери — зло? Намереваясь строить дом, человек запасает камни, чтобы складывать фундамент и стены. Но если вокруг пустыня, камни становятся бессмысленным грузом: не построить здание на песке. И сбросив их с плеч, только освободишься от тяжести, от гнета, и станешь более жизнеспособен в данных условиях, чем человек, который тащит на себе через пустыню кирпичи.

Настал его день, день праздника и несчастья.

Амауту привели на площадь — пуп города, так же, как город — пуп страны. Привязали, стали ждать. Ждали народ — главное действующее лицо намеченного спектакля. Народа не было, состязания занимали его сейчас согласно программе. Всему-свое время. Только отдельные зеваки, из тех, вероятно, которых спорт по причине собственной неполноценности не привлекает, застенчиво околачивались где-то по периметру площади. Что их тянуло сюда — не понять, да и незачем понимать. Не входило это в задание, а задание лейтенанту — молодому, подающему надежды отпрыску хорошей военной фамилии, было дано следующее: обеспечить надежную охрану преступника до того, как его сожгут, и места казни, пока пепел не будет надлежащим образом собран, истолчен и развеян по ветру. Все остальное лежало на ответственности жреца и двух его дюжих помощников. «Где ж он ветер-то возьмет? — лениво размышлял лейтенант о заботах жреца. — Жара такая — мертвый штиль. Только и остается, что к богу с рапортом обратиться».

Собственно, задание было совсем легкое, обеспечить порядок здесь смог бы и ефрейтор. Просто традиция существовала — проверять всех перспективных офицеров во всех возможных ситуациях. Противно, конечно, но необходимо. Вроде касторки.

Ладно, хоть преступник оказался спокойный. Стоял, запрокинув голову, касаясь затылком столба, и, щурясь на солнце, улыбался. Пока все обходилось, слава богу, без лишних эмоций. Даже скучно стало. Нервно так, не-

спокойно скучно — зевать постоянно хотелось. «Нехорошо, — убеждал себя лейтенант, — нехорошо. Тоже довод — скучно. Надо быть серьезным и собранным. Наверняка наблюдают откуда-нибудь, зевни лишний раз — заметят, доложат. Выдержки, скажут, нет». А хотелось ему сейчас уйти за город, лечь на сухой глинистый склон и полежать, лениво глядя не глядя в небо. До вечера. А потом вернуться в город и напиться, ну, последнее-то не уйдет. «На кой пригнали-то так рано? — думалось лейтенанту. — Скульптурную группу изображать? Выправку демонстрировать? Хоть было бы перед кем. Скорее бы все это кончилось. Надоедает. Честное слово, начинает надоедать».

Обязанности лейтенанта четко обусловлены традицией и приказом. Расставив солдат, он должен встать у самого помоста, впереди и чуть справа от преступника. И так — до огня. Когда огонь разгорится, он может отойти, но не больше, чем это необходимо. Только-только, чтоб не поджариться самому. Таков приказ. А приказы не обсуждают; их выполняют.

— Торгуешь? — послышался голос за спиной.

Лейтенант поморщился. «Этого вот только и не хватало для полного счастья, — подумал он. — Сейчас плакаться начнет, на нервы действовать».

— Знаешь, зачем ты тут стоишь, лейтенант? — риторически, не ожидая ответа, спросил преступник. — Ты меня продаешь. Точнее даже, продаешь ты не меня, а зрелище, большое театрализованное представление под названием «Сожжение государственного преступника», — привапный говорил негромко, но лейтенант стоял от него всего в двух метрах и отойти не мог, не имел права. И не было шума, способного заглушить слова, народ еще не собрался, а потому слышно было каждое слово ясно и отчетливо.

— Вот ты, наверное, сейчас думаешь, — продолжал преступник, — почему это тебя, боевого офицера, человека из первой зоны, поставили сюда выполнять задание, с которым справился бы любой ефрейтор. Думаешь? Так вот, сейчас ты — реклама. А реклама должна быть яркой, броской. Иначе товар не продашь, это любой торговец знает. А продавать будет кому — сюда соберется море публики. Еще бы? Шестеро солдат, лейтенант... Наверное, что-то интересное. К тому же власти так добры, что не берут за это зрелище денег. Публика валом повалит

на дармовщинку — и ошибется, как всегда. Расплачиваться за сегодняшнее зрелище она будет всю жизнь, страхом и послушанием. А ты и вправду похож на витрину, лейтенант: бляшки начистил, значки нацепил, побрился гладко. Как на свидание. Все верно, хоть и придет на это свидание не одна какая-то конкретная девица, а толпа. Но и толпа, она — женщина: капризна и истерична, любит силу, энергичность, жестокость, любит яркое, хорошо воспринимает, когда ей льстят и когда на нее прикрикнут. У этого задания, которое ты сейчас выполняешь, лейтенант, есть одна хорошая сторона — сегодня вечером уйма женщин захочет принадлежать тебе. Если, конечно, ты сможешь простоять до конца вот так: прямо, упруго и мужественно. Только боюсь, что для тебя самого этим вечером все женское внимание будет ни к чему, вряд ли ты окажешься еще на что-то способен сегодня. А вот напиться — да, напиться рекомендую. Большое облегчение для нервов — напиться вовремя. А то еще, чего доброго, заснуть не сможешь.

Амаута развлекался.

Последние полгода он просидел в одиночке. Кормили там неплохо, сначала это даже вселило в него надежду, но, подумав, он сообразил, что к чему, и радоваться перестал. «Товарный вид придаете? — спрашивал он тюремщика, который молча просовывал в оконце — три раза в день — положенный паек смертника. Тюремщик не отвечал. За полгода у Амауты было время поразмыслить о том, о сем, но не с кем было поговорить. По разговору он скучал, по собеседнику — пусть глупому, пусть молчаливому. Он даже вспоминал с сожалением о том времени, когда шло следствие. Попытки стерлись, потускнели в его памяти. Да, были пытки, но была и радость общения, пусть жалкая радость, пусть квазиобщения, но была. Если бы к нему в камеру посадили любого человека, уголовника или даже провокатора, он был бы счастлив безмерно. Но смертник должен в одиночку обдумать всю свою жизнь, свои ошибки — чтобы полнее воспринималась милость прощения.

Если он покается перед казнью, то ему будет даровано прощение. Так сказал вчера тюремный жрец. И в этом случае сгорит только его грешная телесная оболочка, а душа, очищенная покаянием и страданием, взлетит прямо в небо, прямо к богу. Гораздо опасней, — предостерег жрец, — погибнуть неожиданно, пусть даже в бою за правое дело, но не получив предварительного отпущения

грехов. «Вот это да,— подумал Амаута,— вот это льготы! Какая такса! Десятки лет проведенной жизни стоят пяти минут покаяния».

Сейчас, произнося напрасные слова больше в воздух, в общем-то, чем непосредственно лейтенанту, он прикидывал: стоит каяться — нет? Говорят, что подкова на пороге приносит счастье даже тому, кто в это не верит. Так, может, все-таки покаяться? К тому же, за это обещали придушить, как только поднимется первый дым. Не дадут сгореть заживо. Неприятно, наверное. Хотя, конечно, и придушат — тоже радости мало. Но все-таки...

И тут ему стало смешно: странное существо — человек. Любит выбирать. Так или иначе, за или против, под или над, с маслом или с медом, за наличные или в кредит, немедленно или после свадьбы, быть или не быть.

— Знаешь, лейтенант,— сказал он,— ты сейчас представляешь государство. То самое государство, которое испугалось меня настолько, что считает своим смертельным врагом. Видно, не можем мы существовать вместе, я и государство, раз решило оно меня убить. И вот — я привязан здесь к столбу, и все, что здесь произойдет, нельзя назвать иначе, как убийством, убийством беззащитного человека. Насколько интереснее и благороднее было бы — слышишь, лейтенант! — отвязать меня и дать мне топор, и мы бы рубились с тобой здесь же, перед народом — насмерть. Красиво, правда? Ведь ты бы зарубил меня наверняка, а, лейтенант? Ты же специалист, профессионал, моложе лет на двадцать, в отличной форме, тренирован с детства. Ведь никакого риска нет! Ведь ни малейшего! Почему бы тогда не попробовать? Ведь ты-то не отказался бы, а, лейтенант? Да вижу, вижу, не отказался бы.

— Знаешь, за что я здесь, лейтенант? — продолжал Амаута. — Тебе сказали? Я здесь, потому что хотел дать народу возможность обмениваться знанием. То, что сейчас знает один, могли бы узнать все. Крупицы знаний каждого собирались бы воедино и становились общим достоянием. Ты мог бы разом получить все, что ценой долгой и трудной жизни узнал твой генерал. И люди не скрывали бы своих знаний: всегда хочется, особенно в конце жизни, передать другим то, что накопил. Чтобы не пропало, продолжало жить в других, если бы это вышло — может быть, ты стал бы генералом, лейтенант, не дожидаясь седины. Скороспелым лейтенантом-генералом

нового правительства. А потом твои батальоны и полки, дивизии и армии разбил бы в пух какой-нибудь сапожник или кузнец, получивший те же военные знания. И он бы обязательно разбил тебя, потому что стал бы военачальником по призванию, а ты — ты офицер только потому, что не мог иначе: дедушка был вояка и отец — кадровый военный, тебе просто некуда было деваться, лейтенант, вот ты и в армии. Так что радуйся, из моей затеи в этот раз ничего не вышло, а то пришлось бы тебе в тридцать лет осваивать новую профессию. Вот почему ты сжигаешь меня связанного, лейтенант, — чтобы наверняка сохранить денщика и домик в первой зоне. Чтобы сменить домик на дом, больше и роскошней. Чтобы обвешаться орденами за то, что совершат солдаты, которых ты пошлешь на смерть. Чтобы получить пенсию — такую же, как у деда, или, желательно, большую. Персональную. Так как, шеваляе, руки не чешутся огонь зажечь? Ведь это ты меня сжигаешь, в конечном счете! Не терпится, наверное?

— Пачкаться! — неожиданно, ругая себя за невыдержанность, почти не шевеля тонкими губами, отозвался лейтенант. — Народ тебя сожжет, сам.

— Ну-у, — пожалел о лейтенанте Амаута. — Разве можно верить в этот анекдот, молодой человек? Главное — толпу собрать, а в ней десяток можно найти для чего угодно. Скажи им, что на шест надо забираться, кто выше, — и полезут. Скажи, что надо магазины грабить или гимны петь, что это-де насущная необходимость и требование времени, — ограбят и зашлют. Или скажешь, нет? Заметь, удобная форма: требование времени. Потом начнут выяснять, кто виноват, кого судить — а некого. Время было такое, суровое, жестокое, не люди, — звери, а зверей — тех и вовсе выбили. Думаешь, на шест лезть — не человека убивать? А убивать — это даже интересней. Особенно, безнаказанно, — особенно, если за это еще и похвалят. Хочешь, эксперимент проведем: давай тебя привяжем к столбу. И тебя сожгут.

Между тем на площади стал собираться народ. Пришел откуда-то жрец с помощниками, которые сноровисто соорудили небольшой костерок невдалеке от помоста. Головнями из него, когда придет время, будет подожжен большой костер. Здоровые, хмурые ребята-носильщики притащили Святейшего в кресле под балдахин. Зеваки с периметра решительно устремились к центру площади, ближе к событиям,

Наконец народ повалил валом, и сразу стало тесно. Лейтенант вытянулся и закаменел, сейчас он даже слегка поблескивал на солнце, как будто его ненадолго окунали в жидкий азот.

— Давай-давай, лейтенант, — подбодрил его Амаута, — старайся! Елизок твой час. Ты уж не ударь в грязь лицом, оправдай затраченное. Зря, что ли, тебя двадцать лет калорийно кормили и квалифицированно учили? — Лейтенанта слегка покорежило. — Ничего, — утешал его въедливый голос, — это еще только игрушки. Вот в следующий раз тебе, как оправдавшему высокое доверие, поручат убрать кого-нибудь без лишнего шума. Или дикарей усмирять пошлют за то, что на луну, мерзавцы, молятся и податей платить не хотят. А что ты думал, служба — развлечение? Маневры? Занятия физкультурой?

Звон гонга над площадью погасил все остальные звуки, как магниевая вспышка гасит свет. Насторожилась тысячеголовая масса. К Амауте подошел жрец и, гнусава, стал тыкать в лицо что-то священное. Амаута глядел на него с сомнением, соображал: каяться все-таки или не каяться?

— Не так бойко, святой отец, — решил он окончательно, — а то ты мне зубы повредишь этим предметом. Отойди, не засти. Покаяться хочу перед народом в страшных грехах. «Такая трибуна, — подумал он. — Такая широкая и представительная аудитория. Грех совершу, если не воспользуюсь. Большой грех».

— Народ! — обратился он к толпе. «Какой голос», — уважительно подумали лейтенант и Святейший одновременно.

— Народ! Нес я тебе большую правду, да не донес. Отобрали они, — Амаута обвел глазами первый ряд почетных гостей, — ее у меня, спрятали. Казните меня теперь!

— Он хотел наслатъ на народ холеру! — закричал жрец. — С помощью колдовства! Вот его колдовские знаки!

Амаута почувствовал, что ничего уже никому не сможет объяснить. Он замолчал и смотрел теперь на народ спокойно.

Жрец тоже замолчал. Собрался с мыслями.

— Отдаю твою душу дьяволу, нераскаянный грешник, — вспомнил он формулу, — Люди, кто совершит свя-

тое дело: избавит мир от нечестивца? Бог радуется, глядя на верных своих слуг с небес!

Первым из толпы, расталкивая непроторенных, вышел здоровенный мужчина, бледный, но по внешнему виду здоровья отменного. «Слуга божий, штатный провокатор», — не удержался Амаута. Тихо так не удержался, почти не шевеля губами, но лейтенант его услышал.

— Благословляю! — обнадежил решительного жреца.

«Скорее бы кончилась волынка, — подумал по этому поводу здоровенный. — А то затянут, как всегда».

«Развелось умников, шагу ступить нельзя. Жечь! Жечь!» — высоким и худым был второй. Вышел, дрогнув тонкими губами, посмотрел на жреца.

— Благословляю!

Все молчали. Только потрескивал костерок, да вздыхала толпа, даже не вздыхала, а так, переводила дыхание, когда выходил очередной доброволец да жрец произносил свое.

«Доброе дело у бога зачтется. Может, свой грех там закрую», — вышел широкоплечий средних лет.

— Благословляю!

«На дистанции почти все меня обошли, но тут я не буду последним!» — застыл перед жрецом парень.

— Благословляю!

«Раз-другой на глаза попадусь — может, срок испытания скостят», — вышел ремесленник из третьей зоны.

— Благословляю!

«Не мое бы это, конечно, дело, но участвовать лично хоть в одном местном обряде — не лишне, будет о чем вспомнить. Тем более, что тут власти предержавшие сами себе „козу устроили“. Это ж золотое дело для них! Прощапили, чинуши. Взяв на вооружение передовой опыт, составили бы на каждого досье, завели бы картотеки: кто задержан, кто замечен, а кто склонен. Этот тип — родоначальник бюрократии, способный задавить страну, отбросить ее на сотни лет. Перевероты совершают неграмотные, и во время всех восстаний первыми летели в огонь бумаги. Так что объективно он — по ту сторону баррикад. И раз уж выпала такая возможность, я внесу свой скромный вклад в спасение всех этих простых, неиспорченных цивилизацией людей от незнакомой им гидры грамотности. Я — за!»

— Благословляю!

«Я ведь согласился, согласился, я все сделаю сам. Зачем они меня подталкивают? Я не хотел этого, учитель!»

Но иначе я не могу, я ведь не только за свою шкуру пе-
кусъ. Я теперь — единственный, кто знает знаки-буквы,
и должен сохранить свою голову, чтобы продолжать об-
щее дело. Они сказали, что без «этого» отречение не будет
полным. И потом, они ведь мучили меня, если б вы знали,
как они мучили меня, учитель! Я вынужден. Простите,
если можете. По правде говоря, я даже не знаю, поможет
это или нет. Все-таки они, наверное, убьют меня, потом.
Не так пышно, конечно, удушат просто — и все. Но один
шанс пока есть: а вдруг поверят? А вдруг действительно
отпустят? Надо поторопиться, чтобы успеть. Простите,
учитель!»

— Благословляю!

«Разве ж можно — холеру? Как тот раз холера была,
считай, что вся деревня вымерла. Нельзя такого остав-
лять, он всех поубивает. А у меня четырнадцать душ,
с внучатами. Нельзя».

— Благословляю!

«Что-то приуныла толпа. Никто не выходит. Вон, да-
же старикан поперся, а все равно недобор. Интересно
как... будет корчиться, вот — был, есть и сейчас, а не
станет его. Неужели больше никого не найдется? А, была-
не была, запалим дядю».

Благословляю.

Не находилось больше никого. Тысячи ждали с любо-
пытством и нетерпением — а ведь не шли. Между тем
в законе сказано четко: десять добровольцев из народа
должны зажечь костер разом.

Народ сам казнит тех, кто злоумышляет против бога
и людей.

— Ну, что? — обратился к народу жрец, — или от-
пускать злоумышленника и колдуна? Задерживаете свя-
тое дело, люди! Не торопитесь послужить богу. Ну!
Ну! — он посмотрел на толпу...

— А я что? Я, раз надо, пойду.

— Благословляю.

Десятый медленно, неуклюже ступая, подошел к ко-
стерку, у которого сгрудились добровольцы, наклонился
за головней-факелом, потом — вроде оступился, сделал
еще один неверный шаг, да так и рухнул лицом в костер.
Из его домотканой рубахи на спине торчал короткий,
оперенный конец стрелы.

— Кто? — вскрикнул лейтенант. — Откуда?

— Из того дома, наверное, — крикнул ближе к нему
стоящий солдат.

— Не тем занимаетесь, лейтенант,— остановил офицера жрец.— Ваше дело охранять, а не ловить. Так кто будет десятым?— толпа молчала. Десятого не находилось.

— Сейчас еще девятого искать будете,— подал голос, как проснулся, Амаута.

— Убьют?— машинально спросил лейтенант.

— Их и убивать не надо, сами разбегутся.

Добровольцы пока не разбегались, просто слились вместе, слились в странный комок на восемнадцати ногах и медленно, медленно пятились от костра и помоста.

— Стой!— рывкнул на них лейтенант.— Стойте, шкуры! Задержать!

Двое солдат, повернув копыя горизонтально, преградили добровольцам путь к толпе. Те уперлись в копыя и, глядя поверх голов, начали пятиться в другую сторону.

— Кто это был?

— Да ты уж на меня-то не кричи, пожалуйста,— ответил Амаута.— Не знаю я, кто это был. Знал бы, так не сказал,— а сейчас вот честно и с радостью говорю: не знаю. Значит, нужна народу моя правда,— продолжал он, глядя куда-то вверх.— Значит, прав я был, лейтенант, в своем деле. Значит, я не горю, лейтенант, а ваша затея горит при ясной погоде.

— Нет,— сказал лейтенант,— ты ошибаешься. Это ты сгоришь. Ты у меня все-таки сгоришь. Ты меня не знаешь!

— Права не имеешь, лейтенант,— отозвался Амаута.— Ты же государственный служащий, у тебя же нашивки лейтенантские. При всем народе нарушить закон — неужто посмеешь?

— Эй, вы!— обернулся лейтенант к добровольцам.— Берите факелы. Живо!

И те, помешкав, взяли факелы-головни, потому что наяву увидели смерть. Страшен был лейтенант. Он подтолкнул, лично подтолкнул замешкавшихся к помосту, а затем посмотрел на преступника остро и твердо;

— Гляди, говорун!

И рванул с груди нашивки и бляшки. Потом подошел к костерку, выхватил оттуда головню и ткнул ее в помост, как в живое тело нож.

Все молчали. Только шипели, разгораясь, дрова. «Горишь, лейтенант,— донеслось сквозь дым с помоста. Голос был странно спокойным и даже доверительным.— Горишь, лейтенант! Все вы горите, а вот я, кажется, остаюсь».

КРАТЕР

1

Малая транспортная шлюпка, подняв облако пыли, мягко села почти у самого края тесной, зажатой скалами, посадочной площадки, всего в пяти метрах от такого же летательного аппарата хозяев станции.

— Приехали,— невесело сообщил врач Павел Козлов и посмотрел на хмурые лица друзей: кибернетика Владимира Иванова и практиканта Игоря Скворцова.

Владимир и Игорь ничего не ответили.

Пыль за стеклами иллюминаторов стала редеть и вскоре исчезла совсем. Утро выдалось тихим и солнечным. Небольшой экипаж шлюпки выбрался наружу.

Прилетевших никто не встретил.

Темно-розовое, с фиолетовым отливом, безоблачное небо застыло над тянущимся до самого горизонта бурым плато. Тавмасия. Далеко не самое ровное место на Марсе. Зато здесь, на плато, нет ненавистных для землян сыпучих, ползающих коварных барханов. Здесь, на плато Тавмасия, вот уже несколько лет работала научная станция МС-32. В последние полгода на станции хозяйничали двое: биолог Борис Смирнов и геофизик Олег Федоренко. Но два дня назад связь со станцией неожиданно прекратилась, МС-32 перестала отвечать на вызовы орбитальной станции на Фобосе.

Первым делом Владимир осмотрел шлюпку хозяев — она оказалась исправной.

— Ну, что ж,— сказал Павел (он был назначен старшим в группе),— карету за нами не прислали, пойдем пешком.

— А далеко это?— спросил Игорь, впервые попавший на МС-32.

— Если прямо — меньше двух километров,— ответил за Павла Владимир и молча пошел по еле заметной тропинке, начинавшейся рядом с проложенной в нагромождении скал дорогой-траншеей. Почти сразу тропинка рез-

ко уходила вправо и тонкой змейкой бежала вверх, на перевал.

Станция появилась неожиданно, как только космонавты поднялись на крутую спину перевала. Матово-белый диск ее, поблескивающий ровным рядом круглых иллюминаторов, примостился у самой кромки полукилометрового обрыва, вдоль которого бежала тропинка. Сразу за станцией вздымалась, ввысь двухсотметровая стена. Место расположения станции напоминало гигантскую, постепенно сужающуюся ступеньку. Почти вся поверхность ступени представляла из себя невероятное скопище камней и глыб различных размеров, трещин и невысоких холмов — на вершине одного из них сейчас и стояли космонавты. Только у самого стыка отвесных стен, где располагалась МС-32, было относительно ровное и чистое место. У самой станции тропинка выходила на дорогу, огибающую холм длинной извилистой лентой слева.

Возле станции, словно блестящая голубая букашка, стоял вездеход.

— Похоже, что хозяева дома, — заметил Игорь, показывая на него. — Без вездехода далеко от станции отлучаться запрещено по уставу.

Владимир угрюмо посмотрел на Игоря, но ничего не сказал.

— На месте разберемся, что запрещено, а что позволено, — мрачно бросил Павел, и космонавты двинулись вниз, к станции, стараясь осторожнее ступать на камни, чтобы ненароком не сорваться в пропасть.

Первым на дорогу, в ста метрах от станции, выбрался Владимир. Спрыгивая с небольшого обрывчика, он остушился и растянулся на дороге.

Это его и спасло.

Словно молния хлестнул со стороны станции выстрел из бластера. Ослепительно-голубой разряд прошил воздух над головой Владимира и снес выступ обрыва, с которого тот только что спрыгнул.

Не раздумывая ни секунды, по-кошачьи, Владимир метнулся на противоположную сторону дороги-траншеи, под обрыв. Дорога делала здесь небольшой поворот, и обрыв закрыл кибернетика от стрелявшего. Почти тотчас испепеляющий луч бластера с сухим треском, оставив дымящуюся полосу полуметровой глубины, вспорол то место, где Владимир только что лежал.

«Из ручного бьет», — определил Владимир и, растягивая кобуру бластера, оглянулся. Павел и Игорь успели

отступить под прикрытие большой скалы. Владимир их видел, они его — тоже.

— Вы что, с ума сошли?! — раздался в наушниках у Владимира сердитый голос Павла. — Олег! Борис! Прекратите немедленно идиотские шутки!

В ответ в наушниках послышался чей-то хриплый истерический смех, невнятное бормотание.

«Олег, — с трудом определил по голосу Владимир. — Что это с ним?»

Наступила напряженная тишина. Павел попытался выглянуть из-за скалы и чуть не поплатился за это жизнью. Три молнии, одна за другой, оставили ровные черные, дымящиеся борозды на краю скалы, за которой прятались они с Игорем. А в наушниках снова раздался нечеловеческий хохот Олега.

Владимир отключил радиосвязь и знаками показал Павлу и Игорю, чтобы те сделали то же. Всего десять метров разделяло их, поэтому, несмотря на разреженную атмосферу Марса, вполне можно было разговаривать без помощи радио, не боясь, что на станции услышат.

Совещались недолго. Было ясно — Олег не в своем уме, а с Борисом что-то случилось. Нужны были экстренные меры.

Владимир отполз вдоль обрыва метров на двадцать назад и, одним рывком запрыгнув на него, исчез на противоположной от тропинки стороне дороги — в диком нагромождении скал и глыб. План операции по захвату Олега, на первый взгляд, был прост. Павел с Игорем должны были отвлечь Олега на себя, а Владимир в это время — незаметно подобраться к нему слева, вдоль отвесной стены, и обезоружить.

Поначалу все шло по плану. Пока врач и практикант бросали на дорогу камни, а Олег вел по камням и скале, за которой прятались космонавты, шквальный огонь, Владимир подобрался почти к самой станции. Его и Олега разделяло теперь метров десять — пятнадцать, но эти метры были открытыми.

Олег сидел спиной к каменной стене и с холодной яростью стрелял вдоль дороги. Отвесная стена, начинавшаяся у самого края обрыва, дугой охватывала станцию и не позволяла подкрасться к стреляющему сзади. Вся площадка перед станцией простреливалась отлично.

«Черт! — выругался про себя Владимир, выглянув на долю секунды из-за каменной глыбы и моментально оценив ситуацию. — Ведь и двух шагов сделать не даст — испе-

пелит! Что же делать? Не убивать же его на самом-то деле!»

Думать долго было нельзя. Если Олегу не понравится глыба, за которой затаился кибернетик, то через пять секунд от глыбы не останется и следа...

Владимир настроил свой бластер на рассеянный импульс и выстрелил в отвесную стену немного выше головы Олега. Мелкий камнепад обрушился на сидящего у стены геофизика. Все остальное произошло за доли секунды. Каменное крошево и пыль на миг ослепили Олега, чем и воспользовался Владимир. В три прыжка преодолев открытое пространство, он ударом ноги выбил из рук Олега оружие и навалился на отчаянно сопротивляющегося геофизика всем телом. Через несколько секунд на помощь Владимиру подоспели Игорь и Павел.

...Узнать от Олега что-либо достоверное о судьбе Бориса не удалось. Он бессвязно бормотал что-то о привидениях на станции, о метеорите, попавшем в скафандр Бориса, о скале, под которой он Бориса якобы похоронил, о каком-то загадочном кратере, в котором Борис уже после смерти за что-то ругал его, Олега... Потом он перешел на шепот, достал из нагрудного кармана какую-то карту-схему и попросил, чтобы ее не показывали Борису, а то тот найдет дорогу и заявится на станцию. А когда Олег, вытаращив глаза, стал вырываться и кричать, что Борис уже пришел, его пришлось усыпить.

Не вернулся к нему рассудок и после сна.

2

— Ну как он? — Владимир оторвался от бумаг и посмотрел на вошедшего в центральный зал Павла.

— Плохо. Опять бредил. Я его снова усыпил, — нехотя ответил врач, устало садясь в кресло.

Оба замолчали. Павел откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Владимир снова принялся разбирать бумаги Бориса и Олега, вчитываться в неразборчивые, сделанные на скорую руку заметки.

Щелкнул динамик радиостанции. В зал ворвался голос Игоря:

— Я нашел скалу. Олег ничего не напутал в схеме, — сообщил он. — У ее подножья, под плитой, вырезанной бластером, действительно похоронен Борис.

После небольшой паузы он добавил:

— Скала очень похожа на обелиск...

На лица Павла и Владимира легла хмурая тень. Наступившую гнетущую тишину нарушали теперь только звуки, доносящиеся из динамика: шум радиопомех, какие-то слабые завывания и тяжелое дыхание Игоря.

— Я нашел и кратер, о котором говорит Олег, — снова заговорил Игорь. — Удивительная штука. Внутренняя часть его словно выточена. И... и... — он замолчал, будто прислушиваясь к чему-то.

— Что там еще? — забеспокоился Владимир.

— Вы... что-нибудь слышите? — неуверенно спросил Игорь.

Владимир и Павел переглянулись.

— Что случилось, в конце концов?! Игорь! — не выдержал Павел.

— Все в порядке, ребята. — Голос Игоря звучал все так же неуверенно. — Если не считать гудения... Странный звук... Это... это... наверное, ветер гудит в кратере. Я спустился в него...

— Игорь, — перебил Павел. — Заниматься кратером мы пока не можем. Сейчас же возвращайся. Нужно срочно кое-что обсудить.

— Хорошо.

Щелкнул и перестал гудеть динамик.

За окнами-иллюминаторами заметно удлинились тени. Павел нервно барабанил пальцами по крышке стола.

— Мальчишка, — мрачно сказал наконец он. — Зря я его отпустил одного.

Владимир молча кивнул.

3

Павел и Олег улетели на Фобос ночью, часа через два после возвращения Игоря из кратера. С собой Павел увез киноплёнки, бумаги, магнитозаписи — все, что накопилось на станции за полгода, а также отснятую у скалы-обелиска и в загадочном кратере киноплёнку Игоря. Вернуться на станцию Павел пообещал через сутки.

Проводив друзей, Игорь и Владимир отправились по своим каютам. Выбрали они их себе еще днем. В былые времена на станции работало сразу по 10—15 человек, так что пустых кают осталось предостаточно.

Владимир уже засыпал, утомленный бессонными сутками, когда дверь, ведущая из коридора в его комнату, начала медленно открываться... На фоне слабо освещенной стены коридора возник чей-то силуэт.

Сон сняло как рукой. Преодолевая оцепенение и безотчетный страх, Владимир медленно подтянул к себе кобур с бластером, лежавшую в кресле возле комбинезона, резко выдернул личное оружие и включил свет.

В дверях стоял Игорь.

— Фу, ты, черт! — выругался Владимир, пряча бластер в кобур. — Напугал ты меня, Игорь. Что за шутки?

— Извини, Володя, я думал, ты еще не спишь. — Игорь смущенно улыбнулся. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Может, завтра потолкуем?

— Я боюсь, что до утра мне не выдержать — свихнусь...

Игорь замолчал. Владимир внимательно посмотрел на него. Собравшись с мыслями, Игорь заговорил снова:

— Я не случайно, когда был в кратере, спросил у вас с Павлом: слышите ли вы что-нибудь. Со мной разговаривал... Борис. Вернее... его голос. Он говорил громко, и я думал, вы его услышите. После разговора с вами я записал нашу с ним «беседу». Вернувшись на станцию, я тайком прослушал запись. Кроме моих слов, ничего не оказалось...

— Почему ты не рассказал ничего Павлу?

— Потому и не рассказал. — Игорь нахмурился. — Вы ведь голоса не слышали, мне его записать не удалось, значит, это — галлюцинация.

— И все же ты должен был рассказать.

— Зачем? — искренне удивился Игорь. — Чтобы попасть с Олегом в одну клинику? Мне туда еще рано. Просто я сутки не спал, наслушался сказок о привидениях и загробных голосах — и самому казаться стало. А там, к тому же, еще и могила Бориса рядом. И ветер в кратере выл, как собака по покойнику... У тебя есть что-нибудь от бессонницы? Боюсь, так просто мне сегодня не уснуть.

— Возьми в стенном шкафу. Слева. В коричневом флаконе. Две таблетки — за пять минут до сна, — почти механически ответил Владимир, думая о чем-то своем. И вдруг без всякой связи спросил:

— А о чем вы с ним говорили?

— С кем?

— С Борисом.

Игорь вздрогнул, чуть не выронив флакон, испуганно посмотрел на Владимира.

— О разном, — помедлив немного, ответил он. — И о тебе тоже... Я, собственно, из-за этого и пришел...

— Обо мне? — насторожился Владимир.

— Борис, вернее, его голос, спросил: кто еще, кроме меня, прилетел на станцию. Я ответил, что Павел и ты.

— Ну, а он?

Игорь переминался с ноги на ногу, как нашкодивший мальчишка.

— Он сказал, чтобы ты пришел к кратеру, извини, в кратер, сам.

— Ты спросил его, почему именно я?

— Да.

— И что он ответил?

— Он сказал, что вы с ним вместе выросли и что ему с тобой нужно о чем-то очень важном поговорить.

Игорь удивленно посмотрел на изменившегося в лице Владимира.

— Володя, — Игорь попытался улыбнуться, но у него ничего не получилось. — Что с тобой? Неужели ты этому всему всерьез веришь?

— Нет, что ты, — Владимир словно очнулся. — Я уверен, что это тебе все показалось. Нашел таблетки?

Игорь кивнул и наконец-то улыбнулся, увидев вновь перед собой обычного Владимира.

— Спокойной ночи, — сказал Игорь, выходя из комнаты. — Разбуди меня, пожалуйста, завтра пораньше.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Да, — Игорь задержался в дверях, — а это правда, что вы с Борисом вместе выросли?

— Нет, неправда, — соврал, даже не сморгнув глазом, кибернетик. — Мы с ним вообще не были знакомы. Спи спокойно, — сказал он, выключая свет.

4

Яркое маленькое солнце медленно взбиралось на кручу фиолетового неба. Черные тени становились все короче. Ветра почти не было. Но Владимир знал, что через неделю-другую погода резко изменится. Желто-красная пыль затянет небо почти на полгода, а ветер подует со скоростью 50—100 метров в секунду. Приближалось великое противостояние — время глобальных бурь.

Владимир встал с холодного камня, тяжело вздохнул, еще раз бросил взгляд на скалу-обелиск и могильный камень, пошел к вездеходу. Задумчиво обошел его, осмотрел ходовую часть. Проверил, надежно ли к скобе вездехода

привязан шнур, и только после этого вызвал по радио станцию.

Игорь ответил сразу же:

— Володя, ты у скалы?

— Да. Я написал тебе записку.

— Но ведь Павел запретил...

— Я помню...

— А почему ты меня не разбудил?

— Жалко стало — ты так сладко спал.

Игорь обиженно замолчал.

— Ну, ладно, не обижайся. Я часа через два-три вернусь. Если с базы меня кто-нибудь запросит — переклужи на мою радиостанцию.

— Договорились, — без особой охоты согласился Игорь. — Скажи честно, Володя, ты поехал из-за голоса?

— Да.

— Ну и?..

— Пока — ничего.

— Я же говорил: показалось мне, — облегченно вздохнул Игорь.

— Наверное.

Владимир отключил радиостанцию, проверил: крепко ли она держится на поясе, пристегнул к поясу второй конец шнура и подошел к кромке кратера.

Идеально круглая выемка, метров сто в диаметре и около пяти — глубиной, тускло блестела в лучах утреннего солнца.

«Странно, — подумал кибернетик, — ни царапинки, ни камешка — словно всю поверхность только что отшлифовали. Почему никто раньше не обратил внимания на такой необычный кратер?»

Постояв минуты две у кромки, он спрыгнул вниз. Ноги легко спружинили, смягчив удар.

«На Земле с такой высоты можно и пятки отбить», — отметил про себя Владимир и осмотрелся. Дно кратера было ровным и гладким, как крышка стола. Кибернетик присел на корточки и попробовал отбить кусочек «столешницы» ультразвуковым геологическим молотком. На гладкой поверхности не осталось даже царапинки.

— Ну и ну! А если его бластером? — пробормотал он вслух.

— Думаю, все равно ничего не получится.

Владимир резко обернулся. Ему показалось, что голос прозвучал у него за спиной.

Вокруг не было ни души.

Владимиру стало не по себе, хотя он и готовил себя подсознательно к чему-либо подобному.

— Только не пугайся, пожалуйста, — голос теперь звучал где-то в черепной коробке. — Здравствуй. Это я, Борис. Жаль, не могу пожать твою руку!

Владимиру показалось, что сияющий кратер и темно-фиолетовое небо покачнулись. Он попятился и прислонился спиной к холодной стене.

— Ну вот. И ты испугался, — в голосе Бориса послышалась печаль.

— Но ведь тебя... три дня назад похоронил Олег, — выдавил наконец из себя Владимир, преодолевая противную дрожь.

— Заговорил! Вот и молодец, — по голосу было слышно, что невидимый Борис обрадовался. — Ты, главное, успокойся. С ума ты пока не сошел. Мое тело, действительно, похоронено. Во всяком случае, я надеюсь, что это так. А сам я жив. Понимаешь, место, где ты сейчас находишься, как бы точка соприкосновения двух миров. Когда в меня попал метеорит, я стоял у кромки кратера. Я потерял сознание и скатился вниз. Очнулся в огромном зале. Меня, оказывается, скопировали, синтезировали по «готовой формуле». Кстати, ты ведь сейчас тоже стоишь в этом зале, а тебе кажется, что ты находишься в кратере. Только здесь, в зале-кратере, я теперь и могу общаться с людьми.

Голос Бориса засмеялся:

— Ты знаешь, старик, право, смешно было видеть, как ты вваливаешься ко мне через потолок и начинаешь ковырять в зале паркет.

Владимир кисло усмехнулся про себя: его похоронили, а ему смешно! А вслух спросил:

— Как бы ты на моем месте поступил?

Голос перестал смеяться и вполне серьезно ответил:

— Наверное... так же.

Владимир немного успокоился и осмелел:

— Ты сказал, что тебя кто-то синтезировал заново.

Кто?

— Он называет себя Разумом.

— Что он из себя представляет?

— Это очень сложная мыслящая система.

— А люди в этом... твоём мире есть?

— Нет.

— А какая-нибудь жизнь вообще?

— Тоже нет. Планета идеально стерильная, Здесь нет даже микроорганизмов.

— Кто же тогда создал Разум?

— Бывшие жители планеты.

— Они погибли?

— Нет. Они покинули планету несколько тысяч лет назад, когда она попала в область сверхжесткого межзвездного излучения. Люди ушли, все живое погибло, а машины, заводы и фабрики, системы жизнеобеспечения либо продолжают функционировать, либо выключены, но находятся в приличном состоянии. Как только Разум оживил меня, он сразу же запустил одну из фабрик синтеза продуктов питания. Блюда шикарнее, чем в «Астории». — Борис засмеялся. — Боюсь растолстеть!

Владимир разозлился:

— Тебе смешно, а из-за тебя вчера отправили на базу Олега.

— Что с ним?

— Ты еще спрашиваешь? Сошел с ума.

Голос надолго замолчал, и Владимир даже успел пожалеть о сказанном. Наконец Борис заговорил снова, но, как показалось кибернетику, на сей раз глухо и хрипло:

— Поверь, я этого не хотел. Я не знал, что для него стал невидимкой. Я окликнул Олега и бросился обнимать... Ничего не получилось — я прошел сквозь него...

— Что было дальше?

— Я плохо помню. Кажется, я кричал и ругался, а потом выбежал из зала и долго не возвращался. Когда вернулся, ни Олега, ни моего... тела не было.

— Твое тело? Оно было осязаемым?

— Нет. Я сначала думал, что это мое голографическое изображение, оставленное мне на память Разумом, но потом догадался, что это было мое земное тело, и Олег забрал его.

— Как по-твоему, почему Разум синтезировал именно тебя?

— Потому, что я погиб.

— Но и до тебя земляне гибли на Марсе.

— Да, но не в этом зале-кратере.

Владимир замолчал, что-то обдумывая, а потом вдруг спросил:

— Значит, если я сейчас открою гермошлем скафандра, то попаду к тебе?

— Наверное.

— А назад?

— В обратную сторону дверь пока не открывается.

— Пока?

— Хочется верить, Я, собственно, потому и позвал тебя.

Владимир устало сел на пол и прислонился спиной к стене.

— Разум мне рассказал, — снова заговорил Борис, — что местные жители, узнав о грозящей им опасности, стали искать подходящую для переселения планету. Времени было в обрез, и они решили перебраться на Марс, предварительно перекачав на него атмосферу своей планеты. Но когда установки для перекачки атмосферы и переброски грузов были уже смонтированы и отлажены, местным жителям удалось отыскать в какой-то звездной системе более подходящую планету с хорошей атмосферой, биосферой и, что самое главное, без разумной жизни. В оставшееся время они построили новый центр переброски.

— А почему они не воспользовались уже имеющимся, «марсианским» центром для переселения на другую планету?

— Это практически невозможно. Центр такой рассчитывается и создается индивидуально для какой-либо планеты, настроен жестко. Перенастроить его с планеты на планету во много раз сложнее, чем построить новый.

— Постой, постой, — Владимир встал и заходил взад-вперед вдоль стены. — Ты хочешь сказать, что этот «марсианский» центр можно запустить, и ты вернешься на Марс?

— Да. Но не только во мне дело. Мы можем дать Марсу жизнь, перекачав на него атмосферу теперь уже мертвой планеты. Наши ученые смогут пуститься вслед за бывшими жителями, на любой брошенной ими планете должен сохраниться центр переброски. Мы можем вступить с ними в контакт — разве это не мечта многих поколений землян?

— Что нужно сделать?

— Система управления агрегатами и установками для перекачки атмосферы и переброски грузов не подключена к Разуму. Когда-то некоторые агрегаты были подсоединены и перебрасывали на Марс и с Марса разведчиков и тех, кто готовил там приемный кратер. Но потом, за ненадобностью, и эти агрегаты почти все отключили. Разум управляет сейчас только системами слежения, настройки и информационно-аварийной. Так что попасть сюда можно

только... умерев в кратере. Да и то, появившись здесь в синтезированном виде. Подключить все остальные системы, установки и агрегаты, думаю, можно, но я, ты же знаешь, почти не разбираюсь в схемах.

— Ясно,— сказал Владимир и надолго замолчал, обдумывая услышанное.

— Послушай, Борис,— спросил он задумчиво через некоторое время,— почему ты уверен, что с атмосферой мы дадим Марсу жизнь? Ведь одной атмосферы мало, на барханах и скалах яблони не зацветут.

— Здесь огромные подземные склады забиты техникой и другими грузами, созданными специально для освоения Марса. За год-два вся эта армада машин, заводов и фабрик превратит марсианские пустыни в плодороднейшие пашни. Останется только засеять их. Местные жители собирались капитально осваивать Марс, даже искусственное солнце намерены были зажечь на его орбите. Теперь им это ни к чему. Они не вернуться и на старую планету. Сырьевые ресурсы ее почти исчерпаны, рано или поздно они ее все равно бы бросили. Покинутая планета для них не первая и не последняя.

— Предположим, я... переберусь к тебе. А если хоть один из агрегатов центра неисправен? Не забывай, сколько им лет!

— Конечно, полной гарантии быть не может, но ты определишь, какой агрегат неисправен, а Разум произведет необходимые расчеты, расконсервирует один из заводов-автоматов и даст взамен неисправного — новый. Хотя, впрочем, уговаривать тебя не намерен — не тот случай.

— Почему ты так уверен, что Разум во всем будет нам помогать? Ведь он создан чужими для нас разумными существами?

— У меня нет причин не верить ему — он подарил мне жизнь...

— ... и сделал своим пленником!

— Досадное недоразумение. Он не виноват в том, что, покидая планету, ее жители почти полностью заколотили ненужную им дверь. Разум они не могли забрать с собой — он контролировал весь процесс переселения.

— Ну, хорошо,— Владимир посмотрел на часы.— Мне пора возвращаться на станцию.

— Ты уходишь насовсем?

— Я пока не обещаю тебе ничего, но завтра в это же время приду сказать «да» или «нет». Извини, мне надо

собраться с мыслями, обдумать все и, если я все же решусь, хотя бы написать завещание.

— Прощай.

— До завтра.

5

«...Уберите мой труп из кратера и больше в кратер не приходите. Не осуждайте меня строго — поступить иначе я не мог», — голос Владимира умолк.

Павел выключил магнитофон и посмотрел на притихшего Игоря.

— Бред. Он сошел с ума.

Игорь задумчиво покачал головой, но промолчал.

Павел вынул микрокассету из магнитофона и легонько подбросил ее на ладони:

— Это — его завещание.

— Павел, а Владимир и Борис были раньше знакомы?

— Знакомы?! Да они друзья детства, выросли вместе, — ответил Павел и, помолчав, добавил:

— Собирайся, Игорь. Через час мы улетаем с этого проклятого места. Станцию придется законсервировать. Хватит с нас сумасшедших и... самоубийц.

• 6

Прошли годы. Многие уже успели забыть о драматических событиях, разыгравшихся в свое время на затерявшейся где-то на плато Тавмасия станции МС-32. Но вот однажды утром перенаселенная Земля была потрясена новостью, переданной с Марса. Наблюдатели сообщили, что гигантский фонтан чистейшего, богатого кислородом воздуха забил над стометровым жерлом кратера, расположенного у самого подножья естественного обелиска, что молчаливо возвышался над могилой космонавтов...

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ

*Вводная лекция по курсу графофантомании,
прочитанная для участников
традиционного семинара в Верхней Кеше*

«Эль Брус едва успел отскочить в сторону, как мимо него, сминая шеренги закованных в броню боевых черепах, пронесся сорвавшийся с терминала бот. Дюзы его были разворочены, стабилизаторы погнуты, но уничтожитель главного калибра исправно посыпал округу пудовыми ядрами. Эль Брус поправил повязку на левом глазу, потом на правом. Снял дыродел с предохранителя и стал ждать».

— Ничего себе начало, а? Главное в нашем деле — хорошо начать, дальше все просто. Вообще, фантастические рассказы пишутся очень просто. Только обладая воображением древопитака (да простят меня критики), можно говорить о кризисе жанра и сетовать на недостаток сюжетов. Если же Вам не удалось придумать совсем новый сюжет, а фантастом стать очень хочется, возьмите сюжет старый, давно себя зарекомендовавший с лучшей стороны. Нет-нет, я не призываю вас к плагиату, я призываю вас к критическому осмыслению творческого наследия предков в свете современных достижений науки и техники.

Ну что, попробуем?

Для начала определим круг героев и дадим им имена. Кстати, имена — это тема отдельной лекции, тут разработаны интереснейшие методики, позволяющие в считанные минуты изобрести любое имя от Казб Ека и Сев Ера до Антона, Клима, Стаса.

Наших же героев назовем просто и со вкусом: Краша, Бака и Оник.

Крашу сделаем капитаном корабля, космического, разумеется. Баку — начальником отдаленной станции, а Оника отправим работать в Службу Космического Дозора.

Желательно ввести в рассказ лирическую линию, такие опусы хорошо принимаются читателями до шестидцати и после шестидцати, то есть основной читательской

массой. Линию предлагаю такую: Краша любит Оника, он об этом не подозревает и любит Крашу. Где любовь, там и зло. В нашем рассказе зло будет представлено своим про которого мы не будем ничего объяснять. Ведь все читали, что каждый уважающий себя космолетчик вооружен бластером, деструктором, аннигилятором, уничтожателем, дыробоем, но что это такое и с какой стороны стреляет, не знает никто. Вот и свои пусть будут таинственным и опасным порождением Космоса. Кстати, «космос» нужно писать только с большой буквы. Сами понимаете почему.

Теперь заправим нашу кашу сентиментальностью по вкусу и поперчим научными терминами для остроты. Не беда, если вы в школе выше «удовл.» по точным наукам не имели. Математика давно стала сродни оккультным наукам, а физики, как и сто лет назад, не знают, что такое электрон. А если полет происходит еще и на сверхсветовых скоростях, при сверхнизких температурах и сверхвысоком давлении под- или надпространства, то с нас, фантастов, взятки абсолютно гладки. Только не увлекайтесь подробным описанием работы всяких космических механизмов. Читатель сейчас не обладает тем долготерпением, что было у него во времена Жюль Верна, и может запросто уснуть, если на протяжении доброй половины рассказа космолетки объясняют друг другу принцип работы и внутреннее устройство корабля, на котором летят вместе вот уже десять лет.

Рассказ можно назвать как угодно. Например, так:

С Л У Ч А Й В К В А Д Р А Т Е ХЕТ-717964/РО7-125а

Длинная блестящая стрела стремительно испаривала пространственно-временной континуум. Кварковый реактор с нейтринным инжектором на медленных фотонах бесшумно всасывал пустоту и лишь изредка по-детски всхлипывал, пытаясь раздробить флуктуации плотности. В необозримом четырехмерном чреве корабля пустота рвалась, сжималась, пережевывалась в могучих жерновах мюонных полей и, обессиленная, отлетала далеко за корму. Там она запоздало возмущалась, свивалась в тугие воронки, пульсировала и разбегалась во все стороны длинными гравитационными волнами, едва ощутимо покачивая корабль. Корабль был похож на огромного кальмара, несущегося с немыслимой скоростью в океане пустоты.

Краша стояла на капитанском мостике, скрестив на груди тонкие руки с длинными нервными пальцами пианистки. Сквозь подошвы космобутс она чувствовала легкое подрагивание палубы, которое передавалось всему ее телу, и от этого казалась себе слитой с кораблем воедино. Так оно и было. Долгими месяцами циклическая система жизнеобеспечения корабля кормила, поила, обувала и одевала капитана, а дважды в неделю даже делала маникюр. Корабль был для Краши домом, надежно защищающим от безжалостной радиации и несущим к звездам.

Сзади, за кормой, звезд видно не было, только пронзительная чернота вечной ночи. Звезды всей Вселенной собрались по курсу корабля в идеально сферический сверкающий комок. Умом Краша понимала, что это всего лишь релятивистский эффект, зримое подтверждение правильности преобразований Лоренца, но чувства... Краша даже шагнула вперед, завороченная необузданной игрой красок, но, коснувшись лбом иллюминатора, тряхнула коротко стриженной копной огненно-рыжих волос и поспешила в ходовую рубку.

Щелкали реле, по-домашнему уютно гудел силовой трансформатор, на экране центрального визора то одним, то другим боком кокетливо поворачивалась изящная фигура Лиссажу, любимца капитана. Все было в порядке. Как всегда.

Краша села в кресло, привычно провела ладонью по гладкой выпуклости бортового Мозга, где под матовой поверхностью белыми и голубыми змейками пробегали мысли.

— Мозг, а Мозг,— тихо позвала она.

— Я здесь!— бодро откликнулся не любивший долго оставаться в одиночестве Мозг.

— Что-то мне не по себе...

— Что случилось?

— Какое-то томление, предчувствие, ожидание...

— Ожидание беды, предчувствие опасности?— деловито осведомился Мозг.

— Нет, не то.

— А томление сладкое?— вкрадчиво спросил Мозг.

— Пожалуй... Да, сладкое, очень сладкое!— обрадовалась точному определению Краша.— Что бы это значило?

— Любовь!

— Тьфу на тебя!— возмутилась Краша.— С тобой как с человеком, а ты... Просто в рационе нужно убрать мясо

и добавить хлореллы, понял? Как там у нас с энергией?

— Пока хватает, но можно подзарядиться. Я рассчитаю курс на ближайший пульсар, — отрапортовал Мозг, решив больше не возвращаться к теме томления.

Отдельные змейки мыслей слились в цветной хоровод.

— Расстояние три парсека, отклонение пи пополам. Совершать маневр?

— Не надо, так долетим, — рассеянно сказала Краша, перелистывая подарочное издание любимых таблиц Брадиса.

«Сказанул же! — думала она. — Любобы! Старееет Моз, старееет. Во время ближайшей профилактики нужно вычистить у него эти романтические бредни из левого полушария и заменить транзисторы в выходном каскаде».

— Как думаешь, станция на Проксиме еще держится?

— А куда ж ей, железной, деваться? — фривольно брякнул Мозг, но спохватился и по-уставному доложил: — Станция АБВ-5 типа «Хатка» рассчитана на прямое попадание метеорита весом с наш корабль и скоростью в половину абсолютной!

— Я не о том, — Краша устало провела рукой по лицу, — своки активизировались.

— Своки совершенно безобидны, — возразил Мозг.

— А «Вымпел»? Как ты объяснишь его гибель? Займись-ка ты лучше изучением сводок, а не романов.

Мозг молча проглотил упрек.

— Вероятно, нарушилось равновесие между своками и людьми, — сказал наконец он. — Какая-нибудь случайность...

Краша задумалась. Равновесие... Состояние в Космосе редкое и неустойчивое. Не столь редкое, сколь неустойчивое. Космос не прощает ошибок. Погибли Стаси, Млад и весельчак Ика.

— Интересно, как там Бака? — вполголоса спросила Краша.

— Не могу идентифицировать имя.

— Эх ты, глупенький! Бака — начальник станции и моя лучшая подруга.

Мозг сконфуженно молчал, решив раз и навсегда покончить с чтением романов. Перемигивание лампочек на панели индикации ясно говорило, что решение это окончательное и пересмотру не подлежит.

— ЛИЧНЫЙ ВЫЗОВ! ЛИЧНЫЙ ВЫЗОВ! — рев воксофона прогнал чуткий сон капитана.

— Вызов принят, — откликнулась Краша, щелкнула тумблером связи. — Прием, прием.

Экран видеотелекса засветился, и на нем появилось озабоченное лицо Оника. Время от времени по нему пробегали судороги. Краша подкрутила резистор частоты кадров, улыбнулась и исконно женским движением поправила волосы.

— Только что свои напали на патрульные корабли, — вместо приветствия сообщил Оник.

— Есть жертвы? — Краша наклонилась вперед. Пальцы, обхватившие подлокотники кресла, побелели от напряжения.

— Нет, нападение отбито. У тебя все в порядке? — Оник озабоченно взглядылся Краше в глаза.

— Конечно. Служба Дозора может спать спокойно. За бортом пустота. Не просто пустота, а пустота, умноженная на десять в минус двадцатой.

Оник вздохнул.

— Не нравится мне это десять в минус двадцатой. Свои могут быть где-то в твоем квадрате. Наблюдатели сообщают, что они как-то странно себя ведут. Кучкуются. Может быть, тебе стоит вернуться?

Краша нахмурилась. Мужчине он бы этого не предложил, подумала она, даже и не заикнулся бы.

— Нет, Оник. Меня ждут на станции, — решительно отрезала она и вдруг лукаво улыбнулась, — мы ведь так давно не болтали с Бакой!

— Если ты повернешь назад, никто тебя не осудит.

— Нет, У тебя все?

— Все.

— Конец связи.

Краша щелкнула тумблером и откинулась на спинку кресла. Сердце обволакивала трепещущая теплота. Волнуется, подумала она, только ли по долгу службы?

Она давно любила Оника, но ни за что не призналась бы ему в этом первая. Бака смеялась, называла ее дикаркой и убеждала признаться в чувстве. Уговоры не помогали. Краша, та Краша, что не страшилась в одиночку снова в легкой шлюпке в кольцах Сатурна, боялась, просто трусила, как самая обыкновенная девчонка.

«Я дойду, — думала она, — обязательно дойду до станции. А потом, может быть, признаюсь Онику».

— Моз! — воскликнула вдруг она, — когда мы прилетим на станцию, я притащу тебе целую кучу романов!

И она счастливо улыбнулась. Ведь она была самой обыкновенной девчонкой.

Всплески жесткого излучения от черных, белых, серых и прочих дыр нещадно хлестали эфир. Видеотелекс был бессилён, и только голос Баки, неузнаваемо обезображенный помехами, с трудом пробивался к кораблю.

— Милая Бака! — кричала Краша, — я скоро буду у тебя!

— ...у с нетерпением, — голос Баки то взлетал до фальцета, то опускался до гулко-баса.

— Я везу тебе новый скафандр, какой ты хотела, с рюшами, из Дома Космических Моделей Зайкина! И твои любимые пирки!

— Очень ра...шно соскучи...товлю сюрпри...

Неожиданно связь наладилась, и усиленный до предела голос Баки оглушил Крашу:

— Своков нет. Жду тебя. Немного заболела. Шлюзовую откроешь са...

Эфир взорвался истошным воем, воксофон умолк, пробки вылетели.

Корабль выбросил из себя шлюпку, и она по красивой параболе устремилась к станции. Краша изящно (видел бы Оник!) посадила ее в центр посадочного пятака и шагнула к шлюзу. Створки не поддавались. Краша на ощупь нашла аварийный шнур и сильно дернула. Створки распахнулись.

— Эй, засоня! Принимай гостью! — крикнула Краша в глубину коридора.

Ответом ей было гулкое эхо. Вдруг жгучая боль пронзила ее мозг. Краша покачнулась, сделала шаг вперед, но тут же, будто споткнувшись, тяжело рухнула на пол. Термосумка стукнулась о стену и откатилась в темноту. Пирки вывалились, над ними поднимался легкий пар.

«Своки! Не перепаляла выходной каскад... Не сказала Онику... Я себе этого не...» — было последней мыслью капитана. Потом пришла тьма.

Вот такая история. Как ее закончить? Можно так: «— А что было потом?»

— А потом пришел ОхотНИК, убил Серого ВолКА, распорол ему живот, и оттуда вышли КРАСная ШапочКА и БАБушКА, живые и невредимые. Вкусные ПИроЖКИ они съели, запивая сладким чаем. Спи, дружок, завтра я расскажу тебе новую сказку».

Этот конец один из возможных, но профессионалы так не поступают. Это называется «рубить сук, на котором сидишь». Оник, конечно же, должен спасти... Кого? Конечно, Баку, а потом вместе с ней отправиться спасать Крашу куда-нибудь в параллельную Вселенную. Чувствуете? Это уже повесть или цикл рассказов. А началось-то все с чего? Со старой сказки? Нет, с ее творческой переработки! Для разгона советую вам взяться за сборник русских народных сказок, непочатый край сюжетов. Вот, например, для затравки: все говорят — баба-яга, баба-яга. А что — если не баба-яга, а баба-йога, а?

Есть и другой путь проникновения в плотные ряды фантастов у дверей редакций и издательств. Фантаст, особенно начинающий, должен быть наблюдательным и наблюдения свои должен уметь экстраполировать. Вот вы ежедневно или не ежедневно меняете носки, рубашки и прочее. А что если менять не одежду и белье, а тела? Планета, на которой мода шагнула дальше, чем у нас. Что подумает о жителях этой планеты ничего не подозревающий молодой космолетчик-землянин, капитан какого-нибудь «Громобоя»? Кровь стынет в жилах от того, что он может подумать. И прекрасно, пусть себе стынет. Что может быть лучше читателя со стынувшей кровью?

Или вот еще: ваш знакомый на спор съел по частям мясорубку. Нелепо? Конечно, нелепо. Но давайте мыслить шире: что будет, если все начнут есть мясорубки, экскаваторы и самолеты? Несварение желудка? Нет, гораздо страшнее — крах цивилизации. Настоящему фантасту крахнуть цивилизацию — раз плюнуть. Вот так-то.

Дерзайте, друзья мои. Я не оставлю вас без поддержки и в следующих лекциях приоткрою завесу тайны над искусством хождения в редакции и общения с тамошними обитателями. Многие рассказы о недостижимости пресловутого «контакта» родились как раз после посещения подобных мест, мест таинственных и еще до конца не исследованных.

Единственное, чего я боюсь, так это того, что, воспользовавшись моими советами, все начнут писать фантастику. Вот это уж действительно будет крах цивилизации.

...ТОЖЕ РЕЗУЛЬТАТ

В лаборатории стояла рабочая тишина. Завлаб Зюзин заперся в кабинете и, по детской привычке, терзал правой рукой левое ухо, что было признаком крайней сосредоточенности. Через месяц годовой отчет. Срочно нужна идея. Идея представлялась Зюзину в виде чего-то туманного, манящего, очень желанного и... недоступного. Как граница плоскости с метрикой Римана. Или как кандидатка Аллочка. Это ж надо додуматься! Защитила диссертацию о форме дождевых пузырей. Одно слово — талант! Талант... Откуда он берется? Воспитание? Образование? Врожденное... Заложенное изначально... Гены! Гены таланта! Мысли Зюзина завертелись непривычно быстро. Кровь или костный мозг, вытяжка, концентрат, таблетки. Таблетки таланта. Пилули Зюзина. Талантин. Зюзинтал. Нобелевка!

Зюзин оставил в покое покрасневшее ухо, распахнул дверь и провозгласил:

— Эврика!

На зов первооткрывателя никто не откликнулся. Зюзин немного подождал и рявкнул:

— Эврика!

Через мгновение по коридору галопировали оторванные от кроссвордов сотрудники. Когда все собрались, Зюзин заложил руку за борт модного югославского пиджака, выставил вперед левую ногу, чтобы было заметно подрагивание икры, и внушительно изрек:

— Э-в-р-и-к-а.

Для незнакомых с иностранными языками пояснил:
— Есть идея. Ген таланта. Ищите талантливых.

Сотрудники переглянулись. Ровно год назад, когда они занимались вирусом сознания, лабораторный экспонат Тузик взбесился и искусал поллаборатории. Однако ген таланта — это что-то многообещающее.

— Нужен талантливый человек, — развивал идею Зюзин, — поэт, музыкант, художник, в общем, хоть дворник, но дворник талантливый.

Собрание заволновалось. Откуда-то из-за спин вылетела поддержанная всеми реплика:

— Зачем искать на стороне? Разве среди нас нет талантливых?!

В результате слишком ревнивого отношения сотрудников к интеллектуальным способностям друг друга, истина в споре о носителе таланта не родилась. Кровь

взяли у всех, после чего слили в общую колбу. Во избежание конфликтов.

В течение двух недель, отложив в сторону кроссворды, вязание, шахматы и кубик Рубика, лаборатория работала. Ожидаемых результатов не было. Полученное вещество дурно пахло и наповал убивало мышей. Вальжжные тараканы, еще недавно чувствовавшие себя полными хозяевами лабораторных столов, ретировались за батарею и опасливо шевелили усиками. Шимпанзе Сигизмунд после первой же инъекции препарата впал в проstration и не реагировал на уколы булавкой. Удрученные сотрудники рассеянно обдаживали друг другу деньги.

В конце года в качестве отчета лаборатория представила доклад «Об отсутствии в природе гена таланта». Вскоре завезли новую партию мышей, а шимпанзе Сигизмунда сослали в зоопарк. Еще год можно было бороться с созданием хитроумного Рубика, выяснять «что, где, почему», вязать теплые шарфы и лелеять кактусы.

Шимпанзе Сигизмунд сидел в углу клетки и ковырял веточкой в дощатом полу. «Так, — думал он, глядя на щели между половицами, — если параллельные прямые не пересекаются, то все тривиально. А если они пересекаются?»

КОЛЬЦО ЗЕМНОЕ

Джеми Керр, хмурая седые клочковатые брови, пристально и долго разглядывал свое морщинистое лицо, отражавшееся в зеркале. Старик! Совсем старик! Желание работать, ясность мысли... и почти полное отсутствие сил физических. Годы промелькнули, он и не заметил их. Скоро, всего-навсего через неделю ему исполнится сто лет. И никогда еще с такой силой сомнения не терзали ученого. Предстояло сделать выбор... Выбор... Он труден, этот выбор. Ведь именно сейчас, наконец-то прояснились контуры формулы, над которой он работал так долго и упорно. Контуры прояснились, но до завершения работы еще далеко. Керр с трудом поднялся из кресла, почти не ощущая ног, медленными семенящими шагами подошел к открытому окну.

— Какая ночь! — восхищенно выдохнул он. — Какая ночь...

Ночь была замечательная. Прохладная, с чистым и прозрачным воздухом, напоенным невероятной прозрачностью и тишиной. В черноте высокого неба бледно-зеленоватым светом переливалось Кольцо Земное, и в отсветах его Керр видел вдалеке гладь озера и белоснежные стволы задремавших на берегу берез. Кольцо Земное, делившее небо на две полусферы, сегодня словно бы ярче светилось — будто небесную ширь начисто промыла, а сама ушла за горизонт, тяжелая проливная туча.

Бисеринка-звездочка оторвалась от Кольца, прочертила по небосводу едва заметно, вспыхнув, погасла. Джеми Керр вздрогнул. Он знал, что это значит, однако привыкнуть не мог, наверное, трудно привыкнуть к зрелищу смерти, пусть и далекому. Еще один саркофаг искоркой скользнул вниз и исчез, оставив после себя лишь воспоминание.

— И здесь нет полной гарантии, — пробормотал Керр, возвращаясь в кресло, которое в последний год было почти постоянным местом его пребывания.

Профессор, лауреат Нобелевской премии, Джеми Керр был одним из крупнейших биохимиков. Многие годы он

занимался разработкой состава соединения, способного во много раз ускорить синтез белков и углеводов из воды и углекислого газа. И все это лишь при помощи солнечной энергии. Если бы ему удалось довести работу до конца, это во многом бы решило проблему перенаселения, позволило бы отказаться от ограничения рождаемости, от других ограничений, сковывающих человечество.

— Если бы удалось довести дело до конца... — грустно проговорил Керр. — Осталась неделя, а нужны годы.

Он одряхлел и чувствовал это. Умирать не хотелось. Кольцо Земное — вот выход. Сотни тысяч людей, у которых остановлены жизненные часы, покоясь в саркофагах, напичканных современной аппаратурой, парят в космической выси, ожидая новых открытий. Саркофаг к саркофагу... Кольцо Земное... Будто напоминание живущим — работайте, ищите... Найдите способы лечения болезней, лечения старости — верните нас к жизни, вам пригодится наш опыт, наши знания.

— Странно... — снова проговорил профессор и, в который уже раз поймал себя на том, что разговаривает сам с собою. — Странно... В старину не было Кольца Земного, а люди считали, что у каждого из них есть своя звезда... Падает звезда, умирает человек...

Керр нажал кнопку, вызывая робота-секретаря. Тот появился бесшумно, замер перед креслом, словно часовой:

— Жду указаний.

— Старина, обследуй меня и быстренько скажи, сколько я еще проскриплю? — сказал Керр чуть насмешливо и вместе с тем покровительственно, как всегда говорил с роботами, считая их чем-то вроде братьев меньших.

Робот невозмутимо подчинился, приблизился вплотную, опутал голову, грудь, руки профессора невесть откуда появившимися датчиками, мерно загудел. Через минуту сообщил:

— Год... семь месяцев... плюс-минус двое суток. Вам нужно лечиться. Необходим цикл укрепляющей терапии по классу НК-14... Либо — Кольцо Земное.

— Кольцо Земное, — в задумчивости повторил Керр.

— Да, профессор... Через семь суток у вас юбилей. Приглашение в Кольцо Земное получено трое суток назад. Через семь суток вам надлежит дать ответ, — без интонаций напомнил робот.

— Надлежит-надлежит! — сердито передразнил его Керр. — Иди, ты не нужен больше!

Елена обняла мужа, поцеловала, потом отстранилась, заглянула в глаза:

— Оскар, осталось два дня, а от твоего отца нет никаких известий... Ты разговаривал с ним? Ты напомнил ему? Мне уже тридцать, этот год последний, потом нам не дадут возможности иметь ребенка. Ты сказал ему об этом?

Оскар Керр мягко привлек жену к себе, виновато улыбнулся:

— Ты же знаешь отца... Он полностью отрезал себя от мира... Я пытался связаться с ним, но безуспешно.

— Отец ответил на приглашение в Кольцо?— со скрытой надеждой произнесла Елена.

— Не знаю,— опустил глаза Оскар Керр.

— Не знаешь?!— с расстановкой проговорила Елена, и глаза ее наполнились слезами.— Твой отец хочет закончить исследования, это я понимаю. А вот понимает ли он, что я хочу иметь ребенка?! Что ты хочешь сына! Моя мать — внука!

— Успокойся,— погладил её по руке Оскар.

Елена прикрыла глаза, застыла в неподвижности, запрокинув голову, потом до Оскара донеслось еле слышное:

— Поговори с ним... Он умный, добрый... Он поймет. Ведь если он откажется от Кольца, мы не сможем иметь детей. Ты же знаешь это, Оскар!

Он знал. Количество людей на Земле искусственно сдерживалось на одном уровне. Существовал этот уровень давно и был принят для того, чтобы не снижать общего уровня жизни людей. Уровни! Уровни! Уровни! Люди смирились с тем, что детей разрешалось иметь лишь после смерти кого-нибудь из близких. Или при отправке на Кольцо Земное. Один уходит в небытие, другой приходит.

— Я знаю,— сказал Оскар.— Отец как раз и занимается этой проблемой. Если он закончит работу над своим соединением, то многие люди получат возможность иметь детей, внуков.

— Многие?!— лицо Елены исказила злая гримаса.— Когда это будет?! Многие, может, и получают, а мы с тобой нет! Поговори с отцом, умоляю!

Оскар отвернулся, чтобы не видеть ее слез, сказал негромко:

— Боюсь, что отец откажется от приглашения в Кольцо... Он одержим своей идеей и...

— Нет у него такого права! — закричала Елена. — Нет! Я хочу ребенка! Хочу!.. Ты такой же, как твой отец! Ты бесчувственный сухарь! Тебе все равно — будет или не будет ребенок! Я тебя ненавижу! Слышишь?!

— Хорошо, — произнес наконец Оскар, — Я поговорю с отцом.

* * *

Дисплей мощного персонального компьютера мерцал зеленоватым светом, и на нем, повинаясь командам профессора Керра, выстраивалась сложная структура химической формулы. Керр откинулся на спинку кресла, проговорил, обведя взглядом учеников:

— Оксидные группы меня тревожат... И вопрос с полимеризацией под воздействием ультрафиолетовых лучей... Надо работать, надо доводить. Основа есть, остается техническая сторона дела. Эксперименты, эксперименты и еще раз эксперименты.

Доктор Риохас, тучный и лысый, склонился к Керру:

— Можете не сомневаться, Джеми, мы закончим работу. Все будет нормально. А вот ваши сомнения — принимать или не принимать приглашение в Кольцо. — это, извините меня, старческий каприз... Откажись вы от Кольца Земного, я бы считал это непростительной ошибкой... Конечно, завершить такую работу, стать автором крупнейшего открытия века приятно, но подумайте, Джеми, стоит ли из-за этого терять надежду? Когда вы вернетесь из Кольца — вы получите заслуженный вами почет. Такие вещи не забываются.

В голосе Риохаса было слишком много патетики, скрытого самолюбования, чтобы слова, сказанные им, можно было считать искренними. Однако старый ученый не заподозрил ничего, он слишком ушел в свои мысли.

— Нет, учитель! — воскликнул Александр Максаков. — Вы не должны бросать дело! Если вы отправитесь на Кольцо, работа над вашим соединением, конечно, будет продолжена, это я вам обещаю, но она замедлится!

— Почему? — выходя из задумчивости, спросил Керр.

Максаков, рано облысевший, обычно улыбчивый и какой-то расхлябанный, прославивший среди молодых ученых любимым учеником Джеми Керра, возмущенно воскликнул:

— Как почему?! Во-первых, с нами не будет вас! Во-вторых, такого опыта, как у вас, нет ни у кого! В-третьих,

мало среди нас людей, работающих не ради славы, а пользы для!

— Вы меня не так поняли,— попытался прервать его доктор Риохас.

Но Максаков не обратил на него внимания, он обращался к профессору Керру:

— Человечеству каждый день, каждый час ценны! Решение задачи, которую вы поставили и которую успешно завершаете, даст возможность накормить всех. Даст возможность иметь детей! А проблема перенаселения, она не так уж сложна — дальние экспедиции обнаружили несколько планет, на которые можно расселить людей. Пусть это дело будущего, но ведь можно же!

— Что ты предлагаешь, Саша? — с легкой улыбкой спросил Керр.

— Откажитесь от приглашения в Кольцо! — воскликнул Максаков. — Вспомните ученых прошлого, которые ради своих идей всходили на костер, гнили в казематах... Неужели мы настолько деградировали? Я же верю в вас, учитель!

Риохас взглянул на Керра, и во взгляде его было сочувствие, потом посмотрел на раскрасневшегося Максакова:

— Легко вам, молодой коллега, быть героем... когда речь идет не о вашей смерти.

Джеми Керр неожиданно резко встал из кресла, коротко поклонился, сказал глухо:

— Благодарен вам за советы. Не смею задерживать.

Риохас и порывавшийся что-то сказать Максаков покинули домашнюю лабораторию Керра. Проводив их взглядом, он устало провел по лбу пальцами, опустился в кресло. Чтобы отвлечься, нажал клавишу старого, еще на примитивных транзисторах радиоприемника. Это был подарок покойной жены, матери Оскара. Последние годы Керр довольно часто ловил себя на том, что когда ему плохо, приемник непременно оказывается в руках. Словно на нем могли остаться следы прикосновений жены. Профессор настроил приемник на волну, на которой в любое время дня и ночи можно было услышать новости.

— ... в дни юбилея Кольца Земного мы не можем не вспомнить имя одного из его основателей. Это имя — Сардан Керемясов. Вечная мерзлота, заснеженная Якутия, где он вырос, определили круг его научных интересов, а прекрасно сохранившиеся в вечной мерзлоте тела бизонов, мамонтов, диких лошадей, исчезнувших с лица земли тысячелетия

назад, навели на мысль о создании музея «Живой мир Земли XX века», который и был построен недалеко от Якутска и до сих пор служит эталоном для учреждений подобного рода. Строителям пришлось преодолеть огромные сложности, но музей в глубокой шахте выполняет свою функцию и сегодня — в нем сосредоточены все представители земной фауны и флоры, сохраняющиеся в нетленном состоянии при помощи все той же вечной мерзлоты. Это Сардан Керемясов претворил в жизнь идею о запуске в космос станций «Генофонд», с помещенными в них репродуктивными материалами животных, замороженными в жидком азоте. По его же инициативе были запущены «Красные спутники» с замороженными репродуктивными материалами животных, птиц и растений, занесенных в «Красную книгу»...

Джеми Керр выключил приемник, закрыл глаза. Перед внутренним взором предстал бюст Керемясова, виденный в музее лет десять назад. Десять лет прошло с тех пор, как он побывал в Якутии. Просторы якутской земли, величие Лены восхитили его. Как и тогда, пришла мысль, что если среда, в которой обитает человек, действительно влияет на мыслительную деятельность, на формирование способностей, то именно такие просторы могут способствовать рождению новых неожиданных идей, решений. Восхитило профессора и то, что народ, живущий на стылой земле, в юртах с ледяными стенами, голодный, измученный народ не был чужд поэзии. Бессмертный якутский эпос «Олонхо» до сих пор восхищает ценителей. Керр снова протянул руку к транзистору, коснулся клавиши.

—...на Кольце Земном в затененных от лучей солнца саркофагах лежат в жидком азоте тела людей, гарантированные в условиях космоса от разложения...

Профессор поморщился, выключил приемник. Сардан Керемясов не предполагал, что предложенная им идея будет воплощена в таких формах, есть в этом что-то... Керр долго сидел, уставившись перед собой невидящим взглядом, потом снова включил радио.

—...наш корреспондент сообщает об отказе знаменитого ученого Джеми Керра от приглашения в Кольцо Земное...

Керр резко нажал на клавишу, насупился. Откуда только прознали?! Он еще и сам окончательно не решил. Мучали сомнения... Если принять приглашение, может стать, что работа, которой он отдал долгие годы, не бу-

дет окончена. Хотя, есть ученики, и не страшно, если завершение ее отложится на пять—десять лет. Главное он сделал — очертания формулы прояснились. В нем словно боролись два его Я. Одно говорило: «Что тебе еще нужно? Ты познал любовь, вырастил сына, достиг славы, почета. Не всякому дается такая жизнь». Другое возражало: «Что?! Я — человек! И у меня есть великая цель — помочь человечеству. Только я владею возможностью помочь ему в беде, помочь безотлагательно. За то время, что мне отпущено судьбой, я мог бы это сделать!» Первое укоряло: «Мог бы, мог бы... Но не надо забывать, что после ста лет на Кольцо тебя не возьмут. Ты просто умрешь и уже никогда не вернешься к жизни. Это страшно — умирать...» «Страшно. Но меня это не пугает». «О сыне ты подумал?! О его жене? Ты своим решением оставляешь их без ребенка! Жертвуешь счастьем собственного дитя ради счастья какого-то «абстрактного» человечества». «Надо приносить жертвы, надо...» «Брось, ты просто эгоист и не видишь вокруг себя ничего, кроме твоей работы, кроме твоей формулы!» «Это не так! Мне трудно, очень трудно. Оскара я люблю, Елену тоже... Но если я закончу работу, не только они, другие — тысячи и тысячи других людей смогут насладиться счастьем родительским. И они вспомнят меня добрым словом...»

Джеми Керр помассировал виски, пытаясь прогнать тупую боль, поселившуюся где-то за височной костью, поднялся, прошел к окну. Прохладный воздух принес облегчение. Взгляд Керра остановился на зеленых цифрах, высвечивающихся на часах, скользнул мимо. Пресса, как это часто случается, опередила событие — срок, когда Керр должен дать ответ на приглашение в Кольцо, еще не истек. Он истекал через десять минут.

В дверь постучали, послышался голос робота-секретаря:

— Оскар Керр с супругой просят разрешения войти...
Профессор посмотрел на дверь.

«Что делать?— подумал он как-то успокоенно.— Впустить их? Или открыть через десять минут?»

А в дверь стучали и стучали.

Перевод с якутского А. Ярушкина

ОБЫКНОВЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Все трое тихо сидели перед искусственным камином в полутемной гостиной. Слышалось лишь мерное, с привистом жужжание кондиционера под потолком да шелест силиконовых колес домашнего робота по ковру. Рядом с камином стоял низкий овальный столик, на котором робот сервировал ужин. Конечно, можно было бы подвести к дому щитопровод и заказывать самые разнообразные блюда в Бюро Питания, но мама, как и все женщины, страстная поклонница всего модного, настояла на этом «шике» — роботе-прислуге. Папе, в общем, было все равно, недовольным остался только сын Денис.

Он сидел и размышлял. Щитопровод — удобная и полезная штука, что ни говори. Можно буквально объедаться всякими фруктами, сладостями или, на худой конец, просто мороженым. А тут? Во-первых, робот может не все, а только то, что у него в программе заложено. Во-вторых, он слушается только маму и папу, а его, Дениса, не признает, даже наоборот, всячески вредит: днем не дает включать камин, вечером заставляет ложиться спать после десяти часов, а утром не дает поваляться подольше, и вообще! Денис давно уже вынашивал план страшной мести, да вот все не было подходящего случая.

Папа, наблюдая за бликами пламени на видеопанели, думал, что вот наконец-то завтра он целый день будет дома. С одной стороны — это очень хорошо, побыть рядом с близкими и дорогими людьми, но с другой стороны — это вынужденный отдых. В последнее время что-то больно часто стали происходить аварии на лесоразработках. Впечатление такое, будто машины взбунтовались и отказываются работать, постоянно выходя из строя. И вот сегодня приехала особая комиссия из Технического Центра — будут разбираться.

Мама, прикрыв глаза, прикидывала, где бы им достать мимозы — сирень вокруг дома уже надоела. Да, у Стояновых, говорят, появился новый робот, который поет романсы и читает стихи голосами авторов. Вот бы достать! Надо будет поговорить об этом с Виктором...

— Па! А что там у вас сломалось на работе?— нарушил молчание Денис.

— Роботы, которые валят и обрабатывают лес.

— А, знаю, нам в школе фильм показывали. Они такие большие, круглые, на гусеницах, да? А спереди виброножи торчат. Правильно?

— Правильно.

— Умница, Дениска,— улыбнулась мама.— Смотри, Вить, первый класс, а уже так много знает!

— А еще,— важно приосанившись, продолжал Денис, стремясь поразить маму как можно сильнее (может быть, тогда она разрешит ему пользоваться роботом?),— у них на макушке торчит биолокатор! И они им определяют ценные породы деревьев. Верно, папка?

— Все верно,— папа наконец оторвался от мрачных мыслей.— Только эти роботы в последнее время очень часто стали ломаться, особенно виброножи.

— А как они определяют ценные породы?

— Биолокатор испускает особые электромагнитные волны разной частоты, которые отражаются от деревьев по-разному, в зависимости от содержания в них редких химических элементов, и чтоб как можно меньше было вредных примесей. А потом из этой древесины делают оргплазму, из которой выращивают продукты и фитапластик.

— Па, я хочу к тебе на работу, в лес!

— Если будешь себя хорошо вести, возьму как-нибудь.

— О, Вить, это же идея!— воскликнула мама.— Давайте прямо завтра полетим в лес! Устроим пикник с настоящим костром, шашлыки пожарим! Это ведь теперь ужасно модно!

— Папка, летим!— подпрыгнул Денис.

— Ну, ладно-ладно, уговорили, хотя я бы лично поспел дома или сходил бы в Сады Развлечений.

— Вот так всегда!— возмущенно сказала мама.— Ты эгоист, Виктор, думаешь только о себе, а что ребенку нужен свежий воздух, тебе наплевать! О себе я уже и не говорю. Я неделями глотаю кондиционированный ионизированный воздух в КБ, а он жареным железом отдает!

— Ты знаешь, как пахнет жареный металл?

— Да ну тебя! Так мы летим или нет?

— Успокойся, я же сказал, что согласен. В лес — так в лес.

— Денис! Ну скоро ты?— Мама поудобнее устроилась в кресле «стрекозы» — изящной матово-серебристой машины с тонким ажурным хвостом и голубоватыми перепончатыми крыльями позади кабины. Сходство с насекомым дополняли две многогранные полусферы по бокам от пилотского кресла — энергонакопители. На месте пилота сидел папа и нетерпеливо похлопывал руками по рожкам штурвала. Мама взглянула на часы-браслет, потом в сторону дома, шагах в двадцати от машины утопавшего в зарослях сирени по самую крышу. Дом словно парил в белоснежно-розовом облаке над бархатной малахитовой лужайкой, на которой стояла «стрекоза».

— Мы улетаем без тебя, Денис!— снова крикнула мама в сторону дома.

— Что ты там копаешься?— не выдержал папа.

Вдруг кусты колыхнулись, раздался треск ломаемых ветвей, и спустя секунду на лужайку вывалился упитанный взлохмаченный сын с алюминиевой саблей в руке. Он лихо взмахнул игрушкой, и крайняя ветка, сгибавшаяся под тяжестью крупных нежно-розовых кистей, с легким стоном упала на траву. Денис издал какой-то воинственный клич и, еще раз широко размахнувшись саблей, под дождем метко срезанных цветов ринулся к «стрекозе».

Улыбающийся, рот до ушей, плюхнулся рядом с матерью на сиденье и объявил:

— Я прорвался из окружения!

— Молодец!— мама тоже улыбнулась и погладила его по торчащим вихрам.— Прямо Илья Муромец! Ты ничего не забыл?

— Не-а!— сын несколько раз подпрыгнул на мягком сиденье.— Я нож взял — буду себе меч и щит делать.

— Ты зачем сирень портишь, богатырь?— недовольно обернулся со своего места папа.— А ну, разоружайся или никуда не поедешь!

— Ма-а, чего он!— сразу же занял «вояка», пряча за спину саблю.

— Виктор, прекрати травмировать ребенка!— нахмурилась мама.— Ему вредны отрицательные эмоции!

— Ну да,— проворчал, смягчаясь тот,— ты-то с этими чертовыми кустами не возилась! Сколько я нервов на них угробил? А все мода!

— Да, мода!— Мама с гордостью взглянула на их дом, окутанный душистым облаком.— Разве плохо? Стоя-

новы вообще стены убрали. У них там марсианский ползун вместо фитапластика. А мы чем хуже?

— Ну, уж конечно, не хуже! — взмахнул руками папа. — Как же — сирень из питомников Ганимеда, по две тыщи за кустик! — он сплюнул на лужайку, захлопнул колпак кабины и включил двигатель. — Денис, запомни раз и навсегда: играй, воюй, делай, что хочешь, но не дома! В лесу — пожалуйста! Там обыкновенные деревья и кусты: вырывайся, спасай, побеждай кого угодно, но не здесь! Мы не миллионеры — каждый день садить новые кустики за две тыщи! Понял?

— Угу, — буркнул «богатырь» и добавил тихонько: — Жадина!

— Ну-ну, мой маленький, не сердись, — ворковала мама, расчесывая его вихры. — Живую сирень действительно трудно достать. А мы сейчас полетим в лес, к оврагам, там много этой... как ее, крапивы! И ты сможешь одним махом срубить множество коварных и жгучих врагов.

— Да-а, а если она меня ужалит?

— Ну, тогда мы полетим на Большие Луга. Там растут такие высокие фиолетовые цветы кисточкамп, забыла, как они называются. У них нет колючек.

— Ладно, — смилостивился Денис, — летим туда.

Час спустя поля и теплицы кончились, и под «стрекозой» поплыли колко-зеленые верхушки высоких золотоствольных деревьев, стоящих далеко друг от друга между горами пестрого разнообразного промышленного мусора с изредка перемежающимися обширными, цвета хаки, полянами, на которых местами виднелись серебристые крестики «стрекоз» отдыхающих здесь людей. Кое-где дымили костры — дань моде: считалось полезным (пу, и шикарным, разумеется!) приготовление пищи на открытом огне. У мамы при виде всего этого шика разгорелись глаза, но когда папа предложил сесть где-нибудь здесь, она фыркнула с деланным презрением:

— Фи! Тут нет ни одной приличной поляны! Это ведь Зона Сброса!

— Э! Что за фокусы? — заерзал в кресле Денис, заметив, что машина нырнула вниз. — Мы так не договаривались! Хочу на Большие Луга! — и он воинственно поднял саблю.

— Осторожнее! Разобьешь термосы, — мягко остановила его мама. — Виктор, мы же договорились! — укоризненно покачала она головой.

Папа буркнул что-то насчет роста дефицита на горячее, но потом выровнял машину и увеличил скорость. Теперь «стрекоза» неслась почти над самыми верхушками деревьев, которые мгновенно желтели и обугливались, если их задевала раскаленная струя выхлопа машины. Растительности становилось все больше, а отбросов все меньше. Вдруг внизу, среди деревьев, промелькнуло что-то разноцветное и яркое.

— Стой! — заорал Денис, который буквально прилип к прозрачному полу кабины. — Там что-то было! Давай назад!

Но папа уже и сам разворачивал «стрекозу». Они медленно ползли над лесом, и все-таки это оказалось полной неожиданностью.

Деревья внизу расступились и открыли маленькую круглую полянку. Она вся была усыпана цветами, будто шальной ветерок сорвал с неба нежную радугу и бросил на эту лужайку, разбив на тысячи осколков, разметав их по пушистому нефритовому ковру трав. По краям полянка заросла невысокими разлапистыми кустами, как будто орошенными кровью — крупными ягодами. А со всех сторон эту красоту обступали все те же обыкновенные деревья с золотистыми стволами.

— О-о! — вырвалось невольно у всех.

— Как в заповеднике «Флора» на Венере, да, Вить? — восхищенно прошептала мама, прислонившись к его плечу.

— Ох, и повоюю я сегодня! — выдохнул Денис, поглаживая свое грозное оружие. — Молодец, папка!

— Внимание! — Папа сглотнул вязкую слюну и сильнее сжал ручки штурвала мгновенно вспотевшими от волнения ладонями. — Иду на посадку!

«Стрекоза», накренившись на вираже, круто пошла вниз, зависла в метре от пестро-зеленого веселого ковра, выжигая в нем овальное черное пятно, потом качнулась и мягко села на мертвый пятак.

Папа откинул колпак кабины и прыгнул на траву.

— Красотища! — он вскинул руки и потянулся так, что хрустнули позвонки. — Эй, вы, продукты цивилизации, вступаите в контакт с природой!

Мама и Денис осторожно и несколько опасливо выбрались из «стрекозы». И папа, сначала так бодро выскочивший на полянку, вдруг почувствовал неприятный холодок между лопатками. Он передернул плечами, и ощущение исчезло. Фу, показалось! Папа оглянулся, Грозный

«воитель», крадучись и озираясь, медленно обошел вокруг машины, почему-то пряча саблю за спину. Мама боязливо поежилась, растирая на руках «мурашки», молча присела и сорвала первый цветок...

Ничего не изменилось. Через полчаса папа мастерски развел самый настоящий костер из собранных непоседливым Денисом веток и только удивлялся — откуда здесь столько сухостоя? Мальчишка без усталости носился по кустам в дальнем конце поляны, и не напрасно:

— Папка! Иди сюда скорее! Что я нашел!

Мама уже нанизывала на шампуры сочное розоватое мясо, поэтому папе временно делать было нечего, и он отправился к любознательному сыну, на ходу чуть ли не горстью срывая из-под ног крупную землянику.

— Ну, что тут у тебя! — спросил он, протискиваясь между кустов, согнувшихся под тяжестью тугих рубиновых ягод.

Денис, прикрывая одной рукой разорванную штанину, стоял возле какой-то бурой изогнутой ветки, торчавшей из-под куста. Но, приглядевшись, папа понял, что это часть каркаса «стрекозы», только сильно проржавевшего.

— Вот, — показал на «ветку» Денис, — я об нее штаны порвал. Что это?

— Старая рама от винтолета. Наверно, кто-то потерпел здесь аварию лет двадцать назад. Тогда эти «стрекозы» еще были ненадежные и хрупкие.

— Ладно, пошли, — Денис с сожалением пнул железяку, явно ожидая услышать нечто необычное. Он быстро прорубился сквозь кусты саблей и принюхался: — Вкусно! Я есть хочу! — и помчался к костру.

А папа присел и еще раз внимательно осмотрел ржавую раму, потом огляделся вокруг и увидел небольшой, тоже бурый прямоугольничек рядом со стволом ближнего дерева. Папа поднял его — это была табличка технического паспорта машины, покрытая толстым слоем окислов. Папа потер ее сначала рукой, потом вынул вибронож. Бурая пыль потекла из-под лезвия, открывая блестящую поверхность металла с выбитыми на ней знаками: «Модель 4657—B089... изготовлена XI.62 г...» Не может быть! Папа вытер мгновенно вспотевший лоб — в прошлом году? Но сплав, из которого делают теперь «стрекозы», разрушается минимум через десять лет при самых неблагоприятных условиях! Чертовщина какая-то!... Откуда вообще здесь эта поляна? Невероятно! Под самым но-

сом у «Лессинтеза» такое обилие деловой древесины! А ягоды? Папа подкинул на ладони алые в коричневую крапинку ароматные шарики. Помнится, биологи утверждали, что в лесах последняя земляника исчезла полвека назад, а тут? Райские кущи, только херувимчиков над цветами не хватает. Не-ет, тут что-то не так! А вдруг это... папа даже похолодел от внезапной мысли: ведь и роботы-заготовщики чуть не после каждой смены требовали новой смазки и шлифовки, и эта «стрекоза»... Нет, не может быть! Дико! Бежать отсюда скорей! Постой, а может, это только игра воображения? Переутомился, нервы расшались? Или кто-то пошутил, и все это — видеомат? И все-таки, а вдруг... Папа бросился сквозь кусты к костру...

Шашлыки шипели и плевались соком. Мама перекрутила шампуры последний раз и крикнула:

— Виктор! Денис! Идите обедать, все готово!

— Да, — спохватилась она, — про термосы-то я и забыла! — Мама пошла к «стрекозе». Подойдя поближе, она остановилась — что-то изменилось в машине. Мама не могла сразу сообразить — что? Откинула крышку багажника, вынула два термоса с тоником и фруктовым соком для Дениса и тут поняла, что случилось — «стрекоза» прямо на глазах оседала. Но колеса не провалились в землю, их просто не было! Мама тряхнула головой — нет, точно, машина медленно зарывалась носом в траву, быстро покрываясь пятнами ржавчины и разваливаясь. Вот со скрежетом оторвался один из энергонакопителей, вот отпал кусок обшивки, вот надломилось крыло... Мама попятилась, чувствуя, как внутри нарастает волна ужаса, споткнулась, выронив термосы, и кинулась назад, к костру. Кричать не было сил...

В белесо-голубом небе пылало ярко-желтое, безразличное ко всему происходящему под ним солнце. На круглую гостеприимную полянку из-под разлапистых кустов выскочил юркий полосатый зверек и удивленно замер столбиком, уставившись глазками-бусинками на нелепую грудку ржавого металла, высившуюся посреди поляны. Потом, убедившись, что опасности в ней нет никакой, он нырнул в высокую траву и пропал. Легкий ветерок налетел неожиданно, потеревил венчики цветов и травинки, пошумел в кустах и умчался дальше.

А вокруг безмолвно и спокойно стояли все те же высокие стройные деревья. Плюс еще три.

Обыкновенные деревья.

ФИАСКО ПЕТУХОВА

Иллюзиониста и экстрасенса Виктора Петухова публика всегда принимала с восторгом. Феноменальный Петухов играючи отгадывал нехитрые мысли зрителей, стаканами пил азотную кислоту и силой взгляда передвигал стулья.

Еще мальчиком мечтал Петухов о славе артиста, оттачивая способности на затюканных соседях. Но с годами закрались в его душу тяжкие сомнения.

— Не так, не так живу, — грустил он, сидя в номере гостиницы после очередного триумфа. — Суета, пользы людям — ноль... Бросить все к черту...

И решил, импульсивный, как многие артисты, Петухов круто изменить свою жизнь. Еще трепал ветер края афиш с изображением Виктора, гипнотизирующего кролика, когда взволнованный экстрасенс переступил порог отдела кадров завода электрочайников.

— Извините, вам не нужны вахтеры?..

Суровый кадровик в полувоенной одежде, накануне побывавший на концерте Петухова, дотога удивился, что произнес целых шесть слов подряд:

— Само собой требуются, о чем речь!

Утром следующего дня Виктор уже стоял в застекленной будке около «вертушки». Он вовсе не случайно выбрал эту не слишком почетную профессию. Зная, где лучше всего проявить свои замечательные способности, Петухов решил стать на защиту социалистической собственности. Поначалу тянуло пойти в угрозыск, но там нужно было бы стрелять из пистолета...

За полчаса своего первого дежурства бдительный экстрасенс задержал двух инженеров с просроченными пропусками, одного слесаря с «запахом» и технолога, пытавшегося пронести на завод карты для пасьянса.

Начальник военизированной охраны ликовал.

— Молодчага, Павлинов! — кричал он, напирая на Виктора затыкнутым в форму животом, — Так держать! Держи марку!

Начальник был человеком очень жизнерадостным и коллекционировал дверные замки.

— Будь начеку, Гусев. После смены пойдут несуну.

Петухов не знал, кто такие несуну, и напрягся до невозможности. Его обостренный взгляд проникал в самые потайные карманы любителей вынести с завода что-нибудь «для дома, для семьи».

...На деталях электрочайников, извлеченных Виктором из карманов несунув, сборочный цех работал два дня. Начальник охраны хохотал от восторга, назвал Виктора последовательно Фазановым, Индюковым и Воробьевым и на радостях подарил ему редкий дверной замок, который не смог открыть даже сам президент общества любителей запоров и щеколд.

Через пару месяцев Виктор Петухов полностью вошел в курс, набил руку и стал настоящим профессионалом. С опытом пришла мудрость. Теперь он не спешил хватать нарушителя за руку, предпочитая разумную профилактику. Несун, бывало, еще метрах в двадцати от проходной, а Виктор уже кричит:

— Гришанов! Эй, Гришанов! Да ты не прячься за спины! Пассатижи зачем за поясом спрятал? Мне же видно. На общее собрание захотел? А ну, неси обратно в цех!

За это Виктора уважали, величали «Алексеичем», а за глаза — «рентгеном». Заводская многотиражка поместила фотографию Виктора и заметку «Всегда на посту». Он даже прослезился и всегда носил вырезку с собой, хотя инициалы его были перепутаны.

...В один прекрасный рабочий день, проверяя пропуска у «вертушки», Виктор ощутил сильный щемящий импульс. «Пытаются вынести что-то, причем крупное...» Попросив сменщика подменить его минут на пять, он выскочил из будки и подбежал к воротам.

Действительно, перед воротами стоял готовый выехать грузовик. Под двойным слоем брезента наметанный глаз Виктора ясно различил две сотни новеньких электрочайников.

— Сто-о-ой! — закричал Виктор, становясь перед радиатором.

— Ты что, Алексеич, очумел? — выскочил из кабины начальник отдела сбыта. — Под колеса кидаешься!

— Чайпики в кузове, — задыхаясь, проговорил Виктор. — Без документов везете... Получается, ворованные!

— Тю!— свистнул «сбыт». — Ворованные! Ты хоть ему объясни!

— Курицын, в чем дело?— строго сказал подошедший начальник охраны.— Все нормально. С разрешения главного инженера. Проезжайте!

— Не пуцуй!— крикнул Виктор.— Почему документов нет? Я же вижу, ворованные они...

— Вы почему оставили свой пост?— напустился на Петухова начальник охраны.— Вы где находитесь, в детском саду?

— погоди,— остановил его начальник сбыта.— Понимаешь, Алексеич, за эти самые чайники мы у литейного завода берем полвагона листового железа. У нас механический простаивает, а лимиты, сам знаешь, повыбраны. Производственная необходимость, ясно?

— Не совсем,— ответил Виктор, пристально вглядываясь в собеседника.— Меняете двести чайников на полвагона листа? Необходимость?..

— Ну! А ты кипяتيشся чего-то!

— А десять штук Сергею Степановичу?

— Какому еще Сергею Степановичу? Что ты мелешь?

— Из областного управления торговли. Сколько ему полагалось, не десять разве? А он должен краски дать для гаража... А еще Михаилу Никифоровичу. Этому сколько?..

— Уберите его отсюда!— закричал начальник сбыта.— Навязали идиота на нашу голову! Псих ты, а не экстрасенс!

— Петухов!— закричал начальник отдела охраны, в первый раз называя Виктора правильно.— Марш на пост! Не вашего ума дело! Это приказ! Марш без разговоров. Марш, марш, марш!!

...Через два дня ушедший по собственному желанию Петухов выступал с концертом в местном Доме культуры. Глотал азотную кислоту, отгадывал мысли, двигал стулья...

— Это был просто неудавшийся номер,— убеждал он себя, сидя после концерта в гостинице.— Надо же обновлять репертуар, изучать жизнь, расти? Вот я и обновлял, изучал, рос. Пожалуйста, производственную необходимость научился понимать. Производственную... Черт бы ее побрал!

УТКОНОС

Виктор Иванович спал и видел во сне утконоса. Диковинный зверь шустро ползал по травке, клал яйца и поедал мелкую живность.

Тут прозвенел будильник, и Виктор Иванович проснулся. В мозгу еще шевелился утконос, «Недурной мех, — подумал Виктор Иванович. — Кстати, к следующей зиме опять надо новую шапку. Летит времечко!»

Он встал, умылся, тщательно побрился станком, оделся поплотнее и пошел на работу.

С девяти до двенадцати Виктор Иванович работал за своим столом. С двенадцати до часу он обедал. На обед был борщ, бифштекс с картофельным пюре, два куска хлеба, намазанных горчицей, и стакан чая. Кофе Виктор Иванович не пил уже лет десять — берег сердце.

Когда рабочий день кончился, Виктор Иванович пошел домой. Поужинал жареной колбасой с овощами, попил чаю (индийского пополам с цейлонским, это было его слабостью). Потом листал старые «Огоньки», выпиливал лобзиком домик и думал о новой шапке.

Без четверти одиннадцать Виктор Иванович стал готовиться ко сну. Он принял душ, постелил постель, аккуратно оторвал листок настенного календаря и завел будильник. Заметив, что на дворе еще светло, Виктор Иванович тщательно задернул плотные шторы. После этого он лег в постель и уснул крепким здоровым сном.

А за окном и не думало темнеть. Порыв ветра толкнул форточку и отогнул портьеру. Луч яркого искусственного солнца осветил лежащий на столе оторванный листок календаря. На листке было напечатано: «25 января 2088 года. 50 лет со дня первого полета на Вегу». На горизонте поднимался голубой столб стартового пламени — в космос уходила очередная межзвездная экспедиция.

Виктор Иванович сладко спал, натянув на голову эластичную сетку, чтобы за ночь не разлохматились волосы. Во сне он видел диковинного зверя утконоса. Утконос ползал по травке, клал яйца и поедал всякую мелочь. Ему тоже было очень хорошо и спокойно.

РАЙСКАЯ ЖИЗНЬ

1

— Планета как планета,— пробормотал Федор Левушкин, нагнувшись к экрану внешнего обзора.— Облачность умеренная. Растительность довольно захудалая, пустыни, ледники. Не понимаю, что ты в ней нашел.

Планетолог звездолета «Ласточка» Роман Птицын в изумлении посмотрел на своего командира.

— То есть как это, что нашел? Ты что — ничего не видишь? Планета должна иметь цивилизацию. Посмотри еще раз анализы проб атмосферы: загрязненность на два порядка превышает норму для данного типа планет! А вот карта замеров радиоактивности! Нет, ты только взгляни! — упрашивал Роман, перелистывая папку с материалами о планете.— Только посмотри!

— Не буду я ничего смотреть! — сказал Левушкин упрямо.— Оставь свои зеленые фантазии при себе. Все эти телячьи восторги по поводу следов высокоразвитых цивилизаций я выслушивал десятки раз, и, поверь моему опыту, после проверки все это оказывалось лишь редкой комбинацией естественных условий. А на эту планету и смотреть-то противно! При такой убогой растительности существование высших форм животного мира вызывает определенные сомнения, не говоря уже о цивилизации. И вообще, покажи мне на поверхности планеты хоть одно искусственное сооружение. Пусть не город, пусть хотя бы какой-то знак!

— Но анализы...

— Это не доказательство. У меня серьезная экспедиция! Планы разработаны Управлением, утверждены Министерством галактических исследований — и отступать от них я не намерен. Еще сутки покрутимся вокруг планеты, проведем двойное зондирование и перелетаем к следующей. В этой системе почти полсотни крупных планет, и если на каждую высаживаться, мы здесь до конца квартала застрянем.

— Это уже бюрократизм, капитан,— ехидно заметил Роман.— А если завтра после зондирования у меня будут доказательства? Что тогда?

— Вот тогда и приходи ко мне со своими доказательствами. Впрочем, это маловероятно. Кстати, я приказал проверить эфир, но никаких сигналов от высокоразвитых цивилизаций пока поймано не было.

— Учту!— буркнул Роман и, в душе проклиная неговорчивость Левушкина, направился в лабораторию.

«Куда он спешит,— негодовал Роман.— Топливо есть, почему бы и не высадиться на планету, изучить все на месте?» Интуиция планетолога подсказывала: планета, вокруг которой уже вторые сутки крутился звездолет, должна иметь цивилизацию.

— Вот чем угодно клянусь — есть цивилизация! Но разве ему докажешь?— бормотал Роман.

Однако в этот раз судьба сжалилась над Романом. В коридоре сразу за дверью рубки он столкнулся со штурманом Геннадием Куцем. Куц с озабоченным видом вышагивал по коридору, сжимая под мышкой рулон каких-то снимков.

— Старик у себя?— мрачно спросил он Романа и, не дожидаясь ответа, добавил:— Кстати, ты мне тоже нужен. Пошли!

— Спасибо, я только что от него, с меня хватит!

— Ничего, лишний раз лицезреть начальство всегда полезно,— резонно ответил Куц, вталкивая Романа в рубку и вываливая на стол перед Левушкиным грудой фотографий.

— У меня здесь, братцы, какая-то ерунда проступает,— сказал Куц,— надо бы разобраться, Федя.

— Ну, что еще?— недовольно поморщился Левушкин, придвигая к себе фотографии.— Так... Это в рентгеновских лучах... А это? Магнитные поля? Любопытно!

И капитан вместе со штурманом принялись сортировать фотографии. Явно не доверяя снимкам, Левушкин тем не менее вдруг зафыркал, стал почесывать у себя за ухом, что являлось у него признаком некоторого волнения и даже растерянности.

Роман тоже склонился над фотографиями. Снимки были яркими, пестрыми и, как обычно, малопонятными. От обилия цветных полос и пятен у Романа зарябило в глазах. Минуту он старательно всматривался в фотографии,

пытаюсь сообразить, что так смущает штурмана и капитана, и вдруг заметил несколько прямоугольников.

— Города!— восхищенно прошептал Роман.— Я говорю, города под слоем песка.

Левушкин недоуменно поднял голову.

— Какие еще города?

— Он не туда смотрит,— добродушно пояснил Куц.— Ты, Роман, смотри ближе к экватору. Города твои очень смахивают на дефекты печати, впрочем, и без них вопросов хватает...

— Хм,— фыркнул Левушкин.— И это мой лучший планетолог! Ты что, все еще ничего не видишь?

— Да все я вижу,— смутился Роман, и в следующий момент действительно увидел...

Через все фотографии, почти по экватору планеты, проходила тонкая темная черточка.

— Кольцо!— прошептал Роман.— Что это, капитан?

— Этот вопрос скорее тебе надо задать,— небрежно бросил Куц.

Левушкин озабоченно взглянул на своих помощников, на фотографии...

— Да, вопрос... Кажется, есть основания для высадки. Придется поковырять планетку основательнее.— Левушкин посмотрел на сияющие лица штурмана и планетолога.— Чему радуетесь? Опять из графика работ вылетим. Вам только подавай тайны, а мне потом в Управлении одному отдуваться. Геннадий, ответственным за высадку назначаю тебя, но запомни, если ты опять мне катер утопишь в каком-нибудь болоте, до конца экспедиции к полетам не допущу!

— Мог бы и не напоминать,— угрюмо процедил Куц, с достоинством направляясь к выходу из каюты.

— А ты, Роман, поосторожнее со всеми этими цивилизациями! Чтобы строго в рамках инструкций и никакой отсебятины.

— Помилуй, Федор, когда это было, чтобы мы нарушали? Мои орлы каждый вечер перед сном «Технику безопасности» и «Общий Космический Устав» повторяют.

Левушкин сморщился, словно услышал что-то очень нехорошее:

— Сказки про устав в Управлении рассказывай, там в них скорее поверят, а из меня этим слезу не вышибешь. Можешь идти!

Посадка прошла успешно.

— Как на перину шлепнулись, — улыбнулся Геннадий, когда катер мягко коснулся почвы планеты. — Вообще, высаживаться в пустынной местности — одно удовольствие, — добавил он, обращаясь к Роману. — Это тебе не болота Джики, которую капитан, я чувствую, будет мне припоминать еще долго. И это не джунгли Адрии. Здесь все просто. Поправка на ветер, поправка на магнитное поле планеты... Катер может посадить даже ребенок. Посмотри, кстати, какая точность — прямо в заданный квадрат.

Роман и два его помощника — Алексей и Виктор — прильнули к иллюминаторам.

Геннадий уже раздвинул шторы, и разочарованным взорам исследователей открылись бесконечные пески.

— А где же это ваше загадочное кольцо? — спросил Виктор, вглядываясь в кромку горизонта.

Геннадий лениво зевнул.

— Кольцо, мой милый, надо полагать, под песками. Метрах в ста под ними. Вам еще, боюсь, предстоит его откапывать.

Перспектива рытья в песке, очевидно, мало устраивала исследователей.

Заметив, как вытянулись лица у его подопечных, Роман снисходительно улыбнулся:

— Штурман шутит, братцы. Не надо паники. Сейчас вытащим вездеход и прокатимся вдоль колечка. Где-нибудь оно обязательно вылезет на поверхность. Все бы тебе, Геннадий, парней пугать. Кстати, нашим автоматам прорыть шахту в здешних песках не очень сложно. Только мы на этом потеряем дня три, а результаты, скорее всего, будут более чем сомнительны. Надо искать открытые выходы кольца.

— Об этом я и без тебя догадываюсь, — несколько обиженно протянул Геннадий. — Лучше вытащи наружу датчики. Надо бы уточнить параметры вашей диковинки. И вообще, поторапливайтесь. Не забывайте, что капитан отвалил нам только неделю на решение всех местных кроссвордов, а это, как ни верти, маловато.

— Обычное Федино скупердяйство, — пожал плечами Роман, уходя вслед за своими ребятами в грузовой отсек...

Спустя час группа планетологов уже занимала места в вездеходе. Геннадий сел в кресло водителя.

Легкий скоростной вездеход был рассчитан на экипаж из четырех человек, двух тяжелых роботов и одну тонну груза. Скорость по ровной местности на планетах земного типа машина могла развивать до ста пятидесяти километров в час. Издали вездеходы этой марки напоминали огромное блестящее насекомое, и астронавты между собой называли их «Тараканами».

Группа высадки вместе с пилотом катера, функции которого выполнял Геннадий, состояла из четырех человек. В первую поездку по планете отправились трое. Виктора оставили в катере: поддерживать связь со звездолетом и готовить роботов и аппаратуру к работе.

По мнению Виктора, это была совершенно излишняя предосторожность.

— Постороннему, — рассуждал он, — в катер не проникнуть. Роботы со своими задачами справятся сами, а связь со звездолетом можно поддерживать напрямую из вездехода.

Геннадий и Роман вполне сочувствовали Виктору, но жалобы практиканта мало их трогали.

— Все верно, — ответил Роман. — Успокойся и выполняй задание. Я только вчера хвастался перед капитаном, что вы знаете все пункты и положения устава.

— Да, товарищ практикант, — поддержал планетолога штурман, — он за вас поручился. Я тому свидетель. Ну-ка! Кто помнит, что в Общем Космическом Уставе об аналогичных ситуациях говорится? Неужели никто не помнит?

— Я помню, — неохотно отозвался Алексей, самый прилежный из двух практикантов Романа. — При высадке на неизученную планету один человек должен находиться в планетолете и, по возможности, не покидать его, поддерживая связь со звездолетом и группами исследователей.

— Более-менее удовлетворительно, — кивнул Геннадий, включая автоматику вездехода. — А ты, малыш, — сказал он Виктору, — наблюдай за нами через экраны, И смотри — не засни!

Уже больше часа мчался вездеход по оранжевым пескам планеты. Где-то в глубине под толстым слоем грунта проходила непонятная полоса кольца. Над поверхностью песков никаких намеков на загадочные сооружения пока не обнаруживалось.

Алексей уже начинал клевать носом от однообразия пустыни и непрерывного, ритмичного мелькания металлических ног вездехода.

— А неплохо работает «Таракан»,— вполголоса говорил штурман Роману.— Уже больше восьмидесяти километров отмахали.

— И все песочек, песочек...— тоскливо отвечал Роман.— Ты бы, Гена, хоть анекдот какой-нибудь вспомнил, а то ведь заснем.

Вдруг впереди, прямо по курсу вездехода, выглянула из-за барханов непонятная черная точка.

Геннадий первым заметил ее на горизонте.

— Скала,— предположил он.

— Правда, для такой ровной, пустынной местности,— добавил он,— для этого оранжевого песочка черные скалы вроде бы не характерны.

— Это еще надо доказать,— пробормотал Роман, включая экран дальнего обзора.

На экране замелькали оранжевые пятна песков, на какую-то долю секунды появился черный, весь в трещинах, треугольник скалы, и Роман даже подпрыгнул от радости.

— Ого!— восторженно запыхтел он.— Да ведь это искусственное сооружение!

Геннадий скептически хмыкнул и полез рукой под сиденье за своим биноклем, который предпочитал всем системам электронного наблюдения.

Роман тут же вцепился в бинокль и уже не отрывал взгляда от линии горизонта.

— Оно!— гудел он, облизывая пересохшие от волнения губы.— Я был прав! Следы загадочной цивилизации! Какая правильность линий! Напоминает по форме усеченную пирамиду. Проклятый ветер, из-за тучи песка плохо видно. Генка, это наш триумф! Старик на орбите умрет от зависти.

— Дай посмотреть!

— Успеешь! Лучше увеличь скорость «Таракана». Я умираю от любопытства.

Геннадий улыбнулся восторгам друга и поставил переключатель скоростей на максимум. Впоследствии он утверждал, что только благодаря этому они преждевременно не умерли от любопытства.

Скорость вездехода достигла ста пятидесяти километров в час. Пирамида быстро приближалась и вырастала из-за кромки песков все выше и выше. Когда до нее оста-

валось не больше трех километров, под вездеходом неожиданно что-то оглушительно ухнуло, вверх взметнулась стена песка. «Таракан» подпрыгнул, накрепился на правый бок, но, по инерции продолжая движение, пролетел вперед еще сколько-то десятков метров. И снова под ним дважды что-то оглушительно хлопнуло. И дважды вездеход подпрыгивал и, переваливаясь с одного бока на другой, пролетал по песку добрую сотню метров. Прежде чем успела сработать система блокировки, автоводитель выключил двигатели и «Таракан» уткнулся носом в песок.

Экипаж вездехода к этому времени находился в бессознательном состоянии,

3

Первым пришел в себя Алексей. Поскольку серия взрывов застигла его спящим, он долго не мог сообразить, что произошло и почему он оказался зажат между сиденьями головой вниз. В то же время руководитель, Роман Евгеньевич, с шикарным пунцовым синяком под глазом (последствия работы с биноклем) и блаженной улыбкой на устах лежал на переднем сиденье без всяких признаков активной деятельности. Штурман же вообще оказался под панелью управления, причем левая рука его была столь неестественно вывернута, что можно было сразу сказать — вывих.

Только после того, как Алексею удалось выбраться из-за сидений и растормозить руководителей, положение стало понемногу проясняться.

Сосчитав синяки, вправив штурману руку, а также обнаружив, что все трое, очевидно, из-за этих проклятых хлопков почти оглохли, друзья переглянулись.

— Признаться,— прохрипел Роман,— я чувствую себя не лучше, чем цыпленок, которого пропустили через мясорубку.

— Да,— поддержал планетолога штурман,— такое чувство, словно тобою долго и с большим усердием играли в футбол. Головы у всех целы?

— Наружная обшивка, кажется, пострадала незначительно,— успокоил Геннадия Алексей.— А вот за внутреннее содержание я бы не поручился. Например, я не помню, и не понимаю, что, собственно, произошло.

— Ха!— сказал Геннадий.— Еще бы! Ты похрапывал всю дорогу. А у тебя, Роман, какие соображения?

— Не знаю. Это не землетрясение и не извержение вулкана, но что-то близкое к тому.

— Да, в общем, тайна, покрытая мраком,— подвел итоги штурман.— Придется нам выползти из вездехода и осмотреть его снаружи. У меня есть веские основания полагать, что если бы не наши скафандры легкой защиты и не эта герметичная тележка, принявшая на себя основные удары, нашему капитану в ближайшие дни пришлось бы сочинять некрологи для одного из ближайших номеров «Космического обозрения».

Снаружи корпус вездехода пестрел многочисленными вмятинами и разрывами термопластика. В носовой части зияли две особенно крупные пробоины с рваными, потрескавшимися краями и застывшими потеками термоизоляции.

— Эти две, похоже, сквозные,— сказал Алексей.

— Если задет двигатель, можем остаться без машины,— добавил Роман.

Геннадий молча кивнул, взгляд его обратился к лапам вездехода. Из шести механических ног «Таракана» повреждены были четыре, причем две передние исковерканы безнадежно.

— Что это было?— спросил Алексей,

Роман пожал плечами:

— Я с подобным сталкиваюсь впервые. Если бы это произошло на орбите или в межзвездном пространстве, я бы подумал, что мы попали в метеоритный поток. А здесь? Вулканическая деятельность? Что-то не очень похоже.

— Скорее, проявление каких-то неизвестных нам свойств кольца,— вставил Алексей.

Геннадий с Романом переглянулись. Черная громада пирамиды показалась им еще загадочнее, и было в ней теперь что-то зловещее.

Штурман посмотрел на искореженный вездеход. Затем взгляд его пробежал по цепочке воронок, как бы отмечавших в песках последние сотни метров пройденного машинной пути.

— Поразительно! Когда-то я читал о подобном, но предположить, что такое произойдет с нами... Брр! Немыслимо!

— У тебя появились догадки?— спросил Роман.— Говори!

— Минное поле!

— Бред!

Геннадий пожал плечами:

— Найди другое объяснение!

— Позвольте, — вмешался Алексей, — о чем вы говорите? Что за минное поле? Откуда?

— В самом деле, — вставил Роман. — Понятие-то замшелое, средневековое, из истории.

— Возможно, — согласился штурман, — но рассуждать об этом сейчас некогда. Алексей, проверь, есть ли связь с катером. Надо обо всем сообщить Виктору и на звездолет.

— Нет связи, — хмуро сказал Роман. — Я уже проверял.

— Чини! — бодро заявил Геннадий, решительно открывая дверцу грузового отсека. — Роботы вроде целы. Инструменты есть. Начнем трудиться.

— Постой, а пирамида? — возразил Роман. — С ней как быть? Времени мало!

— Пирамида не убежит! — возразил Геннадий, вытаскивая из отсека инструменты.

Роман с Алексеем переглянулись и с любопытством посмотрели в сторону загадочного сооружения. А Геннадий вдруг беспокойно завертел головой и прислушался. Из песков вокруг исходил неясный, скрежещущий шорох. Штурману звук не понравился, явление это вовсе не походило на обычное завывание ветра в барханах.

— Вы ничего не слышите? — обратился он к помощникам.

— Скрипит что-то! — откликнулся Алексей.

— Смотрите!

Пески в двадцати метрах от вездехода заходили волнами, вздулись шапкой, из них выплыл металлический шар двухметрового диаметра.

Стальная скорлупа шара, изрядно помятая и проржавевшая местами, с треском распалась на три створки. Взглядам пораженных исследователей открылось странное сооружение, напоминающее бронированного паука с четырьмя металлическими лапами, двумя парами бегающих светящихся глаз, расположенных у верхушки панциря, и метровой длины стальной трубой, установленной вертикально.

В следующее мгновение глаза паука замерли, направленные на людей у вездехода, а труба вдруг пришла в движение и стала медленно опускаться, нацеливаясь в людей.

Роман сразу сообразил, что произойдет через несколько секунд, и почувствовал нехороший холодок в ногах.

— Ложись!— крикнул Геннадий, хлопая дверцей отсека.

Алексей с Романом бухнулись в песок.

— Чего он?— мелькнуло в сознании Романа.— Ясно же, не поможет!

На этом размышления планетолога были прерваны. Над головами астронавтов сверкнула молния. Взрыв получился довольно сильным. Когда Роман отважился открыть глаза, он увидел склонившегося над собой Алексея. Штурман стоял в стороне и с печалью во взоре рассматривал воронку трехметровой ширины и разбросанные вокруг нее куски электронного оборудования, останки механического паука. В левой руке штурман держал продолговатый конический предмет, в котором без труда узнавалась обычная лазерная дрель.

— Так это твоя работа?— прокряхтел Роман, с трудом приподнимаясь на локтях.

— Моя!— согласился Геннадий и заботливо поинтересовался:— Осколками никого не задело? Нет! Тогда всем в машину, быстро!

— Я все же не понимаю...— сказал Алексей.

— Когда поймешь — поздно будет!— сердито буркнул штурман, подталкивая друзей и влезая за ними в вездеход.— Быстрее! Быстрее! Вы что, все еще ничего не видите?

Роман оглянулся. Пески вновь пришли в движение. Точно чудовищные механические цветы, на поверхности планеты один за другим появлялись стальные лопающиеся бутоны разного диаметра, и пушки электронных снайперов одна за другой поворачивались в сторону вездехода.

Геннадий встал у приоткрытого люка и, включив дрель, поводит стволом из стороны в сторону, пробивая лучом аккуратные оплавленные отверстия в панцирях кибернетических чудовищ.

— Великолепный гербарий можно собрать из этих милых растений,— выкрикивал он в промежутках между взрывами.— Жаль, что мы имеем дело с такими хрупкими созданиями. Ромка, найди под сиденьем импульсный излучатель и посмотри: не проросло ли у нас что-нибудь с левого борта. Мне отсюда плохо видно...

Пока Роман лихорадочно шарил руками под сиденьями и вытаскивал из чехла излучатель, Алексей осмотрел пески с левой стороны от вездехода.

— Здесь все чисто, шаров нет! — с облегчением доложил он штурману.

— Отлично! — бодро откликнулся Геннадий. — У меня тоже все кончились. Только не знаю, надолго ли? Энергии у моего инструмента маловато осталось. Алексей, слезь в грузовой отсек и принеси запасные батареи, а ты, Роман, собери все наше лучевое оружие в кучу. Вообще, собери все, что может пригодиться в таком идиотском положении.

— Хорошо! — откликнулся Алексей.

Через три минуты рядом со штурманом появилось самое разное оборудование и множество батареек различного вида и размеров.

— Батарейки, как обычно, любые, кроме тех, которые требуются, — подвел итоги Геннадий. — Что еще имеем?

— Один лучевой пистолет, — уныло перечислял Роман, — к нему пять генерирующих кристаллов. Один запасной излучатель, к нему...

— Почему один! У нас был полный комплект, — вопрошал Геннадий. — Четыре штуки.

— Видимо, в планетолете оставили, — предположил Роман. — Как еще эти не забыли...

— Да. Техника безопасности — ничего не скажешь!

— Так ведь совершенно мертвая планета! Кто же мог подумать? В самом лучшем случае мы рассчитывали обнаружить здесь только развалины...

— Чьи развалины? — ехидно поинтересовался Геннадий. — Нашего вездехода? Их здесь когда-нибудь обнаружат — это уж точно! Растяпы! И я тоже хорош! Если уцелеем, подам в отставку — мне теперь Левушкину в глаза стыдно смотреть!

— Да, но ведь, кроме кольца... — оправдывался Роман, — мы на планете не нашли ничего загадочного! Ты же сам смотрел снимки!

— Кольцо? — Геннадий настороженно посмотрел в иллюминатор. — Расположение воронок и остатков шаров никому ничего не напоминает?

Роман пожал плечами:

— Полукруг. Ясно, что на вездеход отреагировали те кибернетические установки, в зону действия которых мы въехали. Очевидно, все эти электронные пауки охраняют подступы к пирамиде. Пирамида — выход кольца на поверхность планеты, в этом я уверен. Правда, трудно понять, зачем хозяевам планеты понадобились все эти ухищрения?

— Так ясно же! Важный объект. Охраняется от посторонних, — сказал Алексей.

— Вот это и странно, — сказал Геннадий. — Кроме нас, на планете посторонних, похоже, нет. Планета-то почти сплошная пустыня. Покажите мне, где здесь посторонние? И хозяев-то не видно.

— Это сейчас планета пустынна, — сказал Роман. — Уверен, эти электронные снайперы, с которыми нам пришлось столкнуться, ждали нашего появления не одно столетие. В те времена, когда их установили, планета, наверное, выглядела иначе.

— Ну, нам от этого не легче! — сказал Алексей. — Что теперь делать? Вездеход изуродован. По пустыне пешком далеко не уйдешь, да еще какая-нибудь гадость вылезет и подстрелит. Связи с Виктором нет. До пирамиды еще километра три, не меньше. Остается ждать, когда Виктор сообразит, что с нами не все в порядке, и сам прилетит сюда.

Геннадий усмехнулся:

— Нет, Алексей, твои рассуждения хороши для первого курса школы. А на этой планетке за них тебе большая двойка. Почему? Сейчас объясню. По моим прикидкам, если бы все эти стреляющие и взрывающиеся роботы не разрегулировались от времени, не проржавели, нас бы уже не было в живых. Ты, Роман, прав, если бы не те столетия, которые прошли с момента изготовления роботов, если бы их двигательные механизмы так основательно не заклинивало от высохшей смазки, электронные паучки разделались бы с нами в два счета. Я к чему все это? Мы передвигались по поверхности планеты и были остановлены. Перед планетолетом, как только Виктор полетит нас выручать, возникнут те же препятствия. Здесь должна существовать противовоздушная оборона.

Я боюсь, что по такому крупному сооружению, как планетолет, сработает автоматика посильнее.

Нет, ждать помощи от Виктора и от звездолета опасно. Можем погубить и себя и товарищей. У меня сильное подозрение, что где-то, — Геннадий задумчиво посмотрел в сторону пирамиды, — уже пришли в движение механизмы, которые вскоре доберутся до нас.

— Хорошенькие перспективы! — Роман вытер ладонью пот со лба. — Я начинаю жалеть, что не послушался капитана. Он правильно советовал — не задерживаться у этой планеты,

— Об ошибках вздыхать поздно. Думать надо, как отсюда живыми выбраться.— Геннадий с неодобрением посмотрел на вытянувшиеся лица Алексея и Романа.— Э! Вы чего носы повесили!

— Выхода не видим,— ответил Алексей.

— Ха! Выхода они не видят!— усмехнулся Геннадий.— А вход видите?

— По-моему, шутить не время,— сказал Роман.

— А я не шучу. У нас единственный выход — это найти вход в ту пирамиду, что торчит на горизонте.

— Как?— возмущился Роман.— Ты же сам говорил, что пирамида не убежит, надо чинить вездеход!

— Говорил,— согласился Геннадий,— но обстановка изменилась. Теперь я думаю, надо быстрее добраться до пирамиды.

— Но почему?— спросил Алексей.— И как мы до нее доберемся?

— Надо добраться! Скорее всего, где-то в недрах этого сооружения и находится автоматическая система, управляющая шариками, пауками и прочими оборонительными и наступательными средствами. Если мы выключим автоматику до появления катера и раньше, чем нас растерзает электронное зверье, то можно будет считать, что отделались легким испугом.

— Ты прав,— согласился Роман,— но ты, Гена, не сказал, как до нее добраться. Не пешком же топать по этим пескам. Мы и сотни шагов не отойдем от вездехода, как нас благополучно похоронят.

— Роман, я тебя не узнаю,— сказал Геннадий.— У нас в багажнике два робота. Оба исправны. Первого пустим с импульсным генератором вперед. Пусть дорогу расчищает. Второй будет прикрывать. Только так. Техника против техники. Мы же пойдем пешком, именно пешком, ножками. Если повезет, за час, другой, доберемся до пирамидки. Даже если будут задержки, у нас есть часов шесть до наступления ночи. Конечно, трудно, потеть придется.

— У меня возражений нет,— сказал Роман,— а ты, Алексей, что думаешь?

— С вездеходом что будет?— спросил Алексей.— Его же чинить надо.

— Вездеход придется бросить.— Геннадий взглянул на сваленное на сиденьях оружие и оборудование.— Самое ценное, продукты и оружие, грузим на роботов и на себя,

И быстрее. Больше никаких разговоров. Итак, тучки собираются.

— Какие тучки?— удивился Роман, но, проследив за взглядом штурмана, замер: с правого борта вездехода от горизонта двигались черные точки. Точек было очень много — несколько тысяч.

— С левого борта такая же картина, — сказал Алексей. — Похоже, мы не успеем... Интересно, что это?

Геннадий посмотрел себе под ноги, нашарил под сиденьем бинокль и передал Алексею.

— Изучать потом будешь, а пока помоги настроить роботов. Быстрее, дремать некогда. Роман, заряди наши пушки. Пошевеливайтесь, грузите ящики с продуктами.

Алексей все же не выдержал и секунды две рассматривал движущиеся точки в бинокль, затем с удвоенным пылом стал грузить тюки с продуктами.

— Ну, Лешенька, — полюбопытствовал штурман, — что ты там узрел?

— По-моему, похоже на танки. С юга и с севера прут.

— А у пирамиды что-нибудь движется?

— Нет, пока не видел.

— Тогда шевелись, наблюдать потом будешь!

Если бы днем раньше штурману кто-нибудь сказал, что можно отрегулировать и задать программы двум тяжелым роботам за четыре минуты, Геннадий бы усомнился. Но на пятой минуте первый робот уже шагал в направлении пирамиды. За ним, выдерживая дистанцию в двести метров, спешили друзья. Геннадий впереди, чуть позади Роман с Алексеем, за ними в сотне метров второй робот.

Роман нервничал, подгонял Алексея и Геннадия.

— Быстрее, ребята, быстрее! Я еще Землю повидать хочу!

Алексей выглядел достаточно бледно, но храбрился, находил в себе силы не оглядываться поминутно на приближающиеся машины.

Геннадий в основном смотрел вперед, но изредка поглядывал и по сторонам:

— Странно, — бормотал он, кивая в сторону ползущих вдалеке машин. — Думаю, мы уже в пределах досягаемости их орудий. Если чучела догадаются сделать хоть один залп — будет очень обидно.

— Может, упредить?— с надеждой спросил Алексей.

Штурман покачал головой и с некоторой жалостью посмотрел на практиканта.

— Тебя считать научили? Если научили, то прикинь расстояние, количество агрегатов, которые маячат справа и слева, и сравни с хилыми силенками наших излучателей. Нет, — вздохнул штурман, — шуметь не приходится. Надо тихо и, по возможности, деликатно уносить ноги.

4

Правда, деликатно унести ноги не удалось. Не прошли они и сотни метров по направлению к пирамиде, в уши ударил пронзительный режущий свист.

— Ложись! — привычно скомандовал штурман.

— Приехали, — пробормотал Роман, падая на раскаленный песок, — начинается.

«На этот раз нам не увернуться», — подумал Алексей, подползая к Роману. Он хотел спросить, что теперь делать, но заметил краем глаза, что штурман, старательно прижимаясь к пескам, наводит излучатель на южную колонну, и решил, что ему следует целить в северную.

И тут захлопали частые отдаленные взрывы. В первое мгновение чисто инстинктивно астронавты прижались к пескам, стараясь не поднимать голов, но затем Геннадий привстал, поправил сбившийся набок шлем и с удивлением всмотрелся в происходящее на горизонте.

— Вот это фокус! — прошептал он, когда взрывы стихли. — Похоже, парни, нам опять повезло. Эй, лежебоки, подъем! — крикнул он вжавшимся в песок приятелям, затем, не отрывая взгляда от горизонта, вынул бинокль и поднес к глазам.

— Так я и думал, — провозгласил Геннадий через минуту.

— Что именно? — прошептал слегка оглушенный Роман, вытряхивая песок из ушей и шлема.

Алексей озадаченно осмотрелся. В южном и северном направлениях, там, где еще пять минут назад двигались тысячи чудовищных машин, теперь поднимались к небу факелы бурого пламени и вились черные столбы дыма.

— Хорош концерт, — пробормотал Роман, — выходит, эти штучки друг друга ухлопали.

— Меня такой конец игры вполне устраивает, — сказал Геннадий. — Какая мы для них добыча? Три козявки и две жестянки. Когда на горизонте тысячи сверкающих машин, как тут не дать по ним пару залпов? Какой же боевой кибернетический самолет устоит против этого?

— Да, но они же уничтожили сами себя! — сказал Алексей.

— Видимо, не сработала система «свой — чужой», — высказал предположение Роман. — Приняли своих за врагов. Хотя... как такое могло произойти?

— Могло! На этой планетке, я полагаю, еще и не такая глупость бывала, — сказал Геннадий. — Это подтверждает наши догадки о том, что мы столкнулись с очень древними сооружениями.

Геннадий посмотрел на пирамиду, затем перевел взгляд на лежащего в двух сотнях метров грузового робота и невесело хмыкнул. — Рано мы радовались. Роботов-то наших они искрошили мимоходом.

— Да, — подтвердил Алексей, оборачиваясь назад. — Разнесли этак между делом вдребезги. И, кстати, вездеход тоже.

Все обернулись.

На месте вездехода догорала искореженная груда пластика и металла.

У астронавтов, еще полчаса назад уютно сидевших в его кабине, вырвался горестный вздох.

Роман схватился за свой шлем двумя руками:

— Все мои инструменты, образцы, приборы!

— Нашел о чем жалеть! — Геннадий повернулся к Алексею. — Продукты укладывал? У нас в рюкзаках за плечами что-нибудь лежит?

Алексей смутился:

— Самое необходимое. На сутки, не больше.

— Да, печально, что ж, потерпим. Единственное, что остается, — бежать к пирамиде. От зноя можно укрыться где-нибудь в ее тени. А там... — Геннадий махнул рукой. — Думаю, Виктор уже поднял тревогу. Постараемся отключить автоматику и будем ждать помощи. Левушкин что-нибудь придумает, вытащит нас из этого пекла. Главное, держаться. А теперь — вперед. — И штурман, проваливаясь по щиколотку в песок, зашагал к пирамиде.

5

У подножья пирамиды, как и везде на этой странной планете, царило запустение. Завывал ветер в древних стенах, перекатылся песок, вдали, у горизонта, все еще догорали остатки машин.

Впереди, где-то над головами астронавтов, чернело овальное отверстие входа в пирамиду.

По выщербленным, занесенным песком ступеням добраться до этого входа было не очень сложно, но Геннадий еще раз придирчиво осмотрел в бинокль каждую ступеньку каменной лестницы, проверил исправность излучателей и лишь потом сказал:

— Всем троим нам внутри делать нечего! Что там — неизвестно. Со мной пойдет Роман, а ты, Алексей, займи позицию у входа. Я уверен, Виктор уже сообщил на корабль о потере связи с вездеходом. Вероятно, там подняли тревогу и ищут нас с орбиты. Твоя задача сигналами предупредить Виктора об опасности, а мы постараемся разрушить или заблокировать автоматику пирамиды.

Алексей быстро сообразил, что его, как в свое время и Виктора, оттирают в сторону. Штурман с планетологом львиную долю трудностей и опасности] стремятся взять на себя. Хотя поведение руководителей было вполне обоснованно, Алексея подобная опека задела.

— Я не могу оставить вас! — попытался он протестовать. — Подумайте, как я себя буду чувствовать, если там с вами что-нибудь случится!

— Чувствовать будешь прекрасно, будешь чувствовать, что выполнил приказ! — отрезал Геннадий. — Тебе поручают прикрывать нас, дежурить у входа. Запомни! Какие бы звуки из пирамиды ни доносились, свой пост не покидай до нашего возвращения или до подхода катера. Ясно?

— Вполне! — вздохнул Алексей, провожая взглядом друзей, уходивших в черный провал пирамиды.

Геннадий подобрал кусок известняка и сунул его в руку Роману:

— Стрелками отмечай на стенах наш путь. Как бы не заблудиться...

— Да, — согласился Роман, — сооруженьице, похоже, капитальное.

Внутри пирамиды оказалось так же душно и жарко, как и снаружи.

Они долго петляли по темным коридорам, по засыпанному песком и пылью переходам, спускались и поднимались по узким каменным лестницам. Везде их встречала темнота, скрип песка под ногами и душный спертый воздух.

Порой на стенках попадались полустертые надписи, рисунки, стрелки, линии. Роман с любопытством всматривался в них, но более целеустремленный Геннадий одергивал друга.

— Некогда разглядывать! Шагай быстрее!

В одном из переходов пол под планетологом неожиданно наклонился. Роман ощутил, что катится по какому-то скользкому желобу вниз, в темноту.

— Падаю! — только и успел он предупредить Геннадия об опасности.

В следующее мгновение фонарик Романа ударился о выступ стены и погас. Желоб становился все более пологим, скольжение замедлилось — и вдруг...

Роман ощутил, как его хватает за талию чья-то гигантская металлическая рука и несет в темноту. Затем его втискивают в узкий продолговатый ящик, в голову впиваются тысячи раскаленных иголок, темнота и жара исчезают...

Геннадью, скользнувшему по желобу вслед за Романом, повезло больше — его фонарь уцелел. И в тот момент, когда к нему из тьмы потянулось металлическое щупальце, штурмана выручила сноровка опытного звездолетчика. Почти автоматически он чиркнул излучателем по металлической клешне и соскочил с желоба.

Помещение, в которое он попал, выглядело странно. Сотни различных приборов, поблескивавших мертвыми стеклами экранов, десятки пультов управления, от пола до потолка — горы черных блестящих ящиков. На всем слой пыли в палец толщиной.

Романа нигде видно не было. И Геннадий уже собрался окликнуть друга, как луч фонаря осветил оди из ящиков, стоявших в стороне от общей кучи, на высокой металлической подставке. Он подошел к ящику вплотную и вдруг увидел в нем сквозь полупрозрачную верхнюю стенку безжизненное тело Романа. На голову планетолога был надет золотистый шлем, от которого отходили тысячи разноцветных нитей-проводков. Пучки этих проводков тянулись из ящика и исчезали внутри металлического постаменты. Похоже, что Романа подключили к какой-то системе. Геннадий приналег на крышку ящика, пытаясь добраться до друга, но ящик был заперт крепко.

Он пошарил лучом фонарика по сторонам в надежде отыскать увесистую железяку, которой можно было бы воспользоваться как рычагом.

Внимание привлекла оплавленная излучателем металлическая клешня. Геннадий уже склонился, чтобы подобрать ее, когда громкий властный голос отчетливо произнес:

— Оставь, этим ты не поможешь своему товарищу! Это был голос Романа, но говорил не Роман.

Пока штурман соображал, что все это может означать, голос прозвучал вновь:

— Штурман, с тобой говорит Большой Систематизатор планеты Фир!

— Отраднo слышать, — ответил Геннадий. — Давно мечтал познакомиться. Поговорить и я не против. А то сразу: хап за воротник — и в ящик! Куда это годится? Что за манеры? Переговоры — это другое дело. Будь любезен, отключи сначала свои хватательные, наступательные и щипательные системы, тогда и поговорим. Хотелось бы обойтись без грохота. Поверь, у меня и моих друзей нет желания причинять вред кому-либо. Мы — мирные исследователи, и, знаешь, не хотелось бы начинать наше знакомство с душегубства.

6

Роман сидел на пышной бледно-зеленой траве. Вокруг росли раскидистые тенистые деревья, усыпанные розовыми цветочками и плодами, похожими на перезрелые яблоки. Где-то щебетали птицы, а напротив Романа сидело непонятное существо без рук, без ног и без туловища, просто шар, а на нем два голубых глаза и алые губы.

Заметив, что Роман пришел в чувство, существо с любопытством посмотрело в его сторону и сказала, или, возможно, промыслило (Роман так и не понял, каким образом они общались, — существо рта не раскрывало):

— Я вижу, вы новенький. Рад приветствовать нового жителя нашей маленькой вселенной. Не будете ли любезны сообщить, как обстоят дела во Внешнем Мире?

Роман с изумлением уставился на мыслящий шарик. И, в свою очередь, спросил:

— Что вы называете Внешним Миром?

— Как что? — обиделся шар. — Тот мир, из которого вы появились. Ведь место, на котором вы находитесь сейчас, называется у нас точкой отсчета. Вы ведь новенький, значит, пришли сюда из Внешнего Мира. Признаться, я уже потерял надежду, что встречу еще хоть одного новенького. Уж много миллионов циклов я поджидаю здесь повенького — и вот пришли вы. Наверное, вы последний. После вас уже никто к нам не заглянет. Впрочем, это не так важно, как воображают наши старейшины,

Позади вечность — впереди вечность. Разницы никакой, если время замкнуто и движется по кругу, не так ли?

— Ничего не понимаю,— честно признался Роман.

— Не вы один. Лучше расскажите, что происходит там, откуда вы только что прибыли.

— Там?— Роман вспомнил пирамиду, Геннадия с Алексеем, разбитый вездеход, бесконечное море песка и вдруг почувствовал неестественность всего с ним происходящего. Цветущий сад, голубое безоблачное небо, говорящий шар — все было нереальным, игрушечным, точно он видел длинный, бессвязный сон.

И Роман понял, что нужно что-то сделать — вскочить, проснуться, стряхнуть с себя эту цепь навязчивых сновидений, но сознание сковывало непонятное равнодушие к происходящему, вкрадчивый незнакомый голос внутри шептал, что все идет правильно, так все и должно быть.

— Там?— повторил Роман.— Что там? Там я видел пески, раскаленные оранжевые пески пустыни, бесконечной пустыни... Там остались мои друзья... Там...

— Вы говорите: пустыня? Разве кроме пустыни, ее песков, ничего другого нет? А города? Прекрасные древние города моей старой планеты, разве их уже нет? Разве они уже разрушены? А люди? Там, во Внешнем Мире, еще есть люди? Или вы последний?

— Почему же это я последний?— спросил Роман.— Остались мои друзья.., у пирамиды, на звездолете, Геннадий, Алексей, капитан... У меня много друзей.

— А у меня вот никого не было,— несколько обиженно выдохнул шар.— Странно, почему же вы бросили своих друзей и отправились сюда, где вас никто не знает, где вы никому не нужны?

— Я не собирался никуда отправляться,— объяснил Роман.— Мы хотели исследовать пирамиду... Я провалился в какое-то подземелье, меня схватили, заперли в какую-то узкую клетку, а дальше не помню. Очутился вот здесь, перед вами...— Роман принялся подробно рассказывать историю появления экипажа катера на планете.

Шар внимательно слушал, слегка покачиваясь из стороны в сторону, а когда планетолог замолчал, сказал:

— Теперь ясно, вы не собирались попадать сюда, вас захватили по ошибке. Это очень печально, но помочь, видимо, ничем нельзя. Выходит, планета давно мертва. Где теперь могучие государства, бесчисленные народы, страны? Погибла великая цивилизация Фира. По глупости погибла, из-за пустяков! Эх!

— Перестаньте! «Ох! Эх!» Можете вы мне объяснить, что со мной происходит и куда я попал?— раздраженно спросил Роман.

— Отчего же не объяснить?— сказал шар.— Вы, мой милый, в раю планеты Фир.

— Где?

— В раю, в искусственном электронном раю...— невозмутимо пояснил шар.— Видите ли, когда-то, много веков назад, у планеты, на которую вы так опрометчиво высадились, не было никакого подземного кольца вдоль экватора. Зато были чудесные города, леса, реки, поля, были могучие страны, многочисленные народы, была наука, была техника. Наша цивилизация достигла вершин благополучия, и, как это часто бывает, мы обленились, возгордились. Электронный рай вначале был придуман для проживших свой век старцев. Это было им наградой за все горести и труды реальной жизни. Идейка-то, в общем, простая. В памяти гигантской электронной машины были смонтированы все лучшие уголки планеты, все достопримечательности, все лучшее, что было у цивилизации. Перед смертью у каждого умирающего гражданина планеты снимали запись информации с мозга, так сказать, делали электронную копию личности и вводили в память все той же машины. Так заселялся этот искусственный мир. Рождалась как бы небольшая Электронная вселенная со своими законами и своими гражданами. Искусственный рай. Первые годы сюда пускали самых достойных. Это было копилкой интеллектов! Последним пристанищем гениев и безумцев! Да, да! Электронный рай очень быстро завоевал популярность. И, как всегда вокруг всякого модного начинания, поднялась нездоровая возня. В рай стали пропускать по знакомству, за взятки. Сюда полезли крупные бизнесмены, затем дельцы рангом пониже, а потом хлынули толпы богатых бездельников и дураков. Начались спекуляции местами в раю. Электронный рай стали расширять. Кибернетическая машина, лежащая в его основе, быстро разрасталась, уходила в глубину планеты. Постепенно она опоясала всю планету по экватору. Да! Загадочное кольцо — это и есть электронное тело нашей вселенной.

— Послушайте!— начал Роман, заподозривший ужасную истину,— выходит, я — это не я, а цепочка электрических импульсов? Все, что я здесь вижу, те же импульсы, иллюзия? Мы — память машины?

— Именно, мой милый, именно! Здесь все условно. Посмотри на меня, не правда ли, странное существо? А когда-то я был человеком, у меня были руки, ноги, тело, и все прочее. Только в раю нашем все это ни к чему, и вот меня упростили. Впрочем, что я тебе объясняю. У тебя, мой дорогой, наверное, и у самого когда-то были руки...

И лишь теперь Роман заметил, что у него действительно нет ни рук, ни ног, ни туловища. И что со стороны он, очевидно, выглядит таким же глазастым шариком, как и его собеседник.

— Да ты не волнуйся, — утешал шар. — Здесь все эти конечности не понадобятся. Ты же сам заметил, что мы лишь цепочки импульсов. Не надо нервничать. Координационный центр машины не любит потрясений. Так о чем я говорил? Ах да! Популярность рая быстро росла. Сюда устремились уже не только умирающие, но и толпы вполне молодых, здоровых идиотов. Да, да, вполне здоровых, полных сил и энергии. Штучка оказалась дьявольски заманчивой. Полнейшая иллюзия счастливого существования, никаких забот, одни удовольствия. Иллюзорные, правда, удовольствия, да не в этом суть. Электронный рай оказался отличной ловушкой для простаков.

Места в раю шли по самой высокой расценке, а толпы глупцов по-прежнему стремились в усыпальницы, бежали от действительности. Планета начала переживать трудности: нехватку рабочих рук, затем голод. Между государствами начались трения за количество мест — ячеек памяти в электронной машине. Дошло до военных действий. Жить на планете становилось все кошмарней, но исправлять положение никто не пытался, все грезили удовольствиями подземной машины. Придуманый электронный рай, в котором исполнялись все мечты, царил всеобщая гармония, оказался сильнейшим наркотиком. Стоило человеку побывать здесь на экскурсии, а такие экскурсии в рекламных целях устраивались, и он продавал свое имущество, выпрашивал деньги у родственников, покупал талон на райское существование и попадал сюда окончательно.

Чем сильнее разрушались города планеты, чем большие трудности испытывала цивилизация, тем больше людей становилось памятью машины. Электронная эпидемия выкосила города и поселки, планета Фир обезлюдела. Войны между государствами за места в памяти машины не прекращались, хотя воевать было уже почти некому,

воевали роботы. Наступила эпоха ужасных киберпетических войн. Думаю,— печально заключил шар,— вы, мой милый, застали то время, когда на планете остались лишь оборонительные сооружения, автоматические пушки, разрушенные до основания города и совсем не осталось живых людей.

— Пожалуй,— согласился Роман.— Только и здесь, в этом вашем Раю, что-то не особенно многолюдно. Да и с чудесными городами и удивительными уголками планеты что-то не особенно густо.

— Ты прав, пришелец из Внешнего Мира. Картины, которые мы наблюдаем, далеки от совершенства. Увы! Мы о многом не подумали, когда создавали Псевдовселенную. Бежали от трудностей и проблем реального мира сюда, в страну снов, и что же — куда более страшные трудности и проблемы настигли нас здесь! Мы оказались беспомощны и жалки перед настигшими нас бедами.

Тут шар раздвоился, и какое-то мгновение перед озадаченным Романом покачивались два одинаковых шара. Затем шары опять слились в одно целое, и Роман услышал:

— Я прямо выхожу из себя, когда думаю, каких глупостей натворила моя родная цивилизация, но что-либо исправлять поздно. Да, да, пришелец, поздно и некому. Когда-то электронный рай и в самом деле был многолюдным и прекрасным. Ах, какие изумительные иллюзорные леса здесь росли, какие воздушные замки возвышались среди цветущих полей! А какая публика населяла эти места! О! Какие сказочные красавицы и красавцы! Что говорить — я в те времена сам был — хоть куда! И голова, и тело, и руки, и ноги — все было при мне! А потом... Когда все поголовно сюда переселились — началась давка, путаница. Ячейки памяти переполнены. Избыток информации! Энергетический перегрев! И нам пришлось экономить. Демонтировали часть воздушных замков, стерли ненужную, малозначительную информацию...

— Простите! — перебил Роман.— Что вы считаете малозначительной, ненужной информацией?

— Все те сведения о Внешнем Мире, которые не доставляют эстетического наслаждения. К примеру, информация об анатомии, физиологии человека. Согласитесь, что в нашем иллюзорном мире подобные предметы излишни. Или приготовление пищи, гастрономия — у нас рассуждать об этом просто глупо. И вот стерли всякую память об этих вещах. Огромной экономии ячеек памяти до-

стигли, упростив конструкцию человека. Посмотри на меня — ты убедишься, что это так. Если подходить строго, даже моя шаровидная форма не нужна. А сколько в самом сознании у разных людей одинаковых элементов! Многим ли, например, отличается какой-нибудь А от какого-нибудь Б, если и тот и другой любят покушать, помечтать, поглазеть на разные диковинки. Оба ценят юмор, хорошую шутку, интересную игру. Различия между ними в пустяках, в частности, в дозах того или иного элемента. Например, в одном грусти, меланхолии больше, в другом — лени, самовлюбленности. Представляешь, какие информационные массивы мы высвободили, когда выделили все общие элементы в одну схему, а частности убрали в другую. Сразу исчезли горы вторичной, однотипной информации.

— Что-то я плохо понимаю, как это можно было проделать, — сказал Роман.

— Поверь, можно, — выдохнул шар. — Это называется создать абстракцию. Вместо миллиона бездельников мы после небольших манипуляций получили одного, двух, трех. Остальные спрессовались, как бы вошли в эти три личности. Были созданы пакеты однотипных личностей. Перевели множественное в единичное. Исключение сделали правилом. Достаточно было слегка стандартизировать мышление обитателей, и как индивидуальности многие личности исчезли, сконденсировались в несколько десятков таких шаров, как я.

— Выходит, проблему перенаселения вы решили?

— Да, с перенаселенностью быстро справились, высвободили резервы машинной памяти, по вскоре нас постигли другие беды. Когда на планете не осталось людей, электронная машина перешла на автоматическое самообслуживание. За исправностью всех ее систем стали следить роботы. Но шли века, и, видимо, роботы стали портиться, ломаться.

Роман вспомнил проржавевших пауков-снайперов. Дюгадки шара были верны.

— И наша Электронная вселенная тоже стала понемногу ломаться. Какие-то детали машины, очевидно, изнашивались, разрушались от воздействия климата планеты, от рвавшихся над планетой бомб. Я уже говорил, что последние переселенцы в Электронный рай бежали с планеты от ужасов непрерывных кибернетических войн. Необдуманно созданные для охраны электронной машины

различные кибернетические устройства почти без пере-рывов воевали между собой, защищая интересы то одной группы людей, стремившихся попасть в Электронный рай, то другой. Воюют они, видимо, до сих пор, хотя людей на планете и не осталось. Естественно, наша электронная обитель от этих автоматических варваров изрядно пострадала. Вот уже много циклов то один массив памяти, то другой ломается — выходит из строя. Стирается информация о целых народах, странах. Трудно представить, что происходит! Во Внешнем Мире перегорит в электронном оборудовании машины какой-нибудь конденсатор, а у нас — мировая катастрофа, целые континенты уходят в небытие. Да, пришелец, вам еще придется испытать все ужасы нашего мира, — прошептал шар и, испуганно раскачиваясь, добавил: — Знаете, что самое страшное в нашем электронном мире? Знаете?

— Нет! Не знаю!

Шар, между тем, придвинулся к Роману вплотную и, закатывая глаза, прогудел:

— Самое страшное, что может у нас произойти, — это короткое замыкание! Никакие наводнения, пожары, извержения вулканов, войны, бушующие во Внешнем Мире, не могут сравниться с этим кошмарным явлением Электронного рая.

— Хорош рай! — не выдержал Роман. — Значит, где-то там, у пирамиды, кто-нибудь вывернет из вашей огромной машины одну лампочку, а здесь погибнет полмира? Так?

— Именно!

— Вспомнил! — Роману стало страшно. — Геннадий! Мы полезли в пирамиду, чтобы отключить систему обороны кольца.

Роман хорошо знал обычную оперативность и порывистость друга и сообразил, что Геннадий, увидев его безжизненное тело, вполне может разнести внутренности пирамиды, а значит, уничтожит, сам того не подозревая, целую вселенную. Времени на размышления и разговоры с шаром не оставалось. Надо было что-то делать.

— Мне надо вернуться во Внешний Мир, — сказал Роман. — Только так можно помешать моему другу. Если я не остановлю его, он может совершить непоправимое. Помогите мне. Нам надо действовать.

— Действовать? — удивился шар. — Каким образом? Не забывайте, пришелец, вы отныне тоже лишь цепочка импульсов!

— Это вы бессильны, а не я! Вы и на своей планете оказались бессильны перед трудностями реального мира. Пустяковая приманка, иллюзия счастливого существования в псевдомире погубила всех вас. Вы и там оплошали, и здесь лапки сложили. Предотвратить гибель можно, если поспешить.

— Куда спешить, наивное создание? — сказал шар, — Время здесь течет по кругу. Прошлое становится будущим, а будущее переходит в прошлое. Здесь и скорость у времени другая. Ведь мы с вами электрические импульсы — передвигаемся со скоростью света. Как и все остальное, это ведь только иллюзия, что мы с вами беседуем длительный промежуток времени. Там, где остался ваш товарищ, не прошло еще и секунды. Нет, о времени в Раю беспокоиться нечего. Впереди вечность!

— И все же, можете вы мне помочь выбраться отсюда?

— Сколько можно повторять, здесь мы бессильны! Поймите же, что вас не существует. Единственный, кто вам еще может помочь, это ваш друг, который остался там, откуда вы пришли. А удастся ли ему это, не знаю. Пока ваш организм там, в пирамиде, еще жив, у вас есть надежда.

— Допустим. Но помочь моему другу, предупредить его можно. Ведь вы упомянули какой-то Координационный центр. Видимо, этот центр управляет здесь всем?

— Нет, что вы. Как можно беспокоить Центр по таким пустякам? — удивился шар. — Нас могут устранить, выбросить из памяти машины. Нет, я бы не рискнул.

— Хороши пустяки! Ваша вселенная рушится, а вы боитесь побеспокоить «начальство»! Не понимаю.

— У нас свои законы, пришелец. Вселенная пусть рушится, а беспокоить Координационный центр я не буду.

— Хорошо, а меня провести в этот центр вы можете? — разозлился Роман. — Я сам буду беспокоить ваш центр.

Шар несколько мгновений колебался, поводил по сторонам широко открытыми глазами, затем согласился.

— Хорошо, я проведу вас в Координационный центр, но договариваться со старейшинами Центра будете вы сами. Плывите за мной, — сказал шар и поплыл меж ветвей цветущих деревьев.

Роман в первое мгновение растерялся, затем сообразил, что тяготения в иллюзорном мире не существует, и последовал за шаром.

Очнулся плапетолог от холодного ночного ветра. Геннадий с Алексеем сидели рядом, прислонившись спинами к каменной стене пирамиды и смотрели в черное звездное небо.

Роман тоже поднял глаза и увидел зависший над пустыней катер.

Катер медленно опускался,

— Нервничает, цыпленок!— говорил штурман, поглядывая на колебание бортовых огней катера.— Посадка ночью — дело серьезное. Впрочем, для практиканта Витька действует вполне прилично.

— Угу!— коротко ответил Алексей.

Заметив, что Роман открыл глаза, Геннадий повеселел:

— Очухался! Доставил ты нам хлопот, Ромка! По всем этим переходам пока доволот тебя сюда, думал — ноги отвалятся. Лежи, лежи! Вот Виктор на подмогу прилетел. Скоро домой, на звездолет, попадем. Ох, влетит нам от капитана за нашу самостоятельность.

— Послушай,— тихо сказал Роман.— Ты в пирамиде автоматику не повредил?

— Нашел о чем беспокоиться!— фыркнул Геннадий.— Я когда увидел тебя в каком-то черном гробу, да еще без сознания, чуть сам с ума не сошел. Хорошо, местный робот-систематизатор, кажется, даже главный систематизатор планеты, уговорил меня в пирамиде ничего не ломать. Кстати, этот систематизатор был вполне мирно настроен. Вернул мне тебя в целости, правда, без сознания, но пообещал, что ты придешь в себя. Не обманул, а то бы я ему...

— А система обороны кольца?— спросил Роман.— Ты ее не того?

— Нет, робот от имени какого-то Координационного центра заявил, что нас пропустят. У них тут, в пустыне, как я понял, идет затяжная война между различными кибернетическими установками. Хотя, признаться, я так и не уяснил, где находятся люди и кто всем этим миром ваведует.

— Это я потом объясню,— прошептал Роман, с наслаждением вдыхая свежий воздух пустыни.— Помоги мне подняться,— попросил он Алексея.— Руки и ноги все еще плохо слушаются... А вон и Виктор! Посигнальте ему. Скорей бы домой из этого райского места!..

— Бредит,— прошептал Алексей, заботливо поправляя шлем на голове планетолога.

8

Выслушав доклад Романа, Левушкин в некоторой задумчивости почесал себя за ухом и вздохнул.

— Так говорите, все в Раю, а на планете непрерывные стрельбы между роботами?.. Хорошо... А с этим Координационным центром, говоришь, трудно договориться?.. Ах, возможно!.. Штурман, отметьте в бортовом журнале: корабль возвращается на базу. На этой захудалой планете нам пока поправить что-либо трудно. Думаю, разберутся со всем этим специалисты на Земле.

АВТОРИТЕТ

Через джунгли Спеллы они шли уже вторую неделю. Впереди шагал охотник, невысокий высохший старичок туземец, в одежде из звериных шкур, с длинным тяжелым луком за спиной, мешком с провизией и колчаном, в котором оставалось восемь стрел. За охотником, стараясь не отставать, брел молодой крепкий парень в легком защитном комбинезоне астролетчика Земли. За спиной у него болтался рюкзак, на плече — автоматическое ружье.

Парня звали Валентином, он был порядком измотан долгой дорогой и только удивлялся выносливости своего спутника.

— Далеко еще?— спросил он, заметив, что Хиск, так звали туземца, опять меняет направление пути.

— Мало, совсем мало,— ответил Хиск, перелезая через полусгнивший ствол дерева.

Валентин вздохнул.

Понятия о расстояниях у туземцев были весьма расплывчатыми. Уже которой день он спрашивал, много ли им осталось идти, и в ответ слышал одно и то же:

— Мало, совсем мало...

Дни шли, тянулись вокруг болота и джунгли, кончались продукты, а Хиск все твердил:

— Мало, совсем мало...

И Валентин уже не знал, издевательство это или детская наивность. Он хлюпал по густой, жирной грязи

высокими сапогами и, мысленно проклиная себя за доверчивость, ругал потихоньку климат, москитов, цепляющиеся за комбинезон растения, кустарники, шипы которых и через два слоя пластика вонзались в кожу ног. Ругал саму планету, на которую его занесла судьба.

На Спелле это была третья экспедиция.

Полгода группа Валентина проводила изыскания среди джунглей и болот большого континента, а результаты оказались более чем скромными.

Все попытки наладить устойчивый психологический контакт с местными полудикими племенами кончались, как правило, неудачей. Туземцы избегали встреч с пришельцами, прятались при появлении участников экспедиции. Открытой вражды не чувствовалось, но не было и дружественных отношений.

В этот раз почти повезло: земляне наткнулись на группу больных туземцев, брошенных своими же сородичами. Туземцев вылечили, выходили, казалось бы, теперь возникнет если не дружба, то элементарная признательность к спасителям, но нет. Осталась все та же замкнутость, остался страх перед непонятным могуществом людей с неба и все те же бесконечные молитвы племенным богам.

Правда, туземцы помоложе немного оттаяли, с любопытством поглядывали на оборудование, на технику людей, интересовались оружием. От них Валентин впервые узнал, что когда-то на континенте существовала могучая цивилизация, строились города и храмы. Затем начались годы войн, болезней, несколько десятилетий длилось сильное похолодание. На цветущие долины обрушились ливни, снежные заносы, ураганные ветры. Все это оказалось достаточным, чтобы города опустели и разрушились, а джунгли поглотили их развалины. Остались легенды, остались мелкие разрозненные племена охотников и скотоводов.

Когда Хиск предложил землянам показать Большой Храм, расположенный где-то в джунглях, Валентин обрадовался. Правда, туземец наотрез отказался вести к храму больше одного человека, да и тот, по мнению Хиска, должен был быть самим Валентином, руководителем группы.

Валентин только посмеялся над желанием старичка привести к своим богам не какую-нибудь мелкую сошку, а самого главного из людей неба, но с требованиями проводника пришлось согласиться.

И вот они идут по джунглям Спеллы уже десятый день, а Хиск на все вопросы отвечает одним и тем же:

— Мало, совсем мало...

«Он, видно, решил меня уморить,— размышлял Валентин.— Еще немного—и я попаду к его богам и без проводника. Интересно, как он сам выдерживает этот путь в джунглях? Ведь лет ему уже немало... Шустрый старикан! За таким не утонишься...»

Охотник вдруг остановился, сбросил с плеча мешок, прислонил к дереву лук, повесил на ветку колчан со стрелами.

Валентин отдышался!

— Хиск, отдых делать будем?

— Нет,— покачал головой охотник,— рано отдых. Но мы пришли. Молиться буду.

И Хиск уселся на вывороченное корневище и долго вертел головой, раскачивал туловище из стороны в сторону, поднимал глаза к небу, взгляд его блуждал по верхушкам деревьев. Наконец, он встряхнулся, точно зверек, вылезший из воды, и махнул рукой вперед:

— Боги!

Валентин осмотрелся, но ничего не заметил, кроме гористого склона, заросшего кустарниками и лианами. И лишь когда они прошли несколько десятков шагов, он понял, что под ногами у него уже не грязь, а высеченные в скале древние ступени, ведущие куда-то на вершину холма.

По ступеням, покрытым мхами, вьющимися цветами и колючками, они поднимались четыре часа. Уже близился вечер, когда Валентин с Хиском вышли на небольшую каменистую площадку. С трех сторон площадку окружал скалистый обрыв, а с четвертой уходила вниз единственная тропинка, по ступенькам которой они поднялись, и возвышалась отвесная серая стена, в которой чернело отверстие входа. Очевидно, это и был храм.

Сверху со стены свешивались бесчисленные гроздья пурпурных ягод, гирлянды белых и сиреневых цветов, пестрели мхи — и трудно было понять, искусственное это сооружение или естественная пещера в скале, так все было заброшено, заросло и разрушилось от времени, ливней и жары.

Валентин посмотрел на Хиска.

Охотник сложил все свои пожитки у стены и, явно собираясь развести костер, подбирал разбросанные во-

круг сухие ветки и стебли смолистых растений. Выковыривал сухой мох из стены.

Сбросив рюкзак, Валентин положил на него ружье и, достав из кармана фонарик, с любопытством осветил арку входа. При внимательном осмотре выяснилось, что древние архитекторы свое дело знали, арка вблизи не выглядела такой примитивной, как с верхних ступенек тропинки. Была выдержана симметрия орнамента и боковых стен.

Из храма тянуло прохладой и сыростью.

— Хиск, ты пойдешь со мной?— спросил Валентин и оглянулся на своего спутника.

— Нет! Нет! Нельзя!— старик замахал руками.— Ты один будешь говорить! Боги! Боги!

— Один, так один,— пожал плечами Валентин,— Завтра осмотрю, сейчас уже поздно.

Валентин заглянул в глубину галереи, уходящей в темноту, и вдруг услышал за спиной щелчок взводимого курка.

— Осторожнее,— крикнул Валентин, резко оборачиваясь.

Хиск держал в руках его охотничье ружье и направлял дуло в сторону Валентина.

— Что ты делаешь?— крикнул Валентин, инстинктивно приседая и отскакивая в темноту храма.

В то же мгновение за спиной Валентина пуля чиркнула по стене.

— Хиск! Что с тобой? Зачем стреляешь?

— Боги!— взвыл туземец и еще дважды выстрелил из ружья.

Только теперь Валентин понял, что попался. Попался глупо, как мышонок, угодил в ловушку. Хиск завел его в джунгли, в храм, с единственной целью — принести в жертву своим каменным идолам. Местные боги для старца оказались важнее, чем могущество и доброта пришельцев с неба. Скорее всего, в людях экспедиции Хиск видел лишь непонятных чужих богов. Богов светлых, добрых, а значит, слабых, и доверчивых.

«Вот и пойми этих аборигенов,— подумал Валентин,— выходит, устойчивого контакта опять не получилось. Что же теперь? Надо выкручиваться, а как?..» — Он осторожно выглянул из храма.

Старик занял удобную позицию у спуска со скалы и, разложив перед собой ружье, лук и стрелы, медленно и обстоятельно отвешивал небу поклоны,

Валентин задумался.

Положение было отчаянным. Хиск в порыве фанатизма готов отправить своего спутника к богам! — сомнений в этом больше не было. Выход из храма и спуск со скалы старец охранял зорко. Рюкзак с продуктами остался лежать на площадке перед входом, в каких-то трех метрах от Валентина, но дотянуться до него не было никакой возможности. Зная умение Хиска стрелять из лука, Валентин понимал, что стоит ему высунуться из арки — и он будет мертв. Надо было искать другой выход из храма.

«До базы десять дней пути по джунглям, — прикидывал Валентин, уходя по галерее в глубину храма. — Если бы удалось добраться до рюкзака и вызвать по рации ребят, все было бы в порядке, но пока это невозможно. Последний раз я вел переговоры с базой три дня назад, но тогда мы были значительно севернее, а потом свернули на запад. Без рации меня будут искать и месяц, и два... Конечно, можно добраться до своих самому, компас у меня на руке, недели за две я бы добрался. Правда, с продуктами туговато, но всегда что-нибудь можно найти в джунглях. Значит, главное — выбраться из храма незамеченным. Интересно, есть ли здесь другие выходы и входы? Странно все-таки, Хиск ведь знает, что у меня нет оружия, а в храм за мной не пошел. Богов своих боится, что ли?»

Каменный коридор, по которому брел Валентин, уходил вниз, в глубину горы. Под ногами скрипела сырая галька, местами сапоги попадали в липкую беловатую слизь, по стенам, сложенным из огромных базальтовых блоков, росли черные и пурпурные мхи. Откуда-то с потолка галереи капала вода.

Самочувствие у Валентина было скверным. Угнетало не столько собственное положение, сколько предательство охотника. «Хотя, — размышлял он, — можно ли считать действия Хиска предательством? Да, они бок о бок пробирались через джунгли, грелись у одного костра, вместе спасались от зверей. Он сам обучил старичка пользоваться ружьем. Рассказывал ему о Земле, о людях. Убеждал, верил, желал добра ему... А в ответ?.. Психология местного жителя штука, конечно, сложная. Были, наверное, какие-то ошибки, просчеты... А теперь?.. Что теперь?.. Неужели нет выхода? Такая сложная система переходов, тупиков, залов не должна оставаться замкнутой...»

Валентин методично, за часом час, обследовал каждый коридорчик, каждый тупик подземелья. В одном из залов он вдруг увидел звездный свет. Две рубиновых звезды, точно глаза хищной ночной птицы, смотрели на Валентина. Однако окошко на свободу находилось слишком высоко, добраться до него могли бы лишь те же хищные птицы, и Валентин, бросив взгляд на звезды, продолжил поиски.

Так постепенно он дошел до центральных залов храмового комплекса. В одном из этих залов стояли сотни больших, в рост человека, кувшинов из обожженной глины. Лежали груды истлевших звериных шкур. Попадались бронзовые, покрытые толстым слоем зеленой окиси фигурки богов. У одной из стен зала луч фонаря выхватил из тьмы чудовищную каменную пасть сказочного зверя, напоминавшего мифических земных драконов.

Присмотревшись, Валентин заметил, что тропинка среди храмовой утвари подходит к самой пасти дракона и теряется среди гигантских клыков.

Очевидно, в форме раскрытой пасти зверя древние строители храма сделали вход в какое-то таинственное помещение.

«Что там?— подумал Валентин.— Неужели выход из храма, который я ищу? Или что-то другое?»

Он протиснулся сквозь решетку полутораметровых каменных клыков и ступил на гранитный язык дракона. И в то же мгновение над головой Валентина что-то заскрежетало, глухо ухнуло.

В первое мгновение трудно было сообразить, что произошло, и лишь оглянувшись, Валентин понял: каменные челюсти захлопнулись. Забравшись в пасть каменного идола, он привел в действие древнюю систему рычагов и противовесов. Ловушка сработала. Путь назад был отрезан.

Внимательно осмотрев верхний и нижний ряды каменных клыков и не обнаружив даже малейшей щелочки между ними, Валентин полез по проходу дальше, спустился на десяток ступенек и вновь услышал за спиной скрежет. Пасть дракона раскрылась, но стоило Валентину повернуть назад и подняться на две ступеньки — скрежет повторился и каменные челюсти сомкнулись вновь.

«Попался крепко!— подумал Валентин. Он чувствовал усталость и безразличие ко всему, что с ним происходило.— Конечно, такие хитрые ловушки устроены

здесь с самой определенной целью: для запугивания жителей и для охраны ценностей. Ясно, что никакого выхода из храма впереди нет...»

Он ничуть не удивился, когда, спустившись по ступенькам, попал в помещение, заваленное различными сосудами, деревянными и каменными фигурками, золотой и серебряной посудой, различными бронзовыми доспехами и оружием. Он попал в сокровищницу древнего храма.

Здесь же Валентин обнаружил три пожелтевших скелета, лежавших у большого опрокинутого кувшина.

Он живо представил себе, как трое туземцев много лет назад пришли сюда за сокровищами. Представил, как, запертые в каменной клетке, люди умирали от голода и жажды, как они опрокинули большой кувшин, в котором, возможно, хранился хмельной напиток туземцев. Представил, как трое обезумевших метались по каменному переходу, как издевательски щелкали перед ними каменные челюсти. И ему стало страшно: такая же судьба ожидала и его, если он не окажется умнее и находчивее. И Валентин еще раз подивился безупречному расчету древних туземных механиков, их примитивной, жестокой хитрости.

«Что же можно придумать? — размышлял он, восседая на опрокинутом кувшине. — Бегать по узкому проходу вверх и вниз, пока каменные челюсти не сведет судорога? Боюсь, гранитные зубки хорошо притерты. Древние хитрецы, конечно, учли подобные игры. Но делать-то что-то надо... Не сидеть же лапки сложив? Побегаю, вдруг и в самом деле зубки заклипит. Заклинит... По такому узенькому коридорчику не очень-то побегаешь. Скорее, ползать приходится. Вот если бы удалось обнаружить систему рычагов, приводящих в движение челюсти. Ведь сами жрецы как-то выходили из сокровищницы. Где-то должен быть замаскированный рычаг, открывающий каменную пасть...»

Валентин поднялся и стал сантиметр за сантиметром высвечивать фонариком стены и пол пещеры. Вскоре он так увлекся этой работой, что потерял всякое представление о времени. Очень терпеливо он обстукал стены, плиты пола, проверил каждую каменную ступеньку. В сокровищнице не осталось даже самого пустякового предмета, который бы он не попытался передвинуть с места на место, но древний секрет подземелья он так и не обнаружил.

Опомнился он, почувствовав сильнейший голод. По хронометру выходило, что в храме он находился более двадцати часов.

Валентин покачал головой и посмотрел на сжатые каменные клыки.

«Приличные зубки, — усмехнулся он, — Тут кувалдой не возьмешь. Только взрывчаткой или лазерным пистолетом, но у меня ни того, ни другого нет, а делать что-то нужно. Что? Еще раз все обстукать? Нет, так и с ума недолго сойти... Этот путь жрецы должны были учесть, надо доверять древним умельцам. Решение должно быть другим — простым, элегантным. Думать, думать надо!»

Еще раз он неторопливо прошелся по ступенькам. Послушал, как опускаются и поднимаются каменные блоки.

«Как часы работают, — хмуро подумал он и тут же спохватился: — Как часы! Не с этого ли надо начинать? Как часы... Надо разгадать, представить себе хотя бы приблизительно схему, устройство каменных механизмов. Ясно, что это система рычагов, противовесов. Каменный язык — это как бы чашка весов. Когда я наступаю на него всей тяжестью тела, весы срабатывают и ловушка закрывается. Затем я спускаюсь по узкому коридорчику, дохожу до нижних ступенек — каменный дракон разжимает зубки. Значит, одна из нижних ступенек — это вторая чашка весов... Если навалить на эту вторую чашку побольше тяжестей из сокровищницы, то выход будет открытым. Хотя... это было бы слишком просто, примитивно... Но попытаться надо».

И Валентин в течение часа наваливал на нижние ступеньки тяжелые глиняные сосуды, каменные фигурки, бронзовые доспехи и оружие.

Когда куча сваленного на ступеньках почти загородила проход, он пролез по коридорчику вверх и с горечью убедился еще раз в предусмотрительности древних строителей — стоило ему влезть на каменный язык, ловушка захлопывалась.

«Что еще придумать? — размышлял Валентин. — Должна быть какая-то хитрость! Не может быть, чтобы не было выхода!»

Некоторое время он с грустью рассматривал сваленный на ступеньках древний хлам: расшитые золотом тяжелые, уже почти истлевшие шкуры, щиты, мечи, палицы, нефритовые статуэтки богов и героев. «Когда-то за всем этим охотились, это было ценностью, за это уби-

вали и гибли, а теперь из-за всей этой ерунды, годной лишь для музея, приходится мучиться и мне».

Вдруг ему в голову пришло, что в его положении все эти древние ценности не так уж и бесполезны.

«Конечно,— подумал он,— это не плазменные резаки, даже не взрывчатка, которой можно было очистить путь к свободе, но среди хрупких горшков и кувшинов встречаются довольно прочные вещи. Например, эта булава из бронзы, или эта нефритовая статуэтка летящего бога. Почему бы не попытаться еще раз?»

И Валентин собрался с силами и поволок палицу по ступенькам к выходу из драконовой пасти. Затем перетащил туда же нефритовую фигурку и еще три небольших каменных изваяния.

Все перенесенные предметы он положил один на другой и прислонил к каменным зубам с тем расчетом, что если дракон еще раз разомкнет челюсти, самый верхний предмет — булава обязательно попадет между каменными зубами и заклинит механизм.

Правда, уверенности, что каменные челюсти раскроются еще раз, у Валентина было маловато, как-никак поставленные на каменный язык предметы весили около тридцати килограммов, каменные весы могли почувствовать эти килограммы, а могли и не заметить их, если были рассчитаны на средний вес человеческого тела.

Надежда была слабенькая, но все же Валентин поспешил спуститься до нижних ступенек лестницы и прислушался.

Первые секунды сверху не доносилось звуков, и он решил, что план не удался, но затем послышался скрежет. Медленно, неохотно, каменные зубы разомкнулись. Звякнули падающие предметы.

Валентин поспешил наверх, выбрался из коридорчика на каменный язык и увидел, как дракон попытался сжать челюсти, что ему почти удалось. Между каменными зубами теперь светилась узкая щель, в которую с трудом, но Валентин смог проползти.

Измученный, голодный, но счастливый, он уселся тут же на каменные плиты, не находя сил оторвать взгляда от медленно раскрывающейся пасти. Ловушка вновь была настроена, ловушка вновь была готова принять очередную жертву.

— Э! Нет! Второй раз меня в этот желудок не заманишь! — проворчал Валентин и, подмигнув гранитной

морде дракона, вытащил из каменных клыков сплюсненную палицу и пошел к выходу из храма.

Он так устал от своих злключениях, что совершенно забыл и о Хиске, и о его стрелах, и о своем ружье. Хотелось лишь одного: еще раз взглянуть на звезды, выбраться из проклятого каменного мешка, а там... Что там — он представлял себе плохо.

На площадке перед храмом Хиска не оказалось. На прежнем месте, в трех шагах от входа в храм, лежал брошенный Валентином рюкзак. У спуска на тропинку тлели огненно-розовые угли костра. Над джунглями занимался рассвет.

Утро выдалось прохладным.

Валентин подобрал рюкзак, подбросил в костер хвосту и, придвинувшись к разгоревшемуся пламени поближе, торопливо достал банку синтетической тушенки и фляжку с соком.

Валентина не очень удивило отсутствие охотника. Услышав скрежет каменных блоков, Хиск, наверное, решил, что древние родовые боги разделались с глупым пришельцем с неба, и ушел в джунгли.

Валентин представил, как Хиск будет рассказывать родичам о своем подвиге, как высоко поднимется теперь пошатнувшийся было авторитет старых богов, и ему стало горько и смешно.

«Нет, на роль богов мы не годимся, — коварства не хватает, злости, — думал он. — А доброта, жалость, бескорыстная помощь — в этом диком, жестоком мире эти чувства и поступки пока в диковинку, их не скоро еще оценят, не быстро поймут».

Наскоро перекусив, Валентин достал из кармашка рюкзака портативную рацию, направил антенну в сторону базы и вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он оглянулся...

В пяти шагах перед ним стоял Хиск. Он стоял на коленях и молился, бил поклоны. Взгляд его был устремлен не на Валентина, а на бронзовую помятую палицу, валявшуюся в двух шагах от костра.

Прятаться Валентину было некуда, но Хиск, видимо, не собирался стрелять. Он следил за Валентином с благоговением, с безропотностью, с восхищением, с ужасом, и Валентин ясно осознал, что старец молится именно ему — технику-планетологу, руководителю маленькой группы специалистов с Земли.

И Валентин покраснел, ему стало стыдно и за себя и за Хиска, и жалко стало этого, в общем-то, очень сильного жилистого человека, который, точно слепой котенок, тыкался из угла в угол в своем страшном мире, не зная уже, каким богам молиться.

Валентин подошел к Хиску, легонько похлопал его по спине.

— Ничего, дед, бывает...— пробормотал он. — Пошли домой. Пора! Уже мало осталось.

И подобрав брошенное на тропинку ружье, перекинул его через плечо. Не оглядываясь на старика, стал спускаться по ступенькам заброшенной древней тропинки в джунгли.

Минуты через три Хиск его нагнал. Валентин услышал радостное пыхтение за спиною и бормотание:

— Мало, совсем мало осталось.

«Конечно, мало,— подумал Валентин,— сейчас на ровную площадку выйдем и вызову базу, а там через три-четыре часа прилетит вертолет — еще одно чудо... Летать-то Хиску пока не приходилось, а значит, все впереди. И не мало, а много...»

ОБЪЯВЛЕНИЕ

1

Дверь открыла высокая пожилая женщина в белом больничном халате и, едва взглянув на Федора, сердито сказала:

— К профессору нельзя, он болен. Зачеты идите сдавать к Куроедову.— И женщина весьма негостеприимно попыталась захлопнуть дверь перед носом Федора, но Федя неторопливо выставил вперед ногу.

— Я по объявлению. Вот,— он протянул сорванный с забора листок.

Женщина взяла листок и прочла: «Меняю шестидесятилетний жизненный опыт, знания доктора наук на пять — десять лет молодости. Приглашается молодой человек лет двадцати — двадцати пяти с крепким здоровьем и устойчивой психикой...» Далее указывался адрес и время приема.

— Ну и что?— спросила женщина сердито.— Я сама эту чепуху повесила на заборе. Старик попросил, вот и

повесила, но не всякому же вздору можно верить. Профессор болеет, человек он старый, уважаемый, но вот последнее время появились у него некоторые странности. Даже и не знаю, что вам посоветовать...

— Так пустите меня к нему, или в другой раз прийти?

Женщина развела руками и, с некоторой опаской поглядывая на могучую фигуру Федора, произнесла:

— Мир полон дураков и сумасшедших. Проходите. Пальто оставьте здесь. Вот тапочки, надевайте — и по коридору в ту дверь,

На огромной деревянной кровати, обложенный со всех сторон подушками и рукописями, лежал длинный бледный старичок. В руках у него была толстая книга на неизвестном Феде языке, а на носу покачивались огромные очки.

— Здравствуйте. Я по объявлению,— сказал Федя, обводя взглядом многочисленные полки с книгами и приборы, пылившиеся на двух столах и подоконнике. Из приборов Федору был знаком только микроскоп, остальные поражали своей загадочностью и непонятностью.

— Присаживайтесь,— сказал старик, указывая глазами на кресло рядом с кроватью и откладывая в сторону книгу.— Будем знакомы. Сергей Иванович Перепелкин,— произнес он, протягивая Федору дрожащую старческую руку.

— Федя Тараканов,— кратко отрекомендовался Федор, осторожно пожимая протянутую руку и застенчиво опускаясь в кресло.

Старичок благожелательно кивнул.

— Итак, Федя,— сказал он.— Вам нужны знания? Опыт? Вы даже готовы пожертвовать для этого несколькими годами своей цветущей юности, не так ли? Вы хотите быть интересным, эрудированным, образованным человеком?

— Да.

— Обычный метод вас не устраивает?

— Видите ли, профессор, науки мне даются с трудом. Способностей у меня маловато, что ли...

— Ага! Способности!— радостно пробормотал профессор.— Значит, с трудом даются... Гм... Это бывает. Иными словами... Вы только не обижайтесь на меня, я ведь немного врач и гарантирую сохранение тайны, Вы чувствуете себя дураком?

Вопрос был задан слишком прямолинейно, и Федору стало немного душно, уши его приобрели явственный малиновый оттенок.

— Ну, не совсем, конечно, — жалобно пролепетал он, отводя глаза в сторону, — встречаются ведь люди и глупее. А у меня по боксу первый разряд... и по лыжам... и по стрельбе...

— Это хорошо!

— Что хорошо?

— Хорошо, что вы понимаете свои слабости, — пояснил профессор. — Значит, не все потеряно. Плохо, если дурак чувствует себя умным — тогда это законченный дурак, а вы... Какой же вы дурак? Зря вы на себя, молодой человек, наговариваете. Вы просто работали над собой не в том направлении. Это дело поправимое. Вам сколько лет?

— Двадцать.

— Отлично! Работаете? Учитесь?

— На втором курсе университета.

— Хм! — удивился профессор.

— Трудно, — пояснил Федя. — Только из-за спортивных успехов и держат.

— Ясно, — усмехнулся профессор. — Да, я вас понимаю. Это свинство!

— Что свинство! — спросил совсем сбитый с толку Федор.

— Свинство, что такой молодой цветущий человек испытывает острый, если так можно выразиться, дефицит знаний, мыслей, идей, а у такого старого сыча, как я, стоящего на краю могилы, этих знаний и мыслей хватит на десятерых. И все эти идеи, мысли, знания пропадут ни за понюх табаку... Скажите, Федя, вы никогда не задумывались над проблемой передачи информации от одного поколения другому? Не задумывались? А напрасно! Ведь современные методы обучения весьма и весьма далеки от совершенства. Да, да. Не спорьте...

— Я и не спорю, — угрюмо ответил Федор, соображая, не пора ли ему унести ноги от этого, по-видимому, спятившего старичка.

— Не спорьте, — продолжал старичок, очевидно уже ничего не слушая и не слыша, — не спорьте, я ведь сам читал лекции... И знаю. Да, проблема информации существует. Над ней бьются и педагоги, и генетики, и кибернетики. Пытался ее решить и я в своей лаборатории. Вы, Федор, имеете какое-нибудь понятие о генетической ин-

формации, проблемах памяти и вообще?.. Хотя, что это я, — махнул профессор рукой. — Откуда вам об этом знать?

— Почему же, — обиделся Федя. — В общих чертах... Как все...

— Нет, Федя, нет! — поморщился Перепелкин. — Знать в общих чертах, это значит — ни черта не знать. Я занимался этой проблемой больше десяти лет и в какой-то степени ее решил, но работы еще непочатый край, а времени нет. Я болен. Медицина, как говорится, умывает руки. Вся надежда на вас, Федор. Вы согласны на эксперимент?

Федор восторженно кивнул, хотя из речи профессора почти ничего не понял, радостно кивнул.

— Согласен. Это не очень больно?

— Нет, это не больно, мой друг, — пробормотал профессор. — Но я вижу, вы ничего не понимаете. Это опасно. Я должен все объяснить. Вот этот аппарат, что стоит у окна, построен в моей лаборатории и предназначен для прямой передачи информации из одного мозга в другой. Дело новое, чреватое... Администрация института ни за что не согласилась бы на опыты над человеком, они требуют тщательной проверки, всестороннего изучения вопроса... А когда изучать? Я почти покойник. Остались недели, дни, минуты... Поэтому предлагаю вам этот опыт самым честным образом на свой и на ваш страх и риск. Да вы не пугайтесь! В общем-то, ничего страшного. Все наши знания останутся при нас. Аппарат только как бы снимет копию с каких-то участков моего мозга и передаст их вашему. И обратно, запись с вашего мозга попадет в мой. Здесь можно провести некоторую аналогию с перезаписью с магнитофона на магнитофон, улавливаете? Но, Федя, вы должны понять, что вместе с моими знаниями вы получите, если хотите — в нагрузку, частицу моей личности, моего Я, приобретете, возможно, кое-какие из моих привычек, в какой-то мере будете смотреть на мир моими глазами. Это, кстати, и будет тот жизненный опыт, о котором я сообщал в объявлении. А что касается меня, — продолжал профессор, — я приобрету некоторые из ваших знаний, привычек и склонностей. И после эксперимента мы с вами будем своеобразными двойниками в мышлении. Вам все понятно, Федя?

— Понятно, — буркнул Федя, у которого от профессорских речей уже начинала пухнуть голова. — Одного я не пойму, зачем вам мои знания? Ведь нет у меня ника-

ких знаний, а склонности самые дурные, как честный человек я вам об этом сразу говорю.

— Вот мы и подошли к самому главному, — улыбнулся профессор. — Вас интересуют мои мотивы? Разумно. Вам их надо знать. Начну с того, о чем уже упоминал, наши с вами личности будут, так сказать, в двух экземплярах, и если даже с одним из нас что-то случится, все его мысли и чувства, конечно, в несколько деформированном виде, сохранятся у другого. Вы, например, сможете заниматься теми проблемами, над которыми я бился в последние годы. Это одна сторона вопроса, но я, например, вовсе не собираюсь умирать. Я надеюсь выздороветь и помолодеть с вашей помощью — вспомните объявление. Ведь сами по себе знания — это ерунда, если вы не умеете ими пользоваться. А вы приобретете и способности моего мозга, его умение, а я, соответственно, вашего... Ясно?

— Нет!

— Хм! — вздохнул профессор. — Существует такая теория, что все болезни организма, исключая, пожалуй, инфекционные, зависят от центральной нервной системы. Даже старость можно объяснить тем, что мозг человека со временем, развиваясь в одних направлениях, деградирует в других — и все хуже и хуже управляет телом, развитием клеток, биохимическими процессами организма. Теперь понимаете? Грубо говоря, после эксперимента ваш молодой, здоровый мозг как бы напомнит моему старому, разболтанному и расхлябанному, как себя вести. Я рассчитываю, что после такого напоминания мой мозг, мое тело вспомнят свою юность и в определенной степени окрепнут, помолодеют, если хотите. М-да. Не исключено, что и со стороны моего организма будет оказано некоторое негативное влияние на ваш мозг. То есть вы можете постареть. У вас могут появиться какие-то из моих болезней, но все это, конечно, догадки. Возможно, и это был бы самый замечательный вариант, что наши организмы возьмут друг у друга только хорошие и полезные навыки и привычки, противясь отрицательным влияниям. Заранее, конечно, трудно что-либо предвидеть. Решайтесь, молодой человек. Аут Цезарь, аут nihиль.

Федя не понял последней фразы профессора, произнесенной им, очевидно, на каком-то зарубежном диалекте, но от нее ему стало только еще страшнее, действительно, было о чем подумать.

Ведь на визит к профессору Федора толкнула любовь. Не забывайте, ему было всего двадцать лет. Она же...

Ее звали Вероника Леонидова, она окончила какую-то экспериментальную школу, училась на четвертом курсе, хотя, заметьте, ей было только девятнадцать, и она была красива, как... впрочем, не будем вдаваться в подробности. Федя не был силен в метафорах, и, по его мнению, все сравнения доказывали бы только, как некрасивы остальные женщины рядом с Вероникой. И ему тем более было обидно, что на него Вероника внимания не обращала, за исключением разве того случая, когда назвала скучным дураком. Этот-то случай и побудил Федю пуститься на поиски знаний, забросить бокс и стрельбу и проливать потоки слез над таблицами интегралов. Федя решил поумнеть, сделаться интересным, остроумным собеседником, поражать окружающих своей эрудицией и глубиной философского мышления...

Объявление на заборе потрясло Федора, предложения профессора Перепелкина просто очаровали, но... Было о чем подумать.

«А что, если... — думал Федя. — Ага! Значит... А если постарею на десять лет, ну, это пустяки, а если — на двадцать? А болезни? Хотя, никогда ничем не болел. М-да... А если так жить... Дурак! Обидно... Нет, лучше в омут... И еще оскорбления терпеть...»

— Профессор, я согласен. — произнес Федор твердо. — На все согласен! Скажите, что нужно делать?

— Тогда поспешим, — сказал профессор. — Мне с каждым днем все хуже и хуже. Сами видите, — Сергей Иванович кивнул на небольшую полку над кроватью, заваленную пузырьками с микстурами и горами таблеток. — Подвиньте сюда тот аппарат, что у окна. Осторожно! Это же прибор! Ну и силушка у вас, Федор, даже страшно становится. Включайте в розетку. Так... Помогите-ка мне. — Профессор, охая и ахая, поднялся с подушек и склонился над прибором. Он долго возился, включал и выключал какие-то лампочки, чем-то щелкал и что-то ввинчивал и отвинчивал. Затем укрепил на голове Федора шлем со множеством каких-то иголок и проводков, укрепил такой же шлем на своей голове. Перекрестился, сплюнул через плечо и произнес: — Ну, поехали! — И нажал кнопку.

Свет померк в глазах Федора. Ощущение было таким, словно он получил пару добротных ударов в челюсть.

Какое-то время Федя и профессор были без сознания. Первым очнулся Федор. Он заметил, что прибор, видимо автоматически, отключился, и что уже поздно. Профессор

все еще лежал с закрытыми глазами — и Федю это испугало.

«Не помер ли старик, чего доброго, от всех этих экспериментов?» — подумал Федя, участливо снимая с профессора шлем и отодвигая аппарат на прежнее место, к окну. Отыскав на полке с лекарствами пузырек с нашатырным спиртом, Федя поднес его к носу профессора, и только тогда тот очнулся и застонал. Прибежала женщина в белом халате. Профессор принялся глотать пилюли. И Федя, сообразив, что теперь не до него, осторожно вышел из комнаты, отыскал в коридоре свои ботинки, надел пальто и, тихо прикрыв за собой дверь, ушел.

Так он и не понял, обменялись они с Перепелкиным содержимым мозгов или нет? Удался опыт или нет? Пока это Федю не особенно волновало. Он возвращался домой, ему очень хотелось спать, а в голове чувствовался какой-то непривычный зуд. Должно быть, профессорские мысли обживались в просторных извилинах сравнительно малонаселенной Фединой головы.

2

На следующий день Федя проснулся непривычно рано. Сна не было. Часы на письменном столе показывали половину шестого.

Первая мысль, которая появилась:

«Где валерьянка?»

Федя ужаснулся. Мысль была явно не его, а профессорская. Отогнав эту мысль и десяток других: о близкой кончине, о всевозможных заболеваниях, покальвании в области сердца, ревматизме, болях в пояснице и печени, Федор подошел к зеркалу.

«Внешне я, во всяком случае, пока не изменился, — отметил он, созерцая полную скрытого достоинства игру бицепсов. — Вроде бы, здоров. Но откуда усталость, медлительность в движениях? Кстати, почему я так рано проснулся — старческая бессонница? Нет, с этим надо бороться. От всех этих профессорских недугов надо избавиться, пока они не укоренились. А теперь небольшая разминка».

До половины девятого Федор бегал по комнате. Прыгал. Лупил грушу и выжимал гири.

После чего осмотрел себя в зеркале еще раз, радостно отметил некоторую задумчивость в лице, ранее ему не

свойственную, и после принятия холодного душа поехал на лекции.

На улице он чуть было не сел в такси, но вовремя опомнился:

«Э! Нет! Так не пойдет — я еще не профессор!» — и направился к остановке автобуса. В автобусе Федя долго не мог сообразить, почему никто ему не уступит место, и даже собирался поговорить со старушками об упадке нравственности среди молодежи, но очухался, помянул про себя Перепелкина нехорошим словом и стал приводить в порядок мысли, свои и чужие.

«Мысли о болезнях, все эти житейские казусы — это на первых порах неизбежно, — рассуждал Федор, — но это несерьезно, от этого я в два дня избавлюсь. Конечно, я, то есть не я, а он... Нет, не он, а мы, конечно, мы с профессором были правы, предполагая, что получим друг от друга только лучшее, остальное отсеется — не приживется. Кстати, как это старик не сообразил внести улучшение в схему аппарата. Поставить экран, не пропускающий второстепенную информацию. Идея простая — перепаять схему в десяти местах — и порядок. Стоп! Опять его мысли? Нет! Уже, пожалуй, не его. У профессора их не было. Это мои собственные, полученные с его помощью. Кажется, старичок все же научил меня шевелить мозгами. Да, для меня многое теперь изменится...»

На лекции по математическому анализу Федор пришел к двум выводам. Первый: «Учат теперь не так, как в мои годы». Второй: «Здорово я подзабыл азы!»

После лекции ноги сами собой понесли Федю в читальный зал. У него почему-то появилось непреодолимое желание полистать свежие реферативные журналы,

В зале он встретил Веронику.

— Ты чем это здесь занимаешься? — спросила Вероника, озабоченно разглядывая стопку научных журналов, возвышавшуюся перед Федором на столе.

— Науки изучаю, — скромно ответил Федя, разглядывая Веронику.

Только теперь он осознал, как глубоко затронул его эксперимент. Федя смотрел на ту, ради которой, собственно, и заварил всю эту кашу с профессором, и думал:

«А ведь изменилось и мое восприятие мира. Что-то и с Вероникой произошло. Смотрю на нее восхищенно, но уже без прежнего обожания, более трезво оцениваю положение. Стал более уверенным в себе, опытным, но что-то исчезло, что-то изменилось». Федя боялся додумать

мысль до конца, Смутно он уже осознал, что исчезнувшее что-то, быть может, и было любовью.

Исчезла прежняя мальчишеская влюбленность, исчезло безрассудство юности, толкнувшее его еще вчера на визит к профессору.

И Федя понял, кое-что все же потеряно.

— Что с тобой?— спросила Вероника встревоженно.— Почему ты на меня так странно смотришь?

— Я, кажется, разлюбил тебя,— спокойно, отчеканивая каждый слог, выдавил Федя.— И тебе никогда не догадаться — почему... Нет, не то,— Федя усиленно затряс головой.— Не то я говорю, Ника! Не то! Я люблю, люблю тебя, но уже по-другому, совсем по-другому.

Вероника остолбенела.

— Ну, знаешь!— сказала она.— Ты оригинал! Не пойму, почему на курсе тебя дураком считают? Надо же — начинать объяснение в любви с того, что разлюбил. Прохвост!— добавила она восхищенно и, как показалось Федору, с нежностью.

— Правильно, прохвост!— весело согласился Федя.— Пошли сегодня вечером в кино. Согласна?

Еще вчера днем Федор бы умер, а не отважился предложить Веронике пойти в кино, но сегодня все уже было по-другому. И его ничуть не удивило, когда Вероника ответила:

— Пошли!

И Федор понял, что прежняя жизнь глуповатого Феда навсегда кончилась и начинается жизнь совершенно другого человека. Смысл фразы «Аут Цезарь, аут nihil!» произнесенной профессором, как теперь выяснилось, по латыни, дошел до Федора полностью. И он почувствовал себя этим самым Цезарем, властелином, преобразующим мир. Он увидел, как это прекрасно — уметь мыслить, играть воображением, щекотать за пятки здравый смысл, находить среди привычных вещей что-то таинственное, пугающее своей сложностью и восхищающее своей простотой и красотой.

Через несколько лет Вероника вышла замуж за Федора, к тому времени самого молодого и талантливого сотрудника лаборатории профессора Перепелкина.

Еще через три года Федор окончил аспирантуру, защитил диссертацию и в недалеком будущем несомненно обещает стать одним из светил науки.

Историю эту с объявлением можно было бы считать счастливо завершенной, если бы не странное и таинствен-

ное происшествие с лучшим другом и учителем молодого кандидата наук профессором Перепелкиным.

3

Перепелкин после встречи с Федей и проведенного эксперимента проболел месяца три и, к изумлению врачей, поправился...

Больше того, он помолодел, и уже через год выглядел цветущим сорокалетним мужчиной, хотя в институте и шептались, что человеку больше шестидесяти и происходит чудеса.

Чудеса действительно имели место.

Сергей Иванович совершенно позабыл о своих болезнях, увлекся лыжами, а в кабинете рядом с микроскопом выросла боксерская груша и появились пудовые гири. Были и казусы. Особенно общественности запомнился случай, когда старичок-профессор расшвырял сразу трех хулиганов, причем двум из них, как потом выяснилось в отделении милиции, умудрился сломать челюсти.

Вообще же, после выздоровления Перепелкин вел счастливую, легкомысленную жизнь. Все проблемы и заботы своей лаборатории он поручил своему новому заместителю Феде Тараканову, а сам увлекся хоккеем, футболом и прочими, довольно азартными играми.

Так оно все и шло до того праздничного вечера в институте, когда Федя представил Перепелкину свою очаровательную супругу Веронику Васильевну Тараканову.

— Ах, княжна!— воскликнул Сергей Иванович в совершеннейшем смятении и схватился за сердце.

— С профессором плохо!— закричали вокруг заботливые сотрудники.— Воды! Скорее воды!

— Нет, ничего, уже все прошло;— грустно сказал профессор, поправляя сбившийся на бок галстук,— Спасибо. Все прошло.

Увы, бедняга и не подозревал, что «все» еще только начиналось.

Восхитительный образ Вероники, в свое время полученный от Феде в ходе эксперимента и долго бродивший в тайниках подсознания профессора, вошел в жизнь Перепелкина.

После этой встречи профессор растерял всю свою веселость, сделался бледен.

Несколько раз он наносил визиты Таракаповым. Дарил Веронике пышные букеты роз, но после каждого визита ему становилось все хуже и хуже.

Перепелкин, хотя и помолодевший, великолепно отдавал себе отчет, что разница в полстолетия — это ощутимо, что такое не смутит, пожалуй, только Кащей Бессмертного, а если учесть, что соперник его молод, красив и умен, умен не без его помощи, то на что надяться? И профессор заметался. Потерял надежду.

Однажды вечером случайные прохожие наблюдали, как пожилой, элегантный мужчина с тоскующими глазами прицепил на зеленый забор городского парка записку, странный текст которой гласил: «Меняю живую, страдающую душу на...» Далее следовали варианты, нелепость которых была очевидна.

«Объявление» провисело дня три, затем его смыло дождем в придорожную канаву.

Перепелкин, вдруг передумав менять что-то в своей душе, обзвонил всех своих знакомых и заявил, что совершенно счастлив и уезжает в Среднюю Азию организовывать очередную экспедицию, которая будет заниматься поисками снежного человека.

Со временем история с объявлениями забылась, и о профессоре перестали вспоминать, хотя в адрес супругов Таракановых еще долго приходили милые письма из самых разных экзотических уголков страны.

сборник
7 УМБЫ
АНТАСТИКИ

ГОСТИ Семинара

НИКОЛАЙ БУРЯК (Артемовск)
ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ (Ставрополь)
ИГОРЬ ПИДОРЕНКО (Ставрополь)
АЛЕКСАНДР СИЛЕЦКИЙ (Москва)
ИГОРЬ ФЕДОРОВ (Винница)

ДЕЛО РЫЖЕГО

Легкий морозец не просто пощипывал, а прямо-таки царапал привыкшие к адской жарнице щеки и длиннущий, почти до самого подбородка, нос Рыжего Черта. А Рыжий топал по топалке в поисках очередного приключения. Он, как любому грамотному человеку понятно, был типичным мутантом среди своего чертячьего племени и, помимо окраски, отличался от своих собратьев непомерным честолюбием и постоянным желанием поступать не как все, а только оригинально, по-своему. И хотя по своей чертовой сущности не был способен на добрые дела и мог совершать только пакости, но и пакость, особенно сегодня, в новогоднюю ночь, ему очень хотелось совершить благородную.

Из открытой настежь форточки на третьем этаже пятиэтажного дома валили ароматные клубы дыма и доносились звуки магнитофона, от которых сладостно дрогнуло чувствительное сердце Рыжего, потому что они здорово смахивали на завывания поджариваемых в аду грешников.

Рыжий моментально переместился туда. Там все уже было хорошо на взводе, и поэтому его явление, хоть он и появился в своем естественном виде, никого не затронуло. Только одна ярко накрашенная девица ухватила его за аккуратно ухоженную кисточку хвоста и, оставляя на ней следы губной помады, пискнула:

— Ой, какая прелесть!

— Где брали?

— Сколько отдали?..

Рыжему это не понравилось, и он, выдернув хвост, слегка подправил на ее лице косметику — губную помаду переместил на брови, а искусственными ресницами обрамил девственно ненакрашенные губы. Для носа пришлось использовать лак с ее ноготков.

Его заинтересовал парень, на полном серьезе разъяснявший таким же, как и он, ослоловешим юнцам свое философское кредо. Парня мама называла Арнольдиком, а здесь он проходил под псевдо Чирва.

Рыжий сам был чертом с философским уклоном, возможно, потому, что его чертова мама хотела, чтобы он специализировался по экономическим диверсиям, очень престижным в современном подземном царстве.

А Арнольдик высказывался:

— Все мне твердят: «Должен! Должен! Работать должен. О других беспокоиться должен». А я никому ничего не должен. Каждый живет для собственного удовольствия и наплевать ему на чужие заботы. Я свободный человек, а не раб общества...

Рыжему этого было вполне достаточно. Вся мизерная сущность Арнольдика предстала перед ним, как на ладони, и очередная благородная пакость выкристаллизовалась в его мозгу.

Погас свет.

Девочки завизжали, мальчики загигикали. Но постепенно, по мере того, как становилось ясным, что это не чья-нибудь шутка, а магнитофон молчал и в квартире становилось все холоднее, кое-кто попытался думать, а Арнольдик, тот даже сообразил при свете газовой зажигалки накрутить телефонный диск и дозвониться до диспетчера горэлектросети.

Диспетчер ответила, что на линии незначительная авария, но так как ремонтники заявили, что в новогоднюю ночь они не обязаны работать и предпочитают праздновать, то до второго января света не будет. Аналогичный ответ Арнольдик получил и из котельной, от которой поступало тепло в эту квартиру. Все поняли, что дальше тут ловить нечего, и стали расходиться.

Арнольдик, выйдя на улицу, попытался поймать такси, но все таксисты, останавливаясь возле него, объясняли, что они не дураки сегодня работать, как и все свободные люди, которые никому ничего не должны.

На троллейбусной остановке троллейбусы один за другим мчались по всем маршрутам, кроме того, который нужен был Арнольдiku. На этом маршруте, оказалось, оборвалась троллей, а те, кому надлежало ее соединить, не посчитали себя обязанными делать это сегодня. Арнольдик-Чирва, кляня все на свете, двинулся по маршруту пешком. И тут, почти рядом с троллейбусной остановкой, где обычно стоял постовой и регулярно моталась патрульная милицейская машина, какие-то трое сняли с него дубленку, а заодно и джинсы вместе с теплыми импортными кальсонами. Он понял, что милиция тоже сочла

себя свободной от обязанности охранять Арнольдика в эту ночь.

Уставшие, нетренированные ноги отказывались нести его дальше, и он присел на первую попавшуюся скамью. Но скамейка была вся в снегу и сразу же обожгла изнеженное Арнольдиково сиденье. А Рыжий подбрасывал в его трезвеющую голову все новые картинки о том, как дома, в холодной комнате, на полу зловеще расплзается зловонная лужа, потому что забита канализация и воду невозможно перекрыть — кран сломался. И горячего чайку не на чем подогреть — газа нет. И даже родная мамочка отказывается приготовить обед Арнольдiku:

— Хватит! — говорит. — Наготовилась! Теперь ты и сам с усам... Пора на своих ногах стоять...

Арнольдик завыл, уставившись на выплывшую из-за тучки новогоднюю луну, слезы катились по его трезвеющему лицу, а в аду сам Сатана отчитывал Рыжего Черта:

— Тоже мне оригинал-экспериментатор нашелся... Избалованного юнца голым задом на снег усадил... Какой-то Чирве урок политэкономии преподать удумал... А если до него дойдет? Если он после этого нормальным человеком станет? А там и все остальные люди поймут, что только дружной работой, только помогая друг другу можно обеспечить и свое собственное благополучие, а жить на чужом горбу, паразитом и тунеядцем — это, в конце концов, самому себе в борщ плевать...

Да ты понимаешь, что тогда и нам, всему нашему чертову племени, придется общественно-полезным трудом заняться, чтобы с голоду не помереть.

Рыжий понял, что чересчур загнул в своем стремлении отойти от установленных веками традиций, и поспешил исправить содеянное.

Арнольдик сладко потянулся в собственной теплой постели, с огромной радостью сознавая, что все это только страшный сон. Но призадумался...

УИК-ЭНД НА БЕРЕГУ

Месяц в звездолете — как раз тот срок, после которого отчетливо осознаешь, что романтика хороша только в тщательно отмеренных дозах. По крайней мере, к такому выводу пришел Игорь Ростокин, корреспондент-кандидат еженедельника «Звезды зовут», возвращаясь из своей первой самостоятельной командировки.

Он вполне мог улететь на экспрессе прямого сообщения Ригель — Земля, но решил, что не сможет убедительно оградить жизнь и психологию тружеников Дальнего Космоса, лично не прочувствовав всех ее аспектов. Почему и оказался единственным пассажиром разведчика галактического класса «Кальмар», который штурман Марков перегонял в марсианские доки на ремонт и модернизацию.

Этот достаточно длительный и сложный рейс с тремя внепространственными переходами сулил возможность не только ощутить себя космопроходцем давних времен, но, вдобавок, спокойно и творчески поработать, чтобы по прибытии сразу положить редактору на стол готовую к печати серию очерков.

Вначале все так примерно и выходило. Он писал, изучая штурманское дело, проникновенно и душевно беседовал с Марковым о его работе и личной жизни. Пока вдруг не обнаружил, что материала, включая собственные записи, извлечения из отчетов предыдущих экспедиций и статей Всеобщей энциклопедии, едва-едва набирается на слабенький «подвал». Изучение космических наук, которыми он надеялся овладеть в свободное от творчества время, намертво уперлось в интеллектуальный барьер, а штурман под любыми предложениями скрывался в реакторном отсеке, куда Игорю вход был, безусловно, запрещен всеми существующими Уставами, Наставлениями и даже Временными инструкциями.

От всего этого Ростокин затосковал, причем, депрессию углубляло отчетливое ощущение, что дальше будет еще хуже — времени до финиша оставалось гораздо больше, чем прошло от старта.

Часами валяясь на койке в каюте, Росточкин с грустью и нежностью вспоминал свое пребывание в базовом лагере десантников, на XXII планете системы Серых звезд, где его принимали, как положено принимать гостя, всего месяц назад ходившего по московским бульварам и лично знакомого с Джоном Рокстоном и даже Мариной Малаховой. Не только доверчивые девушки-ксенобиологи, но и битые парни из Седьмого отряда слушали Игоря, раскрыв рты, и на прощание подарили панцирь Рубиновой устрицы и штурмовой карабин, которым пользовались первые разведчики аж в XXIII еще веке. (Карабин, впрочем, оказался, на самом деле, списанным фотонным резакком, но Игорь этого пока не знал.)

Скорее всего, поразившая журналиста меланхолия закончилась бы трехмесячным лечением в Селигерском профилактории, однако внезапно и резко все изменилось.

В тишине каюты прогудел сигнал вызова, и голос Маркова из динамика спросил:

— Ты сейчас не очень занят? Тогда зайди, есть новости.

В рубке штурман, сидевший перед экраном запространственного обзора, обернулся и непривычно серьезно сказал:

— Интересно получается. Курс проложен гладко, я даже Южный Крест в трех парсеках обхожу, чтобы с наложением полей не морочиться, да и движки у нас, сам знаешь, какие. А тут на стыке подпространств прямо по курсу системка совершенно ненужная просматривается... Полюбуйся.

— Вам виднее, Сергей Васильевич, — деликатно ответил Росточкин, мельком взглянув на экран, где струились контуры взаимопроникающих многомерных торов и сфер. Правда, цветовая гамма была красивая... — Насколько я понимаю, два варианта возможны. Или мы с курса уклонились, или новую систему открыли. Второе, по-моему, лучше...

— Умный ты, Игорь, не зря я тебя учил. Тебе б каравеллой «Санта Мария» командовать, — непонятно к чему ответил штурман, сунул в рот реликтовую трубку, которую никогда не закуривал, но всегда таскал в нагрудном кармане, и начал набирать команды на терминале компьютера.

...Вторая, она же и последняя, планета безыменного желтого карлика поразила даже много чего повидавшего на своем веку штурмана. Когда звездолет вышел на геостационарную орбиту и включились круговые оптические

экраны, штурман привстал и произнес нечто энергично-архаическое.

Внизу переливался и вспыхивал солнечными бликами ультрамариновый океан. Увенчанные белыми гребнями валы разбивались о круто падающие в воду скалы. Вправо, насколько доставал взгляд, тянулись покрытые непроходимыми лесами хребты. А левее и прямо по курсу до горизонта раскинулась полоса пляжей всех оттенков желтого и оранжевого цветов. Такой роскошной панорамы не увидишь и на Земле, не говоря о прочих до сего момента открытых планетах.

— Однако... — недоверчиво протянул Марков, а Игорь отчетливо понял, что имя в истории отныне им надежно обеспечено. Открывателей таких миров не забывают.

Все стандартные процедуры дистанционного исследования однозначно подтвердили абсолютную землеподобность и полную безвредность атмосферы, биосферы, гидросферы и литосферы сказочной планеты.

Пока Марков завершал предусмотренный инструкцией предпосадочный облет, Ростокин мучительно пытался уйти от назойливо лезущих в голову слащавых и заведомых банальностей, подбирая имя для свежесобранного рая. И снимал, снимал пейзажи планеты на все три бортовые видеокамеры.

Осела взметенная посадочным выхлопом корралловая пыль, последний раз пробежали по дисплею колонки цифр, окончательно зафиксировав не просто безопасный, но совершенно курортный уровень всех мыслимых характеристик внешней среды, автоматика открыла выходной шлюз, и вскоре площадка лифта мягко коснулась грунта.

Мода на приличествующие случаю афоризмы и крылатые фразы давно прошла, и на почву планеты они вступили молча.

Да и какие слова могли передать настроение людей, годы, как Марков, или месяцы, как Ростокин, не видевших синего неба, не вдыхавших пахнущего магнолиями, орхидеями, выброшенными на берег водорослями, морской солью, йодом, горячим песком и бог знает еще чем воздуха, не слышавших отдаленного гула прибоя у отвесных скал и шелеста умирающей у самых ног волны... И вдруг сразу все это получивших.

Они шли возле самой воды, там, где мокрый песок глаже и тверже городского тротуара. Марков — налегке, а Ростокин, вспомнив какой-то пункт древней инструк-

ции, а скорее всего — из той же превратно понятой романтики, нес на ремне пресловутый карабин.

— Охота тебе шею тереть, — пожал плечами штурман, когда они выходили из корабля. — Сколько живу, ни разу не слышал, чтобы даже десанникам эта штука пригодилась, — и он был совершенно прав, потому что десантники действительно обычно обходились без горнопроходческих резаков, да и встреч с агрессивной фауной за последние триста лет тоже не отмечалось.

— Ничего, Сергей Васильевич, не помешает. В крайнем случае, просто так постреляем, потренируемся.

— Вольному воля... — не стал больше спорить Марков. Он понимал толк в розыгрышах и не собирался разубеждать Игоря в его мнении о ценности и действительном назначении подаренного ему «раритета».

Следующее открытие, сделанное на первом же километре похода, потрясло их не меньше, а даже, пожалуй, сильнее, потому что планет во Вселенной достаточно, и среди них могут быть всякие, а тут...

Они обошли массивный, похожий на руину водонапорной башни утес, громоздившийся посреди пляжа, и увидели легкое, тропического типа бунгало из разноцветного пластика. Стол и несколько раскладных стульев на открытой веранде, закопченные камни импровизированного мангала и все прочие культурологические признаки неопровержимо свидетельствовали, что совсем недавно здесь отдыхала и развлекалась небольшая дружная компания.

— Тур-р-ристы... — Марков явно хотел сказать что-то еще, но сдержался и приступил к систематическому изучению артефакта.

Выводы были несомненны и для честолюбивых надежд Игоря убийственны. Не более, чем месяц назад на этом месте радовалась жизни группа отдыхающих, безусловно с Земли.

— Ну ладно, это я понимаю, — бурчал себе под нос штурман, — прилетели, повеселились... Но почему в навигационных дополнениях об этой системе ничего не сообщили? Я же сам все корректировки принимал...

И он подумал, что скандал, который устроит в службе навигации и картографии после прибытия на Землю, тоже обесмертит его имя, и несколько успокоился.

В конце концов, и не то случается в лабиринтах контор и канцелярий. Марков при случае мог бы много чего порассказать на эту тему. Например, как три года в составе космофлота летал не внесенный ни в один реестр, а следо-

вательно, физически не существующий линейный крейсер.

А эти туристы все же молодцы, не только о себе думали, оставили в бунгало приличное количество деликатесов и напитков. Вполне хватит, чтобы вознаградить себя за скудный корабельный стол и разбитые надежды.

Звездоплыватели развели костер из выброшенных на берег обломков неведомых далеких лесов, жарили консервированный шашлык, запивали его безалкогольным шампанским и вполне натуральным виски «Джим Бим», купались в жидкой бирюзе теплого океана и предвкушали два, а то и три дня внепланового отдыха. Штурман надеялся, что за это время сюда не нагрянет очередная партия курортников, а журналист, напротив, об этом и мечтал. Смущало только, удобно ли будет оставить Маркова одного, а самому присоединиться к туристам и вернуться домой на круизном лайнере. Себе в оправдание Игорь приводил доводы, что Марков — человек привычный, а его от одного воспоминания о тесных броневых отсеках начинает мутить.

Светило почти коснулось близких нефритовых гор своим краем, с моря потянул приятно освежающий бриз, и Марков поднялся с шелковистого песка, чтобы заняться подготовкой к ночлегу. На корабль сегодня решено было не возвращаться.

Уже ступив на порог домика, штурман машинально повернул голову вправо, туда, где высилась зазубренная игла звездолета, и не то чтобы похолодел. Эффект был таким, будто за шиворот ему плеснули ледяной воды.

Окружающий пейзаж медленно, бесшумно и жутко менялся. Пляж, только что бывший идеально плоским, начал изгибаться, и бунгало уже стояло словно на дне гигантского блюдца, неумолимо превращающегося в пиалу.

Мгновенно проэкстраполировав направление и скорость процесса, Марков определил, что минут через пять они окажутся замкнутыми внутри сферы примерно сто-метрового диаметра.

Почему он поступил именно так, как поступил, что его озарило, штурман не мог потом объяснить до конца своей еще очень долгой жизни ни одной из ста двадцати трех комиссий, расследовавших этот случай.

Выкрикнув нечто бессвязное, но грозное, он схватил прислоненный к перилам веранды фотонный резак (он же карабин) и побежал к звездолету. За ним, не успев даже поднять сохнувшие на камнях плавки, спешил Игорь.

Когда сферическая крутизна пляжа стала непреодолимой, штурман прижал к бедру приклад, сдернул предохранитель и вывел движок реостата на максимум.

Из ствола ударила струя бело-фиолетовой плазмы, нависшая над головой стена удивительным образом неосыпавшегося песка вскипела в фокусе луча, с шипением повалил зловонный обжигающий дым.

Сцепив зубы, Марков бил в одну точку, и сфера вдруг лопнула, как воздушный шарик. В лицо полетели горячие липкие ошметки.

Исчезла яркая декорация, и планета явила свое истинное лицо. Вокруг раскинулась мрачная лавовая равнина, над которой клубился бурый туман. Ледяной воздух удушающе вонял аммиаком.

Спотыкаясь на острых камнях, сгибаясь пополам от рвущего легкие кашля, исследователи прекрасного нового мира, почти теряя сознание, кое-как добрались до корабля.

Хоть и безвкусный, но чистый земной воздух сразу принес облегчение. Марков ввалился в рубку и, едва дождавшись, пока журналист задратится в амортизационной камере, скривил губы в мстительной усмешке, откинулся в кресле и до упора послал вперед красный рычаг, прямо с поверхности давая двигателям полную маршевую тягу...

В глубокой пещере, скрытой в толще базальтового массива, крупный негуманоид, одетый в лиловую тогу, с досадой ударил по подлокотнику лежанки сразу тремя средними конечностями.

— Сорвалось! — надрывно выбулькнул он. — Но, бессмертные кванги, нигде же не сказано, что двуногие этой породы имеют плазменные жала... Испортили такую ловушку! Я буду жаловаться...

— Что поделать, на то и охота. Никогда не знаешь, что может случиться, — не желая гневить эманацию предков, смиренно встопорщил антенны второй, одетый в малиновую тогу наемного егеря. — Пусть будет так, как угодно квангам. Но я чувю, что не далее, как в сотне твербулей отсюда в пространство ввинчивается межгалактический кокон кочующих пфердов. Это тоже достойная добыча. Посмотрим, на что они обычно клюют в этот сезон...

И шлепнул на овальную крышку походной автоматической чучельницы толстый засаленный том.

Впрочем, как раз этот, многое объясняющий эпизод в очерк Ростокина, к сожалению, не попал. Но в штат

еженедельника его все равно зачислили. Не каждый, даже крупный репортер начинает творческий путь с сенсационного галактического масштаба...

ХОТЕТЬ — ЗНАЧИТ, МОЧЬ *

...Игорь Ростокин, специальный корреспондент еженедельника «Звезды зовут», с горечью думал, что ему опять, совершенно внезапно и оттого особенно обидно, не повезло. Да и в самом деле — с таким трудом добиться, чтобы тебя включили в состав чрезвычайно важной и даже сенсационной экспедиции, суметь наладить за время полета тесные и доверительные отношения с ее членами, передать в редакцию первые интригующие сообщения — и вдруг попасть в столь глупое положение...

А ведь ничто не предвещало неприятностей, когда Игорь, как всегда после обеда, загорал под лучами кварцевого псевдосоленца на берегу бассейна, оформленного под уголок Южной Адриатики, и читал в подлиннике дневники Стенли, последнего, на взгляд Ростокина, настоящего репортера, стилю которого он старался подражать.

На страницы книги упала тень, и Игорь поднял голову. Над ним, заложив руки за спину, стоял капитан. От его взгляда Ростокину сразу стало не по себе.

— Что такое, Сергей Васильевич? — спросил он, подавляя сильное желание немедленно вскочить и вытянуться, лишь бы прервать недоброе молчание Маркова.

— Нет, ты лежи, лежи... — уловив его порыв, махнул рукой капитан. — Время еще есть... — и сам присел рядом, аккуратно поправив стрелку на тщательно вытуженных брюках.

— Какое время? — не понял Ростокин.

— До поворота. Видишь, какая история... Получил я только что приказ... Немедленно изменить курс и лететь совсем в другом направлении. А тебя, соответственно, высадить... Там, куда мы направляемся, таким важным персонам, как ты, находиться не положено...

Это было настолько невероятно, дико даже, что Игорь вскочил.

* Старинная французская поговорка.

— Пойдите, Сергей Васильевич! Что за ерунда? Как так — высадить? Куда? В открытый космос? Бред какой-то! А как же экспедиция?

— Нет, в открытый космос мы тебя, конечно, не высадим... — Марков говорил без всякой иронии. Игорь давно знал, что капитан на любой, даже риторический вопрос отвечает подробно, обстоятельно и серьезно. — А высадим мы тебя на одну очень интересную станцию, она как раз неподалеку, на наше счастье, оказалась. А то бы и не знаю... Понимаешь, я и сам удивлен. Очень непонятная история. Срываю плановую экспедицию, гопят вдруг на другой конец вселенной, как будто посыльный скутер какой-нибудь... И без объяснения причин... Прибыть в сегмент такой-то, действовать по обстановке, с учетом положений инструкции номер ноль-ноль, и так далее, восемь цифр с дробью. Можно подумать, что у них там межзвездная война началась... — с сердцем сказал Марков, и только теперь Игорь поверил ему окончательно.

— А что за инструкция? — вскинулся он, ощутив пряный аромат тайны. — Я о такой не слышал...

— Ну, раз не слышал, значит, пока и не стоит. Для твоего же душевного спокойствия...

— Сергей Васильевич! — почти вскричал Игорь. — Они там наверняка не понимают! Я просто должен лететь с вами. Мало ли что! вспомните, на всех войнах обязательно были корреспонденты, и вообще, вы же меня знаете, я во всяких переделках бывал...

— Оставим этот разговор. И не вздумай на Земле панику поднимать насчет войны и прочего. Это я просто к слову сказал. Кому нужно — знают, а ты среди своих друзей и, особенно, подруг волну не гони... Тем более — в радиограмме ясно сказано: корреспондента Ростокина И. Н. высадить на станцию «Дискавери-700», где его подберет следующий обратным рейсом транспорт «Индиан саксесс». Как видишь, все предусмотрено. Ничего, отдохнешь, станцию посмотришь... А станция уникальная, старинная. Все, что пожелаешь, имеется. Синтезаторы там, гипнотека и прочее... Скучать не будешь. А через недельку тебя индусы подхватят. Так что не теряй времени, иди собирайся.

Собирать Ростокину, собственно, было нечего, и отпущенное время он потратил на то, чтобы в корабельной информации выяснить всё о станции, на которой ему волей судьбы предстояло коротать время, дожидаясь оказии,

Станция «Дискавери» проектировалась в те годы, когда в очередной раз возобладало мнение, будто лишение всех доступных на Земле благ жизни отрицательно сказывается на работоспособности и психическом самочувствии экипажей, а также нарушает принципы социальной справедливости. И все на ней было оборудовано с учетом этой теории.

Игорь узнал, что уже 15 лет станция законсервирована и движется на расстоянии полупарсека над плоскостью галактики в автоматическом режиме.

— В конце копцов, в этой ситуации тоже есть некая экзотика... — успокаивая себя, думал Ростокин.

Посадочный комплекс станции захватил модуль своим лучом и аккуратно ввел его в причальный шлюз.

С интересом рассматривая непривычную архитектуру технического яруса, Ростокин по пологому пандусу поднялся наверх, предъявил контрольному автомату свой личный знак, и тут же в воздухе вспыхнула яркая фиолетовая надпись на русском языке:

«Добро пожаловать на «Дискавери»! Ваша каюта № 1002 в первом кольцевом коридоре. Приглашаем разместиться и ввести в память системы программу вашего пребывания и пожелания по типу и классу обслуживания».

Надпись продержалась на уровне глаз столько, чтобы ее успел прочесть и понять даже малограмотный, потом буквы слились в мерцающую полосу, которая скользнула вниз и очертила на полу квадрат, указывая, что именно сюда следует встать.

Игорь подчинился, и гравиплощадка понесла его через коридоры и транспортные шахты в зону жилого комплекса. За время этого безумного, стремительного полета он понял, насколько громадна станция, издали похожая на сверкающую алмазную брошь.

Перепланировав по своему вкусу каюту, так, что она превратилась в точное подобие охотничьего домика в Саянах, где он прошлым летом провел три восхитительных недели, набрав на пульте лаконичную, всего из двух слов программу — «послерейсовый отдых», Игорь переоделся и вышел для первого ознакомления с обещанными удобствами жизни.

Еще издали он увидел, что дубовая резная дверь кают-компания приоткрыта, и из-за нее на пол коридора падает серый пасмурный свет и доносится негромкий и непонятный шум. Ростокин перешагнул высокий порог и остановился пораженный.

То, что кто-то из прежних гостей станции оставил включенным фантомат, было странно, но не очень. Как и сама фантограмма — туманная и дождливая перспектива парижской улицы конца XIX века. Мало ли у кого какие вкусы. А вот то, что буквально в пяти шагах, на веранде, прикрытой от дождя полосатым тентом, сидел человек — живой человек, отнюдь не фантом, Игоря потрясло.

Откуда он тут, если станция столько лет на консервации? Одет человек был тоже странно — в мешковатый пятнистый костюм и коричневые высокие ботинки на толстой подошве, сидел он за столом, накрытым для торжественного ужина, судя по обилию хрустала, фарфора и свечам в серебряных шандалах. Все остальное пространство веранды занимала громоздкая видеопроекционная установка с трехмерным экраном, а по полу и креслам разбросаны груды голографических информкристаллов, развлекательных и учебных видеоблоков, рулоны гипнограмм. В воздухе пахло дымом, влажной пылью, и звучала тихая тревожная музыка. А шум, который Игорь услышал из коридора, производили подковы лошадей и колеса движущихся внизу экипажей.

Не меньше минуты Ростокин стоял в некоем оцепенении, но вот сидящий человек, ощутив чужой взгляд, передернул плечами и обернулся.

У него было загорелое и обветренное лицо, короткие светлые усы, цепкий и пронзительный взгляд. Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом незнакомец улыбнулся и встал. Игорь отметил, что ростом он повыше и довольно крепкого сложения. Но что же на нем за наряд?

— Так... Этого можно было ожидать... — первым прервал немую сцену незнакомец. Говорил он медленно и со странным акцентом. — Ну, раз так — с приездом. Прошу к столу, — он сделал приглашающий жест.

— Будем знакомы. Лобанов. Юрий, — и протянул руку для пожатия. Игорь назвал себя.

Лобанов кивнул, будто имя гостя ему что-то говорило.

— Прикажете шампанского? — и, не ожидая ответа, наполнил высокие хрустальные бокалы.

Игорь подумал, что его новый знакомый использовал возможности синтезаторов на полную мощность — стол был сервирован с размахом, далеко превосходящим средний уровень.

— Ну, за знакомство, как говорится, — Лобанов прикоснулся краем своего бокала к бокалу Игоря.

Напиток оказался холодным и приятным на вкус. Чтобы синтезировать такой, нужно обладать очень отчетливым и сильным воображением.

— Надеюсь, вы оказались здесь не в результате какой-нибудь катастрофы? — спросил Лобанов спокойно и даже безразлично, но в глазах его Игорь уловил тревожное ожидание.

— Как вам сказать... Для моих планов это действительно была катастрофа... — и довольно подробно изложил обстоятельства своего появления.

Лобанов дослушал и коротко рассмеялся:

— Ну-ну... Все тот же сон... — сказал он непонятно.

— А вы? — спросил Игорь. — Вы почему здесь? О вас информатор ничего не сообщал...

— Да и странно было бы, если б сообщил. Моя история гораздо трагичнее и... увлекательнее вашей, осмелюсь заметить. Не знаю, стоит ли и рассказывать. Не поверите... Впрочем, в ваше время в ней, может, и разберутся...

— В ваше?... — и тут Игорю вдруг стало понятно все. Как он сразу не догадался? Один из кораблей древности, из тех, что пропадали без вести, совершил прыжок через пространство-время и вышел к станции. А Лобанов, возможно, последний уцелевший член экипажа... То-то он и спросил о катастрофе. У Ростоквина захватило дух. Открывались грандиозные перспективы. Интервью с гостем из прошлого, цикл статей, возможно — книга. Разумеется, в соавторстве с Лобановым... Это вам не история с ловушкой...

— Конечно, в ваше... — просто сказал Лобанов. — Мое время осталось... — он махнул рукой в сторону затуманенного силуэта Эйфелевой башни.

— С какого вы корабля? С фотонного? Двадцать первый век?

Лобанов в ответ вновь коротко рассмеялся, но веселья в его лице не было.

— Стандартно мыслите, Игорь, не в обиду будь сказано. Все куда как необычнее... А вот это у вас хорошо, — без связи с предыдущим сказал Лобанов, обводя рукой и стол и все окружающее. — Любые потребности удовлетворяются незамедлительно. В общем, если вы располагаете временем, я позволю себе занять ваше внимание... Итак... Да, кстати, вы с историей более или менее знако-

мы? Историей двадцатого века в частности, второй его половины?

— Знаком, конечно. В университете изучал. Экзамен сдавал. Как сейчас помню: «XX век — эпоха великих революционных преобразований...»

— Ну? И что получили? — искренне заинтересовался Лобанов.

— Одиннадцать...

— По двенадцатибалльной? Пойдет. Тогда вы почти все поймете.

— Так вы что, — изумился Игорь, — из двадцатого века сюда? Но как же...

— Вот об этом я и собираюсь поведать. Только, если можно, одно условие. В интересах стройности изложения — все вопросы потом. Если даже что-то сразу и не уловите. А я, в свою очередь, постараюсь говорить как можно доступнее...

...Жил я, если это для вас существенно, в СССР, в одном из городов юга России. Жил, как любой нормальный человек моего возраста, образования и круга. То есть пользовался определенными жизненными благами, имел среднюю зарплату, среднего качества квартиру, довольно приличное положение в обществе. Как говорится — грех жаловаться. Но! Было во мне нечто такое, что не давало мне жить спокойно. Мне все время мучительно хотелось большего! Не то, чтобы чего-то конкретного — зарплату там повыше, должность престижнее, жилплощадь попросторнее... Нет. Это слишком просто, и, если хотите, цель, к которой можно стремиться. А меня угнетало, злило, изматывало чувство иного плана. Что возможна совсем иная жизнь, иная качественно, совсем по другим стандартам, жизнь, которая доступна многим, но для меня недостижима в принципе. Скажем, не мог я уже стать дипломатом или известным писателем, не мог проводить отпуска на Гавайях, иметь дачу на Рижском взморье, ездить на машине той марки, что мне нравилась, одеваться так, как хотелось бы, собрать по своему вкусу библиотеку в десять тысяч томов... Вам это сложно представить, но поверьте на слово — это действительно очень мучительное чувство. «Зубная боль в сердце», — как говорил Гейне... И самое главное — я очень остро ощущал, как стремительно проходит моя едипственная и такая короткая жизнь, лет семьдесят максимум, да и от той оставалась едва половина. И то, что не сбылось, уже не сбудется никогда. Причем, обратите внимание и на такой существенный штрих, —

я прекрасно понимал необоснованность и бессмысленность моих претензий, никому не завидовал, не собирался предпринимать никаких противозаконных действий для повышения своего благосостояния. Можно сказать, что я был бескорыстный мечтатель-пессимист. Ибо выхода из своего положения не видел... И вдруг все изменилось. В Сочи все случилось, на отдыхе. Там особенно мои комплексы разыгрались. Нет, на самом деле — вокруг такая масса людей, прожигающих жизнь не хуже, чем «бояр русс» в этом вот самом Париже в том еще веке, а я на двадцать четыре дня отпуска имею двести рублей, из которых еще и на обратный билет надо вычесть, и на прочие обязательные расходы, и что в итоге? С дамой в кафе пойти, и то копейки считать надо. Если ей сегодня две порции мороженого взять, то уже на завтрашний концерт в варьете не хватит... Вы бы знали, как это унижает. И тут подворачивается мне компания, соседи по этажу. Трое их, а четвертого, чтобы сыграть в преферанс по всем правилам, не хватает. Приглашают меня, я иду. А они, эти ребята, не то цветами торговцы, не то мандаринами. При деньгах. И я с невероятной яркостью представляю, что если повезет, то недельку я еще поживу как человек. Ну, если нет, то домой добираться автостопом... Ладно, подробности вам неинтересны, раз в этой игре не разбираетесь, скажу только, что уже под утро мне приходит комбинация... Вероятность ее — одна на много-много миллиардов. Ни один известный мне игрок в натуре ее не видел ни разу. И по условиям игры приносит она мгновенный и абсолютный выигрыш. Стали они рассчитывать, и я с удивлением и запоздалым стеснением в груди узнаю, что ставки у них — рубль вист, а не копейка, как я привык... Короче, получил я ровно в сто раз больше, чем мог вообразить. Сумма моих заработков за пять лет, если не больше... Да, добавлю, что с организатором игры инфаркт приключился. Не от жадности, а просто от изумления. Он таких вариантов тоже не видел за все тридцать лет творческой жизни...

Вот с тех пор и пошло. Словно у фортуны шлюзы прорвало. Если только существовала хоть малейшая возможность получить откуда-нибудь деньги или иные материальные блага — она осуществлялась. Без малейших усилий с моей стороны. Выигрыши в спортлото, спринт, тотализатор — это все названия маловероятных способов получать деньги — шли ко мне косяком. А также премии за что угодно, гонорары, отчисления от прибылей. Одним

словом, скоро у меня появилась и машина, и многое другое. На Гавайи отдыхать, правда, не ездил, но на выходные в Москву или Ленинград — практиковал, да. В театр, например, или просто прогуляться по Невскому, по улице Горького, в «Арагви» очередную удачу отметить, антикваров и букинистов посетить... Не скрою, все это мне очень нравилось. Только не подумайте, что я в какого-нибудь Шейлока превратился или, наоборот, в загулы пустился. Нет, меру я во всем знал, просто жить стало легче в гармонии со своими запросами. И катилось такое легко и весело... Пока я в очередной раз не оказался в Москве. Как я уже отмечал, долгая полоса везения меня не насторожила. С одной стороны, все эти события были достаточно разнесены по времени, а с другой — играл роль некий психологический феномен. Подсознательно все удачи я относил за счет своих личных заслуг и качеств. Это очень легко — поверить, какой ты умный, везучий и талантливый. Но вот тот эпизод, к которому я подхожу, намекнул, что кое-что происходит и помимо моих способностей...

Стоял я в очереди на выставку картин из коллекции Арманда Хаммера в Пушкинском музее. Были в наше время и такие очереди. Даже и на морозе, и в метель, как в тот раз именно. Холодно, снег летит, продвигаемся медленно. Я уж подумывал, а не уйти ли? Стоит ли из-за двух десятков известных по репродукциям картин ноги отмораживать? И все же не уходил. Потом уже я долго думал — а если бы ушел, как бы все повернулось? Стою, замерзаю, и вдруг вижу, как сквозь завесу летящего снега идет по Волхонке женщина. Высокая, стройная, красивая, в белой дубленке, белых сапожках, и темные волосы по плечам... Мы с ней учились вместе в институте, дружили, можно сказать. Потом расстались. Знаете, как бывает? Один не то сказал, другая не так поняла, потом наоборот... Одним словом — «была без радостей любовь, разлука будет без печали...». Лермонтов, если слышали. Окликнул я ее, подошел. Часа три потом ходили по музею, картины смотрели, скульптуры всякие, о Корó и Манé рассуждали, а больше на общие темы разговаривали. Удивительно, но на этот раз, после стольких лет разлуки, понимали друг друга гораздо лучше. Настолько, что оба сразу догадались, как ошиблись тогда, в прошлом... И так у нас с ней потом все хорошо получилось, даже слишком. Она к этому времени успела сходить замуж и вернуться, оставив за собой более чем приличную квартиру возле Сретенских ворот. Но проблема была в том, что она-то — свободная женщи-

на, а я — отнюдь... Тем не менее, летом я достал жене путевку в круиз по Черному и прилегающим морям, а сам снова в Москву... Дача еще у моей подруги оказалась. На Истре, возле Нового Иерусалима. Сказочные места. И вот тогда мне, в безвыходном моем положении, мучительном для каждого честного человека, пришла в голову мысль — как хорошо и просто было бы, окажись я тоже неженатым. Например, чтоб жена меня бросила, сбежала с капитаном или барменом... Исчезли бы все нравственные терзания и осуществились мечты, включая возможность стать москвичом, чего я тоже давно хотел, но не видел перспектив. Я тогдашние свои мысли очень хорошо запомнил, тем более, что они меня больше не оставляли. Но ведь мысли у каждого могут быть, за мысли мы же не отвечаем... Важно только, чтоб дурные мысли не превращались в дурные поступки. Не помните, кто сказал? Не то Цицерон, не то Марк Аврелий. Так вот нет! Не правы эти древние! Оказывается, и за мысли тоже отвечает человек. Да если б только сам... Но это ничего не меняет. Вернулся я домой, не представляя, как буду выкручиваться из этой коллизии, а на следующий же день, утром, часов в пять — телеграмма... Стоял в полутемной прихожей и в десятый раз перечитывал, никак не понимая смысла слов на бланке с круглой печатью и казенной припиской — «факт смерти заверяется».

... Потом, конечно, узнал и подробности. Нет, не беспокойтесь, я в порядке. Привык. Это же давно было. Но вы правы, именно так я сразу и подумал — это из-за меня. Хотел свободы — пожалуйста, получай! В самом абсолютном выражении. Я тогда чуть с ума не сошел. Ни о чем больше думать не мог. И верить не хотел, а куда денешься? Уж очень все четко сошлось.

Тогда я и про все предыдущие случаи вспомнил, все перебрал. Никаких сомнений. Каждый случай моего «везения» обязательно сопровождался неприятностями для кого-то другого. Вот когда я на бегах три тысячи выиграл, один шапочный знакомый ровно столько и проиграл. Казенных денег. И сел, разумеется. На пять лет, по-моему. И что показательное — все происходило по нарастающей. Крупнее удача — тяжелее последствия. Но чтоб со смертельным исходом, да еще и не одним... Но человек так устроен, что категорически не хочет верить в худшее. И я — перестрадал, перемучился, но постепенно стал отходить. Убедил себя, что все ерунда. Несчастный случай, не более. Была ведь госкомиссия

был суд, причины устоповлены, виновные наказаны. А я материалист, мистику не признавал, мне нетрудно было поверить, что всему виной — стечение обстоятельств. Редкое? А кто их считал? На Земле каждый день столько всего происходит, что нетрудно любые случаи объединить в любые пары, ну и что?

Восстановив, таким образом, душевное равновесие, свыкнувшись, отгоревав положенное время, я-таки перебрался в Москву. Своей подруге, разумеется, ничего такого не сказал. Да и зачем?

Квартиры мы поменяли на одну, совсем уж великолепную, работу мне подыскали и престижную и по душе, и жили хорошо, можно сказать, со вкусом. Интересное общество, возвышенные увлечения, умные беседы... И хоть сосало иногда этак неприятно под сердцем, но ничего, жена моя новая оказалась женщиной энергичной, с обширными связями, и если какие желания и возникали, то решались на ее уровне и ее усилиями, а я принципиально не хотел ничего хотеть. Чтоб, значит, грех на душу не брать. Непереносимо жить, даже только предполагая, что твои капризы — это чья-то беда и смерть. Вы поймите весь ужас моего положения — я ведь никак этим не мог управлять. Если б мог — тогда, конечно, виноват. «Вяжите меня, православные...» Оно бы и полегчало...

Но, как известно, нельзя не думать о белой обезьяне. Так и получилось. Не помню, по какому именно поводу, но захотелось мне за границу. И не туристом, а так, чтоб пожить годик-другой в экзотических краях. Другие ведь то и дело ездят, изучают мир за казенный счет, расширяют кругозор. Когда впервые поймал себя на этом — испугался. А в то же время с некоторым даже нездоровым любопытством стал ждать — что из этого будет? Неужели я действительно феномен, чудотворец, или же просто неврастеник? Ждал-ждал, и представьте — дождался... Поехал-таки за границу. Экстренно. В составе группы специалистов по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения. В Южную Америку, в самую, что называется, экзотику. И хоть мой профиль там не требовался, меня все же включили. Переводчиком. Языки я действительно знаю, но вот кто об этом вспомнил так ко времени? Прилетел я туда... Страшное дело... Столица в руинах, тысячи жертв... Не дай бог вам такое видеть... И представьте, вдобавок, мое состояние. Теперь-то я уже точно все знал. Да еще обратите внимание,

какая подлость! Мало того, что с каждым разом последствия все ужаснее, так и для меня лично польза-то с каждым разом все сомнительнее получалась... Одно дело — представителем, скажем, «Интуриста» в республику Фиджи, а тут... Я ведь кроме трупов, развалин, moskitov, сельвы и малярийных болот и не увидел ничего...

Выхода я не видел. Если процесс идет по такой экспоненте, то чем все кончится? Мировой войной? Всемирным потопом? Или чем похуже? Вот и жил я, ощущая себя взведенной гранатой в переполненном троллейбусе. А если учесть мои потенциальные возможности, так и не гранатой даже, а мегатонной бомбой. В конце концов, я понял, что жить больше не могу. И даже не имю права. Самоубийство? Это был бы выход. И для меня, и для всего человечества. Сил у меня на такое радикальное решение хватило бы. Созрел. А останавливало одно. Предположение, что такая попытка может привести к глобальной катастрофе. Скажете — слишком самонадеянно. Пожалуй. Ну, а вдруг? Если хоть один шанс из тысячи? В общем, я дошел до точки. Решил, что в самом благоприятном случае все закончится смиренной рубашкой и отдельной палатой с поролоновой обивкой на стенах. И сорвался. Вскочил с койки, заорал: «К чертовой матери такую жизнь, провались она! На край света, к черту на рога, куда Макар телят не гонял, лишь бы все кончилось!» Грохнул с размаху кулаком в стенку — и оказался здесь! Нечувствительно и мгновенно. Только что вокруг были зеленые пластиковые стены, за окном пальмы и дождь — и сразу это! А я стою и смотрю на сбитую в кровь руку... На неделю я успокоился. Хотя и удивился, сам понимаешь, но хоть поверил, что не сумасшедший, и не виноват ни в чем. Тут, видно, такие силы или законы природы действуют... Потом заскучал, общества захотелось. И вот — появился ты. Знать бы, так почетче желание сформулировать, чтоб вместо тебя девушка симпатичная прилетела... — Лобанов впервые за весь свой долгий рассказ улыбнулся.

— А если всерьез — так что ты, многознающий потомок, обо всей этой бредятине думаешь? Выскажись прямо и честно. Только не молчи...

А Игорь молчал, потому что действительно не знал, что тут можно ответить. И верить не хотелось, и не верить было нельзя. Ощущалась за словами Лобанова истина, неумолимая и страшноватая.

— Все, что ты рассказал, очень интересно... — выигрывая время, произнес Игорь и вдруг предложил:— Давай-ка пойдем в рубку, прокрутим твою историю на большом анализаторе и посмотрим, что получится. Я ее на всякий случай записал, по привычке...

Минут десять в недрах анализатора происходили таинственные интеллектуальные процессы, потом на экране возникла надпись:

«Информация внутренне непротиворечива. Для выводов не хватает данных. Уточните следующие параметры...»

Лобанову пришлось, напрягая память, диктовать машине даты, цифры, географические координаты, имена и фамилии, такие, вроде бы, никчемные подробности, как золотое содержание рубля и его валютный курс, название и маршрут круизного лайнера, расклад политических сил в республике, где работал Юрий, и еще многое, совсем уже не имеющее отношения к нему и его истории.

Ответа на этот раз пришлось ждать еще дольше. Новая надпись гласила:

«Данных недостаточно. Необходимо связаться с Главным информрием и Анализатором института альтернативной истории. Прошу санкции».

Ростокин представил, какого расхода энергии потребует такая связь по гиперканалам и что с ним сделает шеф, когда узнает, кто и зачем пустил на ветер все лимиты редакции на год, а то и больше, вперед. Но отступать было некуда, и Игорь, внутренне махнув на все рукой, ввел в компьютер свой личный индекс и номер счета редакции.

Здесь не время в подробностях вспоминать, как заявка Ростокина чуть не поставила Землю и прилегающие области Системы на грань энергетического кризиса и паралича глобальной компьютерной сети из-за того, что вся интеллектуальная мощь планеты была брошена Генеральным координатором на решение такой, казалось бы, частной задачи. Достаточно сказать, что шуму было много, и выводы из этого случая были сделаны кардинальные.

Все это было позже. А пока прошли долгие часы до тех пор, когда вновь ожил экран анализатора и Игорь начал считывать с него длинные колонки цифр, сложнейших формул и едва понятных терминов высшей логики

и хроноквантовой физики. Смысл же был достаточно прост, хотя и удивителен.

Выходило так, что Лобанов по ряду недостаточно постижимых причин стал у себя, в свое время, центром взаимодействия причинно-следственных полей с противоположными знаками. И любое напряжение его индивидуального психополя это взаимодействие нарушало. События маловероятные и даже почти невероятные стали происходить не по статистическим законам, а по совсем другим, гораздо более сложным правилам. Иногда — действительно совпадая с его наиболее яркими желаниями.

— Но в целом те моменты, которые ты посчитал главными в своей жизни и даже в судьбах человечества, — не более чем... — Ростокин замялся, подбирая сравнение, — чем вибрация почвы у подножия готового к извержению вулкана. В принципе все, что происходило, тем или иным образом отражалось на всем мироздании в целом. И, самое главное... Твое исчезновение из своего времени вызвало лавинообразный процесс декомпенсации. Будто из атомного реактора удалили графитовые замедлители. Машина пошла вразнос...

И если тебя не вернуть обратно, очень похоже на то, что может произойти деформация закона причинности и полное разрушение главной исторической последовательности...

Игорь посмотрел на Лобанова в упор и поразился. Тот совсем не выглядел пораженным или хотя бы удивленным. Скорее, наоборот.

— Вот тебе и роль личности в истории... — Юрий тряхнул головой и усмехнулся. — И что же из всего этого следует?

— Рекомендации однозначные. Пока процесс не стал необратимым, тебе необходимо вернуться строго в точку и момент перехода...

— Видишь, Игорь, — назидательно сказал Лобанов.

— А ты сомневался. Я хоть, по вашим меркам, почти что питекантроп, а суть раньше вашего постиг. И без всяких анализаторов. Не зря о конце света думал. Так и выходит, только наукообразия у тебя больше. А вообще, что в лоб, что по лбу. Представляешь, что было бы, решишь я застрелиться сдуру?.. А теперь, значит, обратно? Я не против, только как? Ты это понял?

— А мне понимать не нужно... Компьютеры все рассчитали... Знаешь такую игрушку — шарик на упругой нити? Так вот, ты как раз такой шарик. Долетел

до нас, нить натянулась, а сам ты застрял в крайней точке. Тебя нужно слегка подтолкнуть, и ты тут же улетишь обратно...

— А они не уточняют, насколько это вероятно?

— Процентом около семидесяти пяти. Техника пространственно-временных переходов у нас отработана. Только в прошлое не умели попадать, законы природы не велят.

— А теперь что же, научились? Машину времени с моей помощью изобрели? Глядишь, и в учебники попаду... — не то шутя, не то всерьез сказал Лобанов.

— Только меня тревожат эти самые двадцать пять. Их же по-разному можно рассматривать. Одно дело — если ничего не выйдет и я здесь останусь, совсем другое, если затеряюсь в безднах. Согласен?

Игорь был согласен, но ответа не знал. Компьютер, кажется, тоже.

— Понятно. Хотя и не дюже приятно. Ладно. Допустим, вернусь я нормально. А дальше? Что со мной будет там? То же самое начнется, или как?

— Скорее всего после такого макровоздействия причинно-следственные связи сместятся, и ты станешь, как все... — не совсем уверенно ответил Ростокин.

— Эх, специалисты... Даже такой ерунды просчитать не можете, — Лобанов теперь уже откровенно иронизировал. — А еще говорите — прогресс... Ладно. Когда ни помирать, все равно день терять... Поехали, что ли?

— Сейчас. Ты сядешь в это кресло, компьютер подберет импульс психополя, совместит канал — и все. Только вот этот датчик пристегнем...

Лобанов успел еще раз, как-то бесшабашно-весело улыбнуться, вскинул к плечу сжатую в кулак правую руку — и исчез. Кресло опустело, на пол упали сорванные контакты, а на экране появилась надпись: «Переход осуществлен успешно, компенсация полная. Побочных эффектов не отмечено».

Игорь, чувствуя себя обессиленным настолько, будто он сам только что невероятным усилием воли перебросил Лобанова через пространство и время, опустился в соседнее кресло. Хорошо, что все зафиксировано в памяти автоматов, подумал он. На слово ему бы никто не поверил. Еще неизвестно, чем все это для него кончится. Сочтут, что превысил полномочия, нарушил какие-нибудь неведомые инструкции с двумя, тремя и более нулями. И применят меры воспитательного характера, вплоть до исклю-

чительных. Впрочем, за что? Он лишь выполнял указания компьютеров, вот пусть и отвечают, это их проблема.

Насколько же ему, Игорю, проще, чем Лобанову, подумал он с облегчением. Тот сейчас снова у себя, на своей беспокойной и неустроенной Земле, и вот ему не на кого переложить свои проблемы и заботы. Все нужно решать самому и самому за все отвечать полной мерой. Пусть даже только перед самим собой. И не только за дела, а, оказывается, и за мысли тоже...

Если верить, что именно от тебя зависят судьбы мира...

МУХОБОЙ

Такой профессии — начальник — вообще нет. А Николай Антонович работал. Человека назначают руководить, если он это умеет. Если не умеет, то тоже назначают, но, чаще всего, разобравшись, что не того поставили, снимают. В Николае Антоновиче еще не разобрались. Вот он и работал начальником, впрочем, совсем маленьким. В конторе «Вторцветмета» были под его командованием три девицы послешкольного возраста, из тех, что в институты то ли не попали, то ли не стремились вовсе и пересаживали в мелких организациях несколько переходно-установочных лет.

Но и с таким маленьким коллективом Николай Антонович управиться не мог. Им бы самим кто руководил, как это и было всю его жизнь. Куда проще, а главное — спокойнее. Распорядились, а ты пошел и выполнил. На душе покой, нервы в порядке и не надо думать, как подчиненные отнесутся к твоим приказам. Николай Антонович в армии служил и даже до ефрейтора дослужиться не мог. О чем, однако, не жалел. В душе был недоволен и такой «ефрейторской» должностью, какую получил во «Вторцветмете».хлопотно. Жена его, было, обрадовалась выдвижению, какие-то планы стала строить, но потом вспомнила всю совместную жизнь и, поняв, что назначение это — дело случайное, и не только дальнейшего роста не предвидится, но и с этой должности супруга скоро попрут, махнула рукой. Ибо был Николай Антонович в семейной жизни тих и законопослушен. Первые годы после свадьбы жена, памятуя поговорку о тихом омуте, все его подозревала в чем-то этаким. Но с течением времени успокоилась и эксплуатировала в меру сил и возможностей. Николай Антонович с супругой были людьми незлобивыми, детей не было, вот и жили потихоньку, угождая и не докучая друг другу.

Чего нельзя было сказать о девицах в конторе. Мужчину они в Николае Антоновиче не видели, начальника тоже. Поэтому попросту его игнорировали. Не как пень или табуретку, но как личность, не заслуживаю-

щую внимания. Сидит некто в своем кабинетике — и пускай сидит. Говорит что-то — пусть говорит. В работе своей несложной они давно уже разобрались, а потому служебные указания начальника были им до лампочки. Не особенно нагтели, но о строгой дисциплине в конторе и речи быть не могло. На первых порах Николай Антонович пытался делать робкие замечания за опоздания и отлучки в рабочее время, да, натолкнувшись на равнодушное молчание, почел за лучшее утихнуть и не приставать.

Было такое впечатление, что катится все само собой, без какого-либо его вмешательства. Начальник в представлении Николая Антоновича должен был гроыхать, разносить, карать и миловать. Но он-то этого не умел. Потому сидел ежедневно за столом и делал свою часть бумажной работы. И терпеливо ждал, когда снимут.

Иногда Николай Антонович думал о своей жизни, прямой и спокойной. Ни всплесков, ни взрывов. Ему и не хотелось их.

«Жизнь,— рассуждал он,— должна быть удобной и легкой. По крайней мере, к этому нужно стремиться. Зачем суетиться, дергаться, искать? Что заслужил, то и получишь».

Однако грыз его червячок сомнений. А то ли он заслуживает, к тому ли предназначен? Может быть, не представился просто случай раскрыть внутреннее свое, не дала судьба повода к этому? И Николай Антонович прислушивался к себе — что же там, внутри, скрыто чрезвычайного? И скрыто ли? А самому поискать этого СЛУЧАЯ ему и в голову не приходило.

И еще мухи донимали Николая Антоновича. Огромные, нахальные, громко жужжащие мухи врываются в комнату через любую подвернувшуюся щелочку, и начиналось форменное представление. Вот уж на отсутствие любви со стороны мух он не мог пожаловаться. Казалось, жить без него не могли. Вились вокруг головы, садились на нос, ползали по столу, по бумагам, с прямо-таки реактивным визгом проносились мимо ушей. Через полчаса такого издевательства Николай Антонович начинал стервенеть. Дергался, махал руками, вскакивал, яростным шепотом ругался. Не помогало. Дихлофосом он травиться не хотел и объявлял открытую войну мушиной армии: скручивал трубкой газету и начинал избиение. Он лупил мух, где только мог достать: на столе, стенах, окне. Но мухи тоже не дуры, прогресс умствен-

ный и у них наблюдается. Быстро соображали, что самое спокойное место на потолке, по причине высоты и недосыгаемости. Уцелевшие собирались группками вокруг плафона, переживали приступ ярости у Николая Антоновича. Едва тот откладывал газету и садился за стол, все начиналось сначала. Спасения от них не было.

А тут еще подслушал он случайно, как одна из девиц по телефону сказала кому-то: «Наш мухобой». Это Николая Антоновича просто доконало, поскольку сомнений, в чей адрес было сказано, у него не возникло. И как они прознали? Он ведь всегда, перед тем, как мух бить, дверь на ключ запирает...

Вот так обстояли дела, по однажды к Николаю Антоновичу зашел посетитель. Дело у него было пустяковое, решили его быстро, но даже за это короткое время посетитель заметил, как истово хозяин кабинета отмахивается от мух. Присмотрел и газетную трубку на краю стола.

— Беда просто с этими мухами, — сказал сочувственно. — Ничем их не возьмешь. Раньше хоть «липучки» продавали.

Сразу понятно — родственная душа! Николай Антонович был в таком угнетенном состоянии духа, что тут же отозвался на замечание посетителя. И излил все, что наболело. И про мух, и про девиц своих («мухобоя» тоже упомянул).

И ведь не ошибся! Посетитель внимательно выслушал, а потом сообщил:

— Знаете, есть одно средство. И эффективнейшее! Так мух убирает — никаких «липучек» не надо!

Николай Антонович загорелся. А тот, долго не ломаясь, пообещал завтра же это средство занести, только предупредил, что оно необычное и потребует от применяющего определенного личного мужества. Но Николай Антонович впал в такое эйфорическое состояние что на последние слова посетителя внимания не обратил. И зря.

На следующее утро, придя в контору, он узнал, что вчерашний посетитель уже был и оставил коробку с запиской. В записке он извинялся за то, что срочно вынужден уехать, и просил не удивляться, не пугаться, а пользоваться средством безо всяких сомнений.

Однако пришлось Николаю Антоновичу и удивиться, и испугаться, и посомневаться,

Когда он, предварительно заперев дверь кабинета, распечатал коробку, то поначалу решил, что посетитель что-то напугал. Ибо был в коробке миниатюрный ангар, в котором находился еще более миниатюрный самолет. К коробке прилагалась краткая инструкция, а в ней вполне серьезно предлагалось использовать самолет для уничтожения мух. Нужно было установить ангар на ровной поверхности, лучше всего на столе, подключить шнур к розетке и нажать кнопку, расположенную на стенке ангара.

Что Николай Антонович, ничтоже сумняшеся, и проделал. Когда же пришел в себя, настал черед испугу, оказалось, что то ли ангар вместе с самолетом и со всем кабинетом вырос, то ли сам Николай Антонович уменьшился. Стоял он теперь у будто бы нормальных размеров самолета, а впереди, за воротами ангара, простиралось бесконечное пространство крышки стола и на горизонте, словно гора, высилась стопка гигантских книг. Он, конечно, испугался, но по прошествии какого-то времени немного успокоился, и испуг загасила злость на посетителя, втянувшего его в такую дурацкую историю.

Он осмотрел самолет. Самолет был самым настоящим. Небольшой, одномоторный, он напоминал спортивный, предназначенный для высшего пилотажа, если бы не стволы двух пушек, торчавшие в передней части фюзеляжа. В кабине, на пилотском сиденье, лежала небольшая брошюра по управлению самолетом. Николай Антонович ее бегло просмотрел и обратил внимание на то, что несколько раз особо упоминается надежность машины. Выходило так, что летчику ничего не грозило, никаких аварий, остановок двигателя, пожаров, невыпуска шасси быть просто не могло. Сиди себе, да двигай ручкой. Николай Антонович хмыкнул с сомнением и сунул брошюру в карман.

После самолета он обследовал ангар. Был тут склад горючего, несколько серебристых цистерн. Отдельно, штабелями, сложены были снарядные ящики. Мастерская тоже имелась. Рядом с ней помещалась комната отдыха с диваном, столом и стульями. Все условия — летай на здоровье!

Но Николай Антонович на эту провокацию не поддался. Он продолжал поиски и в конце концов на углу ангара обнаружил то, что надо: щиток с единственной кнопкой красного цвета. Надпись под ней гласила; «Возв-

рат». Николай Антонович обрадованно нажал ее и через мгновение очутился в своем, принявшем нормальные размеры кабинете, а на столе перед ним стоял ангар, который был чуть поменьше коробки из-под обуви.

Какое-то время Николай Антонович сидел в относительном оцепенении. Но зазвонил телефон, начались ежедневные заботы, и, отключив ангар от сети, он отодвинул его к краю стола. Мухи нагнели по-прежнему. Даже, показалось, еще больше. Так и слышалось в их жужжании: «Струсил, струсил, боишься!» Николай Антонович только отмахивался: «Отстаньте, подлые!» и продолжал заниматься своими делами. А мысли крутились в голове независимо от его воли: «Неужели действительно струсил?» И уговаривал себя, и убеждал: «Какой из тебя летчик? Ты посмотри — брюхо из штанов вываливается! Давление повышенное, ревматизм о себе знать дает, печень побаливает. Куда тебе летать? Ну был бы пацан семнадцатилетний — другое дело. А у тебя ведь по утрам звон в ушах стоит! Сиди и не рыпайся!»

Но разве кто из нас когда своего внутреннего голоса слушается? И мухи проклятые поедом ели, пешком уже по столу разгуливали.

Кончились душевные борения Николая Антоновича тем, что в обеденный перерыв, когда девчонки упрыгали в город, он опять закрыл дверь кабинета на ключ и принялся изучать инструкцию по управлению самолетом.

Была она составлена просто и доходчиво. Конечно, о том, чтобы сидеть и ручкой шевелить и речи не могло быть. Но относительная простота существовала. Как она была достигнута — о том в инструкции умалчивалось. А у Николая Антоновича руки зачесались попробовать все же подняться в воздух.

Конец рабочего дня он ждал с таким нетерпением, как и его подчиненные. Только причина была другой, разумеется. Минут пятнадцать он не решался нажать кнопку миниатюризации. Потом все же собрался с духом. Твердо ступая, прошел к самолету, забрался в кабину, пристегнул ремни, сверившись с инструкцией, запустил двигатель. И взлетел!

Первый полет превратился в серию взлетов и посадок. Хотя и запело сладостно в душе, когда самолет оторвался от стола, Николай Антонович этой песне наступил на горло и занялся тренировками, учебой. Самолет предстояло освоить досконально. Взмокала спина, потели ладони, холодные ручейки сбегали по лбу и ви-

скам, а он раз за разом поднимал машину, делал круг и плавно приземлялся. Почувствовав, что делает это хорошо, перешел к пилотажу в воздухе. Окончился учебный день только тогда, когда стрелка топливомера задрожала у нуля.

Николай Антонович подрулил к ангару, выключил двигатель, выбрался из кабины и тщательно заправил самолет с помощью ручной помпы. Только теперь он почувствовал, что устал до ватных ног и тумана перед глазами. Кое-как доковылял до кнопки возврата, нажал ее слабым пальцем и повалился в кресло. Лишь спустя какое-то время он заставил себя подняться, упаковать ангар с самолетом в коробку и упрятать в шкаф. Дома он пробормотал жене что-то невнятное насчет трудного дня, и, отказавшись от ужина, лег спать.

Наутро, придя на работу, Николай Антонович совершил первый боевой вылет. Правда, безуспешный. Не знал он еще повадок мух, а потому, расстреляв весь боезапас, злой, как черт, от своей неудачи, он сел, вернулся в нормальное обличье и занялся текущими делами. Обеденный перерыв был посвящен дозаправке самолета топливом и боеприпасами. Больше в этот день он не летал, отправился после работы в библиотеку, затребовал всю имеющуюся литературу о мухах и допоздна просидел над книгами. Узнал многое, полезное и ненужное, лишь о тактике мушиных полетов в книгах не было сказано ничего. Наверняка было где-нибудь и об этом, но Николай Антонович махнул рукой на поиски и решил сам понаблюдать за противником, а заодно потренироваться в пилотировании.

Среди мух появление маленькой жужжащей штучки особого оживления не вызвало. Поначалу просто уходили в сторону, едва Николай Антонович пытался поймать черное брюшко в перекрестье прицела, а потом обнаглели. Николай Антонович огня не открывал, присматривался, запоминал и на провокации не поддавался. Но когда жирная, с противным зеленым отливом туша пристроилась впереди самолета и, словно испытывая терпение летчика, ни за что не хотела сворачивать, пальцы его сами откинули предохранительный колпачок и нажали на гашетку.

Пушки самолета в этот раз были заряжены трассирующими снарядами, и, видимые даже при свете дня, светящиеся змеи четко скрестились на мохнатом пузе агрегаторши. И только клочья полетели. Муха задергалась,

рухнула вниз, а Николай Антонович резко взял ручку на себя, взмыл к самому потолку и запел победно, описывая круг по всей комнате.

В этот вылет он сбил еще двух. Больше не позволило время, поскольку то и дело звонил телефон, один за другим шли посетители, надо было начинать готовить полугодовой отчет. Короче, земных дел хватало.

И все же, едва улучив свободную минуту, Николай Антонович нажимал кнопку, прыгал в самолет и взмывал в воздух.

В стане противника началась паника. Мухи, ранее отсиживавшиеся на потолке, слишком поздно поняли, что и там для них теперь спасения нет. Набрал скорость, Николай Антонович переворачивал самолет и шел у самого потолка, расстреливая затаившихся врагов почти в упор, как самолеты на аэродроме. Мухам очень бы помогла зенитная артиллерия, но зениток у них не было. Началась паника. Теперь, даже когда Николай Антонович сидел в кресле, а не в кабине самолета, мухи не рисковали приближаться к нему, а тихо прятались где-нибудь на шкафу и передвигаться предпочитали ползком, чтобы не привлекать к себе внимания.

Дела в конторе шли тоже хорошо. Работалось после полетов как-то особенно вкусно: Николай Антонович уже не уставал слетав, был энергичен и деловит. Он и не заметил, что отношение к нему «вертихвосток» резко изменилось. Утром они здоровались, а не кивали пренебрежительно, как раньше, робко постучав в дверь, спрашивали совета по служебным делам и угощали чаем и домашними пирожками.

Николай Антонович в зеркало не любил смотреться, а тем более не мог наблюдать себя со стороны и потому не знал, что и сам он изменился. Не было теперь рыхлого пузана с глубокими залысинами и мешками под глазами. А был подтянутый крепкий мужчина, выглядевший моложе своих лет, с упругой, решительной походкой и острым взглядом серо-стальных глаз на немного обветренном и в меру загоревшем лице. Как было не зауважать такого? Наконец, придя однажды на работу, он обнаружил на своем столе легкомысленную вазочку с цветами, которую тут же переставил на пол в углу, чтобы не мешала полетам. А дверь с тех пор на ночь стал закрывать на ключ. Во избежание.

Не до того было Николаю Антоновичу. Ибо появился у него настоящий враг, жестокий и смертельно опасный.

Правда, и союзник появился. Союзником был паук, сети которого он обнаружил в щели между шкафом и стеной. Иногда, чтобы не тратить снаряды, ловкими маневрами он загонял обезумевшую муху в паутину и, покачав крыльями, что означало «Приятного аппетита!», отправлялся дальше.

А врагами стали осы. И когда они ухитрились слепить гнездо? Увлеченный своей войной с мухами, Николай Антонович как-то пропустил этот период. И чуть было не поплатился жизнью.

Оса напала первой. Лишь в последний момент ему удалось вильнуть в сторону, когда полосатая, тигровой окраски громадина неожиданно свалилась сверху. Бросив самолет в мертвую петлю, он увидел противника. Оса вновь шла в атаку. Отступать было не в его правилах, и Николай Антонович принял бой.

Только маневрами на предельной скорости ему удалось избежать молниеносных выпадов смертельного жала. Своими непрерывными атаками оса не позволяла выйти на линию огня, пушки были почти бесполезны. И все же при малейшей возможности он прижимал гашетку. Наконец ему удалось оторваться от повисшего на хвосте чудовища, развернуть самолет и выйти в лобовую атаку. Но в тот момент, когда быстро надвигающаяся черно-желтая громадина прочно накрылась прицелом и он открыл огонь, пушки, последний раз коротко татакнув, умолкли. То ли их заклинило, то ли в пылу боя он не заметил, как кончились снаряды.

Была еще доля секунды, когда можно уйти вниз. Но это значило — неминуемо подставить себя под удар страшной ядовитой шпаги. И тогда, зажмурившись и крепче ухватив ручку, Николай Антонович решился на последнее средство. Он пошел на таран. Сокрушительный удар потряс самолет, раздался скрежет разрываемого металла. Ручку вырвало из рук, и самолет, потеряв управление, стал падать.

Лишь у самой поверхности стола Николай Антонович пришел в себя. Самолет плохо слушался руля, в разодранной плоскости торчал обломок осинового жала, но победный круг все же сделать удалось. Далеко внизу корчился искалеченный враг, и вид его наполнил душу Николая Антоновича ни с чем не сравнимой радостью победы. Кое-как сев, он закатил самолет в ангар. Сил уже ни на что больше не было. Он запер кабинет, сказался девочкам больным и ушел домой.

Полторы недели он потратил на ремонт самолета. Пришлось основательно повозиться, прежде чем машина была готова вновь подняться в воздух. Про себя же Николай Антонович решил, что таран слишком дорогое средство борьбы с осами. А на стене ангара, где он отмечал сбитых мух, появился силуэт первого уничтоженного «летающего тигра».

Самолет после ремонта выглядел как новый. На фюзеляже Николай Антонович, вспомнив подслушанный разговор, вывел, усмехаясь, красивыми буквами «Мухобой». Мухи затаились, ожидая исхода схватки двух сильных, стоящих друг друга противников.

Требовалось радикальное средство борьбы с осами. Гнездо их, став обычным человеком, он обнаружил без особого труда. Но мысль уничтожить его теперь же, просто прихлопнув чем-нибудь тяжелым, отшел с негодованием. Недостойно это настоящего бойца, воздушного аса. Появился у него один план, но насколько он удачен, предстояло выяснить только в процессе его реализации. Путем длительного наблюдения Николай Антонович выяснил, что в гнезде, кроме сбитой, обитало еще четыре осы, все особи взрослые, крупные, обладающие отменной реакцией. Охотиться нужно было за каждой в отдельности, так, чтобы не видели остальные. Кто их знает, этих зверюг, — кинутся, разъярившись, вдвоем-втроем, вот тут и поминай как звали начальника конторы «Вторцветмета». Конечно, литературу о противнике он самым тщательным образом проштудировал, знал сильные и слабые стороны «летающих тигров». Но уже на примере мух убедился, что в его случае все может быть по-другому, чем в книгах, и сражаться приходится с существами, обладающими некими зачатками разума, хотя и примитивного. Так что особо рисковать не стоило.

В субботу рано утром, сообщив жене, что уезжает в командировку до понедельника, он пришел в контору, открыл свой кабинет и, понаблюдав некоторое время за осиным гнездом и признаков жизни не обнаружив, взялся за претворение своего плана в жизнь.

Нужно было организовать засаду. Потревожив союзника-паука, но вежливо перед ним извинившись, он передвинул шкаф поближе к базе противника — гнезду. Однако так, чтобы осталось достаточное пространство. Затем, сделав несколько коротких рейсов «стол — шкаф — стол», перевез некое количество боеприпасов и захваченную из дома сумку с провизией — для подкрепления сил во вре-

мя длительной двухсуточной осады. И наконец, посадив самолет на шкаф, аккуратно подрулил к заранее выбранной линии огня. Отсюда гнездо и особенно подступы к нему были как на ладони. План Николая Антоновича заключался в том, чтобы сбивать ос на подлете к гнезду или на вылете из него, когда они ничего не подозревают. Тут были определенные трудности. Если в воздухе пушками можно было управлять, маневрируя самолетом, то здесь, на шкафу, самолет стоял неподвижно и пушки стреляли только в одну точку.

Для начала следовало дождаться возвращения ос и выяснить, с одной ли стороны они подлетают к базе или каждый раз произвольно меняют направление. Поэтому Николай Антонович достал из сумки бутерброд, поудобнее уселся в кабине и принялся наблюдать.

Спустя несколько часов он уже знал, что осы подходят к гнезду и уходят от него всегда по одному и тому же маршруту. Это упрощало дело. Однако всего раз они вылетели поодиночке, с небольшими интервалами. Нужно было терпеливо выжидать.

Налегая на хвост самолета, он установил машину так, что теперь точка, в которой сходились трассы снарядов, находилась на небольшом расстоянии от гнезда, но точно на линии подлета к нему ос. Осмотревшись и не увидя поблизости этих полосатых чудовищ, Николай Антонович для проверки дал несколько пристрелочных залпов и убедился, что положение самолета выбрал правильно.

Первую осу Николай Антонович сбил под вечер. Три осы уже вернулись на базу, одна запаздывала. Он понимал, что есть реальный шанс использовать это опоздание. И не ошибся. Оса летела медленно, устало. До гнезда оставалось совсем немного, там можно будет отдохнуть... А в это время Николай Антонович, сощурившись, плавно отвел колпачок и, прикинув достаточное для упреждения время, нажал на гашетку. Длинная очередь сотрясла самолет.

Снаряды попали как раз туда, где тело осы сужалось в талию, и разорвали осу пополам. Задняя часть сразу рухнула вниз, а передняя, беспорядочно махая крыльями, еще делала попытки лететь, дотянуться до гнезда. Но это ей не удалось, и, кружась, она тоже упала.

Потревоженные выстрелами осы показались из своих убежищ. Они взволнованно ползали, иногда взлетая в поисках подруги. Николай Антонович, все еще держа палец на гашетке, сидел тихо. Наконец осы успокоились,

вернулись в гнездо. Тогда и он выбрался из кабины, постелил под крылом самолета плед и спокойно уснул.

Утром удалось уничтожить еще одну. Раннюю пташку, так сказать. Подруги замешкались в гнезде, а она выползла на свет божий, взмахнула крыльями, направляясь к окну, и... напоролась на снаряды. С развороченным брюхом, кувыркаясь, она все-таки смогла дотянуть до подоконника, да там и упала, корчась и пронзая воздух жалом.

Осталось сбить двух последних, но это и было самым трудным и опасным. Поодиночке они уже не летали, и Николай Антонович напрасно прождал весь день, а к концу его решился и открыл огонь сразу по паре. Они подходили к гнезду одна за другой, и если бы шли на хорошей скорости, то вторая оса, не успев затормозить, влетела бы под снаряды вслед за первой. Однако она успела.

И когда, грозно развернув крылья, эта жужжащая громада двинулась к шкафу, Николай Антонович понял, что засада его раскрыта и спасение теперь только в ангаре. Лихорадочно запустив двигатель, он рванул самолет с края шкафа, уже в падении набирая обороты и разворачиваясь в сторону стола. Не было времени для маневров, и, с ходу брякнувшись на поверхность стола, едва не подломив стойки шасси, он зарулил в ангар, прижал тормоз и, откинув фонарь кабины, бросился к спасительной кнопке возврата.

Оса, словно не почувствовав разницы между маленьким Николаем Антоновичем и большим, зашла на него в атаку. Но разница-то была! И Николай Антонович просто взял линейку и сшиб осу в воздухе. А затем наступил на осу и раздавил...

В понедельник утром, придя на работу в контору, девушки заглянули в кабинет начальника. Тот спал, сидя в кресле и уронив голову на стол. Перед ним лежали остатки бутербродов, термос с чаем и стакан. Среди хлебных крошек затерялись четыре растерзанных осиних трупики. Несмотря на распахнутое настежь окно в комнате не было ни одной мухи.

Николай Антонович работает все там же. Пока. Не так давно вызывало его начальство, угощало чаем и недвусмысленно сказало, чтобы готовил он свои дела к сдаче, а сам перебирался на место повыше, с соответствующим окладом и ясными перспективами на дальнейшее продвижение. Сообщение это Николай Антонович воспринял спокойно, даже несколько равнодушно. Подумал только,

что затаянули с повышением, могли бы и раньше предложить.

Девушки в его конторе остепенелись. Одна даже замуж вышла. На начальника своего смотрят с обожанием, слушаются беспрекословно.

Зима прошла спокойно. Но едва наступила весна, как у Николая Антоновича зачесались ладони. И однажды, захватив коробку с ангаром, он сообщил девушкам, что отправляется в управление, а сам добрался до окраины города, нашел небольшое учреждение, из окон которого не торчали коробки кондиционеров, вошел туда и спросил:
— Мухи не мешают? Вывести не надо?

ДВЕ НЕДЕЛИ ЗИМНИХ ЧЕТВЕРГОВ

Что-то происходит со временем. Нехорошее такое, несправедливое. Ну, не совсем со временем, а конкретно — с днями недели. Ведь глупость получается: только-только рабочее настроение, желание работать, оперативность, инициатива, а тут бабах! — суббота. А в понедельник опять еле-еле раскачивается все. Раскачивается понедельник, раскачивается вторник, в среду пошло дело. Дальше — лучше, четверг. Полная отдача, до самоотверженности. Хуже в пятницу, настроение во второй половине дня превосходное, дела начинают из рук валиться, к пяти часам совсем плохо. И повторяется карусель.

Так что лучшим днем можно считать четверг. Плюс вторая половина среды и первая — пятницы. Два полновесных рабочих дня. Маловато для недели.

Конечно, тут многое еще зависит и от времени года. Летом даже в четверг дело с трудом движется. То же самое весной. А вот поздней осенью — да... Но самый идеальный вариант — зима. Декабрь, январь. На улице холод собачий, бежать викауда не надо, не хочется просто. И тут полный простор для работы, все условия. Хорошее дело — зимние четверги.

Мысли такие появлялись у Николая Свиридовича довольно регулярно, поскольку командовал он конторой, в которой было семеро сотрудников, в большинстве своем молодых и женского пола. По причине всеобщей молодости по имени-отчеству называли только троих: самого Николая Свиридовича, его зама Геннадия Петровича и

солидную женщину, ветерана конторы Веру Анатольевну. Все же остальные были просто Таней, Галей, Алей, Сережей и Светой. Ну, а молодые, они не совсем, конечно, безответственные, но элементы вольности присутствуют. Им тяжелее входить в рабочую форму после выходных. Пожилому особенно-то и раскачиваться не надо, за много лет привык он, придя на работу в понедельник, тут же браться как следует.

Тут надо заметить, что не вся молодежь легковесная. Геннадия Петровича пожилым никак нельзя было назвать, ему еще и тридцати нет. Но серьезен! Так серьезен был Геннадий Петрович, что и Николай Свиридович изредка удивлялся: это надо же, какая, однако, молодежь случается! И строгость во взгляде, и спешки никакой, и легкомыслия в помине нет. Пунктуален, аккуратен, гладко выбрит. Никаких джинсов — костюм.

И молодые чувствовали особость зама. Если к Николаю Свиридовичу относились как к неизбежному начальственному злу, в Вере Анатольевне видели женщину строгую, но справедливую, то на Геннадия Петровича смотрели с опаской и в его присутствии замолкали и расходились по рабочим местам. Тот же будто и не замечал особого к себе отношения, считал, наверное, что так и нужно. И молодость его была совсем незаметной.

С выполнением плана почти всегда все было в порядке. А когда было не в порядке, Николая Свиридовича и обуревали мысли о несправедливости распределения дней недели и мысли о том, как бы это выкрутиться с планом и, не получив нагоняя от руководства, дать нагоняй подчиненным.

Вот во время такого прорыва зашел к Николаю Свиридовичу один его старый знакомый. Был знакомый человеком разнообразных увлечений: писал одно время музыку, которую услышать можно было только с помощью специальных очков, занимался лозоходством — воду подземную искал посредством стандартной пятикопеечной монеты (она у него на ребро становилась над тем местом, где водопроводную трубу прорвало), сконструировал микросамолет для охоты на мух.

Несмотря на занятость и неудачи, Николай Свиридович знакомого чаем угостил и поведал свои размышления. Просто поделиться захотелось с умным человеком.

Однако знакомый заинтересовался, стал рассеян, невпопад ответил, что, да, мол, нельзя так работать, отдыхать-то когда? И, наскоро попрощавшись, ушел. Николай

Свиридович удивленно пожал плечами и принялся вновь за безнадежные попытки выправить положение с планом.

Появился знакомый вновь месяца через два, когда на горизонте опять замаячила угроза невыполнения квартального плана. Время было весеннее, почти летнее и жара стояла подходящая, как раз для того, чтобы работалось с прохладцей, зевалось в окно и даже дремалось по причине вечерних прогулок и недосыпания. Чем почти весь коллектив (за исключением старших товарищей и к ним примкнувших) благополучно и занимался. Конечно, в этой ситуации Николай Свиридович мог в сердцах стукнуть кулаком по столу, поорать, сердясь, и народ взялся бы за дело. Но надолго ли хватило бы такого заряда? Не все же время орать? И Николай Свиридович, сам понемногу поддаваясь расслабляющему действию жары, меланхолически прикидывал, как велико будет недовольство руководства и в какие санкции оно выльется.

Тут и явился знакомый, который принес с собой средних размеров коробку. В коробке был прибор, напоминающий терминал компьютера, с экраном и клавиатурой.

Выяснилось, что знакомый понял заботы Николая Свиридовича о планах и их выполнении. Но понял на свой лад. Зачем, решил он, применять пятидневный рабочий цикл, когда можно и двухдневным обойтись? Два дня работаешь — два дня отдыхаешь. Человеку совсем не обязательно какое-то время разгоняться для плодотворной деятельности, говорил он. Зная, что через два дня наступит заслуженный отдых, он будет трудиться еще упорнее, чем если бы отдых ожидал его через пять дней.

Сомнительные выводы. Так Николай Свиридович и решил, слушая знакомого. Так прямо он ему и сказал. Если то и дело отдыхать, то не только план не выполнишь, а и на кусок хлеба не заработаешь! Почему бы в таком случае не отдыхать пять дней в неделю, а два работать? Или вообще не работать ни одного дня, а только отдыхать? Результат тот же будет!

Но знакомый Николая Свиридовича прервал этот всплеск отрицательных эмоций и попросил выслушать его до конца. Суть предложения состояла не просто в частых выходных, а в выходных вневременных. Внешне все оставалось по-прежнему, сотрудники приходили на работу ежедневно. Но через каждые два дня они получали возможность отойти в некий временной закоулочек и, отдохнув в закоулочке те же два дня, вновь вернуться на работу как ни в чем не бывало,

Вот, к примеру, выходит Николай Свиридович в понедельник на работу и работает до конца вторника как обычно. Затем включается установка и возвращает его к началу понедельника и дает возможность провести эти два дня — до среды — уже не работая. Среда и четверг проходят в успешном труде, потом «Клац!» — отдыхай эти же дни. Ну, а в пятницу возвращать нечего, за ней все равно суббота и воскресенье идут.

Курорт, а не рабочая неделя. Нечего и говорить, что шло это новшество абсолютно вразрез с раздумьями Николая Свиридовича о том, как распределяется нагрузка на дни недели. Тут только к среде дело начинает идти как следует, а что будет, если каждые два дня народ отдыхать станет?

И он, было, уже совсем собрался заикнуться знакомому об этом, но в последний момент кое-что сообразил, и язык от ошеломления прикусил в буквальном смысле слова. Это какие же светлые перспективы открылись, какой выход великолепный нашелся из создавшегося положения! Да что там один план! Два, три плана можно запросто смастерить! Только бы не проболтаться, только бы этот знакомый ничего не понял и остался в уверенности, что все так и будет, как он задумал.

Не иначе, как в роду Николая Свиридовича и актеры были и разведчики. Таким он заинтересованным прикинулся, таким восторженным! И кофе крепкий заварил, хотя сам его не любил, чай предпочитал. И даже — запрещено ведь строжайше, но чего не сделаешь ради такого распрекрасного аппарата — по рюмке коньяка себе и гостю из тайного запаса налил. А сам все выпрашивал: как же аппарат работает, как управлять им, как устроить, чтобы у каждого в конторе шесть выходных дней на неделе получалось.

Гость размяк от ласкового обхождения, был многословен и объяснял, и показывал. В принципе действия Николай Свиридович мало что понял — образование не то. А вот управлять научился, несложное дело. Для начала они с гостем под разными предлогами зазвали в кабинет к Николаю Свиридовичу всех по очереди сотрудников и ввели в память машины снимки их биополей. Происходило это незаметно для сотрудников. Набирались на экране фамилия, имя и отчество: Макарин Сергей Николаевич. Потом Николай Свиридович звал по селектору: «Сережа, зайди на минуточку!» Тот являлся. Николай Свиридович ему: «Ты помнишь, что отчет к среде нужен?»

Сергей, недоумевая — из-за такой малости вызвали, — «Помню, не беспокойтесь!». А в это время гость клавишу записи нажимает и — готово, биополе Сергея записано. Зовут следующего.

О том, что проводится эксперимент, Николай Свиридович своего гостя уговорил не сообщать. Тот его заверил, что все совершенно безвредно для здоровья. А раз безвредно — чего зря народ беспокоить? Если все хорошо пойдет, то можно будет и официально сообщить. От такого количества выходных вряд ли кто откажется.

Вместе с гостем и составили программу для аппарата. Договорились, что эксперимент поначалу месяц продлится. Николай Свиридович лично такси вызвал, гостя с почетом усадил и вслед рукой помахал.

А когда вернулся в кабинет, сел составлять совсем другую программу. Шесть выходных вам на неделе? А два дня всего хотите — среда и четверг? А после них опять — среда и четверг! А потом опять, и опять, и опять... Целый месяц одних сред и четвергов! И никаких суббот и воскресений! Хватит отдыхать, пора и поработать как следует, на полную катушку!

Идея, конечно, у Николая Свиридовича дикая появилась. Пожалуй, еще более дикая, чем у его знакомого о целой куче выходных. Тут мы вправе возмутиться и закончить наш рассказ по причине полной бесчеловечности истории, в нем происходящей. Эксперименты над людьми общественной моралью давно осуждены и караются законом. К тому же, от режима работы, который ввел Николай Свиридович, пахнет такой потогонной системой, какая ни одному самому распроклятому капиталисту в бредовых снах о мировом господстве и сверхприбылях не снилась.

Да, можно и оправдания поискать действиям Николая Свиридовича. Выполнение и перевыполнение плана, более полное использование рабочего времени, интенсификация, даже трудовое воспитание молодежи, если хотите.

Только кому это нужно, если за все заплачено трудом насильным, принудительным, трудом, что не приносит ни радости, ни удовлетворения? Да пропади она пропадом, такая работа!

И было бы впрямь достойно закончить на этом месте нашу историю и не дать осуществиться дьявольскому замыслу Николая Свиридовича, если бы в действительности все получилось совсем не так, как он задумывал. Поэтому нам все же стоит посмотреть, как развивались события,

Итак, знакомый принес свой аппарат в понедельник. День этот закончился как обычно, поскольку Николай Свиридович решил новый режим работы ввести со следующего утра — отдохните, ребята, еще немножко, завтра за работу приметесь! Да как следует, засучив рукава, ни перекуров чтоб, ни чаепитий, только с коротким перерывом на обед. В предвкушении этого Николай Свиридович потирал руки, подпрыгивал в кресле и даже один раз себя по голове погладил: молодец, придумал!

Утром, во вторник, тоже все шло по-старому. Люди работали, склонив головы над столами, и совсем не подозревали, какая беда нависла над этими самыми головами. Николай Свиридович благосклонно покивал в ответ на приветствия подчиненных и прошествовал в свой кабинет. Там он поплотнее уселся за столом и нажал клавишу включения аппарата. Аппарат негромко загудел, щелкнул и зажег зеленоватый свой экран. Итак, программа вступила в действие.

Николай Свиридович отодвинул пульт и придвинул к себе деловые бумаги. Работаем без дураков, ребята, пора!

Изредка он, затаивая дыхание, прислушивался к тому, что происходило в соседней комнате. Там позванивали телефоны, тарахтела пишущая машинка, поскрипывали стулья, покашливали люди. Звуки напряженного рабочего дня, все как надо. На перекидном календаре Николай Свиридович установил среду, шестнадцатое декабря, что должно было соответствовать программе. Потом, проверки ради, поинтересовался у своего зама:

— Геннадий Петрович! У нас сегодня среда, шестнадцатое?

— Что вы, Николай Свиридович! — ответил тот. — Четверг, семнадцатое!

Николай Свиридович крикнул от неожиданности. Надо же, напортачил все-таки в программе, вместо среды четверг ввел. Ну, да беда небольшая, может, так и лучше будет — одни четверги? И он вновь принялся за работу.

От окна немилосердно дуло. В кабинете сильно похолодало. Но все правильно, декабрь. Николай Свиридович ругнул себя за то, что не захватил из дома свитер, но выход нашел быстро — достал из шкафа и установил электрорефлектор. Вот теперь можно работать...

И он работал. Да так, что из кресла почти не поднимался. Ничего удивительного, он до работы всегда охоч был,

Так поработал, что к обеду все, что ему полагалось сделать, закончил. Отложил в сторону последний лист, посидел несколько минут, разминая затекшие пальцы. Встал и пошел к замку.

— Геннадий Петрович! Давайте, я у вас часть бумаг возьму. Что это, право, нагрузил вас, а сам сохну от безделья!

Зам тоже работал напряженно, но в кабинете его было потеплее. Видимо, раньше догадался включить обогрев. Зам немного посопровтивлялся, но разве против воли начальства устоишь? И он отдал половину своих отчетностей. К вечеру Николай Свиридович и с этим справился и ушел домой удовлетворенный.

Назавтра опять был четверг. Николай Свиридович, одетый потеплее, чтобы не сидеть сложа руки, поочередно помог Але и Гале, а в перерыве навел порядок у себя в кабинете.

На следующий день, в четверг, очередь на помощь пришла Тане и Вере Анатольевне. В обед и задержавшись после работы, Николай Свиридович, прихвативший из дома необходимые инструменты, починил все дверные замки, выключатели и оконные шпингалеты.

Помощь Сереже и Свете заняла всего половину следующего дня, который пришелся на холодный декабрьский четверг. Оставшуюся половину и добрую часть вечера Николай Свиридович потратил на ремонт своего кабинета: побелил потолок, покрасил стены, перестелил линолеум, починил мебель. Конечно, кто же ремонт зимой делает, но раз выпала такая возможность, если свободное время появилось?..

На следующее утро, в четверг, Николай Свиридович пришел на работу раньше всех и вывесил на дверях объявление: «Выходной для всех! Произвожу ремонт помещений. Просьба не беспокоить!»

Его не беспокоили и весь этот день и следующий четверг. А работа у него кипела. Столько ведь предстояло совершить!

Объявление действовало, но как-то в четверг, когда он выкладывал паркет, сотрудники попытались войти. Он на них так рыкнул — нечего, мол, здесь шлаться, работать мешаете, что те поспешно ретировались, в основной массе своей; молодежь и к ней примкнувшие отправились загорать на пляж. А Николай Свиридович, поплотнее натянув шапку-ушанку, чтобы уши не мерзли, вновь взялся за молоток,

Он теперь и домой не уходил. Так изредка, чтобы пополнить запасы чая и бутербродов. Тут жена на курорт уехала — чего дома делать? Он пару часиков прикорнет в углу на тулупе и опять за работу.

К исходу второй недели, что-то еще такое делая, Николай Свиридович почувствовал, что зверски устал. Инструменты валялись из дрожащих рук, в голове стояли звон и туман, ноги подкашивались.

Все было неладно. За последнее время он ни разу не вспомнил о странном аппарате, исправно гудевшем в его кабинете. Ведь не так задумывалось, не то получилось. Должен был аппарат этот по-другому функционировать. И бросить бы сейчас работу, да не удастся, гонит какая-то сила, принуждает.

Билось одно воспоминание в оступевшем мозгу, не давало покоя. Нетвердыми шагами, преодолевая себя, он прошел к столу, слабыми пальцами покопался в личных карточках сотрудников, достал карточку зама.

Так вот же оно! В графе «образование» у Геннадия Петровича стояло: факультет электроники, инженер-программист.

Все стало ясным Николаю Свиридовичу. Понял он, что, разговаривая со знакомцем об аппарате и программе для него, не выключил селектор и зам все слышал и, заинтересовавшись, пробрался в кабинет начальника. А узнав программу, стер ее и ввел свою, чтобы неповадно было Николаю Свиридовичу, чтобы сам почувствовал, на своей шкуре, каково это, когда работа и работа и ни просвета впереди, ни субботы, ни воскресенья.

Ах, подлец, ах, подонок, ах машина гадская!

Николай Свиридович из последних сил поднял аппарат и обрушил его на пол с треском, звоном и коротким замыканием!

Потом добрался до подоконника, распахнул окно, содрал с головы шапку и вдохнул теплый летний воздух.

Сел за стол, взял чистый лист бумаги и написал заявление об уходе. По собственному желанию. Потом растелил тулуп на полу, лег и сразу заснул. И спал долго.

ПРОГРАММА НА УСПЕХ

Уже и не помню, что тогда сказал. Наверное, какую-нибудь глупость. Я частенько брякал невпопад, когда вызывали к доске... Но то, что было после, запомнил очень хорошо.

Наш старый учитель, человек добрейший и немножко странный — таких еще называют «фанат»: фанат порядочности и фанат науки, так вот, учитель наш поднялся вдруг из-за своего обшарпанного, сплошь залитого чернилами стола и не спеша шагнул ко мне. И, помнится, сказал:

— Ну, будет. Надо делом заниматься. Хватит в дреме пребывать. Эх, ты, невежа!

И эдак легко, словно бы шутя, совсем легонько, то ли стукнул, то ли потрепал меня по затылку — кончиками пальцев, я почти и не почувствовал прикосновения... Но ведь на глазах у всего класса! Стыд, и только!.. Собрался я от обиды зареветь — но тут странная какая-то волна захлестнула мой убогонький умишко, даже не волна, скорее, нечто вроде молнии вспыхнуло в мозгу и отдалось по всему телу... Я не упал, не закричал, хоть и хотелось. И голова не закружилась. Это состояние владело мной ничтожно краткий миг, не память о случившемся, а само это — даже и не знаю, как назвать, — после чего как будто все (возник вдруг тайный уговор, да? — только не пойму, какой...) осталось неизменным. Я по-нуру и безропотно отправился к себе на место.

С тех пор миновало двадцать лет. Без преувеличения, моя жизнь летела по прямой, словно гоночный автомобиль в рекордный свой заезд. Казалось, помимо моей воли, что-то сверхмогучее несло меня — вперед, вперед, нигде подолгу не задерживаясь, не давая оглядеться и передохнуть. В классе стал первым — и по успеваемости, и по всяческим общественным нагрузкам. Институт закончил с блеском и благополучно поступил в аспирантуру. Кандидатскую сделал быстро и был удостоен лестных отзывов от самых уважаемых светил. Потом — защита

докторской, все мыслимые премии — за разработки и открытия, без лишних проволочек — член-корреспондент, а вскорости — и академик. Было мне всего-то тридцать два... Я получил в свое распоряжение огромный Институт кибернетических проблем. Казалось бы, чего еще?

И вот однажды, в свой приемный день, сидел я в кабинете, ожидая законных визитеров. Впрочем, их случались единицы, так уж я постановил: по пустякам — есть заведомо, местком, в конце концов; а по проблемам крупным — слушайте, ведь я не бог и не всесилен, обращайтесь-ка в инстанции повыше. Я любил науку, но просителей и жалобщиков в ней — не выносил. Будем откровенны, я всего добился сам, и, полагаю, от того науке — только польза. Никогда не кланялся, не одалживался. Почему ж другим давать поблажки? Да и спокойней жить, когда не отвлекают... Лучше сознаешь свою неопределимость. В настоящем деле — это точная гарантия успеха.

Так вот, сидел я у себя и ждал... Любая роль таит подспудные издержки.

— К вам — посетитель. Говорит, по личному вопросу, — доложил мой новый секретарь, входя в кабинет. Всегда являлся сам. Точно надеялся на чем-то скверном подловить. Ну, сколько повторять: для внутренних докладов заведен давным-давно селектор!

— Вы? Опять?! — ответил я, прикидываясь занятым невероятно. — Почему — по личному? Я объяснял, по моему...

— Я — тоже, — развел руками секретарь. — Но это, говорит, касается вас лично. Очень важно...

— Неужели? — весть такого рода меня, признаться, несколько насторожила. Нет, подкопов я не боюсь. Враги меня и пальцем тронуть не посмеют — я в своих делах незыблемо стою, авторитет научный — лучше не бывает: даром, что ли, Нобеля полгода как вручили!.. И при всем при том... Дурацкое предчувствие... Бывает: опасаясь, а чего именно — не знаешь. — Кто такой? — спросил я, делая усталое лицо.

— Ширяев. Николай Ильич. Не наш сотрудник. Посторонний, — отчеканил секретарь.

Совсем забавно. Посторонний — только этого и не хватало. Ширяев... Черт возьми, знакомая фамилия! Ширяев... Ведь встречался с ним, наверняка. А может, память вдруг дала осечку, спутал с кем-то? Ничего себе симптом!.. В мой-то тридцать два!..

— Ладно, пусть войдет.

И тогда в кабинете возник он.

Его узнал я моментально. И лишь угрюмо подсадовал в душе, что сразу не связал фамилию с тем образом, который продолжал жить в закоулках детских, полупризрачных воспоминаний. Ну как же! Николай Ильич Ширяев, старый мой учитель!.. Тот самый, что однажды на уроке дал мне подзатыльник. Это был его коронный жест — многих награждал такими дружескими тумакми... Странная манера вразумлять... Правда, не помню, чтобы кто-нибудь серьезно обижался... И никто не бегал жаловаться, так, смеялись меж собой — дескать, чудак, чего с него возьмешь... Но на уроках слушали, раскрывши рты. Умел заморозить класс.

И вот теперь он — здесь, стоит передо мной. Не изменился совершенно. Ведь, заметьте, двадцать лет прошло! Я даже и не знал — живой он или нет... С ума сойти, такая встреча! Но зачем?..

— Не ожидал, — сказал я, поднимаясь старику навстречу. — Какими судьбами! Вы превосходно сохранились! Право, очень, очень рад!

Набор дежурных фраз. Одних он мигом отрезвляет, что же до других... Пусть слушают, прок от этой болтовни — ничтожный. Только жаль потом потраченного времени... Парочка таких визитов даже самых тугодумов пронимает.

— Я тоже рад, — улыбнулся искренне Ширяев. — Рад, что у тебя, Сережа, до сих пор все было гладко и удачно.

Это «до сих пор» вдруг неприятно резануло слух. Хотя, казалось бы, что тут особенного? Не совсем красиво сформулирована мысль... Эх, бедные учителя! Когда ученики возносятся на самую вершину, вероятно, дьявольски заманчиво вот так, по-дружески, прийти и попросить чего-то эдакого, о чем прежде, может, и не помышлял... Дескать, ты уважь, родимый, помнишь, как однажды... Я ж тебя еще мальчонкой знал, шустрый был, хороший... А то как же! Ежели просить, то обязательно — хороший, у плохих не просят... И талантливый, на педсовете только о тебе и говорил, большое будущее предрекал — не обманулся, то-то славно!.. Ладно уж, поговори, припомни — я послушаю, да вот беда: мне скоро на коллегия, потом — в Президиум, а после...

— Будет, — произнес Ширяев, грустно глянув, точно и в самом деле прочитал в моей душе: — Не строй, пожалуйста, замученного делами человека. Слишком молод

и удачлив... Был. И никуда тебе спешить не надо, я же понимаю: мой визит... А вот послушать, что скажу тебе, и вправду стоит. Ты садись. Я, в общем, ненадолго.

И такая в его голосе была решимость, сила — даже и не знаю, как назвать, — что я безропотно повиновался. Опять почувствовал себя учеником, не выучившим заданный урок и ждущим с замираньем сердца... Взбучки, нудных наставлений? Нет, не то... Непроходимого стыда — вот, кажется, удачное определение — как будто на глазах у всех внезапно сподличал, сам не желая, предал, допустил вдруг человеческую низость...

— Фразы, фразы... Я люблю конкретность! — Мне еще хотелось выглядеть уверенным, значительно-вальжным, эдаким большим-большим... Кем?

— Видишь ли, Сережа, мы пемножечко ошиблись. Программа на успех недурственна, отнюдь. Но где-то был прокол. Был скрытый сбой. Предвидеть все нюансы очень трудно. А здесь как раз все — на нюансах, на деталях. Их шлифует время, обстановка... Мы даем толчок в необходимом направлении, и только. Дальше — все само... Возможны, правда, коррективы, если получилось не совсем удачно... Ты пойми, Сережа.

И вновь — это удивительное, смутное воспоминание — прикосновение пальцев к голове, чуть пониже затылка, а вслед за тем — секундное блаженство, вспышка несусветной радости — до ужаса, до боли — и слово приговора: быть всегда хоть на полшага впереди других — вот что возникло из того далекого мгновенья, всплыло — и пропало.

— Этого не может быть, — сказал я тихо, — Не должно быть! Ненаучно!

В эту минуту никаких других, разумных и весомых, доказательств «против» привести я был не в силах. Мозг, моя надежная машина, отказался вдруг повиноваться.

— Отчего, Сережа? — качнул головой Ширяев. — Ты опять сейчас говоришь, как невежа. Уж прости меня...

— Но остальные?! — не выдержал я. — Многие! Ведь вы их — тоже...

— Да. В тебе просыпается ревность? Выходит, что ты не один? Не ты один! Есть конкуренты? Так?

— Пусть так, — я все еще не понимал, к чему может привести наш разговор. Но мне ужасно не хотелось выпускать из рук его причудливую нить. Во всяком случае, казалось, что она — моя. — Чего они добились?

— Многого, Сережа. Может, это для тебя и странно прозвучит... Они сделались прекрасными специалистами. И стали при этом людьми. Или сделались просто людьми.

— А я — нет? — в свой вопрос мне хотелось вложить максимум сарказма. Не терплю, когда берутся попрекать несуществующими доблестями остальных. Тем паче, если эти доблести реальны... От них тянет похоронным славословием, ханжеством упавшего, чтобы деликатно пресмыкаться...

— К сожалению, мой мальчик. Да, специалист ты — первоклассный. Тут тебе воздали по заслугам. Но ты, как был, — невежа.

— В смысле?

— Человеком не стал, — Ширяев мимолетно, с сожалением улыбнулся и сцепил на коленях свои длинные пальцы — совсем, ну, совсем молодые, несмотря на возраст. Противоестественно, но — факт!

«Может, послать его куда подальше? — мелькнула спасительная мысль. — Или вызвать психиатра? Нет, послушаю еще немного. Первый раз со мною говорят в подобном тоне. Любопытно!»

— Это почему, позвольте вас спросить? Кто я тогда, по-вашему?

— Формально ты, Сережа, получил все то, о чем другие и мечтать не смеют, — говорил Ширяев тихо, словно обращался к самому себе. — Деньги, слава, положение, авторитет... И — молодость, здоровье... Те, кто тебя не знают, за глаза тебя боготворят. Да-да! В науке ты — светило.

— Разве этого мало? Многим вообще — и сотой доли не дано. Уж тут программа на успех, как вы ее назвали, реализовалась — лучше не придумать!

— Нет, Сережа, нет! — Ширяев глянул в упор. Ей-богу, что-то мне в его глазах почудилось такое, отчего мурашки заскакали по спине. Беспощадная, холодная жестокость... Хотя, неправда, секундой позже я понял — это было сострадание, но столь глубокое, столь непривычное в наш суматошный век, что мне сделалось не по себе. Не жалость — жалостливый взгляд я знаю, он сусален и исполнен самолюбования, — просто сострадание, теперь я понимаю, что это такое: его легко принять и за жестокость, коль не в состоянии избавиться от плена собственных ничтожных установок, по которым в жизни, что бы ни происходило, дважды-два — важнее всего. Да и верней, чего там говорить...

— Но вы совсем запутали меня! Не сходятся концы с концами!— закричал я, вскакивая вновь из-за стола.

— Сядь,— показал рукой Ширяев.— И послушай, Помнишь, к тебе приходил Кузовкин? Ждал участия, совета... Где он теперь? Пожалуй, и не знаешь... Нет Кузовкина. Своим отказом ты его убил... А Фроликов? Он разве был тебе помехой? Но ты растоптал его, сам, впрочем, не заметив... Зайцева, прелестная девчужка... Как она тебя любила!.. Для нее и вправду ты был свет в оконце, смысл жизни. А в итоге? Бросил, отшвырнул — ненужная помеха, лишний винтик в строго выверенном механизме продвижения вперед. Ты знаешь, что с ней? А с детьми, с близняшками, которых ты не видел никогда? Они родились, они есть.

— Послушайте, откуда вам известно... Все детали...

— Я обязан помнить. Когда другие забывают... Не могу иначе... Ведь у каждого свое предназначенье...

— Но зачем, зачем вы вспоминаете все это?!— не на шутку разозлился я.— Что было — то прошло!

— Как объяснить тебе?— Ширяев помолчал, слегка покачивая головой.— Уж слишком много было. Да! И слишком многое прошло. Хотя должно было остаться... Вот в чем дело. Я могу продолжить перечень твоих людских «побед», могу назвать всех тех, кому ты причинил страдания и горе, даже свел в могилу... Стоит ли? Ведь ты по жизни шел, других совсем не замечая. Ну, а если замечал, то лишь тогда, когда кого-то надо было отодвинуть, чтобы не мешал... По-моему, тебе мешали все, кто не работал на тебя... Ты разве уважал кого-нибудь, ценил, любил? Минимум волнений, минимум забот. Нет никого, кому бы ты помог — хотя бы раз.

— Это мешало работе,— холодно заметил я.— Как, впрочем, вынужден признать, сейчас мешаете и вы.

— Вот видишь,— с укоризною сказал Ширяев, словно бы опять ему открылось все, что я старательно таил в своей душе.— Ты либо ничего не понял — это ты-то!— либо всячески пытаешься убраться в тень, чтоб не пекло. В тень самого себя. Печально! Мы довольно долго ждали, все надеялись — а вдруг?.. Увы! Ты выдающийся специалист. Но этого мало для полного успеха! Потому что в жизни ты — не человек. По человеческим параметрам ты — круглый нуль. Какой уж тут успех, Сережа!.. Это провал, фиаско... И менять тебя, перевоспитывать нелепо. Слишком поздно. Тебе неведомы добро и сострадание, и жертвенность, и чуткость. Ты ведь так и не познал большой

и искренней любви! Где твои друзья, Сережа? Нет их. Только лизоблюды, мелкие душонки, ищущие, где б урвать легко кусочек пожирней,— они с тобой, пока тебе сопутствует успех... А ты и этого не видишь. Что же остается? Дело?

— Слава богу!— усмехнулся я.— Дела мои останутся, уверен! И кого сейчас волнует, кем был тот или иной творец? Да будь он трижды негодяй — плоды его трудов, вот что в итоге ценно, вот что важно для прогресса!

— Хочешь с этой стороны взглянуть на свое дело? Что ж... Уже упомянутый Кузовкин,— Ширяев не спеша загнул мизинец.— Валенчук. Его диссертацию ты, даже толком не прочтя, отверг, сыграв тем самым на руку ретивым проходимцам от науки. Мог и защитить, помочь, но это требовало усилий, непредвиденных хлопот — зачем? Дубасов, Мендельгейзер, Погулевский — их, по твоей милости, никто теперь не знает. Ты их не травил, не отлучал — ни-ни! Ты просто не помог, когда тебя просили... Отмахнулся. Проявил формальную принципиальность, чтоб себя не утруждать... Потому что у тебя — бездна дел. Ведь только у тебя — Работа! Между прочим, все, кого я называл, могли в дальнейшем многое сделать, даже по сравнению с тобой. Если бы ты вовремя их поддержал... Или же инстинкт в тебе заговорил, сработал аварийный тормоз? Бессознательное чувство конкурента?.. Может быть... Так что у твоих дел есть и печальная изнанка. Это, кстати, люди припомнят много лет спустя, когда придет черед тебя опровергать. Мы выяснили. Извини, что говорю об этом, но ты вынудил меня.

— Да кто, кто — мы?!— воскликнул я, почувствовав внутри внезапно странный и какой-то неприятный холодок. Как будто нахожусь на крыше, на краю, а глянуть вниз боюсь — тогда уж точно надо будет прыгать... А зачем? И что в итоге ждет внизу?

— Кто мы?— переспросил Ширяев.— Как тебе сказать... Учителя.

— Из школы?— Я невольно засмеялся. Вот не думал, что могу впасть в состояние почти на грани истерики. Кажется, впервые в жизни... Чертов старикан!

— Отчасти и из школы,— подтвердил Ширяев.— Но на самом деле — все сложнее... Мы... присутствуем везде...

— Ах, эти сказочки про инопланетян!.. — довольный, протянул я. А затем подумал: бедолага, все-таки он спятил. Столько лет учил детишек уму-разуму — и нате вам...

Трагический конец, да ведь никто не застрахован! Даже я, коли сумею дотянуть до его лет... Вот только непонятно, что же он в действительности хочет? Или сам себе не отдает отчета? Будто что-нибудь теперь изменит. Нерво-трепка вхолостую. И себе, и мне... Нет, зря его впустил. Обязан был предвидеть! Я же иногда умею...

— Инопланетяне... — тихо повторил Ширяев. — Конечно, для кого-то — сказочки... Кому достаточно знать только их... В конце концов, какая разница, как называться? Наша задача — программировать вас на успех. В лучшем смысле слова. И потом за вами наблюдать.

— За всеми? — что-то кольнуло на секунду в левой стороне груди.

— За всеми.

Я припомнил вдруг его излюбленный, давно забытый — тоже ныне как преданье? — мимолетный жест...

— Ага, — обрадовался я, — но ведь не всех вы — эдак... Я же помню!

— Правда? — удивленно сморщил лоб Ширяев. — Верно, Некоторых я не трогал.

— Почему?

— Они не очень-то во мне нуждались, скажем так. Если я вам закладывал программу-минимум...

— Это на успех-то? Ничего себе!..

— А вот, представь! Моя программа им бы только помешала. Они двигались в режиме максимальных перегрузок. С самого начала!..

— Стоп! — запальчиво воскликнул я. — Коль эта самая программа-минимум, как вы ее назвали, дала мне в жизни столько силы, то, не представляю, — кто ж они? Герои-полубоги?

— Нет, Сережа. Люди, самые обыкновенные. Те, кто становится в итоге пробным камнем для таких, как вы, запрограммированных на успех. Пробным камнем быть куда трудней. Уж ты поверь мне. Слишком много риска и почти что никогда — прижизненных наград. Примеры! Тот же Погулевский. Да-да-да, не делай круглые глаза! О нем заговорят лет эдак через двести. Но — заговорят. Тебя тогда забудут... Понимаешь?

— М-да, веселенькая перспектива, ничего не скажешь, — я не знал, как надо реагировать, и надо ли — еще вопрос... Конечно, все услышанное — бред! Детям в школах задают программу-минимум — на жизненный успех... Средь нас расхаживают мудрецы, которые в урочный час... Сказать кому-нибудь... Но я-то тут при

чем? Что ему нужно от меня? А может, ничего не нужно? Так, изрек — и удалился, в душе посеяв смуту...

— Ты, Сережа, не волнуйся, — мягко, даже с нежностью какой-то глядя на меня, сказал Ширяев. — Не стану тебя долго занимать. Открою маленький секрет: таких, как ты, мы далеко не отпускаем.

— Что-то я не понимаю...

— Повторю: менять тебя, перевоспитывать — нелепо. Слишком поздно. Ты уже ступил на путь и не свернешь. И, поднимаясь выше, выше, бед другим и горя еще столько причинишь!.. Ты даже не задумаешься, что кому-то сделал плохо, не заметишь... Это и ужасно. Мы обязаны тебя остановить.

Последние слова он произнес таким не признающим возражений тоном, что мне вдруг сделалось страшно. Так пугался я однажды, когда, будучи студентом, на каникулах, тонул в реке... Меня спасли, но ощущение иррациональной жути сохранилось навсегда.

— Вы что, собираетесь меня убить? — я выдавил из себя подобие презрительной улыбки.

— Кроме того, что вы невежа, вы еще и форменный дурак! — разом покраснел Ширяев, от волнения даже перейдя на «вы». — Как только в голову могло прийти?

— Пришло, — угрюмо отозвался я.

— Ну-ну, — Ширяев встал из кресла.

Я напрягся. Секретарь, наверняка, еще на месте, только вот селектор отключил, болван!.. Да черт с ним, что-нибудь придумаю... Вон, на столе чернильный безобразнейший прибор — сгодится в случае чего.

— Запомните, — сказал Ширяев, неторопливо приближаясь, — мы не лишаем жизни никого. Ни у кого нет на Земле такого права. Максимум, что нам дозволено, — дать возможность человеку все начать сначала. Не устранять накопленные им ошибки, а обходиться вообще без них... Еще одна попытка реализовать программу на успех. Во всем ее объеме.

— Глупости, ей-богу! — Я пожал плечами. — В наш-то просвещенный век...

— В любой! Это закон, если хотите. Ну? — Ширяев стоял совсем рядом, и я ничего не мог поделать...

Какая-то покорность и одновременно бесконечное доверие вдруг захлестнули мой рассудок... Я не смел анализировать, не смел больше сомневаться... Лишь хотел, чтоб этот человек, быть может, первый среди прочих, мне что-либо дружески сказал и как-нибудь по-доброму уте-

шил. Ведь, чего уж, не сложилась жизнь, и гадко оттого, и страх берет... Не вышло... Сам, конечно, виноват.

— Ну? — повторил Ширяев и легонько прикоснулся кончиками пальцев к моему затылку. — Шевелюра у тебя, дружок, — восторг! Что загрустил? Пошли.

...И снова мне двенадцать лет. Урока я не выучил, а почему — и сам не понимаю. Не успел, наверное, дела нашлись поинтересней... Нет, амбиции мне не занимать, вот только знаний — не набрал. Да ладно, выкручусь — как будто в первый раз. А может, и не вызову сегодня...

Я все помню — то, что было. Или же придумал, здорово придумал, точно наяву, и вот теперь играю, сам порою путая одно с другим...

Потом войдет учитель наш, Ширяев Николай Ильич, хороший дядька, и мы будем слушать... Правда, дядька он толковый, с ним договориться можно, только странная привычка у него — когда ты ничегошеньки не знаешь, он не то чтоб сердится, но как-то начинает суетиться и вдруг по затылку тебя — шлеп!.. Не всех, положим, но бывает. Это ерунда, нисколько не больно, не обидно, только ... странно. Может, и не бьет он вовсе по затылку, это уж я глупость говорю, а так, легонько, дружески, конечно, то ли гладит, то ли треплет, утешая, нерадивого по голове: мол, дурошлеп ты, для тебя ж стараюсь, объясняю, задаю, а ты вон — ни бельмеса, стыдно, брат, но — ничего...

— Эх ты, невежа, — говорит. он.

И тогда мне кажется, что я все понимаю, что-то помню и теперь вот — понимаю. Это больше, чем придумал. И когда такое происходит, хочется вскочить и закричать: «Не надо! Если я не буду знать урок, не надо говорить «Невежа!» и гладить меня по головке, словно я совсем уж не способен — сам... Пускай без этого, а? Может, я и так сумею, после... Пожалуйста, не надо... Потому что...»

Но я каждый раз молчу. И чувствую: когда настанет мой черед — а если нет? — я буду все равно молчать. Возможно, так и надо, так и надо: хочется сказать, а... нечем. Нечем! Я теряюсь, Я надеюсь и теряюсь каждый раз. Нет нужных слов,

ГЛИНЯНЫЕ ГОДЫ

Врач вздохнул и резко выпрямился.

— Будем говорить откровенно. Я не берусь утверждать, что ваш муж безнадежен...

— Понимаю, доктор,— глухо, но вполне спокойно сказала женщина.

И только глаза предательски заблестели, да пальцы судорожно стиснули носовой платок.

«Убери ты его, к черту, убери!»— вдруг подумал врач. Он неожиданно поймал себя на том, что платок его безумно раздражает.

Неуместен был сейчас этот белый комочек, казалось, вселявший силы и какое-то ненормальное спокойствие в сидящую напротив женщину, маленькую, хрупкую, почти девочку...

Лучше бы расплакалась, забилась в истерике, вызывая жалость и искреннее желание помочь, чем сидела вот так: неподвижно, молча.

Этим она сбивала плавный ход докторских мыслей, мешала войти в ту роль, которую, по его мнению, необходимо было ему сейчас сыграть.

И от этого все, что он собирался сказать ей, вдруг становилось каким-то плоским, банальным и не нужным никому.

«Ну-ну,— подумал он,— возьми себя в руки. В конце концов не ты, а она пришла к тебе за советом. Ты должен ее утешить. Это твой долг, черт побери».

Но вместо утешения сказал:

— Мы еще так мало знаем о психике. Едва-едва постигаем азы,— он снова откинулся на спинку стула. В таком положении платок не был виден, его загоразживал край стола.

— Я люблю его,— сухо произнесла женщина.

Врач чуть заметно развел руками и понимающе, тактично улыбнулся.

— Как долго вы собираетесь его лечить?— взглянула она.

— Вы задаете невозможные вопросы. Если все окажется хорошо, лучше, чем мы думаем...

— Дома он рассуждал вполне здраво.

— Это еще ни о чем не говорит.

— Когда он был со мной рядом, никто бы, в общем, и не заподозрил...

— К сожалению, вы не всегда могли его сопровождать. Знаете, людям дана великая способность заблуждаться. Вы не находите, что мы все живем немножечко в идеальном, идеализированном мире? Нам в нем спокойней, что ли... И когда кто-то или что-то диссонансом входит в этот мир...

— Нет,— сказала женщина и холодно, почти враждебно взглянула на врача.— Я никогда, особенно в последние годы, не обольщалась. Я пыталась скрывать — от него, от других... Ведь люди злы на язык.

— Как раз это его и погубило. Если бы вы обратились к нам раньше...

— Я думала, само пройдет,— женщина качнула головой и снова стиснула платок.

— Господи, когда вы отучитесь бояться врачей?!

— Врач врачу рознь,— неопределенно пожала она плечами.— Я имею в виду...

— Специализацию?

— Да.

— Ну, конечно!— похоже, это его задело.— Ранение, простуда — тут пожалуйста!.. Но как только речь заходит о психике...

— Он не хотел, чтобы я обращалась к врачу. Уверял, что все в порядке...

— Еще бы! А сам при этом трезвонил кому попало, что он-де — Шекспир, гений, и может завалить театры драмами, какие вам еще не снились. Это, по-вашему, нормально?

— Но он действительно талантливый человек! Если не больше...

— Вот как? Почему же тогда везде отвергали его рукописи? Почему многие, вполне серьезные и, надо думать, непредвзято мыслящие, литераторы называли его неумным графоманом? Почему? Может ошибиться один человек, два, ну, пять! Но когда такое, с позволения сказать, «заблуждение» превращается в общую точку зрения...

— Вы прекрасно знаете, как она изменчива...

— Сейчас мы не об этом. Факт налицо.

Она вздохнула и грустно посмотрела на него.

«Ты все еще пытаешься себя убедить,— с легкой неприязнью подумал врач.— Конечно, блажен тот, кто... М-да!»

— Его обвиняли в несовременности,— тихо проговорила женщина.— Да-да, в несовременности, в тяжеловесности письма, в излишней театральности, надуман-

ности ситуаций, в отсутствии положительного героя. Хотя сам он говорил, что все его персонажи положительные — других в жизни просто не бывает. А то, что у каждого есть свои слабости и недостатки, что все великие дела рождаются из столкновения добра и зла, — это закон жизни. И, чтобы сказать правду о ней, не становясь ничьим врагом, нужно быть бесстрашным, добрым человеком.

— Таковым он себя, бесспорно, и считал?

— Не знаю. Скорее, наоборот. Он как-то сказал, что доброта к веселости не располагает и ярый оптимизм рождается по скудости ума. Да, фанатичный оптимист опасен. Он не может трезво рассуждать, а претендует на немалые заслуги...

— Довольно спорная идея, — врач перевернул несколько страниц лежавшей перед ним истории болезни. — Вот тут, — он постучал пальцем по бумаге, — ваш муж сообщил, что его просто не понимают. Или делают вид. Оттого и гонят...

— Он мне тоже говорил.

— Но не кажется ли вам, что здесь-то собака и зарыта?! А? Непризнанный гений, мания величия, комплекс эдакой ущемленности — во всем... И имя-то какое себе выбрал — Уильям Шекспир! Тоже, знаете, небезынтересно. Ведь настоящее его имя — Глеб Сысоев?

— Да. Самое заурядное.

— Ну, это уже дело вкуса, — врач отодвинул папку. — Вы поженились...

— Двенадцать лет назад. Теперь — уже почти тридцать.

— Детей у вас нет...

— Он не хотел. Почему-то боялся. Твердил без конца о какой-то опасности, о несовместимости...

— Чего с чем?

— Не знаю. Он не объяснял. Только месяц назад обронил что-то насчет межвременной любви и непредвиденных последствий...

— Так-так, — встрепнулся врач и, вновь придвинув к себе историю болезни, принялся поспешно в ней писать. — Это уже — что-то!..

— Вот, собственно, и все. Помню, тогда он внезапно умолк и... все. С тех пор ни разу...

— М-да, странности прелюбопытные, — пробормотал врач. — Ну, а работал он...

— На мебельной фабрике. Краснодеревщиком.

— Понятно... И по вечерам писал?

— Да.

— Родственников у него нет?

— Абсолютно. Так он говорит. Когда мы поженились, он был совсем одинок...

— О своей жизни, как я понял, он не любит распространяться.

— Нет. Я несколько раз пыталась завести с ним об этом разговор, но он только отшучивался. Или просто молчал. Друзей у него очень мало.

— Я знаю, — кивнул врач, и лицо его приняло озабоченное выражение. — А сочинения вашего мужа непосредственно с шекспировскими текстами никто не пытался сопоставить? Ради любопытства...

— Так из-за этого все и смеялись над ним!

— Вот как?

— Да, утверждали, что такого плагиата — по стилю, по мыслям — еще сроду не бывало.

— Я тоже кое-что прочел... По-моему, он не бездарен, что бы там ни говорили. Но, увы... — сокрушенно вздохнул врач. — Вы ведь, кажется, в прошлый раз упомянули, что ни одного буквального списывания у него нет?

— В том-то и дело! — Женщина слегка оживилась, и врач подумал вдруг, что она вовсе недурна собой, только измотана основательно, но это поправимо, зато куда труднее будет убедить ее в справедливости общей оценки... Она слишком предана мужу, даже чересчур, и слишком верит в него. А эта вера, особенно сейчас, лишь помешает. Если Глеб Сысоев не оправится, для нее это будет страшный удар. Новая трагедия... Совершенно ни к чему!

— Вы очень долго тянули, — заметил врач. — Приди вы, ну, хоть на несколько лет раньше...

— Что тогда?

— Манья величия у него развилась только в последние годы...

— Да, но он и прежде писал.

— Но никому не показывал! И не кричал налево и направо: я — Шекспир. В самом начале, едва появились первые симптомы, вы обязаны были обратиться к нам. Впрочем, что об этом говорить...

— Доктор, вы поможете ему? — она смотрела на него со страхом и мольбой.

«Неужели все-таки дошло?» — с внезапным удовлетворением подумал врач и ответил: — Постараемся. Все, что в наших силах, мы сделаем. Испробуем разные варианты. И, в частности, такой...

- Какой, доктор?
- Вы слышали когда-нибудь об игротерапии?
- Нет,

— Подари на прощанье мне билет
на поезд куда-нибудь.
Мне все равно, куда он пойдет.
лишь бы отправиться в путь...—

неожиданно вполголоса продекламировал врач. — Это стихи Лэнгстона Хьюза... Жил на свете такой поэт... И не смотрите на меня так! Я не смеюсь. Просто в этих строчках, если угодно, вся суть... Подошлека, что ли...

- Не понимаю.
- Объяснять долго...
- Все же постарайтесь.

— Ну, хорошо, — смирился врач. — Запомните: игротерапия — это прием. Больным дают выговориться, выразить себя до конца. Это своего рода пропуск, билет на поезд реализуемого подсознания. Вы утверждаете, что вы — Наполеон? Прекрасно! Вот вам армия, вот вам мундир, вот вам декорации. Будьте Наполеоном! Вживайтесь в образ, как хотите. Это долгий, трудный спектакль. Нужны статисты, актеры — впрочем, нам помогают сами же больные. И вот, пока спектакль идет, мы смотрим, пытаемся выяснить, почему этот человек решил стать именно Наполеоном. А когда причина известна, можно и лечить. Так вот, вшестому мужу мы предложим на время стать действительно Шекспиром. Создадим обстановку. Своеобразное перенесение в другую эпоху. Но, учтите, все это время — с вашей стороны — никаких контактов с ним. Ни встреч, ни писем, Ничего. Это очень важно — не нарушить иллюзию.

— Как?! Вообще ничего? — испугалась женщина. — Да, но... сколько это будет продолжаться?

— Если бы я знал! — развел руками врач. — Все зависит от него самого.

— Он не вынесет этого, — произнесла она решительно. — Не сможет.

Врач с сомнением покачал головой:

— Боюсь, наоборот. Ему будет очень хорошо. Куда лучше, чем теперь. Он ведь станет как бы самим собой. Пусть на время, но все же...

— Это необходимо?

— Я затрудняюсь ответить однозначно. Это желательно, потому что дает какой-то шанс...

Некоторое время женщина сидела молча, неподвижно глядя перед собой.

— Хорошо,— проговорила она, наконец.— Будь по-вашему. Я постараюсь его не тревожить. Но, боже мой!..

О, эти будни сумасшедшего дома! Какой праздник, каких дел суета сравнятся с ними!..

Тут — все: и карнавал, и трагедия, и явь, обращенная в призрак, и странные легенды, обретшие эцестовую жизнь в подлунном мире. Тут сплелись воедино реальность с мифом, высокое с низменным, тут всякий — бог, и он же — червь.

Жестокая планета, заселенная полулюдьми. Счастливая планета, где иллюзии, желанья, мечты, лаская, будто наяву, не требуют на деле ни малейшей компенсации, за исключением послушания... Цена недорогая. Поскольку зла здесь не таят. Зло изгнано из этой обители радости и страдания. Здесь тщатся помогать и — помогают.

В окно с небьющимся стеклом лениво вползали сумерки пасмурного дня.

Заросли спиреи, усыпанные белыми цветами, клумба, на которой распускались вялые грязно-желтые бутоны, а дальше — вдоль чернеющей дорожки — шел забор, дощатый, высокий, не крашенный давным-давно...

Влево и вправо — только забор.

Он скрывал горизонт, вздымаясь на полнеба — того квадратного неба, что открывалось из окна, и лишь в щелях между неплотно пригнанными досками мелькали, трепетали какие-то далекие огни — там, словно за тридевять земель в волшебном царстве, текла иная жизнь, подвластная иным законам, иному ходу времени, там рождались, умирали и любили совсем другие люди, не знающие, что это такое — забор в полнеба и кусты спиреи за окном, которое нельзя открыть...

Наверное, ночью будет дождь, подумал Глеб. Я буду его только слышать... И вспоминать, как прежде бродил под дождем по мокрым улицам, а мимо пробегали, спеша укрыться, люди, и машины проносились, будто призраки, расплескивая зеркало на мостовых. Лужи, в которых отражалось небо. И я по ним ступал. Шагал по лужам, небо топча... Смешно!

Он не раскаивался,

В конце концов его молчанье длилось восемь лет. Писал, выдумывал, искал достойные сюжеты и... делал вид, что это все забава, и не больше.

Восемь лет... Он многое успел. Пожалуй, это были лучшие годы в его жизни. Он очень рассчитывал на них — опора, трамплин, с которого можно взмыть в поднебесье, на недостижимую высоту и — продолжать свой путь. Куда? К славе? Вряд ли. Просто новая дорога к постижению людей и сути всех явлений.

Безумец! Всех явлений...

Он думал, что осилит, одолеет эти бастионы, выйдет победителем... Конечно, он сорвался. Не сразу, нет. Пять лет падал, все последние пять лет. И, наконец, — остановился... Здесь.

Ему не верили, над ним смеялись, да и сам он знал, на что обрекает себя — на роль полоумного шута, одержимого манией величия. Ну, как же, он — провидец, он готов сказать такое, чего еще никто не слышал! Поразить своим талантом мир... Не эпатировать, отнюдь, не испугать, не вызвать ненависть, презрение к себе!

А вышло все наоборот...

Я думал, они поверят, поймут... Почему они так жестоки? То, что писалось четыреста лет назад, повергает их в священный трепет. Они твердят, что те трагедии не знают временных границ. То, давнее, останется жить вечно. Я попытался воскресить его, бессмертный дух наделить плотью, дать ему скелет. И что же? Мне говорят: твои писания мертвы. Ты — жалкий плагиатор, графоман. Вот если бы Шекспир действительно явился к нам... Мы б сразу поняли, что это — он. Я возражал, я объяснял, что все они слепцы: Шекспир и я — одно лицо. Шекспир бессмертен? Ну так вот он я! Тринадцать лет прошло... Теперь я стар. Советуют: смените роль, еще не поздно. Господи, при чем тут роль?! Не собирался я других играть. Я лишь пытался быть самим собой. Да. Испугался, что все написанное уйдет со мной в могилу, и полез в рукопашную, с поднятым забралом. Лучше бы молчал! Тринадцать лет впустую... Долго, кропотливо лепил я эту вазу, отделявая каждый штрих, каждый завиток, и радовался про себя: какой подарок я готовлю людям!.. И вдруг, одним ударом, ваза опрокинута, рассыпалась на сотни черепков, и все увидели, что это — просто глина, бесформенная груда, из которой ничего уж не слепить. Она тверда и хрупка. Я перестарался, пере-

жег ее — безумец, право же, безумец!... И трус. Постыдный трус. М-да... Поделом!

Кто-то осторожно тронул его за плечо, проговорил:

— Вы знаете, у меня возникла идея. Думаю, Билли, она придется вам по вкусу.

Он резко обернулся.

Перед ним стоял его лечащий врач, уверенный, спокойный, весь — сочувствие и понимание.

Глеб недоверчиво разглядывал врача, который хочет исцелить его. Неважно, от чего. У него свои методы, своя терапия. И если он затевает игру, что ж, отказываться глупо.

А может, он и впрямь почувствовал, дошел до истины своим врачебным чутьем? Такое в принципе не исключено. Здесь у всех внимание обострено необыкновенно. Иначе — как лечить, как общаться с больными? Все возможно...

— Я вам верю, доктор, — произнес Глеб. — Как вы решили, так и будет.

— Бог и чудесно, — просиял врач. — Надеюсь, мы быстро сговоримся. Я тут подумал: а не организовать ли нам свой театр?

— Театр?

— Именно! Нечто вроде «Глобуса». И репертуар его составят ваши пьесы!

— Пойдите-пойдите, — медленно проговорил Глеб. — Вы предлагаете... Здесь? Но — актеры!..

— Об этом не беспокойтесь. У нас есть несколько выздоравливающих артистов — люди вполне профессиональные. Да и любители, надеюсь, сыграют с немалым удовольствием. Если захотите, можете и сами сыграть какую-нибудь... даже не какую-нибудь, а — главную роль! Это уж решать вам, Билли, вам... Так что же?

— Спектакли... Господи! — прошептал Глеб и на мгновение закрыл глаза, чтоб врач не заметил их предательского блеска.

Тринадцать лет мечтал он о театре, видел в снах, как разыгрываются его пьесы, грезил этим наяву...

Сцена, восхитительное лицедейство, когда ты, ничтожный человек, в одну минуту делаешься королем, когда границы мира сдвигаются и раздвигаются, едва ты пожелаешь, когда события, давно прошедшие, и те, которым еще суждено увидеть свет, являются, по прихоти твоей, становятся реальностью и настоящим фактом, а ты их волен тасовать, менять, крутить, как в калейдоскопе разноцветные куски стекла, и надо всем довлеет высший

смысл, твоя ликующая власть таланта, и все законы красоты — в твоих руках.

О, боже! Как он ждал!..

— Хотя бы здесь,— пробормотал он.— Пусть — здесь! Все равно. Но сам поставлю. Сам! Что захочу!

— Конечно,— улыбнулся врач.— Я думаю, Билли, это будет не так уж и плохо?

— Я докажу вам,— Глеб посмотрел на врача в упор.— Я докажу, что они,— он махнул рукой в сторону окна,— ничего не понимали. Не хотели понимать,

— Я очень надеюсь на вас, Билли.

— Да, докажу,— угрюмо повторил Глеб.— Жалкие глупцы! Стремятся поклоняться лишь тому, чего уж нет. А стоит только это прошедшее сунуть им под нос как дело нынешнего дня — они не узнают, отказываются принимать. Вот парадокс, достойный всех времен!

— Ну, Билли, не судите их так строго. Чтобы понять гения, нужно время. Понять и по достоинству оценить. Тогда, четыреста лет назад, вас тоже, кажется, не больно чттили? А? Простой актер, и только... Сочинял пьесы на потребу дня...

— Вы правы, доктор. Я начинаю забывать. Но, знаете, когда живешь, окруженный собственной посмертной славой... Мнишь, что и живого тебя должны боготворить, перестаешь ощущать всю пропасть времени... Это нервы, доктор. Я устал...

— Оттого-то я и предложил организовать здесь театр. Конечно, вам нужна разрядка. В успехе я не сомневаюсь... Да и больным вы немало поможете. Это ведь так важно — отвлечь несчастных от их недугов.

— Когда начнем?

— Да хоть сейчас! Только, подождите еще минутку, я наведаюсь в соседнюю палату. А потом мы пойдем с вами отбирать актеров. Гамлета, Ромео, Лира...

— Нет,— покачал головой Глеб.— Никаких старых пьес.

— А как же?

— Теперь все будет по-другому...

— Простите, но я что-то не улавливаю... Ведь у театра должен быть репертуар...

— Зачем же повторяться, доктор? Если позволяет ситуация... Нет-нет, я буду ставить новую пьесу, последнюю... Это — итог. Всей моей жизни. Черта...

— Ну, вам, разумеется, виднее. Теперь, когда все в ваших руках... Действуйте! Впрочем, простите, я сейчас...

— Вот чудеса! — пробормотал Глеб, когда врач скрылся в соседней палате. — Неужто он в меня поверил? Он... да еще — моя жена...

— Отчего же, мистер Шекспир? Я в вас тоже верю. И вовсе не по долгу службы.

Перед ним стоял высокий худой брюнет с холеной испаньолкой.

Левого глаза у него не было, и лицо, рассекая на две неравные части, украшала черная шелковая повязка. Именно украшала, потому что, Глеб моментально отметил это про себя, повязка необыкновенно шла брюнету, как бы дополняя, завершая его облик.

«Тебе бы камзол, голубчик, да шпагу в руку», — вдруг подумал Глеб.

— Что, не узнаете, а, мистер Шекспир?

В самом деле, голос вроде бы знакомый. И эта несколько развязная манера держаться...

— Признаться, не припомню.

— Ай-ай-ай, — укоризненно покачал головой брюнет. — Кристофер Марло к вашим услугам. Слышали, надеюсь?

— Кристофер? — Глеб невольно отступил на шаг. — Хм... Но как же...

— А очень просто! Как я попал сюда, ведь верно? Тем же путем, что и вы, милейший друг. Через парадный вход. Ну, а точнее... Люди не верили, что вы — Шекспир, а я имел неосторожность заявить, что я — Кристофер Марло. Как-то уж само собой случилось... Треснул, правда, для пущей убедительности, кулаком по столу — и вот я здесь. Банальная история. Для дешевых сплетен.

— Не знаю, не знаю, — пожал плечами Глеб. Этот нагловатый тип начинал действовать ему на нервы, хотя, конечно же, и вправду несколько напоминал... Да, очень давняя, почти забытая встреча... — Но, как я посмотрю, вы тем не менее спокойны!.. Разве нет?

— А что же делать? Больше того, признаюсь, такое положение вполне устраивает меня. Теперь-то я смогу писать, что захочу! И никто уже не прыснет в кулак, когда я назовусь. Тут и не это — в порядке вещей.

— Здесь — да. К сожалению. Простите, ваш глаз..

— Так, стычка.

— Тоже здесь?

— О, нет! Гораздо раньше. В ж и з н и! Когда имя Кристофера Марло еще что-то значило.

— А теперь? По-моему, лишь теперь — т е п е р ь — и начинается... — ах, как ему хотелось поддеть, уязвить этого развязного «творца»!

«Все вы тут гении, — подумал он раздраженно, — но по ком, по ком из вас загудят колокола посмертной славы? Или прозвучат — хотя бы день, хотя бы час, минуту в этом потоке вечности?.. Несчастные двуногие, сошедшие с ума из-за того, что те, кого потом назвали гениальными, великими, родились раньше вас и отобрали у вас славу... Что за вздор! Великие не отбирали ничего. Они пришли и взяли то, что причиталось им по праву, вернув лишь то, что дать могли. Не более того. Кто виноват, что потомки не сумели дать и половины этого? Духовный крах... В противном случае их бы тоже признали великими. Парадокс прогресса: каждый новый век снижает ценз для живущих. И повышает для тех, кто умер. Оттого и сходят с ума, что за умершими не угнаться, а понимают ведь: сегодняшняя слава залога на успех в грядущем может и не дать. Проверенное временем ценнее, прочнее, что ли. Мертвые молчат. А со своих, как говорится, взятки гладки — конечно, блещут мастерством, но не Шекспиры, нет! А коли ты Шекспир, вдруг объявившийся в двадцатом веке, то писать обязан лучше, чем лет четыреста назад. Иначе — не поверят, не признают. Мыслимо ли это? Бедные двуногие...»

Брюнет с сожалением посмотрел на Глеба:

— З д е с ь все кончается. Дальше отступить некуда. Или у вас припасены другие варианты?

— Когда наконец чувствуешь, что можно быть самим собой, действительно — это предел. Какие еще варианты? Если бы только не здесь...

— Еще бы! Кристофер Марло знает, что говорит, — самодовольно ухмыльнулся брюнет, но, оглянувшись, тотчас приложил палец к губам. — Тс-с-с... Доктор идет!.. А вот тогда — да! — неожиданно громко и решительно заявил он. — Тройка, семерка, туз — шведская миловидность. В противном случае — инсулин! — он весь как-то поник и медленно пошел прочь. Но напоследок, через плечо, все же успел бросить: — Возьмите меня в труппу, а, мистер Шекспир?

— Итак, я свободен, Билли, — весело проговорил врач. — Займемся вашим театром?

— Было бы неплохо... Я тут и сам без дела не сижу. Один уже просился в труппу.

— Кто?

— Да вот...

Глеб взглядом указал на удаляющуюся фигуру.

— А, это наш новый пациент... Безобидное создание. Вы только подумайте, Билли, он разыгрывает болезнь, которой у него вовсе нет. А лечить-то его надо, правда, совсем от другого. Возомнил, что он — Кристофер Марло!.. Пора, говорит, взять верх над Шекспиром — потому-то я и здесь. Каково?

— Придворный трагик, — улыбнулся Глеб. — Не это ли залог скорейшего забвенья?!

— Его, однако, не забыли...

— У Истории свои причуды. Но он попросился в мою труппу! Разве он тем самым не признал моего превосходства?

— А вы тщеславны, Билли. Знаете, он тут как-то — да-да, едва только поступил, вчера! — заметил: позвольте мне сыграть в любой шекспировской пьесе — и я наполню свою роль таким смыслом, какой Шекспиру и не снился. Хоть я и не актер. Но я зато — Кристофер Марло!

— Похоже на него. Что ж, я найду ему место в новой пьесе. Да я и сам сыграю в ней... Посмотрим, какой смысл он вдохнет в свою роль.

— А что за роль, если не секрет?

— Он сыграет самого себя. Каким он был всегда. И будет жалок, уж поверьте.

— По-моему, вы хватаете через край. Между нами, он даже обрадовался, когда узнал, что вы — здесь.

— Серьезно? Вот чудак! Нет, я обязательно дам ему роль. Пьеса почти готова...

— Как называется?

— Пока не знаю... Да и не название решает дело, нет! Оно рождается в последнее мгновение, чтоб как-то зрителя привлечь, а в сущности... Короче, это будет хроника. Последняя в моей жизни...

— Неужели?

— Да. Я, правда, не уверен — лучшая ли... Впрочем, автор судит обо всем предвзято...

— Шекспиру не дано писать плохо, — моментально отпарировал врач.

Глеб только грустно посмотрел на него и, нахмурясь, отвернулся.

«Что-то с ним творится, — озабоченно подумал врач. — Он изменился. Когда его привезли, он был вне себя от ярости, казалось, он способен разнести все в щепы...»

А теперь? Он здесь всего третьи сутки. И уже сегодня он совсем другой... Тихий, подавленный человек... Как это он сказал на утренней беседе? Да!.. «Что бы вы подумали о человеке, который бежал с целью стать победителем, заранее предполагая, что победителя ждет беда?» Я ему ответил что-то вроде: «Не беспокойтесь, Билли, здесь мы вас в обиду не дадим...» Пустые слова! Неужто он вдруг осознал всю нелепость своих прежних поступков? Что же получается: безумец, понимающий, что он безумен? Парадокс! Невозможный парадокс! Но почему он с такой радостью ухватился за эту идею учредить в больнице театр? Даже с истовой готовностью... Выходит, он все-таки верит в свое мифическое «Я»? И одновременно отвергает... Нет-нет, конечно, все не так. Все во сто крат сложнее. Внешне он смирился, да, сломался, но — внутри... Как, от чего его лечить? Как понять этого безумца, который умеет держать себя в руках? Если не Шекспир, то кто? Если не Глеб Сысоев, то кто же, наконец?!»

И тут врач с ужасом обнаружил, что, задумавшись, произнес последние фразы вслух. Правда, тихо, очень тихо, но пациент услышал.

— Прекрасно, доктор! — воскликнул Глеб, дружески похлопав врача по плечу. — Вы начинаете сомневаться! Вы далеко пойдете.

— Не понимаю.

— О, это большой профан в своем деле. Увидите, и года не пройдет, как вся Европа будет трепетать от одного лишь имени его! — рассмеялся Глеб. — Это я о себе. Я был профаном и, как любой профан, не сомневался. И в результате — встретил вас... Вам моя участь не грозит.

— Билли! — укоризненно сказал врач.

— А что — Билли?.. Пускаться во все тяжкие словесного жонглерства — это глупо. Не выяснишь ничего и не поймешь. Что — Билли?! Слова, слова слова... Воистину!

— Билли, — сказал врач примирительно, — сколько человек вам нужно?

— Человек пятьдесят, не меньше, — ответил Глеб. И совсем тихо добавил: — Труппе хватило бы и одного актера. Но что делать, если в пьесе так много уродов?!

— Что вы сказали? — не расслышал врач.

— Нет, ничего. Я просто уточнял. Для себя.

Со времени своего последнего визита она, кажется, немного успокоилась, хотя, все внешне, только внешне —

неужто и тут игра? Смирилась ли на самом деле или только сумела взять себя в руки, надевши маску напускного равнодушия и непробиваемой чопорности?

Врач этого не знал и никак не мог уловить, что же кроется за бесстрастными интонациями ее голоса и скупыми, будто заранее отрепетированными жестами. Это раздражало и вместе с тем сковывало — родственники больных всегда становились отчасти как бы тоже его пациентами, а тут он ничего не мог понять.

— Ваш муж вполне освоился. Больные ему доверяют, относятся весьма почтительно, как к настоящему Шекспиру. К гению, если хотите...

— Видимо, он просто утешился тем, что хоть безумные сумели распознать истину.

— Как вы сказали? — врач недоуменно вскинул брови. — Истину? Но ведь это — фарс, игра!

— Все игра, — сухо возразила женщина.

— Вы повторяете слова своего мужа! Вы меня ставите в тупик. Впрочем... Все скоро разрешится. Актеры набраны, роли распределены, премьера — завтра,

— А пьеса?

— Что — пьеса? Ах, да... Он не дает читать. Мечтает доказать, что называется, на деле...

— Доктор... — она запнулась и губы ее предательски дрогнули. — Доктор, отмените спектакль.

— Но почему?

— Пожалуйста, — она умоляюще смотрела на него.

— Нет, я решительно ничего не понимаю! Ведь все уже готово! Оговорено, продумано... Теперь я не имею права вмешиваться, иначе весь эксперимент... К тому же, не забудьте, в спектакле заняты другие пациенты.

— Все готово, — едва слышно повторила она. — В последнем письме он говорил, что собирается бежать... Назад, к мученьям, к горю — навсегда... Это ужасно!

— Он болен! — сердито сказал врач. — Поймите же, наконец! Запомните: чтобы ваш муж стал здоровым, н о р м а л ь н ы м, — премьера должна состояться! В этом смысл всей затеи.

— Как угодно, доктор... Но я боюсь!

— Чего? Куда он денется? Его больное воображение... Ах! — врач безнадежно махнул рукой. — Письмо у вас? Как он переправил его? Хотя, теперь это неважно.

— Я не взяла с собой. Завтра или послезавтра я принесу. И еще... Скажите, только честно, в беседах с вами он... вспоминал обо мне?

— В эти дни? Ни разу. Он был слишком увлечён спектаклем. Да разве вам мало этого письма?! Между прочим, мне он тоже... предложил сыграть...

— А вы жалуетесь, что ничего не читали!.. Все-таки — целая роль! — казалось, она потешается над ним. — В кого же вам предстоит перевоплотиться?

— В ремарке к роли он написал... — врач слегка нахмурился, но тотчас скроил беззаботную гримасу — в принципе, это пустяк. «А играющим дураков запретите говорить больше, чем для них написано...» Вот и все. Насколько я понял, изображать мне придется самого себя. Не могу пожаловаться на роль. Только... Ума не приложу, зачем нужна эта ремарка?

Пустая сцена, как больничная палата, откуда вынесли кровати, тумбочки, убрали с подоконников цветочные горшки, и лишь одна кровать осталась — в самом центре, под горящей лампой, так что видно все... А где же зал? Ах, да, он там, внизу, и, затаив дыханье, следит за действием весь партер. Галерки нет — в ней не было нужды. Для тех, кто движется по сцене, все одно — галерка ли, партер, не это важно, главное — есть зритель, который воплотит игру, ему предложенную, в явь. Заплачет, если драматург захочет, смеяться станет, коли выскочит на сцену шут... Пустынный зал, где лишь один актер, и сцена, полная народу... Все — игра. Костюмы, парики, носы... И — мнения. Пристрастия, умы, улыбки, жесты... Раздвинут занавес — глядите, сядьте ближе! Вот так... Теперь сам черт не разберет: где — зал, где — сцена. Круг замкнулся. Произносите монологи, вставляйте реплики, вступайте в общий хор. Для всех написан текст, любой себя сыграет — только не спешите... Куда ж спешить, когда все кончено? Он слишком стар уже и глуп, и чересчур устал в пути, чтоб впредь достойно продолжать свое существование — беглец, изгой, никчемный постоялец, он думал счастье обрести вдали от родины, от времени, где жил, надеясь в странствиях учить людей, как постигать законы высшей красоты, добра и справедливости. Увы! Тринадцать лет умчались безвозвратно, рассыпались, как глиняная ваза, на сотни тысяч черепков — уже не подобрать, не склеить... Кончено. Он обманулся в ожиданиях, ничьих надежд не оправдав. Да и надежды эти — кто пилот? Жена? Быть может, в ней теплилась вера, но слабый агонек не разгорелся — не угас, однако пламени не дал.

лишь тлел, все больше отдаляясь. Кого винить? Других? Смешно!.. С невиданным упорством они играли роль живущих и, конечно, ему поверить не могли. Для них он — умер, растворился в потоке времени, не смея называться, даже в шутку, человеком, который вот сейчас, сию минуту, способен гением своим всех поразить; и только дух его остался, в трагедиях бессмертье обретя, а человеческое ныне — сказка... Прекрасная, далекая легенда, где все туманно, странно, лишено конкретных черт... И он бежал — не потому, что опасался: вдруг его забудут. Нет! Он понимал: забыть его не смогут, не посмеют. Но те ужасные тринадцать лет... От них бежал! Чтоб не пропали даром, чтобы писать, писать, писать!.. Да, он работал, точно одержимый, себя не вправе упрекнуть. Но что случилось? Мертвого младенца он к жизни возвратил в иные времена, когда он сам — как человек, творец и гений — был неуместен, выглядел шутом. Да, каждой глупости — своя обитель, и каждому поступку — свой отведенный час... Час миновал давно... И новым поколениям он дорог именно как сын ушедших дней. Он к ним прикован, впаян в них, а в не их лишь нелепо притязает на то, что б ы л о, — там, где н е т... Его нет — и его эпохи. Бежать назад? Но те тринадцать лет... Едва они вернуться, — он вмиг утратит, что имел.. Перечеркнуть все сделанное ныне... Нет-нет, он слишком стар, чтобы принять удар судьбы, смириться с ним и страсть свою умерить. Надежда в нем не умерла... Быть может, люди все поймут и примут, и оценят, как подобает, поздние плоды его трудов, ума и мастерства. Надежда... Кнут победителя и цепь рабов. Какими силами тебя заставить для счастья общего сломать судьбу? Он стар, назад дороги — нет... Там, позади, молчание и муки. А здесь? Тринадцать лет... Там — здесь... Какая разница, по сути? Нет, не решить ему вопрос. Сил не хватает, остроты ума... Ничто, увы, не бесконечно. Не меют ноги, звон в ушах, и сердце бьется чуть заметно... Как душно! Тьма в глазах... Где я? Мне снится все или на самом деле я слышу эти голоса?! Кто там? Не может быть! Я вас не звал! Уйдите, призраки немые! А голоса? Я сам за вас произношу слова? Н е м о ж е т б ы т ь! Химеры близкой смерти... Прочь, уходите! Нет, не слышат... Идут сюда. О, боже мой! Отелло, Ричард, Яго, Макбет, Лир, Полоний — сколько их!.. А вот Офелия, Ромео и Джульетта, Катарина... Что, смеются? Над кем? Неужто надо мной? Но почему? Ведь вас я создал и вам дал бессмертие — всем, всем... Себя лишь обделил, Лишь

я в грядущее живым войти не смею. Останется молва да память: был такой, писал трагедии, комедий не чурался. Сам умер — в год такой-то, но мысль его по-прежнему жива... Нет, погодите! Ведь я умру сейчас... А как же прошлое? Год смерти — не известен? Жил человек — и вдруг пропал? Какая глупость! Быть того не может! Не пропадают люди — их теряют... Так, значит, сам себя я потерял? Вот это новость... Господи! Они опять в движении... И снова — ближе, ближе, ближе... Из тьмы веков... Все, как один... Безумцы, палачи, тираны, страдальцы, плуты и шуты... Где я? Спектакль или явь? Все это... Но тогда — где зрители? Не вижу зала! Не вижу лиц, которые следят, как движется трагедия к развязке. Или я сам смотрю, а мне дается представление? А может, так: и зал, и сцена соединились, не поймешь, где что?.. Тогда скорей — переодеться, чтоб стать иным, не быть причастным к этой драме, и снова — в путь. Как?.. Вновь бежать? Нет сил... Пускай кривляются тираны и пусть к шутам вся мудрость снизойдет. Уродов мир плодит — они же мир лелеют... Да будет так! Я не судья. Я лишь беглец, которому отказано, в ночлеге. Тринадцать лет!.. И все впустую. Смешно сказать: И здесь, и там... А ведь История... в борцы произведет!

Пустая сцена, как больничная палата, откуда вынесли кровати, тумбочки, убрали с подоконников цветочные горшки, и лишь одна кровать осталась — в самом центре — под горящей лампой, так что видно все...

Пустынный зал, где лишь один актер, и сцена, полная народу...

Спектакль, игра...

И тут вошел Кристофер Марло.

Он огляделся, щурясь одним глазом от яркого света, и не спеша направился к кровати, на которой, как на смертном одре, возлежал Шекспир.

У изголовья он остановился.

— Ну, что, Уильям, ты доволен своей судьбой, делами, славой?

— Оставь меня. Не видишь разве — умираю.

— Вот как? А сам сочинил текст моей роли, вручил мне и велел зубрить... Чтоб не единой сбивки не случилось.

Шекспир закрыл глаза и горько усмехнулся:

— Наверное, я сделал глупость, введя тебя в спектакль.

— Вот уж не знаю,— покачал головой Марло.— Ты, видно, не мог поступить иначе. Если, конечно, решил быть честным до конца.

— Но дальше что?

— Конец сочинил ты сам, Уильям. Я ведь только исполнитель. А зрители...

— Они — тоже актеры.

— Так было угодно вашей милости,— с насмешкой поклонился Марло.— Безумцы, занятые в роли восторженного зрителя... Который станет неистово аплодировать, когда закончится ваша последняя трагедия, мистер Шекспир. Но это нечестно: вы их подкупили!

— Ничуть. Они безумны только оттого, что слишком чутки. Слишком чутки... Они будут аплодировать моему таланту. Да! Или ты в него не веришь?

— Это трудный вопрос, Уильям. Ты писал пьесу о себе и пытался сыграть в ней главную роль... Ты плохой актер. Сочинял ты несравненно, но себя сыграл — хуже некуда. А уж ты-то должен знать, какая участь ждет спектакль, если главный герой в нем, откуда ни взгляни — пустое место!.. Полный провал. Освищут и пьесу, и исполнителя...

Лицо Шекспира внезапно сморщилось, словно от сильнейшей боли.

— Ну, почему, почему это говоришь ты, а не я? Это же мои слова!

— Ты их заранее отдал мне. И был прав. Ибо часто, когда твои слова произносит кто-то другой, они выглядят убедительней. Особенно, если эти слова обращены к тебе самому. Тогда ты не сможешь обвинить себя в бесчестии.

— Пусть так,— устало пробормотал Шекспир.— Пусть так... Зачем ты здесь?

— О, Уильям!— засмеялся Марло.— Ты — как младенец. Лепечешь, сам не зная что. Я пришел за тобой! Я ведь знал, что ты — здесь, в двадцатом, жалкий беглец, и явился следом. По-моему, имя Кристофер Марло еще кое-что значит для тебя. Так кому, дружище, как не мне... Вставай же! Нам пора.

— Нет, не могу. Я болен. Сил почти что не осталось.

— Глупости! В э т о й пьесе ты встанешь и пойдешь за мной. Да мне ли объяснять?! Сам все прекрасно понимаешь. Сейчас ты — простой актер и не смеешь своевольничать в середине спектакля. Иначе пьеса оборвется, и зрители тебя освищут. Но ты ведь ждешь аплодисментов...

— Все мы ждем их, Кристофер. Только, по глупости своей, обычно раньше времени... И тогда считаем себя неудачниками, изгоями, не подозревая, что нужно было — лишь немного подождать.

— Вот-вот, Уильям. Но теперь — пора. Пусть там, на родине, тебе окажется несладко. Но это — твой дом, твоё время. И мое — тоже. Только там мы сможем писать — задыхаясь, страдая, порою не веря, однако — из последних сил, и соперничать, как подобает благородным художникам.

— Ты все еще надеешься взять надо мною верх?

— А как же! Слово — наше оружие. Одна у него слабость — оно пригодно лишь в честном бою. Ты же творец, Уильям! И не мне объяснять, как добывать победу.

Шекспир с тяжелым вздохом медленно сел на кровати.

— В честном бою... На равных... Ах, Кристофер! Ты-то своё уже прожил... Я признался врачу, что твоя роль выйдет жалкой. Формально так оно и есть. Ты тянешь меня в болото, к новым несчастьям. Вернее, к старым, от которых я однажды убежал...

— Нет-нет, Уильям! Это вовсе не болото, Ты художник, черт возьми! Выходит, ты в ответе за свою эпоху. Это от тебя зависит, как потом люди станут думать о ней. Ты пишешь для себя, для своего времени? О, нет! Ты творишь для тех, кто родится после. Чтобы в далеком двадцатом, читая твои пьесы, они могли установить связь времен. Удел художника — дать людям концы нитей Истории, которые можно связать в тугую узел. Дать в руки. Только тогда люди оцуют себя людьми... Удел художника — напоминать всем, что они человеки. Для них для всех ты остаешься Шекспиром, сыном и утвердителем своей эпохи. Ты не смеешь ее предать. Ибо не исполнишь тогда перед потомками свой долг. Да, долг!

— Это же мои слова, Кристофер!

— Разумеется, твои! Я лишь вы зубрил их, как подобает прилежному актеру.

— Господи, я всех вас сочинил! И себя, и эту развязку... Все оживил... О, господи! Теперь я обязан сыграть до конца... Финал, к которому я шел все эти годы... Я был трусом, я искал пути полегче. Но ведь понимал!.. Ну, что ж, Кристофер, помоги мне встать.

Он спустил ноги с кровати, тяжело поднялся и с трудом проковылял к окну.

— Спешить не надо. Береги себя,— заметил Марло, поддерживая старика под локоть.— Ты еще нужен. Очень нужен... Всем нам. Понимаешь?

— Да-да,— рассеянно кивнул Шекспир и обернулся, будто бы высматривая, не забыл ли что.— Жене я написал,— чуть слышно прошептал он.— Она все поймет... Не то что я...Хотя... О, боже, дай силы мне и тем, к кому я был привязан! Ты видишь: я обмана не хотел. Но я был слеп и истины не замечал. Теперь пришла расплата. Пусть! Зато меня в бесчестии не обвинят, Шекспир уходит жить!

— Гляди, Уильям, какая ночь глухая...Нам это на руку — ни одного огня. Весь Стрэтфорд спит. Никто нас не заметит.

— Хоть в этом повезло...Ну, ладно. Помоги-ка мне, Кристофер, перелезть... Вот так. Пошли!

И они оба исчезли в черном проеме окна.

Только гулко-равнодушно стучали на ветру распахнутые настежь ставни...

Сцена опустела.

Зал молчал, еще не понимая, что произошло.

И тут приглушенный вопль прорезал тишину.

Нелепо размахивая руками, врач сорвался со стула, растолкав сидящих впереди, бросился к импровизированной сцене, взлетел на нее одним прыжком и, полный самых немислимых предчувствий, подбежал к окну.

Никого.

Лишь на короткое мгновение в лицо пахнуло сыростью и прохладой, да мелькнули в туманной дали остroверхие крыши старинных домов.

Будто наваждение...И все.

Сверкнула молния, ударил гром, и хлынул ливень, поглотив совсем и эту призрачную картину.

Еще долго врач стоял, не шевелясь, и бессмысленно глядел в окно, где бушевала непогода — грубый красочный рисунок на растянутом холсте, простая декорация...

Она пришла на следующий день. Поздоровавшись, протянула обещанный листок. Ни о чем не спрашивала, не суетилась — глядела безучастно и сосредоточенно перед собой и лишь терпеливо ожидала, когда врач кончит читать,

«Прости, любимая, но, кажется, пора все объяснить. Самое простое — окружить меня презрением, негодовать. Самое имя заклеить проклятьем. Я, наверное, достоин этого... Однако же попробуй и понять! Я был кругом в долгах. Меня судили и обрели на долговую яму — на бесконечные тринадцать лет тюрьмы... И я повел себя, как жалкий трус. Лгал всем и, главным образом, — себе. Я испугался, понял, что писать мне не придется, — а столько замыслов теснилось в голове!.. И я бежал... Лишь бы подальше, чтоб не достали, не нашли... Поверь, бежать несложно. Во сто крат трудней остаться, стараясь уберечь все человеческое в собственной душе. Ничтожество, я без борьбы надеялся создать достойное Шекспира! Теперь мне ясно все... Я потерял себя, а стало быть, и вашу веру. Я искуплю свою вину. Пора вернуться. К мукам, к горю, но это же — м о я судьба! Шекспир не покидал своей эпохи! Он был честен. Так считают люди. Что ж, я не смог их обмануть. Не надо плакать, обижаться — видит бог, я был с тобою счастлив. Но — мне пора... Благослови на дальнюю дорогу... Прощай, хорошая. Твой Билли».

Врач сложил письмо и долго вертел его в руках, прежде чем заговорить.

— Ваш муж исчез, — сказал он наконец. — Вчера, в конце спектакля. Мы, конечно, объявили розыск... Но — все равно... Это похоже на чудо!

— Ну, что вы, доктор, — женщина горько усмехнулась. — Ничего сверхъестественного нет. Просто надо было вовремя — поверить. В него поверить...

«...лишь бы отправиться в путь...»

ЛАБИРИНТ

«Дорогу осилит идущий».

Истина

1. а, б.

Сегодня уже третий день, как мы блуждаем по этому проклятому лабиринту. Прошли за день километров пять. Могли и больше, если бы не ноги Бориса. Он их страшно натер и все жаловался, что не может идти. Я советовал снять обувь. Сегодня он, наконец, согласился. Сначала было легче. Потом он стал натекаться на какие-то выступы, острые углы... Босыми ногами... И где он эти выступы находил?

Сейчас сидим, отдыхаем, а он все охает, ахает, причитает, закатывает глаза.

Оставить бы его здесь, найти выход и вернуться с вертолетом. Так ведь нельзя. Во-первых, пропадет, сверзится куда-нибудь, ногу сломает. Во-вторых, с голоду помрет. Неприспособленный...

Борис отвлекается от своих ног и со странной какой-то интонацией произносит:

— Юра, давай договоримся, если кто-то... ну... в общем, умрет, то тащить и хоронить не будем. Потом вернемся и заберем...

— Давай,— говорю, а сам думаю: «Это что еще за новости». — Чего это ты вдруг?

— Предчувствия какие-то нехорошие...

— Ты мне эти предчувствия брось! Нашелся прорицатель. Отдыхай лучше... Пойдем скоро.

Нам во что бы то ни стало надо скорее выбраться из этого проклятого дурацкого лабиринта. Слишком многое от этого зависит. И Борис прекрасно это понимает. Но вот не может...

Самым перспективным мне кажется направление вдоль вот этой малозаметной светлой полосочки на полу. По ней и пойдем. Ничего не поделаешь,

— Вставай, Борис, пойдем,

1. б, а.

Ох, и надоел он мне за эти три дня, этот Юра! «Идем быстрее, идем быстрее». Автомат, а не человек. Совершенно никакого сочувствия к людям. Может, я не могу так? И ладно, шел бы по-человечески. Я ему сразу сказал: для того, чтобы выйти из лабиринта, надо вести рукой по одной стене, не отпуская. Ему не понравилось. Не тот, видите ли, метод. Он, видите ли, найдет дорогу, по нюху...

Ну и ищет теперь. Ботинки с меня стащил. Походишь босиком по этой почве! Вечно ему все не так.

Но я всегда знал, что трезвый ум и спокойная наблюдательность принесут свои плоды. Я давно ждал от этого лабиринта каких-то подвохов, не такой он какой-то. А сегодня во время привала (ему дай волю, так он и привалов делать не будет), наконец, заметил. Если лежа закатить глаза и задержать дыхание, как я это умею, то появляется чувство, ощущение такое, что вот он, выход, рядом, протяни только руку. А задышишь снова — исчезает. Но я-то знаю... Надо только остаться одному... И притвориться получше мертвым. Выход сам собой рядом появится. Мертвых лабиринт не терпит. Уж что-то, а притворяться я умею. Часто приходилось, и всегда неплохо получалось. Хм! Афоризм! Для того, чтобы выжить, надо уметь стать мертвым.

Ладно. Завтра попробуем. Только надо от Юры отвязаться. А то он меня замучает. Только как отвязаться? Ага! Тем же методом. Только бы волоочь не вздумал, он может.

— Юра, давай договоримся, если кто-то умрет, то тащить и хоронить не будем. Потом вернемся, заберем.

— Давай.

Легко что-то согласился. Ну, ладно, полдела сделано. Теперь вся надежда на завтра...

Ох, опять идти. Ну, пошли, посмотрим, что ты потом запоешь.

— Да иду уже, иду.

2. а, б.

Будь трижды проклят этот лабиринт! Особенно сегодняшним проклятым днем! Сплошная пытка. Сначала Борис кое-как еще шел, Потом начал цепляться за стены

Потом оперся на меня. Вдвоем стало идти легче, но мешало снаряжение. Сначала я отстегнул от пояса бластер — в кого тут стрелять? Бросил прямо на проходе. Потом дошла очередь до наших поясов и курток. В последнюю очередь я расстался с рацией. Аккуратно положил ее под стеночкой. Все-таки была последней надеждой.

Разгрузились полностью. Но легче не стало. Пару раз Борис падал. Поднимал его, и плелись дальше. Он все бормотал в том смысле, чтобы бросить его, что выхода все равно нет, что ему все равно, где умирать.

Как же нет выхода?

Под ногами светлая полоска. Я уверен, что она к выходу и ведет. Неужели он ее не замечает?

И вот наступило это ужасное. На одном из поворотов Борис резко дернулся, ударился виском об угол. Видимо, ему много и не надо было. Упал. Глаза закатились, не шевелится. Сипеть начал. Я, наверное, очень испугался, потому что следующие моменты как-то не помню.

Теперь вот сижу, осмысливаю. Один я, конечно, выйду быстрее. Но не стало Бориса. Как теперь?

Странно — сколько идем, а лабиринт рассмотрел только сейчас. Шершавые влажные стены. Уходят бесконечно вверх. Сквознячок небольшой. И какая-то надежда светится в дальнем коридоре. Даже не надежда, а намек. Но от этого и стены светлее, и дышится легче. Именно благодаря этому намеку я иду, и живу до сих пор. Что будет со мной, если этого не станет? Умру так же нелепо? Буду метаться в поисках выхода, разбивая в темноте лицо? Нет. Разгляжу, найду в дымной мгле беспросветности слабый отблеск, намек на намек, пусть даже воображаемый, и пойду, побегу к нему! Раздую его своим стремлением, и вот тогда это будет настоящая надежда. А с надеждой можно жить!

Впрочем, пока огонек горит. И белая полоса на полу ведет к нему. Что ж, пошли,

2. б, а.

Все-таки я его доконал. Мне и в самом деле нелегко идти было, так что доигрывать приходилось немного. Сначала он бросил весь этот бесполезный хлам, который тащил, а потом я искусно имитировал смерть. Знал, что он сразу не поверит, готовился долго притворяться, и оказался прав, и, конечно, выдержал.

Теперь посмотрим, кто первый отсюда выберется. Я тебя, голубок, еще на выходе подожду. Сидит, очухивается. Еще бы. Только сколько можно сидеть. Я уже устал так лежать. Хоть бы не мешал. Вот она, синева выхода. Совсем рядом. Она все приближается, когда я забываюсь, и, вздрогнув, удаляется, когда он шевелится.

В какой все-таки мрачный лабиринт мы попали. Голые стены так и нависают из своей высоты. Мрачно давит ощущение безысходности. Ни проблеска, ни лучика. Но я-то знаю, что надо делать в таких случаях. Надо успокоиться, отрешиться, отойти от мира. Залечь на дно. Тогда безысходность уходит, растворяется в тебе, переполняет все и льется через край. А когда исчезает безысходность, появляется выход. Голубое окно выхода. Надо только дождаться его, отлежаться. И он обязательно появится.

Лишь бы не мешали. Сколько же все-таки можно сидеть? Ага, все. Уходит. Ну, слава богу. Теперь отдохнем и приступим.

3. а.

Я же чувствовал, что выход должен быть где-то рядом. На поворотах я уже почти различаю его. В лицо тянет уже не сквознячок, а свежий ветер. И откуда только взялись силы! Мне, кажется, уже не нужны ни отдых, ни пища. Иду и иду вперед. Постепенно перехожу на бег. И вот я уже бегу, несусь вперед. По сторонам мелькают какие-то лица, маски. Слышатся неясные звуки, отголоски звуков. Потом, потом! Не до этого сейчас. Главное — добраться до выхода, до цели. После можно вернуться, осмотреться. Все потом!

Я уже несусь гигантскими скачками. Что со мной? Будто выросли крылья. Пробую взмахнуть. Так и есть! Крылья! Огромные, белые. Я теперь могу летать. Взлетаю. Выше, выше. Вот теперь замечательно. Только вперед! Крылья — это именно то, чего мне не хватало всю жизнь! Лететь! Быстрее...

3. б.

Нет, почему-то не выходит. То ли потому, что устал очень, то ли потому, что место не то выбрал — прямо возле угла. Да, скорее всего, место неудачное. Надо перебраться на ровный отрезок и там попытаться снова.

Что такое? Я уже не могу подняться на ноги — покалывает, будто отсидел. Ничего, поползем на четвереньках, тут недалеко. Тяжело-то как. Сколько же сил потерял! Ползу-ползу, пот застилает глаза, а доползти никак не могу. Вот уже и колени болят. Ничего, поползем на животе. А ухабов, бугров-то сколько. Не могли выровнять. Уф, слава богу, кажется, дополз. Теперь надо сосредоточиться и отрешиться. Главное — помнить: мертвых лабиринт не терпит. Надо только подосторожнее, понаатуральнее притвориться мертвым — и он выкинет тебя. Поестественнее притвориться...

Закатываем глаза. Ни о чем не думаем. Останавливаем дыхание. Руки и ноги холодеют. Хорошо бы и сердце остановить. Погружаемся глубже, глубже. Вот же ты, выход, рядом.

4.

Вылетев из лабиринта, Юра поначалу даже не заметил перехода. Но когда, поднимаясь вверх, увидел багровый закат солнца, то понял все, закричал от радости. Расправив свои могучие крылья, новые свои крылья, он стал величественно кружить в небе.

А позади нависала мрачная громада лабиринта. Пролетая над ним, Юра заметил, что выходов из него много. Подумалось: «И лишь один правильный». У одного из выходов что-то блеснуло. Юра подлетел поближе и обмер, чуть не упав.

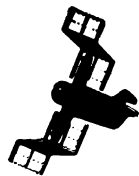
Борис. Тело Бориса было мертво более, чем когда-либо. Он слишком естественно притворился мертвым. Он уже и был им. Лабиринт не терпел таких.

Долго сидел возле него Юра. Напряженно размышлял: «Цель оправдывает средства? Это неверно; известно давно... А вот оправдывает ли средство цель? Не знаю. Видимо, не всегда».

Потом он взлетел. Отнес тело Бориса на обрывистое плато в скалах. Прилетел обратно и, сдирая пальцы в кровь, ломая крылья и надрываясь, завалил камнями тот выход, у которого нашел Бориса. Полежал, перевел дух и завалил огромными глыбами свой.

Краешек заходящего Солнца освещал выходы из лабиринта.

И лишь один правильный,

сборник
7P
УМБЫ
АНТАСТИКИ

А релестъ еобычайного

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ (Москва)

ВЕКА ТРОЯНОВЫ

ЛЕТОПИСНАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

После того, как ледовый панцирь, покрывавший огромные пространства Европы, отступил на север и растаял примерно десять тысячелетий тому назад, началось движение групп охотников, а затем и земледельцев. Все последующие тысячелетние перемещения многочисленных племен и народностей, следуя друг за другом или одновременно, обуславливая друг друга, общим началом своим обязаны изменению до неузнаваемости климата Европы.

Общее усредненное движение этих племен должно было быть направлено на север — на освободившиеся некогда ото льда и излишней влаги территории. Но запад — из-за проявившегося тогда же влияния Гольфстрима — мог обгонять восток по темпам улучшения климата и условий, и общая тенденция переселения пересекалась и перечеркивалась, конечно, не раз и не два обратными попятными движениями.

Первопричина, вызвавшая это движение, исчезла, климат перестал улучшаться, и тогда в действие пришли иные механизмы.

Но общее направление переселения еще долго сказывалось — не так-то просто протекал противоречивый процесс заселения новых территорий. Демографический пресс вытеснял на север многие племена, и они оказывались в новых условиях, часто худших по сравнению с прежними. Проявлялось это через межплеменные и — позднее — межгосударственные отношения.

Рассказывая о мифическом потопе, о сыновьях Ноя, о разделе земли между ними, русский летописец сообщает, что славяне пришли на Дунай и после этого расселились «по земле»:

«Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели». (Перевод Д. С. Лихачева.)

Упоминает летопись и об Иллирии, где славян якобы учил апостол Павел (Иллирия — область близ Фракии).

К Дунайской южной прародине возводят историю русов московские историки эпохи Ивана Грозного (в связи с отношениями с Византией). В созданной ими «Степенной книге» говорится о войне, которую вел против русов римский император Феодосий Великий (379—395 г. н. э.).

Какие источники древности попали в руки историков? Можно лишь гадать об этом. Вот это место «Степенной книги»:

«Еще же древле и царь Феодосий Великий имяше брань с русскими вои; его же укрепи молитвою великий старец египтянин именем Иван Пустышник».

Вполне возможно, что источник этот — византийский. Тон сообщения явно сочувственный по отношению к императору Феодосию, признанному другу готам. Готы же совершили нашествие в то давнее время на территорию будущей Киевской Руси и Подунавья. Вполне понятно, готский вопрос не может после этого не заинтересовать слависта. В «Степенной книге» указано самое раннее время действия русов, когда-либо зафиксированное письменными источниками. Именно здесь они прямо названы своим именем.

Воевать с Византией они могли где-то на Дунае.

Мы должны быть благодарны авторам записей, составленных при Иване Грозном, за неоценимое свидетельство. Они дают ключ к пониманию событий времен готского нашествия, о котором речь ниже. Но не только. Следуя ему, нужно попытаться понять, какие же причины побудили русов воевать с Византией в столь отдаленное время. Ведь Киевская Русь возникла позднее, и ее первоначальная территория была небольшой — полоса земли в Поднепровье. Продолжая историю этой Руси в прошлое, с IX века и вплоть до IV века н. э., трудно не только понять причины войны с Византией, но и поверить, что предшественница Киевской Руси могла воевать со столь могущественным государством. Значит, история начинается не с Киева?

Это первый вопрос, на который предстоит дать ответ. Отметим сразу, что если это так, то у киевских князей были серьезные основания сократить историю и, таким образом, отдать первенство Киеву. Что такие мотивы могли быть — в этом сомнения нет, хорошо известна, к примеру, борьба за первенство между Киевом и Новгородом, отразившаяся в древнейших наших летописях, как в зеркале.

Не было ли у Киева и Новгорода предыстории? Не связана ли эта предыстория именно с Византией, врагом русов того давнего времени? И не могла ли именно Византия претендовать на древности русов — ведь тогда традиция замалчивания этих древностей византийскими выучениками диктовалась бы политической необходимостью? Во всяком случае, Византия — крестная мать Руси. С этого почти буквально начинается писаная история. Однако ситуация менялась, и могло возникнуть желание частично вернуть утраченную дохристианскую историю. Не проникли ли в летопись сведения, продиктованные этим желанием?

Собственно, ответ на этот второй вопрос может быть коротким. Да, проникли. Но только в той степени, в какой они согласовались с христианской же доктриной, утвердившейся на Руси. Иного быть, конечно, не могло. Не могло быть никаких воспоминаний о языческих именах князей, обрядах, традициях и т. д. Если такие сведения и есть в «Повести временных лет», то приводятся они с одной целью — показать примеры дохристианского варварства.

И все же мы должны быть признательны этой письменной традиции, запечатлевшей историю Киева и Новгорода и, вместе с тем, оставившей место для драгоценных, поистине золотых строк о Дунайском периоде истории славян, об Иллирии, о приходе славян на Дунай из других земель, на которых они обосновались после мифического потопа.

Указания летописцев и историков-авторов «Степенной книги» не могли не привлекать внимания. Затруднительно даже перечислить здесь те работы, в которых дается оценка этим указаниям. Но толкуются они порой так свободно, что летописцу приписывается желание отметить таким образом движение славян на Дунай с севера, то есть в прямо противоположном направлении. В этом же ключе разбирается вопрос о двойных именах некоторых племен, например, друговитов на Дунае и дряговичей на Припяти.

Историки порой не смущает явно дунайское происхождение многих находок на берегах Днепра. Это прежде всего многочисленные фибулы — застежки для плащей (этот вид одежды для восточных славян не был свойствен). Особенно это касается так называемых пальчатых фибул (отдаленно напоминающих своей формой раскрытую ладонь). Затем можно было бы обратить внимание на поясные наборы того же происхождения, украшения, серебряные вещи. Объяснить появление всего этого только

торговыми связями не представляется возможным. И в то же время находок пока недостаточно, чтобы окончательно утвердиться в их дунайских истоках, и, соответственно, в дунайской прародине славян.

В этом положении было бы неплохо получить другие данные, которые помогли бы решить вопрос. И они могут быть получены, если обратиться к югу от Дуная. Ведь в летописи сказано, что и Дунай не был родиной славянских племен, что и на Дунай они пришли спустя много времени после того, как выделились из окружающего этноса.

Но где же в таком случае нужно искать прародину славян?

Да и поможет ли такой подход справиться хотя бы с дунайской дилеммой? Казалось бы, одна неясность при этом дополняется другой — и выигрыша от этого нет и не предвидится. Но это не так. Из последующего читатель (и, надеюсь, историк) увидит, как помогает такой подход наладить связь времен. Эта связь была разорвана не намеренно, а из благих побуждений дать славянам «вечную» или почти вечную родину в лесах и болотах Припяти, верхнего и среднего Поднепровья, предгорий (обязательно северных и восточных!) Карпат.

Но попробуем все же поверить «Повести временных лет», довериться не только Нестору-летописцу, но и, возможно, его соавторам, писавшим, надо полагать, с чувством ответственности и исполненного долга.

ДОРОГА ЮГ — СЕВЕР

Во II—IV веках н. э. в Поднепровье произошли удивительные перемены. Сложилась, по существу, новая система хозяйства, резко возросла плотность населения. Археологи находят свидетельства этих перемен на территории всей так называемой Черняховской культуры (названной по имени села Черняхов, где найден первый памятник).

Область Черняховской культуры на севере доходит до Припяти, на востоке — до Северного Донца, на юге — до Дуная, на западе — до хребтов Южных Карпат в центральной части современной Румынии. Памятники этой культуры находят в непосредственной близости от античных городов Северного Причерноморья. Эта огромная территория во II веке н. э. оказалась вдруг вовлеченной в стремительный процесс развития. Все менялось бук-

важно на глазах. Этот скачок по своей значимости и достижениям равен предыдущему тысячелетию, если не более того. За сто лет появились ямы-зернохранилища, ротационные жернова и мукомольни, гончарные мастерские и горны. Заметно совершеннее стала выплавка металлов.

В двадцатых годах эту культуру называли культурой римских влияний. Ведь зарождение ее совпадает по времени с захватом римлянами обширных областей к северу от Дуная, где была образована провинция Дакия. Некоторые историки делают упор на римское влияние на основе многочисленных находок: римских монет, стеклянных кубков, даже золотых медальонов римского императора Траяна (53 — 117 г. н. э.), завоевавшего Дакию (однако медальоны найдены на славянской территории, на Волини).

И такое влияние отрицать трудно. Римские завоевания не прошли бесследно. Но трудно заподозрить римскую администрацию в стремлении оказать позитивное влияние. Торговля же была затруднена тем, что провинцию Дакию от славянских территорий отделяли Карпаты.

Карпаты были неудобной зоной торговли, и торговые пути даже при наличии развитого товарного хозяйства у славян должны были бы проходить по горным перевалам, мрачным долинам, по крутым откосам и берегам быстрых шумных рек, ввиду древневулканических образований и ландшафтов, по тропам, которые сильно увлажняются летом и покрыты льдом и снегом большую часть года. Вряд ли развитая торговля могла осуществляться через Карпатский узел. Но почему же тогда на Волини находят медальоны римских императоров, золотые монеты римской чеканки, клады с вещами римского происхождения?

Влияние Рима налицо. Но каков конкретно механизм этого влияния?

Ответить на этот вопрос можно, сопоставив последовательность главнейших событий на Волини. Первое событие: появление здесь дорогой серебряной и стеклянной утвари и огромного количества римских монет. Второе событие: начало интенсивного развития региона, то есть, по существу, формирование Черняховской культуры. Первое событие отмечено уже в первом веке. Второе событие относится в своей развитой форме к веку второму. Появление римских монет предшествует формированию товарного сельского хозяйства во всем интересующем нас регионе Черняховской культуры. То, что могли дать местные

поселенцы на рубеже эр, не может оправдать и объяснить россыпей монет римской чеканки, которые здесь обнаружены вплоть до Днепра и далее. Значит, торговли почти не было. Монеты же находят объяснение как факт массового переселения на эти земли фракийцев с территорий, подвластных Риму, то есть из ближайших провинций: Дакии, Фракии, Мезии.

Таким образом, сначала — переселение, затем — развитое хозяйство (событие второе, несколько запаздывающее по времени). Это доказывает, по-видимому, факт переселения и, одновременно, раскрывает механизм влияния римских провинций на регион Черняховской культуры. В составе более поздних кладов монет обнаружена более ранняя чеканка. Это означает передачу римских динариев по наследству. Императорские медальоны — достояние местной знати. Это не военные трофеи,

Это еще одно свидетельство переселения.

Кому как не legionерам первых веков знать о набегах и нашествиях, волны которых захватывали огромные пространства? Кому как не им живо представлять себе запустение придунайских степей? Но кто они, эти legionеры, защищавшие северные и восточные пределы Рима на Дунайской границе?

Это те же фракийцы. И прежде всего одрисы, самые многочисленные из них и самой своей историей как бы подготовленные к службе в имперских когортах. Они-то, конечно, хорошо знали положение на своей родине, которое сложилось в результате хозяйничания римской администрации. А грозные волны нашествий докатились вскоре и до Фракии. Двойной пресс вытеснял население на север — в лесостепи Поднепровья. Степь оставалась относительно слабо заселенной — здесь больше опасностей.

Legionеры-фракийцы знали географию приграничных районов. Возвращаясь в свои полуразоренные деревни и селения, они и должны были возглавить группы переселенцев или, по крайней мере, принимать в этом активное участие.

Степь была особой зоной, где сменяли друг друга орды кочевников и полукочевников в период великого переселения народов. Она реже заселялась земледельцами. Она была как бы своеобразным зеркалом, проектировавшим южные районы сразу в зону лесостепи. Альтернатива: благодатные долины Фракии или север. Ответ давала обстановка, жизнь. Судя по находкам в Черняховских кладах, бывшие legionеры-одрисы знали эту обстановку,

Так была заселена вся Волынь (Голунь), затем Поднепровье. Эти легионеры, занимавшие и командные должности (фракийцам, особенно одрисам, их доверяли), и принесли с собой императорские реликвии, или же они достались по наследству их потомкам. Но есть ли письменные доказательства факта переселения? Да, есть. Обратимся к документам.

Вот отрывок из прошения* жителей фракийского селения Скаптопары римскому императору Гордиану III:

«Мы живем и владеем землей в вышеназванном районе, легкоуязвимом вследствие того, что здесь имеются горячие воды и он лежит посередине между двумя находящимися в твоей Фракии лагерями... Когда в двух милях от нашего селения совершаются празднества, прибывающие туда ради празднества не остаются пятнадцать дней на месте празднования, но, оставляя его, прибывают к нам и принуждают нас предоставлять им гостеприимство и доставлять многое другое для обслуживания их без денег. К тому же, и воины, посылаемые в другое место, сворачивая с дороги, прибывают к нам и тоже принуждают нас предоставлять им гостеприимство и провиант, не давая никакой платы. Прибывают также для пользования водами правители провинции, а также твои прокураторы. И вот властей мы очень часто принимаем по необходимости, не имея же силы вынести прочих, мы многократно обращались к правителям Фракии, которые, согласно божественным предписаниям, приказали не чинить нам обид, ибо мы заявили, что не можем более оставаться здесь, но намерены покинуть даже отчие очаги из-за насилий проходящих к нам людей, ведь от прежнего большого числа домов и домохозяев осталась уже небольшая часть. И на некоторое время распоряжения правителей возымели силу, никто не отягощал нас ни под предлогом гостеприимства, ни по части доставки бесплатного провианта, но по прошествии некоторого времени очень многие опять принялись за нас, презирая наши интересы. И вот, так как мы более не можем сносить тяготы и может случиться, что мы, как и остальные, будем принуждены оставить прародительские очаги, то просим тебя, августейший и непобедимый, чтобы ты своим божественным рескриптом приказал каждому идти своей дорогой...»

Далее в письме излагается просьба освободить селение от бесплатного предоставления провианта, помещений

* Из надписи IGRR, I, 674.

и услуг всем, кроме лиц, посылаемых по делам службы. Просьба обычна и понятна, хотя ей уже около двух тысяч лет; но нас интересует прежде всего указание на то, что многие жители уже покинули родные очаги. Надо полагать, что уходили они за пределы досягаемости римских властей, иными словами покидали Фракию и территории иных римских провинций, оказываясь на новых местах поселения — за Дунаем, за Карпатскими горами, в общем направлении к северо-востоку от Фракии. Это восточный регион Черняховской культуры, Поднепровье и Поднестровье, Волынь (Голунь).

Конечно, этот документ отражает общее состояние отношений местных властей с фракийцами во многих и многих селениях, жители которых постепенно должны были разувериться в указаниях фракийских областных правителей, да и римских императоров тоже.

Дело не в горячих источниках.

Грабеж сельского населения — дело обычное. И если в селении нет горячих источников, а есть одни холодные, то и тут изобретательные власти и легионеры, надо полагать, не растеряются. Знаменитое фракийское вино, керамика, домашний скот... Все это можно взять бесплатно. Если нет соответствующих постановлений, то их можно тут же издать и провозгласить на главной улице. Всегда найдется, что взять у крестьянина, пока он жив или пока он не ушел «от прародительского очага».

Характерно обращение к правителям Фракии и ссылка на него в письме к императору. Важно указание на требование легионеров и других должностных лиц кормить их и размещать в домах бесплатно, без денег. Из этого можно сделать вывод, что нормы, действовавшие во Фракии, предусматривали оплату за услуги и провиант. Ведь помимо прочего крестьяне платили еще и подати и выполняли распоряжения властей, о чем говорится в письме. Значит, деньги должны были все же поступать к крестьянам в том или ином количестве. Вот откуда римские монеты, во множестве обнаруживаемые в кладах на Волыни и в Поднепровье! Эти клады относятся к I—IV векам н. э. Уходя из Фракии, Дакии и других областей, крестьяне брали деньги с собой, брали они и инвентарь, необходимый для ведения хозяйства. Конечно, правомерно и предположение о ведении ими торговли с империей.

Но время кладов примерно соответствует времени нашествий готов. Значит, жители покидали римские провинции целыми племенами, целыми селениями и округами.

Готское нашествие застало их в движении, они лишь осваивали новые земли, у них, вероятно, было мало оружия. Черняховские захоронения бедны мечами, щитами, клинками, копьями. Хотя, быть может, оружие, как самое ценное достояние, не предавалось земле, а передавалось по наследству. Оно было нужно в то суровое время — для отражения набегов и грабительских походов.

Приходится встречать порой историков, которые с изумлением выслушивают сообщение о том, что донские казаки — это потомки рязанцев. Когда-то население рязанских деревень бежало на Дон — об этом свидетельствуют этнография и раскопки. Легко представить себе, как трудно донести до таких специалистов идею, связанную с распространением той или иной культуры. Впрочем, пока речь идет о переселении вандалов из Европы в Африку и об основании ими там королевства или о походе готов в Италию и Испанию, можно рассчитывать на понимание. Готы и вандалы в некотором роде легенда. Но славяне и балты...

В первом веке н. э. и позднее на долю именно фракийцев выпала защита Рима. Легионеры, бессы и одрисы, кораллы и крибесы, лаии и мезы, светловолосые, страшные, защищали сам Рим и его владения на протяжении тысячи километров. Когорты отважных фракийцев вели братоубийственную войну с варварами, сами являясь варварами в глазах римлян и византийцев. И когда Рим пал, когда по Европе прокатилась гроза гуннского и тюркского нашествий, именно фракийцы держали на замке границы Византии — последнего оплота империи. Мир и Европа стали иными, и лишь Византия пережила этот период великих переселений народов и неслыханных нашествий. Гунны вторглись в Центральную Европу, авары и их союзники вошли в пределы самой Фракии. Волна переселений юг — север вовлекала фракийские племена, захватывая в том числе и славян. Нет нужды доказывать, что славяне на своей прародине, во Фракии и в Иллирии, говорили по-славянски. Однако во время грандиозного передвижения на север, взаимодействуя с другими племенами, они неизбежно утрачивали некоторые слова древнего языка и приобретали взамен другие.

ИМЕНА ПРЕДКОВ

Фракийский язык (или, точнее, фракийские наречия) реконструировать трудно. До наших дней дошли лишь немногие надписи. Все же исследователи (Д. Дечев, В. Георгиев и др.) смогли установить некоторые закономерности, присущие фракийскому языку. В книге «Характеристика фракийского языка» (София, 1952) Д. Дечев отметил и сходство этрусского и фракийского. В последующем речь будет часто идти о передаче доевропейских согласных и гласных во фракийском языке, о взаимных соответствиях — почти всегда в согласии с работами Д. Дечева и В. Георгиева. (Главная особенность — во фракийском звонкие согласные нередко становятся глухими; это случается и в русском.)

Отсутствие сколько-нибудь значительных текстов, дошедших из древности, заставляет обратиться к другим источникам.

Это, прежде всего, личные имена фракийцев — легионеров или крестьян, иногда рабов. Они остались на надгробиях. Латиница донесла до нас эти имена, греческие надписи также.

Мне посчастливилось изучить около десяти тысяч дохристианских славянских имен в связи с фракийской проблемой*.

Фракийское имя *Yiscar* созвучно русскому слову «искра». Это имя интересно тем, что оно помогает ответить на вопрос, кому обязан своим основанием один из древнейших городов — Искоростень. В названии этого города древляны искали и находили скандинавские слова, например, слово «утес». Вряд ли это может иметь отношение к делу. Искар — вот наиболее вероятное имя его основателя.

Асдула. Русская транскрипция точно передает написание этого имени одрисов. Первая часть «ас» является составной частью и других фракийских имен. Такие сложные имена — не редкость для этого региона. Но дру-

* Источники имен: «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, Спб., 1903; «Словарь собственных имен людей» под ред. С. Ф. Левченко, Издательство АН УССР, Киев, 1961; летописи, берестяные грамоты. Фракийские имена названы в исследовании Fol Al. «Les Thraces dans l'Empire Romain d'Occident», а также в ежегодниках Софийского университета, 1964—1969 гг.

гая часть, «дула», как это бывало, выступает и в качестве самостоятельного имени. И оно осталось у славян. Дула — так могли наречь ребенка в Киевской Руси. Дулио, Дуло — так нарекали своих детей фракийцы.

Староукраинское имя Елафрас напоминает о древнем фракийском имени Ептетрас. Драгутин — тоже староукраинское имя. Его основная часть, «драг», встречается во многих славянских областях и в качестве первого и в качестве второго компонента. Одновременно это и составная часть фракийских имен — в форме «драсдраш».

Одно из значений слова «битюг», «битюк» — здоровяк, силач. Раскрыв этимологический словарь русского языка М. Фасмера, найдем, что слово это якобы заимствовано из староузбекского и там оно звучит как «битю» и означает «верблюд». Здесь авторитет Фасмера должен отступить: незачем привлекать староузбекский, если у одрисов есть имя Битус. Оно писалось и так: Битиус, что, конечно же, обусловлено отсутствием буквы «ю» в латинском письме. Битиус это Битюс. Окончание «с» переходит в «к». Совпадение точное. На ста десяти надгробиях обнаружено это самое распространенное фракийское имя. Одна из форм — Витус. Это сродни балтийским языкам. Причина тому — общность судеб балтов и славян во времена римских цезарей.

Мукала. Созвучия знакомы. Имя затем несколько видоизменилось, впрочем, в рамках, дозволенных лингвистикой. Микула. Так писалось позднее, через тысячу с лишним лет. Это известный герой русских былин. У него есть отчество: Селянинович. Значит, имя его отца — Селянин. У фракийцев находим имя Местус. У болгар есть слово «място», у чехов и украинцев — «место», в старославянском — «место». Значение хорошо известно: площадь, селение, место. Оказывается, фракиец Местус — тезка славянского Селянина. Интересно сохранение смысла имени, его происхождения. У этрусков было имя Спуриня от слова «спур—сбор», что означало город. Та же природа имени!

Фракийское «е» порой звучало как «и». И поэтому нужно переосмыслить значение древнего русского имени Мстислав. Оно встречается в Киевской летописи в форме Мистислав, и первая часть его произошла от фракийского слова «место—место». Это подтверждается именем Мистиша, Мьстиша — уменьшительным от Мистислава в Киевской летописи.

Раз уж мы коснулись Киевской летописи, внимательно отнесемся к именам, в ней записанным. Жирослав. Это киевское имя первой своей частью обязано фракийскому «жера—жира». Жирох, Жирята — имена из новгородских берестяных грамот. Но откуда все-таки это так часто повторяемое в славянских именах «слав»? Ростислав Вячеслав, Ярослав, Веслав. Где искать истоки этого многократного повтора? Фракийские имена близки к иллирийским. По летописным данным «Повести временных лет», славяне вышли из Иллирии (надо полагать, не все славяне, а только часть их). И вот в списке иллирийских имен находим: Весцлев. Ввиду важности приведем и латинскую транскрипцию: Vescleves. Это и есть имя Веслав и, с позднейшими поправками, Вячеслав. Вот откуда — из Иллирии — вышло семейство славянских «славов!» (Что ж, Иллирия соседствовала с Македонией, а Македония — эллинизированная позднее часть Фракии.)

Упоминается в Киевской летописи Дюрдев внук. Имя Дюрд хорошо знакомо фракийцам. От него пошли и другие имена — с участием суффиксов, обычных для фракийского языка. Одно из таких сложных имен — Диурданус, Дюрданус, Дюрдано.

Русское имя Дюрги из Киевской летописи встречается у фракийцев в форме Дурже, Дюрже и Дюрис—Дюрисес. А Серослав — в форме Серрос. Жаль, что лишь некоторые из надгробий разысканы и далеко не все имена известны!

Имя Дижатор (Dizarog). Вторая часть его повторяет известную славянскую форму «бор», она такая же, как в имени Ратибор. Нужно лишь учесть приглушенное звучание согласных в древней речи, которое непосредственно, без учета правил позднейшего происхождения, передавалось на письме. Но если «бор», «пор» означало и две тысячи лет назад борьбу, то на чьей стороне сражался Дижатор? Ратибор — ратник, это ясно. Попробуем определить место Дижатора в боевом строю символической древней дружины.

Для этого, прежде всего, нужно снова и снова изучить несколько сот имен, чтобы исключить случайности; ведь надписи на надгробиях сделаны не рукой записного грамотея латинской эпохи, а рукой простого деревенского парня, попавшего на римскую службу вместе с земляком. И вот этот земляк отправился в последний свой путь. Осталась запись его имени — чаще всего с его слов,

Первый компонент имени встречается в форме Даж (для иллирийцев и фракийцев характерны двухкомпонентные имена). Встречается она и в форме Дюж (Diuz). Причина разноречия ясна — это различное произношение, иногда обусловленное диалектами. Если взять за основу среднюю, так сказать, литературную норму, то имя пишется как Дажпор, Дажбор. Вот на чьей стороне сражался фракиец — на стороне Дажбога! Имя Даж хорошо известно славистам, но в этом контексте оно не должно удивлять: ведь языческие боги жили столетиями, лишь христианство с большим трудом раздалось с ними. Оказывается, сами имена способны рассказать об их чрезвычайной древности. Не будем останавливаться на других именах, содержащих корневое слово «бор», отметим лишь, что их много.

Если нет фактов, древние имена и слова получают порой фантастические объяснения. Возьмем только одно слово: заяц. Оно связано с личными именами фракийцев, и связь эта идет из глубокой древности: когда-то животные и звери передавали людям свои видовые названия в качестве личных имен.

В словаре М. Фасмера можно отыскать сравнение зайца с конем, козлом, козой на многих языках. Но готское «gauts» (коза) и латинское «haedus» (козел) все же далеки от славянского звучания, так же далеки от него и армянское «конь», литовское «прыгать», которые привлекаются для объяснения.

Между тем, как и многие другие «редкости» в этимологических словарях, находящие довольно фантастические объяснения, слово это вышло из Фракии. Там оно звучало и писалось так: зайка. Приведем написание этого фракийского слова греческими буквами: Ζαίχα. В болгарском современном осталось «заек», в русском же это слово без всяких изменений звучит в детской речи.

Зайка — личное имя у фракийцев. Детская речь, ласкательные и уменьшительные обращения сохранили или восстановили многие древнейшие созвучия. Многие этрусские, иллирийские и фракийские антропонимы оканчиваются на «а»: Пава (этр.), Сипа (илл., фрак.), Мока (фрак.). Это и особенность многих славянских имен. Вакула. В этом имени типично фракийский суффикс «ула». Саша, Ваня, Миша, Саня, Ивашка, Митя — все эти и многие другие уменьшительные формы образованы по всем правилам фракийского языка. Еще одно фракийское имя: Козинта (Кодзинта, Коздинтэ). Оно образовано от фра-

кийского же слова «коза» и перевода не требует, потому что совпадает с русской фамилией Козинцев.

В этимологических словарях ищется связь слова «коза» с готским «плащ», древнеисландским «верхняя одежда», древнеиндийским «козел», упоминаются многие языки мира, и только на фракийский нет ссылок.

У болгарского исследователя В. Георгиева можно обнаружить такое написание слова козел: «бидзес». С козой как будто бы ничего общего. Откуда это «незаконное» слово? Не ошиблись ли болгарские лингвисты, снабдив его таким переводом? Нет, не ошиблись. Только бидзес — это второе имя животного, его главное, ритуальное имя, которое требует специального разъяснения и одновременно дает еще одно подтверждение фракийско-славянской общности.

Древние божества — это небесные светила и созвездия, указывавшие судьбы людей и народов. Когда новолуние приходилось на такое созвездие, обычно по улицам древнего города водили животное, ему посвященное.

Фракийцы-одрисы, по сообщению Платона и Тита Ливия, водили козу, совсем как славяне на Днепре, в праздник новолуния, которое сопутствует зимнему солнцестоянию в созвездии Стрельца, Обычай этот до недавнего времени был жив на Украине!

Вот откуда второе — и главное — фракийское имя животного. Бидзес, Видзес, Вижес. А теперь сравним с литовским «вадити», латышским «ваду», украинским «водити», русскими «вожу», «вожак». Совпадение звуочий. Но не только. Совпадение смысла: Вижес-вожак ведет за собой солнце на прибыль.

Чтобы лучше оценить и понять распространенность замены «б» — «в», проиллюстрируем ее личными именами фракийцев: Биса, Бенило. Первому имени соответствует болгарское имя Виша, второму — чешское Венило. Очень важен переход «с» — «ш» (в первом имени).

Теперь можно объяснить имя Вузлев, встречающееся в договоре Игоря с греками. Оно образовано по всем правилам иллирийского именователя. Турбид из этого же источника — фрако-иллирийское имя (Турвид). Воист — иллирийское (в передаче фракийских и иллирийских имен сказываются поздние влияния).

Много ли славянских имен сохранили древнее фракийское звучание? Вот лишь некоторые из славяно-фракийских параллелей: Astius — Осташ, Остик. Biarta — Бердо, Верета, Варадат, Варета. Bessula — Вислой, Вур-

tzi — Борсч, Бортко, Борщ. Buris — Борко, Бор. Bri-
 co — Брайко (распространенное славянское имя!), Брей-
 ко, Брех (летописное имя). Brais — Брашко. Visa —
 Буса, Буцко. Vessa — Бес, Беско. Bassus — Васс, Васой.
 Vriqo — Верига (распространенное славянское имя).
 Auluzanus — Галуза. Durze — Дружина (переосмыслен-
 ное имя). Didil — Дидим, Дедило. Doles — Долаш. Di-
 nes — Тинец, Тинко. Tutius — Туча, Тучко (Михайло
 Туча — Новгородский посадник, 1456 г.). Mis — Мисура.
 Mettus — Митус, Митуса (летописное имя). Муса — Мука
 (Янка Мука — Нежинский мещанин, Ивашко Мука —
 крестьянин и др.). Mucasis — Мукосея, Мукосей (переос-
 мысленное на славянский лад имя), Мокосея (Иосиф
 Мокосея Баковецкий — епископ Владимирский, 1633 г.).
 Purus — Паруска, Парус. Sipo — Сипа. Surus — Сирош.
 Suarithus — Сирич. Scorus — Скора, Скорина, Скорец,
 Скорина, Скорята. Suarithens — Сорочно. Sudius — Су-
 дило (летописное имя), Судислав (летописное имя), Суди-
 мир (летописное имя), Судеч и др. Seuthens — Сеченой,
 Serrus — Серой, Серко (очень распространенное имя),
 Сера, Серик. Thrax, Трах, Траех — Тарах, Tarsa —
 Торуса (очень распространенное имя).

Несколько сот дохристианских славянских имен обя-
 заны своим происхождением древнему именованию Илли-
 рии и Фракии!

Нельзя ожидать полного совпадения написания: ведь
 раньше чаще писали так, как слышали. Поэтому древние
 имена (фракийские, иллирийские и этрусские) восприни-
 маются лучше на слух.

В союзе [племен, сложившемся в II веке н. э. против
 Римской империи, принимали участие костобоки. Летом
 170 г. они вторглись в балканские провинции Рима.
 Дважды упоминает их Птолемей, вместе со скифами
 называет их Аммиан Марцеллин в IV в. н. э. при опи-
 сании Восточной Европы. Известны две латинские эпита-
 фии из Рима с именами представителей царского рода косто-
 боков. Это бесценные документы, поскольку племя это
 территориально относится к региону Дакии, той самой
 Дакии, культура которой именно в этот период идентична
 культуре Черняховских племен. Трудно согласиться с
 тем, что написано о костобоках современными исследова-
 телями. Но ответ дает «фракийский ключ».

В 30-х годах XIX в. Цейс уже писал о фракийском
 происхождении костобоков, а Шафарик выдвинул в то же
 время славянскую теорию. О. В. Кудрявцев в 1955 году

в специальной работе отдавал предпочтение славянскому варианту, считая его несовместимым с фракийской гипотезой Цейса и даже исключая ее.

Между тем, только славяно-фракийский вариант лишен, на мой взгляд, противоречий, то есть соединение казавшегося до сих пор несоединимым.

Прежде всего, личные имена в латинской эпитафии — Пиепор, Натопор — безусловно, фракийские. Вторым элементом «пор-бор» достаточно красноречив, он стал компонентом славянских имен. Но позднее. Нельзя искать в глубокой древности «чистых» славян, «чистых» германцев и даже «чистых» греков. Греки ассимилировали часть фракийцев и пеласгов, славяне — часть готов, а германцы — славян. Это, конечно, упрощение, но оно показывает, как трудно проводить условную грань между племенами древности.

Натопор и Дригиса — внуки Зиаис, супруги костобокского царя Пиепора. В честь Зиаис ими поставлено надгробие, из надписи на нем следует, что Зиаис — дакийка. Вторая надпись называет имя костобокского царя Сабитуя, по происхождению дака.

Имя Натопор соответствует славянскому имени Надбор, неоднократно засвидетельствованному в старопольском языке. С этим наблюдением О. В. Кудрявцева и его предшественников можно согласиться, но с оговоркой, что это одновременно и фракийское имя — в латинском (Натопор) и славянском (Надбор) написании. Недаром же славянское имя Божибор в латинских документах пишется с глухим согласным: Бозепор, Бодепор! Имя Пиепор можно сопоставить со славянской (более поздней) формой Воебор, хотя первая часть должна переходить, скорее всего, в «Буй» и, возможно, дать начало имени-обращению «Буйтур» в «Слове».

Дригиса — фракийское имя, оно засвидетельствовано на берегах Дуная, в его низовье. Зиаис — также имя фракийское.

Сабитуй из второй надписи имеет прямое отношение к Фракии, но это же имя сохранено и у славян. Известен новгородский боярин Завид Негочевич (Новгородская летопись), имя это носили и новгородские посадники. Известно оно и у южных славян, сербов и хорватов.

Каков же вывод? Костобоки — одно из типичных племен дакийской общности, племя это и фракийское и славянское одновременно, оно уже оторвалось от своей первой родины, но сохранило, как и многие жители рим-

ской провинции Дакии, личные имена, дошедшие из глубокой древности. Это типичная судьба фрако-иллирийских племен. Но некоторые из этих племен помнили о своей родине и стремились вернуться туда. Этим, а не безотчетным стремлением к экспансии объясняется волна более поздних славянских нашествий на Рим и Византию (V — IX века н. э.). Недаром же в те времена славяне считали, что лучшие земли — у Рима и Византии. Это память о прошлом, о фрако-иллирийской родине.

Именно у фракийцев, задолго до основания Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом, можно найти имя одного из них!

Saecus. Две гласных в этом имени нужны, чтобы подчеркнуть открытость звука «е», а переход «с» — «ш» типичен (буквы «ш» не было!).

Шеку. Шеко. Вот настоящее имя одного из трех летописных братьев, основавших Киев, названный по имени старшего из них.

Имя известно из «Повести временных лет» как «Щек». Но это поздний вариант. В «Золотом чертоге Посейдона» (в книге «В поисках Атлантиды», написанной автором этих строк совместно с Ж.-И. Кусто, «Мысль», М., 1986) удалось предвидеть форму «Шеко-Шеку», исходя из других соображений.

Сердце сжалось, когда я прочел одно из имен: то было имя певца Бояна из «Слова о полку Игореве». Это имя сохранили и новгородские грамоты тысячелетней давности. Теперь оно стало старше еще на тысячу лет. Форма, в которой донесла до нас это имя латиница, бессильная вроде бы донести славянское сочетание гласных, сама по себе не менее интересна, чем установленный факт. Raecopus. Так это записано на фракийском надгробье. Похоронен, конечно, не сам Боян, но лишь его тезка.

В имени этом — древнейший корень, который можно обнаружить и в названии родины Муз — Пиэрии. Греки считали Пиэрию частью Фракии, и других точек зрения на этот счет нет. Ясно, что буква «я» гораздо более позднее изобретение, и в древности обходились без нее. Но не только поэтому древнему грамотею понадобились целых три гласных, чтобы хоть приблизительно передать звучание этого сложного для латиницы имени. Ведь даже в русском нужны две гласных подряд. Дело в другом. Корень имени связан именно с Пиэрией, он как бы поется и поется намного заметнее, явственнее, чем русское слово «песнь».

О глухих и звонких согласных уже сказано. Паёно. Так передается надпись русскими буквами. Необходима замена начальной буквы. Баёно. Или Баяно, Баян. Но, по неумолимым законам лингвистики и произношения, мы должны предусмотреть и еще одну возможную замену. На Западе известно имя Базиль, а в России форма этого имени чуть иная — Василий. Итак, Баёно. Или Ваёно, Вайно, Вяйнё. Таково имя певца в «Калевале». Вяйнямейнен, или Вяйнё, это Баян, Боян. Три гласные древнего имени заключают в себе все оттенки возможного звучания в веках имени славного певца из Пиэрии, какой бы народ впоследствии ни делал его героем своих преданий.

Это имя еще раз подтверждает факт Дунайской прародины также и для карел, которые сами себя называют карьяла. В числе других фракийских племен о них рассказывается в следующем разделе.

ИМЕНА ПЛЕМЕН

Историк готов Иордан жил в VI веке. Он автор исторического сочинения «О происхождении и деяниях готов», в котором отражены события, начиная с IV века. Рукопись интересна тем, что в ней названы племена, которых, по мнению некоторых историков, вообще не существовало.

«После того, как король готов Геберих отошел от дел человеческих, через некоторое время наследовал королевство Германарих, благороднейший из Амалов, который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим. Покорил же он племена гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов».

Перечень действительно озадачивает. Почему вдруг меренс—меря, обитатели севера, оказались рядом со скифами? (А речь идет о племенах Черняховской культуры, обитавших вблизи Днепра.) Что за необыкновенное племя васинабронков отыскалось вдруг, хотя ни один источник о нем даже не упоминает? Откуда взялось племя тадзанс, вовсе никому не ведомое?

Попробуем ответить на эти вопросы,

Васинабронки. Упоминание их в перечне помогает оценить ситуацию в Поднепровье IV века, причем, других источников пока нет. Васин это весин, представитель племени весь. Васинабронки — Белая Весь. Таков ответ. Приведем теперь аргументы в пользу высказанного утверждения.

Римлянам хорошо известно племя бессов во Фракии. В 28 г. до н. э. Марк Лициний Красс одержал над ними победу. Но и после его похода бессы не примирились с римской экспансией. Борьба продолжалась. Не подчинившись римской власти, отважные бессы ушли на север, в области, еще свободные от римских легионов, на территорию теперешней Добруджи (Румыния). Самоотверженная борьба бессов против римских легионов создала им репутацию «самых диких» и «жестоких» фракийцев. О переселении бессов на север, в Добруджу, свидетельствуют античные авторы.

Добруджа — это область будущей черняховской культуры. Бессы внесли, несомненно, свой вклад в становление поселений к западу и востоку от Карпат. По всей видимости, это в их честь названа горная гряда Бескиды. Но и новый район поселения бессов был захвачен Римом. Бессам нужно было уходить снова из римской провинции Дакии, образованной на территории современной Румынии.

И они это сделали. Нет письменных тому свидетельств. Но таким свидетельством отныне нужно считать текст Иордана. Восточная буква «вита» неизбежно заменяет западную «бету». Бессы — это весь более поздних славянских источников. Васины — это весины, представители того же свободолюбивого племени. Характерно, что имя племени передается в славянском звучании! Весины... Второй компонент «бронки» также не требует перевода с готского наречия. Броный — белый, светлый. Слово это есть в русских церковнославянских текстах, в древнечешских источниках именно в таком значении. Внесено оно М. Фасмером в его «Этимологический словарь русского языка». Белая Весь. Почему белая? А почему было племя белых хорватов? Это, конечно, еще не ответ, но эпитет «белый» характерен для названий рек и озер в земле веси, вепсов. Имеется в виду уже четвертое место поселения племени — Новгородская земля. Родопские горы, Добруджа, Днепр, Ильмень — таков маршрут движения бессов-веси. Германарих застал весь в Приднепровье. Нашествие готов и гуннов — наиболее ве-

роятная причина ухода веси еще дальше на север. Это могущественное отважное племя неоднократно упоминается в древнерусских источниках — уже на новой, четвертой территории его расселения. Эта новая территория охватывала район близ Белого озера (Белозерский край) и другие места.

Племя сыграло большую роль в делах Руси. Прошли века, и основная масса веси слилась с славянским населением, переняв русский язык.

Меренс. После сказанного легче ответить на вопрос о племени меря. Вверх по Днепру — таков маршрут его следования. Племя расселилось в районе Переяславского, Ростовского, Чухломского озер.

Морденс. Да, это мордва, но неясно, входили тогда в мордву те же племена, что и сейчас, или состав «морденс» был другим.

Имнискары. Относительно этого племени трудно что-либо утверждать. Возможен союз племен, скрывающихся за этим общим названием. Если это так, то первый компонент «им-имн» можно понимать как указание на племя емь, также переселившееся на север.

Бубегены. Это, скорее всего, певкины — именно под этим именем племя известно из многих источников. (Переход от «б» к «в» обусловлен славянским влиянием. «Б» и «г» стали глухими, «у» перешло в «е».)

Тиуды. Упоминание об этом племени представляется очень важным. Оно рассеивает сомнения относительно движения многих племен на север. Тиуды — это чюдь. В древнерусских источниках писалось: чюдь. Вторая буква передается готским историком с помощью сочетания «иу». Переход «т» — «ч» характерен и для звучаний и для письма, его можно найти в этрусском и в поздних языках. Кроме того, Иордан не владел той виртуозной техникой, которая позволяет современным немцам передать звук «ч» с помощью четырех латинских букв. Именно так этот звук передается в названии немецкого народа и языка: «дейч» (об этом будет сказано ниже). Однако в древности немцы ограничивались буквой «т» (латинская «т» и обозначала звук «ч»). Было бы странно, если бы Иордан стал изобретать новую букву вместо латинской «т», которая часто использовалась для передачи на письме «ч».

Понятно теперь, как важно упоминание тиудов. Ведь вариантов, в сущности, нет: это «чюдь» поздних русских источников, Чудь!

Атаулы. Не будет ничего удивительного в свете сказанного выше, если и для этого племени подыщется место в русской летописи. Одно предварительное замечание: княгиня Ольга в летописи именовалась так—Вольга. Вот почему, в силу закона славянских созвучий, атаулы — это «вада-улы». В славянском «а» переходит в «о»: водю-лы, водь. С IV века до летописного начала Руси прошла половина тысячелетия. Первое указание, относящееся к племени водь, находим в Новгородской летописи под 1069 г. Это было многочисленное племя, давшее начало Вотской пятине Великого Новгорода. Отметим, что тогда писалось чаще «Вотская», а не «Водская» — это первый шаг к написанию Иордана. Второй шаг указывает само название племени: ватя. Но это позднее самоназвание. Нет риска в предположении о том, что «ватяулы» (именно так имя племени реконструируется) аналогично «карелы». Ватя-улы. Кар-елы.

Раз уж упомянуты карелы, нужно сказать и о них, хотя в перечне Иордана их нет. Но зато они хорошо известны не только римским историкам, но и поэту Публию Овидию Назону, сосланному в ссылку на Нижний Дунай (в город Томы).

Овидий называет их желтоволосыми кораллами. Кораллы — это их племенное имя, слегка латинизированное. Сами себя они называют карьяла. В I веке н. э. кораллы (или их часть) еще находились в Подунавье.

Поскольку они оказались после переселения самыми северными племенами из всех фракийских племен (Ладоба!) и отделены от своей родины — Фракии наибольшим расстоянием, то интересно в этом крайнем случае хотя бы кратко проследить преемственность культурных традиций.

Прежде всего отметим орнаменты, а также изображения Солнца. Фракийцы поклонялись именно Солнцу. Знак Солнца весьма характерен — это симметричный крест, окруженный одной или несколькими концентрическими линиями. Он остался на украшениях карел в юго-восточной Финляндии (могильник Туоккала), в других захоронениях. Но тот же знак был и у фракийцев!

Еще одна характерная особенность — шумящие подвески и подвески с бубенчиками. Мы находим их во Фракии и в Карелии. Бронзовые птицы с бубенчиками, изображения водоплавающих птиц, выполненные в одной и той же манере — во Фракии и в Карелии, и многие другие находки убеждают в тождестве кораллов и карел.

Главные руны «Калевалы» записаны в Карелии. Именно в Карелии помнили Вяйнё — древнего культурного героя, певца, прорицателя. Характеристика, данная Бьяну в «Слове о полку Игореве», совпадает со многими чертами, присущими Вяйнё — Вяйнямейнену. Это один и тот же герой Дунайского периода истории карел и славян, как уже сказано выше. Но «Калевала» содержит больше чисто фракийских сюжетных деталей, которые роднят Вяйнё с Орфеем и Тамиром — певцами из Фракии. Об этом свидетельствуют, например, морские эпизоды. Можно было бы привести множество доказательств в пользу тождественности карел и кораллов. На одно из таких доказательств нельзя не обратить внимание.

В Карелии есть так называемое людиковское наречие. О нем писал финноугровед Д. В. Бубрих в работе «Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных» в 1948 году. Говорящие на этом наречии называют себя не карьяла, а лууд. Часть вепсов тоже называет себя луд. К тому же, людиковское наречие близко к языку вепсов. Что это? Как объяснить это явление? Д. В. Бубрих придерживался мнения, что здесь следует видеть русский термин «люди». Однако доказательств в пользу этого ученый не привел.

Это объяснение представляется искусственным, особенно в свете сказанного о фракийском прошлом карел. Но можно ли, право, найти объяснение во Фракии?

Да. «Арабский Геродот» Ал-Масуди писал: «Русы — многочисленные народы, подразделяющиеся на различные племена; среди них одно племя, называемое луд'аана; они наиболее многочисленны и ходят по торговым делам в Анатолию, Византию, Константинополь и к хозарам» (перевод Б. А. Рыбакова). Но если и добрая часть веси, и карелы называли себя в древности луд, то не приходится удивляться, что среди «многочисленных народов русов» это племя «наиболее многочисленно». Выше уже говорилось о могуществе и храбрости веси-бессов. Теперь к этому надо прибавить, что и карелы в древности были столь же могущественны. Конечно, Ал-Масуди, как всегда, писал об этом с большим опозданием, когда карелы и весь двинулись на север в свой беспримерный поход и даже уже достигли новой родины.

Известно, что луд'аана иногда отождествляется с уличами-славянами, упоминаемыми в летописи. Правда, позднее эти упоминания исчезают. В чем дело? Дело в том,

что, как это чаще всего бывало, и луд'аана, бесспорно, представляли союз различных племен. Недаром же они занимали весь левый берег нижнего Дуная и территории чуть ли не до Днепра. Недаром Ал-Масуди отождествляет их с русами (из последующего станет ясно, что связь с русами действительно была).

В летописи уличи упоминаются всегда рядом с тиверцами. Это, как полагают, тоже славянское племя, соседи уличей. Но если два племени или племенных союза являются соседями, то нельзя ли отыскать уже на новой территории поселения карел, в Карелии, следы тиверцев?

Русские грамоты XV века называют «пять родов карельских детей», т. е. отдельные роды карел. Один из пяти родов — Тиврульцы, т. е. Тивер, тиверцы. Пояснения излишни. Такое упоминание ни о чем бы не говорило, если бы не сведения о Фракии — их древней родине.

Вернемся к Иордану и его сочинению, которое, как становится ясным, является важнейшим источником по истории племен Черняховской культуры — славян и финно-балтов.

Гольтескифы. Это последнее из скифских племен. После эпохи великого переселения скифов на Днепре просто не осталось. Гольтескифы — это голядь, племя, жившее южнее прусов. Из последующего будет ясно, что скифы действительно дали начало некоторым племенам и народностям севера, а их боги не были забыты вплоть до принятия христианства.

Но где же славяне, вправе спросить читатель, разве в списке Иордана их нет вовсе?

Есть. Это тадзаны. Имя, которое неизвестно ни летописцам, ни поздним историкам. Оно нигде не записано более, но тем выше ценность свидетельства готского историка.

Тадзаны, с поправками на латиницу и произношение, это Даджаны — внуки Даждь-бога.

Теперь предстоит доказать это утверждение, которое переносит Даждь-бога и его внуков — в части письменных свидетельств — сразу на полтысячи лет в древность (IV век!).

Выше говорилось о фракийском имени с корнем, соответствующим имени этого древнего бога. Этого, однако, недостаточно. Нужно подкрепить данные антропонимики прямым свидетельством, относящимся к пантеону богов древности. Фракийцы жили и в западной части Малой Азии, которая составляла некогда этническое целое с

Фракией. Именно в Малой Азии удалось отыскать необходимые свидетельства. Богиня-мать, которой поклонялись не одно тысячелетие, известна и фракийцам, и малоазийским племенам. Источники донесли до наших дней имя этой богини: Тадзена. Это подлинное имя, не испорченное греческим влиянием. Оно обнаружено на надгробьях малоазийских крестьян.*

Но имеет ли Тадзена отношение к Даждь-богу? Ведь Тадзена — женское имя, имя богини-матери. Да, это так. И чтобы в этом разобраться, сошлемся на работу Е. М. Штаермана**, которая посвящена как раз вопросам религии крестьянской общины в указанный период. Велед за Манхардтом автор указывает, что духи или божества, наиболее тесно связанные со средой, окружающей крестьянина, и с его деятельностью, могли быть разных полов и нести одни и те же функции. В связи с этим упоминается Церера, которая в Италии в некоторых местностях была мужского пола.

Эти выводы, естественно, распространить и на божество Тадзену. Тадзена — Тадз. В таком случае тадзены Иордана поклоняются мужскому божеству, имя которого Тадз, или Даждь-бог. Обстоятельство это представляется важным потому, что первое письменное свидетельство, относящееся к щедрому богу славянского пантеона, увеличивает его возраст сразу на столетия. Напомним теперь — специально в связи с этим именем — что характерной чертой некоторых малоазийских языков (фригийского и других) является переход индоевропейского «д» в «т». Это решает вопрос о заглавной букве имени и не оставляет никаких сомнений в том, что буква эта должна быть «т».

Но найдутся ли малоазийские данные, которые подтвердят, во-первых: общность других божеств по ту и по эту сторону Черного моря и, во-вторых, тождество звучания «дз» и славянского «ж»? Такие данные можно привести уже сейчас. Я выбрал пример, соединяющий оба требуемых доказательства. Имя одной из второстепенных богинь Малой Азии — Брудзе. К ней обращались с различными просьбами, например, просили исцелить от бо-

*Е. С. Голубцова. Мировоззрение горожанина и крестьянина Малой Азии в I—III вв. (в книге «Культура Древнего Рима», т. II, М., 1985).

** Е. М. Штаерман. От религии общины к мировой религии (в книге «Культура Древнего Рима», т. I).

лезни. По правилам перехода согласных «б» — «в», «дз» — «ж» получим звучание «Вроже» или «Врёже» («у» — «о», «ё»). Слова с таким корнем есть в славянских языках. Болгарское «вража» означает «колдую», сербохорватское «вражати» — то же, чешское «вражити» — колдовать, желать и т. д. Добавим в этот перечень украинское и древнерусское «ворожити». Вроже — это ворожея, Само слово и смысл его остались до сего дня в русском и других славянских языках. И это доказывает и переход «дз» в «ж» и общность малоазийских крестьянских богов с фракийскими и славянскими.

Тадзена это Даджена. Тадз это Даждь, Даждь-бог, щедрый бог восточных славян, известный отныне, согласно письменным источникам, со времен античности.

Нужно отметить, что это бог племени или, скорее всего, союза славянских племен. Племенные боги — не редкость для фракийцев. Еще с одним подобным примером нам предстоит сейчас познакомиться.

Фракия открывает двери в древнейшую, считающуюся утраченной или не существовавшую вовсе историю европейских народов. Считается, что история Польши хорошо изучена, объяснено даже происхождение самого слова «поляки», «ляхи». И если верить средневековым источникам и их толкователям, то получается, что поляки это «леденяне» — обитатели пустоши, ибо пустошь называется «ляда». Впрочем, полезно проследить рождение этой легенды хотя бы вкратце, поскольку речь идет о самом известном из западнославянских народов и об одном из самых могущественных и воинственных племен Фракии.

В «Повести временных лет» народность называется «ляхы», отсюда, согласно М. Фасмеру, выводится польское «лях», «лах». По его же данным, древнепольское «лех» (поляк) представлено с иным суффиксом в литовских источниках. Отметив две формы — в «Повести временных лет» и древнепольском, — Фасмер затем вслед за Нерингом делает вывод, что «лех» является уменьшительным на «х», подобно «Стах» вместо «Станислав». Далее следует неожиданное заключение, что полная форма названия представителя этого народа была «леденин» от «ледо», что означает «пустошь» почти на всех славянских языках. Следовательно, делает вывод Фасмер вслед за другими исследователями, поляки являются «обитателями пустоши, нови». Ибо леденин — обитатель именно пустоши. Польша называется лядьской землей в русских источниках якобы именно поэтому.

Исследователь, которого мы цитируем близко к тексту, не замечает, что слово, выбранное за основу названия народа, игравшего видную роль в судьбах Европы, с таким же успехом может обозначить имя любого другого славянского народа — везде есть это слово «ляда», «ледо»! Почему же именно поляки, многочисленный, повторим, народ, оказались «обитателями пустоши»? И вообще, возможно ли такое в образовании названий племен? Если и возможно, то подобное надо признать крайностью. Имена племен чаще всего образуются от имен племен же. Это показывает фракийский экскурс в историю. Поляки — не обитатели пустоши, пусть даже самой прекрасной и плодородной, и никогда ими не были! Лях, ляхи — это правильное название, впоследствии, как водится, искаженное наслоениями и переосмыслениями.

Вернемся же к древней форме «ляхи».

Известно, что во Фракии жило племя лаии. О нем говорят античные источники. Если латиница сдвигает «и», то это может означать только одно: первое «и» должно произноситься с придыханием. Лаии это и есть ляхи. Жили они отнюдь не на пустоши, а в плодородных долинах первой своей родины и вынуждены были покинуть их из-за римской экспансии и нашествий пришлых орд.

Но можно ли доказать это, исходя не из созвучия, хотя и полного, удивительно точного, а из фактов истории или, точнее, из истории верований народа? Ведь верования удивительно устойчивы, и к ним именно и надо обращаться в самых трудных случаях.

Сначала выслушаем польского автора Яна из Михочина. Это так называемая Ченстоховская рукопись, датированная 1423 годом:

«Наши старики, старухи и девушки не молятся о том, чтобы стать достойными восприятия святого духа, но в эти три дня, когда надлежало бы предаваться размышлениям (троицын день, духов день...), сходятся старухи, женщины и девушки, но не в храм, не на молитву, а на пляски; не к богу взывать, но к дьяволу: Issaya, Lado, Hely, Iaya».

В 1423 году пережитки языческих верований в Польше еще так сильны, что Ян из Михочина раздражается затем гневным призывом предать на вечные муки стариков, старух, женщин и девушек, верящих старым, поименованным выше богам. Этот документ показывает, что христианство победило далеко не сразу, и даже через пятьсот лет в Польше народ верил старым богам. К счастью, Потому

что не будь этой веры и не будь подобных документов, автору этих строк не удалось бы вернуть полякам древнейший период их истории, героический и неповторимый.

Обратим внимание на бога, который поименован Ладо. Сопоставим это имя с именем другого языческого божества поляков *Peli, Pely*, которое упомянуто в подобном же документе. Совпадение корней может удивить, если только забыт очевидный факт: у племени часто был свой племенной бог: Был он и у лаиив-ляхов. И если поляки унаследовали имя славного фракийского племени, то само это племя еще во Фракии называло себя именем своего племенного бога: лаии верили богу лаиив. Имена богов произнесены, и обстает только добавить, что и богиня Ладо известна, прежде всего, в Средиземноморском регионе и затем только — на новых землях поляков. «Никаких препятствий к признанию праславянской древности Лады нет», — пишет Б. А. Рыбаков в своей монографии «Язычество древних славян».

Лель и Лада знакомы славянам раннего периода очень хорошо. Об этом говорит сербское имя Льелью, хорватское Льелё, русское Ляля. Ритуальные костры в честь Лели-Леля в Болгарии называли холелиями. «Не было ли перенесено еще в древности название праздника в честь весенней Лели... на сопровождающий праздник костер, символизировавший разгоравшееся тепло природы?» — спрашивает Б. А. Рыбаков в книге «Язычество древних славян».

В дополнение к этому нужно отметить, что во Фракии еще истари, до засвидетельствованных письменными источниками поздних походов в эту землю славян, был обычай разжигать ритуальные костры.

Древние греки пришли на землю целасгов-лелегов. Лелеги — древнейшее племя, имя его сохранилось в произведениях древнегреческих авторов. Правомерно предположение, что Лель, Леля и было племенным божеством лелегов. Затем оно перешло к другим фракийским племенам. Нельзя не обратить внимание на созвучие «лелеги-лаии». Если оставить без внимания суффикс и окончания, то корень тот же, что и в имени Лель, Илели.

Росомоны. Упоминание этого племени Иорданом дало повод к жарким спорам, суть которых будет ясна из последующего. В книге Б. А. Рыбакова «Киевская Русь и русские княжества» события изложены эпически спо-

койно: «Среди племен, временно служивших Германириху, упомянуты „росомоны“, самовольно покинувшие готы. Два росомона, мстя за свою сестру, Сунильду, ранили конунга мечом».

Напротив, в одной из работ А. И. Попова рассказ Иордана вызвал целый шквал категорических заключений и рекомендаций: «В нашей отечественной научной литературе нередко привлекалось имя одной племенной или родовой группы, связанной с готами и носившей название „росомоны“. Привлекало это имя исследователей (историков) тем, что в нем заключается слог „рос“, а это давало смелость некоторым авторам объявлять его „русским“, т. е. будто бы славянским.

Подобное утверждение не может быть признано правдоподобным, так как личные имена росомонов, указанные в сочинениях писателя VI в. Иордана, ничего общего со славянством не имеют; в частности, имя женщины этого рода, упоминаемое этим автором, — Сунильда (или Сванегильда) — чисто германское. Это показывает лишней раз рискованность поспешных заключений с помощью случайных этнонимических созвучий — вроде росы (русы) — росомоны — роксоланы, выдвигаемых некоторыми авторами в качестве якобы серьезных аргументов для оправдания тех или других исторических построений». В том же духе А. И. Попов продолжает и далее, и нельзя не признать его правоту: действительно, ни один из историков не приводил никаких аргументов, кроме упомянутых выше созвучий. Предоставим теперь слово самому Иордану:

«Германирих, король готы, хотя, как мы выше сообщили, и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени, по имени Сунильда, за изменнический уход от короля, ее мужа, Германириха, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммих, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о его несчастье, Баламбер, король гуннов, двинулся войной...»

Этот эпизод послужил символическим и фактическим началом цепи событий, в результате которых гунны одолели готы. Важность его трудно переоценить.

Итак, в нашем распоряжении три имени росомонов: Амми́й, Са́р, Сунильда. Два брата и сестра. Название племени уже обсуждалось — и обсуждение это вызывает справедливую критику. Вот почему дополнительные аргументы может дать анализ имен.

Амми́й. Чтобы разобраться, каким именем нарекли брата Сунильды, нужно искать параллели с раннеславянскими именами, которые не всегда похожи на позднеславянские (дохристианские, разумеется). Главная часть — «амм» или просто «ам», две последующих буквы — лишь оформление этого имени, соответствующее правилам того времени. Фракийские надгробья помогают отыскать компонент «ам». Он встречается, например, в имени Амадок. Оно сложное, это имя. Так, фракийское имя Садок делится на две части точно так же, как делится на две части форма Амадок: Са-док, Ама-док. Компонент «док» встречается и в других сочетаниях. Но если Амми́й или Амми́й — самостоятельное фракийское имя, то нельзя ли найти аргументы в пользу этого важного предположения?

В северных говорах, которые обязаны влиянию балтов, веси и карел, «м» переходит в «н». В словаре старых славянских имен есть имена с компонентом «ан». Одно из них вполне могло произойти таким образом: Ани́н. Есть и другое известное славянское имя: Га́м. На первый взгляд, имя это разнится с корнем «ам», но следует учесть, что имя Германариха Иордан пишет так: Эрманарих. Это означает, что ответ мы получили, не выходя из круга имен фракийско-славянского региона.

Са́р. Второй брат Сунильды. Вспомним Серослава из Киевской летописи. Компонент «слав» вовсе не обязателен, фракийцы обходились чаще всего без него. Но «е» переходит порой в «а» — Са́р. Так и должно звучать и писаться это исконно фракийское славянское имя.

Немногие строки, написанные рукой Иордана, являются, как мы выяснили, единственным и, к тому же, точным свидетельством именно того периода Руси, о котором нет и намеков у других авторов (если не считать «Степенной кнѣги»). Это обязывает внимательно изучить каждое имя.

Имя Са́р должно получить еще одно, дополнительное, толкование — из славянского дохристианского именослова. Известно странное имя — Ца́рь. Выпишем из словаря Н. М. Тупикова всех, носивших это имя. Василий Ца́рь, Слупкий боярин. 1493 г.; Трофимко Ца́рь, крестьянин.

1495 г.; Омельяко Царь, крестьянин. 1495 г.; Гридка Царь, крестьянин. 1495 г.; Исак Царь, крестьянин. 1495 г.; Царко Ижерянин, крестьянин. 1500 г.; Степан Царь, барский мещанин, 1565 г.; Царко Максимович, барский мещанин. 1565 г.; Царь, полковник войска Запорожского. 1665 г.; Царь Хведко, крестьянин. 1667 г.

Напомним теперь, что русские имена в старину настолько теряли свое значение личных имен, что делались фамильными прозвищами переходили от отца к сыну. Царь — имя наследственное, но не царственное, как видно из перечня. Откуда оно, это странное имя? Это и есть фракийское имя Сар, которое ведь передавалось устно! А устно разницы почти и не ощущается! Переход «с-ц» так же естествен, как и «с-ш». Царь — это переосмысление, возникшее из стремления сделать понятным хоть в какой-то степени древнее наследственное фракийское имя. Словарь дает примеры. Но и они показывают, что имя это типичное и, к тому же, широко известное на Руси в старину. Итак, фракийское имя явилось родоначальником двух известных славянских имен — озвученных с некоторыми изменениями.

Сунильда. На первый взгляд, имя не славянское. В связи с этим хочется сделать маленький экскурс в германскую филологию. В учебниках с подобающей случаю точностью отмечен факт рождения общего названия немецкого языка и немецкой народности — deutsch. Для читателя, не знакомого с немецкими дифтонгами, приведем русское звучание: «дейч», «дойч». Филологам известно, что это название пришло из древневерхнегерманского. Но неизвестно, откуда оно, в свою очередь, попало в этот древневерхнегерманский. Воспользуемся случаем и поясним. В этрусском — этом древнейшем языке фракийских русов-росенов, переселившихся на территорию современной Италии*, — слово «народ», «племя» звучало так: «тёчь»; и писалось (транскрипция латинская) так: tuthi. Предпоследние две буквы выполняли роль «ч», а мягкого знака просто не было, и его роль брала на себя «и» — этруская и латинская. Звонкие согласные у этрусов звучали глухо, с «прибалтийским акцентом». Значит, вместо «т» в начале слова надо поставить «д». Только так можно учесть позднейшую норму. Итак, совпадение почти полное: немецкая народность и сам немецкий язык назы-

* Об этом шла речь в статье автора «Тропой Троянковой» (Сб, «Дорогами тысячелетий», кн. I, 1987 г.).

ваются этрусским и, следовательно, славяно-фракийским словом. Но как это произошло? Ответ на этот вопрос не сложен. В южной Германии была провинция Этрурия. Именно сюда на рубеже двух эр бежали этруски, спасаясь от притеснений римлян. Именно здесь, в немецкой Этрурии, римляне потерпели страшное поражение в I веке н. э. Потомки этрусков как бы отомстили Риму за порабощение и захват земель у этрусских крестьян — латуней, что привело народность этрусков к вымиранию.

Этот пример показывает, как трудно рассчитывать на то, что в течение тысячелетий могут сохраниться «чистые» языки.

Но вернемся к Сунильде. У хеттов был город Мерсин. Мер-син. Море синее. Он назывался так потому, что располагался на берегу Средиземного моря. Город этот сейчас расположен на территории Турции, но название у него прежнее: Мерсин, Море синее. Это сочетание хорошо известно в русском фольклоре. Известно оно и этрускам. Велсна — так называлось итальянское озеро Больсена в древности. Вел-сна. Воля синяя, Синий простор. Гласные часто опускались — черта эта характерна для многих древних языков, в финикийском алфавите букв для гласных вообще не было. Значит, Велсна это Велсёна. Мы восстановили лишь одну гласную, которая обозначалась латинской буквой «и». И сразу стало ясно, почему итальянцы писали «Больсена», а не «Больсна». Итак, озеро называлось Воля синяя. Так, да не совсем. Этрусский компонент «сён», «сёна» — это не только слова «синий», «синяя», у него более широкий смысл: «прекрасный», «прекрасная», «красивый», «красивая». Отсюда немецкое слово «шён» — красивый, прекрасный (еще один пример «чистоты» немецкого!).

В древнерусском этот смысл слова сохранялся долго. В «Слове» Дон назван синим. Дон, конечно, не синий — ни тогда, ни сейчас, но он прекрасен.

Значит, если пишется «суни», то с фракийского и с этрусского слово переводится так: «прекрасная».

Старые славянские имена Василид, Василида, Ольда дают ответ на вопросы о компоненте «льда», — «лида» и помогают понять образование имени королевы готов, Древнейшая этрусско-фракийская основа сочетается со славянской формой (усвоенной, вероятней всего, из древнегреческого).

Но почему, собственно, королеву германского племени должны были называть при дворе славянским именем?

И почему оно в такой форме засвидетельствовано немецким историком в сочинении, посвященном деяниям готов? Да потому, что росомоны — не германцы. И если даже удастся подыскать германскую параллель к имени росомонки — королевы готов, то это не разрушит правдоподобия всего эпизода.

Лада — супруг, супруга. Слово это древнее, и записано оно в «Слове о полку Игореве». Допустим переход «и» («ь») в «а». Суни-льда, Суни-лада. Точный перевод на современный русский: Прекрасная супруга. Однако так королеву готов могли именовать лишь сами росомоны, и это новое имя — вместо прежнего, «мирского» — могло быть воспринято готским двором. Это может показаться натяжкой. Но тут уместно вспомнить, что само название племени готов писалось в то время по-разному. В рунической надписи IV в. на кольце из Пьетроассы (Румыния) читаем: «гуты». Сами готы называли себя иногда именно так, и это отражено в календаре, составленном примерно в V—VI веках. В различных памятниках письменности античного времени можно найти и «о» и «у» в названии этого германского племени. А сам Иордан пишет «геты» вместо «готы» — это уже третий вариант написания этнического названия племени, которое занимает центральное место в повествовании, но не удостоилось устойчивого имени. Что поделать — древним гласным доверять нельзя!

Правомерно и двойное звучание «рос-рус» для античной эпохи, оно позднее стало нормой. Росомоны-русомоны. Но почему все же не русы? Да потому, что слово «росомоны» — готское образование, записано оно рукой немецкого историка на «официальном» языке того времени. Компонент встречается в именах и названиях племен (ал-еманны, маркоманы и др.).

Росомоны, вероятней всего, целый союз племен. Имя это собирательное, оно могло быть в ходу и у самих русов.

Поскольку король готов был женат на русомонке, целый союз племен был привлечен на сторону готов. Это закрепляло скорее союзнические отношения готов и росомонов, нежели отношения вассалитета. Уход Сунильды от короля свидетельствует о необыкновенном чувстве свободы. Братья казненной королевы проткнули Германариха мечом. И это, быть может, по странному совпадению, стало началом крушения королевства. О другой возможности немецкий историк, поставивший целью восхвалять деяния готов и Германариха, понятно, не пишет. Да и как

он может писать, что утрата союза с росомонами привела королевство к началу краха? Доказательство именно союзнических отношений с росомонами вытекает и из текста сочинения Иордана: росомонов нет в перечне покоренных племен!

Археологические данные показывают, что после первого натиска готов конфликтов между ними и русами не было вплоть до прихода гуннов. О конфликте, совпавшем с вторжением гуннов, мы уже знаем. Область контакта гуннов, готов и русов того времени совпадает по времени с Черняховской культурой.

ИМЕНА БОГОВ

Помимо богов-олимпийцев, в Малой Азии, Фракии, Иллирии, Этрурии известны боги, глубокая древность которых несомненна. Это, прежде всего, Матерь богов. Известны посвящения Матери-Земле, которые оставлены фракийцами. У этрусков сложился миф о Таге, младенце, наделенном мудростью старца. Якобы он был выкопан плугом из земли во время полевых работ и обратился к пахарю с речью. Тот испугался и поднял крик. На зов сбежались люди. Таг рассказал им об искусстве предсказания будущего по внутренностям животных. С тех пор этрусски гадали по печей жертвенных животных. Легенда эта рассказана Цицероном.

Римская традиция засвидетельствовала родство Тага и Геня, духа-прародителя. В латинских источниках имя Геней производится от греческого «Геа» — «земля». Хотя у греков не было бога или героя по имени Таг, римляне удержали в своей памяти древнейшую эту связь с землей Геня, сделав его отцом Тага. На самом деле Таг намного старше Геня. В Передней Азии поклонялись богу подземного мира Дагону еще в третьем тысячелетии до н. э. Имена сходны, и потому, возможно, в имени Таг отражена вера во всеислие одаряющей плодами Земли — матери-прародительницы всего сущего — и в бога Дагона. Не будем повторять правила перехода согласных, уже известные из предыдущего, но о переходе «г» — «ж» нужно хотя бы упомянуть. Именно он дает основания отнести Даж-бога (Дажьд-бога) ко временам Тага, ведь это, по существу, одно и то же имя, записанное в разное время с незначительными вариациями.

Таг является в легенде, пересказанной Цицероном, как бы полномочным представителем Матери-Земли. Это

древний бог пахарей, ставший героем народных мифов. Нет сомнений в том, что он явился на свет не затем только, чтобы рассказать о гадании по внутренностям животных. Но вся история с Тагом вызывала у римлян ироническое отношение. Иронически относились они и к самим этрускам, называя их толстыми этрусками, подсмеиваясь над остатками народа, который некогда дал им письменность, города в Италии, искусство врачевания, культуру, древнюю мифологию, металлургию, а также Капитолийскую волчицу. Несмотря на то, что отношение к наполовину уже ассимилированному и лишенному земельных участков народу было иронически-снисходительным, римские власти позаботились все же о том, чтобы стереть все следы этрусков в истории Италии. Римские императоры были объявлены потомками богов. Этрусски, стоявшие как бы между богами и римлянами в качестве посредников, были преданы забвению.

Но вернемся к тексту Цицерона. «Найдется ли глупец, который поверит, что был вырыт бог или человек? Если бог, то почему же он, вопреки своему естеству, скрывался в земле, чтобы появиться на свет выкопанным? Как же так, разве не мог этот бог познакомить людей со своим учением с места более возвышенного? Если же этот Таг был человеком, то как он мог жить под землей? И далее, где он мог научиться тому, чему учил других? Право же, сам я глупей тех, кто такому болтуну верит, если против них так долго говорю».

Тем не менее, искусство гадания по печени пережило Рим. Еще в VII веке н. э. издавались указы о том, чтобы запретить гарусникам, т. е. гадалкам, заниматься своей деятельностью. Христианство уничтожило гаруспицину, гаруспиков, и самого Дажь-бога, видимо, последнего из языческих представителей Матери-Земли и — в расширенном представлении — живительной силы Солнца. Заметим, что гадание по внутренностям жертвенного вепря было известно в Киевской Руси.

Одно из фракийских племен — сатры. Сатров упоминает Геродот. В Малой Азии, во Фригии, почитался бог Сатра. Он и был, несомненно, племенным богом сатров. В древнем Риме знали, что Сатурн — чужеземец и пришел он с Востока. Французский исследователь А. Гренье в сороковых годах нашего века обобщил данные, касающиеся Сатурна, и нашел его родину на Крите. Именно там, на Крите, обитали пеласги, о которых писал Гомер. Пеласги — родственники этрусков. Эти близкие народности

относятся к древнейшему населению Средиземноморья, обладавшему общей культурой и языком.

Сатрес, Сатрос — так писали этруски имя этого бога. У восточных славян это Стрибог. Основа «Стри» претерпела обычные изменения в написании, связанные с пропуском гласных, весьма характерном для многих слов южных славян и в наше время.

Стрибог свидетельствует о важном явлении — включении в пантеон племенных фракийских богов. Племя сатров могло влиться в дакийскую общность. Во всяком случае, Стрибог пришел на берега Днепра из Фракии. О племенных богах уже говорилось в предыдущем разделе в связи с происхождением тадзанов. Можно сделать вывод: это характерное для Фракии явление. Такое же характерное, как объединение в одном пантеоне разных племенных богов Фракии в связи с объединением разных племен.

Богиня Рима Минерва произошла от этрусской Менрвы. У римлян она покровительствовала искусствам и ремеслам, была богиней-целительницей, на нее возлагали надежду рыбаки и школьные учителя, легионеры и писцы. Эти метаморфозы иллюстрируют эволюцию, расширение функций божества. Вообще, боги, порождение фантазии человека, подобны живым существам и самому человеку. Они рождаются, набираются сил, растут, вступают в борьбу с другими богами, женятся, учатся и познают то, что сначала было довольно далеко от их интересов, стареют и умирают. Конечно, это лишь образное сравнение. Жизнь богам дают люди, они же изменяют их судьбу. Не боги правят судьбой людей, а люди создают богов и затем управляют их судьбой.

Другое написание имени этой этрусской богини — Менерува. И это имя, в связи с троянско-фракийским происхождением этрусков, открывает возможность не только для точного уяснения смысла самого имени, но и открывает путь к дальнейшим подтверждениям вывода о первой родине славян.

Прежде всего, разобьем имя древней богини на две части: Мене-рува. Предварительные пояснения начнем со второй части. Мне уже приходилось писать, что рува — это ребенок в точном переводе с этрусского. Этимология русского слова «ребенок» в словарях получает странное, на мой взгляд, объяснение: «робя» в древнерусском явилось производным от «роб» — «раб» и было образовано по типу «теля», «ягня»: слово писалось в

форме «ребенок» и было образованно от «рбя» с помощью суффикса.

Ребенок — раб? С этим невозможно согласиться.

Ребенок — это «рува». Уже знакомая — и закономерная — замена букв дает: «рёва», «рёба», «ребя». Значение слова «рёва» не требует пояснений для человека, владеющего русским. От этого корня происходит глагол «реветь». Плач, рев ребенка был причиной возникновения слова. Это будет подтверждено дальнейшим ходом мысли.

Обратимся к первой части имени богини. Мене. Что оно означает? Хорошо известен малоазийский бог Мен. Это крестьянский бог, народный бог, и пока горожане спешили обратиться в греческую веру, он продолжал линию своей жизни на лоне природы. Мен стал одним из покровителей крестьянской общины в Малой Азии. (В то же примерно время римляне уничтожали этрусские деревенские общины и быстро пришли к краху. На малоазийской древности выросла Византия, державшаяся именно деревенской общиной и потому пережившая Рим на целое тысячелетие.)

Менарува. Это еще одно написание, приспособленное к женскому полу богини (о перемене пола божества говорилось выше). Старое русское слово «mineи», форма «поминки» и другие свидетельствуют о подлинном значении первой части имени этрусской богини. Есть польское слово «паментник», которое еще лучше передает компонент «мен». Все эти предварительные пояснения приводят к значению «память о детях». Менерува — память о детях. На первый взгляд, в таком божестве не было вроде необходимости, поскольку функция заботы и памяти о детях ложилась на родителей. Однако в глубокой древности иногда детей приносили в жертву. Амфоры с полусожженными их костями — прямое тому свидетельство.

Но нужно было создать особое божество, чтобы хоть частично освободить человеческую совесть от памяти.

На одном из этрусских керамических сосудов, выполненном уже тогда, когда обычая этого в цивилизованной Этрурии не было, изображена Менрва — Менерува. Она отложила в сторону свой щит и шлем и помогает выйти из дымящейся амфоры обнаженному мальчику. В правой его руке — копьё, в левой — щит, на голове — шлем. Пальцами правой руки богиня прикрывает мальчику рот. Это означает призыв к молчанию. Над головой мальчика

надпись: Марс. Рождение Марса? Трудно сказать. Но сюжет вполне соответствует имени богини.

Как это нередко случается, Менерува — не единственное имя женщины, заботящейся о них. В Муниципальном музее итальянского города Пьяченцы (древней Пiacенции) хранится бронзовая модель овечьей печени. На отдельных участках печени даны имена богов. Это могло быть своеобразным учебным пособием для гаруспиков-гадателей. Загадкой является отсутствие имени Менрвы среди имен богов и богинь. В связи с этим было высказано предположение, что Менрва записана там под именем Туе.

К 1420-м годам относится церковное запрещение, опубликованное Станиславом Урбанчиком. Место действия — Польша. Имя запрещаемого церковью идола — Туа. Невозможно было бы отождествить это языческое польское божество с древней богиней эгейско-анатолийского региона Менерувой, если бы читатель не убедился уже в том, что боги поляков, как и других славян, намного древнее, чем думали до сих пор. Нет сомнений в том, что польская Туа имеет отношение к Туе этрусков хотя функции божеств меняются со временем. Хочется отметить попутно черты родства этрусского и польского языков, проявляющиеся в том, например, что, помимо сходных по звучанию слов, сохраняется и довольно точно передается даже мазурское произношение. Так, вместо «ч» (передается в латинице двумя буквами) и «т» нередко нужно читать «ц». Особенность эта возродилась и в некоторых северных русских говорах, хотя, вполне возможно, она была присуща им с самого начала, то есть с эпохи переселения на север из трояно-фракийского региона.

Культ солнца во Фракии играл главную роль. Одрисы и другие представители фракийцев верили в бессмертие души, боготворили возрождающуюся природу, приносили в жертву животных. Красочные, в маскарадных одеяниях, куцерские игры, народная одежда, украшения, встреча времен года — все это сохранилось на территории Фракии и было передано позднему болгарскому населению, стало элементами его культуры. Но те же основные черты фракийской культуры характерны и для многих славянских племен — и это, несомненно, эстафета, переданная фракийцами после их передвижения на новые земли. Славяне верили в бессмертие души и в загробную жизнь, боготворили природу, совсем как фракийцы. Случалось так, что после смерти мужа вдова добро-

вольно шла на смерть, чтобы не расставаться с ним. Этруски, славяне, фракийцы одухотворяли силы видимого мира, поклонялись источникам и священным рощам. Близки к славянам балты. Они также вышли из Фракии. Прокопий в VI веке писал о боге славян Перуне. Но у албанцев известен Перында, у пруссов — Перкунис, у литовцев — Перкунас. Известен этот бог и у латышей. От Албании до Балтики — вот ареал распространения веры в Перуна. И это указывает примерное направление переселения племен: Иллирия, Фракия — Прибалтика, Поднепровье. Путь богов — это путь людей.

Уже были приведены примеры троянско-фракийского единства верований, которое захватило и северные территории Поднепровья. Еще один пример достоин пристального внимания исследователей. Киевская летопись дает описание праздника Купалы. Праздник в честь этого славянского божества аналогичен празднествам, которые устраивались во Фригии, в Малой Азии. Фригийскую богиню, правда, звали Кибелой. Но формулы перехода гласных и согласных, свойственные для фригийского и индоевропейских языков, приводят к тому же имени: Купала! Обратим внимание на переход «и» — «у». Согласно обряду, куклу, изображающую Купалу, топят в реке. Иногда это обнаженная девушка, увитая цветами, — в этом случае праздник заканчивается мнимым утоплением, то есть простым купанием. Ритуальные костры, огненные колеса — спутники обряда. Вот мы и дошли в объяснении до самого тонкого места, за которым исчезает порой мифологическая реальность. В самом деле, считают, что само имя Купала произошло от глагола «купаться» и от названия обряда, и что за именем этим вовсе не скрывается божество. В таких случаях нужно быть осторожным. И божество Лада, и божество Лель-Леля долгое время считались несуществовавшими, иные историки отводили им роль припевок в народных песнях, не более того. Тем не менее, давно уже ясно, что это именно боги, а выше мы уже говорили о том, что это племенные боги троянско-фракийцев.

Точно так же и Купала пока вне пантеона славянских богов. Согласиться с этим нельзя. Образование от «купать»? Отнюдь! Заглянем в словарь М. Фасмера. После многократного повторения глагола «купать» на всех славянских языках Фасмер делает вывод: «До сих пор удовлетворительной этимологии нет. Интересное, с точки зрения реалий, сближение с „конопля“ („потому что дари-

лись в той же бане, где сушились лен и конопля“) сопряжено с фонетическими трудностями...»

Действительно, нужно обладать изрядным запасом фантазии и, соответственно, небольшим запасом сведений о корнях русского языка, чтобы произвести «купать» от «конопля».

От какого же слова произошел глагол, к которому мы так привыкли? Его производят также от слов «куст», «охапка», «вязанка», от новонаемецкого «залив», от средненаемецкого «море» и т. д. Все это фантастика чистой воды. В самом немецком соответствующий глагол произошел от слова «вода» и звучит он так: «баден». Переход «б»—«в» приводит действительно к «воде» («ваден»), звучащей даже больше по-славянски, нежели по-немецки. Но море и залив, а также другие акватории тут ни при чем.

Секрет же прост. Имя Кибелы дает ответ. Это фригийская богиня подарила нам этот глагол, это в ее честь называли так обряд и праздник. Но не только. На древней земле Этрурии известно имя Купавон с тем же значением. Постепенно слово «купать» стало употребляться в обычных случаях, вошло в жизнь. Оно является еще одним из многих свидетельств, которые собраны в этой работе в пользу, трояно-фракийского происхождения славян.

В пятой книге своей «Истории» Геродот описывает погребальные обряды фракийцев. Он пишет, что покойника предают земле или сжигают на огне. Биритуализм характерен и для Черняховской культуры. Иными словами, черняховцы хоронили умерших так же, как и фракийцы. Только у черняховцев наблюдаются некоторые различия, градации в этих основных обрядах, которые трудно проследить у фракийцев: ведь Геродот не сказал больше ни слова о культуре их погребений.

Зато Геродот упомянул о состязаниях в честь умершего, в которых высшая награда «назначается для единосборцев, каждый раз смотря по роду состязания». Это ценное свидетельство. Потому что точно такой же обычай воинских или конных состязаний в честь умершего, согласно «Повести временных лет», свойствен славянам — вятичам, северянам, радимичам, кривичам.

Теперь сравним два отрывка из источников.

Геродот пишет: «Фракийцы, живущие выше крестов, имеют по нескольку жен. Если кто из фракийцев умирает, среди его жен поднимается ожесточенная распря, равно как и среди друзей этих женщин начинается жар-

кий спор о том, какую из жен покойник любил больше; ту, в пользу которой решится спор, и которой оказано будет предпочтение, превозносят в похвалах мужчины и женщины, а ближайший родственник умерщвляет ее над могилой; затем хоронят ее вместе с мужем. Прочие жены повергаются в сильную скорбь, потому что для них это величайший позор».

Персидский автор Ибн-Русте пишет о вятичах почти через полторы тысячи лет (!) после Геродота: «И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба; их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку. Она становится на скамейку и конец завязывает вокруг своей шеи. После того, как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока ее задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает».

Вряд ли нужны пояснения. Это один и тот же обычай. За полтора тысячелетия без малого он не изменился. Текст из Ибн-Русте (он писал на арабском) процитирован по книге Б. А. Рыбакова «Киевская Русь и русские княжества».

Описанный обычай — не лицемерная сцена состязаний в любви к покойнику. Он органично связан с представлениями фракийцев о бессмертии души и прямо вытекает из них.

Часто поднимается вопрос о скифах, их влиянии, их отношении к этносу славян. Вопрос правомерен: ведь скифы населяли области, позднее ставшие славянскими. Одно из скифских племен названо выше: гольтескифы. Они ушли на север, их имя хорошо известно близ берегов Балтики: голядь. Та же северная дорога!

Еще М. В. Ломоносов высказал предположение, что скифы — предки финнов. Уточним — финно-балтов. Мне посчастливилось найти доказательства забытому впоследствии предвидению русского ученого.

Пример с голядью не единичен. Вместе со скифами на север переселились их боги. Финский бог леса Тапио был когда-то богом скифов, в его божественной судьбе произошли, правда, заметные изменения в связи с переселением его почитателей в дремучие леса Тапиолы (так финны называют иногда свою страну). Имя скифского бога Табити известно от греков (возможны, как водится, искажения), Табити — Тапио. Другое лишь окончание, да

еще заметно приглушенное звучание «б» у скифов. Бог земли и урожая удмуртов — Кылдысин. Имя скифского бога — Гойтосир. Функции его несколько изменились, но имя узнается. Сопоставим значимую часть этих имен с учетом перехода «звонкие — глухие»: Койтос — Кылтис. Звучание на слух воспринимается сходно. Переселение на север — это путь не одних лишь славян.

Кельты жили на Дунае. Их богу Тевтату предстояла дальняя дорога в те же края. У астов-эстонцев имя этого бога даже не изменилось: Таевтаат. Айсты-эсты жили на южном берегу Балтики. Но это — промежуточный пункт. Эстонцы пришли из краев, сопредельных с кельтскими землями.

Но пора вернуться к фракийцам.

МАЛОАЗИЙСКИЙ ЛЕОПАРД

Вся совокупность свидетельств убеждает в правоте летописца Нестора: славяне действительно пришли с Дуная. И запись в «Степенной книге» отражает истину: русы разорвали союз с готами и воевали с Византией, союзницей готов, в IV веке н. э. Боги славян, как и сами славяне, пришли на Днепр из глубокой древности, с берегов Дуная, из Фракии, из Малой Азии. История сложнее, чем мы думаем. В ней нет прямого поступательного движения и развития. Можно выделить периоды, когда развитие общественных установлений и культуры как бы замирает на длительное время. Мне кажется удачным название айс — фаза от древнего слова аис — яйцо. Этого не избежали и славяне. Есть тому и конкретные причины. Небывалое переселение на север сопровождалось определенными потерями, приспособлением к местным условиям, борьбой с пришлыми завоевателями и кочевниками, растянувшейся на столетия.

Остается ответить на вопрос о происхождении слова «Русь», ибо без этого богатый исторический материал наших летописей как бы повисает в воздухе, не опираясь на надежные объяснения.

Прежде всего, поражает обилие слов и названий племен, звучащих еходно со словом «Русь». Аорси Птолемея — на севере, Рос, Рош в Библии, упоминание о северном народе Рос в хронике сирийского писателя Захарии Ритора второй половины VI в. н. э., наконец, самоназвание этрусков — росены. Этрусски — слово греческое, оно

не имеет отношения к делу. Но росены* в Италии засвидетельствованы документально. В языке росенов-этрусков много славянских корней. Личное местоимение «я» по-этруски пишется так: «ми». Форма «меня» родительного падежа по-этруски писалась: «мини». В произношении почти полное совпадение. Но трудно объяснить, почему от русского современного «я» в родительном падеже образуется «меня». Оказывается, ларчик открывается просто — с помощью этрусского ключа. Ми. Мини. Логично. «Мини» осталось в современном языке. А «ми»? Оказывается, тоже осталось. Личное местоимение множественного числа «мы» это и есть этрусское «ми»! Изменилось число. Единственное число у этрусков было как бы обобщенное: мы! В древнерусском было двойственное число: «ве», то есть «мы (оба)». Его заменило универсальное этрусское «ми». И напрасно мы будем искать объяснения в этимологическом словаре. Трудно объяснить, почему от русского «я» вдруг образуется «меня», если не учесть, что язык росенов-этрусков был сходен с фракийским и русским. Многочисленные другие примеры читатель найдет в статье «Тропой Трояновой» (сб. «Дорогами тысячелетий», кн. I).

Росены-этруски пришли на территорию современной Италии из Малой Азии, а точнее — из трояно-фракийского региона (пролив Дарданеллы в древности не разделял, а, скорее, соединял обе области — Фракию и Троаду. Лодка и корабль — главные средства передвижения в древности).

Но на росенах не кончается перечень племен с этим загадочным корнем в названии. На одной из альпийских гор была установлена памятная стела, посвященная римскому императору Августу с перечислением племен, подвластных Риму. На стеле можно прочесть такое имя племени: *rucinates*. Это рудинаты. Ничего больше не известно об этом племени, кроме того, что его имя звучит, в общем, так же, как «русины». Русины же и поныне живут в Карпатах.

В книге «Хетт», написанной известным английским востоковедом О. Р. Герни, можно прочитать, что один из городов Малой Азии назывался так: *Taruisa*. Город этот располагался, по мнению Герни, вблизи от Трои. Тарувиса, Таровиса, Тарвиса, Труиса — так читает хеттолог на-

* *gasenae*

звание древнего города. Точнее прочесть так: Таруиса или Таруса.

Это прибавляет еще одну загадку. Троада — самая западная область Малой Азии. Тут жили дарданы. Они принимали участие в битве между хеттами и египтянами при Кадеше. Но дарданы — это татраны, о которых говорит «Слово о полку Игореве». Татраны перечислены в числе союзников князя Ярослава, которые без щитов, с одними ножами засапожными, кликом полки побеждают, звеня прадедовской славой. Упоминание о прадедовской славе не лишне в этих строках «Слова». Ведь наряду с татранами-дарданами упоминаются и ольберы, и шельбиры. Это древнейшие племена, известные также со времен Фракии и Трои. Автору этих строк удалось прочитать письменные свидетельства, подтверждающие это. Но обсуждение вопроса увело бы нас далеко в сторону.

Вернемся к загадке корня «рус», «рос». Очевидно, приписать его какому-то одному племени или народности не представляется возможным. Оказывается, аорси, указанные на карте Птолемея, это эрзя, одно из мордовских племен:

Было еще племя нэрусы с тем же корнем. Но как его объяснить?

Мне посчастливилось в свое время найти первоисточник: это хеттская надпись «капрас». Ее переводят так: «леопард». Но это не просто леопард. Кап-рас. От первой части слова происходит славянское «капище» и этрусское слово «кепен-капен», что означает «жрец». Значит, кап-рас — это священный леопард, которому поклонялись. А слово „леопард“ писалось так: «рас» и звучало так: «рос», «рус». Так и поныне звучит во многих славянских языках название похожего зверя — рыси. По-польски «рыс», по-болгарски «рис», по-белорусски «рыся». М. Фасмер производит «рысь» от слов «рыжий», «пятнистый». Но рысь, бесспорно, родственница леопарда-роса.

Но если леопарду поклонялись, если был культ леопарда, то где искать его истоки? Ответ, кажется, ясен, ведь именно в центральной Анатолии найден каменный леопард с надписью «капрас».

Раскопки последних десятилетий позволили археологам найти истоки культа леопарда в древнейшем городе Чатал-Гююке, в центральном районе Малой Азии. Археологов восхитило мастерство древних художников. Рельефы леопардов следовали один за другим: целых сорок культурных слоев с изображениями зверя! В течение

многих веков жители этого города, возникшего в VII тысячелетии до н. э., то есть почти во времена легендарной Атлантиды Платона, поклонялись каменным леопардами-идолам. (Здесь же, в Малой Азии, зародился и культ Богини-Матери, подлокотники ее трона выполнены из камня в виде тех же леопардов.)

Люди, создавшие культ леопарда, это поистине сыны леопарда. Можно, конечно, говорить о тотемных животных, но здесь, в этом тысячелетнем почитании, было нечто иное. Это загадка. И каменный леопард-рос молчал, как молчал он на многочисленных поздних рельефах античного времени, во фракийских находках, на раскопах причерноморских городов.

Сыны леопарда. Как это доказать? Меня привлекли памятники культуры, оставленные всеми теми племенами, в названии которых был этот странный корень, созвучный, как удалось показать, древнему имени леопарда. Конечно, в первую очередь это относилось к этрускам-росенам с их оригинальными росписями, обнаруженными, например, в «Гробнице леопардов». Именно у этруско-росенов леопард был в почете, хотя со времени первых обнаруженных в Анатолии изображений прошло пять-шесть тысячелетий. Не заговорит ли этрусский леопард? И он заговорил. Этот таинственный зверь изображен на надгробной стеле VI в. до н. э., которая ныне хранится в городском музее города Болоньи в Италии. Это надгробье из района Чертозы изображает самку леопарда и ребенка. Зверь кормит ребенка. Сюжет напоминает о Капитолийской волчице. Но разница налицо — здесь, на этрусской стеле, ребенок один, а вместо волчицы явно хищник кошачьей породы. Леопард-рос прижал морду к земле, но он стоит на прямых лапах, ребенок же стоит на одном колене, подогнув другое.

Именно этот леопард из Чертозы, этрусский рос, и рассказал своим аллегорическим языком об истории, предшествовавшей той, которая привела к созданию Рима. Леопард выкормил человеческого детеныша. Когда это произошло? У этруско-росенов осталась легенда. Корни же этой легенды уходят, как уже сказано, в анатолийские древности. Чатал-Гююк — Троя — Таруса — Фракия — Иллирия — Этрурия. Это и есть пояс, в котором расселились племена с именем «рос», «рус» или с таким корнем в своем имени. Их было много.

Фракийские и этрусские леопарды, и прежде всего леопард из Чертозы, открывают дорогу в мир древней-

ших представлений, который ведет свое начало от Чатал-Гююка седьмого тысячелетия до нашей эры и других малоазийских центров культуры. Пояс расселения сынов леопарда протянулся от Малой Азии до нынешней территории Италии, включая острова в Средиземном море и некоторые области Ближнего Востока. Этруски не только помнили еще древние предания, связанные с леопардом, но и сохранили обычай изображать этого зверя на надгробьях именно так, как он запечатлен для многих поколений в устных источниках. Леопард из Чертозы — мифический родоначальник племени росенов, но, вместе с тем, и древнейших племен VII тысячелетия до н. э., и их потомков. Ясно, что многие из них сменили впоследствии свое племенное название. Но оно осталось у росенов-этрусков, было передано союзу росомонов.

Изображение леопарда, во многом подобное оставленному неизвестными этрусскими мастерами, встречается и в гораздо более позднее время, спустя столетия. Заглавная буква «Р» из Остромирова Евангелия и других книг сохранила сходство с изображением на каменном рельефе. Поразительно похож этрусский леопард — и изгибом туловища и поворотом своей звериной морды — на леопарда, выцарапанного на отделочном растворе в Успенском соборе Киево-Печерской лавры. Этот собор заложен, согласно летописным свидетельствам, в 1073 г. В аркосолии его южной стены и обнаружен рисунок леопарда. Отличие его от этрусского состоит в том, что зверь в соборе приподнялся на задние лапы, сохраняя, однако, характерный изгиб корпуса.

Идея этрусско-славянской близости высказана в прошлом веке. К сожалению, доказательства нельзя признать состоятельными. Еще не была известна Черняховская культура. Созвучия нескольких слов, подсказавшие саму идею, оказались случайными.

В статье «Этруски-росены» Н. Я. Марр сближал корень самоназвания этрусков с этнонимом «Русь». Задолго до него А. Д. Чертков в известном обзоре «О языке пеласгов, населявших Италию, и сравнение его с древнеславянским» (М., 1855) и статье «Фракийские племена, жившие в Малой Азии» (М., 1852) исходил из той же посылки. Н. А. Державин в книге «Происхождение русского народа» (М., 1944) повторил идею образования этнонима. А. П. Знойко, позднейший автор, утверждает, что интересующий нас этноним одного корня с глаголом «орати» — пахать. Одновременно он привел параллели

ли этрусского и славянского Сатре — Стрибог и скриниум — скрини (сундуки для хранения одежды). Первая параллель выше связана непосредственно с малоазийским регионом и дополнена. Вторая параллель, как представляется, имеет прямое отношение к латинскому, более позднему влиянию и может быть, в свете сказанного выше, отнесена к Черняховскому периоду (слово передано, скорее всего, фракийцами-легионерами, переселившимися на Днепр). Н. З. Суслопаров (см. очерк И. А. Белокопия «Утро творения» в журнале «Москва», 1982, № 3) установил интересный факт: в I тысячелетии до н. э. на Днепре жили племена, родственные по языку литовцам. Этот факт не только не противоречит развитой выше идее переселения фракийцев на север, но и может служить дополнительным аргументом в ее пользу. В статье автора этих строк «Тропой Трояновой» (Сб. «Дорогами тысячелетий» кн. I, М., 1987) и в более ранних работах за основу взята идея А. Д. Черткова, но исключен его материал, оказавшийся ошибочным: удалось найти связанные славяно-этрасские параллели, подтверждающие друг друга, а также установить, что в «Слове о полку Игореве» есть древнейший слой, относящийся к периоду Троянской войны (в связи с тем, что этруски и родственные им племена — выходцы из Малой Азии), а этноним «Русь» обязан своим происхождением древнему слову «леопард» (рос-рус).

Сравнительно недавно Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов выдвинули теорию о прародине индоевропейцев, располагавшейся в V тысячелетии до н. э. в юго-восточной части Малой Азии и частично в Северной Мессопотамии (Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I—II. Тбилиси, 1984). Направление поиска в этой работе, в общем, подтверждает сказанное выше о малоазийской прародине сынов леопарда.

РУСЬ ДОХРИСТИАНСКАЯ

Можно ли выделить именно то племя, которое пришло на Днепр? В «Повести временных лет» названы поляне, но это пока не имеет отношения к делу, ведь сказано же древним автором, что славяне прозвались от тех мест, где они поселились, придя с Дуная.

Остается найти племя с корнем «рос», «рус». Но не всякое имя тут подойдет. Эта народность должна будет выстоять в жестокой борьбе с аварами, готами, тюрками, гуннами и другими захватчиками. Причем, выстоять вскоре после переселения, так сказать, на взлете, не успев ни освоиться, ни наладить хозяйство. Второе качество: у этого племени или народности должен проявиться вскоре дух организации, который приведет к образованию крупнейшего государства — Киевской Руси. Это может быть и прошлый опыт.

Можно ли, право, отыскать такое племя или народность?

Да, можно.

Это одрисы (*odrzsuae*).

Звучало это так: одрюсы, одрусы. Корень тот же.

У одрисов было государство. Они потеряли его на крутом изломе истории, примерно в то же время, когда лишены земельных участков этрусски-росены окончательно вымерли.

Сказанное выше о фракийцах, об их культуре, обычаях, языке относится прежде всего к одрисам, к той их части, которая не была эллинизирована. Это самое многочисленное племя во Фракии. Одрисы — пахари, они жили сначала на юге Фракии, но постепенно заняли обширные территории. Многие из них оказались в городах-полисах на побережье Черного моря, особенно усилился поток переселенцев после присоединения Фракии к Риму.

Правильнее говорить о племенном союзе одрисов, в который входили, вероятней всего, не только сыны леопарда (а таких племен, как уже отмечено, было множество), но и балты, а также отдельные кельтские племена.

Союз этот был основой государства одрисов. Собственно, провинция Фракия территориально почти совпадает с государством одрисов.

Первое одрисское государство сложилось в V веке до н. э. «Фракийские племена, издавна жившие независимо друг от друга, — пишет Т. В. Блаватская, — были объединены царями племени одрисов и образовали могущественное царство»*.

В цитируемой книге со ссылкой на Ксенофонта отмечено, что любимым занятием фракийской знати был конный спорт. Конные состязания у фракийцев и одрисов в

* Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I веках до нашей эры. АН СССР, М., 1952 г.

особенности упоминаются в древних источниках не однажды. Типична для раннеклассового общества идеология знати: достойным уважения считалось также военное дело. Геродот сообщает, что аристократия отделяла себя от простого народа, с пренебрежением относилась ко всякого рода ремеслам и земледелию.

В первой половине V века до н. э. сложилась монархия одрисского царя Тереса, которая объединила большинство фракийских племен, не разрушая их социальных отношений. У фракийских племен, живших в горных и труднодоступных районах, отмечает Т. В. Блаватская, сохранились устои первобытно-общинного строя во всей его полноте в течение длительного времени.

Терес — историческая личность, правда, о нем известно не так уж много. Дочь свою он выдал замуж за скифского царя Ариапейфа (Геродот, IV). В своей политике Терес ориентировался на Элладу.

Образование сильного одрисского царства положило предел военным конфликтам. Скифы не могли одолеть одрисов. Был заключен союз. Близ Пловдива в кургане обнаружен золотой перстень одного из одрисских правителей, на котором выгравировано имя владельца: Скифодок. Это свидетельство мира и родства фракийских династий со скифами.

Выдающейся личностью был преемник Тереса Ситалк. Его деятельность описана Фукидидом. Ситалк взимал дань не только с фракийцев, но и с эллинских городов, он создал государственную казну своего царства, наладил выпуск полноценной монеты. Афины поспешили задобрить одрисского царя.

Племянник Ситалка Севт чеканил серебряную монету со своим именем и изображением всадника. Конные воины составляли основу фракийского войска. Фукидид (II) сообщает, что войско Ситалка насчитывало не менее 15 тысяч человек, из них одну треть составляла конница. Большинство конников — одрисы и геты. Ситалк был на стороне Афин в Пелопонесской войне.

При Ситалке и Севте государство одрисов, выросшее из союза фракийцев, объединило большинство племен. То была эпоха наивысшего подъема его могущества. Междоусобицы членов царствующего рода после смерти Севта привели к расколу и раздроблению: южное побережье Фракии находилось под властью Севта II, а внутренние области подчинились Медоку.

Царь Котис, стремившийся восстановить единство Фракии, вел антиафинскую политику и был убит в 358 г. до н. э.

Вскоре государство одрисов потеряло независимость. Македонские династы (Филипп) захватили значительную часть государства одрисов. Поход Александра Македонского на Фракию поставил страну в зависимость от усилившегося соседа.

Македонию населяли также фракийские племена, но они были сильно эллинизированы. Теперь, после признания власти Александра, в его армию входили одрисы, трибаллы, иллирийцы. Внутреннее управление оставалось за местными князьями и царьками.

Одрисы начали антимакедонское движение; князь одрисов Севт III восстановил независимость государства. Он выпускал серебряную монету, перечекая македонское серебро с изображением Александра Великого.

Вскоре, однако, после неудачных боев на горных перевалах с войсками диадоха Лисимаха одрисы снова потеряли независимость. Только после третьей Македонской войны (171—168 г. до н. э.) Фракия вышла из-под влияния Македонии. Примерно через сто лет государство одрисов оказалось в сфере влияния Рима.

Одрисы вели в I в. до н. э. проримскую политику, однако Рим все более вмешивался в их дела. В 31 г. до н. э. Рим возвел на одрисский престол фактически своего ставленника Котиса. Это усилило проримскую ориентацию государства. В I в. н. э. Фракия стала провинцией империи. При Траяне севернее Фракии образована провинция Дакия.

Первый век был роковым для Фракии. Одрисское государство занимало территорию до Дуная, но Рим готовил аннексию страны. Именно в это время произошли крупные народные восстания на севере и юге страны (21 г. н. э.).

В своей книге «Мезия в I—II веках нашей эры» Г. Д. Златковская пишет:

«В 44 г., после смерти Реметалка II, Фракия была отдана старшему из сыновей Котиса — Реметалку III, не воспитывавшемуся на родине, не знавшему обычаев и традиций своей страны, римлянину по духу и полуримлянину по происхождению. Теперь римляне сочли подготовку полной аннексии Фракии законченной и объединение под одной властью балканских провинций излишним: они стали теперь управляться каждая отдельно; Фракия

же в 46 г. н. э. была превращена в римскую провинцию. Мезийская часть Одрисского царства вошла в состав провинции Мезии.

Античная традиция ничего не сообщает нам относительно обстоятельств смерти последнего фракийского царя. Весьма вероятно, во фрагментированной надписи в честь Трифены, матери Реметалка III, сообщается об убийстве этого царя. После этого события, происшедшего в промежутке между 44 и 46 гг., Фракия не упоминается более, как отдельное государство. Несмотря на почти полное отсутствие литературных источников (за исключением нескольких слов у Тацита в *Анналах*, XII, 63), все же можно утверждать, что превращение Фракии в провинцию не прошло гладко и сопровождалось народной борьбой».

...История фракийских племен восходит к глубокой древности. Во втором тысячелетии до н. э. они занимали территорию от Черного и Эгейского до Адриатического моря, причем, малоазийские области близ Трои этнически были идентичны собственно Фракии, и их населяли те же фракийские племена.

В XIII в. до н. э. родственные по языку племена плырийцев вклинились между фракийцами и Адриатикой, образовав ту самую Иллирию, о которой вспоминает автор летописи.

Древняя культура одрисов и других фракийцев была воспринята пришельцами — греками: это мифы, культы Диониса и Орфея, бывшего, по преданию, царем фракийцев. Легендарный певец дал имя учению, которое распространилось в Греции (орфизм).

Тысячью нитей связано искусство одрисов со Средиземноморьем, с Трипольем (Трипольская культура — лишь вариант общей культуры Средиземноморско-фракийских племен). Фракийская гробница в Казанлыке — шедевр строительного искусства, а живописные изображения со знаменитыми фракийскими конями поражают воображение.

Особое место занимала у фракийцев выплавка и обработка металлов. Именно искусство выплавки металлов из руд принесли с собой в Италию и этрусски-росены. Исследователи отмечают давние связи между южной и северной Фракией. Серая гончарная посуда к северу от Дуная (с. Александрия) близка к керамике южной Фракии.

Фракийская керамика найдена на Верхнем Днестре и

в Среднем Приднепровье (с. Иване Пусте в Тернопольской области УССР и др. местах),

Впрочем, раскопки на Украине уже дали богатый материал, который пора опознать. На Днепре, близ Киева, в той самой области, которая соответствует Киевской Руси, найдены фибулы дунайского типа, позволяющие судить о прошлом наряду с другими находками. Литые фибулы вошли в моду в последний период Римской империи. Их несколько типов. Все они представлены в раскопках близ Киева, а также в причерноморских городах. Время: IV—V века н. э. Это уже не города-полисы классического типа. Греческие надписи — дань истории. Но городское население уже в основном местное. Овидий еще на рубеже нашей эры сообщал своим друзьям в Рим, что в Томах не услышишь правильной греческой речи, что в самом городе много «варваров».

Варваризация греческих городов отмечается многими исследователями. Но варвары — это новопоселенцы. В I веке н. э. отмечено резкое увеличение фракийских вещей в черноморских поселениях и городах. Это не расширение связей, как думают иные исследователи. Это второй поток переселения — на побережье, в города Северного Причерноморья, подконтрольные едрисам и хорошо известные многим фракийцам. Ясно, что вместе с богатыми князьями и владельцами переселялись и целые деревни. Каждый город окружал пояс сельских поселений. Время совпадает с включением Фракии в число римских провинций! Это знаменательно. Потому что массовое переселение — естественная реакция на тяготы, налоги и поборы римской администрации.

Антропологические изыскания свидетельствуют: черепа в сельских поселениях интересующего нас периода — не греческие.

Мартыновский клад того же периода на Днепре состоит из комплекта серебряных вещей. Среди них — изображение человека в вышитой рубахе и двух коней. Естественное расположение их такое, что кони обращены к человеку. Это фракийский сюжет, причем самый распространенный. Изображения двух коней с человеком посередине характерны для Фракии и, особенно, для левобережья Дуная, то есть для поселений в римской провинции Дакии.

На вышитых славянских полотенцах, в том числе русских, нередок тот же сюжет. Вышитые кони на них соответствуют коням Мартыновского клада.

Более тысячи изображений во Фракии посвящены так называемому фракийскому всаднику, божеству, широко распространившемуся именно в первые века нашей эры, то есть в период переселения фракийцев на север и восток. Фракийский всадник — не просто спутник массового переселения, он — его символ и надежда. На русских вышитых полотенцах мы найдем этого всадника. Это, к примеру, полотенце из бывшего Пудожского уезда Олонецкой губернии в коллекции В. Н. Харузиной. Всадник на небесном коне воздел вверх руки. Вместо головы у него фигура с символами солнца, во всем подобными фракийским. Обычно у фракийского всадника в руке меч. Это относится и к наскальным изображениям. Но у всадника из коллекции В. Н. Харузиной меча нет. Это и понятно: зачем всаднику мирных хлебопашцев меч?

На многих полотенцах изображены женщины. Среди них, как отмечает Б. А. Рыбаков, богиня Макошь. Но вот что любопытно: даже на этих «женских» полотенцах фигуры расположены на фракийский манер! В середине Макошь, по обе стороны от нее две всадницы.

Ну, а сами полотенца и обычай их вышивания разве не из Фракии? А вышитые рубашки? Разве такие рубашки не стали символом славянского мира?

Двух коней и центральную фигуру не спутаешь ни с какими другими даже на русских подвесках-амулетах XI—XII вв. н. э. Дальнюю дорогу одолели и фракийские священные птицы из этого же круга находок, и фракийские звери, и фракийские солярные знаки.

Пора бы все это узнать и признать.

Уместно назвать имена одрисских династов и правителей — Терес, Садок, Котис — в сопоставлении со славянскими именами. Терес — Тарас (переход «е» в «а», как в случае Ксения — Оксана). Садок — Садко (герой былин и сказаний новгородских славян). Осталась и вторая форма: Садоф (украинское имя). Котис — Котек, Коташи, Котко (очень распространенное имя — от Литвы до Киева).

Имена фракийцев содержат иногда составную часть «рус». Это, например, Пурирус, Тарус, Пуррус. Пури можно озвучить как Бури, Бори. Бори-рус. Это понятно. Но вряд ли это имя было широко распространено в земле одрисов. Скорее всего, оно характерно для бессов или других племен, соседей одрисов. Почему? Потому же, почему фамилия Мордвинов принадлежит, к примеру, скорее всего выходцу из Мордовии. Имя с составной частью «рус» давалось точно так же в земле бессов выходцу из племени

одрисов. Это прямое свидетельство того, что земля одрисов называлась тогда землей русов, а сами одрисы — русами. Вспомним, что одрисы — имя, данное племени греками. Этруски — тоже «изобретение» греков. На самом деле этруски называли себя росенами. Второе «изобретение» греков — одрисы. Оно также не отражает подлинной картины.

И сами одрисы и их ближайшие соседи знали другое имя: русы.

Воспользуемся именем Пурирус, чтобы проверить правильность умозаключений. Справедливо ли разбиение на две части: Пури-рус? В словаре древних славянских имен можно прочесть: Буривой. Иных это восхищает: как же, в имени слышен вой бурь! Но согласиться с этим невозможно. Вой — это, безусловно, воин. Бури—Пури, та же первая часть фракийского имени, которая определяет однозначно и вторую, интересующую нас часть — рус. Концы сошлись с концами. Одрисы действительно русы, с такой же степенью достоверности, с какой этруски — росены.

Это снова возвращает нас к теме переселения на север и к главной волне переселений на рубеже эр. Источник, который дал как бы мгновенное фото этого процесса, который длился веками, — сочинение Иордана.

Росомоны — союз, подобный союзу одрисов. Недаром здесь встречаем те же имена племен, что и во Фракии. Памятники Черняховской культуры свидетельствуют о высоком уровне развития хозяйства пахарей-земледельцев. Можно предполагать, что и здесь установился обычай дани, подобный тому, который ввели одрисы во Фракии. (Косвенным свидетельством может быть факт редких находок оружия в захоронениях черняховцев. В самом деле, если племена, расселившиеся здесь, платили дань одрисам-русам, то те, в свою очередь, как и во Фракии, брали на себя защиту их от врагов. Из этого следует, что и здесь, как позднее в Киеве, была дружина, подчиненная князю.)

«Повесть временных лет» свидетельствует, что славянские племена, переселяясь на новое место, назывались нередко по-новому, в зависимости от мест, где они оседали. Это интересно вспомнить в связи с двойным именем одрисы-росомоны. Трудно ожидать, что древнее имя союза племен и государства сохранится на северных территориях. Так оно и случилось. Одно из племен одрисов дало новое имя этому союзу черняховцев, то самое, которое назвал готский историк Иордан... Росомоны, если судить

даже по короткой записи о них в готском документе, проявили во время нашествия готов прямо-таки поразительную способность и умение организовать и выстоять в новых условиях. Напомним, что обстановка была исключительно сложна (великое переселение народов!), и вот в период самых грозных в ранней истории Европы нашествий (готы и гунны!) эти, неизвестные дотоле, росомоны не только нашли решение (временное объединение с грунами), не только воплотили его в жизнь, но и вынудили готов покинуть вотчины славяно-балтов.

Готам был нанесен невосполнимый урон именно на территориях, контролируемых росомонами. Иордана трудно заподозрить в симпатиях к росомонам, но скупые строки открывают словно сами по себе удивительную картину. Двести лет спустя после событий Иордан в сердцах называет росомонов вероломным племенем, как водится, забывая, что именно готы вломились на их земли непрошеными гостями.

За этими удивительными событиями не мог не стоять вековой опыт государственности, навыков управления, поразительной смелости (вспомним отомщенную Сунильду и разрыв союза с готами). И еще и еще раз пройдут страшные в своей многочисленности и натиске орды кочевников именно через земли росомонов, и все же земли эти поднимутся, стряхнув с себя эти пришлые орды, точно по мановению волшебной палочки.

В истории был пример подобного рода: одрисы смогли соединить мужество, стойкость и государственный ум в невероятных почти ситуациях, когда требовалось противостоять скифам, эллинам, объединениям местных племен, и — позднее — еще и Риму. И все же государство одрисов было обречено. Римские легионы докатились впоследствии до Карпат. Эту махину нельзя было остановить. Государство одрисов стало провинцией Рима (это и есть начало волны массового переселения на север и на восток — в причерноморские города). Шестисотлетняя история государства фракийцев-одрисов кончилась. Кончилась, чтобы воссияла слава Киева и Новгорода.

ХРОНИКА СЕМИНАРА

12—17 июня 1987 года в Новосибирске проходил Семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, работающих в жанре фантастики и приключений. Работой Семинара руководили заместитель главного редактора ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» Р. В. Чекрыжова, писатели Е. Я. Гуляковский, Ю. М. Медведев, М. П. Михеев, С. И. Павлов, Г. М. Прашкевич, В. И. Щербаков, кандидат филологических наук И. В. Семibrатова. Для участия в Семинаре были приглашены В. Титов /Барнаул/, А. Бушков, Л. Кудрявцев, Е. Сыч. М. Успенский /Красноярск/, А. Головков /Новокузнецк/, А. Бачило, В. Галкин, В. Карпов, В. Клименко, О. Костман, Е. Носов, А. Пасман, В. Пищенко, Т. Пьянкова, И. Ткаченко, О. Чарушников, М. Шабалин, А. Шалин, А. Шведов, Л. Шувалов, А. Ярушкин /Новосибирск/, А. Скрягин /Омск/, Т. Мейко, А. Рубан, Д. Федотов /Томск/, В. Крылов, Л. Кузнецов /Улан-Удэ/, Е. Грушко /Хабаровск/, Г. Угаров /Якутск/.

ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» запланирован выпуск в 1989 году двух книг по итогам Семинара — сборника «Ветка кедра» и «Баллада о встречном ветре» В. Пищенко.

сборник
7Р
УМБЫ
АНТАСТИКИ

ере-
крёсток
Мнений

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВ (Новосибирск)

АНДРЕЙ ДМИТРУК (Киев)

НИКОЛАЙ ПОЛУНИН (Москва)

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

ОБЗОР КНИГ, ВЫПУЩЕННЫХ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКИМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ
ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» В 1983—1987 гг.
В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ».

Признаюсь честно: к знакомству с «Библиотекой советской фантастики» приступал с некоторым предубеждением. В последнее время в периодике замелькали статьи, критикующие деятельность издательства. Правда, обращало на себя внимание одно обстоятельство — статьи эти, несмотря на достаточно широкую географию их издания, написаны, в общем-то, нешироким кругом людей, да еще смущала неконкретность: авторы статей предпочли не называть ни образцы «превосходной литературы», выпущенной в годы минувшие, ни примеры «псевдолитературы», которая якобы выходит сегодня. Когда чохом хвалят или чохом же ругают, это всегда вызывает недоверие. И все-таки дыма без огня, вроде бы, не должно быть... Поэтому, чтобы впечатление было более полным, решил ознакомиться с серией за достаточно большой срок.

Автор отнюдь не претендует на безупречность своего вкуса, равно как и на безошибочность выводов. Тем более, что обзоры всегда страдают некоторой поверхностностью — практически каждая из рассмотренных книг заслуживает отдельного профессионального разбора. Будем надеяться, что такой разбор еще состоится, что свое мнение выскажут как люди, профессионально занимающиеся НФ-литературой, так и широкие круги читателей жанра.

В обзоре рассмотрены книги, выпущенные в серии «Библиотека советской фантастики» за последние пять лет, и первая часть романа С. Павлова «Лунная радуга», вышедшая несколько раньше: нелогичным показалось отрывать окончание от начала — итак роман, к сожалению, никак не увидит свет в полном объеме — под одной обложкой. Именно с этого произведения, отмечая появление которого, А. и Б. Стругацкие писали, что в «Молодой гвардии» вспыхнула отличная «ЛУННАЯ РАДУГА» С. П а в л о в а, и хотелось бы начать.

Следует согласиться с известными писателями — роман Павлова действительно стал явлением в советской фантастике. Основной причиной успеха «Лунной радуги», думается, стало обращение автора к высоким этическим проблемам и занятая им позиция →

туманистическая, соответствующая сути задач советской фантастики, сформулированных в творчестве И. А. Ефремова.

...Группа космодесантников, вернувшихся из трагически завершившегося рейда в систему Урана, приобретает совершенно необычные, экзотические свойства. Это становится известно работникам Международной службы космической безопасности, которые обеспокоены: не утратили ли бывшие космодесантники человеческой сущности, не станут ли угрозой существованию и здоровью человечества? Проблема контакта человека с тайнами Внеземелья, ликвидация неблагоприятных последствий этого контакта, нравственные аспекты превращения «человека земного» в «человека галактического» глубоко и достоверно разработаны автором. Образ одного из «экзотов» — Нортон — находится в центре первой книги. Читатель узнает о невероятных способностях, которыми «наградило» Нортон Внеземелье, но вместе с тем убеждается, что бывший космодесантник отчаянно борется за сохранение в себе человека — именно об этом говорят его мысли и поступки.

Сложную нравственную проблему С. Павлов успешно разрешает во второй книге романа. Непростой путь, который придется пройти пилоту Андрею Тобольскому, помогает раскрыть загадку. Невольно напрашивается сравнение романа «Лунная радуга» с повестями А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер» — в них рассматриваются похожие проблемы. В итоге создается впечатление, что это сравнение — в пользу С. Павлова. Работники Международной службы космической безопасности в «Лунной радуге» по-человечески глубже представителей «Комкона — 2» («Жук в муравейнике»). Заботясь о Земле в целом, они не позволяют себе нарушения законности по отношению к «экзотам», несмотря на вполне понятные негативные чувства, испытываемые к потенциальным врагам человечества.

Любопытно, что время событий, описанных в «Лунной радуге», гораздо ближе к сегодняшнему дню, по сравнению с названными произведениями А. и Б. Стругацких. Персонажи С. Павлова должны бы, по логике вещей, уступать «потомкам» из коммунистического «полдня XXII века». Но, в сопоставлении с героями Стругацких, персонажи «Лунной радуги» выглядят гораздо человечнее, нравственно полнее, душевно тоньше. Естественней и гуманнее выглядит и разрешение проблемы, предложенное автором «Лунной радуги»: не нелепое убийство подозреваемых, как в «Жуке в муравейнике», не равнодушный уход люденов в «Волны гасят ветер», а путешествие к дальним мирам. «Экзоты» С. Павлова, покидая родную солнечную систему, не бегут от человечества, которое и организует для них экспедицию, не порывают с ним. Они чувствуют и осознают себя членами единой человеческой семьи, недаром их космический

корабль получает название «Великий предок» — в честь человека Земли. Забывший свой дом, свои корни, — обречен: такой вывод сделает читатель, знакомясь с последними главами романа. К гибели Мефа Аганна приводят не странные качества «экзотов», а именно эта оторванность от своих корней, которая была свойственна его характеру с детства.

Помимо умелого разрешения нравственных проблем; глубокого проникновения в образ героев, к достоинствам «Лунной радуги» следует отнести и мастерски закрученный сюжет. С. Павловым написана фактически «космическая опера» — произведение и фантастическое и приключенческое одновременно, причем, обе составляющие прекрасно удались автору.

Критика отмечала некоторую перегруженность романа (особенно его второй книги) техническими терминами. Честно говоря, это несколько не мешало мне при чтении книги. Думается, что для любителей технической НФ все эти «безекции» и «лазекторы» интересны сами по себе, для тех же читателей, которых интересуют прежде всего сюжет и морально-этические проблемы, техническая терминология будет не помехой, а, скорее, своеобразным фоном, создающим колорит описываемой эпохи. (В скобках заметим, что в свое время и «Страна багровых туч» братьев Стругацких выходила со словариком терминов, новых тогда, но ставших обычными и привычными сейчас.)

К. Булычевым написано немало произведений. Среди лучших книг автора находятся сборники «ЛЮДИ КАК ЛЮДИ» и «ПЕРЕВАЛ».

По-лубочному ярко изображены автором Полуехтовы Ручьи, где разворачиваются события повести «Царицын ключ». Здесь и малина величиной с кулак, и говорящий ворон Григорий, и бродящая сама собой мельница, и стреляющий из пушки медведь... Не подоплека событий, происходящих на сказочном фоне, достаточно реалистична и актуальна. Необходимость бережного отношения к русской истории, к памяти предков определяет поступки героев. Есть в повести и «темные силы», вот только к сказке, к прошлому они не имеют никакого отношения, это — порождение недостатков дня сегодняшнего. И не удивляет единство интересов псевдоинтеллигента Эдуарда Олеговича Винокурова и хулигана и хапуги Василия — ведь суть-то у них одна, и в основе ее — мелочный эгоизм и жадность. Истинными хозяевами фантастического мира Полуехтовых Ручьев являются Глафира Сергеевна, дед Артемий, Ангелина, и замутить чистоту этого мира они не дадут никаким эдуардам и васям.

Повесть «Белое платье Золушки» продолжает серию произведений о космонавте докторе Павлыше. В поисках Марины Ким он попадает на планету Проект, где проводятся эксперименты по

биоформированию. Повесть читается достаточно интересно, чему способствует, прежде всего динамичный сюжет. Но нельзя не заметить, что материал, использованный автором, в значительной мере вторичен — Кир Булычев эксплуатирует собственную тему, найденную чуть ли не десяток лет назад. Именно тогда был написан рассказ «О некрасивом биоформе», вошедший в молодогвардейский сборник «Люди как люди». В этом рассказе достаточно четко были определены и задачи биоформирования, и возникающие при этом нравственные проблемы. Справедливости ради, следует отметить, что Булычев не скрывает связи своего старого рассказа с повестью «Белое платье Золушки» — в ней упоминается герой рассказа Драч. Но сущность от этого не меняется — ощущение вторичности повести, новизны использованных в ней идей остается. В этом отношении «Белое платье Золушки» в значительной мере уступает и «Царицыну ключу» и завершающей сборник повести «Перевал».

...Где-то в глубоком космосе потерпел катастрофу космический корабль землян. Уцелевшие космонавты вынуждены вести жизнь, полную лишений, — у них нет ни современного оружия, ни машин, ни приборов. Не могут они и связаться с родной планетой. Маленькая колония живет так же, как сегодня живут примитивные племена Земли, как жили наши далекие предки. Что делать дальше, как выжить детям, родившимся на чужой планете, никогда не видевшим Земли? Идти по пути постепенного одичания или сделать все, чтобы сохранить в себе Человека? Два варианта исхода, два пути. И успешный переход экспедиции через перевал до космического корабля — это не только успех похода. Это моральная победа Олега и тех, чьи взгляды, идеи он выражает. Немало трудностей ждет впереди маленькую колонию, но финал повести в целом глубоко оптимистичен.

Творчество одного из старейших советских писателей М. Г р е ш н о в а представлено в серии сборником рассказов «СНЫ НАД БАЙКАЛОМ». Лучшими в нем, пожалуй, можно считать рассказы «Железный солдат» и «Лица».

Сюжет первого из них незатейлив. Три друга, направляющиеся на отдых, встречают пожилого человека, который рассказывает им историю о том, как в годы Первой мировой войны на Землю опустился космический корабль-зонд. Автору удалось образы друзей (особенно Виктора), да и старик-рассказчик оживает в своей образной речи. Простенький, казалось бы, рассказ запоминается накрепко, его хочется перечитывать.

Прежде всего образом художника Ленга запоминается и рассказ «Лица». Ленг обнаруживает на скалах портреты людей, непонятным образом запечатленные самой природой, и воссоздает их на холсте. Страшны эти портреты. Но ведь в них живет наша история. Ее «нельзя вычеркнуть, какая бы она ни была. Она повсюду —

она в полях, которые освоены усилиями сотен поколений, которые сменялись здесь одно за другим. Она в легендах и преданиях. История учит. Она напоминает о том, что было, и поэтому ее ужасы поучительны».

Ничто не исчезает бесследно — такова одна из идей автора. О способности природы сохранять и воспроизводить зрительные образы давно ушедших времен узнают герои рассказа «Сны над Байкалом». Улавливать рассеянные в пространстве мысли гениев способен Сергей — герой рассказа «Открытие». Вообще, проявлению необычайных способностей в людях М. Грешнов уделяет много места в произведениях, помещенных в сборнике. Начинает слышать мысли окружающих Володя («Необыкновенный дар»), открывает секрет цветов Борис Андреевич Бельский («О чем говорят тюльпаны»), умеет чувствовать состояние камня спелеолог Гарай («Сезам, откройся!»), способность животных влиять на психику людей устанавливает Леонид Васенюк («Чайки с берегов Тихого океана»). И во всех рассказах открыватели необычного стремятся отдать свое открытие людям, попытка замкнуть его только в себе оборачивается драмой («Источник не-пей-вода»). В то же время, нельзя не отметить, что некоторое однообразие приема при чтении утомляет, снижает ценность рассказов.

Удался автору лирический рассказ «Эла», герой которого попадает в мир, населенный живыми мелодиями, — если не ошибаюсь, идея нова для нашей фантастики. Менее удалась рассказы «Хромосомы судьбы», «Дробинка», «А вдруг...» Два последних — юмористическая фантастика, малоинтересная по причине надуманности ситуаций. В «Хромосомах судьбы» сомнительна научная посылка — все будущее человека с рождения зашифровано в геноме. Кроме того, автор в этом рассказе почему-то переносит действие с родной земли, которую он хорошо знает и чувствует, в плохоузнаваемую «западную страну». Лучше, но оставляет ощущение вторичности рассказ «Экзамен по космографии» — история посещения космонавтами планеты, на которой хранится информация от пришельцев из космоса, проявляющаяся во время сна, — такое в фантастике встречалось неоднократно.

Послесловие к научно-фантастической повести С. Ж е м а й т и с а «ПЛАВАЮЩИЙ ОСТРОВ» написал И. А. Ефремов. «Главное место действия — Индийский океан, искусственный остров среди теплых, прозрачных вод, вокруг которого умные, понимающие людей дельфины пасут китов, охраняют от акул и косаток, помогают исследовать таинственные глубины подводных ущелий, где скрываются огромные головоногие, — писал Иван Антонович. — Не может не понравиться читателям дружба между людьми и дельфинами, как между независимыми интеллигентными существами. Описания ухода за китами и борьба с пиратом-косаткой Черным

Джеком живы и занимательны. Добрые отношения людей бесклассового общества делают все персонажи привлекательными».

Присоединяясь к оценке Ивана Антоновича, необходимо тем не менее отметить, что со времени первой публикации (1970 год, издательство «Детская литература») повесть успела в известной степени устареть. Многие из научных идей, звучавшие свежо или оригинально в конце шестидесятых годов, за тринадцать лет успели либо стать широко известными и не несут откровения, либо оказались не совсем состоятельными и потеряли привлекательность. Кроме того, эта повесть явно рассчитана на юного читателя — именно этой категории адресует ее И. А. Ефремов. Видимо, поэтому автор искусственно «приглаживает» образы героев, обходит естественные в отношениях между людьми конфликтные ситуации. В отличие от образов, созданных самим И. А. Ефремовым, герои С. Жемайтиса мельче, слащавее, инфантильнее. Как следствие — в «Библиотеке советской фантастики» «Плавающий остров» выглядит в достаточной степени отчужденно.

Вечные морально-этические проблемы исследует в своем творчестве автор сборника «ЗНАКИ ЗОДИАКА» О. Л а р и о н о в а. Добро всегда дает всходы — к такому выводу приходит герой рассказа «Сотворение миров» Кирилл Анохин. Растения далекой планеты, согретые теплом его заботы, в страшный момент катастрофы, жертвуя собой, спасают человека от гибели. Широко известен рассказ «Вернись за своим Стором» — один из лучших в сборнике. Писать о нем трудно, изложение несложного сюжета, так же как и описание мыслей и поступков героев неспособны передать прелесть маленького произведения. Но можно с уверенностью утверждать — ни одного внимательного читателя он не оставит равнодушным. Герои рассказов «Дотянуть до океана» и «Соната ужа» гибнут, но их смерть оправданна — за ней моральная победа людей, спасших планету от катастрофы («Дотянуть до океана»), и буквально взорвавшего страшный мир садка-вивария для гуманоидов Сергея Тарумова («Соната ужа»). Говоря о последнем рассказе, нельзя не отметить мастерство, с которым выписала О. Ларионова природу этого «зоопарка», устроенного неизвестным человеку разумом, его необычных, нестандартных в фантастике обитателей.

Человек не имеет права судить об окружающем, исходя только из своих привычных критериев, — к такому выводу приходит герой рассказа «Где королевская охота». От проступка до преступления один шаг, и убитое им нелепое животное «бодуля» принимает внешность своего убийцы. Многие понял герой во время погони за подранком — недаром с исступленной настойчивостью выводит он на стене коттеджа: «НЕ ОХОТЬСЯ!» О многом заставит этот рассказ задуматься и читателя,

Лиричностью выделяется рассказ «У моря, где край земли». Не знания, не секреты земной технологии привлекли юную инопланетянку, не понимавшую, что может дать Земля ее в достаточной степени благоустроенной и уютной планете. После встречи с человеком девушка неожиданно заметила, что «солнце, наше маленькое белое солнце стало вдруг огромным и совсем золотым, словно собрало в себя все золото звезд, оно было таким жарким и нестерпимым, что зеленый песок пустыни тоже стал золотым, как цветы когоройни, покрывающие наши города, а далеко-далеко, по самому горизонту, поднялись невиданной высоты лиловые горы, легкие, как облака, с алыми сияющими вершинами... И не было в мире, во всем этом огромном мире ничего, чтобы осталось прежним».

Рядом с этими рассказами значительно менее удачными выглядят «Планета, которая ничего не может дать» и «Подсадная утка». В первом из них своеобразно обыгран миф о Пигмалионе и Галатее. Инопланетянка-разведчик влюбляется в земного художника, бежит с корабля и остается на Земле. Земля дала ей возможность почувствовать себя личностью. Смущает один момент — неоправданно часто в фантастических произведениях инопланетяне бросают все ради чудес Земли. Земляне всегда и везде сохраняют верность родной планете, а вот пришельцы из космоса чрезвычайно легко «меняют прописку». С тем, что наша Земля прекрасна, можно согласиться без спора, но принять нарочито-бравадный геоцентризм трудно. Примерно те же недостатки характерны для рассказа «Подсадная утка». Герои-земляне в стиле известного Джеймса Бонда «нейтрализуют» союзников-альфиан, чтобы самим сыграть роль «подсадной утки» и занять место в ловушке на космических чудовищ — десмодов. «А мы вот такие», — гордо говорит один из героев рассказа, «когда все благополучно закончилось» (правда, у героя этого «зубы еще полизгивали от нервного возбуждения»), — «мы такие со всеми нашими страхами и рукоприкладством, и некоторой технической смекалкой, и неподчиненностью высшему командованию... Люди, в общем». Если этот рассказ расценивать, как юмористический, то надо признать, что юмор неудачен. Чувство меры явно изменило автору в целом удачного сборника «Знаки Зодиака».

Об уровне сборника Ю. Медведева «КОЛЕСНИЦА ВРЕМЕНИ» ярко говорит тот факт, что вошедшая в сборник повесть «Куда спешить, муравей?» на конкурсе, проведенном рядом клубов любителей фантастики, была признана одним из лучших фантастических произведений года. Вместе с ее героями читатель побывает в гостях у таинственного latinoамериканского племени и в горах Алатау, встретится с инопланетными космонавтами... По нескольким сюжетным линиям развивает действие автор и несколько неожиданно органично связывает их, поднимая большую нравственную проблему, важную для каждого человека: как ты живешь?

Так же, как лучшие — будем надеяться, что их большинство, — странствуя, или захлестнут азартом бесполезных гонок, завален горою бессмысленных призов? Непростой вопрос, требующий от каждого, прочитавшего повесть, честного ответа. Ведь отвечать придется самому себе.

Необходимо отметить, что Ю. Медведев прекрасно проявляет себя как мастер сложных сюжетных построений. Два мира сталкивает автор в повести-памфлете «Чаша терпения». Чистый мир красоты, мир Учителя (думается, все читатели без труда узнали в этом образе светлый облик И. А. Ефремова, который действительно был Учителем для Ю. М. Медведева), мир, где живет прекрасная легенда о Снежнолицей, и мир зависти, корысти, преступлений. Автор приводит в повести список преступлений военщины против человечества. Увы, со времени выхода в свет книги он значительно возрос. Трагедия маленького городка Сигона звучит актуальнейшим предупреждением в наши дни. Но окончательная победа несомненно за красотой, за миром света, за тем мальчишкой, который гордо говорит герою повести: «Я Гарибальди. И тоже зовут Джузеппе. И я никогда не умру». На такой высокой ноте заканчивает повесть Ю. Медведев.

Удивительное ощущение остается от «современной сказки» (так обозначил ее автор) «Комната невесты»: постепенно забываются нюансы, сюжетные тонкости, а светлое, чистое воспоминание остается. Как и от всей книги Ю. М. Медведева — «триптиха о красоте земной и небесной», как охарактеризовал ее в предисловии летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза В. Севастьянов,

Нельзя не отметить прекрасный язык, которым написана книга, — читая ее, словно припадаешь к чистому источнику певучей и поэтической русской речи. Не может оставить равнодушным богатство художественных образов, глубина выстраданных автором мыслей. Все эти факторы отводят сборнику «Колесница времени» особое место в фантастике последних лет.

Именно глубины, вечности не достает проблемам, поднятым В. Савченко в произведениях, объединенных в сборнике «АЛГОРИТМ УСПЕХА». Нет, идей в рассказах и повестях автора хватает. Но как сложно порой «продраться» сквозь окружающие их рассуждения до сути! Именно такое ощущение охватывает при чтении философского детектива «Тупик» и рассказа «Перепутанный». Автор явно злоупотребил наукообразностью идеи, чем снизил нравственный аспект проблемы. Лучше в этом отношении рассказ «Жил-был мальчик» — о людях, которым пришлось увидеть свою жизнь как бы со стороны, — и особенно повесть «Встречники». Нравственные поиски героев наполняют их образы, делают яркими, жизненными.

В сборник, выпущенный к 50-летию автора, включены произведения, характерные для разных периодов в творчестве В. Савченко. Но исполнение, в общем-то, понятного замысла оставляет желать лучшего. Устарел написанный еще в 1959 году рассказ «Странная планета». Встреча с неорганической формой жизни, поразительное легкомыслие и безответственность в поведении героев... (Правда, многочисленные произведения других авторов, написанные в наши дни все на ту же воистине неисчерпаемую тему, не лучше этого рассказа В. Савченко.) Несовременны, логично необоснованны поступки героев повести «Алгоритм успеха» (1964 год). Особенно неудачен и неправдоподобен образ директора института, шаблонны другие персонажи. Переиздание этих произведений не украсило ни сборник, ни серию в целом.

Серия «Библиотека советской фантастики» регулярно знакомит читателя с творчеством украинских писателей, работающих в жанре НФ. В книгу киевлянина **А н д р е я Д м и т р у к а** вошли шестнадцать рассказов, часть из которых публиковалась ранее в периодике и сборниках.

Интересен рассказ «НОЧЬ МОЛОДОГО МЕСЯЦА», открывающий книгу и давший ей название. Серьезную морально-этическую проблему рассматривает в нем автор. Герой рассказа Сергей Ивченко неведомым путем попадает в прошлое и там, не совладав с собой, трусливо бежит с поля битвы. Никто из друзей и знакомых никогда не узнает о проступке Сергея — память о нем затерялась в веках, да и не был Ивченко в прошлом самим собою — человеком сегодняшнего дня. Фантастическим образом личность Сергея совмещается с личностью человека из прошлого. Именно этот человек предаёт своих соплеменников. О том, что на самом деле виноват его «интеллигентный двойник из XX века», знает только Ивченко. Он и судит самого себя за трусость, сам выносит приговор и приводит его в исполнение — возвращается в прошлое, чтобы смыть с себя клеймо позора. Естественны переживания героя рассказа, логичен сделанный им выбор, ибо высокая требовательность к самому себе — необходимое качество честного человека.

Внутренне близки друг другу рассказы «Улыбка капитана Дарванга» и «Скользящий по морю жизни». Речь в них идет о войне, точнее, об оружии, калечащем не только тела, но и души людей. Для капитана Дарванга на свете нет ничего, кроме боевого самолета. Нищий мальчишка, чудом ставший пилотом грозной машины, благодаря ей он чувствует себя человеком. Все остальное, в том числе и воспоминания о прошлом, Дарванг отсекает. И решение о полном разоружении — мечта миллионов людей — для него равноценно смерти. Но, видно, не до конца засохли корни, связывающие капитана с детством, с народом, которому он принадлежит. Бомбардировщик может нести не только смерть для окружающих, его

страшный груз способен и помочь людям. Тогда и появляется улыбка на лице Кхена Дарванга.

Точно и правдиво описаны автором чувства и переживания героев этого рассказа — одного из лучших в книге.

Но нелегко изжить наследия вековой жестокости и мракобесия. Актуальным предупреждением звучит рассказ «Скользкий по морю жизни». Насилие запускает свои щупальца из прошлого в будущее, и, чтобы справиться с ним, людям приходится жертвовать самым дорогим из прав человека — правом на жизнь, так, как это делает практикант Алексей Гурьев.

А. Дмитрука волнуют проблемы отношения человека с окружающими людьми, родными и близкими, историческая связь поколений. Им отводится особое место в рассказах, представленных в книге («Уход и возвращение Региса», «Ответный визит», «Посещение отшельника», «Память»). Автор умело, ненавязчиво ставит эти проблемы и умело их разрешает, не боясь высказывать собственную, обдуманную точку зрения.

Глубоко лиричен рассказ «Чудо» — эпизод из жизни по-настоящему счастливых людей. Можно допустить, что прагматиком, поклонником вещизма он может показаться излишне розовым, сусально-слащавым. Но автор уверенно отстаивает свое видение черт человека будущего, рассказ воспринимается и как протест против мнимых идеалов, привлекающих часть наших современников.

Несколько особняком стоит в сборнике «Летающая» повесть в рассказах. Правильнее будет назвать ее циклом, связанным единой героиней — Виолой Мгеладзе. Впечатление цикл оставляет двойственное. К удаче автора можно отнести рассказы «Рай без охотников» и «Дорога к источнику». В них А. Дмитрук остается верен себе: научно-фантастическая идея рассказа не заслоняет нравственных поисков героев. Рассказы «Доброе утро, химеры!» и «Лесной царь» более традиционны для сегодняшней НФ. Столкновение человека с неизвестной цивилизацией биологического типа, долгий и трудный путь прозрения... В этой области научной фантастики найти что-либо новое трудно, особенно в жанре рассказа. А вот рассказы «Аурентина» и «Бегство Ромула» автору не удалось. И, что особенно удивительно, подвело А. Дмитрука чувство меры именно там, где им достигнуты несомненные успехи — в обрисовке нравственного облика героя. Слишком уж по-олимпийски спокойно относится Виола к космонавтам, непростой путь которых завершился на Аурентине, к Ромулу, бежавшему с родной планеты. От этого спокойствия недалеко до жестокости, и блага, которыми Виола одаряет людей, чем-то сродни пресловутой «шубе с барского плеча». Похоже, автор чересчур увлекся своей героиней, ее неограниченными возможностями (особенно явно это заметно в рассказе «День рождения амазонки»), если можно так выразиться, «влюбился» в нее и, как

следствие, потерял объективность. Но это частности. В целом же, «Ночь молодого месяца» познакомила читателя с творчеством очень интересного, самобытного автора.

«ОСТРОВ ПУРПУРНОЙ ЯЩЕРИЦЫ» — сборник произведений разных авторов. Явление само по себе для «Библиотеки советской фантастики» редкое, во всяком случае, «Остров...» — единственная попытка выпуска сборника в серии за последние пять лет.

Украшением книги стала повесть Е. Гуляковского «Шорох прибой» — произведение зрелое, запоминающееся. Автору удался напряженный динамический сюжет, образы главных героев повести. Впечатляет и идея произведения, разрешенная методами НФ-литературы. Проблема охраны окружающей среды, сохранения чистоты мирового океана тесно переплетается с проблемой существования человечества с таинственным, зародившимся в океанских глубинах разумом. Перенос действия в стилизованную «западную» страну позволил автору использовать близкую к детективной форму повествования. Прямого ответа на поставленные в повести вопросы нет, да и нет в этом особой необходимости — ответ подразумевается подспудно, к нему невозможно не прийти, каким бы путем ни шел читатель.

Из всего опубликованного Т. Непомнящим — «Бумеранг Зорича», пожалуй, наиболее зрелая вещь. Любопытна и идея повести — попытка прочтения записей, оставшихся в «памяти деревьев». Автор постарался выстроить сюжет, углубить образ главного героя. Но... Все, или почти все сводится на нет неумелым обращением с языком. Вот примеры: «Параллельно с накоплением, уточнением этих знаний, служивших как бы платформой для внутреннего утверждения зародившейся у Зорича идеи, он много занимался прикладной схемой приборов, с помощью которых будет искать в клетках растений изображения-«картинку». «По дороге из института зашли выпить пивка, и обсуждение продолжалось за столиком. Их не покидала уверенность, что они на правильном пути, что надо будет еще многое проверить, поработать в разных режимах». И так написана вся повесть. Второстепенные персонажи едва обрисованы, их характеры и портретные характеристики даются одной-двумя фразами, словно при описании действующего лица пьесы. Дальнейшее действие не дает ничего нового — герои повести так и остаются ходульными, наспех обрисованными. Можно, конечно, предположить, что творчество Т. Непомнящего настолько специфично, что требует специально подготовленного читателя, но помещенная рядом с «Шорохом прибой» повесть «Бумеранг Зорича» выглядит попросту слабой.

Более благоприятное впечатление производят рассказы С. Плеканова «Остров пурпурной ящерицы» и «Монастырь у теплой реки» А. Мияева. С. Плеканов своеобразно трактует легенду о Золо-

той Бабе, родившуюся у народов Сибири. Ценно уже то, что автор привлекает внимание читателя к малоизвестному факту нашей истории. Остается, правда, ощущение, что С. Плеханов несколько поторопился. Следовало еще поработать с материалом, и тогда вместо короткого и, в общем-то, недописанного рассказа могло получиться добротное фантастическое произведение, интересное и для любителей истории и для юных поклонников НФ.

Лучше удалось выполнение поставленной перед собой задачи А. Минееву. Его рассказ можно считать интересным дополнением к НФ-исследованию Марса. Но главная причина удачи автора — созданный им образ слепого космонавта-исследователя древних письмен Брехта, образ живой, запоминающийся.

В. Михановский — автор достаточно известный. Литературный уровень написанных им вещей, как правило, особых нареканий не вызывает. Достаточно добротно написан и представленный в сборнике рассказ «Элы». Но насколько же вторична его идея! Опять негуманоидная цивилизация, опять поиски контактов с человеком, трудности, опасности, озарение одного из героев... Было уже все это, было многократно... Рассказ если и представляет интерес, то лишь для начинающих читателей НФ. И. Андреев, напротив, нашел любопытнейшую тему. Многочисленный отряд писателей-фантастов как-то не обратил внимания на невидимую кошку Гриффина — знаменитого человека-невидимки Г. Уэллса. Мог получиться блестящий рассказ-мистификация. Мог, но, увы, не получился. Вышел странный гибрид очерка-скороговорки и сценария, позаимствованного из далеко не лучшего западного фильма ужасов. Конец рассказа тоже позаимствован у того же Г. Уэллса. Только на сей раз из «Войны миров». А тему жаль. Но что жалеть о несбывшемся.

Рассказы Р. Романова «Заяц» и В. Ксионжека «Ретро-2081» сборника не портят, но и улучшить его кардинально не в состоянии — их авторы не поднимают сколь-либо серьезных проблем, нет в этих рассказах и оригинальных находок.

Зато бесспорный интерес представляет раздел «В записную книжку фантаста». Думается, что с помещенными в нем статьями В. Ларичева, А. Левина, В. Кючарьянца и А. Знойко с интересом ознакомились все читатели сборника.

В целом сборник «Остров пурпурной ящерицы» получился очень неровным. Рядом с серьезными интересными вещами под его обложкой удивительным образом уживаются вещи достаточно слабые.

В книгу Захара Максимова вошли роман-памфлет «Остров «Его величества» и повесть «И ведро обыкновенной воды...». Рецензию на роман, давший название книге, хотелось бы начать со слов А. П. Казанцева: «Читатель познакомится не просто

е научно-фантастическим сюжетом, но с увлекательным приключенческо-политическим памфлетом». Сюжет романа З. Максимова развивается по законам детективного жанра. Поиск, который ведут советский журналист Сергей Карпов и старший инспектор Спецотдела по борьбе с наркотиками Совета Безопасности ООН Джеральд Финчли, сходится в одной точке — на острове «Его величества» Хауза. Борьба с поставщиками наркотиков перерастает в схватку с миллиардером, намеревающимся вооруженным путем захватить власть не только в своей стране, но и на планете в целом.

В детективную интригу органично вплетается научно-фантастическая идея. Суть ее заключается в открытии, сделанном врачом-садистом фашистом Крафке, который разработал способ погружения людей в длительный анабиоз. Благодаря этому отборные гитлеровские головорезы получили возможность спрятаться от течения времени, пережить (вернее, сохраниться) десятки лет. «Надо отметить, что автор не пошел по известному пути, — анабиоз с помощью замораживания, — отмечает А. П. Казанцев, — а использовал для анабиоза искусственный летаргический сон, не повторяя Леонида Леонова с его сценарием, по которому снят фильм «Бегство мистера Мак-Кинли». Словом, автор романа «Остров «Его величества» воспользовался оригинальной идеей, и, пожалуй, неплохо ею воспользовался...»

Читатель назерняка отметит продуманность сюжета романа, интересный поворот темы приспособления эсэсовцев к новому для себя миру. Дело в том, что усыплялись головорезы с целью возрождения «тысячелетнего рейха», а проснулись... слугами Хауза, который заботился отнюдь не о бесноватом фюрере. Попытки новых подручных проявлять излишнюю самостоятельность были просто пресечены... Едким сарказмом окрашены страницы, описывающие «злключения» Крафке, оказавшегося сущим «агнцем» рядом с профессионалами закулисных интриг: вояками из СС или миллиардером Хаузом. Сатирически-гротескны портреты фашистов, живущих в мире своих бредовых мыслей и мечтаний.

В противовесе этим представителям сил зла, образы С. Карпова, Д. Финчли, их друзей и единомышленников по-человечески привлекательны. Чувствуется в них тот самый «стержень», который отличает людей честных, бескорыстных, сознающих свою ответственность за судьбы окружающего.

Роман «Остров «Его величества» не лишен недостатков. Слащавы сцены любви Карпова и Конци, да и сама идея произведения, если судить по большому счету, вторична — встречалась не раз и не два в советской фантастике, начиная с времен А. Р. Беляева. Но... З. Максимов взял тему романа из окружающей действ-

вительности, где обезумевшие богатеи рвутся к неограниченной власти, бывшие фашисты находят новых хозяев, торговцы наркотиками находятся под негласной (но от этого не менее эффективной) защитой власть предержащих... Пока в мире живы коррупция, военщина, человеконенавистническая «наука», такие произведения, как «Остров «Его величества», будут иметь право на существование. Разумеется, если они написаны на должном уровне. А в этом отношении, как уже отмечалось, серьезных замечаний к роману З. Максимова нет.

Остросюжетная научно-фантастическая повесть «И ведро обыкновенной воды...» посвящена судьбе учёного и его изобретения в мире чистогана и большого бизнеса. Открытие Фредерика Арно, сумевшего создать установку дешевого производства водорода, могло принести огромную выгоду человечеству, но стало причиной смерти исследователя. Фирмам, занимающимся производством горючего, ни к чему конкуренты... Сложная история расследования таинственного убийства Арно позволяет автору вскрыть противоречия, пронизывающие капиталистическое общество, создать яркие запоминающиеся портреты представителей мира бизнеса. Логичен и конец повести. Трудная борьба, казалась бы, увенчалась успехом, секрет открытия Арно попадает в руки ученым, преступная деятельность заправил от бизнеса стала достоянием общественности. Но победа ли это? Если и победа, то далеко не окончательная. Впереди нелегкая борьба, ведь общество, в котором живут герои повести, как раковая опухоль, насквозь проросло метастазами подлости и корысти. Недаром главный герой повести — полицейский Макс Карти — в конце ее предстает перед читателями в образе частного детектива. Видно, власть имущие не простили ему честно проведенного расследования. Тем не менее, повесть «И ведро обыкновенной воды...» по сути своей оптимистична, как и вся, в целом удачная, книга З. Максимова.

В книгу молодого украинского писателя А л е к с а н д р а Т е с л е н к о вошли девять научно-фантастических рассказов. К лучшим из них можно отнести рассказы «Дети Николиана», «Дождь», «Орлан Стах», «Испытание добром».

Сухость и равнодушие к окружающим унаследовал от своего отца Николиан Джерри. Яблочко от яблони... Не всегда эта пословица бывает справедлива, но к героям рассказа А. Тесленко «Дети Николиана» она вполне применима. Равнодушие к судьбе людей приняло у Николиана патологическую форму, к нему прибавилась жажда власти. На этой основе Джерри строит фантазмагорическое общество планеты Дюлия. Убийства, комбинат смерти, наркотики — для Николиана все это естественно, все вписывается в рамки его «морали». В итоге — полное одиночество. Даже роботы отказываются служить Джерри, когда на помощь Дюлии приходит

Земля. Антвутопия удалась молодому автору. В то же время, осталось ощущение, что А. Тесленко слишком большое внимание уделил сюжетным коллизиям. Внутренний мир героев следовало написать глубже.

Рассказ «Дождь» — о едва не ставших непоправимыми последствиях непродуманного строительства энергетической станции — звучит достаточно актуально в наши дни. Что важнее — дешевая энергия или здоровье людей? (Так и напрашивается сравнение: что важнее — сибирские реки, текущие вспять, или разрушенная природа?) Герои рассказа, как и наши современники, делают единственно правильный выбор.

Человек никогда не сможет равнодушно относиться к своему прошлому, к истории, считают герои рассказа «Орлан Стах». Исследователи из будущего, вынужденные остаться в сложном и противоречивом двадцатом веке, становятся его детьми, честно живут и работают, а когда им представляется возможность вернуться в свое время, отказываются от нее. По-иному они поступить не могут, ибо трудности и победы прожитых лет теперь неотделимы от их жизни. Не может поступить по-иному и Орлан Стах, уходящий в странную и страшную капсулу пространства-времени, где еще существуют подлость, насилие, жестокость. Стах гибнет, но его смерть оправданна, как и лишенная внешних атрибутов геройства жизнь его брата Дория.

Точен лирический подтекст рассказа «Испытание добром», лучшего, пожалуй, в книге. Автору удалось естественно передать чувства героя, органично вписывается в рассказ фантастический элемент. В целом удачны и рассказы «Программа для внутреннего пользования» и «Я в сердце не держал обиды». Их также отличает лиричность, благодаря которой поднимаемые автором проблемы приобретают особую остроту. Да они и на самом деле злободневны, несмотря на то, что вопрос, где находится грань между спокойствием и равнодушием, волнует каждого из нас уже сегодня, а проблема взаимоотношений людей и биороботов, казалось бы, принадлежит будущему. Но ведь мера человеческого в человеке, суть героя — все это заботы и сегодняшнего дня...

Менее удачны рассказы о полюбившемся автору биороботе Дьондюранге — «Монолог одного отшельника» и «Дьондюранг». И дело, вероятно, в мерках, с которыми А. Тесленко подошел к проблеме биороботов. Дьондюранг размышляет, поступает чересчур почеловечески, причем критерии его исключительности размазаны, неконкретны и оттого недостоверны. Не суперсущество, а средний обыватель. Образ не получился. Идея тоже не блещет новизной. В итоге — посредственные рассказы. Смутна и идея рассказа «На планете снов». Похоже, автор пытался провести поиск в области формы, но, не найдя верной дороги, остановился на полпути.

А. Тесленко находится в поиске, ищет свою тему, своих героев. Отсюда и определенные заимствования (биороботов, к примеру, описывали многие авторы, достаточно вспомнить близких к ним сигомов И. Росоховатского — разработку удачную и интересную). Серьезные претензии к А. Тесленко предъявить трудно — в целом «Испытание добром» — достаточно профессиональная книга, но, чувствуется, что лучшие произведения автора впереди.

Повесть «Черный Яша», открывающая книгу З и н о в и я Ю р ь е в а «ЧАСЫ БЕЗ ПРУЖИНЫ», посвящена проблемам создания искусственного интеллекта. Сама по себе проблема достаточно интересна, думается, что в ближайшее время человечеству придется столкнуться с ней вплотную. И сложности наверняка будут, причем, скорее всего именно те, что предусмотрел и попытался разрешить автор. Имеются в виду не столько технические проблемы, сколько затруднения морально-этического плана (машина — слуга, это привычно, а машина — равноправный партнер?). Вот только очень уж легко разрешают их герои повести. В мыслях и переживаниях и представителя искусственного разума — Черного Яши и его создателя Анатолия Любовцева не ощущается глубины, естественности. Возможно, виной всему иронический стиль, которым написана повесть, возможно, автор сознательно упростил поставленную перед собой задачу.

Гораздо глубже и интереснее вторая повесть — «Часы без пружины». Именно такой механизм попадает в руки к старому часовщику Николаю Аникиевичу. Малоприятным, но, увы, достоверным и оттого жизненным рисует его автор в начале повести. Странное приобретение — часы, идущие неизвестно как, — преобразует мастера. Попытка проникнуть в секрет часов перерастает в знакомство с жизнью и моральными устоями их прежних владельцев. Николай Аникиевич вынужден взглянуть на себя со стороны, оценить пройденный путь, честно признать неблаговидность кое-каких своих поступков... На протяжении повести образ героя развивается, становится глубже, интереснее. Причем, читатель как бы вовлекается в процесс самоочищения героя, имеет возможность оценить его мысли и поступки. Именно благодаря естественности образа Николая Аникиевича, неподдельности его переживаний, повесть привлекает, будит мысль. Думается, произведение только выиграло бы, если бы автор оставил в нем некий налет таинственности, неразгаданности. Расшифровка тайны часов, появление инопланетных резидентов, превращение Николая Аникиевича в помощника загадочной цивилизации — все это выглядит некоторым излишеством.

Наиболее серьезные нарекания вызывает третья повесть, вошедшая в книгу, — «Беседы с королем Цурри-Эшем Двести десятых». В аннотации к книге значится, что в ней автор «в форме гро-

теска разоблачает нравы общества, в котором царят неравенство и частная собственность». Ну что ж, претензии к автору по поводу изображенного им общества планеты Эш, ее самодура-властелина, наверное, быть не может — сатира есть сатира, а в фантастике и не такое встречается. Но рядом с Цурри-Эшем постоянно присутствует землянин, человек из будущего — младший научный сотрудник Александр Бочагов. От его имени, собственно, и ведется повествование. И позиция, занятая этим исследователем мира планеты Эш, по меньшей мере, вызывает недоумение.

Вот он хладнокровно выслушивает такие сентенции правителя: «Только что мой министр юстиции, полиции и очистных сооружений доложил мне, что с удовольствием примет десяток-другой астрономов для заселения необитаемого острова Драконов. О, это замечательный остров, так сказать, географический раритет: сколько раз мы отправляли туда наших проштрафившихся подданных, а остров так и остается необитаемым. Вы, Саша, знаете мое научное любопытство, неоднократно пытал министра юстиции и полиции, как это получается. А он, представляете, только руками разводит, сам, говорит, не пойму, ваше просвященное величество. Остров отличный, солидный, один камень, сырости ни капли, ни ручейка. К тому же кругом драконы. Живи — не хочу. И не живут же, негодяи. Представляете, Саша, просто какая-то загадка природы». Смешно? Но ведь по сути страшно!

Вот Бочагов спасает Цурри-Эша от заговора. Объясняется все это просто: «...если уж выбирать между знакомым самодержцем и незнакомым, мои симпатии явно были на стороне Цурри-Эша».

В финале повести, убедившись, что столь дорогому его сердцу правителю не спастись от гнева восставшего народа, Бочагов спешит предложить императору переквалифицироваться в... консультанта родного института и при этом с жаром заверяет его: «Чего-чего, а дел хватает. И работы, и общественных нагрузок. Стенгазету, например, выпускать будете». Вот так. Воистину, гротеск. Более нелепую фигуру, чем м. н. с. А. Бочагов, придумать трудно. Но ведь это землянин, наш соотечественник!

З. Юрьев — автор известный. Его сборник «Рука Кассандры», повесть «Полная переделка», другие произведения стали заметным явлением в отечественной фантастике 60—70-х годов. Тем непонятнее просчеты, допущенные им в сборнике «Часы без пружины».

Творчество Г. Шаха представлено в «Библиотеке советской фантастики» двумя книгами — «И ДЕРЕВЬЯ, КАК ВСАДНИКИ...» и «НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ...»

О чем повествует научно-фантастический роман Г. Шаха? О любви? Ведь недаром в заголовок вынесена строка из всемирно известной трагедии В. Шекспира, имена героев книги созвучны име-

нам героев «Ромео и Джульетты», и даже сюжетные линии и эпизоды во многом схожи. Старая-старая история разворачивается на далекой от Земли планете Гермес, живущей по своим, внешне логичным, но, по сути, глубоко порочным законам.

Думается, внешнее сходство с трагедией великого английского драматурга не должно вести к сравнению романа Г. Шаха с пьесой В. Шекспира. Автор рецензируемой книги ставил перед собой иные задачи и решал их средствами научно-фантастической литературы.

Необычен общественный уклад планеты Гермес. Ее общество разделено на кланы согласно профессиональной принадлежности. Маты, агры, филы, химы, — сокращения эти понятны, легко расшифровываются. Такое разделение, вроде бы, логически обосновано — рост объема знаний неудержимо влечет за собой все более и более узкую специализацию, исчезновение ученых-энциклопедистов. Что лучше — быть специалистом в своей, пусть даже узкой, области знаний или всезнайкой-дилетантом? Обитатели Гермеса выбирают первое. Кажется, что же в этом страшного? Тем более, что все кланы на Гермесе уравниваются в правах. Но расслоение общества на планете дошло до абсурда. Браки заключаются только внутри одного клана, даже язык представителей разных профессий достиг такой специализации, что без аппаратов-переводчиков понять друг друга они не могут. Не нашлось места на Гермесе ни литературе, ни искусству — ведь они-то как раз не разъединяют, а объединяют людей. Да и равноправие кланов на поверку оказывается мнимым, представители каждой профессии считают себя выше, важнее для общества. Для разрушения зыбкого здания гермесского общества оказывается достаточно маленького толчка.

Таким толчком оказывается любовь Рома и Улы. Ром — агр, аграрий, а Ула родилась в семье математиков — матов. Они нарушают неписанные законы Гермеса, и общество словно взрывается изнутри.

Достоверно описаны Г. Шахом преследователи влюбленных. Они принадлежат к разным кланам, но суть у этих людей одна. Ее основой служат эгоизм, жадность, ханжество, стремление к власти. Профессор Чейз, брат Улы Тибор, агры Голем и Розалинда, несмотря на всю несхожесть их портретных характеристик, близки друг другу. По сути они принадлежат к одному клану — клану лицемеров и подлецов. «Агр не должен любить мату — это противоестественно. Агр не должен пренебрегать своим кровным делом и покусаться на математику или химию, или юриспруденцию — это преступно». Такова система их взглядов, но только внешне. А по сути? «Хочешь знать мое мнение, — откровенничает с Тибором Розалинда, — так я не вижу ничего страшного, если б Ула и Ром погуляли втихомолку в свое удовольствие, а не доводили до публичного скапдала».

Автор убедительно показывает эволюцию этих «борцов за праведность». От лжи, ударов исподтишка, мелкой подлости они хладнокровно переходят к поджогам и убийствам. Естествен и их конец — вознесенные к вождельным вершинам власти волной глупости и мещанства, они не могут удержаться на гребне и терпят крах.

Но Чейз, Розалинда и К⁰ по сути дела всего лишь марионетки, нити управления планетой Гермес находятся не у них, любое общественное движение имеет под собой экономическую основу. Г. Шах не показывает истинных правителей планеты, но их присутствие постоянно ощущается на страницах романа.

А что же Ула и Ром? Следует признать, что их образы удались автору в меньшей степени. Несмотря на все его усилия показать сложность проблем, возникших перед юными влюбленными, несмотря на привлекательные черты их характеров, главные герои получились, тем не менее, какими-то «голубовато-розоватыми». Зато жизненно наполнены портретные характеристики тех, кто оказал помощь Уле и Рому: наставника Сторти, Бена, Метью, профессора Дезара. Автору удалось показать их силу, убежденность в своей правоте, притягательность для окружающих. Поэтому естественной и закономерной выглядит победа сил разума и справедливости на планете Гермес.

Удался автору романа и образ командора межпланетной связи Тропинина, исполнявшего обязанности посла Земли на планете Гермес. Волею автора на долю Тропинина выпадают серьезные морально-нравственные испытания, но он с честью выходит из сложного положения.

Несмотря на, в целом, серьезный, порой трагический тон повествования, Г. Шах нашел на страницах книги место юмору. Думается, немало веселых мгновений доставят читателям страницы, описывающие, например, судебный процесс над роботами, потребовавшими своего выделения в особый клан. Впрочем, юмор на этих страницах органически перерастает в сатиру. Сатирой, -предупреждением выглядит и весь искаженный мир Гермеса, ведь споры о необходимости узкой специализации, о примате «физиков» над «лириками» и наоборот идут и в наши дни, и отнюдь не в космосе.

Трудно однозначно оценить рассказы «И деревья, как всадники...», «Питон», «Всевидающее Око», вошедшие в сборник Г. Шаха «И деревья, как всадники...». В них автор поднимает, в общем-то, интересные проблемы управления потоком информации в далеком будущем и возможности машинного контроля за поведением людей. Проблемы важные и пока «не заезженные». Но вот способ их разрешения... Вряд ли устроит читателя благородный плагиатор Брокт или изобретатели жуткого по своей сути «Питона». Впрочем, они и автора, кажется, не устраивают, ощущается в рассказах

глубоко скрытая ирония. Остается сожалеть, что автор слишком старательно укрыв ее — как сатирические антиутопии, эти рассказы достаточно хороши. Та же едва заметная ирония присутствует и в рассказе «Гибель Фаэтона», зато автор не сдерживает себя в памфлете «Объект СКАНФ» (пародии на некоторые образцы западной фантастики) и особенно в повести «О, марсиане!».

Признаться, к чтению этой повести приступаешь с некоторой опаской — взяться за тему после Уэллса, Приста, Брэдбери, Лагина, Стругацких!.. Тем приятнее было убедиться в неправильности своих предположений. Повесть, бесспорно, удалась автору. Естественный, ненавязчивый юмор сменяется хлесткой сатирой на нелепости нашей жизни. Представьте себе марсианина, готовящегося к встрече с работниками прилавка! В общем, читая повесть, можно и отдохнуть и хорошенько задуматься.

Удались Г. Шаху и рассказы «Если бы ее не уничтожили» и «Берегись, Наварра!». Первый из них — вещь известная, печатался неоднократно и в дополнительных характеристиках едва ли нуждается. Во втором обращает внимание удачный сюжет и главное — психологическая достоверность поведения персонажей. Действительно, трудно поверить, что человек, зная о готовящемся преступлении (пусть даже уже совершившемся в незапамятные времена), ничего не предпримет для его предотвращения! Этот фактор фантасты, описывавшие путешествия во времени, как-то не особенно учитывали.

Думается, что книги Г. Шаха нашли своего читателя.

«СЕЗОН ТУМАНОВ» и «ДОЛГИЙ ВОСХОД НА ЭННЕ» Е. Гуляковсково, безусловно, являются одними из лучших произведений отечественной фантастики восьмидесятых годов. Налицо все достоинства фантастического жанра: занимательный сюжет, оригинальные научно-фантастические идеи, наличие серьезных морально-этических проблем. Главному герою дилогии Ротанову по воле автора приходится путешествовать во времени и пространстве, участвовать в разрешении необъяснимых, казалось бы, загадок: тайны трескучек планеты Реана, причин войны между людьми и синглитами на Гидре, сущности смертельно опасных для человека люссос, отражении нападения на космические форпосты «черных шаров»... Но советская фантастика знает немало врагов из космоса, описания радужно-светлых и не очень контактов с «собратьями по разуму», борьбы с неведомыми силами природы и т. д. и т. п. ... Е. Гуляковский сумел на проторенных, казалось бы, дорогах найти свои нехоженые пути, свежо и оригинально поставить проблемы, интересно разрешить их.

Как пример — краткое содержание событий на планете Гидра. Немногочисленная колония выходцев с Земли ведет беспощадную, обреченную на поражение войну с белым туманом — «люссосом». Напа-

дая на людей, люссы способствуют созданию синглитов — существ, в чем-то не лишенных человеческих свойств, но абсолютно чуждых человеку, внешне похожих на людей, но обладающих нечеловеческими качествами и потребностями. Чужой разум губит в людях человеческое. Значит, война? Можно ли по-иному защититься от врага, не идущего на контакт, нападающего без предупреждения, соблюдающего лишь свои законы? Многие авторы, скорее всего, не избежали бы соблазна пойти по накатанному пути: описать славные победы и тяжкие поражения, изобретение нового оружия и гуманное отношение к поверженному противнику, вынужденному взяться за ум за столом переговоров. Автор «Сезона туманов» этим путем не пошел. Развязка романа совершенно неожиданна и нетрадиционна. Ротанову удастся выяснить, что люссы опасны только для больных людей. Под действием «белого тумана» старый, больной, умирающий человек превращается в полного сил синглита. Люсс — один из путей к бессмертию. «Величайший дар... внутри этой раковой опухоли, в самой ее сердцевине... Вот что скрывалось за всеми грязными наслоениями, за ошибками, трагическими случайностями, нелепым стечением обстоятельств, непониманием и страхом...» Яркий, оптимистичный финал.

Немало в «Сезоне туманов» и оригинальных научно-фантастических идей. Помимо уже упомянутых люссов, это и трескучки — «белые колокола Реаны» — не то растения, не то живые существа, растущие как в пространстве, так и во времени. Интересны загадочная цивилизация рэнитов, с которой то и дело встречается Ротанов, изобретенный ими хронар... Удались автору образы героев: Ротанова, Дуброва, Анны, Филина, пережившего трагическое превращение человека в синглита. Предупреждением звучит судьба космонавтов-рэнитов, пошедших на уничтожение чужой планеты ради возвращения домой и на многие годы оставшихся в тоскливо-безысходном прошлом. Злободневно выглядит борьба людей за спасение природы Реаны — с этой проблемой мы уже столкнулись, не в космосе — на родной планете. Дискуссионна «гипотеза группы Горюнова», гласящая, что небольшие человеческие поселения в результате изоляции от Земли, материнской цивилизации, ждет постепенный регресс, упадок, а возможно, и вырождение, гибель. Этой теме в фантастике последних лет уделяется значительное место.

«Долгий восход на Энне» — естественное продолжение «Сезона туманов», связанное с предыдущим романом и общими героями, и идейно. В новой книге проясняются загадки цивилизации рэнитов, тайна хронара, дальнейшее развитие получают образы Ротанова и Анны. Сюжет «Долгого восхода...» напряжен, сложен, автор показывает себя настоящим мастером сюжетной интриги, успешно объясняя читателю многочисленные загадки. Очень важно и то, что

сюжет в произведениях Е. Гуляковского является не самоцелью, а средством ненавязчивого разрешения высоких морально-этических проблем. Закономерной выглядит смерть Эсхина — даже обладатель сверхзнаний и сверхмогущества обречен, если он перестал ощущать себя членом социума. Естествен завершающий диалог Ротанова с разумным «озером Забвения», логичен итог этого разговора: «озеро» уходит, ибо «мир, в котором разум осознал свое назначение, священен!»

Интересен роман Г. Гуревича «В ЗЕНИТЕ». Земной писатель-фантаст становится невольным гостем далекой сверхцивилизации. Немало приключений выпадает на долю героя при знакомстве с представителями космического сообщества. Но знакомятся и с ним — «в зените», решают, насколько Земля созрела для вступления в космическое братство. Думается, случись такое наяву (позволим себе это фантастическое допущение), герой Г. Гуревича, как говорится, «не подкачал бы». Он человечен, любознателен, честен, в меру отважен, в меру самолюбив, готов поделиться знаниями и сам учится у других. Роман написан в ненавязчиво иронической манере, в нем немало по-настоящему веселых страниц (например, влечение героя в плену у «восьминулевых» роботов). Эта ироничность, мягкий юмор подчеркивают нарочитость, «ненастоящность» происходящего, но отнюдь не мешают восприятию проблем серьезных, значимых. Так читается рассказ о судьбе великого ученого Здарга и скитании его космической яхты-астероида. Наука ради науки, искусство ради искусства, открытия ради открытий бессмысленны. Интеллект, начинающий жить ради самого себя, обречен. Самые изящные внешние, но ложные по существу идеи ведут к гибели (моральной или физической) не только поверивших в них, но и многих, многих других. И недаром достаточно реалистичный рассказ о жизни и смерти Здарга сменяется гротескной издевкой над судьбой его бездарных последователей, их поочередным увлечением теленаркотиками, «возвратом к природе», религией... Даже ученого, открывшего секрет бессмертия, не пощадили выродившиеся и измелчавшие потомки «интеллектуальных светил»! Сами себе вынесли они приговор, и от полной дегградации обитателей Астреллы спасают те, от кого они многие годы отворачивались в своем высокомерии и ограниченности, — жители их родной планеты.

Необходимо отметить и настоящую россыпь оригинальных фантастических находок, щедро рассыпанных Г. Гуревичем по страницам романа. Это и приемы и способы астродипломатии, и необычные открытия работников галактического полигона, и многое другое. Причем, идеи эти, что очень важно, «работают» — заставляют думать, осмысливать их, вновь возвращаться к книге.

В сборнике Х. Шайхова «В ТОТ НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ» рядом с добротными, интересными произведениями уживаются ве-

щи достаточно слабые. Возможно, свою роль сыграло то обстоятельство, что узбекская фантастическая литература, в общем-то, делает первые шаги, а Х. Шайхов — один из первых в своей республике писателей-фантастов. Тем приятнее, что повести, помещенные в рецензируемый сборник, в общем и целом ему удались. Особо следует отметить повесть «Пламя».

Группа работников одной из шахт планеты Верга подозревается в употреблении наркотиков. Случай невероятный для Земли далекого будущего. Главный герой повести Эркин Мардонов выясняет, что наркотиком служит таинственное свечение, разгоравшееся на стене пещеры. Опасность этого зрелища для здоровья ново-явленных наркоманов не останавливает их. Лишь ценой немалых усилий Эркину удается удержать людей от преступления. Своевременно и актуально звучит это фантастическое предостережение сегодня.

Повесть «Память предков», знакомая любителям фантастической литературы благодаря публикации в журнале «Искатель», написана в ином ключе. Ученый-исследователь Камал неожиданно приобретает способность заглянуть в тайники своей генетической памяти, увидеть то, свидетелями чего были его отдаленные предки. Идея, может быть, и не нова, но выписана Х. Шайховым хорошо, грамотно и, главное, — довольно интересно.

Достаточно интересно читается и повесть «Блеск алмаза» — самое крупное произведение сборника. Тайна планеты Ренэ, открытие на ней неорганической формы жизни, приключения исследователей планеты, установление контакта с «неорганиками», — автор уверенно ведет читателя по страницам повести.

А вот рассказы «Песни дархана» и «В тот необычный день» уступают повестям. Фантастические идеи — оставшийся незамеченным всеми обитателями кишлака, кроме любознательного мальчугана, визит инопланетян и трансплантация мозга человека в организм животного — и вторичны, и поданы слабо. Не спасает дела красочное описание народного праздника и среднеазиатских гор. Может быть, и не стоило помещать эти рассказы в данный сборник.

В целом же, книга Х. Шайхова, на мой взгляд, вполне заслуженно выпущена именно в «Библиотеке советской фантастики», рядом с произведениями признанных мастеров этого жанра.

К числу таких мастеров относится и томский писатель В. Колупаев. Его сборник «СЕДЬМАЯ МОДЕЛЬ» вызвал большой интерес читателей. Творчество Колупаева отмечают тонкий лиризм, психологическая достоверность, социальная заостренность.

Космонавты, улетевшие от родной Земли на много лет и тысяч километров, неожиданно обнаруживают странное свойство пространства: когда тоска по дому, по родным становится невыносимой, же-

лание сбывается и человек оказывается у родного порога. Не нужно ни специальной аппаратуры, ни сложных машин, ничего, требуется одно — любовь к Земле. И постепенно почти весь экипаж покидает летящий к звездам корабль — хотя возвращение на космолет также не вызывает труда, но как трудно на него решиться! А через какое-то время ушедшие начинают забывать о том, что с ними было, не узнают друг друга... Непрост оказывается обратный путь героев. Но они возвращаются. Возвращаются потому, что ведет их все то же прекрасное чувство — любовь к Земле! Такова основная сюжетная линия рассказа В. Колупаева, который так и называется «Любовь к Земле» — одного из лучших в советской фантастике последних лет. Мягко, без нажима, без риторических возгласов и обличительного пафоса ведет рассказ писатель. Вина и беда экс-космонавтов неотделимы друг от друга, они понятны, вызывают сочувствие, сопереживание. И их решение о возвращении на корабль не просто логически и морально оправданно, оно вызывает чувство гордости за этих людей, за Землю, которую можно так любить.

Вечное чувство любви — любви мужчины и женщины — истинный герой рассказа «Две летящих стрелы». Автор не объясняет, как письма влюбленных сумели прорвать цепь времени, да это и не важно — ведь они встретились, нашли друг друга.

«Найти и не потерять единственно близкого человека», «найти себя» — эти проблемы нередко волнуют героев В. Колупаева. Иногда это им удается после долгого труда, а порой оказывается так просто. Стоило Петру Петровичу Непрушину увидеть свою жизнь со стороны, всмотреться в нее, и... Что дальше случится с Непрушиным, можно только гадать, но то, что жить так, как он жил прежде, Петр Петрович уже не сможет, совершенно ясно (рассказ «Фильм на экране одного кинотеатра»).

В сборнике тринадцать рассказов. И говорить, причем, хорошо, можно о каждом. Впрочем, проще прочесть книгу В. Колупаева, «Седьмая модель» — бесспорный успех автора и издательства.

Лиризм, проникновение в характер героя свойственны и лучшим рассказам сборника Ю. Н и к и т и н а «ДАЛЕКИЙ СВЕТЛЫЙ ТЕРЕМ». Автор работает над темой связи поколений, бережного отношения к заветам предков. Именно возможность прожить трудной, но честной жизнью предшествующих поколений помогает найти себя герою рассказа «Мое вечное море». Нелепость и суетность своего существования понимает, столкнувшись с чистотой женской мудрости, пронесенной через века, герой другого рассказа («По законам природы»). Но, любя прошлое, нельзя презирать настоящее. Жестокое наказание достается герою рассказа «Далекий светлый терем», убежденному в буколической чистоте ушедших времен. Человек должен быть достоин и прошлого и настоящего.

Иммунитет к смерти приобретает Сергей Сергеевич («Уцелеть бы...»), но не становится счастливее — ведь это качество виждется на патологическом страхе.

Любовь — счастливая и горькая — один из героев Ю. Никитина. Она помогает осознать свою сущность Сергею Сергеевичу. Именно благодаря любви, несмотря ни на что, находят друг друга Брек Рот и Эли. За чужую любовь готов отдать жизнь герой рассказа «В операционной». Любви нужно быть достойным. Пигмалион оживил Галатею, но не сумел дать счастье своему идеалу. Живая любящая женщина вновь превратилась в холодную статую («Пигмалион»). И рецептов в любви нет. Видно, не будет их и в будущем. «Вместе — тесно, врозь — скучно» — по такому принципу живут герои рассказа «Абсолютный развод». И само время неспособно укротить их, через бездну веков Олег находит свою Наталью. Грустный и правдивый рассказ.

Особо следует отметить рассказы Ю. Никитина, посвященные экологии. Терпение природы велико, но не беспредельно (рассказ «Санитарные врачи»), и недра земли поглощают отравляющий окружающую среду завод. Предупреждение звучит в этом рассказе. А рядом — небольшой цикл о таежном охотнике Савелии («Встреча в лесу», «Охотники», «Савелий и динокан», «Зубарь»). Не раз улыбнется читатель, знакомясь с рассуждениями и поступками Савелия и его неожиданных друзей и коллег по Галактической Ассоциации охотников. Улыбнется и задумается над такой, например, мыслью охотника при виде довольно-таки неприятных зверей: «Стоял я там, смотрел так, что аж в глазах потемнело, и почудилось вдруг, да так ясно, что если вот сейчас решу, что зубари полезные, что пользу приносят или хоть будут приносить, что их надо жить оставить, то и нас, людей, скорее сильных, чем разумных, посчитают за полезных тоже...

— Кто? — спросила жена, не поняв. — Бог? .. Летающие блюда? ..

— Не знаю. Мы, наверное, так и посчитаем».

К достоинствам рассказов Ю. Никитина следует отнести и очень умелое использование автором небольших литературных объемов, точность оценок, немногословие.

Но к одному из рассказов, вошедших в удачный, в целом, сборник «Далекий светлый терем», хотелось бы высказать претензии. Имеется в виду рассказ «Ахилл». Судя по нему, легендарный герой Гомера был вождем тавроскифов, да и сам Гомер — не Гомер, а Боян. Фантастика, конечно, не историческая наука, в ней возможны всякие допущения, но... к историческим, равно как и к легендарным личностям следует все же относиться поаккуратнее или хотя бы приводить доказательства своей гипотезы. Так, как поступил В. Щ е р б а к о в в романе «ЧАША БУРЬ».

Своеобразна творческая манера В. Щербакова. Неторопливость письма, порой нарочитая затянутость буквально втягивают внимательного читателя в художественную ткань произведения, делают соучастником и сомыслителем героев. При этом необходимо отметить, что В. Щербаков излагает в романе с в о и, пусть не бесспорные, но обдуманнные, аргументированные идеи. Немало нового об истории этрусков и полумифической Атлантиде узнает читатель романа. Интересна и попытка писателя обосновать свою гипотезу происхождения исторических корней русского народа. Следует отметить, что, к сожалению, серьезная историческая фантастика — редкая гостья в нашей литературе. Псевдоисторических боевиков — хоть отбавляй, а произведений продуманных, обоснованных фактами, — дефицит. Тем ценнее произведение В. Щербакова.

Удался автору сюжет, достаточно напряженный, с почти детективными загадками... В. Щербаков умеет, когда это необходимо, придавать действию стремительность и напряженность — именно так читается, например, сцена погони по лесной дороге. Хорошо выписаны, легко узнаваемы пейзажи Приморья и Средней полосы России, Москвы и Черноморского побережья. Таким образом, «Чаша бурь» — бесспорная творческая удача автора.

Сборник В. Лапина «ПЕРВЫЙ ШАГ» открывается рассказом «День тринадцатый». Лишь в конце его читатель узнает, что молодые и задорные парни и девушки из будущего помогли своим сверстникам, строящим железнодорожную магистраль в Сибири (видимо, БАМ?). Помощь была чисто фантастической — потомки подарили нашим современникам один день, которого им так не хватало, чтобы построить мост через бурную речушку. Но насколько сильно и удачно выписаны Б. Лапиным строители, их напряженный, без скидок на капризы погоды (и тем более на помощь потомков) труд! Думается, все, кому довелось побывать на строительстве Байкало-Амурской магистрали, могут засвидетельствовать: лучшие черты ее создателей — честность, романтичность, самоотверженность — автором подмечены и переданы точно. А фантастичность... Что ж, если наши потомки сохраняют молодой задор, свойственный лучшей части комсомола во все времена, — разве это плохо?

Сложнее и, если так можно выразиться, жестче повесть «Первый шаг», давшая название сборнику. Действие в ней происходит на космическом корабле, давно оторвавшемся от Земли и летящем в безднах космоса. Перед читателем проходит нелегкая жизнь космонавтов, история жизни тех, кто так и не долетел до заветной цели. Так запланировано: не одно поколение людей должно смениться, прежде чем корабль завершит полет. Для тех, кто не может больше терпеть, есть выход. Они могут уйти. Куда? За таинственной дверью бушует пламя двигателей. Этим путем бежит с корабля Полина, бежит, потому что силы ее иссякли. Она уходит навстречу

смерти, оставляя на корабле самое дорогое, что у нее есть: своих детей. Но, открыв страшную дверь, Полина оказывается... на Земле. Выясняется, что корабля нет, нет ни полета, ни космоса. Есть опыт, который проводится на земном полигоне. Но обитатели корабля этого не знают! «Под куполом рубки, взявшись за руки и смело глядя вперед, на звезды, стояли Александр и Люсьен».

Сложное ощущение остается после прочтения этой повести. С одной стороны — явная негуманность опыта, с другой — его очевидная необходимость. Ведь и в наши дни для того, чтобы человек мог чувствовать себя в космосе уверенно, кто-то проводит месяцы и годы в тренажерах... Думать, во всяком случае, эта повесть Б. Лапина заставляет.

Действие повести-памфлета «Ничьи дети» происходит где-то в Латинской Америке. Доктор Климмер находит способ выращивания людей из клетки. Например, из клетки кожи. Но у Климмера только два идола: деньги и власть. Так порождения доктора — его частички, его копии, его дети становятся живыми машинами для убийства. Но человек всегда остается человеком, даже если он выращен в пробирке, ему необходимы мать, отец, любимая. Климмер терпит поражение.

Не новый, вроде бы, сюжет. Но стоит заглянуть в газеты, прочесть сообщения из военных лабораторий мира, и становится ясно, что климмеры все еще не повывелись на Земле, и старый сюжет наполняется новым содержанием, особенно, если он сделан столь же профессионально, как это удалось Б. Лапину.

Включены в сборник, помимо перечисленных произведений, рассказ «Лунное притяжение» и рассказ-шутка «Коэффициент Маггера» — вещи достаточно ровные, характерные для фантастики Б. Лапина.

На фоне остальных книг, выпущенных в серии «Библиотека советской фантастики» в 1985 году, явной неудачей выглядит сборник Д. Б и л е н к и н а «ЛИЦО В ТОЛПЕ». Это тем более странно, что Биленкин — автор известный, творчество его, пожалуй, наиболее широко представлено в серии — «Лицо в толпе» его пятая книга в «Библиотеке советской фантастики».

Для большинства рассказов сборника характерно мелкотемье, окруженное невыносимо длинными рассуждениями. Космонавт привозит с Венеры фотографию пейзажа, оказавшуюся точной копией хранящейся у него репродукции с картины неизвестного художника. Второй герой рассказа после достаточно долгих поисков находит «автора» картины. Оказывается, пейзаж сей был заключен в камне. Герои обмениваются замечаниями, что, мол, в камне можно найти не только инопланетный пейзаж, но и мадонну Рафаэля. Не «мы в природе, а она в нас». Значит, и без взгляда художника ничего не будет. Вот и весь рассказ «Все образы мира».

Механик космического корабля Кошечкин заболевает гриппом, потом он долго сидит у скучно описанного двигателя, пока не обнаруживает неполадки. Попытки Кошечкина устранить их ни к чему не приводят. Философ Корабля (будет, оказывается, и такая должность) Басаргин объясняет Кошечкину, а заодно и капитану Торосову, что, по аналогии с вирусами, часть роботов-ремонтников переродилась в паразитов. После этого капитан и философ уходят по своим делам, оставив Кошечкина делать тот самый «один-единственный шаг, от правильности которого зависела судьба тех, кто был рядом» (рассказ «Философия имени»). Рассказ «Уходящих прости» посвящен проблеме отношения человека к роботам, которых он вынужден оставить на безлюдной планете. И проблема и переживания героя выглядят абсолютно надуманными. Герой рассказа «Зажги свет в доме твоём», наоборот, встречает бог знает кем брошенных роботов, которые просят к человеку. Действие этого рассказа происходит в пустыне, что невольно заставляет вспомнить рассказы И. А. Ефремова «Олгой-хорхой» и «Тень минувшего». Но если ефремовская пустыня предстает пред глазами читающего воочию, то пустыня Биленкина так и остается нечетким фоном скучного рассказа. «Проблема подарка» относится к юмористической фантастике. Но и юмор в сборнике достаточно странный. Земляне не находят ничего лучшего, чем подарить гостям с Антареса... смог, висящий над земными городами. В принципе, неплох рассказ «Лицо в толпе» — о встрече человека с инопланетянином, но и он затянут сверх всякой меры. Рассказ «Не будьте мистиком» разъясняет, что призраки и привидения — это беглые фантомы («то же, что телевидение») из будущего. Дети из того же будущего долго мучают распросами компьютерную модель Ф. Булгарина, дабы убедить ее, что Булгарин был негодяем («Проба личности»). В рассказе «Загадка века» приводятся размышления обывателя конца XIX столетия, в руки которого попала страница книги, изданной в наши дни. До отказа заполнен разговорами о «проблеме инвариантности цивилизации» рассказ «Голубой янтарь». Вокруг книги из будущего размышляют герои «Пустой книги». И все это скучно, скучно! В этом потоке буквально теряются неплохие рассказы «Шел человек по грибы», «Путь Абогина», «Море всех рек» и лучший, пожалуй, в сборнике — «Время сменяющихся лиц» — о девушке из будущего, сменившей свое, пусть обыкновенное, но милое лицо на стандартное лицо красавицы и в результате едва не потерявшей любимого, который, идя на свидание, тоже решил приукрасить внешность. Хороший рассказ, искренний, лиричный. Но... едва ли не один на весь сборник...

Повесть П. Багряка «СИНИЕ ЛЮДИ» относится к довольно редкому в нашей литературе жанру фантастического детек-

тива. В ней читатель вновь встречается с комиссаром полиции Гардом, журналистом Честером, инспектором Таратурой, другими персонажами, знакомыми по предыдущим произведениям того же автора (точнее — авторов, поскольку «П. Багряк» — коллективный псевдоним). Действие книги разворачивается в вымышленной «западной» стране.

У сенатора Доббса пропала дочь — преступление, увы, не столь редкое в капиталистическом мире. Правда, оказывается, что в данном случае никакого преступления не было, и девочка возвращается домой. Но комиссар Гард, расследуя это происшествие, замечает непонятные закономерности в действиях хорошо конспирированной группы преступников. Положение осложняется тем, что неизвестные люди похищают сына Честера Майкла... Расследование, проведенное друзьями, показывает, что за спиной рэкетеров стоит генерал Дорон, имя которого стало в стране символом военно-промышленного комплекса. Похищенные дети проходят обработку в секретной лаборатории. После этого они не могут жить в условиях Земли. Зато могут быть использованы для колонизации, например, Марса... В той же лаборатории обработке подвергаются люди, из нужды или жажды наживы продавшие себя Дорону. Трагичен финал повести: Майкл Честер никогда не вернется к людям, попытка друзей разоблачить Дорона, добиться его наказания не удалась. Но ведь такой финал закономерен! Сколько жертв принесено капиталистическому Молоху, сколько раз на Западе преступника делали героем. Достаточно вспомнить скандально известный «ирангейт». И тем не менее, в повести нет пессимизма. «Народ не имеет права отказываться добровольно от решительных действий. Изменять нашу жизнь надо здесь, на Земле, а не искать свое счастье на Марсе» — к такому выводу приходят ее герои.

Научная фантастика и социальный детектив органично сплетены в повести. Убедительна фантастическая линия, добротен детективный сюжет. Галерея портретных образов П. Багряка пополнилась отвратительной личностью — врачом-садистом Дивой Динст, отдавшей Дорону собственного ребенка, глубже и естественнее стал образ комиссара Гарда. Наверняка запомнится читателю обаятельные старички-мастера Серж и Иржи Пуся. Хороша ироническая история обитатели богатых бездельников — Острова Холостяков. Точен и естествен юмор: «В конце концов, окончательно разозлившись, гувернантка дала описание человека, укравшего Ут Доббс, составленное из суммированного внешнего вида племянника сенатора Набеля и его суки Блюмы: лысый череп, зеленые глаза, длинные зубы, короткие ноги, плачущий голос и отвислый зад».

Предыдущие повести о комиссаре Гарде были хорошо встречены читателями, опубликованы в журнале «Юность» и альманахе «Мир приключений», вышли отдельной книгой в издательстве

«Детская литература». «Синие люди» — вполне достойное продолжение цикла.

Приключенческо-фантастический роман А. Балабухи «НЕПТУНОВА АРФА» переносит читателя в будущее — в первые десятилетия после всеобщего разоружения. Ненавязчиво и точно показывает автор непростой процесс искоренения недоверия между народами, укрепления контактов между нациями и странами. Главный герой книги Александр Аракелов — исследователь океанских глубин. В океане и вокруг него и разворачиваются описанные в книге события.

Произошла трагедия, и под угрозой находится жизнь человека. При попытке спасти его гибнут рулевые двух субмарин. Причина их смерти непонятна. А в распоряжении спасателей очень мало времени... В таком положении оказывается Аракелов в первой части романа. Непросто дается ему разгадка. Этот, в общем-то, незамысловатый сюжет позволил автору показать разницу между эгоистичной смелостью и разумной осторожностью, основанной на ответственности за судьбы других людей. Психологически точно подмечена разница в мышлении представителей стран, в которых социальное равенство стало нормой жизни, и тех, кто только начинает этот путь. Стентон, Кора, Джулио делла Пене благодаря завершению процесса Всеобщего разоружения находятся «по ту же сторону баррикад», что и Аракелов с Марийкой, но как непросто дается им поиск своего места в этом новом, непривычном пока еще мире! А проблемы перед человечеством стоят непростые. Одна из них — взаимоотношение Человека и Природы.

Может быть, изменения, происходящие на Земле, естественны, и природа обречена? Ведь взамен ее человек создает нечто новое — «вторую природу». Это диктуют законы развития цивилизации, «столь же объективные, как Ньютоновы». Такой точки зрения придерживается доктор Йензен. Аракелов не встречается с Йензеном на страницах романа, но все его поступки направлены против ущербной философии доктора. Право на жизнь имеют все обитатели нашей прекрасной планеты. Именно поэтому Аракелов, не раздумывая, вступает в схватку с браконьером, о внутренней пустоте, низме которого говорят не только его мысли и поступки, но и тот факт, что он с гордостью носит кличку «Душман». Не разделяет точку зрения Йензена и Ганшин, но лишь до тех пор, пока это не касается его лично, не вступает в противоречие с чувством долга, так, как он его понимает. Что важнее: престиж страши и выполнение международных обязательств, ускорение экономического развития планеты или сохранение удивительного творения природы — уникальной Нептуновой Арфы? Ганшин выбирает первое и проигрывает морально Аракелову и его сторонникам. Актуальна тема, поднятая А. Балабухой, Очень созвучна она проблемам сегодняшнего

дня: спорам вокруг «спасения Каспия», строительства каскада ГЭС на Катуни...

При чтении книги появляется ощущение, что с каждой частью романа мастерство автора растет, интереснее становится сюжет, глубже образы героев. Следует отметить еще одно достоинство «Нептуновой Арфы» — грамотно-захватывающее изображение океана, жизни его обитателей. Автору удалось, не перегружая книгу избытком информативности, создать познавательное и одновременно увлекательное произведение.

О. К о р а б е л ь н и к о в, творчество которого представлено в «Библиотеке советской фантастики» сборником «ПРИКОСНОВЕНИЕ КРЫЛЬЕВ», — имя для НФ сравнительно новое, но уже замеченное и читателями и критиками. Привлекает прежде всего своеобразие его авторского почерка. В фантазмагорическом мире живет герой повести «К востоку от полночи» Юрий Оленев. «Он сам, его жена, дочь, отец и даже теща были Искателями — искали то, не зная что, там, не зная где». Таковы условия Договора Оленева с загадочным существом, которое может быть кем угодно — принимать форму абстрактной мысли и чайника, горлышка колбы и коричневого газа, выходящего из нее. Каждый из Искателей по-своему счастлив. До поры до времени доволен и Оленев — «ни разочарованный, ни обид, ни сиротского горя, ни щемящей боли. Полная ясность и невесомость, равновесие души, невозмутимость духа». Плюс потрясающая способность к усвоению знаний. Но достаточно ли этого человеку? И Оленев понимает, что Договор сделал его не мудрым, а равнодушным. «Я думал, что безмятежность и равновесие — это вершина мудрости, но все эти двадцать лет я никого не любил, ни разу не страдал, не мучился от ревности, от обиды, от нанесенного оскорбления...» Желание естественных человеческих чувств или подвижнический эксперимент Грачева, — что заставило Оленева пойти на нарушение условий Договора? Вероятно, и то и другое. Ведь «бесконечно долг век человека, унижительно короток он, тупики и разъезды, сожженные мосты, опаленные крылья, опустошенные души, надежда и отчаяние, переплетение судеб, непосильная ноша, хмельной полет над облаками, вечное стремление отдалиться от полночи в сторону рассвета, ожидание солнца, которое вот-вот выглянет из-за горизонта, согреет лес, травы, разгонит туман, породит день и новую жизнь...» Автор уверен, что какой бы из миллионов вариантов ни избрал в своей жизни его герой, от полночи ведет «только один извечный путь — к рассвету. Какой бы он ни был».

Тем не менее, повесть оставляет не совсем понятное ощущение неудовлетворения. Возможно, дело в том, что напечатана она в сокращении, а своеобразная проза О. Корабельникова очень трудно поддается сокращению.

Повесть «И распахнутся двери» более традиционна для НФ. Ее персонажи и антураж — говорящий пес, девушка, ожидающая любимого, исчезнувшего в параллельных мирах, — знакомы по многим фантастическим произведениям и потому кажутся вторичными. Но впечатляет идея, настойчиво проведенная автором: «Это верно, что Вселенная равнодушна и величава... Мы первые, а за нами и другие миры научатся переходу через границы, и тогда механизм самозащиты Вселенной придет к своему логическому завершению — разум отберет лучшее, что накопилось в бесконечных мирах за все время разделения, соединит миры и возьмет на себя уже посильный ему груз сохранения и спасения... И распахнутся двери, и свежий ветер пронесется сквозняком из мира в мир...»

Удался автору рассказ «Прикосновение крыльев», давший название сборнику. Тайнственную птицу видят лишь те, кто не отвык воспринимать чужие беды, как свои собственные. У остальных она возбуждает чувство ненависти и раздражения. Но все зависит от самого человека. Думать и решать должен каждый из нас, причем сегодня, сейчас — к такому выводу подводит читателя фантастика О. Корабельникова.

Менее удачен сборник украинского писателя Л. Панащенко «МАСТЕРСКАЯ ДЛЯ СИКЕЙРОСА». И причина этого, скорее всего, в том, что автор слишком часто использует один и тот же прием: чудесное попадает в руки человеку, мягко говоря, не особенно хорошему. Большая совесть и цинизм Лахтина трансформируются в Черного Человека, силы и талант героя растрочены впустую («Танцы по-нестинарски»). Мыслящий Смерч влюбляется в жадную и пустую Марию и гибнет («С той поры, как ветер слушает нас»). Профессор Алешин не замечает таланта и преданности полюбившей его инопланетянки и теряет ее («Место для журавля»). Немало в этих повестях и стилистических неудач: сцена соблазнения Ляли Лахтиным, появление обнаженной Дар на балконе Алешина, пошловато звучит комплимент-закливание Смерча: «Дыхание твое — запах дыни и молока»... и т. д. Обрывается, не доведена до логического завершения линия Захара в повести «Танцы по-нестинарски».

К неудачам автора относятся и рассказы «Мостик через ночь» и «Взятка Харону». В первом из них Л. Панасенко, взявшись за рискованное подражание Сент-Экзюпери, начисто проигрывает автору «Маленького принца». На втором хотелось бы остановиться чуть подробнее. «Взятка Харону» — образец неудачной юмористической фантастики. Кажется, автор буквально упрощает читателя: «Ну, улыбнись! И вот здесь! Здесь тоже». А смеяться не хочется: и написано не смешно, и ситуация выбрана неудачно.

Зато удалась Л. Панасенко маленькая повесть-триптих «Повесть о трех искушениях» — рассказы о людях, честно и красиво

проживших свою жизнь и не согласных променять ее на другую. Психологически достоверно описал автор процесс самоочищения, перевоплощения неудачливого актера Ивана Ивановича Иванова («Проходная пешка, или История запредельного человека»). Всеиллие великой силы искусства оригинально показано в рассказе «Мастерская для Сикейроса». Задуматься о том, как мы живем, о причинах смены детской веры мелкой суетой буден заставляют рассказы «Как горько плакала Елена» и «Итальянский пейзаж». Но лучшим в сборнике, бесспорно, является рассказ «Поливит» — произведение зрелое, запоминающееся. Прибор, созданный учеными, позволяет любому человеку прожить несколько минут жизнью личности выдающейся, сравнить эту жизнь со своей, как бы увидеть себя со стороны. Естествен и точен лирический подтекст рассказа.

И. Росоховатский выступает в серии со сборником рассказов и повестей «УРАГАН». Автора волнуют моральные проблемы, чувствуется, что он хорошо знаком с миром большой науки. Проблемам научного поиска, непростым взаимоотношениям в коллективе исследователей посвящены повести «Законы лидерства» и «Многоликость».

Какие качества свойственны лидеру? Эту задачу пытается решить главный герой первой из повестей, наделая подопытных животных агрессивностью. Опыт заканчивается неудачей, гибнет директор института. Его убивает обезьяна, получившая «полиген» Л с признаком агрессивности, обезьяна, стремящаяся стать безоговорочным лидером в своем маленьком мирке. А какие качества необходимы для лидерства человеку? Рвутся к власти Евгений Степанович и Владимир Лукьянович и сами не замечают, что используют методы из арсенала недостойного человека. Право же, их мысли и стремления недалеко ушли от желаний человекообразного существа, в котором только начал просыпаться разум. И конец жаждущих лидерства любой ценой одинаков — крах. Повесть динамично развивается, точны психологические портреты героев, логичны их поступки. «Законы лидерства» — хороший подарок поклонникам творчества киевского писателя.

Хороша и повесть «Многоликость». Актуально звучит фантастическая идея, предложенная Росоховатским. От неизвестной болезни гибнут люди. Неизвестны ни причина заболевания, ни его возбудитель. Наконец, доктор Ткачинский выясняет: болезнь переносится маленькой мушкой, мутировавшей в результате загрязнения небольшого водоема промышленными отходами. Открытие дается не даром — Ткачинский заболевает. С особым чувством читается эта повесть сегодня, когда по планете ползет опасность заболевания СПИДом. Кто знает, из какого угла выполала эта угроза здоровью людей, — не приложил ли сам человек руку к ее возникновению, как это происходит в повести И. Росоховатского?

Удался автору образ профессора Стень. Человек, бесспорно, очень умный, волевой, прекрасный исследователь, мужественный врач (не задумываясь, отдает кровь, необходимую для спасения Ткачинского, хотя понимает опасность заражения). Но как с этим уживается неумная жажда научного приоритета, все то же стремление к лидерству любой ценой (Стень «забывает» включить в список создателей лекарства от страшной болезни так много сделавших для победы над ней Ткачинского и его друга-энтомолога)? Откуда в нас, в наших современниках эта многоликость? — такой вопрос задает автор. Вопросы, не имеющие однозначного ответа, но заставляющие его искать, задумываться над ними.

«Природа помнит все» — утверждает герой рассказа «Обратимость». Нелегким путем проходит он, прежде чем доказывает свою правоту. Но по-иному жить нельзя. «Часто нам кажется, что впереди еще очень много времени, и все еще можно изменить. Да, впереди реки и моря времени, но творить добро нужно сейчас, немедленно. Ибо каждое мгновение остается в памяти природы таким, каким ты его прожил, сотворил. Его можно извлечь, повторить. Но изменить нельзя. Оно остается неизменным на все миллионы твоих жизней — навечно. Оно — и ты с ним», — утверждает герой рассказа. И с ним трудно не согласиться.

Особое место в творчестве И. Росоховатского занимают произведения о синтезированных людях — сигомах. Впервые к этой теме автор обратился в 1960 году и остается верен ей свыше четверти века. За столь длительный промежуток времени любая тема может изжить, исчерпать себя. И. Росоховатский избегает этой опасности. Вот и в сборнике «Ураган» помещены два удачных рассказа о сигомах: «Ученик» и «Настает день...». В первом из них читатель попадает в специнтернат для трудновоспитуемых детей. Воспитателем в нем работает сигом. Почему же к нему тянутся воспитанники, жестоко обделенные природой? Многие из них уроды, а сигом прекрасен в своем совершенстве. На этот вопрос отвечает создатель сигома — отвечает одной фразой, и эта фраза одновременно и развязка небольшого рассказа и пример мастерства Росоховатского-рассказчика:

«Штаден помолчал, вспоминая что-то, вздохнул:

— Я создал его хромым, слепым, горбатым... Я дал ему только мощный разум и детские желания, как первую программу. И он сам создал себя...»

Лиричен рассказ «Настает день...» Мать узнала в первом сигоме своего погибшего сына, другие люди нашли в нем брата, отца, друга... Люди стали ближе и дороже друг другу... Хороший рассказ.

Менее удачна повесть «Ураган» — о встрече космонавтов Земли с загадочным свойством природы далекой планеты. Написана по

весть добротна, грамотно, хорошо выстроена логически, но... Столько было уже в нашей фантастике загадочных планет с еще более загадочными опасностями на них! В повести не хватает личности героя, действует просто человек (хотя он и имеет имя — Петр), и заведомо ясно, что этот человек побарахтается-побарахтается в море трудностей и благополучно выплывет, ведь все подобные произведения строятся по одной незатейливой схеме, и человек просто обязан доказать свое человеческое преимущество. Впрочем, эта повесть не определяет лица хорошего сборника И. Росоховатского.

Украшением книги В. Рыбина «ГИПОТЕЗА О СОТВОРЕНИИ» стали рассказы, в которых главными героями являются дети: «О чем плачет иволка», «Зодчие», «Если разбудить память» и особенно «Открой глаза, малыш!» — о маленьком человеке, сделавшем первые шаги к познанию огромного и непонятного пока мира взрослых. Рассказ этот широко известен, печатался неоднократно, но таково обаяние этого маленького фантастического шедевра, что каждая новая встреча с ним радует. Сюжет рассказа «О чем плачет иволка» вроде бы традиционен, и перекликается с повестью И. Росоховатского «Ураган» — катастрофа на планете, переселенцы с Земли на краю гибели. Но образ маленького Алешки, достоверность его поведения, трогательная забота о чудном неземном зверьке окрашивают рассказ тонким лиризмом, наполняют новым содержанием привычную сюжетную линию. И вполне естественно, что первым устанавливает контакт с инопланетянами тоже ребенок («Зодчие»), и то, что контакт этот неудачен и даже трагичен, — слишком мало еще знает и понимает маленький человек.

«Секрет Сен-Жермена» — удивительно лирический рассказ о важности сохранения связи с малой родиной — тем местом, где человек сделал первый шаг, осознал себя личностью, впервые полюбил. К достоинствам рассказа следует отнести тонкое ощущение автором неброской природы средней полосы России, глубокое проникновение во внутренний мир героев.

Связь времен, связь поколений — эти вопросы, судя по всему, волнуют автора и его героев. Тонкая ниточка взаимопонимания протягивается между живущим в каменном веке племенем и путешественниками во времени. И даже если предки утратят свой конец нити, то потомки его наверняка сохранят, лучше поймут свое прошлое, а значит — и себя («Живая связь»).

Думается, что любителей исторических гипотез порадует небольшая повесть «Расскажите мне о Мецаморе» — любопытный экскурс в историю армянского и русского народов, поклонникам «чистой» НФ придется по вкусу примыкающий к этой повести рассказ «Гипотеза о сотворении». Интересны и рассказы-предостережения «Супер» и «Город эстетов». В первом из них полностью доверившие-

ся роботам земляне будущего настолько отвыкают делать что-либо своими руками, что становятся совершенно беспомощными. Глубже и основательнее, чем в этом ироническом рассказе-шутке, та же тема разработана в рассказе «Город эстетов» — предостережении о возможном наступлении эпохи роботовладения, в принципе мало отличимой от рабовладения, — место раба займет робот, а паразит-хозяин так и останется паразитом, в какие бы философские одежды он ни рядился. Эта книга В. Рыбина, выражаясь языком преподавателей, заслуживает высокой оценки.

Три повести и шесть рассказов вошли в книгу известного сибирского фантаста А. Якубовского «ПРОЗРАЧНИК». Можно с уверенностью утверждать, что всех любителей фантастики, особенно юных — незнакомых с творчеством Аскольда Павловича, порадовала новая встреча с этим самобытным писателем, преждевременно ушедшим из жизни. Творческая манера Якубовского легко узнаваема — крупными яркими мазками писал он свои фантастические полотна. Каждому из прочитавших рассказ «Голоса в ночи» наверняка запомнится величественная картина ночного океана и ясен станет поступок героя рассказа Сельгина, перешедшего работать в океанавты. К чему может привести слепое подчинение инстинктам (или «голосу предков», как больше нравится), автор показал на примере Охотника, убившего целую планету («Последняя великая Охота»). Нелегкий груз возложили на свои плечи люди, пытаясь спасти то, что едва не уничтожил один маньяк.

А. Якубовский удивительно умел использовать старые привычные сюжеты, очищать их от банальных ходов, возвращать фантастической литературе. Примером может служить рассказ «Мефисто». Перемещение мозга человека в организм животного — тема не новая. Были удачные попытки (достаточно вспомнить классику НФ — Хойти-Тойти А. Р. Беляева), были и неудачи. С удивительной психологической достоверностью рисует А. Якубовский превращение мальчугана в кошмарного Великого Кальмара. До трагического уровня поднимает фигуру его отца: А рядом — прелестный рассказ о необычной дружбе бывшего каторжника и выходца из далекого космоса («Друг»), и небольшой, но яркий эскиз-путешествие в Сибирь будущего («Спору нет конца»). Запомнятся читателям и судьба Рыжего Эрика, отдавшего жизнь за свою планету, за любимую им Вивиян («Счастье»).

Кажется, благодаря этому сборнику всесоюзный читатель получил возможность познакомиться с повестью А. Якубовского «Аргус-12» (раньше она выходила только в местных издательствах). Уже отмечалось, что писателями-фантастами создано превеликое множество миров и планет. Но немногие запоминаются так ярко, как планета Люцифер (действие повести происходит на ней) — генетический заказник, населенный существами необычными, но

описанными автором ярко и зримо. Удачны портреты героев: Аргуса-12, Штарка, Тимофея. Любая форма жизни священна — еще раз подчеркивает автор, и грозное наказание ждет того, кто нарушит закон человечества. Острый, захватывающий сюжет повести постоянно держит в напряжении, проблемы, поднятые писателем, заставляют думать.

Завершает сборник глубоко лиричная повесть «Прозрачник» о могуществе науки будущего, праве личного выбора, любви и сложности человеческих взаимоотношений.

Хотелось бы подчеркнуть еще раз: книга А. Якубовского — прекрасный подарок, сделанный любителям фантастики издательством «Молодая гвардия».

Фантастические произведения, написанные летчиками-космонавтами, всегда читаются с особым интересом: им свойствен (что вполне естественно) глубокий профессионализм, тщательное проникновение в суть научно-фантастической идеи. Но у книги Ю. Глазкова «ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ» есть еще одна особенность — наличие у автора бессмертного литературного дарования. Чувство языка, умелое владение словом, яркие портретные характеристики героев рассказов в сочетании с гражданским пафосом, определенность социальной позиции выводят рассказы Ю. Глазкова в число лучших антивоенных произведений последних лет.

Разными приемами пользуется автор. Это и показ внутреннего мира персонажей, стоящих перед возможностью повторений трагедии Хиросимы и Нагасаки («Подет «Святого патруля»), и страшные картины гибели цивилизации в огне ядерной катастрофы («Черное безмолвие»), и столкновение лирического и жестокого («Голосок»). Гротескно-сатиричны портреты «медных лбов» — безумцев-военных («Безумцы на орбите», «Сетка»). Острой сатирой на СОВ администрация США звучит рассказ «Зоопарк». Уничижительны его последние строки: «Шло время, менялась жизнь на планете, лишь безумные упрямцы продолжали свое дело, все глубже пряча свою страну под лучами... Поток туристов-инопланетян не затихал. Еще бы — только здесь можно было увидеть уголок настоящей первобытной природы и пещерного ума. «Зоопарк», — так смущенно шутили жители планеты, говоря о стране под колпаком».

«Другой земли не будет» — так назвал Ю. Глазков цикл рассказов, объединенных в первой части книги. Но в целом этот цикл глубоко оптимистичен. Автор (а вместе с ним и читатель) знает, что борьба с военщиной, с силами зла будет непростой, но уверен в копечной победе добра («Планета-зеркало», «Опыт всего оружия»).

И еще об одном достоинстве произведений Ю. Глазкова — о естественном юморе автора. К сожалению, отечественная юмористическая фантастика не может сегодня похвастать особыми достиже-

ниями. Тем приятнее встреча с книгой «Черное безмолвие». Ю. Глазков в совершенстве владеет искусством написания литературного «анекдота» — последние фразы его юмористических рассказов неожиданны, но естественны, логичны, что еще более заостряет юмор описываемой ситуации («Заправка», «Адаптивная жена», «Встреча»).

Не все в книге равноценно и равнозначно. К недостаточно написанным можно отнести рассказы «Пластинка» и «Способный мальчуган». Но это нюансы. Главное же состоит в том, что, благодаря издательству «Молодая гвардия», в поле зрения любителей фантастической литературы включен очень интересный автор, за творчеством которого, можно сказать с уверенностью, читатели будут следить с интересом и вниманием.

Л. Х а ч а т у р ь я н ц и Е. Х р у н о в, в отличие от Ю. Г л а з к о в а, рассказы которого до книги «Черное безмолвие» печатались только в журналах, уже имеют опыт книжных публикаций. Приключенческая научно-фантастическая повесть «НА АСТЕРОИДЕ» является продолжением книги «На Марсе», выпущенной издательством «Молодая гвардия» в 1979 году. Думается, подавляющее большинство читателей отметило явный рост литературного мастерства авторов.

Определение «приключенческая» соавторы поставили на первое место при определении жанра повести... Как следствие — сюжету уделено повышенное внимание, большая часть произведения отведена описанию борьбы с противниками проекта освоения астероида. Нужно отметить, что детективная интрига в целом выстроена удачно, сюжетные коллизии логически обоснованны. Но повесть еще и «научно-фантастическая», поэтому обоснование научных идей, будь то проблемы освоения космоса или необычные способности поклонников индийской йоги, тщательно проработано. В итоге — в книге «На астероиде» Л. Хачатурьянцу и Е. Хрунову удалось добиться органического сочетания жанров научной фантастики и детектива.

Остросюжетная литература предъявляет свои требования к изображению образа героев, порой допускает некоторую их упрощенность. У персонажей, действующих в повести, обрисованы основные черты характеров, позволяющие определить их действия и поступки. Выбор именно такого приема — право авторов, и в данном случае его можно считать оправданным. Несмотря на кажущуюся упрощенность, образы Панина, Марины, Дэви, Антона Корчака, ряда других героев удалась соавторам, они легко узнаваемы, запоминаются. Трогательна и достоверна история позднего и неудачного чувства Бена Сикорского. Портреты отдельных врагов проекта — «частного фермера» Иеремии Коллинза из «Общества Адама», «космоборцев», Марты Энгстром — объединяются в единый легкоузнавае-

мый портрет сил зла, которые и сегодня встают на пути справедливости и прогресса.

И еще об одном достоинстве повести (в равной степени этот вывод относится и к книге Ю. Глазкова). В рецензируемых книгах читатель имеет возможность ощутить «чувство космоса», причем, не придуманное, не базирующееся на где-то прочитанном, а истинное, пережитое самим автором. Ю. Глазков и Е. Хрунов сумели передать личные ощущения от контакта с космическим пространством, на страницах их произведений живет романтика трудного, героического и в то же время реального повседневного труда покорителей Внеземелья.

«Наши задумки опирались на реальный анализ,— отмечал в беседе с редактором книги «На астероиде» Л. Хачатурьянц.— Некоторые из фантастических решений уже воплощены на практике. Научно-фантастические идеи настоящей книги — результат наших раздумий о будущих работах».

Думается, что выступление космонавтов Ю. Глазкова, Е. Хрунова и ученого Л. Хачатурьянца на несколько непривычном для них литературном поприще можно считать удачным.

Три с половиной десятка книг... Вполне достаточно для того, чтобы сделать выводы. Главный из них — «Библиотека...» имеет свое лицо! Ориентир сделан, в основном, на научную фантастику, на развитие традиций, заложенных К. Э. Циолковским и И. А. Ефремовым. Логичности фантастической идеи, ее связи с основополагающими научными законами уделяется постоянное внимание. В связи с этим, трудно разделить пожелания части критиков, ратующих за включение в серию произведений, относящихся к разряду «фэнтэзи». Именно такое смешение форм, попытка соединить воедино принципиально разные направления фантастического жанра приводят к обезличке, появлению сборников произведений, не объединенных основной мыслью. В «Библиотеке советской фантастики», как уже отмечалось выше, такая мысль, такой единый стержень есть. И это очень ценно.

Авторы большинства книг, изданных в серии, уделяют повышенное внимание внутреннему миру героев, решению серьезных нравственных проблем, путям формирования человека будущего, изображению наших современников,— т. е. развитие фантастического жанра следует в общем русле литературного процесса. К достоинствам серии необходимо отнести гуманность, оптимистичный тон включенных в нее произведений. Налицо продолжение и развитие еще одной ефремовской традиции.

Нельзя не отметить и очевидную демократичность составителей «Библиотеки...» — только за последние пять лет в ней представлено творчество практически всех ведущих писателей-фантастов страны,

читатель получил возможность познакомиться с особенностями их почерка, сопоставить уровень произведений.

Достаточно широка география авторов «Библиотеки...» — наряду с Москвой и Ленинградом в ней представлены Украина, Сибирь, Средняя Азия, другие регионы нашей страны. К числу положительных факторов следует отнести и то, что, наряду с маститыми писателями, в серии получила представительство часть наиболее талантливой молодежи.

Достаточно высок и литературный уровень произведений, изданных в «Библиотеке...». Во всяком случае, трудно согласиться с оценкой книг «Молодой гвардии», данной А. и Б. Стругацкими в интервью журналу «Уральский следопыт» (4; 1987 г.): «дилетантство, школьничество, ущербность». Кому адресованы эти упреки? Думается, что в запале дискуссии известные фантасты несколько утратили чувство объективности.

Конечно, литературный уровень серии может и должен быть поднят. О недостатках отдельных книг сказано выше. Недопустимы и встречающиеся еще редакторские недосмотры, корректорские ошибки. Они не определяют лицо серии, их немного, но не должно быть совсем. В то же время, в том, что авторы серии работают на достаточно высоком профессиональном уровне, что «Библиотека советской фантастики» отражает сегодняшний уровень развития НФ-литературы в стране со всеми ее достижениями и проблемами, сомневаться трудно.

О недостатках. Многие авторы (и не только выступающие в «Библиотеке советской фантастики») используют одни и те же темы, сходные сюжетные ходы, шаблонные приемы. Как следствие, их произведения по отдельности читаются достаточно интересно (поскольку литературный уровень пишущих высок), но при внимательном изучении всей выходящей в стране фантастики возникает ощущение вторичности, монотонности. Именно так воспринимаются бесчисленные рассказы об открытии новых форм органической, кристаллической и прочих видов жизни. Находки на этом пути (как у М. Грешнова в рассказе «Эла») чрезвычайно редки. Видимо, составителям «Библиотеки советской фантастики» следует учитывать это обстоятельство и при выпуске новых книг оценивать не только качество каждой из них, но и вклад каждого произведения в серию в целом.

Жаль, что из книг исчезли справки об авторах — читателям они давали немало ценной информации. Эту забытую традицию, бесспорно, стоит возродить.

И еще одно пожелание. Благодаря «Библиотеке советской фантастики» и другим изданиям, увидевшим свет в «Молодой гвардии» (можно назвать, например, сборники зарубежной НФ «Паломничество на Землю» и «Первые люди»), читатель познакомил-

ся с целым рядом прекрасных фантастических произведений. Может быть, целесообразно возобновить выпуск «Библиотеки современной фантастики» — лучшего из НФ-сериалов в нашей литературе? Выпуск одного-двух томов в год позволит читателю получить и лучшие произведения отечественной фантастики, написанные в последние годы, и шире познакомиться с творчеством зарубежных авторов.

Андрей Дмитрук

Я ВЕРЮ В КЛФ

*Из выступления на I Всесоюзной конференции
клубов любителей фантастики.
16 марта 1988 г. Киев.*

Дорогие друзья! Я не буду повторять общие места о популярности фантастики, особенно среди молодого читателя. Если книги посредственных стихов залеживаются на прилавках магазинов и рано или поздно уходят в бумажную массу; если порою весьма качественная, но не слишком «модная» проза тщетно ждет покупателя, то фантастика (практически любая) расхватывается моментально. Вряд ли мы с вами назовем другой вид литературы, который бы так охотно «глotalи» и так пылко обсуждали между собой. Можно без преувеличения сказать; что для миллионов читателей фантастика стала важнейшим компонентом духовной пищи. Естественно, встает вопрос о качестве, художественной и нравственной «калорийности» этой пищи. Говорено об этом много и еще будет говориться. Но, как бы то ни было, «ассортимент» фантастики, отечественной или переводной, доходящей... точнее, не доходящей до прилавков, — это дело Госкомиздата, дело издательств. Мы можем высказывать свои пожелания, что-то горячо хвалить и столь же страстно отвергать — но наш голос, голос читателей, всегда останется совещательным. Итак, примем, как некую данность, именно этот, а не иной набор издаваемых авторов и названий и смиримся с тем, что наше влияние на издательскую политику не безгранично. На то есть объективные причины... Но согласие не обозначает безоговорочного приятия. Так или иначе, мы будем разделять наличную, доступную нам фантастику на лучшую и худшую, уж это-то, точно, в наших силах!.. Так вот, здесь возникает вторая проблема: как помочь читателю сориентироваться в потоке пестрой, разнокачественной книжной продукции? Как сформировать читательский вкус, умение отличать хорошее от дурного не по принципу «нравится — не нравится», а по строгим идейно-художественным

критериям? Повторяю: такое ориентирование исключительно важно именно по причине высочайшей популярности фантастики, из-за жадного интереса к ней со стороны подростков и молодежи, то есть наиболее пластичной, поддающейся влияниям аудитории!

Я уверен, что такими коллективными воспитателями читательского вкуса могли бы стать КЛФ. Более того: считаю, что задача выработки объективных критериев оценки фантастических произведений является для клубов единственно важной, во всяком случае, неизмеримо более важной, чем остальные формы клубной работы, в особенности партийно-бюрократические, связанные с писанием, тиражированием и распространением бесчисленных писем, циркуляров, проектов федераций, опросных листов и т. п. Ей-богу, бумажный шторм межклубной переписки мог бы и поутихнуть... не только без вреда, но даже и с пользой для общего дела. Практика показывает: в писании всяких мнимо-серьезных документов, как правило, особенно активны те, кто неспособен сочинить рассказ или критическую статью.

А воспитание вкуса любителей фантастики — дело трудное и неблагодарное. Почва здесь, увы, не девственная, а наоборот, вкривь и вкось перепаханная разными доброхотами, засеянная буйно цветущими сорняками. Как ни парадоксально, мой первый призыв к клубам звучит так: поменьше внимания фантастике как таковой! Больше усилий на то, чтобы ввести ее для читателя в контекст мировой культуры; дать ясное представление о связи «сайенс фикшн» или «фэнтези» с мифом и эпосом, с национальными корнями, с передовой наукой, с другими видами искусства, с практикой общественной жизни. Ведь ни для кого не секрет, что часть наиболее рьяных «фэнов» черпает только из фантастики и научную информацию, и мировоззренческие принципы, и даже морально-нравственные установки. Нередки случаи, когда молодой человек, смутно представляющий себе основные законы физики, тем не менее лихо рассуждает о гиперпространстве и нуль-транспортировке. Проверьте-ка у него, как звучит закон Ома или Джоуля-Ленца! Это — псевдоэрудиция, нахватанность, у нее нет опоры. Если читатель, лишь понаслышке знающий о какой-то древней заварухе между греками и троянцами, или о путешествии некоего Данте в загробный мир, во всех тонкостях изучил, скажем, юриспруденцию на планете Транай — это псевдообразование, говоря словами Шекспира: «Глупость в маске знатока искусства...»

Но если все-таки выделить фантастику в особую категорию литературы — то ведь и здесь эстетическое восприятие скособочено... «Плюсы» и «минусы» определяет черный книжный рынок; в роли главного критика и литературоведа выступает спекулянт. Что дороже сбит на книжных «толчках» и «развалах», то, значит, и достойнее внимания... А ведь здесь далеко не прямая связь,

Во всех видах искусства освоение истинно новаторских, неоднозначных произведений связано с мозговым трудом; легче же всего воспринимается развлекательный штамп или коммерческая продукция, адресованная к инстинктам. В последние годы среди любителей фантастики получило широкое хождение словечко «боевик». «Боевик», то есть остросюжетный роман или повесть с переизбытком детективных элементов и сцен насилия, многие предпочитают более «тихим» видам философской, социальной, лирической фантастики. Это — зловещий симптом прогрессирующего одичания. Самопальные фановские «издательства» выбрасывают на рынок колченогие переводы преимущественно американских авантюрных романов. Некоторая их часть, кстати, могла бы быть переведена и издана официально — к сведению издательств, забывших, что «свято место пусто не бывает»... Но подавляющее большинство являет собой настоящую стряпню, замешенную на крови и кулачном праве, дегенеративно убогую по мысли, переносящую в далекое будущее нравы гангстеров, феодальные распри баронов созвездий и императоров галактик. Сие варево отнюдь не безобидно, во-первых, потому, что предлагает в виде морального образца револьверный кодекс Дальнего Запада или, в лучшем случае, сектантскую религиозность. Во-вторых, авторы импортных «боевиков», опровергая все рассказы о «чистом» и неангажированном буржуазном искусстве, под глянцем головоломных приключений протаскивают грубую пропаганду капиталистического образа жизни.

Увы, некоторые клубы, вместо того, чтобы воспитывать у своих членов умение видеть социальный подтекст любого произведения, как раз и занимаются распространением подобных «боевиков», бездумной их пропагандой. А если речь идет об отечественной фантастике — отнюдь не учат молодых читателей дифференцированному, непредвзятому подходу... Наоборот. В клубных «разборах» до бесконечности муссируется один и тот же немногочисленный комплект книг; тысячекратно возносится неумеренная хвала нескольким авторам... пусть очень хорошим, пусть даже прекрасным, но ведь всего лишь нескольким! Так и хочется вспомнить слова из Ветхого завета: «Не сотвори себе кумира»... Определенная литературная стилистика объявляется нормативной, на нее равняются, ей пытаются подражать; все, что непохоже, отмечают, как второсортное. Доходит до того, что книги некоторых издательств заведомо, до прочтения, получают ярлык «серых», на них ставят клеймо неполноценности. Есть случаи барского пренебрежения к работам начинающих авторов, малоизвестных фантастов, особенно из национальных республик. В клубной практике явно не хватает доброжелательного и вдумчивого анализа; царит вкусовщина, примитивное размежевание сложной, внутренне противоречивой, драматически развивающейся советской фантастики на «бестселлеры» и «макулатуру».

Мало попыток вылущить драгоценное зерно в каждом, даже относительно слабом произведении. Мало, повторяю, доброты и понимания тех законов, по которым живет фантастика.

Но я верю, я знаю, что среди членов клубов есть немало трезвых, далеких от идолопоклонничества, обладающих высокой гуманитарной культурой и развитым художественным вкусом Читателей с большой буквы. На них вся надежда. Кстати, фантастика еще одним свойством выделяется среди других видов литературы: она взрастила читателя-профессионала! Если такой читатель избежал пагубной, иссушающей сверхспециализации — значит, он может стать грамотным критиком, тонким литературоведом, глубоким теоретиком, воспринимающим фантастику во всей сложности ее связей с реальностью, с духовным прогрессом человечества, с революционными преобразованиями, идущими сейчас в нашей стране. Так пусть же наши родные КЛФ не забывают о своей природной роли педагогов, наставников, координаторов идейно-эстетического воспитания читателей!

Николай Полунин

ОТВЛЕЧЕННЫЕ МЫСЛИ НА КОНКРЕТНУЮ ТЕМУ.

Я, увы, не критик. И не редактор. Хотя всегда преклонялся перед мужеством этих людей, мужеством особого рода: раздавать всем сестрам по серьгам или взмахом бестрепетного пера решать судьбы написанных слов. Я же, оговорюсь сразу, чтобы ненароком не обмануть чьих-либо ожиданий, от любых имен, названий или оценок решил в данном выступлении воздержаться. Равно, как и от какой бы то ни было классификации нашей любимой НФ.

Повести речь хочу о другом. Не о том, какая она, НФ, у нас сейчас есть, этот разговор будет слишком долгим и, наверное, все-таки бессмысленным — интересующийся знает и так, у него, прямо скажем, было время изучить без страха не поспеть за быстроменяющейся картиной; неинтересующийся — ему что ж, взял с полочки (или выменял в книгообмене, или купил у спекулянта — я что-то не видел в магазинах НФ-книг), понравилось — прочитал, не понравилось... тоже прочитал, фантастика как-никак, популярный жанр, ну, может, плечиком после пожмет, чего, мол, в ней находят всякие интересующиеся?..

Повести речь хочу о том, какой ей, нашей любимой НФ, быть, какую хотелось бы ее увидеть и какие тут есть или могут быть трудности.

А быть ей вот какой: **разной**. Существует (или я сам сейчас выдумал?) термин: дифференциация литературы. Впрочем, не литературы, конечно, а... потока литературной продукции — в такую вот кощунственную, с точки зрения ценителей и ревнителей, форму облеку я это свое соображение. В сути его и лежит понятие **разного**. **Высокого** — и **пониже**. **Утонченного**. **Потока сознания** — и **чтива**. **Особняком стоящих столпов** — и **ширпотреба**. Прекрасно, конечно, когда одним фантастическим допущением моделируется ситуация, а потом действие происходит по реальным законам, и получается настоящая фантастика. И таковой ей, настоящей, и быть. Но... только ли таковой? Так ли уж крамольно подумать о «ненастоящей» фантастике? О той, например, что, с легкой руки обозревателей, вовется «дешевой продукцией в суперобложках». Ах, сколько предвижу упреков и гневливых взоров: мол, пойти на поводу? И у кого? Да у читателя же, у читателя, который сам сделает свой выбор, надо только дать ему эту возможность...

На сегодняшний день стало почти хорошим тоном ругать в отечественной фантастике одни (одни и те же) имена и хвалить другие (тоже одни и те же). Еще раз прошу от любых оценок меня здесь уволить. Но представим себе, что полюса, так сказать, поменялись местами. Что, не найдется руки, бросившей бы камень, а уст, разверзшихся для упрека: вот, думал, эти-то уж поймут, эти примут, а они?... А они просто-напросто твердо придерживаются своих собственных позиций и принципов, как тверды были в своем те, прежде. Так, выходит, нынешнее положение нормально?

Нет, не нормально! Не нормально и неестественно, однако объяснимо. Вкруг единого места, откуда человек пишущий может обратиться к человеку читающему, неизбежно соберутся не кто-нибудь, а единомышленники. Так всегда было, так всегда будет, и это хорошо, потому что происходит по естественным законам — творческим и человеческим. Другое дело, если место это одно-единственное, тогда, и это тоже вполне естественно, создается не едино-, а **одномыслие**, будь оно на тему боев звездолетов и порабощения человечества злыми пришельцами или роботами, на тему наисветлейшего будущего со сплошной героической поступью по просторам космоса, антиутопий и предупреждений человечеству (даже вполне серьезных и обоснованных), целительного яда социальной сатиры, игры интеллекта и хитросплетений разума. Не «лучшего» или «худшего», а просто чего-то одного. Неизбежно тогда сужение рамок, неизбежен дефицит, а за ним — всякого рода спекуляции. Спекуляции тех, кого ругают, и тех, кто ругает. И ни те, ни другие в том, по большому-то счету, не так уж виноваты.

И выход возможен только такой: существовать наравне со всеми иными прочими **разным**, если так можно выразиться, кругам единомышленников, продолжать и всячески развивать свою кон-

цепцию, свое понимание того, что мы называем двумя завлекательными буквами — НФ. Вот тогда можно будет всерьез говорить о подходе ко всеми нами любимому жанру с точки зрения здравого смысла. Существовать же они, **разные**, смогут лишь при наличии **разных** мест, откуда голос их мог бы быть услышан. А потому:

Об издателях. Как писатель имеет право писать то, что считает нужным и правильным, так и издатель, который тоже человек, имеет право на то же. А уж коль скоро (как убедительно доказала своей — полугодовой, кажется? — дискуссией «Литературка») ни читательский спрос, ни писательское предложение не определяют у нас того самого потока литературной продукции, то куда, кроме как на них, на издателей, взоры наши обращены быть не могут. На те традиционно «нефантастические» издательства и толстые журналы. На новые издания, которые уже есть и, быть может, появятся еще. Займутся ли они НФ всерьез, всяк по своему разумению, справятся ли? — тоже посмотрим. Но дал бы им, как говорится, бог иметь свой взгляд. Изменится ли их стараниями сбщая картина нашей фантастики, станет ли объемнее, интереснее, новее — увидим. Не так скоро, как, может быть, хотелось бы, но — обязательно. Для начала бы копнуть поглубже и пошире, **поразней...**

И уж потом, совсем-совсем потом, в счастливом будущем, когда наш Читатель сможет снять с полки не вот ту НФ-книжку, а вон эту, по вкусу своему и разумению, и прочесть, и плечиком затем не сделать, — то по выбору его мы и сможем судить о воспитательной роли литературы, отсутствие упоминания о которой в этих размышлениях, возможно, неприятно тронуло чью-то ретивую душу. А поможет нашему Читателю в выборе — в счастливом же будущем — критика, так нам необходимая, которая не будет заниматься созданием всевозможных «обойм» и «антиобойм», а вернется к своему истинному назначению — разборам, разъяснениям и оценкам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА В ПУБЛИКАЦИЯХ УЧАСТНИКОВ СЕМИНАРА
МОЛОДЫХ ФАНТАСТОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА,
ПРОВЕДЕННОГО В НОВОСИБИРСКЕ В ИЮНЕ 1987 ГОДА,

БАЧИЛО, АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ (1959)

Элемент фантастичности // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1983.— 13 октября.

«Галатей» // Наука в Сибири.— Новосибирск, 1984.— 21 июня.

Летучий голландец // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1984.— 23 августа.

То же // Снежный Август: Фантаст. рассказы.— Новосибирск: Зап.- Сиб. кн. изд-во, 1985.— С. 21—23.

То же: Почти фантаст. история // За безопасность движения.— Минск, 1985.— № 4.— С. 30—31.

Ни в сказке сказать... // Снежный август: Фантаст. рассказы.— Новосибирск, 1985.— С. 3—15.

Удобная вещь // Там же.— С. 16—21.

Ждите событий // Там же.— С. 23—42.

Чувствуйте себя, как дома...: Фантаст. рассказ // Сибирские огни.— Новосибирск, 1985.— № 12.— С. 55—57.

Волшебник: Фантаст. рассказ // Там же.— С. 57—60.

БУШКОВ, АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1956).

Кое-что о космической экспансии // Молодой дальневосточник.— Хабаровск, 1980.— 18 мая.

То же, под назв.: Еще о космической экспансии // Вокруг света.— М., 1981.— № 8.— С. 64.

То же // Комсомольская правда.— Вильнюс, 1981.— 12 сентября.

Заветное желание короля: Фантаст. сказка // Сов. Хакасия.— Абакан, 1980.— 21 июня.

Апофеоз: Рассказ // Молодой дальневосточник.— Хабаровск, 1980.— 28 декабря.

Бой без победителей: Гл. из повести // Сов. Хакасия.— Абакан, 1981.— 12 апреля.

Варяги без приглашения: Повесть // Лит. учеба.— М., 1981.— № 5.— С. 22—54.

То же // Бушков А. Стоять в огне: Фантаст. повести и рассказы.— Красноярск: Кн. изд-во, 1986.— С. 76—115.

Он же — Неизвестный гений // Красноярский комсомолец.— 1982.— 3 апреля.

К вопросу о контактах // Калининградский комсомолец.— 1982.— 3 октября.

Беглец: Отрывок из фантаст. романа «Кошка в светлой комнате» // Молодежь Тувы.— Кызыл, 1982.— 24 октября.

О дальних звездах, Любви и Снежной Ели: Галактическая сказка // Сов. Хакасия.— Абакан, 1982.— 31 декабря.— Под псевд. ЦЕПЕШ В.

Последний вечер с Натали // Уральский рабочий.— Свердловск, 1983.— 17 апреля.

То же // Уральский следопыт.— Свердловск, 1983.— № 9.— С. 36—37.

То же // Страна Гонгури: Научно-фантаст. повести и рассказы писателей Сибири.— Красноярск: Кн. изд-во, 1985.— С. 194—198.

Тринкомали: Фантаст. рассказ // Сов. Хакасия.— Абакан, 1983.— 19 октября.

То же // Бушков А. Стоять в огне: Фантаст. повести и рассказы.— Красноярск: Кн. изд-во, 1986.— С. 146—149.

Ваш уютный дом // Страна Гонгури: Научно-фантаст. повести и рассказы писателей Сибири.— Красноярск: Кн. изд-во, 1985.— С. 191—194.

И ловили там зверей // Бушков А. Стоять в огне: Фантаст. повести и рассказы.— Красноярск: Кн. изд-во, 1986.— С. 4—57.

Стоять в огне // Там же.— С. 58—75.

Здесь все иначе, иначе, иначе... // Там же.— С. 117—131.

Вечер для троих // Там же.— С. 131—136.

А она бежала... // Там же.— С. 136—140.

Все могут короли // Там же.— С. 140—146.

Страна, о которой знали все: Фантаст. памфлет // Енисей.— Красноярск, 1986.— № 3.— С. 33—47.

Планета по имени Артемон // Красноярский комсомолец.— 1986.— 15 июля.

Дети тумана: Повесть // Урал.— Свердловск, 1986.— № 8.— С. 69—126.

Умирал дракон: Фантаст. рассказ // Енисей.— Красноярск, 1987.— № 5.— С. 29—37.

ГОЛОВКОВ, АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ (1957)

Экспертиза на искренность: Фантаст. повесть // Огни Кузбасса.— Кемерово, 1983.— № 3.— С. 23—41.

История любви: Фантаст. рассказ // Сельская правда.— Новокузнецк, 1983.— 29 октября.

Адаптация // Сельская правда.— Новокузнецк, 1985.

Улыбка Януса: Фантаст. рассказ // Огни Кузбасса.— Кемерово, 1987.— № 1.— С. 57—69.

ГРУШКО, ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВНА (1952)

Эксперимент // Грушко Е. Последний снег апреля: Рассказы.— Хабаровск: Кн. изд-во, 1984.— С. 44—72.

Добрыня: Сказочная повесть // Грушко Е. Добрыня; Последний чограм: Сказочные повести.— Хабаровск: Кн. изд-во, 1986.— С. 3—52.

Последний чограм: Сказочная повесть // Там же.— С. 53—112.

Женщина и смерть: Рассказ // Москва.— М., 1987.— № 6.— С. 116—121.

КАРПОВ, ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1952)

Мутант: Фантаст. рассказ // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1982.— 30 сентября.

«А ведь он прав...» // Молодость Сибири. // Новосибирск, 1983.— 12 июля.

Три горошины: Сказка XXI века // Наука в Сибири.— Новосибирск, 1983.— 29 декабря.— С. 7.

Высота 4100: Научно-фантаст. рассказ. // Наука в Сибири.— Новосибирск, 1984.— 26 января.— С. 7.

То же: Фантаст. рассказ // Сибирские огни.— Новосибирск, 1985.— № 12.— С. 60—63.

Две родины Капитана // Наука в Сибири.— Новосибирск, 1986.— 3 июля. С. 7; 10 июля. С. 8; 17 июля. С. 8.

КОСТМАН, ОЛЕГ ЛЕОНИДОВИЧ (1949)

Новая цель // Урал.— Свердловск, 1978.— № 11.— С. 188.

Предел совершенства: Рассказ // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1980.— 12 августа.

Товар лицом // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1981.— 30 апреля.

Ошибка дона Кристобая // Сибирские огни.— Новосибирск, 1982.— № 2.— С. 86—101.

То же // Дебют: Проза молодых.— Новосибирск: Кн. изд-во, 1986.— Вып. 2.— С. 297—327.

Избыточное звено: Фантаст. рассказ // Природа и человек.— М., 1983.— № 4.— С. 64—70.

Новаторский подход // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1983.— 12 июля.

Правда о потопе // ЭКО.— Новосибирск, 1984.— № 12.— С. 213—215.

То же, под назв.: Капитальный потоп // Строительная газета.— М., 1985.— 7 августа.

О чем мечтал вундеркинд: Юморист. рассказ // Сибирские огни.— Новосибирск, 1985.— № 6.— С. 89—90.

Кис-кис-кис: Фантаст. рассказ // На суше и на море: Повести: Рассказы: Очерки: Статьи.— М.: Мысль, 1986.— С. 281—286.

КРЫЛОВ, БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ (1949)

Рамка: Фантаст. рассказ // Байкал.— Улан-Удэ, 1980.— № 5.— С. 86—95.

Фотография на память: Фантаст. рассказ // Рыбоводство и рыболовство.— М., 1984.— № 4.— С. 25—27.

Возвращение // Молодежь Бурятии.— Улан-Удэ, 1986.

КУДРЯВЦЕВ, ЛЕОНИД ВИКТОРОВИЧ (1960)

Аппарат иллюзий: Фантаст. детектив // Красноярский комсомолец.— 1984.— 28 августа.

Лабиринт: Фантаст. рассказ // Енисей.— Красноярск, 1984.— № 5.— С. 10—15.

Новичок // Красноярский комсомолец.— 1986.— 6 мая.

Идея // Красноярский комсомолец.— 1986.— 6 мая.

Лапуня // Красноярский комсомолец.— 1986.— 21 октября.

Подпись // Красноярский комсомолец.— 1986. 21 октября.

Погоня // Красноярский железнодорожник.— 1986.

Необычная охота // Красноярский комсомолец.— 1987.— 28 апреля.

Верный способ: Фантаст. рассказ // Энергия.— М., 1987.— № 7.— С. 59—61.

КУЗНЕЦОВ, ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ (1951)

Чужак // Молодежь Бурятии.— Улан-Удэ, 1982.— 9 января.

В реке времени: Фантаст. повесть // Байкал.— Улан-Удэ, 1984.— № 1.— С. 72—91.

День начнется, когда откроются глаза: Фантаст. рассказ // Мы из страны Юность: Стихотворения и рассказы.— Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1984.— С. 80—104.

Раковина: Рассказ // Байкал.— Улан-Удэ, 1985.— № 5.— С. 69—71.

МЕЙКО (БАЛАНДИНА), ТАТЬЯНА ЕФРЕМОВНА (1964)

Новеллы о Роботе // Молодой ленинец.— Томск, 1981.— 19 марта.

То же, под назв.: Новеллы о роботе: Фантаст. рассказ // Парус: Сб. лит.-худож. и публ. произв.— М.: Мол. гвардия, 1985.— Вып. 5.— С. 160—161.

Осенние слезопадинки: Сказка в трех грустных рассказах с послесловием и морем слез // Лит. учеба.— М., 1984.— № 2.— С. 71—79.

То же // Парус: Сб. лит.-худож. и публ. произв.— М.: Мол. гвардия, 1985.— Вып. 5.— С. 154—159.

Простите, звезды // Молодой ленинец.— Томск, 1984.— 12 июля.

Солнце и туча: Сказка // Красное знамя.— Томск, 1985.— 21 июля.

Поговорим: Сказка // Там же.

Где кончается берег // Там же.

НОСОВ, ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ (1957)

ГДУ забунтовался, или К чему может привести создание искусственного интеллекта // Наука в Сибири.— Новосибирск, 1985.— 3 января.— С. 7.

Переезд // Собеседник: Сб. для юношества.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985.— Вып. 6.— С. 83—87.

ПИЩЕНКО, ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ (1952)

Равные возможности: Фантаст. рассказ // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1981.— 29 декабря.

То же, др. ред. // Собеседник: Сб. для юношества.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985.— Вып. 6.— С. 69—71.

То же, др. ред.: Pamфлет // Фантастика-86: Сб. научно-фантаст. повестей, рассказов, очерков.— М.: Мол. гвардия, 1986.— С. 239—241.

Колобок: История, в которой фантастика довольно тесно переплетена с реальностью // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1982.— 17 августа.

Командировка: Новогодняя фантастика // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1982.— 23 декабря.

То же: Фантаст. рассказ // К новым победам.— Коченево, 1983.— 1 января.

То же: Новогодняя фантастика // Собеседник: Сб. для юношества.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985.— Вып. 6.— С. 73—77.

Изобретатель // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1983.— 25 января.— Под псевд. МАКАТРОВСКИЙ В.

То же // Собеседник: Сб. для юношества.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985.— Вып. 6.— С. 71—73.

Рекламный проспект, или во что можно превратить старую добрую сказку: Фантаст. пародия в семи частях с прологом и эпилогом // Наука в Сибири.— Новосибирск, 1984.— 27 сентября.— С. 7.

РУБАН, АЛЕКСАНДР РЕВОВИЧ (1955)

Трус // Северная звезда.— Александровский район Томской обл., 1980.

Сказка: [Стихотворение] // Завтрашнее утро: Молодая поэзия Томской области.— Томск, 1982.— С. 5.— (Спец. прилож. к газ. Молодой ленинец.— Томск, 1982.— 30 октября).

Марсианский пейзаж: Ненаучно-фантаст. рассказ // Северная звезда.— Александровский район Томской обл., 1983.— 27 апреля.

Не то измерение // Молодой ленинец.— Томск, 1984.— 7 июля.

Земля — Сатурн // Молодой ленинец.— Томск, 1984.— 28 августа.

Простое решение: Маленькая повесть // Дебют: Проза молодых.— Новосибирск: Кн. изд-во, 1986.— Вып. 2.— С. 51—84.

СЫЧ, ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ (1949)

После начала: Рассказ // Дальний Восток.— Хабаровск, 1977.— № 7.— С. 152—153.

Детектив: Рассказ // Молодой дальневосточник.— Хабаровск, 1978.— 20 мая.

Микроб Вася: Рассказ // Дальневосточная юность: Творчество молодых: Проза: Поэзия.— Хабаровск: Кн. изд-во, 1978.— Вып. 1.— С. 162—165.

То же // Енисей.— Красноярск, 1985.— № 6.— С. 78—79.

Параллели: Рассказ // Молодой дальневосточник.— Хабаровск, 1979.— 7 июля.

То же // Уральский следопыт.— Свердловск, 1985.— № 8.— С. 43—46.

То же // Сыч Е. Параллели: Сб. фантаст., почти фантаст. и совсем не фантаст. историй.— Красноярск: Кн. изд-во, 1987.— С. 77—82.— Далее — Сб. 1.

Происшествие, которого не было, потому что с самого начала не должно было быть: Рассказ // Молодой дальневосточник.— Хабаровск, 1980.— 17 февраля.

Ступить на радугу // Молодой дальневосточник.— Хабаровск, 1981.— 26 декабря.

То же // Сб. 1.— С. 5—7.

Золотая ручка: Рассказ // Енисей.— Красноярск, 1985.— № 6.— С. 76—77.

Знаки: Фантаст. рассказ // Енисей.— Красноярск, 1986.— № 6.— С. 38—48.

Ныне отпущаеши: Повесть // Сб. 1.— С. 82—151.

ТИТОВ, ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ (1950)

И снова дела Кульчинские...: Рассказ из две тысячи... года // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1981.— 1 января.

Берегись: суперкино!: Монолог в ночном поезде // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1981.— 3 февраля.

Призрак ущелья Анны // Сибирские огни.— Новосибирск, 1982.— № 2.— С. 72—75.

То же // Снежный Август: Фантаст. рассказы.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985.— С. 187—196.

Робинзон // Сибирские огни.— Новосибирск, 1982.— № 2.— С. 75—83.

То же // Снежный Август: Фантаст. рассказы.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985.— С. 160—175.

Встреча // Там же.— С. 143—150.

Любаша с НЛО // Там же.— С. 150—160.

Дядюшка Уф // Там же.— С. 176—187.

Кстати о Сидорове // Ударник.— Петропавловское Алтайского края, 1982.

То же // Алтай.— Барнаул, 1984.— № 4. С. 133—135.

В предгорьях Алтая // Фантастика—85: Сб.— М.: Мол. гвардия, 1985.— С. 243—252.

УГАРОВ, ГАВРИИЛ СПИРИДОНОВИЧ (1940)

Вернуть открытие: Научно-фантаст. рассказ/Авториз. пер. с якут. Д. Биленкина // Полярная звезда.— Якутск, 1980.— № 5.— С. 77—84.

То же // НФ: Сб. научной фантастики.— М.: Знание, 1981.— Вып. 24.— С. 144—153.

Звезда Долбора: Повесть/Пер. с якут. В. Колупаева // Полярная звезда.— Якутск, 1985.— № 4.— С. 56—72.

УСПЕНСКИЙ, МИХАИЛ ГЛЕБОВИЧ (1950)

Легенда Крыма // Красноярский комсомолец.— 1981.— 14 июля.

Плюс на минус // Красноярский комсомолец.— 1981.— 1 сентября.

Соловьи поют, заливаются: Юморист. рассказ // Енисей.— Красноярск, 1981.— № 5.— С. 39—42.

Размножение документов // Московский комсомолец.— 1982. То же // Лит. Россия.— М., 1986.— 25 июля.— С. 21.

Желание славы // Лит. газета.— М., 1982.— 30 июня.— С. 16.

Болезнь // Первая борозда: Повесть и рассказы.— Красноярск: Кн. изд-во, 1982.— С. 174—177.

Мороз Иванович // Гудок.— М., 1983.— 1 января.

Дедушко // Лит. Россия.— М., 1983.— 25 февраля.— С. 21.

Про Шишмарева да Гапеева // Сов. молодежь.— Иркутск, 1983.— 25 июня.

Реверс // Лит. газета.— М., 1984.— 23 мая.— С. 16.

Два старых дедушки Лукич и Тимофеич // Сов. молодежь.— Иркутск, 1984.— 21 июля.

То же, под назв: Два старых дедушки: Рассказ // Крокодил.— М., 1985.— № 2.— С. 6.

Дорогие мои штанишки // Сов. молодежь.— Иркутск, 1984.— 21 июля.

Бедные люди: Рассказ бабушки XXI века // Лит. Россия.— М., 1985.— 1 февраля.— С. 21.

Эквадорские бананы: Гл. из триптиха «Аристократы» // Сов. молодежь.— Иркутск, 1985.— 13 апреля.

Граф во графьях: Из триптиха «Аристократы» // Сов. молодежь.— Иркутск, 1985.— 25 мая.

То же: Из цикла «Аристократы» // Енисей.— Красноярск, 1985.— № 3.— С. 76—77.

К роду отцов своих: Из цикла «Аристократы» // Енисей.— Красноярск, 1985.— № 3.— С. 77—78.

То же: Из триптиха «Аристократы» // Сов. молодежь.— Иркутск, 1985.— 22 июня.

Мелких дел мастер // Красноярский комсомолец.— 1986.— 15 июля.

Семь разговоров в Атлантиде: Фантаст. повесть // Енисей.— Красноярск, 1986.— № 4.— С. 36—45.

В ночь с пятое на десятое: Сатирич. повесть // Енисей.— Красноярск, 1987.— № 2.— С. 26—41.

Холодец // Химия и жизнь.— М., 1987.— № 5.— С. 87.

ФЕДОТОВ, ДМИТРИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ (1960)

И все-таки он пошел... // Собеседник: Сб. для юношества.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980.— Вып. 5.— С. 143—156.

Старик и девочка: Лирическая фантазия // Молодой ленинец.— Томск, 1981.— 18 июня.

ШАБАЛИН, МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1952)

Грибы на асфальте // Дебют: Проза молодых.— Новосибирск: Кн. изд-во, 1986.— Вып. 2.— С. 328—333.

ШВЕДОВ, АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1958)

Трудности контакта: Фантаст. рассказ // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1981.— 13 октября.

Лучший специалист фирмы: Рассказ // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1982.— 16 февраля.

Во имя живущих: Pamфлет // Тихоокеанский комсомолец.— Владивосток, 1983.— 12 ноября; 15 ноября.

То же // Наука в Сибири.— Новосибирск, 1984.— 26 апреля. С. 7; 10 мая. С. 7.

Третья стрела: Сказка для детей XXI века // Сибирские огни.— Новосибирск, 1983.— № 12.— С. 82—91.

То же // Собеседник: Сб. для юношества.— Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985.— Вып. 6.— С. 88—100.

Легенда о колыбельной // Молодость Сибири.— Новосибирск, 1984.— 12 января.

Составитель Г. Л. КУЗНЕЦОВ

ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий указатель является выпиской из библиографического указателя «СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА».

В данном указателе рассматривались только публикации фантастических произведений молодых сибирских авторов — участников семинара.

Отличительной чертой данного указателя является хронологическое расположение публикаций: первых публикаций каждого произведения рассматриваемого автора, а также всех публикаций каждого отдельного произведения, что дает возможность рассматривать творчество конкретного автора в развитии.

На абсолютную полноту указатель не претендует.

Сборник выпущен по разрешению
Госкомиздата РСФСР в редакции,
предложенной Советом Семинара
молодых писателей Сибири и Дальнего Востока,
работающих в жанре фантастики и приключений.

СОСТАВ СОВЕТА

ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕГО СЕМИНАРА
МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА,
РАБОТАЮЩИХ В ЖАНРЕ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

- ВЛАДИМИРСКИЙ А. Н. — главный редактор
Главной редакции художественной и детской литературы
Госкомиздата РСФСР, г. Москва
- ГУЛЯКОВСКИЙ Е. Я. — член СП СССР, г. МОСКВА
- ДЕРЕВЯНКО А. П. — академик АН СССР,
директор института истории, философии
и филологии СО АН СССР, г. Новосибирск
- КОЛЕСНИКОВ С. И. — доктор медицинских наук, директор
Восточно-Сибирского филиала СО АМН СССР, г. Иркутск
- ЛАПИН В. П. — член СП СССР, г. Иркутск
- МЕДВЕДЕВ Ю. М. — член СП СССР,
заведующий отделом прозы журнала «Москва», г. Москва
- МИХЕЕВ М. П. — член СП СССР, г. Новосибирск
- ПАВЛОВ С. И. — член СП СССР, г. Москва —
председатель Совета Семинара
- ПИЩЕНКО В. И. — ответственный секретарь
журнала «Сибирские огни», г. Новосибирск —
староста Семинара
- ПРАШКЕВИЧ Г. М. — член СП СССР, г. Новосибирск
- СЕВАСТЬЯНОВ В. И. — летчик-космонавт СССР, г. Москва
- ХАНБЕКОВ Л. В. — зам. главного редактора
Главной редакции художественной литературы
Госкомиздата СССР, г. Москва
- ШМОЙЛОВ М. А. — заведующий отделом
культуры ЦК ВЛКСМ, г. Москва
- ЩЕРБАКОВ В. И. — член СП СССР, заведующий
редакцией ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», г. Москва
- ЯРУШКИН А. Г. — ответственный за выпуск
сборников «Румбы фантастики», г. Новосибирск

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

ШКОЛА ЕФРЕМОВА

И. ЕФРЕМОВ. Прелесть необычайного	8
Ю. МЕДВЕДЕВ. Предчувствие великой судьбы	11
Г. ПРАШКЕВИЧ. Он был личностью	15

СЕМИНАР

Александр БУШКОВ. Дождь над океаном	18
Елена ГРУШКО. Голубой кедр	74
Василий КАРПОВ. Высота 4100	114
Мутант	120
Две родины Капитана	122
Владимир КЛИМЕНКО. Конец карманного оракула	139
Евгений НОСОВ. Следовательно — живет	154
Виталий ПИЩЕНКО. Командировка	162
Начни сначала	165
Изобретатель	168
Равные возможности	170
Баллада о встречном ветре	173
Александр СКРЯГИН. Свой спрос	183
Те, кто не умеют считать	191
Исчезновение Филиппа Гудзарди	199
Евгений СЫЧ. Знаки	208
Владимир ТИТОВ. Кратер	231
Игорь ТКАЧЕНКО. Советы начинающим	244
...Тоже результат	251
Гавриил УГАРОВ. Кольцо земное	253
Дмитрий ФЕДОТОВ. Обыкновенные деревья	260
Олег ЧАРУШНИКОВ. Фиаско Петухова	267
Утковос	270
Анатолий ШАЛИН. Райская жизнь	271
Авторитет	298
Объявление	308

ГОСТИ СЕМИНАРА

Николай БУРЯК. Дело Рыжего	320
Василий ЗВЯГИНЦЕВ. Уик-энд на берегу	323
Хотеть — значит, мочь	329
Игорь ПИДОРЕНКО. Мухобой	344
Две недели зимних четвергов	355
Александр СИЛЕЦКИЙ. Программа на успех	363
Глиняные годы	373
Игорь ФЕДОРОВ. Лабиринт	394

ПРЕЛЕСТЬ НЕОБЫЧАЙНОГО

Владимир ЩЕРБАКОВ. Века Трояновы 400

ПЕРЕКРЕСТОК МНЕНИЙ

Геннадий АЛЕКСЕЕВ. У книжной полки 456

Андрей ДМИТРУК. Я верю в КЛФ 496

Николай ПОЛУНИН.— Отвлеченные мысли на конкретную тему 499

Г. Л. КУЗНЕЦОВ. Библиографический указатель . . . 502

ВСЕСОЮЗНОЕ АГЕНТСТВО ПО АВТОРСКИМ ПРАВАМ
ЭКСПОРТ И ИМПОРТ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ

СССР, 103670, ГСП, Москва,
Б. Бронная, 6а, ВААП

Сибирское отделение ВААП
630099, Новосибирск, 99, а/я 26

РУМБЫ ФАНТАСТИКИ

Сборник фантастических рассказов
и повестей

Составитель А. Г. ЯРУШКИН

Редактор О. И. Мухина

Художник С. С. Мосиенко

Художественный редактор А. Н. Медведев

Технический редактор М. Н. Коротаева

Корректор В. К. Кречетникова

Сдано в набор 18.02.88. Подписано в печать 28.04.88. МН 00133.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура обыкновенная новая.
Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт. 27,09. Уч.-изд.
л. 29,14 Тираж 70000 экз. Заказ № 1118. Цена 4 р.

Новосибирское книжное издательство, 630104, Новосибирск, ул. Крас-
ноярская, 112, 4-я тип. изд-ва «Наука», 630077, Новосибирск,
ул. Станиславского, 25

4 p.

ІНСТИТУТ
УМБЫ
АНТАСТИКИ

сборник

УМБЫ
АНТАСТИКИ